

ББК 63.3(2Камч)
В74
УДК 908(571.66)

Рецензент: канд. ист. наук, доцент Н. В. Толкачева

Вопросы истории Камчатки. Выпуск 4. — Петропавловск-Камчатский: Холд. комп. «Новая книга», 2009. — 496 с.

Рубрика «Камчатская историческая библиотека» посвящена событиям героической Петропавловской обороны 1854 г. и включает малодоступные источники второй половины XIX в. Авторские статьи рубрики «Восполняя белые пятна» рассказывают об истории создания ряда населенных пунктов, судоходных компаний и периодических изданий, показывают деятельность органов финансового контроля, впервые раскрывают драматические взаимоотношения, складывавшиеся в первой трети XX в. между государственными органами и православными общинами. Новая рубрика «От первого лица» включает автобиографические материалы, рисующие общественно-политическую обстановку в Петропавловске в середине 1960-х гг. и характеризующие умонастроения значительной части творчески активного населения города.

Издание адресовано всем интересующимся историей Северо-Востока России.

Ответственный редактор С. В. Гаврилов

© Холдинговая компания
«Новая книга», 2009
© С. В. Гаврилов,
составление, 2009
© Авторы, 2009

ISBN 978–5–87750–154–6

СОДЕРЖАНИЕ

Сведения об авторах	4
---------------------------	---

КАМЧАТСКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

<i>В. К. Войт.</i> Камчатка и ее обитатели	7
Петропавловский бой	29
<i>А. П. Сильницкий.</i> Архивные материалы к истории событий на Дальнем Востоке России с 1847 по 1855 год, извлеченные из дел Владивостокского портового архива	32
<i>Ю. Г. Завойко.</i> Воспоминания о Камчатке и Амуре (1854—1855)	83
<i>Н. А. Фесун.</i> Из записок офицера, служившего на фрегате «Аврора»	94

ВОСПОЛНЯЯ БЕЛЫЕ ПЯТНА

<i>Е. В. Глинчикова.</i> Православие и советское государство на Камчатке в 1920-х — начале 1930-х гг.	120
<i>А. С. Сесицкая.</i> Краткий очерк истории развития камчатской печати в первой половине XX века	206
<i>В. И. Борисов.</i> Из истории населенных пунктов полуострова Камчатка	234
<i>Д. А. Коростелев.</i> Из истории государственного финансового контроля на Камчатке в XVIII — начале XX вв.	299
<i>С. В. Гаврилов.</i> Организационные структуры морского торгового флота Камчатского бассейна в 1920-х — 1960-х гг.	358

ОТ ПЕРВОГО ЛИЦА

<i>В. П. Пустовит.</i> Опасное увлечение	421
Именной указатель	488

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Борисов Виктор Иванович — историк, краевед, действительный член Русского Географического общества (РГО). Родился на Камчатке. Выпускник исторического факультета Камчатского государственного педагогического института (КГПИ). Область научного интереса — история населенных пунктов Камчатки. Автор четырех книг, инициатор издания книг шведских путешественников о Камчатке: «Деревня в тени вулканов» и «По дикой Камчатке». Автор сценариев двух фильмов о полуострове. Составитель серии сборников «Пойдем ныне по своему Отечеству...» Публиковался в ежегоднике «Вопросы истории рыбной промышленности Камчатки», журнале «Неизвестная Камчатка», автор многочисленных статей в периодических изданиях. Первая краеведческая публикация «Ительмены. Кто они?» вышла в 1987 г.

Гаврилов Сергей Витальевич — преподаватель мореходного факультета Камчатского государственного технического университета (КамчатГТУ). Родился на Камчатке. Окончил механический факультет Дальрыбвтуза. Области научного интереса: история развития судовой техники, история морского транспортного и рыбопромышленного освоения охотско-камчатского побережья. Автор восьми книг, ряда научных, учебно-методических и научно-популярных работ. Публиковался в журналах «Морской флот», «Дальний Восток», «Краеведческие записки», «Неизвестная Камчатка». Инициатор издания и редактор ежегодников «Вопросы истории рыбной промышленности Камчатки» и «Вопросы истории Камчатки». Действительный член РГО, член Союза журналистов России, член Союза писателей России, лауреат премии имени С. П. Крашенинникова.

Глинчикова Елена Викторовна. На Камчатке — с детских лет. Выпускница исторического факультета Камчатского государственного университета им. Витуса Беринга (2007 г.). Ученица Крашенинниковских и Свято-Инноцентьевских чтений, публикуется с 2005 г.

Коростелев Дмитрий Анатольевич — заместитель председателя контрольно-счетной палаты Камчатского края. На Камчатке с 1983 г. Выпускник экономического факультета КамчатГТУ (2001 г.), Камчатского филиала Дальневосточного государственного университета (ДВГУ) по специальности «Государственное право». Публиковался в сборниках материалов областных Крашенинниковских чтений, сборниках трудов Камчатского филиала ДВГУ. Автор ряда статей по проблемам государственного финансового контроля.

Пустовит Валентин Петрович — историк, писатель. На Камчатке с 1953 г. Окончил филологический факультет КГПИ. Области научных интересов: история революции, гражданской войны и политических репрессий на Северо-Востоке России. Автор пяти книг, публиковался в журналах «Неизвестная Камчатка», «Дальний Восток», «Казачий вестник», ежегодниках «Вопросы истории рыбной промышленности Камчатки» и «Вопросы истории Камчатки», сборниках материалов краевых Крашенинниковских чтений. Первая историческая публикация об убийстве С. М. Кирова «Закат на рассвете» вышла в 1988 г. Член Союза писателей России.

Сесицкая Анастасия Сергеевна — начальник отдела публикации и использования документов Государственного архива Камчатского края. Родилась на Камчатке. Окончила исторический факультет Камчатского государственного педагогического университета (КГПУ). Область научных интересов — культурная и общественно-политическая жизнь Камчатки XX в. Публиковалась в журнале «Краеведческие записки», сборниках трудов КГПУ, сборниках материалов Крашенинниковских чтений.

КАМЧАТСКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

Героическая Петропавловская оборона 1854 г. еще долго будет привлекать к себе внимание как начинающих любителей камчатской старины, так и серьезных исследователей. Библиография этого события насчитывает не одну сотню источников, изданных в разные годы и с различной полнотой и точностью описывавших происходившее. Достаточно упомянуть лишь великолепный сборник официальных документов, воспоминаний, статей и писем «Защитники отечества», составленный известным историком Б. П. Полевым и вышедший в Петропавловске-Камчатском вторым изданием в 1989 г.

Сегодня мы представляем вниманию читателей «Вопросов...» пять оригинальных источников, затрагивающих эту тему и датированных 1855—1890 гг. Самый ранний из них — книга «Камчатка и ее обитатели» — принадлежит перу морского офицера В. К. Войта. Она стала первым отдельным изданием, предназначенным для широкой публики, содержащим, помимо прочего, описание Петропавловского боя. Ее рукопись подготовлена не ранее декабря 1854 г., а сама книга вышла в свет в 1855 г.

Второй материал — статья «Петропавловский бой» неизвестного автора — взята нами из газеты «Владивосток», увидевшей свет 5 августа 1890 г. Она рассказывает о подготовке к празднованию тридцать шестой годовщины обороны и включает фрагментарное и весьма приблизительное описание минувших дел, но проникнута высокопатриотическим духом и содержит призыв будущим поколениям «не забывать доброго прошлого Родины».

Третья работа — книга А. П. Сильницкого «Архивные материалы к истории событий на Дальнем Востоке России с 1847 по 1855 год, извлеченные из дел Владивостокского портового архива». В других своих трудах, посвященных Камчатке, автор также обращался к событиям 1854 г., восхищаясь личностью первого камчатского губернатора В. С. Завойко. Мог ли он думать о том, что спустя всего семь лет после написания этой книги ему самому предстоит возглавить оборону Камчатки от иноземных захватчиков в ходе русско-японской войны, будучи начальником Петропавловского округа?

Вот фрагменты приказов А. П. Сильницкого, датированных 1904 г. и содержащих ссылки на события полувековой давности: «Сколько бы врага не появилось на Камчатском полуострове, откуда бы он не появился,

будем его бить во славу Царя и Отечества без всякого милосердия, и, глубоко убежден, победим... Наша защита — беспредельная преданность всего населения Камчатки Обожжаемому Монарху Николаю II, вере православною и горячо любимой Родине и полная готовность каждого камчатского жителя, без всякого исключения, стоять за честь России, как стояли отцы и деды с 17 по 24 августа против англо-французской эскадры. И братская могила, и памятник Славы, что в Петропавловске, да будут порукой совершенной истины моих слов, идущих из глубины души верноподданного... Прошу глубоко верить, что на Камчатке ни при каких условиях не будет нарушена такая дорогая всякому верноподданному честь Русского имени...»

Содержание книги воспроизводится по изданию 1897 г. типографии штаба Приамурского военного округа в Хабаровске. При подготовке к публикации опущены введение и главы 18, 19 и 20: «Ввод судов Камчатской флотилии в устье реки Амура, к посту Николаевскому», «Постройка в Николаевске укреплений», «Приказы Муравьева», не имеющие непосредственного отношения к событиям на Камчатке.

Четвертый материал — часть воспоминаний Ю. Г. Завойко, супруги руководителя Петропавловской обороны В. С. Завойко. Полностью они публиковались дважды: в журнале «Русский вестник» (т. 123, с. 442—504) и отдельной книгой, вышедшей в Москве в 1876 г. Значительная часть воспоминаний воспроизведена в 1989 г. в упомянутом выше сборнике «Защитники отечества» (с. 101—127). В настоящем издании нами опущены описания подготовки Петропавловского порта к обороне и боевых действий в августе 1854 г., а также события, имевшие место в 1855 г. в устье реки Амур.

Завершает подборку фрагмент записок офицера фрегата «Аврора» лейтенанта Н. А. Фесуна, впервые увидевших свет в 1860 г. в журнале «Морской сборник». Здесь воспроизводятся материалы, охватывающие период с 27 августа 1854 г., времени ухода англо-французской эскадры из Авачинской губы, до 6 апреля 1855 г., дня, когда Петропавловский порт покинули его защитники. Интересующихся подробностями боевых действий в августе 1854 г. в изложении Н. А. Фесуна вновь отсылаем к «Защитникам отечества» (с. 150—169).

Помимо знакомства широких слоев читателей с малоизвестными свидетельствами славных событий, разворачивавшихся в Петропавловске в середине XIX в., публикацией этих работ мы преследуем еще одну цель: показать своеобразные и давно забытые быт, нравы и занятия камчатских жителей того времени.

В. К. ВОЙТ

КАМЧАТКА И ЕЯ ОБИТАТЕЛИ

с видом города Петропавловска, планом
и описанием сражения 20 и 24-го августа

Войт Владимир Карлович — капитан-лейтенант (1847), действительный статский советник (1863). После окончания Морского корпуса (1831) произведен в мичманы и оставлен при корпусе для продолжения учебы в Высшем офицерском классе. В 1831—1834 гг. плавал в Балтийском море. В 1835 г. произведен в лейтенанты и прикомандирован к Морскому корпусу. В 1839 г. назначен адъютантом к главному командиру Свеаборгского порта. В 1844 г. на фрегате «Константин» перешел из Архангельска в Кронштадт. В 1850 г. уволен в чине надворного советника. Продолжил службу в Санкт-Петербургской портовой таможне. В 1868 г. уволен со службы. В 1848 г. в «Морском сборнике» опубликовал статью «Описание морской игры», в которой впервые в русском флоте попытался сформулировать цели и задачи морских игр и условия их проведения. Автор книги «Воспоминания и впечатления» (1887) [Словарь биографический морской / Авт.-сост. В. Д. Доценко. — СПб., 2000. — С. 85].

Отпечатана в 1855 г. в Санкт-Петербурге в типографии городской полиции. Печать позволяет с тем, чтобы по отпечатании представлено было в Ценсурный Комитет узаконенное число экземпляров.

С.-Петербург, 5-го декабря 1854 года.

Ценсор *В. Бекетов*

Велика и необъятна Россия, разнообразна она и климатами, и народами, привольно раскинулась в трех частях земного шара; когда одни из ея жителей отходят ко сну, другие пробуждаются к дневным заботам; и молитвы на сон грядущий и утреннего бдения, произносимыя на том же родном языке, в одно и тоже время встречаясь у Престола Всевышняго, молят об одном и том же: Православном Царе и о матушке России!

Велика, необъятна ты, православная! На юге у тебя собирают виноград и пшеницу полуодетыя жители, томимыя жаром, на севере в тоже время в меховой броне жмется семья к очагу в тесной юрте; довелось подстрелить лютаго зверя или дорогога зверька, и семья счастлива, потому что сыта! Не удалось, и она горюет, что нужно зарезать одного из оленей, этих вечных спутников, это живое богатство севернаго обитателя.

Кажется, печальна, безотраднa эта жизнь... Вечный мрак или тусклый свет севернаго сияния большую часть года обозначают эту безконечную пустыню, в которой человек живет семьями, а не обществом. Но переселите его оттуда на юг, и бедный Самоед или Коряк погибнет от жара — в лихорадке, не поймет роскоши природы — он привык к тундрам.

КАМЧАТКА
И
ЕЯ
ОБИТАТЕЛИ.

СЪ
ВИДОМЪ ГОРОДА ПЕТРОПАВЛОВСКА,
планомъ и описаніемъ сраженія
20 и 24-го августа.



САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ВЪ ТИПОГРАФИИ С.-П.-В. ГОРОДСКОЙ ПОЛИЦИИ.

1855.

Титульный лист книги В. К. Войта «Камчатка и её обитатели», 1855 г.

Русский народ всем готов жертвовать и жертвует, — чтобы защитить свое отечество, свое православие, которым он дорожит, как своею святынею, и ищет случая, чтобы только выказать себя каким-нибудь самоотвержением, — готовностью умереть честно перед своими братьями великой России, связанными между собою как одно мощное сочувствующее тело. Но обратимся собственно к нашему предмету — к Камчатке.

17-го августа был сделан сигнал с Дальнего телеграфа: в море видны неприятельские суда. Это известие пробудило геройство отдаленного Петропавловска и, несмотря на то, что неприятель был в пять раз сильнее бедной и пустынной колонии, он принужден был возвратиться со стыдом, не причинив никакого вреда. Жители Камчатки, согретыя общим чувством любви к родине, подобно своим вешним цветам, которые, выбившись из-под снега продолжительной зимы, — часами зреют в блестящих красках в упоительном и сильном аромате. Подобно им, можно сказать, наши храбрецы выразили себя геройским делом и обратили внимание Царя и Отечества.

Самая северная полоса России, на пространстве с лишком 13 000 верст прилегая к Ледовитому морю, покрыта болотами, тундрами и необъятной высоты раскинувшимися кряжами гор; дикие птицы смело выют свои гнезда; хищные звери не забегают в эту пустыню, лишь временем Якут прикочует для рыбной ловли, а Самоед покормит оленей мохом, когда солнце пригреет эту оледеневшую почву. Но лишь эту пустыню занесет снегом, они бегут южнее, где зима не так сурова, снег не так глубок, и олени могут добывать мох, разрывая его копытами. Пробежав эту северную безотрадную часть России, мы увидим, что берег у Берингова пролива круто поворотил от Америки и, спускаясь ниже, жмется к родной Азиатской России, омываясь Восточным океаном и Охотским морем.

Этот полуостров, как известно, — Камчатка.

Сначала она, от реки Анадыр, та же пустыня, летом покрытая мхом, то же снежное волнистое пространство зимою — это жилище Чукок и Коряков.

Потом от реки Алютор, как бы выйдя из-под снеговаго гнета, начинают появляться горы, поросшие лесами. Ниже, от реки Ука присоединяется к обилию леса плодотворность огородной растительности. Еще далее горы поднимаются в страшной высоте; между ними, как исполины, стоят курящиеся сопки, производящая страшныя землетрясения. У оконечности Камчатки (мыса Лопатки) берега ровныя, болотистыя, безлесныя и безлюдныя.

Фигура полуострова похожа на продолговатый эллипс; длина его около 2 400 верст, в широте $59\frac{1}{2}$ градусов; он так узок, что, по достоверным известиям, с высоких гор в ясную погоду видны оба омывающих его моря, а между устьями рек Тигиля и Камчатки 415 верст, и эта наибольшая ширина полуострова.

От южной оконечности или от мыса Лопатки тянется продолговатый, почти во всю длину полуострова хребет гор, разделяющий Камчатку почти на две равные части; от него в разных причудливых направлениях поперек Камчатки тянутся другие хребты почти до восточных и западных склонов полуострова, многие из них пропадают на низменностях морского берега; другие, как бы выступая в море, с размаху падают в него, образуя мысами заливы, схожие по величине с морями. На восточной стороне вообще берег возвышеннее, громаднее, полнее дикаго величия, нежели западный, довольно плоской.

Между этими поперечными хребтами, покрытыми лесами, образуются широкия долины, полныя растительности, по которым текут быстрыя реки, а по их берегам живут 5 000 разноплеменных душ мужескаго и женскаго пола.

Хлебопашество даже в обширной долине по реке Камчатке неблагоприятно, и главное затруднение составляет иней, падающий внезапно во время лета. При Великой Императрице Екатерине II отправлено было сюда несколько крестьянских семей с рогатым скотом, лошадьми и разными необходимыми потребностями. Этих крестьян поселили в двух деревнях по реке Камчатке, у ея устья — Минькова, а другая, Ключевская, у подошвы Сопки (того же названия). Хлеб сначала у них родился довольно хорошо, но в последствии эти переселенцы, приняв обычаи страны, нашли более выгодным пушной промысел.

Огородныя овощи здесь рождаются в изобилии и замечательны по своей величине; к ним нужно присоединить разныя питательныя травы и коренья.

Равнины по берегам рек изобилуют травой выше роста человеческого; случается, что в одно лето косят по три раза. По известиям 1850 г. на полуострове было до 800 лошадей и 1 900 голов рогатаго скота.

Лес растет только внутри полуострова, по пологости гор и по рекам; восточный берег Камчатки изобильнее западнаго; здесь лес растет даже близ моря. Суровость климата происходит от близости окружающих морей и снеговых гор. Зима и осень составляют большую половину года; деревья начинают зеленеть в исходе мая, и в начале августа падает иней. Зима умеренная и постоянная; в Петропавловске от $5\frac{1}{3}$ до 18° , во внутренних местах от 20° и доходит до 40° по Реомюру. Январь холоднее прочих месяцев. Частыми выюгами иногда заносятся даже селения. Лето влажно и холодно, когда ветер дует со снеговых гор. Редко погода стоит хорошая в продолжении недели; нет дня, который бы начинался туманом вроде дождя, пропадающаго только к полудню.

В местах же отдаленных от моря, так сказать, в середине полуострова, около Верхне-Камчатска, климат совсем иной; с апреля до июля ясная погода, до исхода августа продолжаются дожди, а зимою выпадает глубокий снег, сильные ветры редко дуют и не продолжительны.

Езда по Камчатке обыкновенно бывает в сентябре, октябре, феврале и марте месяцах. Восточные и юго-восточные ветры, дующие в ноябре, декабре и январе, сильны и продолжительны, так что трудно противу их держаться на ногах, этими ветрами наносит лед, а иногда с ними морских бобров к истоку реки Камчатки.

Солнечные лучи так сильно отражаются от снега, что жители загорают или, лучше сказать, съеживаются, лицо трескается, покрывается струпьями, и временем Камчадалы даже лишаются зрения; в предохранение от этого они носят сетки, сплетенные из конских волос. Град случается часто, как летом, так и осенью; молния и гром редко бывают, землетрясения, как уже сказано, часты, от большого числа сопок, находящихся в восточной части полуострова. Замечательные из них: Авача на северной стороне Авачинской губы; в виду, или, лучше сказать, у ее подножия Петропавловский порт. Вечно покрытая снегом, наподобие обрезанного шатра, она высится как одинокий исполин в 8 278 футов и вечно дымится, не извергая огня; она окружена рядами высоких гор, едва достигающих до половины ее колоссального роста.

Эти горы, расположенные рядами один другого выше, лесисты, исключая их вершин. Первое извержение было в 1737 г., сопровождавшееся страшным землетрясением, распространившимся на самые отдаленные места. Море до того волновалось, что валы вышиною в 30 сажень взбегали на берег, и в проливе на дне морском видели каменные горы, о которых никто и не помышлял; местами пепел на вершок покрывал землю. Много жителей погибло от наводнения и разорилось. В некоторых местах луга сделались холмами, а поля — морскими заливами. Последнее извержение было в 1826 г. с водою, сопровождавшееся ужасным землетрясением, и вслед за водою выбросило пепел, покрывший на два вершка окрестность на сто верст.

Толбачинская, между реками Камчаткою и Толбачиком, курится с давних лет; в 1739 г. выкинула огненный шар, зажегший лес по окрестным горам. Кроме легкого землетрясения, ничем не сопровождалось это явление.

Ключевская, в 16 131 фут; она до двух третей высоты своей состоит из гор, расположенных как и у Авачи. В ясную погоду ее видно из Верхне-Камчатска верст за 300; перед ненастьем вокруг ее шатра замечают облака в три ряда. Дым из нее выходит безпрестанно, но горит она почти раз в год и тогда освещает русских переселенцев, живущих здесь, как солнце.

По рассказам жителей, пепел из нея выметается каждый год по два и по три раза, так что иногда на триста верст расстояния земля покрывается на вершок. В 1737 г. внутреннее пламя, пробившись сквозь трещины горы, представляло ее как бы всю горящую; пламя устремлялось иногда вниз, подобно огненной реке, внутри горы слышен был сильный гром и треск... Это извержение продолжалось с неделю, не причинив несчастья и повреждения. Штеллер

замечает, что горят только одинокия горы, а не хребты гор; все оне имеют снаружи сходство, и на самых вершинах потухших гор образуются озера.

В Камчатке есть много горячих целительных ключей. Более известны Малкинския, где была устроена больница в 1819 г., и Паратунския. Эти серно-железистые источники имеют чудное свойство быстро уничтожать разныя наложныя сыпи, ревматическия боли и телесныя изнурения; в особенноти Малкинския хороши от меркуриальных приемов.

Жители различаются по наречиям следующим образом от севера. 1) Племя Корякское, оленное или кочующее. 2) Корякское сидячих, то есть живущее в земляных юртах. 3) По восточную часть продольнаго хребта: Алюторцы. 4) Укинцы по реке Уки. 5) Собственно Камчадалы по реке Камчатке. Потом идет пустынное и ныне безлюдное пространство вплоть до мыса Лапатки. Из этого числа мы исключаем Петропавловский порт, населенный служащими отставными, их семействами и купцами. 6) От мыса Лапатки по западному берегу до Большерецка: Явинцы и Голыгинцы; их наречие схоже с жителями Курильских островов; здесь в озерах добывается жемчуг, но не в большом количестве. 7) От Большерецка до реки Аблуковины Большерецкое. 8) Отсюда до реки Тигиль — Пенженское. 9) От Тигила на север — Паланское.

В этой дикой стране Коряки кочующие переходят с табунами с одного места на другое; Алюторцы и сидячие Коряки живут в землянках, а летом в деревянных балаганах отдельными семействами в острожках, так называется по-камчатски каждое селение, состоящее из нескольких юрт и балаганов. Чтобы поставить юрту, выкапывают землю аршина на два глубины. В средину этой ямы ставят четыре толстых столба, на сажень разстояния один от другого, на которые кладут перекладины, а потом накатывают потолок, оставляя четырехугольное отверстие, служащее вместе и окном, и дверью. Потом с боков обносят бревнами, жердями и покрывают травой. Так что юрта снаружи представляет круглый небольшой холмик, хотя внутри она четырехугольная. У одной из продолговатых стен ставят очаг с особенным выводом наружу. По стенам делают прилавки, где спит семья. Около очага на земле или на полках ставят домашнюю посуду, состоящую из деревянных чаш, корыт и котла; к числу домашней принадлежности относятся нарты и лодки. Украшений внутри юрт нет никаких. В них живут от осени до весны, потом переселяются в балаганы, служащие им и амбарами. Чтобы построить балаган, утверждают в земле двухсаженные бревна в три ряда в равном разстоянии; эти столбы связываются перекладинами, на которых мостят пол кольями, в значительном разстоянии от земли, устилая его травой; сверху пола из кольев же делают остроконечный шатер, сплетенный из прутьев, и его покрывают травой. Двери делаются с двух сторон одна против другой. Подобные балаганы не только находятся при зимнем жилье, но и в местах рыбнаго промысла, где под ними досушивают рыбу во время мокрой погоды,

а, возвращаясь домой, оставляют запас провизии до зимы в этих летних балаганах без караула, сняв только лестницу, без которой хищные звери не могут сюда проникнуть. Всякий острожек, выстроенный при реке, почитает ее за свое владение.

Если же семья захочет разделиться, то переселяется на другую реку или помещается выше или ниже на значительном расстоянии. Это мы сказали о сидячих Коряках и Алюторцах, а прочие обитатели Камчатки живут в домах, подобно нашим крестьянским избам, и иные содержатся в особенной чистоте. Там вы не редко встретите людей грамотных.

Средняя часть Камчатки своим научным просвещением обязана Ивашкину (ссылный бывший офицер Петр Матвеевич Ивашкин (1723—1806). В 1742 г. обвинен в заговоре против императрицы Елизаветы Петровны, образован, знал несколько языков. — *Ред.*), память которого до сих пор почитается и в третьем поколении; народ ходит помолиться на его могилу, находящуюся в Верхне-Камчатске.

В 1830 г. здесь было до 11-ти церквей и духовное училище, в котором обучались и дети Камчадалов, имевшее благотельное и большое влияние на этих жителей, которые большею частию все русские обычаи переняли от живущих там казаков, поселенцов и от посещающих их купцов и мореплавателей. Если заезжий остановится у таены, то есть старосты, то встретит не один радушный прием, но и найдет сахар, чай, овощи и масло. Хитрый, предусмотрительный Камчадал бережлив от недоверчивости, а потому и достаточен. Желая казаться выше своего состояния, он любознателен. В семействах они большею частию живут в некоторой подчиненности у женщин. Одним словом, Камчадал составляет средину между русским мужиком и звероловом, заняв оседлые привычки у одного, он не покинул живость, предприимчивость и хитрость другого. Алюторцы и сидячие Коряки ленивы и до крайности неопрятны: не умываются, едят из одной посуды с собаками и никогда ее не полощат, вообще пахнут рыбаю и волос не чешут.

Камчадалы вообще телом смуглы и черноволосы, малобородые, глаза маленькия, впалыя и огненные, лица плоския, щеки одутловатые, губы толстые, рот большой, плечисты и росту средняго; в отношении нравственности отличаются робостию, хвастовством, раболепством к строгим и неуважением перед ласковыми. Водка и табак едва ли не главные двигатели всех их желаний и помышлений, и чем более Камчадал пьет, тем более увеличивается в нем эта страсть, для насыщения которой уже нет пределов, нет ничего заветнаго.

Сладострастие возбуждается пением, пляскою и рассказами. Они любят праздность и уверены, что нет жизни краше их, и никто более их не испытывает и не пользуется удовольствиями.

Язык камчатский выговаривается половиною в горле, а половиною во рту; это произношение тихо, трудно и сопряжено со странными телодвижениями.

Зимнее платье мужчин и женщин почти одинаковое, из оленьих кож, верхнее — кухлянка, двойное, шерстью вверх и вниз, с небольшим разрезом на шее. Головная меховая шапка плоская, с длинными концами, называется малахай, из лисьих лапок; сапоги тоже двойные, мехом вверх — тарбосы. Этот зимний костюм повсеместный. Летний же зависит от достатка каждого. Оседлые ходят большею частию в тканых куртках, сюда привозимых; кочующие Аллюторцы — в камлейках роудужных, выделанных из оленьей кожи вроде замши.

Летом, где нет по рекам судоходства, ходят пешком; мужчины носят тяжести на плечах, а женщины на голове. Зимой ездят на собаках, запрягая их попарно гуськом в сани и нарты, вроде легких дровень. Передняя в этой упряжи есть путеводитель по снеговой безследной пустыни; за нее платят около 100 руб. ассигнациями. Этих собак, разделяющихся на скакунов, иноходцев, рысаков, скорее можно принять за домашних волков. От их хищности и от страшного количества огромных крыс трудно содержать домашних птиц. Собаки, кроме лета, постоянно на цепях; но если сорвутся, беда той, которая будет повалена, ее разорвут на части; были примеры, что оне заедали лошадей.

Запрягают ремянными постромками первую пару от саней — скакунов, средняя — иноходцы и потом рысаки. Вожжей нет; чтобы поворотить вправо, кричат: «Ках! Ках!» Влево: «Хугг! Хугг!» С гортанным выговором попукательное слово: «Хха! Хха!», остановить — среднее между «Мя» и «Ня». Ездок помещается верхом или боком и должен стараться сохранить равновесие; в противном случае узкия и высокие санки на самых малых раскатах опрокидываются, и тогда собаки убегают, оставляя путешественника на произвол случая. Иногда, почуя зверя, они дружно устремляются по его следу; и тогда, чтобы остановить их порыв, выдвигают вроде толстой палки — оштол, впереди нарты, которая останавливается на ней, как на якоре при первом соприкосновении с сугробом или кочкою. На крутые горы обыкновенно нужно идти пешком. Когда застанет метель и выюга в открытом месте, ложатся вместе с собаками и ждут затишья, иногда по несколько дней. Собаки, обыкновенно, лежат очень смиренно, но от голода иногда объедают все ремни; для езды их обыкновенно холостят. Весною, когда пропадет снег и прекращается их служба, собак отпускают на волю, и они кормятся по своему произволу, выкапывая мышей из нор и на реках промышляя рыбою. В октябре каждый хозяин их собирает и, привязав у своих балаганов, выдерживает до тех пор, пока спадет жир, для легкости бега. В летнее время мужчины ловят рыбу, сушат ее, перевозят от моря к своим жилищам и припасают корм собакам, состоящий из рыбных костей или кислой рыбы. Женщины иногда помогают в этой постоянно-изобильной ловле, пластают рыбу, и так как оне большия любительницы трав и ягод, которыя оне в летнее время постоянно жуют, то ходят собирать по тундрам: рябину, орехи кедрового сланца; это

дерево значительно меньше настоящего кедра, растет не прямо и разстилается по земле.

Замечательнейшие травы и корни: сарана, принадлежащая к породе лилий (*Lilium Kamtschatense*); корни ее употребляются вместо круп в пироги, их вынимают из мышиных нор. Пареная сарана с морошкой, голубелью и другими ягодами вместе столченная считается приятнейшим кушаньем. Сладкая трава *Sphodilium foliolis pinnatifidis* употребляется вместо конфет и служит угощением во всех празднествах. Нарезав стебли, на которых находятся коренные листья, оскабливают с них кожу, вешают на солнце; когда трава провянет, ее кладут в травяные мешки, где она несколько дней сахарится, то есть покрывается сладкою пылью, изнутри выступающею, этот травяной сахар несколько солодковат. При заготовливании травы женщины надевают перчатки, остерегаясь сока, который ядовит, и от него тело быстро и сильно пухнет. В прежнее время, заквашивая эту траву с жимолостными ягодами и голубелью, перегоняли водку, которая, как опиум, развивала дикую фантазию. С похмелья довольно было выпить стакан холодной воды, чтобы снова опьянеть.

Кипрей-трава (*Epilobium linn.*), с нею варят рыбу и мясо, а свежие листья употребляют вместо чаю. Сушеный кипрей вкусом очень приятен и несколько походит на калмыцкие огурцы; его употребляют во все приправы и даже сырой подают вместо закуски. Черемша, или полевой чеснок употребляется не только в хозяйстве, но и как лекарство; зимою, отварив в воде и сквася, его едят как щи.

Камчадалы могут назваться всепожирающими животными, которые не только едят мухоморов; но, размочив их в кипрейном сусле, производят опьяняющий напиток. Все травы и их свойства они распознают как бы животным инстинктом. Кроме того, из трав, растущих на морском берегу, они плетут корзинки, ковры и многие другие вещи.

Осенью мужчины ловят осеннюю рыбу и разных птиц: гусей, лебедей, уток и прочих, возятся с собаками и выдерживают их как лошадей; делают санки и припасают дрова. Женщины, как летом, так и зимою не только сучат нитки на сети, — но на них лежит обязанность выделывать кожи на платье и обувь, оне портные и сапожники; и это занятие считает себе Камчадал за бесчестие; но зато его удел охота. Камчатка изобилует зверями, лисицы ее пышны, и чем роскошнее она, тем хитрее и осторожнее. Промышляют их отравою, клещами или стрельбою. Лучший промысел бывает, когда снег падет на мерзлую землю, и лисица не в состоянии более питаться мышами и разрывать их норы. Соболи камчатские величиною и пышностию превосходят всех сибирских соболей, один недостаток, что оне не так черны, но зато и у самых худых весьма пышные и черные хвосты. За лучших соболей считаются тигильския и укинския. В прежнее время соболей там было невероятное

множество, а теперь, кто изловит в зиму пять или шесть, считается за отличного промышленника; многие и ясак, то есть годовой оброк, не в состоянии ими выплатить, и принуждены занимать, обязуясь за это работать целое лето по условию. Песцов и зайцев много, но их стараются ловить, а если попадутся в лисьи клепцы, то кожу употребляют на одеяла. Евражек употребляют Коряки себе на платье. Горностаев, ластиц никто не ловит, так как они уничтожают крыс, этих губительных врагов Камчатки. Росомаха считается за лучшего зверя, и если воображение захочет воссоздать кого-нибудь в величественном виде, то непременно нарядит в платье из росомахи. Особенно в Камчатке много волков и медведей; последние здесь невелики и несердиты, на людей не нападают, в особенности никогда не причиняют вреда женщинам, в летнее время собирают вместе с ними ягоды и ходят около них как дворовый скот, но когда встретят бабу с ягодами, то непременно их отнимут. Лишь только в устьях рек появляется рыба, то медведи стадами устремляются туда и ловят ее, плавающую в изобилии, у которой высасывают мозг, бросая самое тело. Когда же рыба переमेжится, то они отправляются на воровство, нападают на балаганы, даже на острожки; был пример, что козак по имени Селиванов в зиму убил пятьдесят два медведя. Оленей и диких каменных баранов можно считать за необходимых зверей как для платья, так и для пищи Камчадалов.

Пирь у них бывают, когда один острожек намерен пригласить и употчивать соседей по причине свадьбы или какого-нибудь счастливого промысла; время этих пиров проходит в объедении, пляске и питии.

В числе коренных плясок Бахия, положенная на ноты Иваном Федоровичем Крузенштерном, состоит в том, что две бабы, став одна противу другой и имея в руках по пуку сушеной травы, называемой тонтичь, начинают поводить плечами и взмахивать руками, припевая в такт тихим голосом: «Бахидо-Бахи»; потом телодвижения усиливаются, и песня громче раздается; все это продолжается до тех пор, пока не выбьются из сил и не потеряют голоса. Другого рода пляска состоит в том, что десять человек мужчин и женщин становятся в кружок и ходят тихо кругом, подымая одну ногу за другою в такт, один выговаривает половину и другой другую половину одного и того же слова. Слова эти относятся до их промысла. Как ни дика эта пляска, продолжающаяся иногда часов по двенадцати, но еще страшнее их дикий крик.

Третий род пляски: женщины становятся двумя рядами, кладут обе руки на живот и, подымаясь на носках, поводят плечами, не шевеля руками и не сходя со своего места. Четвертый род: мужчины прячутся по углам; и сначала выскакивает один и как бешеный бьет в ладоши, в грудь, по бедрам и, подняв руки кверху, делает неистовые телодвижения; после первого выбегает второй и так далее по очереди, между тем как остальные все кругом вертятся. Пятый род пляски: становятся на колени и прыгают вокруг,

как лягушки, плеская руками и представляя странные фигуры. Эта пляска начинается одним, а другие из углов к нему припрыгивают. Описание это заимствовано от Штеллера.

Пение Камчадал очень однообразно и неприятно, хотя в нем нет ничего дикаго. Песни обыкновенно сочиняются девками и бабами, у которых вообще довольно приятные голоса, в этих песнях выражаются простые понятия о вещах. Например, песня на знаменитого описателя Камчатки, в то время студента, Крашенинникова:

*Ежели бы я был студент,
то описал бы горы.
Если бы я был студент,
то описал бы все морския рыбы.*

Вот в переводе песня, называемая Аангич, сложенная на голос морской утки: «Я потерял жену свою и душу, с печали пойду в лес, буду собирать кору с дерева и есть, после того встану поутру, погоню утку Аангич с земли на море, и на все стороны поглядывать буду, не найду ли где любезного моего сердца».

Сватовство прежнего времени и теперь оставшееся у Алютарцев, Чукчей и Коряков, состоит в том, что парень, высмотрев девку (из которых Алютарки дивной красоты), обыкновенно в другом острожке, переселяется туда на житье, иногда объявляет о своем намерении, а иногда нет и старается показать свое удалство, трудолюбие, проворство, одним словом — составить о себе доброе мнение, а услужливостию обратить всех в свою пользу, в особенности же тестя, тещу и невесту. Наконец, когда он не боится более отказа, объявляет родителям о своем желании и при согласии получает разрешение — хватать. Это значит, что он, улучив время, бросается на свою невесту, разрывает на ней платье, и должен дотронуться до обнаженного тела. Но это не так легко, хотя невеста часто и не сопротивляется, но в это время она бывает под охранением всего женского пола, при том же одета в двойное платье, а часто опутана рыболовными сетями; эти препятствия нужно разорвать при оглушительном крике и страшных побоях телохранительниц; эти аргусы таскают за волосы жениха, терзают ему лицо и как вампиры впиваются в него, чтоб не допустить схватить невесту и значит овладеть ею. Если он одержит победу, аргусы отбегают прочь, и невеста умильным и жалобным голосом произнеся: «Ни, ни», делается его женою. Этот обряд, сколь он ни странен, но имеет мысль и значение в той стране, где люди живут отдельными семействами, рассчитывая на силу своего главы. Другие несчастные несколько лет к ряду добиваются хватить; но при каждом случае, избитые телохранительницами, должны снова залечивать свои увечья.

Когда кто-нибудь из этих народов желает сдружиться с кем-нибудь, то, наварив лучшего кушанья, словно на десятерых, и натопив юрту до возможного

жара, приглашает будущего своего друга, который, при входе в юрту, как и сам хозяин, раздевается донага. Потом хозяин, закрыв верхнее отверстие юрты, начинает подчивать гостя и питьем, и яствами, поддавая пару, то есть, обливая раскаленные камни на очаге. Хозяин старается закормить, запить и, так сказать, зажарить гостя, которому не позволено выходить из юрты, пока он не признает себя побежденным от жара и подчиванья. Хозяин же волен выходить на воздух. Когда же гость не в состоянии долее вытерпеть подобного угощения, то начинает откупаться своим платьем, собаками и всем, что понравится хозяину, который во все это время не ест. Обобрав гостя, он отпускает его домой во всем старом и дурном, и чрез несколько дней отправляется принять подобное же угощение и откупиться.

Утвердясь на Севере Сибири, Русские всегда имели впереди себя охотников: открывать, разведывать и вступать в меновой торг с передовым, неизвестным, или, так сказать, не початым народом; потом в этих местах утверждался острог, окруженный даже укрепленною стеною, под начальством прикащика, и окрестный народ объясачивался, то есть облагался данью в силу данного всем вообще прикащикам наказа: «Стараться об открытии новых народов и приведении их под Государеву руку». Власть России все более и более распространялась по Сибири. Кто первый из Русских был в «Камчатской земле», положительно неизвестно; но словесныя предания называют Федота Алексеева с братиею; и, как говорят, видели впоследствии следы их зимовья на р. Никуле, впадающей в р. Камчатку. Этот народ до присоединения к России жил в диком состоянии звероловов, не имея никого начальником; никому не подчиняясь и не платя никому дани. Можно сказать, что покорение Камчатки не стоило больших жертв России. Прикащики в первое время сменялись очень часто, отвозили сами собранный ясак в Иркутск или Москву. Приезжая в Камчатку, прикащики, если имели достаточно вооруженной силы, то посылали ее против непокорных или не желавших платить ясака жителей.

По Именному Указу Петра Великого в 1720 г. была послана первая экспедиция навигаторов Ивана Евреина и Федора Лузина для проведывания и описания Курильского острова. А в 1728 г. по собственноручному начертанию Великого Преобразователя явилась первая морская экспедиция под начальством флота Капитана Беринга, который сделал знаменитое открытие пролива между Азией и Америкой. По отбытии Беринга в Охотск, он приказал своей партии, жившей в Камчатке, на построенном им боте «Гавриил» следовать к Северу, к Аляске и присоединиться к Капитану Павлуцкому, который, приняв главное начальство над войском, намерен был наказать Чукоч за убийство прибывшаго с ним пятидесятника Шестакова. Видя малочисленность казаков, недовольные Камчадалы сделали общее возстание, которое вскоре было уничтожено; присланный Якутскаго полка Майор

Мерлин с командою, исследовав причину бунта и вкравшийся злоупотребления власти и насилия управлявших, по конфирмации казнил виновных; с тех пор полная тишина и спокойствие наступили для Камчатки. В начальники начали назначать гражданских чиновников, построили Тигильскую крепость для содержания в страхе безпокойных Коряков, и благодетельным постановлением Императрицы Елизаветы Петровны страна была приведена в порядок. В постановлении старые долги требовать воспрещалось; ясак же определялся по одному зверю на семью, то есть по лисице, бобру или соболу, смотря по промышленности места и, наконец, Христианство озарило этот дикий народ, пострадавший в 1767 г. от завезенной из Охотска оспы, обезлюдившей юго-восточную часть полуострова.

В царствование Великой Екатерины, в 1783 г. (так в тексте. — *Ред.*) прибыла вторая морская экспедиция под командою Командора Беринга отыскать ближайший берег Америки, сделать опись Курильским островам до Японии и Охотского моря. Построив суда, Лейтенант Шпанберг посетил Японию, а Беринг и Чириков доходили до Америки. Так как их суда «Св. Петр» и «Св. Павел» перед этим отправлением зимовали в Авачинской губе, то эта гавань, получив название Петропавловской, передала его и теперешнему порту.

По открытии в Иркутске Наместничества учрежден в Нижне-Камчатске город и уездное правление, которое в 1803 г. преобразовано в областное под начальством Генерал-майора Сомова.

Экспедиция с ученою целью снова явилась в 1786 г. под командою флота Капитана Белингса, бывшего спутника Кука. Большая часть трудов по открытиям и описям островов между Америкою и Азиею принадлежит Сарычеву, бывшему впоследствии Генерал-Гидрографом.

Постоянные усилия Правительства открывать и изведывать прилегающие к Камчатке острова побудили деятельность и в купечестве; но чтобы пушной промысел в этих странах не истребился бы, купец Григорий Шелихов с братьями Голиковыми, вступая в товарищество, вздумали его организовать, и завели на острове Кадьяк российское селение; к ним присоединилась иркутская коммерческая компания, и, назвавшись Американскою, поступила под Высочайшее покровительство, получив права, утвержденныя Императором Павлом 27 января 1799 г. В прежнее время сношение Камчатки и американских колоний было чрез Охотск; зимою от Якутска ездили частию на оленях, частию на собаках по снеговой безлюдной стране, где в дальнем разстоянии друг от друга путешественники находили небольшие избы с припасом дров и распоряжались в них, как у себя дома. Летом же до 30 000 лошадей проходило по местам, где даже не была проложена дорога, и обыкновенно эти путешествия сопровождались страшным конским падежом. В отвращение этих неудобств, Американская Компания снарядила первую кругосветную экспедицию под начальством знаменитаго и незабвеннаго впоследствии для

флота Адмирала Ивана Федоровича Крузенштерна; он командовал в этой экспедиции кораблем «Невою», а Капитан Лисянский — «Надеждою».

По возвращении Иван Федорович подал проект о преобразовании Камчатского края, вследствие которого для облегчения жителей расформирован был находящийся там батальон. Управление края составили из начальника как страны, так и портов и вместе с тем ротного командира части флотского экипажа и его помощника. Как начальника, так и его помощника выбирают из морских офицеров, с наградою следующего чина, обязывая их прослужить не менее пяти лет на месте. Прочия звания состояли из секретаря, объездного комиссара для сбора ясака, лекаря и писцов. Местом пребывания Правления назначен Петропавловск. Команда состояла из 122 человек и 75 казаков, рассеянно живущих по Камчатке и исправляющих полицейскую должность. В последнее время образовался здесь целый экипаж под № 47.

Жители управляются инородческими постановлениями, решая миром все распри и частности, касающиеся до их быта; из среды своей они выбирают старшин: Камчадалы под названием Таёнов, Коряки и Чукчи — князцов, русские поселенцы — старост; эти выборные утверждаются начальником, который обязан наблюдать за сбором ясака, и имеет более моральное, чем физическое влияние на благоденствие жителей.

Торговля меновая; но накрепко запрещено продавать туземцам водку. Острогов, то есть городов, где помещаются казаки, пять: Большерецк, Верхне-Камчатск, Нижне-Камчатск, Тигильск и Петропавловск, в этих бедных селениях находятся церкви, и не живут никакия власти, кроме как в Тигильске, где есть заведывающий некогда бывшею крепостью, и в Петропавловске, месте главного управления.

В 1822 г. острожек, или селений туземцев, считалось 52. Назначение флотских офицеров в правители Камчатки принесло несомненную пользу; сюда большею частию выбирались люди бывалые в тех местах и знакомые с краем; отправляясь туда, они не порывали связей с Петербургом и могли о многом ходатайствовать в пользу страны; им помогали дружным содействием офицеры, которые во время дальних, то есть кругосветных путешествий, непременно посещали Камчатку и привозили о ней известия.

Рассказывают довольно правдоподобный анекдот. Почта в Камчатку ходила прежде раз летом из Охотска морем, и раз зимою — берегом чрез Ижигу; в этих редких сообщениях, может быть, и забыли о Камчатке во время нашествия иноплеменников, и вдруг, спустя долгое время, когда Наполеон был уже заключен на остров Эльбу, жители Камчатки читают в журналах: о ужас!.. Что это?.. Наполеон собирается на Россию. Слушайте!.. Слушайте!.. Ведь супостаты перешли Неман... Общее изумление оковало всех, так как читать новости собирались обществом. Возможно ли? Что дальше?.. Продолжайте. Смоленск взят... Что, что?.. Да Смоленск взят... Видно,

Господь Бог наказует нас по грехам, проговорило небольшое общество и отправилось в церковь молиться за спасение отечества от нашествия врага. Потом снова принялись читать и не могли окончить — Москва взята!.. Взята первопрестольная! Златоглавая! Белокаменная! И кто даже не видал Москвы, не слышал о чудесах ея архитектуры, плакал о ней, как о своей матери безутешными рыданиями малолетнего сына, опускающего в могилу родную мать. Где-то этот антихрист, этот огненный Наполеон, и скоро ли он сюда явится?

Опасения были страшныя; но одно еще утешало, что привезший почту из Охотска ничего еще не слышал такого сумнительного и, наверное, узнал бы от своих, если бы Французы, или какая-нибудь басурманщина завелась поблизости в Якутске. Долго ли горевали в Камчатке о взятии Москвы, не знаем; но можно сказать достоверно, что быстр был переход от горя к радости: веселыми криками провожали они разбитого неприятеля и оставляли его только тогда в покое, когда шумная радость требовала шумного подкрепления вином, выпитом по этому случаю без счета и без меры.

Первый из флотских офицеров был назначен Начальником Камчатки Петр Иванович Рикорд; уважаемый всеми наш Адмирал пред отправлением туда женился. И Людмила Ивановна была первая из европейских женщин, прожившая там пять лет. В то время на отправлявшихся смотрели с особенным любопытством, прощаясь, провожали, как на вечную разлуку. Камчатка в общественном мнении являлась более как чем-то отдаленным — страшным, отчужденным от России краем.

*В Камчатку сослан был,
Вернулся Алеутом.*

Этими словами поэт вполне обрисовал современные понятия, в которых заключалось, даже примешивалось, что-то заколдованное, превращающее. К угрюмости края присоединялись всякаго рода лишения и страшная дороговизна: там плачивали за фунт свечей и фунт табаку по пяти рублей ассигнациями. Вместо стекол окна оклеивались рыбьим пузырем и бумагою; собирались, как на праздник, пить чай вприкуску. Появление первых фортепиано произвело умиление в жителях, они плакали и метались от радости, слушая русския песни, и боялись даже добросердечно довериться чувствам, думая, что в этом инструменте порождение колдовства; и когда смельчаки отваживались дотронуться до клавишей, за них боялись зрители; а потом, когда убедились, что фортепиано вреда не делает, то боялись, чтоб от этих прикосновений звуки не истратились бы.

Но от благодетельнаго влияния начальников и от их ходатайства колония начала процветать. При Аркадии Васильевиче Голенищеве (ныне Генерал-Лейтенант) в 1828 г. Петропавловск объявлен порт-франко на десять лет,

а потом последовательно делалось по Высочайшему повелению продолжение привилегий. Эта благотворительная мера оживила край, торговля сделалась свободною, и ею вполне воспользовались Американцы, привозящие сюда не только необходимое, но и предметы роскоши. Но так как из Камчатки не дозволяют вывозить пушный товар, единственное богатство туземцев, а у иностранцев нужно все покупать на деньги, то и приведена в исполнение мудрая мысль начальника: по отходе купцов из Петропавловска они возвращают в Казначейство все ими вырученные деньги и взамен получают бланки, приносящие 4 %, с переводом на Петербург. Это взаимно-полезная и выгодная мера до сих пор в употреблении.

С 1828 г. купцы приписаны к Камчатской Области и, пользуясь правами и преимуществами всех трех гильдий, платят половинную повинность купцов третьей гильдии.

При Аркадии Васильевиче Голенищеве были заведены внутри края три больницы и прибавлено четыре лекаря. По его предположению составилось земледельческое общество, Высочайше утвержденное 18 августа 1831 г. Предприятие это было приведено в исполнение и продолжалось до 1837 г.

В это время на полуострове считалось одиннадцать церквей.

Петропавловск в общественном мнении идет за Камчатку, хотя в нем нет ни одного Камчадала, а живут служащие с семействами, отставные да купцы. В 1850 г. считалось около 900 человек мужского и женского пола.

Город выстроен почти в долине, на пологих подошвах двух огромных гор, с правой Березовой, а с левой Никольской, в виду вечно курящейся сопки Авача, у самой Петропавловской бухты. Он состоит с небольшим около трехсот одноэтажных деревянных домов, так как здесь часты землетрясения, церковь почти в середине, дом начальника, а ныне Губернатора Камчатки, на правой возвышенности; от него по косогору тянется сад, около некоторых домов частоколом обнесены огороды, все пространство между домами поросло густою муравою, тропинки тянутся по разным направлениям, езды в экипажах нет никакой; местами подле домов протекают горные ключи.

В летнее время этот маленький городок, подымаясь из зелени, представляет живописный вид, окруженный горами, некоторые из них покрыты сплошным цветом диких роз, рододендума, жимолости и лилий. Петропавловск находится под широтою $N 53^{\circ} 1'$ и долготою Восточною $52^{\circ} 4'$ от острова Ферро.

Живут здесь, как и везде, не без радостей, в особенности по приходе из России военных судов, — тогда обитатели все время проводят у бухты; путешественников встречают, как родных, дружатся в короткое время и, пользуясь хорошою погодою, отправляются по окрестным живописным местам на шлюпках с пещельниками пить чай на чистом воздухе. Или собираются перед городом на Никольскую гору, большую родственною семьею побегать по проложенным дорожкам, поиграть, попеть и насладиться величе-

ственную Авачинскую губою, которая видна отсюда во все стороны, вставленная в зеленые рамки берегов, поросших лесом.

Наступит зима, начнутся вечерки, и беззаботная молодежь танцует себе осмерки вроде кадрили, или наши немудреные танцы под звуки портового скрипача, с придачею треугольника, иногда ручной гармоникой, да под напевы хора. Веселятся беззаботною радостью, а иногда дом заметает снегом, и по неволе нужно веселиться, пока не разгребут и не очистят выхода. Между женщинами встречаются дивной красоты, о нарядах бедных девиц обыкновенно заботятся жены начальников. Когда их в первый раз убрали да одели по моде, что делалось в доме начальника, то их даже не узнали родители, собравшиеся на вечерку, и смотрели как на приезжих из других концов России.

При входе в глубокую гавань Петропавловска (величиною и длиною в 250 сажень), которая, как уже сказано, прилегает к городу, слева — Сигнальная гора, а справа, в разстоянии 50 сажень — Кошка, или природная мола, соединяющаяся с противоположным берегом; эта Кошка возвышается на сажень от воды и служит границею Петропавловской от Авачинской губы. Сигнальная гора сначала выступает из воды длинным и огромным мысом, как бы укрывая собою город и гавань, потом, изогнувшись влево крутым поворотом, она образует южную часть бухты.

На этой Сигнальной горе под флагом на высоте 70 фут была устроена батарея № 1 под командою Лейтенанта Гаврилова; за внутреннюю сторону горы и под ее защитою стоял фрегат «Аврора», Командир Капитан-лейтенант Изильметьев. На «Авроре» с левой стороны было полное число пушек — двадцать две, остальные были размещены по батареям. В одной линии с нею, но за Кошкою, был помещен транспорт «Двина», Командир Капитан-лейтенант Васильев, они в упор защищали гавань. Далее, при соединении Кошки с берегом была устроена батарея № 2 под командою Лейтенанта Князя Дмитрия Петровича МаксUTOва; хотя она выдавалась вперед, но до нее мог достигнуть неприятель, появившись выше сигнальной батареи. На противоположном берегу впереди батареи Князя МаксUTOва на пологости горы Красный яр — батарея № 4 под командою Лейтенанта Попова.

Вот защита города с этой стороны!

Теперь посмотрим на полуостров от юга и познакомимся с самою Авачинскою губою.

Коцебу в своем путешествии в Камчатку от Каролинских островов говорит: «От садов роскоши обращаемся к унылому северу. Пасмурное небо встречает нас на самой границе севернаго пасада. Мы проникаем сквозь густой туман, вечно покоящийся над морем и берегом, не осененным ни единым деревом и дико поражающим нас зубчатыми вершинами, покрытыми снегом».

Это справедливое описание более относится к самой юго-восточной части Камчатки и обрисовывает природу осенью. Но, если летом в хорошую погоду входят в Авачинскую губу, мореплаватели бывают удивлены красотой и обширностью этой гавани, в которую могут поместиться все флоты земного шара. Длина ее 35 верст, самая большая ширина 21, пролив, ведущий к ней, 4 версты, расстояние на север от мыса Лопатки около 245 верст.

Вас поражает не только огромное пространство воды, но и крутые берега, покрытые березовым лесом, и густая растительность, эта смесь цветов белого с зеленым и с синим; берега, причудливо окаймляя залив, то выступая вперед, то углубляясь, так сказать, в заливе, образуют обширные заливы. И прямо впереди вас — три исполина природы, вечно курящиеся сопки, наподобие отрезанного шатра — Авача, Козельская и Коряцкая, покрытые снегом, при солнечном сиянии они бывают облиты радужными лучами, рисующими их в какой-то девственной, небесной красоте! Все видимое отдаленное пространство загромождено лесистыми горами, которые, расположившись грядами одна выше другой, как ступени, сопровождают любопытный взор путешественника к Аваче, которой половину высоты они только достигают.

Этот колоссальный ландшафт невольно переносит в первобытный мир, когда человек смотрел на окружающую его природу с недоверчивым любопытством, как бы уничтожаясь от магического и величественного ее явления. Смотрел одиноким, как здесь плывущий корабль, он редко встретит себе спутника, не видит по берегам ни жилищ, ни любопытных. Вас не развлекут посторонние предметы, все внимание сосредоточено на этой дикой и величественной природе, вы поглощены очаровавшим и как будто первым путешественником являетесь сюда.

Поворотя почти в половине Авачинской губы (имеющей от 10 до 14 сажень глубины) и придержась к правой стороне, вы достигнете до Петропавловска.

Неприятель, 17-го августа войдя в Авачинскую губу, послал вперед английский пароход под американским флагом. На другой день английские фрегаты: «Президент» (52 орудия), «Пик» (44 ор.), и французский «Ла-форт» (60 ор.), корвет «Эвридис» (32 ор.), бриг «Облигадо» (18 ор.) и пароход «Вираго» («Ла-форт» и «Президент» под Контр-Адмиральскими флагами), обменявшись несколькими выстрелами с нашими передовыми баттареями и убедясь, что их здесь ждали, отошли в противоположную сторону к Тарьинской губе и встали на якорь.

Первые известия о разрыве с Англией и Францией были получены Губернатором Камчатки Контр-Адмиралом Завойко от Американского Посланника на Сандвичевых островах в мае, а официальное уведомление в июле. Предусмотрительный Начальник, заранее изготовясь к нападению

неприятельских судов, крейсирующих в Восточном Океане, укрепил порт земляными батареями до прихода еще транспорта «Двина» и фрегата «Аврора».

Кроме матросов и небольшой команды солдат, при появлении неприятеля вооружены были гражданские чиновники и некоторые из жителей; гарнизон состоял около 800 человек.

19-го числа взят портовой бот, или, лучше сказать, плашкоут, везший кирпич с противоположного берега Авачинской губы. Семь неприятельских катеров один за другим буксировали, то есть тащили его по бокам, и сзади бота держались вооруженные неприятельские катера. Русский человек не может не вернуть словца кстати. Это торжественное шествие бота посреди неприятельских шлюпок под развевающимися флагами сравнили с известною картиною о том, как мыши кота хоронят.

20 августа в восемь часов утра английский пароход, взяв с боков по фрегату, а третий сзади, подвел их к Сигнальной батарее.

Первый период сражения. Фрегаты, выстроившись один сзади другого, открыли огонь по батарее на Сигнальной горе и противоположной ей на Красном яре. Фрегат и транспорт были защищены от них Сигнальною горою, и батарея Князя Максудова, устроенная впереди их линии равнения на Кошке, в это время находилась от них едва на расстоянии дальнего выстрела.

Восемь наших орудий на обеих передовых батареях в продолжение полутора часа дрались противу 80 орудий с примерным и геройским самоотвержением. Командир батареи на Сигнальной горе, Лейтенант Гаврилов, раненый в голову и ногу, не только не оставлял своего поста, но распоряжался и ободрял людей с равнодушием постороннего зрителя. На этих батареях платформы были засыпаны землею выше колес, станки подбиты, действовать не было возможности, и неприятель повез десант на более пологий берег горы Красный яр.

Губернатор во все время присутствовал со своим штабом на Сигнальной горе в самом жарком и губительном огне и с высоты ея распоряжался общими действиями.

Второй период сражения. Мичман Попов, видя невозможность противостать десанту 600 человек, заклепав три свои пушки, с 28 человеками прислуги и гардемаринном отступил по направлению к батарее Князя Максудова и, соединясь с стрелковой партией мичманов Михайлова и Фесуна, составленных из фрегатской команды и портовой 2-й стрелковой партии, воспользовался смятением неприятеля, произведенным меткими выстрелами с нашего фрегата и транспорта; эта горсть смельчаков, вчетверо слабейшая десанта, при криках: «Ура!» бросились на неприятеля. Крик «Ура!» сделался победным, его торжественно повторил гарнизон, видя стремглав бежавшаго неприятеля, в беспорядке бросавшагося на свои шлюпки, на которых он поспешно отваливал.

Третий период сражения. Неприятельские фрегаты, заставив замолчать две наши передовые батареи, двинулись к батарее № 2, и устремили 80 орудий против 11-ти, оставаясь защищенными Сигнальной горой от выстрелов «Авроры» и «Двины».

Вот что рассказывает очевидец мичман Фесун: «Когда неприятель действовал бомбическими орудиями на дальнем расстоянии, наша батарея была молчалива и спокойна, временами острое словцо возбуждало смех. Князь Максutow не горячился, не тратил даром пороху; но когда раздосадованный неприятель подтягивался ближе, раздавался громкий голос Князя Дмитрия Петровича: “Вторая!.. третья!..” Взвился дымок, и можно быть уверенным, что ядро не пролетало мимо неприятеля. Временами с батареи проносили окровавленные носилки и, сопровождая их грустными взорами, гарнизон творил знамение Креста. Надолго останется в памяти у бывших свидетелей картинное и прекрасное действие батареи № 2.

Князь Максutow до того приучил своих людей к хладнокровию, что когда против их действовали только из шести бомбических орудий, то кантонисты — мальчики, служившие при подаче картузов, играя, спускали на воду кораблики. Одному из этих малолетних оторвало руку; доктор, делая операцию, спросил с участием: “Что, больно?” Мальчик сквозь слезы отвечал: “Нет, это за Царя!”»

Редкий пример мужества!

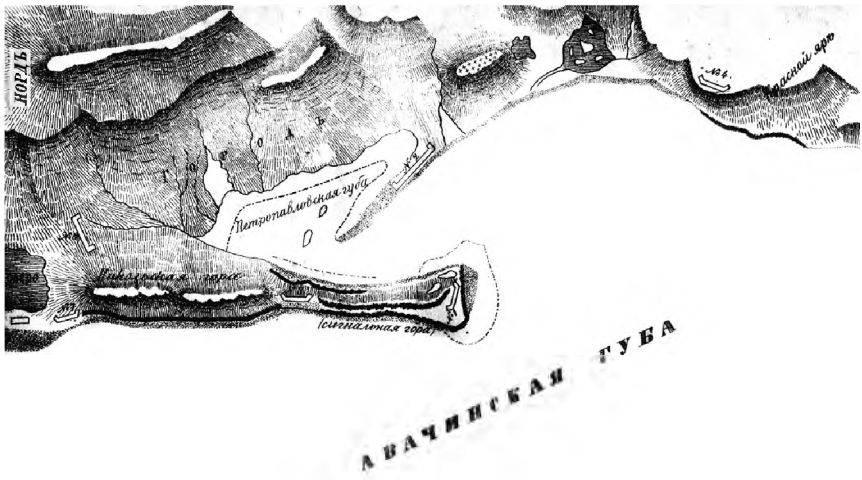
В начале седьмого часа неприятель прекратил свое настойчивое девятичасовое действие против батареи Князя Дмитрия Петровича Максutowа и отошел на прежнее место якорной стоянки.

В продолжение этого соединенного действия неприятельских фрегатов, пароход, пользуясь дымом, в начале 12-го часа выскочил из-за Сигнальной горы и хотел попытаться счастья прорваться в гавань; но, встреченный огнем «Авроры», «Двины» и батареи № 2, задним ходом быстро отошел. Потом неприятель с корвета и парохода хотел, было, высадить десант на противоположную сторону Сигнальной горы, но, получив повреждение и потеряв шлюпку, перевозившую войска, не выполнил своего намерения. Под вечер пароход снова пытался было проскользнуть в гавань, но возбудил только смех Авроровцев. Они приняли его возгласом: «Иди, иди дружок, мы тебя так удивим, что более не захочешь!» И батальный огонь уничтожил это последнее покушение.

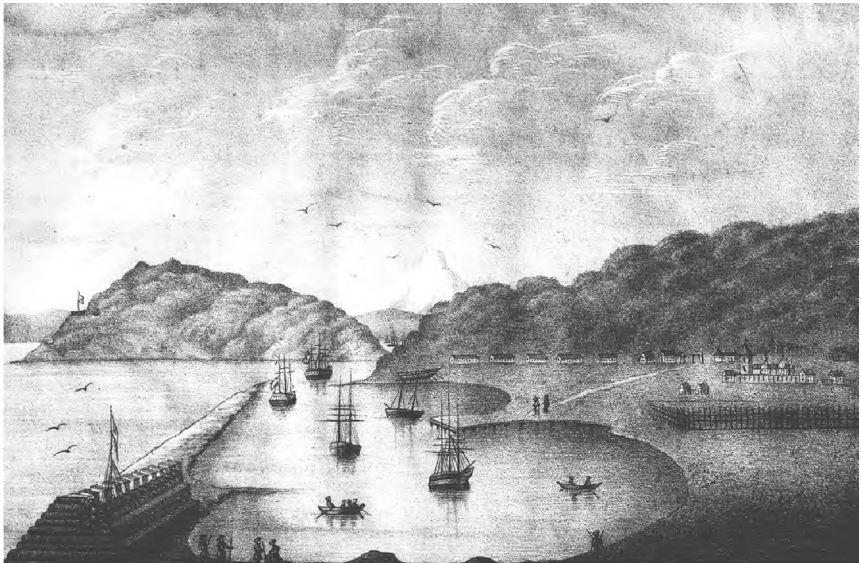
Так кончилось знаменитое 20-е августа.

На другой день пароход ходил в Тарьинскую губу хоронить Контр-Адмирала Прайса. Иностранная газеты рассказывают, что он застрелился по неосторожности, заряжая ривольвер.

Прекрасный вечер роскошного северного лета сменил день 23 августа, лучи заходящего солнца как бы сосредоточили на снеговой вершине Авачи



План сражения



Вид города Петропавловска

всю свою яркость, и посреди этого радужного ослепительного блеска подымался густой вечно струящийся дым сопки в голубое, безоблачное небо, на котором в таких причудливых силуэтах чертились отдаленные горы, покрытые лесом.

Долина Петропавловская благоухала дикими цветами и травой, жители толпами спешили на перешеек, то есть пологое место почти противу города, сажень на 50 разделяющее крутые обрывы гор Сигнальной и Никольской, которая, вдруг поднявшись сажень на 60 и раскинувшись в протяжении версты в причудливых формах, опускается пологою лощиною к морскому берегу. На перешейке и на этой части морского берега были выстроены батареи № 3 под начальством брата и друга героя Князя Александра Петровича МаксUTOва, батареею же № 7 командовал Капитан-Лейтенант Кораллов; за нею в лощине озеро, по внутреннюю сторону котораго, ближе к городу, батарея № 6 Поручика Гезехуса, она могла действовать в то время, когда неприятель высадит десант и займет лощину.

С перешейка можно было видеть необыкновенное движение на неприятельской эскадре, шлюпки часто собирались на французский адмиральский корабль и, отваливая, весело кричали: «Vivat!» На лицах обитателей Петропавловска видна была твердая решимость победить или умереть.

В пять часов утра 24-го августа ударили тревогу на единственной гаубтвахте Петропавловска, и неприятельский фрегат «Ла-форт», подойдя на близкое расстояние, открыл жесточайший огонь против батареи на перешейке. В короткое время его ядра буквально изрыли все это узкое пространство. Князь Александр МаксUTOв более получасу выдерживал огонь тридцати орудий. Но, наконец, станки подбиты, платформы засыпаны землею, у одного орудия оторвало дуло, неприятель, воспользовавшись этим, свозит десант. Князь наводит единственную оставшуюся у него пушку, и меткое ядро, попав в катер, пускает его ко дну вместе с французским войском. Фрегат, мстя за своих, дает залп, наш герой, не смотря на эту массу ядер, сам заряжает пушку, но... здесь судьба положила предел его еще юной жизни. Он падает с оторванною рукою, и неприятель, заметив это, кричит радостно: «Vivat!»

Пользуясь смятением, неприятель делает залп за залпом, подбивает последнее орудие, засыпает землею и ядрами всех, кто осмеливается приблизиться к этому месту, и свозит десант. В то же время по другую сторону Никольской горы Английский фрегат, сбив батарею Капитан-Лейтенанта Кораллова, также высадил десант; эти войска числом до 900 заняли Никольскую гору и в густых массах подвигались по ней к заозерной батарее и к городу, но тут и положили предел их торжеству.

Мичман Михайлов и Лейтенант Анкундинов, пользуясь кустарником, взобрались по отвесной крутизне Никольской горы с Северной стороны под неприятельскими выстрелами, их поддержали другие малочисленные отря-

ды, которые были устремлены по разным направлениям на эту гору. Вскоре пальба наших прекратилась, с криком «Ура!» бросились они на неприятеля в штыки. Неприятель при натиске храбрецов, числом менее 300, недолго держался, он дрогнул. Ободренные первым успехом, наши рванулись вперед, десант не устоял, и пошла страшная резня, тут уже действовали не штыками, а прикладами, у кого ломался приклад, тот хватал нож или что попадало под руку.

Утесы Никольской горы, крутые сверху, далее опускаются почти перпендикулярно к морю, часть неприятеля была отсюда сброшена, другая, ища спасения, скатывались обезображенными трупами. Отступление же с оконечностей горы, хотя совершалось в беспорядке, но с меньшей потерей неприятель бежал к шлюпкам, унося трупы товарищей.

Крики победы, крики неистовства, проявляющая силу и ожесточение, крики отчаяния спасающегося неприятеля, которого провожали меткими выстрелами наши стрелки, разсыпанные по кустарникам у обрыва берега, стоны и вопли раненых потрясали воздух.

Это был страшный день — то была ужасная резня.

Семь неприятельских офицерских сабель и множество ружей остались в руках победителей, но главным трофеем было следующее знамя. На английском гюйсе нашито изображение земного шара. Сверху герб Англии — леопард, под ним корона, ниже написано: «Гибралтар». Земной шар оббит с боков лаврами. Под ним надпись: «Per mare, per terram (на суше и на море)».

Маленькое домогательство свободной Англии!

Велика и необъятна Россия, не знает Запад ни твоей внутренней жизни, ни твоей истории! Осветили иноземцы в 1812 г. тебя зарею, и, может быть, скоро эта предвестница выведет за собою солнце и лучами славы озарит дивное разнообразие климатов и твоих героев-обитателей!

ПЕТРОПАВЛОВСКИЙ БОЙ

В этом году 24 августа исполнится 36-я годовщина славного Петропавловского боя. Тридцать шесть лет тому назад горсть русских храбрецов еще раз показала врагам своего отечества, что «сила не в силе».

Очень хорошо зная, что мы не содержим в восточных водах никакой флотилии, достаточно сильной для отражения задуманного ими нападения, англо-французы решили, что им следует уничтожить этот ничтожный, маленький Петропавловский порт, — тогда единственный наш оплот на Дальнем Востоке. Стараясь всюду, где только возможно, нанести имущественный вред России без особого ущерба для себя, «образованные мореплаватели»

рассчитывали, что раздавить, разрушить Петропавловск им ничего не будет стоить... и горько ошиблись!

Восемнадцатого августа на рейде Авачинской губы появилась вражеская эскадра из шести боевых судов, имевших 212 пушек. У нас там были только транспорт «Двина» и фрегат «Аврора», имевшие всего 27 пушек. На семи береговых батареях имелось всего 45 орудий; пороху всего на все было по 36 зарядов на орудие. Гарнизон состоял из 42 офицеров и 879 нижних чинов, в том числе 350 линейных солдат и 18 волонтеров. На фрегате «Аврора», только что возвратившемся из продолжительного плавания, было 60 человек больных, но с первым ударом боевой тревоги все они явились на свои места по боевому расписанию.

На военном совете командир фрегата «Аврора» капитан-лейтенант Изъльметьев, когда возникли сомнения среди самого гарнизона в возможности дать врагу надлежащий отпор, объявил, что со своей стороны, если бы даже допустили неприятеля в город, то он с фрегата своего будет продолжать пальбу и, наконец, взорвет фрегат, если бы неприятель одолел. Решено было драться до последней возможности.

Неприятель до того был уверен в превосходстве своих сил и до того был убежден в своем успехе, что после незначительной бомбардировки решил высадить десант и занять порт открытою силою. 24-го числа в четыре часа утра с неприятельской эскадры отвалил десант на 25 гребных судах, человек в семьсот. Для отражения их на месте высадки у Николаевской горы у нас было только 204 человека...

...И ещё раз «ахнул, дерзкий, и упал!»

К двенадцати часам бой был окончен. Окончилась эта дикая свалка людей, где три лезли на одного, где этот один решил лучше умереть, чем добровольно уступить хоть пядь родной земли. Неприятель в беспорядке и в плыв бросился к своим судам, но и тут не находил спасения, топя друг друга.

Отбив неприятеля и подобрав раненых, герои построились в каре, отслужили молебен, и молодецкое «Ура!» огласило место новой славы русской удали. Не вынесла самонадеянная гордость англичанина — английский адмирал Прайс в своей каюте пустил себе пулю в лоб, и командование союзной эскадрой принял на себя французский адмирал Февриэ де-Пуант.

У нас убито нижних чинов 31, обер-офицеров — два и нижних чинов — 63. Потери неприятеля доходили до 350 человек и четырех офицеров. Взято английское знамя и семь офицерских сабель.

27 августа в восемь часов утра эскадра снялась с якоря, вышла в море и скрылась из виду. Выходя из Авачинской губы, неприятель захватил корабль Российско-Американской компании «Ситху» и сжег военный транспорт «Анадырь». Вот единственный трофей грозной эскадры, вот заключительные ее действия, подсказанные бессильной злобой.

В следующем году неприятель со значительно большею силой явился вновь к Петропавловску, чтобы отомстить за своё поражение, но... Петропавловский порт со всеми своими защитниками куда-то исчез. Повторилась история Москвы 1812 года, и мы уничтожили своими руками то, что не надеялись защитить своей жизнью. «Есть невозможное и для героев». Неприятелю оставалось разрушить брошенные укрепления и дома, да рыться в огородах, разыскивая спрятанные пушки и миллион казенных денег (справедливость требует сказать, что французы осуждали этот поиск англичан, говоря, что взять пушки с батареей вооруженной рукою они считают понятным, а рыться и искать их в земле считают для себя унижительным). Так закончил свое короткое, но славное существование русский Петропавловский порт.

Несколько лет тому назад на том месте, где в общей могиле легли и защитники, и нападавшие, воздвигнут скромный памятник; и каждое заходящее военное судно молитвой за упокой погибших отдает свою дань удивления доблести павших героев. Смолкла на этот раз и народная злоба, и на общей могиле раздается молитва как за своих, так и за врагов, а место это получило название «Братской могилы».

В этом году по ходатайству начальника эскадры П. Н. Назимова решено эскадре в полном составе идти к Петропавловску отпраздновать на месте воспоминание о Петропавловском бое, и эскадра, как мы слышали, около 14 августа уходит туда.

Предполагается в день боя после панихиды на «братской могиле» провозвести салют. По этому поводу мы слышали несколько голосов о том, что салюта этого «некому слышать», «для кого это торжество?», «ведь кроме нескольких камчадалов там никого нет» и пр.

Вот то-то и есть, что уж очень привыкли мы во всем все делать для кого-то. Нам кажется недостаточным подчеркнуть славную страницу нашей истории лишь для нас, лишь для себя и чувства народной гордости громкими, хотя и салютационными, выстрелами воскресить в своем воображении славный Петропавловский бой; для нас недостаточно знать, что мы только и наши команды будут свидетелями этого празднования.

Утешим эти беспокойства тем, что, быть может, на наше счастье, найдется там и свидетель, вроде американского китобоя или какого-нибудь иностранца, которые расскажут у себя дома о смешных русских варварах, стрелявших холостыми выстрелами в опустевшем порте.

Что же касается нас, то мы от души приветствуем эту мысль. Пусть 24 августа хоть немного сильнее забьется сердце каждого присутствующего. Это усиленное биение сердца окупит стоимость потраченного пороха; пусть установится у нас обычай не забывать доброго прошлого Родины.

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ К ИСТОРИИ СОБЫТИЙ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ с 1847 по 1855 год, ИЗВЛЕЧЕННЫЕ ИЗ ДЕЛ ВЛАДИВОСТОКСКОГО ПОРТОВОГО АРХИВА

...В то время как Невельской решал столь важный для России вопрос, Муравьев был на пути в Камчатку. Муравьев первый из Генерал-Губернаторов Восточной Сибири решился на столь трудную поездку. Когда Муравьев спрашивал на эту поездку разрешения, то многия называли намерение Муравьева мечтой...

25 июля Муравьев прибыл в Петропавловский порт, в Камчатку. В это время здесь находился и преосвященный Иннокентий. Муравьев, осмотрев знаменитую Авачинскую губу, пришел к убеждению, что англичане не могут быть равнодушны к обладанию Россией столь превосходной бухтой. Он тогда же предугадал возможность посягательства Англии на наш в то время единственный порт на Восточном океане. В виду этого он решил укрепить его. С этой целью Муравьев лично назначил места для батарей, из коих № 6-й в августе месяце 1854 г. доказала недюжинные военные способности Муравьева.

Целяя ночи беседа с преосвященным Иннокентием, таким же патриотом, каким был сам, он при содействии Иннокентия выработал целый ряд мер, которые имели помочь «сему бедствующему краю».

Все, решенное Муравьевым и Иннокентием, было представлено в Петербурге. Главнейшим из всего проекта Муравьева является следующее:

Из Охотскаго, Камчатскаго и Гижигинскаго края образовать особую область и назначить Губернатором ея Василия Степановича Завойко. 2) Охотский порт перенести в Петропавловск и укрепить последний активно и пассивно. 3) Переселить в Камчатку три тысячи семейств русских земледельцев.

Большинство мер, предлагавшихся Муравьевым, было приведено в исполнение. Не состоялось лишь одно переселение земледельцев, а не состоялось оно потому, что после величайшаго открытия Невельского, о котором Муравьев 3-го сентября узнал от самого Невельского в Аяне, центром внимания Муравьева сделалась не Камчатка, а Амур и Уссурийский бассейн...

ГЛАВА 1. ВЕСТИ О ВОЙНЕ В КАМЧАТКЕ

Капитан-лейтенант Назимов, командир двадцатипушечного корвета «Оливуца», при рапорте 26-го мая 1854 г. представил копию следующего приказа Генерал-Адъютанта Путятина от 26-го февраля:

«Объявляя по отряду о вероятии скорого разрыва России с Англией и Францией, я поставляю в обязанность командиров: привести вверенные

им суда в совершенную готовность отражать во всякое время нападения английских и французских судов, если бы оныя последовали. До г.г. командиров и офицеров дошли уже сведения о последних подвигах Черноморского флота против турецких судов, и теперь остается только сделать их известными нижним чинам отряда, как пример, достойный подражания. Из этих сведений самое блистательное — есть сражение при Синопе, на южном берегу Черного моря, в котором взорвано на воздух, потоплено и вовсе истреблено семь турецких фрегатов, три корвета и один пароход; кроме того, в других битвах взяты в плен два турецких парохода. Такие происшествия не могут не возбудить в нас новаго рвения к исполнению лежащего на нас долга; но никакое предприятие, каковы бы ни были усилия человеческия, не бывает успешно без благословения вышше. А потому первым долгом всех должно быть испрошение помощи от той Всесильной руки, которая и слабых подкрепляет, и низвергает сильных. Вооруженные этою верою, мы уже не тщеславно, но с надеждою на Промысел будем употреблять и силу, и знание наше на пользу Отечества.

Я не нахожу ничем приличнее заключить это объявление о приготовлениях к военным действиям, как окончательными словами Всемилоостивейшаго Манифеста Государя Императора, обращеннаго к народу русскому: «На Тя, Господи, уповахом, да не постыдимся вовеки!»).

По получении этого приказа в Камчатке Военный Губернатор Завойко 29-го мая отдал по Петропавловскому порту приказ, в котором, повторив дословно приказ Путятина, добавляет:

«Делая вместе с сим распоряжение к благонадежной обороне Петропавловскаго порта на случай нападения на оный английских и французских судов, остаюсь уверенным, что г.г. штаб- и обер-офицеры и нижние чины исполнят свой долг, как следует всякому русскому и как требует слава нашего оружия, покрывшаяся недавно новым блеском чрез знаменитую победу над турецким флотом, в чем да поможет каждому Господь Бог. Прибегнем к нему с горячею молитвою о даровании ЕГО Всесильной помощи и, укрепленные верою в него, станем надеяться, что в день опасности мы покажем себя русскими, готовыми с радостию проливать кровь свою до последней капли за Веру, Великаго Царя и Православное Отечество».

20-го июня 1854 г., когда возможность нападения неприятеля на порт уже не подлежала сомнению, Завойко сделал следующее воззвание к жителям Петропавловска:

«Жители Петропавловскаго порта! Вам известно, что Турция, не желая исполнить справедливых требований Всемилоостивейшаго Государя Императора нашего, клонившихся к ограждению прав наших единоверцев на Востоке, страждущих от жестоких и невыносимых притеснений магометан, объявила России войну.

Господь защищает правое дело!

Турецкия армии потерпели поражение на Дунае, разбиты наголову в Азии, значительная часть турецкаго флота взорвана и потоплена при Синопе. Неприятельския пушки и знамена и военныя суда, взятыя с боя, свидетельствуют о подвигах и храбрости русскаго войска.

Ныне получено известие, что Англия и Франция соединились с врагами христиан, с притеснителями наших единоверцев; флоты их уже сражаются с нашими. Война может возгореться и в этих местах, ибо русские порты Восточнаго океана объявлены в осадном положении. Петропавловский порт должен быть всегда готов встретить неприятеля.

Донося Его Императорскому Высочеству, Управляющему морским министерством о средствах к защите Петропавловскаго порта, я присовокупил, что мне известно, что чиновники гражданскаго и морскаго ведомства, равно и другие жители в случае нападения неприятеля не будут оставаться праздными зрителями боя и готовы с бодростию, не щадя жизни, противостать неприятелю и наносить ему возможный вред; и что обыватели окрестных селений, в случае надобности, присоединятся к городским жителям. Я писал так потому, что мне известны Ваши чувства, потому, что всегда, когда враги угрожали православному нашему отечеству, ни один русский не отказал поднять оружие на его защиту. Действуя каждый по своему усмотрению, Вы не можете принести той пользы, как если будете соединены в один отряд. Имея надобность знать, какое именно число чиновников и граждан составят оный, объявляю всем, кто может и желает участвовать в защите Петропавловскаго порта, что чиновники морскаго и гражданскаго ведомства (кроме медиков, имеющих особенныя обязанности) должны явиться в штаб, а прочие жители к полицеймейстеру и записаться в списки. Все распоряжения об устройстве и вооружении волонтеров я принимаю на себя непосредственно, но да будет известно, что до того времени, пока неприятельский флот не покажется в Авачинской губе, никто не будет отрываем от своих дел и занятий, и что тогда только отряд, имея из среды своей начальника по моему назначению или выбору чиновников и граждан, будет призван к защите порта. Всякий, кто желает получить из казны ружье и патроны, имеет означить о том теперь же, в списке.

А между тем, чтобы при приближении неприятеля к порту быть готовым отразить его, тотчас нужно удалить из города женщин и детей в безопасное место. Каждый должен позаботиться заблаговременно о своем семействе. Уведомляю Вас, что я донес Его Императорскому Высочеству, что сообразив средства к защите, надеюсь при помощи Всевышняго, при воодушевлении храбраго войска и всех защитников Петропавловскаго порта отразить неприятеля; что я пребываю в твердой решимости, как бы ни многочислен он был, сделать для защиты порта и чести русскаго оружия все, что в силах

человеческих возможно, и драться до последней капли крови, выразив при этом искреннейшее мое убеждение, что во всяком случае флаг Петропавловского порта будет свидетелем подвигов чести и русской доблести».

Приказ по порту и воззвание к жителям были вызваны и получением 14 июля от Генерального консула Соединенных Штатов последних известий из Европы от 10-го апреля. Генеральный консул уведомлял Камчатского Губернатора, что между Россией и Францией объявлена война, что находящиеся здесь порты наши велено иметь в блокадном состоянии и что вместе с сим отправлен из Англии один винтовой паровой фрегат для отыскания нашего флота.

Тогда же, то есть 14 июля, были отданы Завойкой следующие распоряжения:

1) Находящемуся здесь фрегату «Аврора» быть в совершенной готовности отражать нападения неприятельских судов, имея всегда в готовности шпринг.

2) Назначить из команды «Авроры» 10 человек нижних чинов для пополнения недостатка людей на батарее № 2 и трех офицеров для дежурства по порту и наблюдения за имеющими приходиться к порту судами и сигналами, подающимися с маяков. Офицерам этим находиться на батарее Сигнального мыса повахтенно и тщательно наблюдать в ночное и, особенно, туманное время, за подающимися с маяка сигналами, находясь ночью безотлучно при своей обязанности, а днем, в ясную погоду, только наблюдать. Этих чинов не приказано отчислять с команды фрегата.

3) Г.г. частным начальникам вменено в строгую обязанность наблюдать, чтобы между вверенными им чинами был соблюдаем установленный для подобных случаев порядок. Чтобы никто из них под опасением строгого взыскания не осмеливался бы отлучаться из порта, чтобы вверенное каждому из них оружие всегда и во всякое время было бы в совершенной готовности.

ГЛАВА 2. ПРОКЛАМАЦИЯ КОРОЛЯ САНДВИЧЕВЫХ ОСТРОВОВ

Депеши от посольства Северо-Американских Соединенных Штатов в Гонолулу на имя Военного Камчатского Губернатора.

Завойко, как замечено выше, получил 14-го июля депеши от генерального консула Северо-Американских Соединенных Штатов на Сандвичевых островах. Позволяю себе привести эти депеши целиком:

Департамент Иностранных Дел.

12 июня 1854 г.

Милостивый государь! Так как я признаю Ваше право, данное Его Величеством Императором Всероссийским оказывать свои услуги, где дело касается до русских интересов, я имею честь вручить, под приложением печати, мою депешу сего числа для Его Превосходительства Господина Камчатского

Губернатора, заключающую в себя 6-ть экземпляров королевской прокламации в нейтралитете, который я прошу Вас по прочтении переслать в Петропавловск на Американском бриге «Нобль», готовом к отплытию.

Я имею честь быть с полным почтением, Милостивый Государь, Вашим покорнейшим слугою.

Р. К. Вилье

Департамент Иностранных Дел.
Гонолулу. Сандвичевы острова.

12 июня 1854 г.

Милостивый Государь! Я имею честь при сем приложить для раздачи 6 экземпляров королевской прокламации в нейтралитете в продолжении войны, которая, к несчастью, объявлена в Европе. Вы увидите самую интересную подробности в 5-м номере от 10-го июня газеты «Полинезиал», который я прилагаю. Его Императорского Величества фрегат «Диана» вышел из нашего порта 10-го сего Мая неизвестно куда. Если он посетит Ваш порт, то прошу сделать мне честь засвидетельствовать капитану мое почтение и сказать ему, что я получил его любезное письмо от 10-го сего месяца, но так как он немедленно вышел, я не имел времени ему ответить. Я счастлив, что имею случай этот уверить Вас в отличном уважении и почтении, с которым я имею честь быть, Милостивый Государь, Вашим всегда покорнейшим слугою.

Р. К. Вилье

Его Превосходительству господину
Камчатскому Губернатору.
Прокламация.

Камеомеа III, Король Гавайских островов

Да будет это известно всякому, до кого это касается, что мы, Камеомеа III, Король Гавайских островов, этим объявляем им полный нейтралитет в войне, угрожающей теперь Великим Морским державам Европы, что наш нейтралитет имеет быть уважаем всеми воюющими, во всем пространстве нашей власти, что по нашим основным законам есть на расстоянии одной морской мили кругом всякаго из наших островов Гаваи, Мауи, Кокулове, Ланаи, Монокаи, Оогу, Кауаи, Нючау, начиная с места низкой воды, на всяком из берегов упомянутых островов и заключаая все проливы, разделяющие эти острова один от другого и идущие между ними; что все призы и поимки внутри нашего вышеупомянутого пространства противозаконны и что покровительство и гостеприимство портов, гаваней и дорог будет распространяться на все воюющие стороны, как долго оне будут уважать наш нейтралитет, и да будет далее известно всякому, до котораго это касается, что Мы сим строго запрещаем всем нашим подданным и всем живущим в наших владе-

ниях участвовать в каперстве судов кого-нибудь из воюющих под опасностью быть судимыми и казненными.

Дана в нашем дворце в Гонолулу 16-го мая 1854 года.

Камеома

ГЛАВА 3. ПОДГОТОВКА ПЕТРОПАВЛОВСКА К ОБОРОНЕ

Доходившие до Петропавловска слухи о начатии войны между Россией, Францией и Англией побудили Завойко позаботиться об обороне Петропавловска.

Меры и средства к обороне состояли в следующем:

С открытием весны было приступлено к вооружению Петропавловскаго порта пушками, доставленными на транспорте «Двина». Из числа их две бомбовых двухпудового калибра и три — 36-фунтового калибра пушки поставлены на батарее Сигнального мыса, на котором находился крепостной флаг.

Одиннадцать пушек 36-фунтового калибра накатили на первую батарею; для свободного действия орудиями увеличена площадь, чрез срытие части Сигнальной горы; на второй батарее делался земляной вал для защиты людей. Эти батареи предназначались для действия против неприятельских судов.

Для действия против десанта были поставлены пушки в следующих местах: 1) на Низменном мысу — девять старых 6-фунтовых пушек, 2) против перешейка Малой губы — пять медных 6-фунтовых, 3) шесть пушек 6-фунтовых на северной стороне Петропавловска, против озера, между горами Никольской и Мишенной.

Кроме сего, было одно полевое орудие 3-фунтового калибра, команда коего была составлена из казаков и сама могла перевозить орудие куда угодно. Одно 36-фунтовое орудие было поставлено на Дальнем маяке для сигналов.

Команда 47-го флотскаго экипажа, входившаго в состав Петропавловскаго гарнизона с мастеровыми, мастерами и престарелыми инвалидами, состояла из 231 человека. Этого числа было недостаточно для действия при орудиях, а потому при орудиях были размещены писари морского ведомства, обученные, насколько позволяло время, к действию из пушек и из ручного оружия. Для отражения десанта на тех местах, на которых орудия не могли действовать, а равно и для прикрытия артиллерии против десанта, людей не было.

Но гражданские чиновники, а равно и жители порта изъявили намерение не оставаться праздными зрителями боя, пожелали с бодростию, не щадя жизни, противостать неприятелю и наносить ему всевозможный вред. Обыватели окрестных селений и даже камчадалы тоже изъявили свою готовность биться до последней капли крови за свою родину.

Ввиду этого Завойко решил составить из волонтеров отряд под начальством избраннаго из его среды, непосредственно от Губернатора. Эти

обывательские отряды должны были пополнить слабый Петропавловский гарнизон. Все от мала до велика дали слово, что Петропавловский флаг будет свидетелем подвигов, чести и русской доблести.

ГЛАВА 4. СРЕДСТВА ОБОРОНЫ ПЕТРОПАВЛОВСКА В ДЕНЬ ПОЯВЛЕНИЯ ЭСКАДРЫ 17-го АВГУСТА

Ко дню появления неприятельской эскадры активныя и пассивныя средства обороны состояли в следующем:

Батареи: № 1-й на Сигнальном мысу из трех орудий 36-фунтового калибра и двух бомбовых двухпудового калибра. Командир Лейтенант Гаврилов, у него под командою: обер-офицер 1, нижних чинов 63.

№ 2-й на Кошке из 10 орудий 36-фунтового калибра и одного 24-фунтового. Командир Лейтенант князь Максutow 2-й; у него под командою: Гардемарин — 1, нижних чинов — 127.

№ 3-й на перешейке из пяти орудий 24-фунтового калибра. Командир Лейтенант князь Максutow 1-й; у него под командою: нижних чинов — 25.

№ 4-й на Красном Яре из трех орудий 24-фунтового калибра. Командир мичман Попов, у него под командою: гардемарин — 1, и нижних чинов — 28.

№ 5-й, вооруженная пятью старыми медными орудиями, на левом берегу Малой губы против перешейка, не имела команды и оставалась в бездействии.

№ 6-й на озере из четырех 18-фунтовых и 6-фунтовых орудий. Командир поручик Гезехус; у него под командою: нижних чинов — 31.

№ 7 у рыбнаго сарая из пяти орудий 24-фунтового калибра. Командир Капитан-Лейтенант Кораллов; у него под командою: нижних чинов — 49.

Одно полевое орудие, при нем Титулярный Советник Зарудный, нижних чинов — 19.

На батареях по 37 выстрелов на пушку.

Для отражения десанта: в первом стрелковом отряде под начальством Мичмана Михайлова нижних чинов 49. Во втором стрелковом отряде под начальством Подпоручика ластовых экипажей Губарева нижних чинов 50. В отряде волонтеров, за раскомандировками, 18 человек. В третьем отряде для потушения пожаров под начальством Поручика Кошелева нижних чинов 69.

А весь сухопутный гарнизон состоял из 567 человек.

Кроме того, находились на фрегате «Аврора» 284 человека и на пароходе «Двина» 65 человек.

При Генерале Завойко состояли: Правитель Канцелярии Коллежский Ассесор Лохвицкий, инженер Поручик Мравинский, гардемарин Колокольцев, юнкер Литке и нижних чинов — шесть.

Всего же защитников Петропавловска в день 17-го августа 1854 г.: Генералов — 1, Штаб-офицеров — 4, Обер-офицеров — 37, Волонтеров и нижних чинов — 879.

От Кошки к берегу был проведен бон.

ГЛАВА 5. ПОЯВЛЕНИЕ НЕПРИЯТЕЛЬСКОЙ ЭСКАДРЫ

17-го августа в десять часов утра подан был сигнал: «Вижу военную эскадру из шести судов». В час по полудни пробита тревога.

Назначенные к орудиям стали по батареям. Первый стрелковый отряд расположился между батареями № 2-й и № 4-й в кустах, в закрытом месте; второй отряд — на гребне Сигнальной горы; третий с пожарными инструментами — около гауптвахты. Место пребывания командира порта было назначено у подножия Сигнальной горы, около батареи.

Волонтеры расположились у батареи № 7-й.

В половине пятого часа увидели входящий в Авачинскую губу трехмачтовый пароход под американским флагом; людей на пароходе было мало; пароход остановился, не доходя мили три до Сигнального мыса. Навстречу ему был послан штурманский офицер Прапорщик Самохвалов — для осмотра судна. Но пароход, завидя шлюпку, тотчас же повернул назад. В это время показалось на нем много народу. Защитники Петропавловска убедились, что эскадра, крейсирующая у входа, есть неприятельская. Проживавшие в Петропавловске американцы изъявили сильное негодование на коварства англичан, плывших под американским флагом.

18-го августа были поданы сигналы: «Эскадра из шести судов под английским флагом идет во вход губы»; в начале пятого часа по полудни в следующем составе: трехмачтовый английский пароход «Вираго», французский бриг «Облигадо», 48-пушечный фрегат «Президент», английский адмиральский 52-пушечный «Пик», английский 44-пушечный «Форт», французский адмиральский 60-пушечный и фрегат малого ранга с закрытой батареей «Евридис». «Форт» и «Президент» — под контр-адмиральским флагом, прочие шли под обыкновенными вымпелами.

Завойко, находясь в это время на батарее № 1-й, отдал приказание стрелять, если неприятельские суда не остановятся и будут проходить батареи.

В тот момент, как неприятельская эскадра поравнялась с Сигнальным мысом, на расстоянии от него дальнего пушечного выстрела, с нашей батареи № 1-й было пущено первое ядро.

Неприятель ответил сразу несколькими выстрелами.

Началась пальба 1-й, 2-й и 4-й батарей. Ядра и бомбы попадали в неприятельские суда с одной только батареи № 1-й.

Перестрелка продолжалась недолго. Эскадра, поворотив на *W*, вышла из-под выстрелов, и стрельба с наших батарей по приказанию Завойко была прекращена. Бой кончился в пять с половиной часов вечера. У нас не было ни убитых, ни раненых. Никаких повреждений ни на батареях, ни в судах, ни в городе не оказалось.

Неприятельские ядра, валявшиеся близ батарей, весили по 86 английских фунтов. Завойко заключил, что неприятельские орудия свыше двухпудового калибра.

Наступила ночь. Первый стрелковый отряд был переведен на кошку, к которой протянут был ласт для сообщения на баркасах, второй отряд расположился у перешейка. Волонтеров поставили у озерной батареи.

Батарея на Красном Яре, устроенная далеко от города, заставила опасаться, что неприятель сделает на нее ночью нападение.

Малочисленность же гарнизона не позволяла отделить особую партию для защиты батареи. Для отражения десанта необходимо было иметь отряды сосредоточенными.

Командиру батареи на Красном Яру было приказано удерживать неприятеля возможно дольше, а в крайности заклепать орудия и отступить на батарею № 2-й. Ночь прошла спокойно.

19-го августа эскадра стояла в том же положении. В шесть часов утра неприятель послал к Раковому мысу три гребных суда, которые сделали промер и, осмотрев город, не приставая к берегу, воротились к эскадре. Вскоре пароход снялся с якоря, отправился к выходу в море для рекогносцировки и скрылся за Раковым мысом; через несколько минут были слышны семь выстрелов. Через полчаса пароход показался на рейде, стал в северном конце эскадры и начал бросать из мортир бомбы через перешеек, Сигнальную и Никольскую горы. Фрегат также бросил несколько бомб и ядер через батарею № 1-й. Наши батареи молчали. Суда находились вне выстрелов наших пушек. Неприятель, убедившись, что за дальностию разстояния не может принести чувствительного нам вреда, вскоре прекратил канонаду.

В два часа дня показался из Тарьинской губы плашкоут под парусами, нагруженный кирпичом, имея на буксире шестерку. Плашкоут послан был в Тарьинскую губу за два дня до появления неприятеля. Плашкоут держал путь прямо на эскадру. Неприятель, дозволив ему приблизиться на одну милю, выслал семь гребных судов. Заметя их, плашкоут стал держать на *N* и удаляться от эскадры. Ветер, к несчастью, стих, и неприятельские гребные суда завладели плашкоутом.

В ночь с 19-го на 20-е диспозиция оставлена прежняя. Получено было от унтер-офицера Яблокова с Дальняго маяка, донесение, что из 36-фунтового орудия им сделаны в пароход три выстрела, на что пароход, ответив четырьмя выстрелами из мортир, поворотил назад в губу.

ГЛАВА 6. ДЕНЬ 20-го АВГУСТА

Рано на развете 20-го августа было замечено, что десант садился на десантные боты и шлюпки и приставал к пароходу. Общее движение на эскадре, частые сигналы, приготовления к снятию с якоря показывали, что неприятель намерен сделать решительное нападение.

Нападение ожидалось нашими на батарею № 4-й.

Между батареями № 2-й и 4-й был поставлен первый отряд стрелков и отряд волонтеров из 18 человек. Стрелки и волонтеры были поставлены на высоте в кустах.

Второму отряду стрелков было приказано расположиться у Сигнальной горы, а третьему для потушения пожаров в городе. Отрядам было крепко приказано не тратить времени на стрельбу, а прогонять неприятеля штыками и драться до последней капли крови.

Командирам «Авроры» и «Двины» было приказано защищаться до последней крайности, но если же нельзя будет действовать орудиями, то суда зажечь, свести команду на берег и присоединиться к отрядам.

В семь с половиной часов утра на батарее № 1-й был приглашен священник Георгий Логинов отслужить молебен о даровании Всемогущим Богом победы Государю Императору. Неприятель во время чтения Евангелия начал стрелять в батареи бомбами и ядрами. Со свистом и шипением пролетали смертоносные снаряды над головами молящихся. Падали ядра вблизи берега, падали вблизи самой батареи, но не причинили никому вреда. Несмотря на страшную опасность, молебен продолжалось своим чередом. Не смутился пастырь православный, в своей светлой праздничной ризе служивший мишенью неприятельских орудий, не смутилась и маленькая группа молящихся. Горячо молилась эта маленькая горсточка героев, веруя своим великим русским сердцем в истину слова Божия: «На Тя, Господи, уповаем, да не постыдимся вовеки».

Пароход между тем взял на буксир с леваго борта фрегат «Президент», с праваго «Форт», а с кормы «Пик». В то время, как грозные неприятельские суда двигались по направлению к Сигнальному мысу. Завойко, войдя на батарею и показав команде двигавшиеся суда, сказал: «Ребята! Видите?! Многие из нас умрут славною смертию. Последняя молитва наша должна быть за Царя!» Мощное «Ура!» загремело ответом на слова командира! С батареи на батарею перенесся этот победный клич русских богатырей. Пароход приближался. Но дух защитников не ослабевал, а наоборот пропорционально разстоянию возвышался... Это были львы, готовые крепко постоять за свой город, далекий и малолюдный Петропавловский порт.

Стрельбы не было. Приказание: зря не стрелять исполнялось пока в точности. Но командиры батарей, находившихся на Сигнальной горе, не выдержали

и открыли огонь. Завойко приказал сыграть отбой. Пушки замолкли. Но к девяти часам утра фрегат «Пик», став на якорь вправо от Сигнального мыса, первый открыл продольный огонь по батарее № 1-й и по гребню Сигнальной горы. За «Пиком» в расстоянии полутора кабельтовых остановился «Президент», немного далее «Форт». Пароход держался южнее «Форта» и бросал в батареи бомбы.

Неприятельские суда расположились так, что наши «Аврора» и «Двина», равно как и батарея № 3-й не могли по ним действовать. Ядра с батареи № 2-й не достигали неприятеля, и было приказано прекратить огонь и стрелять только тогда, когда фрегаты приблизятся на расстояние действительного огня.

Наши батареи № 1-й и 4-й были совершенно открыты. Имея восемь орудий, они дрались против 80 орудий трех фрегатов и парохода, на котором были и бомбические орудия, и мортиры.

Сначала неприятель действовал против батареи № 1-й, которая, находясь ближе прочих к фрегатам и имея два бомбических орудия, вредила фрегатам более других батарей. В три четверти десятого Завойко узнал, что лейтенант Гаврилов ранен. На батарею был послан Подпоручик Губарев. В исходе десятого с батареи № 1-й было донесено, что в команде, кроме убитых, много раненых осколками камней; у орудий повреждены стойки; на платформу навалилось от действия ядер так много земли и камней, что действовать орудиями невозможно.

Лично удостоверясь в справедливости донесения, Завойко приказал: заклепать орудия, взять оставшиеся заряды и отправить их на батарею № 2-й; команде вместе с первой партией стрелков идти к батарее № 4-й.

Такое распоряжение сделано потому, что в начале одиннадцатого часа от фрегата отвалили 13 гребных судов и два десантных бота с десантом не менее 600 человек и направились к мысу, южнее батареи № 4-й.

С фрегата «Аврора» сделали по десанту несколько выстрелов, но ядра не достигали десанта, а падали в море.

В то время, как десант двигался на батарею № 4-й, было отдано приказание: поднять крепостной гюйс на батарею № 2-й, и когда он будет поднят, то крепостной флаг с Сигнального мыса перенести в город. Сделать это было необходимо, потому что когда команда батареи № 1-й была отведена на батарею № 4-й, то флаг оставался без защиты.

В то же время было сделано распоряжение, чтобы батарейные командиры батарей № 3-й, 6-й и 7-й, не участвовавшие в это время в деле, оставив у пушек по два человека, шли бы со своей командой для отражения неприятеля, если тот устремится к Краснаго Яра на батарею № 2-й или в город. Сам же Завойко отправился к третьему стрелковому отряду и повел его к батарее № 2-й, где присоединился и командированный по приказанию Губернатора отряд с фрегата «Аврора» из 32-х человек нижних чинов под командою Мичмана Фесуна.

Командир батареи № 4-й Мичман Попов действовал по неприятельским судам все время отлично и по необыкновенному счастью, несмотря на град ядер, сыпавшихся на батарею, не потерял ни одного человека из своей команды. Когда Попов усмотрел приближение неприятеля, быстро продвигавшагося от мыса южнее Краснаго Яра, то спрятал в заранее приготовленное место оставшийся порох, сделал еще по выстрелу из каждого орудия, потом в виду десанта заклепал орудия и начал отступать, отстреливаясь, к первому отряду стрелков, спешивших вместе с волонтерами к нему на выручку.

Неприятель, завладев батареей, поднял французский флаг. Но в это время фрегат «Аврора» и транспорт «Двина» начали стрелять в десант. С английского парохода по ошибке пущена бомба, которая лопнула в неприятельской толпе на самой батарее. Неприятель, не дожидаясь наших отрядов, побежал к шлюпкам и отвалил немедленно от берега. Отрядам приказано было возвратиться, ибо с фрегатов стреляли по ним ядрами.

Пароход на расстоянии дальняго пушечнаго выстрела два раза становился против фрегата «Аврора» и начинал бросать бомбы в суда и в город, но тотчас же был прогоняем меткими выстрелами с фрегата; ядра с транспорта «Двина» не долетали до парохода. Неприятель, принудив замолчать батареи № 1-й и 4-й, направил все орудия трех фрегатов и парохода на батарею № 2-й, которая служила теперь единственным препятствием к нападению на наш фрегат и транспорт.

Командир батареи Князь Максutow своим хладнокровием и мужеством оказал в этом деле неоценимую услугу. Сберегая людей за бруствером, в то время как батарею осыпало ядрами, бомбами и гранатами, он подавал пример неустрашимости, ходил по батарее и ободрял команду, выжидая время, когда фрегат «Президент», бывший к батарее ближе других, приблизится к ней. Князь Максutow посылал меткия выстрелы, распоряжаясь, как на ученьи. Батарея Максutowа стреляла с разстановками, но метко, не тратя даром пороха, котораго было очень мало. Все усилия трех фрегатов и парохода заставить замолчать эту батарею остались тщетными. Таким образом, дело продолжалось до 6 часов вечера.

Во время самага боя командир «Авроры», зная, что на батарее № 2-й число картежей ограничено, отправил с фрегата на батарею порох. Этот порох под сильнейшим неприятельским огнем был доставлен благополучно на катере Мичманом Фесуном.

В продолжение боя фрегатов с батареею № 2-й фрегат малаго ранга «Еврис» и бриг подходили два раза, имея десант в шлюпках, под выстрелы батареи № 3-й и были прогоняемы ядрами. Одна шлюпка с десантом потоплена.

В то время распоряжались на батарее Лейтенант Анкундинов и корпуса морской артиллерии Прапорщик Можайский. В половине седьмого фрегаты отступили и стали вне выстрелов.

В сражении 20-го августа с нашей стороны убито: нижних чинов шесть; раненых: обер-офицеров один, нижних чинов 12.

Бомбардировка наших батарей за 20-е августа повредила их. Повреждения оказались следующие:

№ 1-й) У бомбической пушки сколот поворотный брус, деревянные станочные подушки; сломан болт у подъемной коробки; у 36-фунтовых пушек: у одной сломаны передняя и задняя оси, три колеса, лопнул брюк; у других орудий лопнули трое талей, четыре стрелки для закладывания их; сломаны четыре банника, два прибойника; платформа во многих местах поломана и замедляла действие орудий; бруствер поврежден ядрами; два орудия не расклепаны.

№ 2-й) У второго орудия перебит брюк, у четвертого окончание дула повреждено немного и перебит брюк, у восьмого левая станина и брюк перебиты, у десятого подбит станок.

№ 4-й) Перебиты у станков оси, три брюка, трое талей, изломаны прицелы у всех орудий, изломаны ударные молотки с коробками, расколота одна станина, взорвано два пороховых ящика; не нашлось: трех кокор, одной подушки, четырех колес, трех цапфенных горбылей и двух медных притравок.

Потеря неприятеля неизвестна. Убитые и раненые на батарее в Красном Яре, в том числе один офицер, увезены на шлюпках. Повреждения в неприятельских судах были не маловажны; наши ядра долетали большего частью рикошетом и били в корпус судна. В зрительную трубу различались во многих местах пробойны. Неприятель, отойдя на позицию, тотчас же приступил к исправлениям. В ночь с 20-го на 21-е были слышны на неприятельской эскадре плотничьи работы.

ГЛАВА 7. 21-е, 22-е и 23-е АВГУСТА

21-го числа неприятель продолжал исправлять повреждения и крепил пароход. В час по полудни от адмиральского французского фрегата отвала шлюпка по направлению к Сигнальному мысу. Это была наша шестерка, взятая неприятелем вместе с плашкоттом. На шлюпке пристал к берегу квартирмейстер Усов, жена его с двумя малолетними детьми и матрос Киселев.

Усов передал Завойко от французского адмирала письмо и рассказал ему следующее:

19-го августа утром они отправились из Тарьинской губы в Петропавловский порт на плашкотте с четырьмя тоннами кирпича, имея на буксире шестерку. Усов взял к себе жену, которая пришла к нему из деревни Озерной с двумя малолетними детьми. Неприятельскую эскадру они приняли за эскадру адмирала Путятин и хотя, подойдя поближе, увидели неприятельские флаги и повернули назад, но гребные суда, высланные с эскадры, отрезали им отступление. Выстрелы, слышанные Усовым и Киселевым, были приняты ими

за салютационную пальбу или пальбу в цель. Оружия оне не имели. Усов рассказал, что на фрегате «Форт» убито семь человек, и что французы приглашали пленных вступить к ним в службу, но они отказались. Что офицеры, отпускаемая Усова, обещали после взятия порта остальным пленным освобождение.

22 и 23-го числа неприятель продолжал исправлять свои суда.

17 августа, как известно, английский адмирал Прайс застрелился.

Газета «Standart» от 10-го декабря 1854 г. объясняет самоубийство Прайса так: «Начальник английской эскадры в Тихом океане Вице-Адмирал Прайс чрезмерно увеличивал трудности своего положения; кажется, изнемог от мысли об ответственности, которая на нем лежала». Газета сообщает следующие подробности: «По прибытии в Петропавловск Прайс имел с французским адмиралом совещание, на котором положено, что фрегат “Президент” (адмиральский) займет место против самой сильной неприятельской батареи. Окончив приготовления к сражению и отдав последние приказания, адмирал Прайс сказал громко: “Теперь мы готовы”. Вместе с последними словами он спустился в каюту. Через мгновение раздался выстрел; вбежавшие в каюту офицеры нашли своего начальника плавающим в крови и с разряженным пистолетом в руке.

Уведомленный о происшествии, французский адмирал тотчас приехал к еще дышавшему Прайсу, смерть которого последовала через три часа. Из того, что вышло наружу из этого печального разговора, следует, что смерть несчастного адмирала не может быть приписана ничему другому, как помешательству на одной постоянной мысли, перешедшей в сумасшествие. Весьма понятно, что эта неожиданная катастрофа произвела на обеих эскадрах всеобщее смущение и должна была изменить первоначальный план нападения. Адмирал Прайс родился в 1790 г.; служебное положение его было блестящее».

22-го и 23-го числа неприятель продолжал исправлять свои суда. Фрегат «Форт» исправлял корпус, пароход «Вираго» починивался, накренившись на правую сторону.

У нас тоже шли исправления повреждений. Батареи № 1-й и 4-й были приведены в состояние действовать: № 1-й — двумя бомбическими и одним 36-фунтового калибра орудиями; № 4-й — двумя орудиями 24-фунтового калибра. Более всех способствовал исправлению повреждений Прапорщик корпуса морской артиллерии Можайский.

ГЛАВА 8. ДЕНЬ 24-го АВГУСТА

В четыре часа пополудни 24-го числа было замечено движение на неприятельской эскадре. Неприятель приготовил десантные боты, баркасы и шлюпки для своза десанта. Пробыли тревогу.

Петропавловский гарнизон приготовился к бою. Нужно было ожидать решительного сражения, так как эскадра по случаю близкой осени не могла долго оставаться в Камчатских водах. Завойко обошел батареи, отряды, суда. На его призыв драться, как подобает русским воинам, везде слышался один дружный ответ: «Умрем, а не сдадимся!»

Фрегат «Пик» стоял ближе к Тарьинской губе. В пять с половиной часов утра пароход взял на буксир два фрегата: с леваго борта «Президент», с праваго «Форт» и повел их по направлению к перешейку. Неприятель намеревался испытать счастье с другой стороны Петропавловскаго порта. Пароход отдал буксир французскаго адмиральскаго фрегата, который встал на якорь против батареи № 3-й. Потом пароход подвел адмиральский английский фрегат к батарее № 7-й; оставя «Президент» в двух кабельтовых разстояния от батареи, пароход ушел немного далее.

В день 24-го августа на стороне неприятеля были большия преимущества, 30 орудий фрегата «Форт» действовали против пяти орудий батареи № 3-й, совершенно открытой и не имевшей даже выгоды находиться на возвышенности. У озера 26 орудий «Президента» и бомбическия орудия парохода громили крытую батарею, которая могла действовать только тремя 24-фунтоваго калибра полупушками.

Когда еще не выяснилось, куда пароход возьмет направление, первый стрелковый отряд был послан на позицию между батареями № 2-й и 4-й, но когда пароход поворотил к перешейку, то приказано было отряду возвратиться и стать около порохового погреба, где расположены были второй и третий отряды и 15 человек волонтеров, ожидая высадки десанта к озеру.

По приказанию Завойко, Капитан-Лейтенантом Изыльметьевым было прислано подкрепление к отряду 33 нижних чина с Гардемарином Кайсаровым под командою Лейтенанта Анкундинова. Первою открыла огонь наша батарея на перешейке.

«Президент», будучи еще на буксире, ответил огнем целаго борта.

Наша батарея действовала скоро и успешно. Первыми ея ядрами сбит на фрегате «Президент» гафель, и английский флаг упал. Англичане поторопились его поднять.

На это раз фрегат стал на якорь близко от батареи, надеясь, вероятно, уничтожить ее немедленно; наши выстрелы попадали без промаха. Но силы были неравны. Батарея, осыпаемая неприятельскими ядрами, как дождем, лишившись уже многих своих защитников убитыми и ранеными, дрогнула. Она состояла наполовину из молодых солдат, присланных в Камчатку из Иркутска и едва еще привыкших управляться с орудиями. Командир батареи Князь Максутов бросился к орудию и начал сам заряжать его. Это подействовало на команду. Батарея, поддержанная геройским мужеством командира, продолжала гибельный для неприятельскаго судна огонь и утопила одну шлюп-

ку с десантом. Князь Максutow лично наводил орудия до тех пор, пока не пал с оторванной рукой. Пал Князь Максutow, и на фрегате «Форт» раздались клики радости. Так дорого ценили неприятели эту батарею и ее доблестного защитника.

Батарея, лишась командира, замолчала.

С фрегата был послан Мичман Фесун, но пока он съезжал на берег, неприятель продолжал громить батарею со всех своих орудий и привел ее в полную невозможность действовать.

Батарея № 7-й, защищенная земляным валом, держалась несколько долее и вредила, сколько могла, фрегату и пароходу. Командир, Капитан-Лейтенант Кораллов, оставался на батарее даже после того, как орудия были сбиты и завалены землею и фашинником, пока не был уведен с батареи, ушибленный бревном в голову. Получив донесение, что батарея не может действовать, Завойко велел команде присоединиться к стрелковым отрядам.

Сбив батареи, неприятель направил десант с двух десантных ботов и 23 гребных судов по направлению к батарее № 7-й. Десант шел под прикрытием сильного пушечного огня фрегата «Президент» и парохода. Огонь был направлен на Никольскую гору. За десантом следовал на шлюпке французский адмирал с обнаженной шпагой, отдавая приказания.

В начале боя 24-го августа Завойкою был послан второй отряд стрелков и 15 человек волонтеров занять вершину спуска Никольской горы к озеру, по которой неприятель легко мог взойти на гору. Это слабое подкрепление должно было выдержать первый натиск неприятеля. Остальные отряды находились у порохового погреба и, по мере надобности, могли быть двинуты немедленно, куда угодно. Между тем, казалось вероятным, что неприятель употребит усилия, чтобы овладеть батареей № 6-й на озере. Казалось вероятным потому, что взятие ее решало бы участь города.

По этой причине все наличные силы гарнизона держались сосредоточенно вблизи батареи и, несмотря на выгоды Никольской горы, с которой можно было действовать ружейным огнем по десанту, Завойко решил послать туда только 25 человек лучших стрелков. Судя по числу гребных судов, Завойко заключил, что десанту послано 700 человек. Для отражения их он имел всего 204 человека. Часть неприятельского авангарда, выстроившись на Кошке, обошла Никольскую гору и показала против озерной батареи, но неприятель, встреченный картечью с батарейных орудий и с полевого орудия (*единственного*) отступил, унося убитых и раненых.

Вторая попытка неприятеля броситься на батарею имела те же последствия. Командир второй стрелковой партии, которому было приказано стягивать цепь к тому месту, на которое устремляются большие силы неприятеля, следя за движением его к батарее, спустился ниже и открыл беглый огонь. В это время десантная войска быстро и безпрепятственно взойшла на гору;

значительная часть их собралась на северной оконечности и начала спускаться вниз, остальная часть пошла по гребню и соединилась с десантом, высаженным к первому с пяти гребных судов, отваливших от фрегата малаго ранга «Евридис» и брига «Облигадо» к перешейку.

С этой стороны неприятель уже открыл ружейный огонь по командам нашего фрегата и транспорта.

«Евридис», державшийся в начале сражения под парусами, подошел потом к батарее Краснаго Яра на выстрел, но встреченный меткими выстрелами с сей батареи, которой командовал за недостатком офицеров корпуса морской артиллерии кондуктор Дементьев, и с батареи № 1-й, состоявшей под командой Мичмана Попова, отошел и стал западнее фрегата «Форт».

Бриг стал около самага «Форта» и бросал ядра через перешеек в фрегат.

Прежде, нежели десант показался на гребне, Завойко, убедившись, что неприятель, оставя намерение напасть на батарею с озера, поднимается в гору, послал отряд Анкундинова и Мичмана Михайлова занять северную оконечность Никольской горы и прогнать оттуда неприятеля штыками. Отряд Анкундинова пошел на левом фланге отряда Михайлова, а левее его был еще отряд в 30 человек из третьего стрелкового отряда под командою Поручика Кошелева.

Завойко, осведомившись, что второй десант уже свезен, дал знать об этом Командиру «Авроры» и приказал отрядить сколь возможно большую команду на Никольскую гору. В то же время туда был послан фельдфебель Спылихин с 17-ю нижними чинами из третьего стрелкового отряда. Остальные из третьего отряда оставались в резерве у порохового погреба.

Прапорщик Жилкин с командою в 40 человек был расположен левее гребня, а Лейтенант Пилкин по гребню; 31 человек под командою Мичмана Фесуна правее гребня. С батареи № 2-й были посланы 22 человека под начальством гардемарина Давыдова, который повел свою команду на гору между окопами третьего стрелкового отряда.

Неприятель, спускаясь с северной оконечности горы, открыл жестокий огонь по второй стрелковой партии, по команде озерной батареи и резерву. Но стрелки были скрыты кустами. Батарейная команда отстреливалась из-за рвов и из-за орудий. Резерв, сделав по неприятелю залп, стал под защиту порохового погреба; полевое орудие встретило неприятеля картечью. Так как отряды Лейтенанта Анкундинова и Мичмана Михайлова стали приближаться к неприятелю, то стрельба снизу была прекращена; в это время из находившагося при Завойке резерва он отрядил 30 человек под командою Капитана Арбузова и послал его в подкрепление отрядов. Ранее сего такое же подкрепление было послано командиром фрегата под командою Лейтенанта Скандракова. Малочисленные отряды наши, воодушевленные храбрыми командирами, дружно и безостановочно шли вперед, стреляя в неприятеля, и по-

том с криком «Ура!» наши в одно время ударили в штыки. Неприятель держался недолго и, несмотря на свою многочисленность и храбрость офицеров, которые умирали, но не отступали, побежал в беспорядке, стараясь добраться до гребня. Здесь их ожидала верная гибель: одни были сброшены с утеса штыками, другие сами бросались с утеса вниз, надеясь спуститься к берегу.

В бытность нашу в 1895 г. по делам службы в г. Николаевске, мы имели случай беседовать со старушкой, вдовой офицера Облизиной, которая, стоя у перевязочного пункта, видела, как союзники, бросаясь с горы, массами гибли в море. Ея воспоминания нами записаны и составят особую статью.

Утесы Никольской горы, крутые сверху, далее спускались почти перпендикулярно, и потому на берег падали только обезображенные трупы. Отступление неприятеля с северной оконечности и около перешейка совершалось в беспорядке, но не с таким уроном, ибо покатость горы в этом месте давала возможность скоро добраться до берега; спустившись вниз, неприятель побежал к шлюпкам, унося раненых и трупы убитых товарищей. Отступление на гребных судах было еще бедственнее для врага; наши отряды, заняв высоты, стреляли по сплоченной массе людей, убитые и раненые падали в воду или в шлюпки, откуда раздавались стоны.

Один фрегатный баркас ушел только под восемью веслами, на другом люди подымали вверх руки, как бы прося пощады; несколько человек брели по горло в воде, стараясь догнать удаляющиеся гребные суда, пускались вплавь; находили спасение немногие.

С фрегатов и парохода стреляли по гребню ядрами и бомбами, но отряды, избравшие хорошие позиции, нисколько не терпели от выстрелов. По приближении шлюпок к пароходу, он взял большую их часть на буксир и повел по направлению к Тарьинской губе. Остальные шлюпки пошли на веслах. Фрегаты снялись с якоря и пошли по тому же направлению. Сражение закончилось в половине двенадцатого часа дня. Отряды, убрав раненых, построены были в каре и коленапреклонением принесли благодарственное моление Господу Сил, ниспославшему небесную помощь к отражению втрое сильнейшего неприятеля. По окончании молебствия все дружно воскликнули «Ура!» Русскому Царю! Так закончилась доблестная, геройская защита Петропавловска!

В сражении 24-го числа убито нижних чинов 31. Ранено: обер-офицеров два, нижних чинов 63.

Повреждения на батареях оказались следующие:

На батарее № 3-й у первого орудия отбита дульная часть, у второго расколот торельный пояс, разбито два станка, перебиты пара талей, сломан один банник, перебит один брюк и не оказалось одной подушки.

На батарее № 7-й у первого, третьего, четвертого и пятого орудий повреждены рамы. У первого орудия оторвана часть дула, у всех орудий сломаны

замки, у всех орудий перебиты бьюки и тали. У седьмого и пятого орудий, кроме того, повреждены подушки, у второго расколот клин и нет одной подушки; пороховой котел пробит; буравья все сломаны, разбиты три кокоры.

На судах оказались следующие повреждения:

На фрегате «Аврора»: 1) Грот-мачта прострелена ядром на высоте между третью и половиной высоты от палубы. 2) Четыре пары вант перебиты бомбою. 3) Грот и крюйс-брам-стенги с громоотводами и правые шкофутные сети перебиты ядром. 4) Фор-марсовья железная путель-ванта и стень-фордуль перебиты ядром с правой стороны. 5) Поврежден во многих местах брам-такелаж ядрами и бомбами.

На транспорте «Двина»: 1) На форштевне с левой стороны по грузовой ватерлинии пробито ядром место в половину ядра. 2) На той же стороне у фокových вант ниже белой полосы, повыше медной обшивки пробито осколком бомбы. 3) Перлень перешиблен ядром.

Повреждения в городе: сгорел рыбный сарай близ батареи № 7-й; повреждено ядрами 11 домов и пять других зданий, все повреждения могли быть исправлены; не разрушено и не сожжено ни одного здания.

В Петропавловском порте найдено 38 неприятельских трупов, в том числе четыре офицера. В плен взято четверо, из них трое опасно раненых. Принимая же во внимание, что был утоплен неприятельский катер, в котором было от 40—50 человек, и что один баркас, наполненный мертвыми и ранеными, шел только на восьми веслах и потерял, значит, не менее 80 человек, что в других гребных судах было много убитых и раненых и что, наконец, на неприятельских судах также не обошлось без потерь в людях, можно заключить без преувеличения, что потери неприятеля в сражении 24-го августа не менее 300 человек, а всего за время нападения на порт союзники потеряли до 350 человек. Взято английское знамя, семь офицерских сабель и 56 ружей.

На неприятельских судах были замечены следующие повреждения: на обоих фрегатах во многих местах пробоины в корпусе и перебиты ванты; на английском фрегате «Президент» сбит гафель и перебиты крюйс-стенги; на фрегате «Форт» перебиты фок-гик; на берегу были найдены обломки кормовых скреплений. На пароходе поврежден кожух. Несмотря на то, что английский контр-адмирал Прайс застрелился, английский контр-адмиральский флаг не был спущен во все время пребывания эскадры в порте.

ГЛАВА 9. 25-е АВГУСТА И УХОД ЭСКАДРЫ ИЗ ПОРТА

25-го августа пароход «Вираго» отправился в Тарьинскую губу, имея на буксире три баркаса. Прочия суда чинились. Батареи наши № 3-й и 7-й были исправлены в ночь с 24-го на 25-е августа. Первая укреплена земляным бруствером, а разрушенные укрепления второй исправлены. Руко-

водили исправлением: Капитан-Лейтенант Тироль, Лейтенант Гаврилов и Капитан Корнилов.

26-го ночью пароход возвратился; неприятель поднял большия гребные суда в ростры; в восемь часов утра плашкоут наш был изрублен и пущен по ветру. На французском адмиральском фрегате поднята фок-рея, на английском адмиральском «Президент» поднята крьюйс-стеннга.

В пять часов пополудни показался на рейде наш бот № 1-й под командою боцмана Новаграбленного и был уже в виду эскадры, но предупрежденный сигналами, ушел в море и передал известие о неприятельской эскадре встретившейся около Старичкова острова шхуне «Восток», шедшей в Петропавловский порт с депешами от Генерал-Губернатора Муравьева и с почтою. Шхуна ушла в Большерецк, а бот № 1-й, перескочив через риф, скрылся в морской бухте.

27-го числа эскадра, снявшись с якоря, вышла в море и скрылась из виду сего же числа. Бот № 1-й прибыл в Петропавловск 1-го сентября, а 2-го корвет «Оливуц».

Из бумаг, найденных у убитого неприятельского офицера, было видно, что общая численность неприятельского десанта доходила до 2 000 человек.

Известить о победе и представить ее трофеи — английское знамя был послан Князь Максутов, как наиболее отличившийся офицер.

Свое донесение Муравьеву о победе Завойко заканчивает так: «Неожиданное прибытие “Авроры” в Петропавловск способствовало к увеличению средств обороны порта, как орудиями, снятыми с фрегата для устройства батарей, так и тем, что из находящегося в нем большого комплекта офицеров можно было назначить в командование этими батареями и стрелковыми отрядами офицеров испытанных, которые сумеют воодушевить людей к победе. По первому удару тревоги вся команда была на фрегате, больные оставили госпиталь. Дух людей, вообще, был такой, что на ободрение командиров, сказанное 24-го августа, я получил единодушный ответ: “Умрем, а не сдадимся”».

Слова Завойко, что Петропавловский крепостной флаг будет свидетелем подвигов чести и русского мужества, исполнились во всей полноте.

ГЛАВА 10. ОТДЕЛЬНЫЕ ПОДВИГИ ГЕРОЕВ ПЕТРОПАВЛОВСКОГО БОЯ

Начальник порта Генерал-майор Завойко во все дни обороны лично присутствовал на батареях, осыпавших неприятельскими ядрами и бомбами.

Реляция Завойко от 6 сентября упоминает подвиги Князя Максутова, Лейтенанта Гаврилова, Мичмана Фесуна, провезшего порох с «Авроры» на батареи под сильнейшим огнем неприятеля, священника Георгия Логинова,

служившаго молебны на батарее в то время, когда батарея обстреливалась 80 орудиями, но кроме этих, так сказать, главных героев, многие чины Петропавловского гарнизона, не исключая даже детей, совершили ряд подвигов, которые покрыли русское оружие неуязвимой славой.

Мы скажем о подвигах чинов Петропавловского гарнизона подлинными словами начальников, ходатайствовавших о наградах своим героям-подчиненным, и извлеченными нами из дел Владивостокского портового архива.

Казачьей сотни пятидесятник Карандашев, будучи Командиром единственного в Петропавловске полевого орудия, во время сражения 24 августа, когда находившаяся при его орудии лошадь, получив пулю рану в левый глаз, утащила орудие в ров, находившийся у батареи № 7-й, то Карандашев, несмотря на град пуль, осыпавших ту местность, где находилось орудие, где было уже убито и ранено 13 человек, не теряя присутствия духа, удержал лошадь и орудие, навел его на неприятеля и только что хотел приложить фитиль, как был ранен в руку, но, несмотря и на это, он сделал выстрел, и так удачно, что неприятель после выстрела немедленно ретировался.

По случаю малочисленности Петропавловского гарнизона, Завойко был вынужден употреблять на должности кокорщиков кантонистов с десятилетнего возраста. Из числа этих кантонистов один был убит, а другого, по имени Матвея Хромовского, одну руку оторвало, а другую ранило. Были ранены и некоторые и другие кантонисты.

Кантонист Хромовский с удивительною твердостью духа переносил операцию, состоявшую в отнятии правой руки у плеча и мизинца левой руки. Во время тяжелой операции он, как свидетельствует Завойко, молчал и даже не стонал. Все дети-кокорщики исполняли свои обязанности во время сражения с превосходною расторопностью и были так веселы, что нередко по окончании сражений, тотчас после боя, начинали спускать кораблики. Завойко просил Муравьева довести о таком мужестве мальчиков до сведения Государя и для сохранения в памяти защитников Петропавловска подвигов детей исходатайствовать у Государя какое-нибудь пособие Хромовскому. Десятилетним еще ребенком Хромовский сослужил службу Царю, остался калекой и не мог не только снискать себе пропитания своими трудами, но даже не мог обходиться без посторонней помощи.

Боцман 47-го флотского экипажа Спылихин 24 августа, когда неприятель занял северную оконечность Никольской горы и распространился по ее гребню, был послан Завойкою с 17-ю человеками охотников забежать под гору вперед неприятеля и по кустам подняться на самую ее вершину. Спылихин выполнил этот маневр превосходно. Он достиг вершины горы в то время, когда часть неприятеля прошла верхний гребень и, как только другая партия неприятеля подходила к нему, он дал залп и с криком «Ура!» бросился в штыки. Неприятель не устоял и начал отступление. В это время подошли к партии

Спылихина Фесун и Жилкин со своими отрядами, и неприятель был принят с трех сторон в штыки так, что центр неприятеля бросился с утеса вниз.

Боцман фрегата «Аврора» Суворовцев, заметя шлюпку, высаживающую на перешеек десант, с пятью человеками бросился на высаживающегося неприятеля и, несмотря на то, что неприятель был сильнее в несколько раз, принудил его возвратиться назад с большим уроном.

В то время, когда батарея № 2-й, находясь под страшным огнем неприятельской эскадры, лишилась многих своих защитников, писарь 47-го флотского экипажа Петр Томасов явился к командиру порта и просил назначить его на батарею № 2-й для пополнения ее убыли. Во время сражения 24 августа писарь Томасов, по свидетельству героя Князя Максутава, исполнял свои обязанности при орудии, невзирая на смертоносный огонь, с примерною храбростию и хладнокровием.

Во время сражения 20 августа командиром батареи № 4-й был назначен кондуктор корпуса морской артиллерии 3-го класса Дементьев. В то время, когда десант осаждал город с северной стороны, один неприятельский корвет направился к Красному Яру с целью высадить десант; Дементьев под огнем с таким спокойствием наводил орудие, что четыре выстрела, сделанные по корвету продольно, нанесли ему чувствительныя повреждения, заставили его повернуть назад.

Петропавловские священники Георгий Логинов, Александр Логинов, Михаил Коллегов, будучи неоднократно призываемы к служению молебствий о даровании победы над врагами, совершали их во время действий неприятельской эскадры с очевидною опасностью для жизни. Под сильнейшим огнем эскадры они являлись сами на батарее, именем Бога Живаго ободряя защитников. Иеромонах Александро-Невской Лавры Иона во все время осады Петропавловска находился на фрегате «Аврора», служившем главною целию неприятельским снарядам.

Боцманмант Яков Тимофеев в бою 24 августа, изстреляв все свои патроны, с несколькими удалцами ударив на неприятеля врукопашную, отобрал у него несколько ружей и патронов. Из этих ружей и этими же отобранными патронами он стрелял с занятой им позиции по убежавшему в беспорядке неприятелю.

Матрос Иван Сумцов в первом рукопашном деле с неприятельским десантом, высадившимся 24 августа, проложил своим штыком путь к Начальнику партии, заколол его и тем произвел разстройство и замешательство у неприятелей. Наши воспользовались этим моментом замешательства, дружно нагрянули, и второе сильнейший неприятель в беспорядке бежал.

Корпуса морской артиллерии кондуктор 2-го класса Петр Белокопытов в то время, как неприятельская бомба, упав вблизи порохового погреба, готова была разорваться, отважно схватил бомбу в руки и сбросил ее в ров, где

и последовал взрыв. Сей смелый и доблестный поступок Белокопытова отворотил многия несчастья, могшия произойти от взрыва порохового погреба.

Штаба командира порта писарь Александр Левкович с полною отважностью и спокойствием действовал у орудия. Когда орудие было подбито и стало негодно к действию, Левкович выпросился присоединиться к отряду стрелков. Осыпaeмый градом пуль, под свистящими неприятельскими снарядами, он шел к месту расположения стрелков ровным, спокойным шагом. Такое презрение к смерти на виду у всех послужило к немалому воодушевлению чинов гарнизона.

Матрос Абубекеров и госпитальной полуроты унтер-офицер Тимофеев, завидя 24 августа неприятельский десант, высаживающийся на берег, бросились вдвоем на кучку неприятеля и уложили штыками семь человек. Когда неприятель повернул к шлюпкам, то Тимофеев и Абубекеров стреляли по отступающему неприятелю, несмотря на то, что Абубекеров получил три штыковые раны. Когда раны Абубекерова были перевязаны самим Василием Степановичем Завойко, находившимся поблизости, то Абубекеров взобрался на гребень горы и продолжал стрелять по неприятелю, приблизившемуся вновь. Он находился в строю до конца боя.

Матрос Алексей Степанов во время сражения 24 августа, отбив от прикрытия английского офицера, заколол его штыком. Будучи ранен, после перевязки возвратился в строй и был участником боя до конца сражения.

Матрос Халитов с замечательною отвагою отбивался штыком и прикладом от напавшей на него толпы английских солдат, заставил их отступить, причем убил четырех человек.

Матрос Алексей Данилов, будучи ранен пулей в живот, истекая кровью, страдая от ужасной боли, продолжал стрелять из ружья по неприятелю. Он ни за что не хотел оставить своего места. Только верный долгу воинской дисциплины он послушался своего начальника Лейтенанта Михайлова, приказавшаго ему отправиться на перевязку.

47-го флотского экипажа квартирмейстер Григорий Евстафьев был командиром орудия на батарее № 7-й. Когда его орудие было подбито, он отошел к следующему и действовал в качестве прислуги, также с беззаветною отвагою. Квартирмейстер Александр Соленый находился командиром орудия на левом фланге батареи № 7-й. Когда неприятельский пароход подошел на пушечный выстрел, то Соленый первый открыл и своими меткими выстрелами заставил пароход отойти. Когда орудие, которым командовал Соленый, было подбито, то он отошел к другому орудию и во время жаркого боя служил при нем прислугою, с полной неустрашимостью и хладнокровием.

Матрос Василий Попов в самый разгар перестрелки 24 августа был ранен пулею в верхнюю часть головы. Весь залитый кровью, на приказание идти на перевязку, он просил у Мичмана Фесуна позволения остаться. Получив

разрешение, он во время произошедшей затем штыковой свалки своим мужеством немало способствовал отражению неприятеля.

Всех, оказавших отличие в примерном мужестве, хладнокровии, за исключением перечисленных, было 75, которым начальство ходатайствовало у Государя Императора награждения знаком отличия Военного Ордена.

Из офицеров получил орден Святого Георгия Василий Степанович Завойко 3-й степени и Князь Максutow 4-й степени. Все участвовавшие в бою офицеры получили следующие чины и ордена с бантами. Из гражданских чиновников, из коих Коллежский Ассессор Лохвицкий исполнял у Завойко обязанности дежурного Штаб-офицера, получили ордена, им следующие чины 21 человек.

ГЛАВА 11. ПРЕДПИСАНИЕ МУРАВЬЕВА ЗАВОЙКО О МЕРАХ К ЗАЩИТЕ ПЕТРОПАВЛОВСКА НА СЛУЧАЙ ВТОРИЧНОГО НАПАДЕНИЯ НЕПРИЯТЕЛЯ

Весть о блистательной защите Петропавловска Генерал-Губернатор Муравьев получил 6 ноября 1854 г. В ответ на донесение Завойко о победе и его ходатайство о наградах, Н. Н. Муравьев 15 ноября писал Завойко следующие строки:

«Радостную весть о блистательном отражении англо-французской эскадры и десанта при нападении на Петропавловский порт я получил от Лейтенанта 47-го флотского экипажа Князя Максutowа. Ваше донесение я отправил с тем же офицером в Санкт-Петербург Его Императорскому Высочеству Великому Князю Константину Николаевичу.

Хладнокровие и распорядительность Ваши, личное посещение всех пунктов бывшего действия при мужестве войск, одушевленных Вами, были главнейшими причинами блистательного отражения неприятеля; я поставил себе приятною обязанностию представить об этом Его Высочеству; прошу Вас принять от меня изъявление искренней и душевной признательности, поздравить от моего имени всех тех, кои удостоились принять участие в этом деле, покрывшем новою славою русское оружие на краю отдаленнейших пределов Империи.

Вместе с тем уведомляю Ваше Превосходительство, что вместе все представления Ваши, касающиеся доставления весною будущего года разных предметов в Камчатку, и соображения Ваши, относящиеся до защиты Петропавловского порта на случай нападения неприятеля в будущем году, относительно доставления в Камчатку разных предметов продовольствия и прочаго, мною сделаны уже здесь надлежащая распоряжения, равно как и об отправлении по Амуру всего необходимаго для усиления Петропавловского порта; о некоторых же артиллерийских предметах я вхожу ныне с представлением

к Его Императорскому Высочеству. Все эти предметы, команды и продовольствие, будут сплавлены по Амуру с первою возможностью плыть по этой реке и будут доставлены к устью Амура не позже, как 15 мая, а потому необходимые для дальнейшей перевозки всех потребностей, в том числе 50 тысяч пудов провианта в Камчатку транспорты: “Байкал”, “Иртыш” и “Двину” отправьте из Петропавловска в бухту Де-Кастри с таким расчетом, чтобы транспорты эти пришли в бухту не позже 15 мая, где они тотчас по прибытии должны дать знать чрез Мариинский пост Контр-Адмиралу Невельскому.

Затем, обращаясь к обороне Камчатки, я, принимая во внимание невозможность усиления Петропавловскаго порта ранее начала июля сухопутными войсками, а также, соображаясь с бывшими действиями неприятеля, нахожу необходимым сделать следующее:

Первое. Уменьшить число батарей, чрез что сократится расход людей и бесполезная их трата, тем более, что при бывшем бомбардировании Петропавловскаго порта самое деятельное участие в отражении неприятельских судов принимали и оказались вполне полезными только батареи на Сигнальном мысу, на Кошке и у Краснаго Яра. Две же батареи 24-фунтовых орудий на перешейке и перед озером, будучи открыты и лишены взаимной обороны, были в самое короткое время сбиты с большим для них уроном, не нанеся неприятелям почти никакого ущерба и нисколько не воспрепятствовали высадке десанта; для лучшаго же успеха означенных трех батарей сосредоточить огонь их против входа в гавань Петропавловскаго порта, для чего батарею с Краснаго Яра перенести и устроить против Сигнальнаго мыса, как было предписано мною 21 июня. Тогда взаимное действие батарей будет гораздо сильнее; по положению места сбить их неприятелю будет очень трудно и даже невозможно, или потребует от него такой решительности, которой флот его нигде в настоящую войну не показал, а защищать эту батарею от десанта будет гораздо ближе.

Второе. Все вышесказанныя орудия большого калибра, принадлежащая Петропавловскому порту, то есть бомбическая и 36-фунтовая пушки, разделить поровну на сии три батареи, ибо, как показывается из опыта, только эти орудия и воспрепятствовали судам войти в гавань. Распределение орудий по батареям полагаю так: пять на Сигнальном мысу, пять у кладбища и шесть на Кошке, где, впрочем, в пустыя амбразуры можно вставить три фрегатския пушки, которые на фрегате уже бесполезны, и, зарядив их, сделать выстрел кортечью (если возможно выстрелить), когда неприятель подойдет уже близко. Фрегат и корвет в полном вооружении должны занять позицию в ближайшем, по возможности, к батареям расстоянии, имея, разумеется, рангоут спущенным, сколько возможно, сложив его даже на берегу. Расположение судов будет встречать неприятеля батальным огнем из всех орудий. В случае, если бы неприятель, несмотря на страшный огонь сосредоточенных ба-

тарей, решил бы продолжать приближаться и вошел бы под выстрелы 24-фунтовых орудий фрегата и корвета, которым не следует начинать пальбу рано, но, подпустив судно под выстрелы, действовать тогда с возможною быстротою и меткостью. Огня этого не выдержит ни одно судно, и отступит со значительным повреждением или будет потоплено.

Третье. Все батареи устроить закрытыми, имея вал и мерлоны достаточной толщины, дабы укрепления сии могли выдерживать действие неприятельских орудий. Батарея же № 1-й должна быть так устроена, чтобы она была сокрыта от продольных выстрелов с западной стороны, для чего батарею сию нужно углубить в гору до потребной степени, чтобы с западной стороны она была прикрыта оставленною частию этой горы.

Четвертое. При береговых батареях, долженствующих действовать против неприятеля преимущественно каменными ядрами, устроить печи для каления ядер и иметь сколь возможно большее число зарядов из запасов пороха на фрегате и корвете имеющихся; на судах же сих оставить лишь необходимое число выстрелов на тот крайний случай, если бы неприятель прошел на пробой, прямо на Кошку.

Пятое. Для действий против десанта из имеющихся в Петропавловском порте орудий малого калибра устроена уже батарея у озера по указанию моему в 1849 г., поныне при значительно увеличившихся средствах порта и по опыту бывшего нападения следует батарею еще усилить, имея несколько орудий, направленных на гору, чтобы сказанными орудиями обстреливаем был вход по дорогам, ведущим в Петропавловский порт с обеих сторон озера и часть горы по левую сторону, то есть внутреннюю пологость Никольской горы, которую надлежит очистить от кустов и деревьев, дабы не дать возможности неприятелю укрываться от нашего огня.

Шестое. Батарею № 4-й с левой стороны бухты против перешейка из орудий малаго калибра иметь в готовности с небольшим числом прислуги для действия картечью против неприятельскаго десанта, если бы он появился на внутренней покатости перешейка и самой горы.

Седьмое. Сверх того, для усиления защиты Петропавловскаго порта против десанта, который, по мнению моему, объясненному еще в бытность мою в Камчатке в 1849 г., подтвердившемуся ныне на опыте, должно всегда ожидать со стороны озера и перешейка, необходимо на самой вершине горы четыре малых блокауза с одним орудием наверху каждаго; орудия эти могут при большом наклонении вредить неприятельскому десанту, как при высадке, так и при отплытии обратно, но главное назначение блокаузов препятствовать неприятелю ружейным огнем взобраться на гору, а когда взойдет, бить его ближайшим ружейным огнем; самые же блокаузы эти на высоте горы не подвергаются большим опасностям от выстрелов неприятельских судов, а десант не успеет взять их приступом, покуда подойдут

наши резервы снизу. Кроме того, один блокгауз, ближайший к Сигнальному мысу, должен препятствовать неприятелю, взошедшему на гору, спуститься с горы на нашу батарею.

Восьмое. Затем, в отношении распределения всех воинских чинов на суда, по батареям, в блокгаузы и в резерв, я назначаю следующее:

На фрегате и корвете оставить только третью часть команды. На трех батареях большого калибра иметь по 12 человек на каждое орудие, на батареях малого калибра довольно четыре человека на орудие, в блокгаузах по 12 человек лучших стрелков в каждом, а затем всех остальных людей иметь в резерве и держать в совокупности, направляя против неприятельского десанта не мелкими частями, а достаточно сильными отрядами, так как Ваше Превосходительство всегда благовременно будете предупреждены о приближении десанта из блокгаузов или с батареи у кладбища; ночью же принять все надлежащие предосторожности, чтобы открыть приближение неприятельского десанта сколь возможно ранее, устраивая секреты и на воде и даже посылая конные разъезды, чтобы предотвратить наши батареи от внезапного нападения.

Изложивши таким образом Вашему Превосходительству для руководства и исполнения предложения мои относительно защиты Петропавловского порта с теми средствами, которые ныне у Вас находятся, я не излишним считаю присовокупить, что прочно сделанные батареи, поставленные на надлежащих местах и действующие преимущественно калеными ядрами, в состоянии будут остановить со значительным уроном солидного и предприимчивого неприятеля, плывущаго на судах, а батареи против десанта, блокгаузы и сосредоточенные резервы, воодушевленные любовью к престолу и отечеству, при содействии их храбрости, под личным начальством Вашего Превосходительства, после одержанных уже побед отразят, конечно, с блистательным успехом неприятельский десант и в больших силах, чем было в нынешнем году.

Что же касается до устройства блокгаузов, по препровождаемым при сем Вашему Превосходительству чертежам и карте, на которых примерно назначено все расположение, то считаю нужным уведомить, что, опасаясь, дабы не встретилось затруднение в скорой постройке их в Петропавловском порте, я распорядился постройкою на р. Шилке по этому же чертежу деревянных блокгаузов, кои будут доставлены по навигации будущего года с первым сплавом по реке Амуру, а потом на транспортах в Камчатку. Между тем, для усиления сухопутных сил я покорнейше прошу Ваше превосходительство немедленно вызвать на службу с оружием и имеющимся у них порохом всех казаков камчатских сотен, от 16 до 60 лет, проживающих в Гижиге, Тигиле, Нижнее-Камчатске и Петропавловском порте, где они должны находиться с 1 мая по 1-е ноября, а потом они могут возвратиться по своим домам. Для охранения же магазинов в сказанных местах разрешаю оставить в Гижиге

не более 12 человек, а в Тигиле и Нижне-Камчатске только самое необходимое число казаков, то есть по два или по три человека, причем присовокупляю, что для выигрыша времени с настоящею почтою предписывается в Гижигу и в Тигиль, не ожидая предписания Вашего Превосходительства, распорядиться отправкою в Петропавловск казаков, дабы они могли прибыть туда не позже 1 мая будущего 1855 г.

В заключение поставляю себе долгом сообщить Вашему Превосходительству, что, принимая во внимание как представленное мне Вами донесение о нападении неприятельском, так и все другия обстоятельства, мне известные, я не считаю возможным допустить потопление фрегата и корвета, и хотя весьма было бы полезно, чтобы суда эти, или одно из них, были отправлены Вами вместе с транспортами в бухту Де-Кастри в апреле месяце, но, имея в виду, чтобы отправкою этих судов Петропавловский порт по прибытии особых подкреплений не будет иметь достаточной защиты, я решаюсь оставить их там, а транспорты: “Двину”, “Иртыш” и “Байкал” отправить без конвоя, в той надежде, что в мае месяце неприятельския суда в опасении ото льдов не покажутся в Охотском море и Татарском проливе, и прошу Ваше Превосходительство на транспортах сих отправить только самое необходимое число команды для управления парусами.

В бухте же Де-Кастри экипажи судов сих будут пополнены, если в этом встретится надобность, из 500 человек подкрепления, предназначенного мною для Петропавловскаго порта; все дальнейшия распоряжения будут сделаны лично мною, сообразительно с обстоятельствами. Ваше же Превосходительство покорнейше прошу с этими же судами донести об исполнении вышеизложеннаго, преимущественно словесно, чрез каждого из г.г. командиров, а для помещения на зиму подкреплений и 50 тысяч запаса провианта сделать зависящее от Вас распоряжение. В Большерецком прошу Ваше Превосходительство учредить с 1 мая самое быстрое сообщение, и на самом устье реки Большой иметь пост с сигналами для подходящих судов; на посту этом иметь смышленнаго и грамотнаго человека, которому Ваше Превосходительство сообщайте письменно о положении неприятеля и движении его судов, если таковые покажутся. Записки с поста должны передаваться Командирам судов, которья будут подходить к Большерецку для получения сведений».

ГЛАВА 12. МЕСТНЫЕ СРЕДСТВА В ОБОРОНЕ ПЕТРОПАВЛОВСКА НА СЛУЧАЙ ВТОРИЧНОГО НАПАДЕНИЯ НЕПРИЯТЕЛЯ

Доблестно отразив англо-французскую эскадру и непременно ожидая весною будущего года вторичнаго нападения неприятельской эскадры на Петропавловский порт, Завойко имел в виду, что она непременно будет сильней количеством судов и команд против эскадры, бывшей здесь в августе

1854 г., так как последняя, не приобретя никакой выгоды, принуждена была уйти обратно с важными потерями; между тем, весною 1855 г. средства к защите Петропавловскаго порта предполагались вдвое слабее, ибо: во-первых, с выходом фрегата «Аврора» Петропавловский порт, кроме 22 орудий, на нем находящихся, лишился еще батарей №№ 3-й, 4-й и 7-й, устроенных из фрегатских орудий; эти орудия могли быть, хотя не вполне, заменены корветскими. Но батареи из 24-фунтовых коронад должны быть сбиты фрегатскими пушками, не сделав повреждений фрегатам, потому что такого калибра пушка бьет на 10 кабельтов, тогда как самый дальний выстрел корветской коронады только на 7 кабельтов. Во-вторых, корвет, поставленный в Малой губе, будет находиться в таком разстоянии, на которое корветския пушки не возьмут. В-третьих, корвет не может выслать столько команды, сколько фрегат, для действия против десанта. В-четвертых, из нижних чинов 47-го флотскаго экипажа выбыло из строя до 120 человек и, в-пятых, пороху и патронов имелось вдвое меньше против количества, находившагося налицо к 17 августа.

Обстоятельства сии Губернатор Камчатки представил на благоусмотрение Его Высокопревосходительства Генерал-Губернатора. И просил приказать при первой возможности прислать сюда до 300 чел. команды, считая в то число до 150-ти из команды фрегата «Паллада», остальные же 150 Завойко желал получить из старослужащих сухопутных войск. Просил он у Муравьева бомбических орудий и 20 орудий 24-фунтового калибра с фрегата «Паллады» с запасными станками, сколь можно более пороху, скорострельных трубок и прочих артиллерийских снарядов, и рапортовал, что высланный до сего порох ненастоящей доброты, отчего снаряды не доходили на должное разстояние, и от этого не последовало капитальнаго повреждения судам неприятельской эскадры.

Завойко просил отправить порох из запаса недавних лет, тщательно укупорив его, дабы он не мог подмокнуть во время перевозки, и чтобы каждое место было не более двух пудов, чтобы, если потребуется, выложить порох на берегу в окрестных местах, то возможно было доставить по здешним средствам. Просимыя Губернатором у Муравьева пушки и артиллерийские снаряды он желал получить благовременно, чтобы в исходе апреля 1855 г. транспорт, прибыв к г. Капитану 1-го ранга Невельскому, принял с фрегата «Паллада» людей и прочее и немедленно следовал обратно в Петропавловский порт. Насколько же возможно было увеличить средства обороны Петропавловска, видно из рапорта Невельского к Завойко.

Невельской получил предписание Завойко 16-го октября в Николаевском посту. На это предписание 18-го октября 1854 г. он отвечал следующее:

«На предписание Вашего Превосходительства имею честь почтительнейше донести: 1) Из приложенных при сем ведомостей Ваше Превосходитель-

ство изволите усмотреть, в каких местах и в каком количестве находится артиллерия, порох и снаряды фрегата “Паллады”.

2) Фрегат “Паллада” не вошел в реку Амур. Я отправился 24-го сентября от мыса Лазарева вместе с фрегатом “Диана” в Татарский пролив препятствовать высадке неприятеля в этом проливе и покушениям его на Мариинский пост, что при селении Кизи. Г. Генерал-Адъютант граф Путятин при отправлении его отсюда полагал: оставить фрегат “Палладу” на зимовку в Императорской гавани с одними часовыми и, в крайнем случае, при нападении на него неприятеля, употребить “Палладу” вместо брандера или сжечь, а потому, где фрегат этот находится в настоящее время и что с ним сделалось, мне неизвестно.

3) Команда фрегата “Паллада” в полном составе, с дополнением самыми лучшими людьми и командирами с других судов, с фрегата “Паллада” взята г. Генерал-Адъютантом графом Путятиным на фрегат “Диана” со всеми больными, частью неспособными, в числе 250 чел., оставлена в постах вверенной мне Амурской экспедиции при весьма ограниченном числе г.г. офицеров.

4) Пристань, устроенная усилиями команд обоих фрегатов для сгрузки артиллерии фрегата “Паллада” на мыс Лазарева, бывшими здесь равноденственными штормами разрушена до основания и не может быть вновь устроена ранее открытия навигации (что будет не ранее исхода мая месяца), потому что артиллерия сгружена на мыс Лазарева в таком месте, где устройство в продолжение весны вновь пристани будет совершенно напрасно, ибо весною при сильном напоре на эти места льда ее непременно уничтожит. Без пристани же нагрузка артиллерии большого калибра на суда невозможна. Мыс Лазарева находится от Николаевского поста в 75 милях. Это пространство должно проходить между мелями, по каналам.

5) Зимующий при Николаевском посту тендер “Камчадал” имеет важные повреждения в руле и даже в самом корпусе, и вообще весьма ненадежное судно; повреждения будут исправлены, но сверх сего не имеет якорей, каких в экспедиции так же нет.

6) Навигация по Амуру и Лиману в настоящее время закрылась.

7) По предписанию Генерал-Губернатора Восточной Сибири артиллерия фрегата “Паллада” назначена для вооружения крепостей при устьях Амура, где с будущей весной соединятся все наши запасы для здешнего края и для Камчатки, а команда фрегата “Паллада” вместе с командами экспедиции должна защищать места, здесь нами занятые, составлять гарнизоны воздвигаемых укреплений, которые должны быть готовы к будущей навигации.

8) По смыслу же предписания Г. Генерал-Губернатора, дивизион горной артиллерии в Де-Кастри должен препятствовать высадке неприятеля в этом заливе и покушению его на Мариинск, что у озера Кизи.

9) Исследования в продолжении нынешняго лета Лимана показали, что неприятель весьма легко может войти в реку и сделать на нас здесь нападение с целью отрезать прямое наше сообщение с Сибирью, уничтожить все наши запасы и, наконец, неприятель, не найдя в Петропавловском порте почти две трети судов наших, в здешних морях находящихся, без сомнения, в продолжение зимних месяцев будет стараться получить сведения, где они находятся. Китобои, которые в исходе сентября были в Охотском море и даже в Татарском проливе, могут доставить ему сведения о пребывании нашей эскадры в Лимане и о возможности по нему плавать. По этим причинам и здесь с будущею навигациею надо быть готовым к отражению неприятеля.

Оценивая и сознавая всю важность немедленного исполнения предписания Вашего Превосходительства об отправлении на тендере “Камчадал” одного горнаго орудия с надлежащим количеством бомб и ядер, картечей, скорострельных трубок и прочих артиллерийских снарядов, 12 человек офицеров с фрегата “Паллады” и одного командира конной артиллерии по всем вышеизложенным причинам я, к крайнему сожалению моему, ныне исполнить не могу.

Копия с этого донесения моего Вашему Превосходительству, равно и копия с предписания Вашего, ныне же с нарочным отправлена мною Г. Генерал-Губернатору, от котораго к апрелю месяцу могут быть здесь все распоряжения по изложенным в этих бумагах обстоятельствам. Карта, подробныя наставления в случае плавания судов наших по Лиману и входа их в Амур, равно и все те распоряжения, какия угодно будет сделать Его Превосходительству, будут известны в заливе Де-Кастри к открытию навигации, то есть к началу апреля месяца.

При этом нужным считаю предварить Ваше Превосходительство, что плавание через Лиман из Татарскаго пролива в Охотское море и вход в реку Амур из этого залива прибрежным южным каналом для парусных судов, сидящих не более 12 футов, не встречает больших затруднений; плавание же парусных судов по Лиману и вход в реку Амур, как из Татарскаго пролива, так и из Охотскаго моря судов, сидящих до 20—22 фут, без надлежащих пароходов (буксирных, не менее 150 сил), которых здесь не имеется и нет надежды, чтобы в будущем лете были, весьма затруднителен и почти невозможен; с сказанными же пароходами весьма легко и просто.

В заключение сего долгом считаю еще предварить Ваше Превосходительство, что при последнем свидании моем с Генерал-Адъютантом, Адмиралом Путятиним, 1-го сентября Его Превосходительство предполагал ранней весной, то есть в апреле или начале мая, зайти на фрегате “Диана” в Петропавловский порт. Мне положительно известно, что на фрегате “Диана” пороха и всех нужных артиллерийских снарядов находится до 120 выстрелов на орудие.

Находившиеся на фрегате “Паллада” четыре бомбических орудия взяты на фрегат “Диана”, взамен которых оставлены четыре пушки с нижнего дека, кроме того, Его Превосходительство Ефим Васильевич располагал по приводе фрегата “Паллада” в Императорскую гавань взять с него большую часть пороха и снарядов из того количества, какое оставалось на фрегате, что Ваше Превосходительство изволите увидеть из ведомостей.

Из полученных от Вашего Превосходительства бумаг не видно, что транспорты “Байкал” и “Иртыш” находятся в Петропавловском порте, а потому я обязанностию считаю донести Вашему Превосходительству, что первый по проходе через Лиман в Петровское селение от мыса Лазарева 18 августа отправился в Аян, а из Аяна, сколько мне известно, вместе с транспортом “Иртыш” около 1 сентября отправился в Петропавловский порт».

ГЛАВА 13. РЕШЕНИЕ ОСТАВИТЬ ПЕТРОПАВЛОВСКИЙ ПОРТ

Великий Князь Константин Николаевич 21 ноября 1855 г. уведомил Муравьева, что Государь Император на донесении Завойко о принятых им мерах к обороне порта собственноручно написал: «Спасибо».

Его Высочество в особом рескрипте сообщил Муравьеву, что «Лейтенант Князь Максutow, прибыв в Санкт-Петербург 20 ноября, представил Его Высочеству английское знамя и донесение Муравьева от 7 ноября вместе с бумагами от Контр-Адмирала Завойко. «Я немедленно, — писал Великий Князь, — сам повез Максutowа в Гатчину к Государю, и Максutow имел счастье лично повергнуть к стопам Его Величества трофеи, взятые храбрыми защитниками Камчатки.

Поздравляю вас от всей души с отражением неприятеля и радуюсь, что наши моряки отличают себя истинно геройскими подвигами на берегах Восточного океана, как и на берегу Черного моря. Из Инспекторского Департамента Морского Министерства Вы получите подробное уведомление обо всех наградах, Всемилостевейше пожалованных за оборону Петропавловского порта. Поздравьте от меня Камчатских героев с Монаршими милостями и скажите им, что Государь чрезвычайно ими доволен».

«Поспешая отправить к Вашему Превосходительству, — пишет Муравьев Завойко, — Адьютанта моего Есаула Мартынова со всеми Всемилостевейше пожалованными храбрым защитникам Камчатки наградами, я покорнейше Вас прошу объявить им удовольствие Государя, поздравление Великого Князя и сказать им, что я вполне счастлив геройскими их подвигами и Монаршими к ним милостями и жду с нетерпением времени лично вести их в бой против неприятеля туда, куда призывает их для защиты отечества геройская их храбрость».

Есаул Мартынов прибыл в Петропавловск 3 марта 1855 г. 5 марта того же года был отдан следующий приказ командира Петропавловского порта Контр-Адмирала Завойко: «Спешу поделиться со всеми чувствами, возбужденными во мне искренне отцовской заботливостью Его Императорского Высочества Генерал-Адмирала о всех нас!

Государь Император, вполне понимая то затруднительное положение, в котором находится Петропавловский порт, как в отношении доставки продовольствия и подкрепления людьми и снарядами, так и в отношении того, что в будущее лето при наших настоящих средствах мы можем подвергнуться нападению неприятеля, непомерно превосходящего нас силами; понимая все это, и дорого ценя жизнь храбрых защитников Камчатки, уже знаменитых подвигами, Государь Император повелел Его Превосходительству Генерал-Губернатору сделать распоряжение к переводу всех чинов Морского ведомства в место, где их испытанное мужество принесет Отечеству значительную пользу, не подвергая их лишениям всякаго рода неразлучным от оставления в Камчатке».

Этот пункт приказа требует пояснений.

На представление Генерал-Губернатора о предложенных им мерах к обороне Петропавловска, изложенных выше, Его Императорское Высочество Великий Князь Константин Николаевич писал 29 декабря 1854 г. следующее:

«Ваше Превосходительство полагаете укрепить для будущаго лета Камчатку, для чего потребуются большие усилия и невероятные труды, результат коих еще весьма сомнителен. Если неприятель решится действовать в превосходных силах, высадит порядочный десант, то едва ли все меры, которые мы в состоянии будем принять, будут достаточны для отражения его. Если же он подобнаго нападения не предпримет, то все усилия наши не будут нужны и составят нам лишний расход. Здесь мы приняли за правило защищать упорно в будущем году только те пункты, которые мы действительно в состоянии защищать, а прочие оставить без защиты, дабы не дать неприятелю возможность хвастаться победой.

В Сибири сильным пунктом, в котором может найти убежище весь тамошний флот и который мы в состоянии защищать, если мы соединим в нем все усилия наши, есть *не Камчатка, а Амур*, и потому не сочтете ли более благоразумным с открытием навигации не посылать в Камчатку военные силы, а, напротив, оттуда вывести оныя, снабдив только жителей продовольствием, которое спрятать внутри края, и затем безоружный город или местечко оставить в гражданском управлении. Собственно порт и морския учреждения упразднить, суда и экипаж вывести и все военные способы сосредоточить на Амуре.

Мысль эту я докладывал Государю, и она удостоена предварительнаго одобрения Его Величества».

На основании этого рескрипта Его Высочества Муравьев писал Завойко: «Имея в виду таковое Высочайшее одобрение, основанное на принимаемой системе действий и вообще против неприятеля, и зная, что эскадра наша в здешних местах не может быть усилена и в будущем году и, следовательно, Петропавловский порт останется без всякаго благонадежнаго сообщения с устьем Амура или Аяном, а также, усматривая из полученных мною сведений, что неприятельская эскадра, действовавшая в настоящем году, усилена даже линейными кораблями, я признаю необходимым перенести из Петропавловскаго порта все находящиеся там: военные средства, морскую команду и управления, как военныя, так и гражданскія в Николаевскій порт на устье Амура; оставить в Камчатском округе только управление земское, с присвоением исправнику всех тех обязанностей, кои возложены на земских исправников малолюдных округов Сибири, и почтовую контору».

Таким образом, этот приказ решил участь Камчатки. Центром внимания Государя и Высшаго Правительства с этого времени сделался Амур и его устье, а Камчатка и по наши дни остается забытой.

Эти два распоряжения и послужили основанием к вышеприведенному пункту приказа Командира Петропавловскаго порта. Продолжаю цитировать начатый приказ.

«Вследствие выраженной Высочайшей воли, Его Высокопревосходительство Г. Генерал-Губернатор изволил мне предписать: по получении этого известия вооружить суда, нагрузить на них казенное имущество и, посадив на них всех чинов морскаго ведомства и гражданское управление с их семействами, немедленно следовать к месту назначения. Объявляю об этом по командам, так же, как и вышеизложенную к нам Высочайшую милость, я со своей стороны спешу поздравить всех Вас, мои сослуживцы, мои товарищи в ратной славе, поздравить от души, благодарить от чистаго сердца и сказать, что я считаю себя счастливым, командуя подобными молодцами, сказать Вам, что я горжусь Вами. Государь Император заботится о нас! Бог видит нас и Отечество, отдавая полную справедливость, шлет нам дары свои.

Кроме пожертвований, собранных жителями города Иркутска, подписка в пользу Камчатских защитников идет по всей Сибири и, судя по усердию, с каким спешат вносить приношения, видно, какое участие вселил во всех подвиг наш. Теперь нам остается важное дело; нужно употребить все усилия к возможно скорейшему изготовлению судов для выхода в море, и я надеюсь, что здесь, как и всегда, офицеры и нижние чины сделают все возможное, не щадя никаких трудов, работая со рвением, старанием и напрягая все силы. Надеюсь на это, тем более что каждый должен понимать, что успех нашего предприятия зависит от ранняго выхода в море, чем, предупредив неприятеля, мы, при помощи Божией, можем надеяться достигнуть по назначению благополучно, так как соединенныя англо-французскіе

эскадры не могут и думать, что мы оставим Авачинскую губу в столь раннее для навигации время.

Объявив по команде обо всем этом, я остаюсь в полном убеждении, что проникнутые чувством глубокой благодарности к Государю Императору и к его Отеческой о нас заботливости, все сделают, что возможно, для того, чтобы и впредь с именем героев-защитников Камчатки было соединено название неустрашимых моряков, не уступающих ни перед какими препятствиями и всегда готовых идти туда, куда зовет их долг службы Царю и Отечеству».

Того же дня был подписан другой приказ по порту, в котором писалось следующее: «Поручаю г. Командующему 47-м флотским экипажем завтрашнего числа, после обедни, собрать команды нижних чинов при г.г. Штаб и Обер-офицерах на площади в полной парадной форме, с ружьями и принести на древке крепостной флаг с фрегата “Аврора”. Я буду иметь счастье сам лично явиться к фронту, поздравить товарищей с Монаршими Милостями к нам и соответственно статута кавалеров Георгия раздать знаки ордена счастливым нижним чинам, которые будут избраны, и потом вместе принести благодарственное молебствие за помощь Божию к нам, за Царя и Россию».

ГЛАВА 14. ПЛЕНЕНИЕ СОЮЗНИКАМИ РУССКАГО ТОРГОВАГО КОРАБЛЯ «СИТХА»

Весть о блистательной обороне Петропавловска в октябре месяце дошла до Америки. Это известие прибыло в Америку одновременно с плененными союзниками русскими, плывшими на торговом корабле «Ситха». Так как пленение «Ситхи» есть видный эпизод из борьбы горсточки русских людей с англо-французами, то не излишним полагаем извлечь из архивных дел Владивостокского порта всю переписку, касающуюся этого события.

«Несколько дней назад иностранные газеты, — пишет Политковский Муравьеву, — известили нас о нападении англо-французского флота на Петропавловск и об овладении двумя русскими судами, из коих один — корабль Российско-Американской Компании “*Cumtca*”; вчера я получил формальное известие об этом из Санкт-Франциско, куда доставлена большая часть лиц с “Ситхи” на французском фрегате; а корабль “Ситха” уведен англичанами на остров Ванкувер. В Петропавловске съели они порядочный гриб и со стыдом должны были оттуда отретироваться; гарнизон, суда и батареи исполнили свое дело на славу.

Зная подробности этого события, любопытного для Вас, почтенный Николай Николаевич, я спешу сообщить Вам копии с двух полученных мною бумаг: первое — донесение Костромитинова из Санкт-Франциско от 2 (14) октября и два письма к нему находившагося пассажиром на “Ситхе” Титулярного Советника Хитрово, доставленного в Санкт-Франциско вместе с други-

ми пассажирами и описывающего как подробности взятия “Ситхи”, так и бой у Петропавловска. Я думаю, что эти сведения никаким другим путем еще до Вас не дошли, а потому мне весьма приятно может быть первому поздравить Вас со славным отпором, данным Вашими Камчадалами в столь неравной по силам борьбе.

Письмо Хитрово очень любопытно, хотя, может быть, некоторые подробности, переданные очевидцами в рассказах, могут оказаться не совсем верными; неизвестно только, какие с нашей были потери, и это будет известно только из Вашего донесения, но едва ли оно скоро последует.

Тотчас по получении сих сведений я повез оныя Великому Князю Константину Николаевичу, прочитал ему; Он чрезвычайно был этим обрадован; и это обстоятельство, конечно, много ускорит и поможет успешному ходу Ваших последних представлений, а в особенности на счет пароходов и фрегата.

Цесаревич также вчера говорил со мной об этом деле с особенным удовольствием. Последняя известия из Севастополя от 12 ноября: дела все в одном положении; только оказывается значительная прибыль к потерям, понесенным неприятелем от бури 2-го числа. Сегодня же получено от Воронцова телеграфическое известие, перешедшее через Вену, а туда дошедшее из Триеста, что от этой же бури в Босфоре погибло: английских три транспортных судна и четыре больших парохода, из коих два потонули, и три малых парохода; а французских погибло: два линейных корабля и несколько других меньшего размера судов. Это с потерями около Евпатории и Балаклавы составит огромное количество и может равняться с морским поражением, самым чувствительным. Надобно ожидать, что будут и еще повреждения, ежели только, как по всему видно, они намерены там оставаться на зиму».

При этом письме была приложена копия с донесения агента Российско-Американской Компании.

«С крайним сожалением имею честь донести Главному Управлению, что корабль “Ситха”, под командою шкипера Конради следовавший из Аяна в Петропавловск, близ самой Авачинской губы был взят англо-французской эскадрой при обратном выходе оной из порта. Экипаж и пассажиры корабля были объявлены военнопленными, а корабль и находящийся в нем груз, заключающий в себе казенное и компанейское имущество и собственно торговое имущество, взяты в приз. Корабль “Ситха” и большая часть пленных отвезены на остров Ванкувер, в порт Викторию. Находящиеся же в числе пассажиров два военных офицера, четыре гражданских чиновника, два купца, один прикащик и два бывших при них служителя были перевезены на французском корабле и привезены в здешний порт. Означенные пленные, кроме военных офицеров, по распоряжению французскаго адмирала были здесь освобождены. Подробности сего печального события Главное Правление

усмотрит из прилагаемого при сем письма ко мне Титулярного Советника Хитрово, а также из краткого уведомления шкипера Конради.

В том же письме Главное Правление найдет сведения, собранные г. Хитрово от французских офицеров о неудачном покушении французской эскадры к овладению Петропавловским портом, а также предположения неприятеля на будущее время; обо всем этом я имел честь донести с нынешнею же почтою нашему послу в Вашингтоне. Храбрая защита Петропавловскаго порта, вследствие которой неприятельская эскадра, состоящая из пяти парусных судов и одного парохода при 196 орудиях, должна была отступить, весьма приятна. Все здешняя газеты несколько раз наполнялись статьями о счастливом событии. В заключение долгом считаю присовокупить о дошедшем до меня слухе, будто бы неприятельские адмиралы заранее уже имели предписания своих правительств о взятии корабля “Ситхи” и других, под каким бы флагом они не находились».

Кроме этого письма Политковский получил из Вашингтона еще два письма, которые также препровождались к Муравьеву в копиях:

«Американские газеты наполнены известиями о геройской защите Петропавловска и о подвигах знаменитого союзного флота. Нельзя себе представить, как растет к нам участие в Америке. Американцы столь же радуются нашим успехом, как бы это касалось их самих, и нет конца насмешек над союзниками за их преждевременные хвастливые победы; теперь вопрос о Севастополе занимает всех более, чем собственные дела.

Все журналы твердят, что Россия есть естественная союзница Америки; указывают на те огромные торговые выгоды, которые Америка может извлечь из тесного союза с Россией, и так как журналы руководят здесь общественным мнением, то это не может остаться без благоприятных последствий».

При этом письме приложено несколько газетных американских статей о деле в Петропавловске. Некоторые из них будут помещены в «Северной Пчеле».

Но самое любопытное известие было получено из копии письма Хитрово, чиновника особых поручений Камчатскаго Военнаго Губернатора.

«По изъявленному Вами желанию, — писал Хитрово Костромитинову, — знать подробности о взятии соединенной англо-французскою эскадрою “Ситхи”, корабля Российско-Американской Компании, шедшаго из Аяна в Петропавловский порт, и на котором находился я в качестве пассажира, отправляясь к месту своего служения, спешу изложить вам событие это, коего я был очевидцем.

Отправившись из Аяна 14 августа, мы после счастливаго 14-дневнаго плаванья подошли в ночь с 26-е на 27-е число того же месяца к Авачинской губе. Опасаясь подходить близко к берегу по причине тумана командир судна Конради решился перейти на другой галс и выждать разсвета в таком положении. Известия об объявлении войны, полученные нами еще в Аяне, заставили его

быть осторожным и с тщательностью высматривать, не делает ли маяк каких-либо сигналов.

Успокоенный отсутствием оных, он в четыре часа пополуночи поворотил снова и пошел при довольно свежем ветре ко входу в губу, который еще был скрыт от нас туманом. Около восьми часов туман начал очищаться; положение наше определилось, и на судне начались приготовления к отданию якоря, но самый вход был скрыт от нас Сигнальным мысом. В девять часов мы, к удивлению, заметили шесть судов, выходящих из губы, но которых по отдаленности распознать было невозможно.

Вместе с сим на север от них на самом горизонте показалось седьмое судно, признанное нами за шхуну. Присутствия такого количества судов в малопосещаемом Петропавловском порте возвратило капитану Конради его опасения и заставило повернуть и удалиться от усмотренных судов с возможной поспешностию, тем более что высота их рангоута делала эти суда весьма подозрительными. Вскоре мы убедились, что опасения наши не были тщетными, потому что пять судов прибавили парусов и пошли по нашему направлению. В то же время шестое судно, в котором мы узнали пароход, погнался за шхуною.

Я не могу умолчать о том, что при этом бегстве, в котором мы видели единственное средство спасения, капитан Конради и помощник его показали большое знание дела, а команда необыкновенную на купеческом судне находчивость в исполнении приказаний. Так между страхом и надеждою, установив паруса, шли мы в этом же направлении до двенадцатого часа, с ужасом замечая, что ветер стихает.

Суда, гнавшиеся за нами, представлялись нам яснее и яснее. Одно, что могло нас спасти, это туман, будучи скрыты которым, мы бы могли переменить направление и тем обмануть врага. Но Богу угодно было не допустить нас избегнуть плена; ветер притих, горизонт виден нам по-прежнему, и одно из судов, опередив другия, подошло уже к нам так близко, что мы легко узнали в нем фрегат большого ранга и различили английский флаг, им несомый.

Часов в двенадцать мы заметили это, тогда как английский фрегат, имея огромный рангоут, настигал нас с ужасающей быстротою. Бежать не было возможности, защищаться еще менее, оставалось покориться воле Провидения и отдаться в руки ненавистному врагу. Пушечным выстрелом было приказано нам закрепить паруса и спустить флаг. Фрегат лег в дрейф и отправил к нам две шлюпки с офицером и вооруженными матросами, чтобы принять командование и управление судном. В то же время английский пароход "Wirago" привел на буксире настигнутую им шхуну "Анадырь".

Сжалось русское сердце, когда вражья нога вступила на палубу; но делать было нечего, пришлось преклонить голову. По сигналу с адмиральского фрегата сделаны были распоряжения о снятии с нашего судна команды, переведенной

на английский 50-пушечный фрегат “President” и переводе пассажиров на 30-пушечный корвет “Evruidice”. На “Ситхе” остались только капитан Конради, священник Колесов и якутский мещанин Попов с женами и детьми, две служанки, ученик финляндской школы торговли и мореплавания Кристирсон.

Из пассажиров же, имена коих Вам известны, оставлены были лишь купцы Степанов и Колесов с их прислугою, а все состоящие на государственной службе переведены на адмиральский 60-пушечный фрегат “Forte”. Простояв в виду берега до 29-го числа, причем англичане ограбили и предали огню взятую ими шхуну, соединенная эскадра отправилась по своему назначению, которое нам было неизвестно. 9 сентября английская эскадра отделилась от французской и пошла, как мне сказано было г.г. офицерами фрегата, в Ванкувер, уведа с собою приз для присуждения онаго. Французская же эскадра взяла направление в С.-Франциско, куда и прибыла в ночь с 21-е на 22-е число сентября месяца.

Здесь контр-адмирал Fevrie de Point объявил нам, что вследствие полученных им предписаний, лица, не принадлежащая к морскому или военному ведомствам, не должны быть признаваемы военнопленными, что на этом основании он может возвратить свободу всем пассажирам корабля “Ситха”, кроме Полковника Корпуса Топографов Афанасьева и офицера Морской артиллерии. Имея на то Ваше согласие, мы поспешили воспользоваться предложением адмирала, надеясь быть отправленными в Россию при первой возможности.

Изложив Вам это грустное событие, в котором Российско-Американская Компания лишилась одного из лучших своих судов, частные торговцы значительных грузов, которых ценность, по словам их, простирается до 150 тысяч рублей серебром, а мы, завезенные в чужую сторону, где бы мы были в самом затруднительном положении без Вашего милостивого содействия. Я не лишним считаю присовокупить некоторые сведения о славном для русского народа бое при Петропавловском порте, полученные мною от французских офицеров. Вот что они рассказывают.

Соединенная эскадра отправилась с Сандвичевых островов в Петропавловский порт, надеясь найти там эскадру Вице-Адмирала Путятина.

27 августа они увидели берег и легли в дрейф для совещания о приготовляемом нападении. От найденных на берегу американских матросов они узнали о присутствии в порте фрегата “Аврора”, транспорта “Двина” и об укреплениях, защищающих оный. По совещанию между адмиралами Прейс и Феврье де Пуант решено было сделать нападение на Петропавловский порт, стараясь, по возможности, щадить город и причинить вред “Авроре”, чтобы отнять у нея возможность выйти в море. 29-го числа, в то время, когда с обеих сторон готовились к бою, известие о смерти адмирала Прейс повергло всю

эскадру в смятение. Смерть эту объясняют неосторожностью при зарядании пистолета, но, по всем вероятностям, он погиб жертвою самоубийства; причины же, могущия побудить к этому поступку человека 60 лет, заслуженного и богатого, в то время, когда представляется удобный случай пасть со славою в битве со врагом, решительно неизвестны, а те, которые стараются придумать, основать самоубийство на странности его характера, ошибаются. Погребение Адмирала на берегу, куда тело было отвезено ночью, заняло все 30-е число (нового стиля) и отсрочило предполагаемое нападение, которое было произведено только 31-го числа.

По составленному плану решено было идти французскому фрегату “La Forte” и английскому “President” и, заставив замолчать наружные батареи, войти в самый порт и уничтожить “Аврору”. К двенадцати часам суда двинулись, но вследствие непонятных приказаний под огонь батареи подошел “La Forte”, и после боя, продолжавшагося 45 минут, он, видя, что подкрепления нет, отошел, заставив молчать две батареи, которым держаться было чрезвычайно трудно, потому что они были совершенно открыты, так что сами французские офицеры удивляются храбрости наших артиллеристов и отдают полную справедливость меткости их выстрелов.

Эта первая неудача возстановила союзников друг против друга, так что французы громко обвиняли англичан в измене. Негодование это было выражено Адмиралом Despointes, по-видимому, в довольно резких словах Капитану Никольсону, принявшему команду над английскою эскадрою после смерти адмирала Prise. Вообще, кажется, что в соединенной эскадре существует полное разногласие, так, например, разграбление и сожжение шхуны “Анадырь” было совершено англичанами, вопреки строжайшему приказанию Контр-Адмирала Despointes ничего не трогать.

Он про англичан всегда говорил так: “Взгляды наши на вещи так различны, что мы никак не можем понять друг друга. Разногласие это началось уже в Каллао, где соединенная эскадра стояла на якоре вместе с русским фрегатом “Аврора”, когда адмирал Despointes не согласился на предложение Price не выпускать “Аврору” с рейда”. Но возвратимся к рассказу.

Хотя неприятельские суда не потерпели значительных повреждений, но пушки наши довольно напугали их, чтобы новое нападение было отсрочено на несколько дней, так что было предположено произвести оное на 4 (16) сентября двояко: высадить десантные партии из 600 человек, а покуда ограничиться рекогносцировкой, при которой судам подходить довольно близко к укреплениям, но не причинять им вреда.

Итак, 4 сентября пароход Wirago прибуksировал суда под выстрелы укреплений, причем адмирал Despointes прикрепил свои суда концами к английским фрегатам, чтобы быть уверенными в их содействии. Сделав это, паро-

ход высадил на берег 600 человек десанту, 300 англичан и столько же французов. Увлеченные первым порывом, матросы бросились в гору, не надеясь встретить сильного сопротивления, но были встречены меткими выстрелами наших стрелков, которые, будучи прикрыты камнями и кустами, не подвергаясь самой большой опасности, осыпали врагов градом пуль.

Сами французы признаются, что отступление их было еще быстрее, чем нападение. В страшном беспорядке, толкая друг друга, бросаясь с крутизны, они кое-как добрались до лодок и поспешили возвратиться к судам, которые, со своей стороны, отошли, заставив опять молчать несколько батарей, но не успев сделать ничего важного.

При этом последнем бое “Аврора”, как говорят, получила несколько ядер в мачты и корпус, но не была повреждена значительно, английский же пароход имел такое сильное повреждение, что должен был оставить бой для починки. Из прочих судов более всех пострадал “President”, но, благодаря крепкой постройке, ядра не сделали ему большого вреда.

Потеря их простирается до 400 человек убитыми и ранеными, в том числе два французских офицера и один английский убитыми и несколько раненых. С нашей стороны потеря неизвестна, но предполагалось, что убито два офицера.

Вот, по возможности, подробное и точное описание боя, славного для русских, доказывающего, что как ни страшны силы, возставшие против России, но при этой преданности престолу ее защитников бояться ей нечего, ежели гореть героев с малыми средствами к защите могла с выгодою противустоять шести судам, несущим около 200 орудий огромного калибра и около 3 000 человек экипажа; что же будет там, где приняты все меры, сосредоточены все силы?

Итак, чем больше врагов, тем лучше, тем славнее победа. Доказательством того, как этот бой славен для русских, могут служить слова адмирала Despointes: “Генерал Завойко защищался храбро и со знанием дела. Я сожалею, что не мог пожалть руки его; я не ожидал встретить такого сильного сопротивления в ничтожном месте”.

За день до боя взяты семь человек русских матросов, которые провозили куда-то кирпичи; видно, враги наши только и умеют побеждать беззащитных.

В заключение долгом считаю присовокупить, что занятие русскими Амура и Сахалина, равно как и присутствие там фрегата “Паллады”, известно соединенной эскадре, вероятно, чрез китобоев, и что из слов офицеров видно, что на будущий год с открытием навигации они должны выступить в крейсерство в Охотском и Камчатском морях вместе с китайскою дивизиею, которая намеревается пройти через Татарский пролив и постарается уничтожить русские поселения по его берегам».

ГЛАВА 15. ПЕРЕНОС ПЕТРОПАВЛОВСКАГО ПОРТА В НИКОЛАЕВСК

Из предыдущаго мы знаем, что Петропавловский порт было приказано оставить 27 декабря 1854 г. Муравьев писал Завойко: «Покорнейше прошу Ваше Превосходительство с получением сего немедленно приступить к нагрузке на все, находящиеся в Петропавловском порте военныя суда и транспорты, по Вашему усмотрению, всех военных предметов, команд и чинов; причем нужным считаю присовокупить, что из сказаннаго порта должны быть взяты решительно все годныя к употреблению орудия, снаряды и разныя военныя и морскія принадлежности, которыми неприятель мог бы воспользоваться и употребить для своих надобностей; необходимое же для казаков и чиновников гражданскаго ведомства.

Количество пороха и жизненных припасов должно быть оставлено с тем, чтобы все это перевезено было и укрыто, согласно мнения Его Высочества, в совершенно безопасныя от неприятеля места. Затем из морских команд могут быть оставлены только те люди, которые по дряхлости или увечью бесполезны для службы. Что же касается до казаков, то они должны остаться в Камчатке для нанесения сколь возможно большаго вреда неприятелю, который бы решился по занятии порта удалиться от берегов вне выстрелов своей артиллерии, а также для Земскаго Городоваго Управления в Камчатке.

При отплытии Ваше Превосходительство обязаны сделать все необходимыя распоряжения по управлению Камчатским округом, дабы впоследствии не встретилось каких-либо затруднений в случае, если война продолжится, причем должно снабдить Исправника надлежащею инструкцией относительно хранения военного имущества и действий в случае неприятельскаго появления, с которым по удалении войск не представляется уже возможности бороться в порте, но следует только лишить его возможности воспользоваться каким бы то ни было казенным или частным имуществом, а также распространиться в крае далее пушечнаго выстрела его кораблей.

Изложив, таким образом, Вашему Превосходительству в главных только чертах основание Ваших действий при упразднении порта и перенесении управлений военных и гражданских на устье Амура, я убежден, что при Вашей опытности и истинной любви и преданности к Престолу и Отечеству, Вами не будет упущено из вида ни одного обстоятельства, ведущаго к прямой пользе ввереннаго вам края, как в отношении ближайшаго его управления, продовольствия жителей, возможнаго сообщения с материком, так и нанесения вреда неприятелю, который бы решился занять Петропавловский порт; с моей же стороны считаю нужным присовокупить только следующее:

1) Если признаете возможным, как для сношений с иностранцами, так и для лучшаго надзора за действиями местных властей по исполнению Ваших

инструкций, то можете оставить в Камчатке, кроме Исправника, и другого чиновника или офицера из находящихся в Петропавловском порте.

2) Казаков, которые будут сосредоточены со всей области в окрестностях Петропавловска, подчинить одному вполне благонадежному офицеру и расположить невдалеке от Авачинской губы на пути к Большерецку, откуда они должны содержать посты, как в самом порте, так и по направлению к Большерецку; с прибытием же неприятеля в порт пост должен оттуда отступать вместе со всеми остающимися еще жителями во все время неприятельского там пребывания; казаки обязаны из скрытых мест наблюдать за его действиями, и как только партии его покушались бы идти во внутрь страны, то поражать их всеми средствами и силами, распуская при том слух, что внутри края находятся значительныя силы наши.

3) Для усиления казаков Ваше Превосходительство можете раздать: оружие, порох и заряды, как казакам, так и благонадежным жителям порта и окрестностей и даже можете оставить при казаках одно маленькое подвижное орудие с некоторым числом снарядов, которое должно находиться при главных их силах вне порта, и взять с них присягу, что они орудие это ни в каком случае не оставят в руках неприятеля.

4) Из находящихся у Вас мореходных ботов весьма было бы полезно оставить один с благонадежным офицером и командою в Большерецке, как для того, чтобы сохранить в крайности сообщение по Охотскому морю, так и для сношения сигналами с теми судами, которыя от устья Амура туда посылаются будут.

5) Купеческия магазины, не исключая таковых и Американской Компании, должны вывезти из порта внутрь края свои товары, предназначенные для торговли в Камчатке, чтобы неприятель не мог ими воспользоваться, а кто не желает отправить таковые с Вашею эскадрою, то разрешите, имея, однакож, в виду, чтобы остающиеся в Камчатке чиновники, казаки и жители не оставались без необходимых предметов к жизни; и

6) В отношении казеннаго продовольствия казаков, Ваше Превосходительство, снабдите всех, кого следует, а товары оставьте для продажи жителям из находящихся в Петропавловске запасов на время, сколь возможно большее, имея в виду, что для эскадры, так и для управлений, следующих с Вами к устью Амура, весьма достаточно взять только на шесть недель. На Амуре же заготавливается всего этого большие запасы для полного и долговременнаго обезпечения всех войск и команд, но в Камчатку таковые до навигации 1856 г. доставлены быть не могут.

Затем, когда все будет нагружено, и предоставится возможность судам, прорубив лед, выйти в море, то вся эскадра под личным начальством Вашего Превосходительства должна без замедления следовать проливом Лаперуза в бухту Де-Кастри, но на пути этом поручаю Вам осведомиться в гавани,

называемой Императорской, и, если там находится корпус фрегата “Паллада”, то взять его с собою, а равно и весь находящийся на берегу груз. По прибытии в бухту Де-Кастри первого судна Вашей эскадры немедленно послать через казачий пост, там находящийся, дать знать туда о Вашем следовании с эскадрою состоящему при мне для особых поручений Контр-Адмиралу Невельскому, которому вместе с сим дается от меня надлежащее предписание, как об удобнейшем размещении команд, так и о проводе всех судов к мысу Лазарева в Лиман.

По прибытии эскадры к мысу Лазарева, там останутся фрегат и корвет, а транспортныя суда пройдут в реку малым фарватером со всеми людьми и грузом, не выгруженным в Де-Кастри и не принадлежащим к фрегатам и корвету, а также заберут от мыса Лазарева весь груз и артиллерию фрегата “Паллада”, о чем покорнейше прошу Ваше Превосходительство войти в сношение с Контр-Адмиралом Невельским; но так как для укрепления мыса Лазарева понадобятся все 16 орудий большого калибра из Петропавловского порта, то таковые отправлять в реку не должно и, дабы не делать перегрузки, то лучше всего их нагрузить прямо из Камчатки на “Аврору” и на “Оливуцу”; всю же остальную артиллерию из Камчатки отправить на транспортах в реку.

В Николаевском посту сосредоточатся, таким образом, все четыре роты 47-го флотского экипажа, о чем и прошу Ваше Превосходительство сообщить Контр-Адмиралу Невельскому для зависящего размещения их по прибытии транспорта и немедленного приступления к возведению для них зданий для постоянного уже там местопребывания. Не лишним считаю здесь присовокупить, что впредь до дальнейших распоряжений вся эскадра наша, находящаяся на Восточном Океане, должна оставаться под непосредственным Вашим начальством, а также, что адъютант мой Мартынов получил от меня личное приказание исполнять все то, что Вашим Превосходительством возложено будет».

Этот приказ Генерал-Губернатора был получен в Петропавловском порте 3-го марта, а 6-го марта по порту был отдан следующий приказ.

«Вследствие Высочайшаго Его Императорскаго Величества повеления о поспешнейшем оставлении порта, я предписываю г.г. командирам судов: фрегата “Аврора”, корвета “Оливуца” и транспортов: “Двина”, “Иртыш” и “Байкал” приступить немедленно к вооружению вверенных им судов, имея при этом в виду, что от быстрого и скорого заготовления судов к плаванию будет зависеть собственная безопасность всех и каждого, ибо неприятель, как известно, имеет намерение напасть на Петропавловский порт в числе 12 пароходов, пяти фрегатов и трех линейных кораблей, в силе, превосходящей силы, имеющиеся в Петропавловске, посему самое лучшее было бы отправиться отсюда по назначению никак не позже 1 апреля, дабы достигнув места

назначения можно было благовременно укрепиться в оном для отражения неприятеля; наконец, я прошу г.г. командиров внушить нижним чинам о возможно успешном производстве работ по вооружению судов».

Приказание Завойко, как видно из его последующаго приказа от 28 марта 1855 г., было исполнено дружно. Вот что писал Завойко 28 марта:

«Г.г. Штаб и обер-офицеры и нижния чины выказали неутомимое усердие при снятии укреплений г. Петропавловска, вооружении военных и транспортных судов и нагрузке на них казеннаго имущества. Через столь похвальную ревность к службе Его Императорскаго Величества в столь короткое время, что нет еще месяца, суда приготовлены к плаванию, несмотря на трудное время года и ненастные погоды. Принося Штаб и Обер-офицерам и нижним чинам искреннюю за сие благодарность о настоящем, составляю себе в непременную обязанность о настоящем подвиге довести до сведения Его Превосходительства и надеюсь, что в предстоящем плавании все будут воодушевлены тем же непоколебимым усердием, и что мы с Божией помощью достигнем места нашего назначения, где будем иметь время приуготовиться со славою отразить врага.

Если же, сверх ожидания, мы встретим сильнейшаго неприятеля в море, то храбрость офицеров и молодецких команд, ручается мне, что ни в каком случае ни русское судно, ни наш военный флаг не достанутся врагам!»

31 марта Завойко дает следующие инструкции:

Командиру корвета «Оливуз»: «Цель плавания ввереннаго Вам корвета та, чтобы оный следовал вместе с фрегатом “Аврора” нераздельно в Императорскую Гавань, где оказать пособие фрегату “Паллада” и нагрузить на него все имеющиеся там казенныя вещи и перевести в залив Де-Кастри».

Командиру транспорта «Двина»: «Цель плавания ввереннаго Вам транспорта та, чтобы, отправясь отсюда, прибыв в залив Де-Кастри. Если Вы прибудете к сему заливу, а меня там не будет, то немедленно обратитесь к Контр-Адмиралу Невельскому о вводе ввереннаго Вам транспорта в устье реки Амура. Проходя мыс Лазарева, сдать там, по распоряжению Контр-Адмирала Невельскаго, если он признает за нужное, 36-фунтовыя большия пушки; с Лазарева мыса возьмите пушки фрегата “Паллада” и разныя вещи. При встрече с китобойными судами, Вы имеете их осматривать и, если они окажутся принадлежащими враждующим нациям, то Вы имеете таковыя брать».

Командиру транспорта «Иртыш» тоже прибыть в Де-Кастри и попросить Невельскаго ввести в Лиман.

Командиру транспорта «Байкал» то же, но здесь есть следующая приписка: «Надеюсь, что Вы исполните долг русскаго офицера, предписываю: во время плавания стараться избегать встречать неприятеля, но, если, чего Боже сохрани, избегнуть сего будет невозможно, то Вы должны стараться принять самыя благоразумныя меры к спасению находящихся на судне

команды и семейств и уничтожить карты, потом уничтожить судно со всем грузом, а ежели под парусами Ваше судно окружат, то, делать нечего, повредите транспорт и, если найдете возможным, потопите, но так, чтобы совсем не погубло».

Командиру бота № 1-й: «Цель Вашего плавания та, чтобы достигнуть до залива Де-Кастри. По прибытии в сей залив и по узнанию, что в устье Амура нет льду, Вы ступайте в это устье к посту Николаевскому, где о прибытии своем, если меня не будет, донесите Контр-Адмиралу Невельскому. В случае встречи с неприятелем имейте в готовности шлюпку, компас, воду, провизию, ружья и порох, и когда поедут к Вам неприятельския шлюпки, то прорубите бот и отправьтесь со всей командой на шлюпке; ежели неприятель оставит Вас на произвол судьбы, то с Божиею помощью старайтесь достигнуть берега, или, при встрече с судном дружественной нации, поступите на это судно; ежели неприятель возьмет Вас, то все же судно и груз не достанутся ему».

Командиру бота «Кадьяк»: «С наступлением мая месяца Вы имеете выйти из Авачинской губы и скрыться в Жировой бухте. По исполнении сего сделайте распоряжение о бдительном наблюдении за выходом из Авачинской губы китоловного судна “Аян” Российско-Американской Компании и, получив сведения о том, что судно выходит из губы, приняв с одного депеши, Вы со вверенным Вам ботом отправитесь в Тигиль, где сдав как можно поспешнее грузы, отправляйтесь немедленно в Гижигу, в которой, сдав грузы, следуйте в Аян, где примете почту, масло для экипажа и все, что Вы достанете в Аяне для экипажа и для Амурской экспедиции, но не ожидайте в Аяне подвоза, и что будет в день Вашего прихода, то и берите и следуйте в Петровское зимовье, направляя плавание в усть Амура, где Вы получите дальнейшия приказания.

Но ежели во время нахождения Вашего в Жировой бухте Вы заметите, что неприятель прошел в Петропавловский порт, то в ночное время немедленно выйдите из бухты и следуйте в Большерецк, войдите в реку, укрепитесь в протоке и ждите известий из Петропавловскаго порта, по получении их следуйте, не заходя никуда, к Петровскому зимовью и доставьте известие о действиях неприятеля. Назначенное Вам плавание Вы имеете совершить как можно поспешнее, стараясь избегнуть встречи с неприятелем, для чего направляйте Ваше плавание ближе к берегам, имея всегда в готовности шлюпку с запасом пороха и провизии. Если спасти от пуль неприятеля нельзя, то сжечь его, а людям скрыться в лес. Если же неприятель застигнет Вас в море, то потопите немедленно все бумаги, а бот утопите или зажгите, чтобы неприятелю ничего не досталось с бота. Если кто из команды попадется в плен, то на разпросы, где наши солдаты, — отвечать: в Камчатке, в Анадырском устье скрылись; отвечать, что по Камчатке расположено пять тысяч казаков, что продовольствие

зимнее подвезено из Сибири к вершине реки Анадыр и по оной спускают для флота и солдат».

За благоразумное и счастливое плавание Командиру обещается производство в офицеры.

3 апреля 1855 г. Завойко с надписью «весьма секретно» доносит Его Императорскому Высочеству Великому Князю Константину Николаевичу следующее: «Согласно полученного мною предписания от Генерал-Губернатора Восточной Сибири 3-го марта сего года, я немедленно приступил к снятию укреплений, к исправлению и вооружению судов и нагрузки на них казенного и частного имущества и присутственных мест, также к устройству гражданского управления области. К 3-му числу апреля укрепления сняты, суда исправлены, причем мачты судна “Аврора” отремонтированы вставкою двух новых деревьев; казенные, частные имущества и присутственные места нагружены; из малой губы до Сигнального мыса пропилен и выведен лед, и суда готовы к выходу в море.

По гражданскому ведомству сделаны все необходимые распоряжения, продовольствие жителей Камчатки обеспечено на два года. Адьютант Генерал-Губернатора Восточной Сибири Есаул Мартынов оставлен в Петропавловском порте за начальника над казаками и волонтерами и для надзора по гражданскому управлению. Офицер этот снабжен инструкцией для действия против неприятеля, а если он двинется далее Петропавловского порта, то и нанесения неприятелю вреда, какой, по обстоятельствам, возможно будет сделать». Из Петропавловского порта приказано вывезти во внутрь области весь провиант, порох, свинец и все казенное имущество.

Затем Завойко повторяет дословно приказ, которым благодарил команду порта за труды по подготовке к отплытию.

5-го апреля на имя Его Величества Завойко доносил, что «Аврора», «Оливуца», «Двина», «Иртыш», «Байкал» и бот № 1-й снялись с рейда в Авачинской губе и вышли в море, следуя к месту назначения. Завойко послал также уведомление о своем уходе к Генерал-Адьютанту Путятину; имея в виду обещание Невельского, что Путятин в апреле прибудет в Петропавловский порт. Завойко уведомил его также о том, что в Петропавловске оставлен начальником Есаул Мартынов...

ГЛАВА 17. ПОГРОМ НЕПРИЯТЕЛЬСКОЙ ЭСКАДРОЙ БЕЗЗАЩИТНОГО ПЕТРОПАВЛОВСКА

Адьютант Генерал-Губернатора Восточной Сибири Есаул Мартынов 6 августа 1855 года донес Завойко следующее:

«8 мая с Дальняго маяка дали знать, что в море на горизонте показались два трехмачтовых судна, из коих одно было очень большое, а другое по-

меньше; за туманом нельзя было рассмотреть, какие это суда: военные или купеческие.

Курс имели ко входу в Авачинскую губу. Китоловное судно “Аян”, назначенное Вашим Превосходительством для отвоза части железного парохода и некоторых оставленных здесь семейств, а также погруженное впоследствии семьястами мешков, до трех тысяч пудов муки для доставки в порт Аян, было уже совершенно готово и стояло на рейде. По получении известий о виденных в море судах, Командир “Аяна” не решился выходить в море, пока не узнает, какие это суда.

С 9-го по 12-е число виденные суда, имея свежий попутный ветер, в Авачинскую губу не входили, оставаясь в море примерно на расстоянии двух миль, и крейсировали между Поворотным и Шхунским мысами. 12-го числа получено известие с маяка, что к двум судам, крейсировавшим у входа в Авачинскую губу, присоединились еще два трехмачтовых судна и идут к берегу. Флагов эти суда не держали. По-видимому, все суда военные. Не сомневаясь более, что видимые суда — неприятельская эскадра, я потребовал от капитана “Аяна” утвердительный ответ: решается ли он выходить в море и надеется ли пройти мимо неприятельских судов, не быв ими замеченным, и когда Капитан Эмбер объявил мне, что он теперь не надеется пройти мимо неприятельских судов, не быв ими пойман, и решается остаться в порте, я тотчас же сделал распоряжение приступить к выгрузке с судна на берег казенной муки, а части парохода утопить в Маленькой губе, что и было исполнено в самое короткое время.

Мука вся выгружена и перевезена в Авачинский залив, где и сложена в выстроенном в течение двух дней магазине, а так как часть этой муки подмочена, и вообще вся она укупорена в тонких холщевых мешках, большею частию разодранных, о чем я уже имел честь донести Его Превосходительству, я решился, чтобы избежать порчи и дальнейшей траты, и приказал: муку эту выдавать оставшейся в порте части 47-го флотского экипажа и казачьим чинам. Пароход же утопил на дне самого блокшива “Джордж”. Командир судна “Аян” распорядился, со своей стороны, часть судовой провизии передать для сохранения проживающему в Петропавловском порте американцу Гезу, а часть перевезти также в Авачинский залив, куда перевезена и вся его команда с багажом.

Судно было разгружено до основания, оставлены одни голые мачты, и весь такелаж и паруса зарыты в землю; оставлен на судне железный магазин и мелкие вещи, принадлежащая матросам.

После этого, по неимению удобного места, где бы можно было скрыться, командир решился увести судно в култук Раковой губы и там постановил его на якорь. Когда на судне работы были окончены, нижние воинские чины занимались уборкою в порте вытаявших из-под снега разного железа и прочих

казенных вещей, и все это зарыто в дресве; оставленные же в порте пушки, снаряды и якоря были уже зарыты в дресву прежде. Из всех почти казарм и частию флигелей рамы со стеклами вынуты и зарыты в землю. Так что все казенное имущество, провиант и даже до последнего куска железа, что только можно было убрать, все было убрано до прихода неприятеля в порт.

С 12-е на 13-е число неприятельския суда продолжали крейсировать под устьем Авачинской губы, но уже гораздо ближе ко входу. 27-го числа получено с маяка известие, что неприятельский трехмачтовый колесный пароход привел с моря на буксире большой фрегат, оставил его у четырех видимых судов, а сам идет в Авачинскую губу; прошедши Бабушкин маяк, он тотчас же воротился; по выходе из губы пароход подходил к другим судам, а затем ушел в море и скрылся из виду.

18 мая, по донесениям с маяка, тот же пароход привел с моря к своей эскадре еще одно трехмачтовое большое судно, а потом за сильным туманом ничего не было видно. 19-го числа утром в море стоял туман; пополудни в устье Авачинской губы из тумана показались семь неприятельских судов, идущих во вход губы, из коих парусные фрегаты: английский адмиральский “Президент”, 44-пушечный, “Пик”, 44-пушечный и французский “Альсьет”, 50-пушечный; два английских винтовых парохода “Бреск” и “Дидо”, 22-пушечный и один английский железный пароход “Боракута”, который вел на буксире фрегат английского Контр-Адмирала; остальные шли под парусами.

Пройдя Раковий маяк, все суда стали на якорь. 20-го числа в десять часов утра колесный пароход снялся с якоря и малым ходом вошел в маленькую губу и, пробыв там не более получаса, возвратился к своим судам. В одиннадцать часов показалось в море трехмачтовое небольшое судно. Пароход в то же время вышел ему навстречу, взял судно на буксир и привел к Сигнальному мысу; оно было под американским флагом и казалось купеческим. Во втором часу пополудни пароход подвел на буксире американский фрегат к Сигнальному мысу. 23-го числа в шесть часов утра из тумана усмотрено было китобойное судно “Аян”, выведенное из култука Раковой губы.

В девять часов пароход отвел на буксире “Аян” к Сигнальному мысу; в час пополудни колесный пароход ходил в Тарьинскую губу и чрез час возвратился к своим судам. На крюйс-брам-стенге у него был поднят английский флаг.

24-го и 25-го числа несколько шлюпок занимались промером от Сигнального до Раковаго мыса. Команда по берегам мыла свое белье. 26-го числа в одиннадцать часов утра неприятель зажег пороховой погреб и вслед за этим начал срывать все батареи; фашинник складывали в кучу и зажигали; с одиннадцати до шести часов вечера срывали батареи и жгли фашинник.

28-го числа целый день продолжали уничтожать батареи; 24-го числа в девять часов утра китоловное судно “Аян” от Сигнального мыса отведено было к Раковому маяку и поставлено подле винтового парохода “Бреск”. В двенадцать часов пополудни неприятель зажег казармы, баню, пекарню и магазины; пожар продолжался до вечера и во всю ночь.

30-го числа на всех судах, кроме одного парохода “Бреск”, ставшаго у Раковаго маяка, поднимали на палубу гребные суда. 31-го числа вся эскадра, кроме одного винтового парохода, в пять с половиной часов утра снялась с якоря и ушла в море, но, быв встречена сильным противным ветром $S-O$, в одиннадцать часов возвратилась в Авачинскую губу. В море к ним присоединились еще два корвета: английский “Амфитрида”, 24-пушечный, и французский “Евридис”, 24-пушечный.

1 июня в одиннадцать часов винтовой пароход “Энконто” ушел в море; в четыре часа пополудни неприятель зажег здание, занимаемое аптекой. 2-го числа в семь часов утра колесный пароход взял на буксир фрегат и ушел в море; в пять часов вернулся с ними французский фрегат “Ля Форт” под адмиральским флагом. 3-го числа пришел английский корвет “Тринко-Малей”. 4-го числа снялось с якоря американское судно “Пик”, нагруженное солью и мукою и зафрахтованное в Российско-Американской Компании, ушло обратно на Сандвичевы острова, и с ним английский корвет “Дидо” и французский корвет “Евридис”.

В ночь с 7-е на 8-е число сожжен был дом и магазин Российско-Американской Компании. 8-го числа остался на рейде один английский корвет “Тринко-Малей”, и на нем поднят парламентарский флаг и через американца Геза предложен был англичанами размен пленных.

9-го мая я отправился на “Тринко-Малей” и 14-го числа взамен трех наших матросов, взятых на плашкоуте в Августе месяце прошлого года, отдан: один англичанин, один француз. 12-го числа вошел в Авачинскую губу английский 84-пушечный корабль “Монарх”, который с судном “Тринко-Малей” вышел в море 18-го числа. Китоловное судно “Аян” сожжено неприятелем 14-го числа. 26 июня вошли в гавань два американские судна: 24-пушечный корвет “Винцелс” и шхуна “Фенимор Купер” под начальством командира Роджерс. Суда эти принадлежали к ученой экспедиции и направлялись в море.

По требованию командира суда эти были снабжены дровами и переводчиком чукотского языка. Для чего был назначен мною гижигинский казак Кобелев; простояв три дня, суда эти отправились. 27 июня вошло в гавань зафрахтованное Российско-Американское судно “Левантор” с грузом муки для казны и различных товаров для продажи. Во исполнение словеснаго приказания вашего Превосходительства, в случае прихода в порт судна

“Левантор” отправить его на устье реки Амур, при всем моем на то старании, не успел его на то склонить.

Командир судна не согласился на эту поездку менее 8 000 долларов, но не получив никакого предписания Вашего Превосходительства на подобного рода сделку, я предоставил ему действовать по данной инструкции, вследствие чего он отправился в С.-Франциско.

До отбытия неприятельской эскадры вся воинская команда находилась вне Петропавловска. Так как для нижних чинов насажен по весне огород на хуторе, где многие чины приступили к заготовлению и постановке запора для улова рыбы, потом к постройке юрт вместо казарм для себя и для своих семейств, а как при них находятся два офицера и два медика с семействами, я приказал: из находящегося в старом остроге морского ведомства леса построить приличное помещение, чтобы со временем, при надобности, эти дома могли быть сплавлены в Петропавловский порт.

Транспортный бот “Кадьяк”, назначенный для отвоза провианта в Тигиль и Гижигу, вышел из Петропавловскаго порта 6 мая и во исполнение данной ему инструкции скрылся вдали от бухты, откуда, увидя, что неприятельская эскадра, крейсировавшая над входом в Авачинскую губу, 13 мая снялась с якоря, 25-го того же месяца “Кадьяк” подошел к устью реки Большой. Получив известие, что неприятель разослал суда в разные места Охотскаго моря, я приказал ввести бот в реку так, чтобы с моря его не было видно, и не выходить оттуда впредь до приказа.

Не получая с устроенного в Большерецке маяка известия о появлении неприятельских судов и полагая плавание бота безопасным, я решился отправить его с настоящим донесением».

Покинув Петропавловск на произвол судьбы, русские вместо покинутого порта в Камчатке желали основать таковой на устье Амура. Самым удобным местом для порта, по представлению Невельскаго, был Николаевский пост...

ВОСПОМИНАНИЯ О КАМЧАТКЕ И АМУРЕ (1854—1855)

Юлия Георгиевна Завойко (урожденная баронесса Врангель). Родилась 12 марта 1819 г. в Казани. С 1835 г. жила в Петербурге с родителями. В 1840 г. обвенчалась с В. С. Завойко, вскоре получившим назначение на Дальний Восток. Мать многочисленного семейства, советчик и помощник супругу. После его отставки занималась хозяйством поместья в украинском селе Великая Мечетня. Умерла в 1892 г. на 74-м году жизни.

Вся моя молодость прошла в далеких странах Сибири, куда в давно прошедшее время и попасть нельзя было обыкновенными путями. Тысячу верст из Якутска в Охотск приходилось ехать верхом, едва заметною просекой, с целым караваном, состоящим из всадников и вьючных лошадей. Ехали по дремучим лесам, по высоким горам, по топям, в которых иногда даже тонули лошади. Переезжали вброд, а подчас и вплавь большие, быстрые речки. Таким образом ехали целый месяц. Ночевали в палатках, которые на ночь ставились, а на утро убирались во вьюки. Каждое утро пущенных с вечера на пастбище лошадей ловили, седлали и вьючили. Караван пускался в дальнейший путь. Питались, разумеется, тем, что было с собой взято. Жилья не встречалось, разве кое-где берестовая якутская юрта.

По таким-то пустыням и первобытным дорогам лежал путь к берегам Восточного океана. К этим-то величавым берегам хочу я на несколько минут привлечь внимание читателя и поделиться воспоминаниями о событиях знаменательной эпохи, в настоящее время почти изгладившихся из памяти, а, вероятно, весьма многим даже и вовсе неизвестных. Испрашиваю заранее снисхождения, так как никогда не готовила я себя к авторской деятельности.

Внутри полуострова Камчатки встречаются прелестные ландшафты: цепь синеющих гор, идущая вдоль всего полуострова; роскошная зелень, богатая флора; большие прекрасные озера среди зеленых, покрытых цветами долин; бешено ревущие, быстрые пенящиеся речки; утесы, по которым цепляются рододендрум и другие прелестные цветы. Все это поражает своим величием и представляет совершенно неожиданные, живописные картины.

Я ограничусь описанием Петропавловска и постараюсь изобразить его подробно, так как этого требует мой дальнейший рассказ.

Из океана в Авачинскую губу входят узким проливом, окаймленным с обеих сторон высокими скалами. Пройдя этот пролив, судно входит в совершенно круглое, громадное озеро, более ста верст в окружности. Вид величественный. Озеро это в тихую погоду представляет совершенно гладкую поверхность, окруженную со всех сторон высокими горами, которые спускаются к заливу частью отвесными утесами, весьма разнообразной формы, частью пологостями, покрытыми свежою зеленью, кустарниками, лесом.

На задней стороне залива представляются ряды зеленеющих и синеющих гор, громоздящихся одна поверх другой и оканчивающихся громадными конусами, белые вершины которых высются над облаками. Самые высокие из них: Коряцкая сопка, потухший вулкан, и Авачинская сопка, еще действующий, который по временам разнообразит картину, выкидывая черные клубы дыма, и тем усиливает грандиозный дикий вид.

На северной стороне Авачинской губы в самой ее глубине находится малая бухточка, отделенная от Авачинской губы двумя высокими горами, соединенными между собой узким, но возвышенным перешейком. Северная часть их называется Никольская, южная оконечность — Сигнальный Мыс, защищающий малую бухточку. Никольская гора спускается узкою ложбинкой, в которой расположен Петропавловский порт. Эта ложбинка примыкает к противоположащей Петровской горе, составляющей матерый берег большой Авачинской губы; на склоне горы продолжается городок в виде бедных обывательских хижин и домиков, крытых травой. От Петровской горы к Сигнальному Мысу идет низкая каменная коса, оставляя у Сигнального Мыса глубокий вход в малую бухту; она составляет собою как бы природный мол, защищающий одну из лучших гаваней земного шара. Здесь и зимуют суда. Волнения в маленькой бухте никогда не бывает.

На берегу бухты расположены казенные магазины и адмиралтейство, выйдя из которого и идя вдоль ложбины по главной улице, придешь в ветхую церковь, единственную в городе: это Петропавловский собор. Ограда церкви и сад губернаторского дома отделяются только улицей. В этом саду довольно высокие деревья; их садила еще адмиральша Рикорд, первая русская дама, совершившая упомянутое выше дальней странствие. За губернаторским домом в глубине ложбины расположены казармы и офицерские флигеля. Это новая часть города, выстроенная по перенесении сюда Охотского порта в 1850 г.

За городом у подошвы Петровской горы лежит большое озеро. Никольская гора оканчивается у самого берега этого озера крутым обрывом и коосою, которая отделяет его от большой губы, а далее течет маленькая речка, соединяющая его с губою. Это озеро соленое. Вдоль большой губы идет опять гористый берег, поросший мелким лесом, свежей зеленью и цветами; тут в четырех верстах маленькое селенье Сероглазка и неподалеку от него хорошенькое местечко — Светлый Ключик, откуда видишь всю огромную бухту с ее входом и величественными берегами. В двенадцати верстах, идя вдоль большой бухты, лежит селение Авача, за ним вдали виднеется сопка Авача, наводящая нередко своим подземным грохотом невольный страх на окрестных жителей. Прямо за озером идет обширная долина, упирающаяся мысом в море. Она поросла мелким лесом и кустарником и называется Калахтырскою долиной. Вот местность Петропавловска.

Известно, что в Камчатке хлеб не родится. Камчадалы питаются преимущественно рыбой, которая ловится только весной и летом, хотя и в неизменно большом количестве. Кроме того, они отличные охотники. Нередко можно встретить Камчадала, который уложил на своем веку до сорока медведей; их мясом они кормятся; жиром — освещаются. Это народ не глупый, весьма добродушный и послушный, чему в доказательство я приведу следующий пример. Их главнейшее богатство составляет ценный соболь. Прежде они его били во всякую пору, не разбирая того времени, когда матки щенные; мой муж старался вразумить их, как вредно для их же интересов бить зверя в это время. Они согласились и решили никогда более не бить соболя в марте и апреле. В наше время они возделывали овощи и картофель, который там очень хорошо родится.

Так как суда с провизией приходят только летом, то все служащие и обыватели закупают провизию на весь год. Зимой приходит почта, но приносит только письма. Затем все ожидают вскрытия льда и прихода судов. Более или менее начинает чувствоваться недостаток; запасы истощаются. В лавках в апреле, мае нет уже более ни пшеничной муки, ни сахару, ни чаю, ни масла. Все это и у служащих на исходе; все живут жалованьем. А кому из живущих на жалованье не известно, до какой степени тяжелы единовременные большие выдачи. Я испытывала это всякий год моей жизни в Камчатке; семейство было у меня большое, и кроме того, дом губернатора в дальней стране всегда был центром, куда собирались и поплясать под звуки незатейливого туземного оркестра, собирались и серьезно побеседовать, делили хлеб-соль...

Более двадцати лет прошло с тех пор, но я всегда с искреннею любовью вспоминаю их всех и каждого порознь. При мысли о каждом из них является теплое, родное чувство. В настоящее время многих уже не стало. Мир душам их! Память о них жива у меня в сердце, и никогда в нем не умрет. Многих я с тех пор и не видала. Быть может, многие забыли этот краткий эпизод их жизни у нас; но я их никого не забыла, и со всегдашним теплым участием забьется сердце, когда упомянут знакомое имя, переносящее в эту незабвенную для меня эпоху...

Вот назначается вечеринка, смешно назвать балом, но тогда говорилось: бал у губернатора. Идут приготовления, заранее, говорят, даже ангажируют дам. А у дам-то сколько хлопот с туалетом! Модисток нет, надо самим приняться за дело. Вы не увидите у подъезда ни карет, ни колясок; стоит несколько *нарт*, запряженных собаками — это приехали дамы. Пешком по снегу не пройти, а мушны по большей части приходят пешком.

В шесть часов осветился дом, а в семь часов бал уже в полном разгаре. Капельмейстер, играющий левою рукой, понуждает музыкантов пилить

ВОСПОМИНАНІЯ

О КАМЧАТКѢ И АМУРѢ

(1854 — 1855)

I.

Вся моя молодость прошла въ далекихъ странахъ Сибири, куда въ давно прошедшее время и попасть нельзя было обыкновенными путями. Тысячу верстъ изъ Якутска въ Охотскъ приходилось ѣхать верхомъ, едва замѣтною просѣлкой, съ цѣлымъ караваномъ, состоящимъ изъ всадниковъ и вьючныхъ лошадей. Ѣхали по дремучимъ лѣсамъ, по высокимъ горамъ, по толямъ, въ которыхъ иногда даже токули лошади. Переѣзжали въ бродѣ, а лодь часть и влავь большія, быстрыя рѣчки. Такимъ образомъ ѣхали цѣлый мѣсяць. Ночевали въ пааткахъ, которыя на ночь ставились, а на утро убирались во вьюки. Каждое утро, лущенныхъ съ вечера на пастбище лошадей ловили, сѣдали и вьючили. Караванъ пускался въ дальнѣйшій путь. Питались, разумѣется, тѣмъ что было съ собой взято. Жилья не встрѣчалось, развѣ кой-гдѣ берестовая якутская юрта.

По такимъ-то пустынямъ и первобытнымъ дорогамъ лежалъ путь къ берегамъ Восточнаго Океана. Къ этимъ-то величавымъ берегамъ хочу я на нѣсколько минутъ привлечь вниманіе читателя и подѣлиться воспоминаніями о событіяхъ

Первая страница воспоминаний Юлии Георгиевны Завойко

на своих инструментах все тот же: «Чижик, чижики, где ты был». Но и под эти нестройные звуки весело танцуют, шумят, болтают. Там неподалеку, комнаты за две, спят мои маленькие дети и не слышать ни отчаянного визгу наших скрипок, ни усердного топая мужских сапогов. Вот после веселого, шумного ужина раздается камчатская *восьмерка*, в которой старые камчатские жители принимают самое горячее участие; это нечто вроде старого экосеса или гросфатера. Одушевление общее. Часа в два-три все расходятся, и долго слышится веселый говор идущих по горе. И на другой день за обедом и ужином вспоминают, обсуждают, смеются, шутят.

Как новинка манит всех катанье на собаках. Как описать эту езду? Маленькие саночки в виде плетеной очень узенькой лавочки, сзади и спереди загнутой, она обтянута медвежиной и на высоких, крепких колышках прикреплена к узеньким полозьям. Седок сидит совершенно один, либо боком, либо верхом; по мере надобности он вскакивает и направляет руками свой игрушечный экипаж; действительно, весь экипаж с его упряжью весьма похож на детскую игрушку; упряжь, разумеется, самая легкая, из ремешков. В подобный экипаж с одним ездоком впрягается хороших собак пять, иногда семь. Передовая собака — вожатый: она должна слушаться команды, так как ни вожжей, ни поводьев не приспособлено; «Ках, ках», — значит право; «Уг, уг», — лево; «А, а», — прямо. Но иногда седок может кричать, сколько угодно; собака заупрямилась и ничего не слушается. Для этого, впрочем, весьма обыкновенного случая, в руках у седока *оштол* — толстая палка с заостренным, обитым железом наконечником. Ее из всех сил втыкают в снег перед санками, чтоб остановить их. Но не сразу это удается; придется иногда долго бороздить из всех сил по снегу; хорошо еще, ежели посчастливилось при всевозможных физических усилиях вразумить передовую собаку, куда ей поворотить, или вообще что от нее требуется.

Но вот дорога идет под гору: как разрезвившиеся школьники, дружно, без удержу летят собаки, санки раскатываются то вправо, то влево; надо хорошо держать баланс, а то как раз легкие санки перевернутся, и седок в снегу. Беда ехать лесом, когда вдоль дороги деревья; приходится искусно направлять санки *оштол*, чтобы не спархнуть из всех сил то о то, то о другое дерево. Собаки сбросили седока, они не остановятся, и из вои мочи бегут далее; и вот приходится бедному седоку бежать из вои сил догонять их, чтобы не остаться одному среди снежной пустыни, где проезжие весьма редко встречаются. Вот вылетала куропатка, или шмыгнул в кустах заяц, и против воли седока, собаки стремглаз за ними бросаются — ни крики, ни команда, ни оштол, ничто не помогает... Это потому-то весьма многие из молодых людей находили в ней большое удовольствие. Мои старшие дети — ловкие ездоки, они всегда ездили одни на своих маленьких саночках.

Есть экипаж для женщин, стариков и клади: это *нарта*; те же низенькие дровни, только несравненно длиннее и уже их; и сделаны гораздо легче.

С величайшим трудом езда требует много ловкости, сопряжена даже с некоторою опасностью; можно посадить двух седоков, но уже никак не в ряд, не в ширину, так как в ширину едва один влезает. Седоку приходится сидеть неподвижно, вытянув ноги. Нартою правит *каюр*, исправляющий должность кучера, но нелегко это ему дается. Он с усилием действует ошолом, беспрестанно должен вскакивать, поддерживать нарту, бежать подле; одним словом, хлопот каюру гибель.

Вот собралось большое общество ехать верст за десять к берегу океана. Санок и нарт штук сорок. Пред отправлением визг собак, крики седоков, сборы, хлопоты, дружный хохот. Нелегко было двинуться в путь такому большому обществу, особливо при своенравии собак. Поехали. Все кругом бело; на синем небе рисуются очертания блестящих гор, слегка окрашенных розовым оттенком солнца. Снег блестит кругом алмазами. Ездоки перегоняются, смеются, шутят; вот убежали пустые санки, передовые ловят шаловливых собак; а несчастный ездок, весь в снегу, с ошолом в руках, бежит сзади.

Приехали. Грозно смотрят черные воды Великого океана; сердито катят высокие буруны свои седые пенистые гребни и с глухим грохотом разбиваются о каменные скалы и утесы самых причудливых форм. В сторонке торчит белая вершинка сопки, и из нее ползет черная струйка дыму... Но вот, смотрите, какая славная поверхность озера; снег весь смело, гладко, как паркет; а ведь Петербуржцы давно не танцевали на паркете. И на грозном пустынном берегу Восточного океана составляется веселая кадрили. Дамы и кавалеры в *кухлянках*, малахаи на голове, *торбаса* на ногах, и превесело танцуют; по неимению музыки кто-то напеваает.

Но все начинает прискучивать, разнообразия нет; до почты далеко; и вот дружно принялись опять за театр, который осенью был так прерван. Взялись опять за «Ревизора», собрали, хотя и с трудом, еще несколько пьесок. Дамы были так любезны, что охотно согласились участвовать. Начались очень веселые хлопоты: стали разучивать роли, строить декорации, рисовать занавес. Все устраивалось своими руками; сколько шуток, смеху! Городничиху играла девица, камчатская уроженка, никогда не видевшая театра; учить ее этому искусству выпало на мою долю, хотя я и сама только в детстве игрывала на домашних спектаклях. Была одна маленькая беда: городничиха имела неизбежный камчатский выговор и не могла выговаривать «С»; от чего у нее люди *светские* превращались в людей *шведских*, что всегда вызывало невольную улыбку и даже способствовало общему веселью. Впрочем, надо сказать, что «Ревизор» был разыгран прекрасно, говоря о мужских ролях, разумеется. Время было приятно занято, скука удалена. Я до сих пор с благодарностью вспоминаю, как все легко воодушевлялись, как удачно, просто, беззастенчиво все шло. Никто друг на друга не обижался — жили одною дружною семьей.

Всю эту зиму бывали веселые вечеринки и у матросов, и к ним собирался прекрасный пол их круга; и у них на вечеринках плясали до упаду, веселились, но все при том шло чрезвычайно чинно. И для них выбирали воинственные пьески и сцены, которые разучивались для неграмотных с помощью писарей, и возбуждали воинственный, бодрый дух.

У нас с мужем все это время шли тяжелые суждения. Ему выходил в 1855 г. срок службы в Камчатке. До начала войны мы были на этот счет вполне спокойны. Ведь пятнадцать лет прожили в этих отдаленных краях, пора домой. Детям подходило время для серьезного ученья; меня одной на всех их не доставало. Но что делать теперь, в военное время? Оставить его одного и увезти детей? Но это ужасно! Остаться тут — жертвовать детьми!

Бывали у нас тяжелые, тяжелые минуты; говорили мы, говорили, но не приходили ни к какому решению...

Зимняя почта пришла в свое время.

3-го марта неожиданно приехал адъютант генерал-губернатора; он привез Высочайшие награды за отражение неприятеля и предписание, которое перевернуло все наши планы и предположения. Предписывалось: снять Петропавловский порт с его укреплениями, вооружить все суда, забрать гарнизон, и не только военных, но и гражданских чинов; принять на транспорты семейства, как первых, так и последних; изготовиться как можно поспешнее и с раннею весной выйти в море.

В порте не было никому известно, куда было предписано идти. Потому как между уходящими жителями, так и между остающимися ходили самые разнообразные или, лучше сказать, самые несообразные слухи. Говорили, что идут в Сан-Франциско, что порт переносят на устье Анадыря, что все идут в Батавию, где оставят транспортные суда, военные же пойдут ловить английские купеческие суда... Эти и подобные тому слухи были потом ревностно распространяемы Американцами, жившими в порте, и сбивали с толку неприятелей.

Мое положение было ужасно. Муж не хотел брать меня с собою, я ожидала в ту пору рождения десятого ребенка; да и вообще он считал неудобным брать с собою такую многочисленную семью, такую мелочь. Он решил оставить меня с детьми в Петропавловске; туда позднею осенью пришло китоловное судно Российско-Американской компании и зазимовало там. Оно должно было уйти в море, как только очистятся льды, и ему поручили завезти меня с семейством на Аян; со мною предполагали оставить немногие семейства гражданских чиновников, кончивших срок службы.

Трудно выразить, до какой степени ужасало меня это решение. Немногим в жизни выпадали на долю такие мучительные минуты. Приходилось расставаться с мужем, готовившимся в столь опасную экспедицию, что на успех ее представлялось весьма мало шансов; я сама должна была оставаться

за 12 000 верст от родины с десятью малютками на руках, с весьма шаткою надеждой добраться благополучно до отечества, до настоящей помощи, до родных. С тех пор прошло более двадцати лет, но когда подумаю об этом ужасном времени, у меня до сих пор кровь стынет в жилах.

Все, что в Петропавловске с таким трудом созидалось, теперь разрушали. Какой это был невероятный труд: вырывать из-под глубокого снега пушки с батареей, ядра, провозить их по льду, уже не вполне надежному; грузить их на суда почти средь зимы. В марте еще стоял лед, для выводки судов его прорубали. Забирали все портовое имущество, все, что возможно было забрать, даже петли с окон и дверей, рамы, вьюшки... Работа была ужасная; работали неутомимо: ни снег, ни метель, ни слякоть — ничто не мешало. Боже мой! Сколько горьких слез, сколько сетований было тогда в Петропавловске! Многие из служивших в Камчатке обзавелись своими домами; имели свое хозяйство, свой скот, жили безбедно; теперь приходилось все это бросать, бросать задаром! Работа кипела; но Боже, как сердце ныло и болезненно сжималось по мере того, как приближалась эта ужасная разлука!

Наконец она настала.

2-го апреля были окончены главнейшие работы по нагрузке.

6-го апреля нашей эскадры уже не было в бухте — она скрылась из виду.

До сих пор я не понимаю, откуда у меня взялись силы перенести все это... Бог и эти рыдающие маленькие дети вокруг поддерживали меня. В порте был оставлен Губарев заведующим оставшимся казенным имуществом. Для командования казаками, ополчением и для главных распоряжений оставался адъютант генерал-губернатора, который привез последние распоряжения.

Мне некогда было предаваться горести. При большой семье нет отдыха и покоя; работа не прерывается; а я должна была, кроме того, скорее окончить сборы, чтобы при первой возможности выйти в море. Наконец 4-го мая нас свезли на судно. Недели за полторы пред тем у меня родилась дочь. Несколько дней туман и противный ветер не выпускал нас из гавани. Но вот небо прочистилось; потянул ветерок с берега; мы стали тянуться из губы, как вдруг сигнал с маяка: вижу суда в море. Еще несколько минут, и с маяка дали знать, что идет неприятельская эскадра...

Губарев мигом подошел с катерами, забрал нас всех и отослал на Авачу. Я была совершенно пассивна, делали со мной, что хотели. Это новое бедствие отняло у меня всякое сознание, парализовало все силы. Даже дети молчали; только старшие мальчики прямо и сознательно взяли на себя заботу о младших. Судно сгрузили и увели спрятать в одну из дальних бухточек обширной Авачинской губы; так заранее приказывал муж.

Не много шансов оставалось для нашего спасения! Увы, скоро и эта последняя надежда рушилась: неприятель-таки нашел и сжег судно.

И вот мы опять на Аваче. Бог, молитва и дети помогли мне восторжествовать над моим отчаянием. На другой день нас перевезли на хутор. Мы поместились в том же крошечном домике Мутовина, в тех же двух комнатках. На всем хуторке только и были домик Губаревых, домик Мутовина, где мы и жили, и еще одна хижинка. Это крошечное селенье лежало в котловинке, на самом берегу быстрой реки Авачи; за прозрачными ее струями расстилалась обширная цветущая долина, в глубине которой виднелась седая сопка Авача. С нашей стороны вся котловина была окружена зелеными, лесистыми горами; бархатными горами называл их мой Жоря (Георгий, второй сын Ю. Г., оставшийся старшим после смерти первенца Михаила. — *Ред.*). Это весьма меткое выражение; необыкновенно мягкий и вместе с тем свежий, роскошный цвет имеет камчатская зелень; вероятно, вследствие сырого лета.

Потянулись дни совершенно однообразные, один как другой. Та же убийственная неизвестность, те же лишения, та же пустыня. Не день, не два, но май, июнь, июль, август.

Нельзя оставить стольких подрастающих детей без правильных занятий, стольких маленьких без присмотра; мой день проходит в правильных занятиях со старшими, по окончании которых они отправляются бродить по окрестностям. Маленькие берутся вблизи нашей хижины; я сижу на пороге хижины, а мысли блуждают далеко, далеко, отыскивая хоть слабый луч света среди этого страшного мрака неизвестности.

Дни еще проходили кой-как; но до сих пор я не могу вспомнить без содрогания этих страшных, томительных ночей; сон редко смыкал утомленные слезами и тревожным бодрствованием глаза; когда же, наконец, усталый организм брал свое, то страшные, беспорядочные сны и видения были мучительнее самой бессонницы.

Среди всякого горя есть своя улада: для меня в это тяжелое время были истинным утешением дети, которые, чувствуя бедствие, старались всеми силами доставить мне облегчение; особенно старшие помнили завет отца: берегите маму; и берегли они меня всеми своими детскими силами, утешали, старались ободрить. В это время у старшего развилось расположение к рисованию. Он неутомимо срисовывал все живописные окрестности Камчатки; очень верно и для самоучки весьма хорошо. В последствии под хорошим руководством он со своих собственных эскизов, снятых тогда с натуры, нарисовал множество видов и ландшафтов, составляющих для меня теперь драгоценный памятник.

Не обошлось у нас и без материальных лишений; рассчитывая быть на Аяне несколько недель после ухода мужа, я отдала ему все свои запасы, оставив для себя только необходимое количество, рассчитанное на несколько недель. Но как надолго суждено им было растянуться! Сахару в продолжение этих месяцев мы почти не видели; пшеничной муки — также; а равным

образом и все предметы привозные. К счастью, река давала свежую рыбу в изобилии; камчадалы продавали много дичи, у нас оставались свои коровы, и молока было достаточно.

Но камчатское лето холодно и очень дождливо; в нашей хижинке это было ощутительно; лучшее помещение было отведено для самых маленьких детей; и в это время мой второй сын захватил ревматизм, который напоминает ему до сих пор чувствительным образом наше пребывание на хуторе.

19-го мая вошли в Авачинскую губу двенадцать больших судов, встали на якорь, то были: три парохота, пять фрегатов, три корвета и один 84-пушечный корабль «Монарх», нарочно для этой экспедиции вытребованный из Англии. До 19-го числа они крейсировали у самого входа Авачинской губы.

Такая грозная сила собралась для уничтожения пустынного, малолюдного, отдаленного Петропавловского порта. В этих водах мы в тот год имели из военных судов фрегат «Аврору», да корвет «Оливуцу». Фрегат «Диана» погиб во время страшного землетрясения в Японии. О наших старых, заслуженных, несколько неуклюжих транспортных судах не стоит и говорить, это не военный трофей. Сильно было желание союзников отомстить за свое прошлогоднее поражение. Геройская отвага, встреченная ими, заставила их загнать в воды Восточного Океана до восемнадцати судов: в то время как в Авачинской губе стояло одиннадцать с одним 84-пушечным кораблем, шесть судов проходило в залив Де-Кастри и крейсировало около Амурского лимана.

Можно себе представить горькое разочарование этой грозной армады при виде укреплений без пушек и людей; опустелые здания, частью без окон. Грозно смотрят одни каменные утесы, да зловещим грохотом встречает седая Авачинская сопка незваных гостей. Около месяца простояла неприятельская эскадра в Авачинской губе, хотя и не в полном составе, так как большая часть из них вскоре ушла в море. Разрушили они в свое пребывание брустверы опустелых батарей, сожгли некоторые здания. Даже нашей маленькой ветхой церкви не оказали должного уважения, которым всякий христианин обязан храму Божьему; и на ней остались следы их прикосновения. На своих могилах они поправили курган, обложили его дерном и обнесли деревянной решеткой. Пред уходом они разменялись пленными и имели сношение с адъютантом генерал-губернатора.

Во время их пребывания там в продолжение трех недель непрерывно гремела Авачинская солка; мы на хуторе были близко от нее и слышали неумолкаемые подземные удары, подобные раскатам грома. Земля глухо содрогалась, и ночью из жерла горы показывался зловещий огонь.

Дети во время стоянки неприятельской эскадры очень часто ходили на хребтик; кроме того, Губарев рассказывал мне все, что там делается. Но то уже не был тот жгучий интерес, как прошлой осенью.

Вскоре после ухода неприятельской эскадры заходила американская ученая экспедиция на двух военных судах; она в Авачинской губе стояла с неделю, запасаясь дровами и водою; офицеры передавали известие о кончине императора Николая Павловича; это нас до такой степени поразило, что мы даже не вполне верили.

Протянулось казавшееся на этот раз бесконечным короткое камчатское лето. Настал конец августа, пришло торговое американское судно «Беринг». Хозяин судна, американец Кушин, пришедший на нем с товарами, по моей просьбе согласился взять нас с собою и завезти в Де-Кастри. Он привез свой обыкновенный груз товаров, не зная о снятии порта, и ему при моем предложении было гораздо выгоднее выгрузить его в населенном месте, где можно было предполагать, что в провизии сильно нуждаются, чем в пустынном Петропавловске. Выехали мы из хутора и пришли в опустелый порт; грустно было видеть его разрушение, его запустение!

24-го августа, ровно чрез год, отслужен был в нашей маленькой церкви благодарственный молебен за небесную помощь, дарованную нам в прошлом году; потом служили панихиду, как на общей могиле павших, так и на могиле А. П. (Максутова. — *Ред.*). Не только все оставшееся народонаселение опустелого порта, но и многие камчадалы и отставные из окрестных деревенок были тут. Все были глубоко тронуты, все плакали.

Прости Петропавловск, не забуду я тебя никогда! Не забуду и вас, добрые, простодушные камчадалы!

29-го августа перевезли нас на американское судно «Беринг», где американцы оказали нам искреннее участие и дали весьма хорошее помещение. Вышли в море; засвежело; в позднее время плавание бывает очень бурное, тем более в сентябре, в эпоху равноденствия. Все дети, мои женщины, все лежат, я головы не могу поднять, один Кирилло, старый моряк, балансируя, ухаживает за нами. Три недели шли мы, имея весьма часто шторм и крепкий ветер, большею частью противный. Наконец показались грозные, неприветные берега залива Де-Кастри.

Боже мой, что суждено нам узнать! Пять месяцев длилась неизвестность; знала я только твердую решимость наших скорее умереть, чем отдать русский военный флаг, и видела в Петропавловске неприятельские силы вдесятеро нас превосходящие! Видя мое страшное беспокойство, видя, как дети при этом мучительном ожидании тоскливо жмутся ко мне, и американцы относятся с искренним сочувствием к этому ужасному положению.

Но вот от берега отваливает шлюпка, гребет, пристает к «Берингу»; морской офицер входит на палубу... Язык не служит, чтобы сделать вопрос. Он его читает в глазах и предупреждает его: «Василий Степанович жив и здоров». Слезы неизъяснимой радости брызнули у нас...

ИЗ ЗАПИСОК ОФИЦЕРА, СЛУЖИВШЕГО НА ФРЕГАТЕ «АВРОРА»

Николай Алексеевич Фесун родился в 1835 г. По окончании Морского корпуса в 1853 г. произведен в мичманы. В 1853—1854 гг. на фрегате «Аврора» совершил переход из Кронштадта в Петропавловск и принял участие в обороне порта от нападения англо-французской эскадры, за что награжден орденом Св. Владимира 4-й степени. В 1854 г. произведен в лейтенанты. В 1855 г. на том же фрегате перешел в устье Амура, где участвовал в бою в заливе Де-Кастри. Награжден орденом Св. Анны 3-й степени. В 1856—1857 гг. на «Авроре» совершил переход из залива Де-Кастри в Кронштадт. В 1858—1859 гг. на корабле «Ретвизан» плавал в Средиземном море. В 1860—1862 гг. на винтовой лодке «Морж» перешел из Кронштадта в Тихий океан. Во время этого плавания подробно описал Магелланов пролив. В 1863 г. награжден орденом Св. Станислава 2-й степени, произведен в капитан-лейтенанты и назначен офицером для особых поручений при управляющем Морским министерством. В 1865 г. награжден орденом Св. Станислава 2-й степени. В 1884 г. произведен в контр-адмиралы.

В «Морском сборнике» опубликовал статьи «Каллао и Лима», «Замечание французских офицеров о корабле “Ретвизан”», «Из записок офицера, служившего на фрегате “Аврора”», «Ответы на замечания господина Невельского», «Из записок о кругосветном плавании на лодке “Морж”», «Современное значение броненосного флота» [Словарь биографический морской / Авт.-сост. В. Д. Доценко. — СПб., 2000].

Эскадра союзников оставила Авачинскую губу 27 августа 1854 г. Утро этого дня было как-то особенно пасмурно, и сначала, когда сквозь рассеивающийся туман мы заметили, что неприятель готовится к съемке с якоря, все были вполне убеждены, что новое нападение ожидает Петропавловск; правда, подъем баркасов в ростры заставлял сомневаться в вероятности подобного предположения, но как обыкновенно бывает, плохо веришь тому, чего особенно хочется, а потому до тех пор, пока последнее из неприятельских судов не скрылось за горизонтом, мы продолжали ждать чего-то особенного. Мы полагали, что союзники, догнав «Ситху» и «Анадырь», возвратятся в Петропавловск и если и не отважатся на вторичный десант, то возобновят бомбардировку. Проходит, однако ж, час, другой; наступает вечер, а неприятеля всё нет и нет; наконец приезжает унтер-офицер с дальнего маяка. Рассказ его о взятии «Ситхи», сожжении «Анадыря» и об окончательном уходе неприятельской эскадры кладет предел всем сомнениям. Люди с батареей отпущены по казармам, отслужены благодарственный молебен и панихида по убитым, и гонцы полетели в разные стороны, чтобы известить окрестных жителей об окончании блокады. Семейства гарнизона, бывшие в деревнях за 10, 15 и 20 верст, начали возвращаться в город, причем долго повторялись поздравления, рассказы и расспросы об отражении неприятеля.

Через неделю по уходе неприятеля начали подходить наши суда, бывшие в откомандировках; беспокойства, возбужденные их отсутствием, рассеялись, а счастливый приход корвета «Оливуца» ([командир] капитан-лейтенант П. Н. Назимов. Во время Петропавловского дела находился у берегов Восточной Сибири. Возвращаясь оттуда, он прошел в виду некоторых судов союзной эскадры, уходившей из Камчатки, и счастливо избежал встречи с ними, пришел на Петропавловский рейд, лишь несколько дней спустя после оставления его союзниками), транспортов: «Иртыш», «Байкал», бота «№ 1-й» и в особенности необыкновенно удачное плавание винтовой шкуны «Восток» показало нам ясно, что пресловутая бдительность английских крейсеров, которою британский флот прежде столь справедливо гордился, в настоящее время существует лишь только в предании.

На транспортах, равно как и на купеческих судах, влетевших на рейд почти на носу у неприятеля, а именно на американском бриге *Noble* и гамбургском барке *Магдалена* (барк этот сделал замечательное плавание, и на пути из Гамбурга, в котором был зафрахтован, до Петропавловска он не заходил в порт. Когда барк вошел на рейд, почти вся команда была больна цингой, командир также едва держался на ногах, пораженный тою же болезнью, и будь еще несколько дней противный ветер, ужасные бедствия предстояли бы молодецкому судну) провизии было подвезено столько, что порт, если и не был вполне беспечен ею, но при экономии все же мог просуществовать до весны. Пороху, правда, было очень мало, но мы надеялись на подвоз из Америки со вскрытием льда, и ободренные длинным рядом удач и счастливых событий, весело принялись за возобновление батарей...

Теперь, прежде чем продолжать рассказ о том, что делалось в Петропавловске, или описывать наше житье-бытье в нем, я думаю, будет не лишним сказать несколько слов о положении «Авроры» и о причинах, почему после оставления неприятельскими эскадрами берегов Камчатки фрегат наш не попытался возобновить в воспоминаниях англичан памятного для них крейсерства американского фрегата *Эссекс*. На последнее отвечать не трудно, а именно: чтобы выйти в море в военное время для зимнего плавания, кроме надежной конструкции судна требуется много условий: требуется, во-первых, совершенное здоровье экипажа; во-вторых, избыточное снабжение всевозможными припасами и запасами и, наконец, в-третьих, и самое главное: необходимо иметь собственно морской провизии по крайней мере на четыре месяца.

Для «Авроры» не предстояло ничего подобного: экипаж ее, только что оправившийся от болезни, так много испытал уже трудов и лишений, что было бы неблагоприятно подвергать его случайностям сурового зимнего плавания; грот-мачта фрегата была пробита ядром навывлет, запасы пороха и снарядов, потраченные во время обороны порта, были крайне ограничены

и, сверх того, Петропавловск, едва обеспеченный продовольствием до весны, не мог отделать для нас морской провизии не только на четыре, но даже и на один месяц. Наконец, уйдя из Камчатки, мы рисковали не попасть туда до весны, или же, возвращаясь, могли быть предупреждены в виду берегов неприятельскими крейсерами.

Спрашивается, на кого бы мы бросили порт, уже столь истощенный при отражении союзников в 1854 г., насчитывающий в своем гарнизоне большие потери убитыми и ранеными, подверженный на 1855 г. нападением неприятеля и в большем числе, и с большей против прежнего опытностью?

Все эти причины я выставляю на вид в особенности потому, что по возвращении в Россию мне часто приходилось слушать вопросы: отчего «Аврора» при широком раздолье для крейсерства ни разу не вышла на добычу за неприятельскими купцами? . . . Теперь я высказал, почему он не мог выйти из этого порта осенью, после ухода неприятеля, и, наконец, впоследствии, при дальнейшем описании наших действий на Восточном океане, я постараюсь не менее категорически и по возможности опираясь на факты разъяснить стечение случайностей, воспрепятствовавших выполнению нашего задушевного желания: выйти в океан, в простор, и покрейсерствовать!

Теперь же перехожу к Петропавловску. Только что возвратился корвет и транспорты, гарнизон, не имея время даже и подумать об отдыхе после кутерьмы, наделанной неприятелем, начал усиленную работу по улучшению портовой обороны. Работы предстояло множество. Нужно было не поправлять старые батареи, а, сообразуясь с недавним опытом, совершенно перестроить их и соорудить несколько новых. Приложение теории к делу научило многому, о чем прежде знали лишь понаслышке, а как единственный инженерный офицер, бывший в Петропавловске, лежал больным, тяжело раненый 24 августа, то планы и расположения всех фортификационных работ выпали на долю флотских офицеров.

Для лучшего обсуждения, как этих планов, так и вообще всего касавшегося до обороны, была составлена комиссия. Оборонительная линия разделена на участки, каждому флотскому и артиллерийскому офицеру поручен присмотр за одним из этих участков. И как мысль об оставлении порта тогда еще не приходила никому в голову, то работали усердно, с полным сознанием, что в прочности укреплений и в своей собственной внутренней силе вся надежда на успех и единственная надежда на спасение. Помощи людьми ждать было не откуда и, не сомневаясь в значительном увеличении на будущий год материальных средств наших врагов, мы сами могли рассчитывать разве только на вероятное развитие нашей опытности и наших нравственных сил. Все это хорошо понимали — не только офицеры, но и каждый матрос, работавший на укреплениях; вследствие чего новые батареи росли с удивительной быстротою, старые принимали надежный вид укреплений, построенных на осно-

ваниях недавней практики, везде прорывались закрытые ходы, строились прочные пороховые и бомбовые погреба, заготавливались запасные станки и лафеты. Вообще вся работа была так ведена, что при вторичном посещении Петропавловска союзной эскадрой в июне 1855 г. английский адмирал Брюс в донесении своему правительству не мог не отдать нам полной справедливости: «Русские ужасно работали, — писал он, — и по всему видно, что известие о снятии порта застало их в самом развитии приготовлений!»

Такой отзыв неприятельского главнокомандующего один уже в состоянии показать, что победа никого не усыпила в Петропавловске, и что, не теряя времени для отдыха на лаврах, гарнизон употребил все силы и всю энергию к тому, чтобы в будущем году, если и не победить по-прежнему (нужно было ждать, что неприятель разовьет все свои силы, и как ни откуда не предвиделось помощи порту, то, конечно, шансы для вторичной победы были более, нежели сомнительны), то, по крайней мере, сделать все, что только возможно.

Но не одни военные приготовления занимали общее внимание. Чтобы приготовиться к защите против сильнейшего неприятеля, нужно было подумать, где мы поместим несколько сотен людей и как лучше сохранить их здоровье? Небольшие казармы, бывшие в порту и едва достаточные для 47-го флотского экипажа в том составе, в каком он был до военных действий, конечно, уже не могли вместить с лишком триста человек солдат сибирских линейных батальонов, прибывших в Камчатку на укомплектование его, а также более трехсот человек команды фрегата «Аврора», временно помещенных на чердаках портовых магазинов и необходимо нуждавшихся на зиму в помещениях, по крайней мере, сносных.

Наконец должно еще было позаботиться и о будущем продовольствии страны. Несчастье или неудача военных действий в Петропавловске не должны были лишить куска хлеба многочисленные семейства гарнизона и, наконец, тех из жителей Камчатки, которые не могли существовать на одной рыбе (в Камчатке в настоящее время еще существуют такие племена, которые вовсе не употребляют хлеба, довольствуясь одной рыбой). Следовательно, требовались провиантские магазины, построенные в местах, по крайней мере, не бросающихся в глаза неприятелю при его первом вступлении на берег. Работ этих, при значительных трудностях, сопряженных с ними, было бы, конечно, достаточно для петропавловского населения, если бы оно было и вдвое многочисленнее. В его же настоящем числе не должно было терять и секунды; а потому, несмотря на осенние непогоды, работа продолжалась до ноября, то есть до тех пор, пока ужасные пурги или метели и глубокие снега ей не препятствовали. Казармы доведены до состояния, при котором житье в них делалось возможным, постройка батарей достаточно подвинута вперед, и для встречи неприятеля все подготовлено таким образом, что

времени, остающегося весной 1855 г., было бы вполне достаточно к приведению Петропавловской обороны, по средствам, в возможно лучший вид.

Наступила продолжительная камчатская зима. Заброшенные на край света, без известий о ходе дел в остальном мире, без развлечений, с перспективой тяжелой неизвестности впереди, не предвидя окончания войны, все мы были как бы заключены в пределах какого-то фантастического круга, выйти из которого не предстояло возможности.

В России и в Европе совершались великие события, до нас же едва доходили темные слухи о них, или известия, запоздавшие полугодом, а часто и более. Продлись война десять лет, мы на десять лет могли бы остаться в Камчатке (мысль смелой переноски порта в устье Амура тогда если и приходила кому в голову, то казалась неисполнимой по множеству препятствий). Разбив неприятеля в 1854 г. и предполагая почти невозможное поражение его в 1855-м, все-таки рано или поздно пришлось бы быть подавленными превосходством сил; наконец, возьмем в расчет самое счастливое, а именно, что неприятель, не видя вознаграждения за свои жертвования, ограничится блокадой и оставит Петропавловский порт в покое! Что было бы из этого? Сделается ли наша жизнь сноснее, веселее, удобнее? Произойдет ли какая-нибудь светлая перемена в нашем положении? Конечно, нет. Обстоятельства эти не раз приходили на ум, но мы, конечно, к нашему счастью, тогда все рисовали себе в каком-то розовом цвете и со счастливым рядом событий позади, смотрели весело вперед.

К тому же зимой случались развлечения, правда, весьма оригинальные, и что еще хуже, весьма и весьма редкие. Но мы находились в Камчатке, считали себя заброшенными, отчужденными от всего остального мира и в действительности были столь мало избалованы, что самое ничтожное событие, выходящее из ряда обыкновенной будничной жизни, было в состоянии и позабавить нас, и порадовать. Так, например, представьте себе Петропавловск, маленький городок, в котором проход лишнего человека по улице уже возбуждает внимание, и вдруг в конце ноября или начале декабря городок этот, или, правильнее, эта дрянная деревня, оживляется необыкновенно. На единственной улице появляется народ, беготня, шум, движение; у всех какой-то озабоченный вид, все куда-то спешат, обгоняют друг друга и чем-то особенно заняты. Часто повторяемые восклицания: «Почта, зимняя почта пришла» объясняли, в чем дело.

В Камчатке в обыкновенное время почта приходит всего два раза в год, один раз через Охотск и Гижигу — зимой; другой раз летом по морю, если нет блокады. Взявши в расчет это и вспомнив, что время моего рассказа относится к концу 1854 г., то есть к самому разгару Восточной войны, нетрудно будет объяснить нетерпение, с которым каждый из нас ждал письма или газеты; наконец, отбросив даже в сторону политические обстоятельства,

все мы в России имели родных, знакомых, друзей, без известий о которых жили целые месяцы. Приход почты давал пищу для разговоров; сначала рассказывались происшествия, прочитанные в газетах, или известия, полученные в письмах; их обсуживали и пересуживали тысячу раз; потом являлись новости сомнительной вероятности, а, наконец, и такие, несообразность которых поражала самых доверчивых. Явление последних всегда служило несомненным признаком истощения всего прибывшего с почтой. Камчатским Бобчинским и Добчинским мылили сильно голову, а там надоедало и сердиться; все входило в обыкновенный порядок, все успокаивалось, и колесо камчатской жизни вертелось по-прежнему.

Рассказ о приходе почты напомнил мне довольно интересный анекдот из жизни одного из прежних камчатских начальников. Давно, очень давно, когда в Камчатке еще и не думали о губернаторах, а довольствовались обыкновенным областным управлением, начальник этого отдаленного края выкидывал для препровождения времени следующую шутку. По приходе почты он отбирал все казенные бумаги и частную корреспонденцию, последнюю раздавал по рукам, по первой делал соответствующие и зависящие от него распоряжения и потом, собрав и отложив в сторону все журналы и газеты, он раздавал их не вдруг, а в обыкновенные петербургские сроки. То есть газеты ежедневно, журналы помесечно, чем без сомнения желанные результаты были им вполне достигнуты. Почта, как уже было сказано, приходит в Камчатку два раза в год, новости привозятся за полгода сразу; перечитав их в неделю, пришлось бы потом сидеть сложа руки, и тут-то предусмотрительный повелитель Камчатки и подоспел со своим способом. Каждый день являлась новая газета (новая для Петропавловска), пища для разговоров не истощалась, всем было о чем поговорить, поспорить и, без сомнения, как бы ни была в действительности эта мера смешна и даже деспотична, нельзя сказать, чтобы в Петропавловске она не принесла своей относительной пользы.

Кроме прихода почты, в зимнее время немалым развлечением служили балы и театры. Слова «бал» и «театр» звучат как-то странно в применении их к Камчатке, но, тем не менее, они доставили нам немало удовольствия. О бале у губернатора начинают говорить недели за две; дам весьма мало, и потому молодежь торопится ангажировать их заранее; готов импровизированный оркестр музыкантов с инструментами, имеющими некоторое сходство со скрипками; наконец наступает давно жданный вечер. В шесть часов показывается свет в окнах губернаторского дома, а в семь бал в полном разгаре. У подъезда вы не встретите ни лошадей, ни экипажей: мужчины, какая бы ни была глубина снега, приходят пешком; а дамы приезжают на собаках.

Общество для Петропавловска было довольно большое; мужское состояло из офицеров фрегата «Аврора» и 47-го флотского экипажа, штурманских,

артиллерийских офицеров, гражданских чиновников управления Камчатской области, наконец, из небольшого числа служащих в Российско-Американской компании, двух-трех наших купцов, перебивающихся камчатской торговлей, и одного агента американского купеческого дома. Дам было всего шесть или восемь, большею частью родившихся в Камчатке и за малым исключением там же и воспитанных; на больших балах сбиралось, впрочем, до четырнадцати танцующих пар. Откинув строгость в суждениях, неуместную по вышеупомянутым причинам, я думаю, что передам верно не только свое мнение, но и мнение всех моих тогдашних сослуживцев, сказав, что камчатское дамское общество мы нашли во многих отношениях лучшим, чем ожидали, судя по описаниям и рассказам, и, наконец, что камчатским дамам мы много обязаны за их постоянное радушие к нам, пришельцам издалека.

Оркестр неистово играет интродукцию; капельмейстер, играющий левой рукой, понуждает музыкантов пилить на своих инструментах как можно громче; правда, сначала неприятно, даже больно для слуха, и в такт попасть трудно, но ко всему можно привыкнуть; попривыкли мы и к скрипу и визгу, а с помощью воображения, наконец, начали действительно верить, что когда наши музыканты сыграли то, что по убеждению их было полькой, то это и в самом деле полька; вальс — так вальс; мазурка — соглашались и на мазурку!

Воображение же было, не шутя, необходимо, так как в звуках какого бы то ни было танца, исполненного камчатскими артистами, неминуемо слышался мотив и такт известной песни: «Чижик, чижик» и так далее... Впрочем, каков бы ни был оркестр, мы были так мало избалованы и, главное, настолько уже приготовили себя к камчатскому житью-бытью, что и под «Чижика» танцевали весело, и нередко до двух и трех часов ночи. Отсутствие всякого стеснения, короткое знание всего общества и, наконец, желание как-нибудь разнообразить время, все это взятое вместе много способствовало общему одушевлению.

Все расходились довольными по единственной улице, еще с четверть часа слышались командные: «Ках, как» погонщиков собак, развозивших наших дам, потом все успокаивалось, и Петропавловск засыпал.

Устройство театра наделало хлопот несравненно более. Декорации, костюмы, занавес не существовали в Петропавловске; материалы и средства были весьма незначительны, заботиться обо всем пришлось нам самим и, несмотря на это, театр как-то особенно ладился. Бесперывные препятствия не только не отбивали охоты, но, напротив, чрезвычайно забавляли всех участвовавших.

Решились сыграть «Ревизора». Роли разобраны довольно удачно, и как в «Ревизоре» главные действующие лица — мужчины, то исполнение пьесы было так хорошо, что право хотя бы и не для Камчатки. Главное, что нас занимало, это, конечно, не самое представление, а всего более пригото-

ния и репетиции. Смеху, различных приключений и непредвидимых случайностей было так много, что время летело с удивительной быстротой, и благодаря театру мы почти не заметили, как прошли и самые праздники.

Не одни мы прибегали к сценическим представлениям, как к спасительному средству от хандры и скуки. Театры разыгрывались нашими моряками в Японии во время их продолжительного пребывания на Нагасакском рейде (на этом рейде театры разыгрывались на корвете «Оливуца», бывшем в составе эскадры адмирала графа Путятина, заключавшего в то время известный трактат с Японией). Театральные представления давались и в близком соседстве к полюсу, в экспедициях, посланных для отыскания Франклина и северо-западного прохода; театры везде и всегда — самое действительное и удобное средство для развлечения, в особенности зимой в таких благословенных странах, как Камчатка, где нельзя своротить с тропинки, чтобы не уйти в снег по горло, и где в продолжение каких-нибудь четырех или пяти месяцев нет, да и не может быть никакой серьезной деятельности по службе.

До глубокой осени у нас было много дела, как по устройству батареи, так и вообще по изготовлению средств будущей обороны порта. Потом зимой пришла раз почта, два или три бала у губернатора, а там ничего более. И, конечно, изучение роли, репетиция, устройство декораций были занятиями не только приятными, но почти необходимыми. Несколько часов проходило незаметно, всем было, что делать, о чем поговорить, и время вообще шло, если и не особенно хорошо, то, по крайней мере, сносно.

Будь Камчатка не так далеко от всего образованного мира, можно бы выписывать журналы, книги, газеты. Случись мы в Петропавловске, по крайней мере, в мирное время, можно бы летом получать на судах из Сан-Франциско или портов Китая все необходимое. Нам в нашем тогдашнем положении нельзя было мечтать ни о чем подобном. Зимой почта получалась один раз, летом порт в блокаде, и, как тогда все думали, в блокаде строгой и непроницаемой. Читать! Но все книги, как в библиотеках, фрегатской и портовой (библиотеки эти по числу книг были весьма ограничены), так и наших собственных, были читаны и перечитаны до того, что мы их почти наизусть знали. Предметы для разговора все те же и те же. Если прибавить к этому нескончаемые зимние ночи, целый ряд совершенно однообразных вечеров, если вспомнить обыкновенные следствия подобного апатического препровождения времени, то, без сомнения, трудно будет не согласиться, что мысль о театрах явилась как нельзя более кстати, вследствие чего «Ревизор» в Камчатке разыгрывался с таким увлечением, с каким, несмотря на его огромный успех на петербургской сцене, вряд ли он там когда-нибудь разыгрывался.

Кроме театра, мы пробовали еще устраивать прогулки на собаках в ближайшие к Петропавловску деревни и даже поездки во внутрь страны. Но за исключением некоторых счастливых, отличавшихся особенной физической

III.

ЧАСТЬ НЕОФИЦИАЛЬНАЯ.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ ОФИЦЕРА СЛУЖИВШАГО НА ФРЕГАТѢ «АВРОРА»

(Продолженіе.) (*)

Эскадра союзниковъ оставила Авачинскую губу 27 Августа 1854 г. Утро этого дня было какъ то особенно пасмурно, и сначала, когда сквозь разсѣивающійся туманъ, мы замѣтили, что непріятель готовится къ съемкѣ съ якоря, всѣ были вполне убѣждены, что новое нападеніе ожидаетъ Петропавловскъ; правда, подъемъ барказовъ въ ростры заставлялъ сомнѣваться въ вѣроятіи подобнаго предположенія, но какъ обыкновенно бывастъ,—плохо вѣришь тому, чего особенно хочется, а потому до тѣхъ поръ, пока послѣднее изъ непріятельскихъ судовъ не скрылось за горизонтомъ, мы продолжали ждать чего-то особеннаго; мы полагали, что союзники, догнавъ «Ситху» и «Анадырь», возвратятся въ Петропавловскъ и если и не отважатся на вторичный десантъ, то возобновятъ бомбардировку. Проходитъ однакожь часъ, другой; наступаетъ вечеръ. а непріятеля всё нѣтъ и нѣтъ:

(*) См. № 1 Морск. Сб. за текущій годъ.
н. оф.

ловкостью, большей части из нас удовольствия этого рода обходились уж чересчур дорого, потому что из Петропавловска нельзя отлучиться никуда иначе, как на собаках. Езда на собаках известна из описаний путешественников, прежде нас посещавших Камчатку. Многие из них, а также многие из моих товарищей находили и до сих пор находят ее очень занимательною и даже поэтической. Что касается до меня лично, то вследствие ли природной неловкости, или же быть может, после многих неудачных попыток приобрести сноровку, я пришел к убеждению, что неудобнее и даже опаснее путешествия на собаках трудно что-нибудь придумать. В особенности, если на несчастие новичка-ездок попадетсЯ какая-нибудь удалая, хорошо откормленная свор; тогда, наверное, не миновать приключений и даже весьма сильных ушибов.

Между множеством гор, окружающих Петропавловск, есть и такие, спуски с которых тянутся на протяжении двух или трех верст. Представьте себе маленькие, довольно высокие и очень узенькие санки; на них садятся верхом или боком, смотря по ловкости или по желанию ездока. Посредством упряжи, вроде шлей жидовских лошаденок в южных губерниях, к санкам припрягается семь или девять собак. Чуть местность начинает становиться пологой, собаки обыкновенно уже не бегут, а просто мчат вас так, что дух захватывает. Легко может быть, что под полоз игрушечных санок этих попадетсЯ какой-нибудь срубленный пень, колода, бугор или что-нибудь в этом роде, и тогда вы отлетаете в одну сторону, собаки с санями в другую, а там, конечно, все будет зависеть от того, как упадете. Но бывает и хуже; бывают приключения более печальные. Вообразите себе, что вы несетесь во всю силу семи здоровых собак по одному из вышеописанных спусков; вдруг за кустом встрепнулся заяц, спорхнула птица. Передовая собака, заметив добычу, моментально бросается в сторону, все остальные следуют за ней, и если бы даже благодаря особенной ловкости или какому-нибудь чуду вы в этот критический момент и усидели бы, то весьма ненадолго.

Увлеченные добычей, собаки не слушают команды, не разбирают дороги: канава ли, куст, или пень, они бегут до тех пор, пока упряжь или санями не зацепляюТСЯ за какое-нибудь препятствие. Редко удержитесь вы в санях до подобной остановки, большею же частью, не будучи в состоянии предупредить множество крутых и совершенно неожиданных поворотов, вы очутитесь где-нибудь под деревом, в стороне от дороги, с разбитой физиономией, с ушибленной, а иногда и с вывихнутой рукой, и часто уроки этой новой и отчаянной гимнастики обойдутся дороже. Собаки, перервав упряжь, убегут домой, и прозябшему, расшибленному, усталому, вам придется плестись несколько верст пешком по направлению к городу, и хорошо еще, если проезжий камчадал, сжался над вами, или что правдоподобнее, прельстятсЯ полтинником на чай (до чая все они большие охотники), доставит вас, наконец, в город.

Без сомнения, можно ездить на собаках и не испытывать никаких опасностей, но в таком случае приходится взять на себя роль чисто пассивную и отказаться от удовольствия или от мучения самому править. При том, наняв надежного погонщика или каюра, вы усаживаетесь, или, говоря правильнее, вас укладывают не на легкие и одиночные санки, а на низкие и довольно комфортабельные сани, укутывают сверх всего мехового, что уже на вас навячено, несколькими медвежинами, и тогда, хоть закройте глаза, можете быть совершенно спокойны; вас довезут, куда следует, без малейших приключений и без всякой опасности. В такой езде мало занимательного, но зато в ней нет ничего и головокружного. В хорошие зимние дни мы несколько раз езжали таким образом от Петропавловска верст за десять или за пятнадцать, посмотреть, как бьют буруны в заваленные снегом и оледеневшие утесы камчатского берега.

Картины, представившиеся там нашим глазам, действительно из тех, которые никогда не забываются. Между берегами взморья вблизи от Петропавловска есть места отлогие, но большая часть таких, которые оканчиваются утесами или обрывами. Представьте себя на одном из пунктов этого дикого и величавого побережья в морозный зимний день и когда солнце уже близко к закату. Позади полукругом стоят вершины громадных гор, принадлежащих к разряду высочайших в мире. Некоторые из них кажутся столь отдаленными, что почти теряются в беспредельном пространстве; по спускам с них и ближе к вам множество холмов различных форм и величин. Все это засыпано и завалено снегом. Солнце, спускаясь за горы, придает их снеговым вершинам какой-то особенно странный цвет. Чрезвычайная белизна снега утомляет, наконец, зрение, вы поворачиваете голову, и перед вами картина не менее поразительная: пред вами Восточный океан, напирющий на пустынный и мрачный берег, этот необъятный океан во всем его диком и ужасающем величии! Каким-то торжественным и заунывным кажется тут звук бурунов, вечно бьющих в неприступные скалы, как-то особенно мрачно и грозно смотрит огромное водяное пространство в контрасте своем с изрытым волнами и снегом покрытым берегом!

Картина этого рода исполнена поэзии. Она из тех, которые всего более остаются в памяти, но при всем том, смотря на нее слишком часто, вы чувствуете особенную тяжесть на душе, и безвыходность камчатского заточения становится еще безотраднее. Если тяжелой и бесконечной показалась для нас, офицеров, зима в Камчатке, то за нижних чинов нужно было опасаться гораздо более. Правда, особенных материальных лишений в Петропавловске они терпели немного, и сравнительно с последующей зимовкой на Амуре их камчатское житье-бытье было даже привольно. Но мы беспокоились всего более о том, выдержать ли матросы жизнь в казармах только что отстроенных и еще не совершенно сухих, и потом, наконец, каким образом проведут

удовольствія этого рода обходились ужъ черезъ-чуръ дорого, потому что изъ Петропавловска нельзя отлучиться никуда иначе, какъ на собакахъ. Ызда на собакахъ извѣстна изъ описаній путешественниковъ, прежде насъ посѣщавшихъ Камчатку; многіе изъ нихъ, а также многіе изъ моихъ товарищей находили, и до сихъ поръ находятъ, ее очень занимательною и даже поэтическою; что касается до меня лично, то вслѣдствіе ли природной неловкости, или же быть можетъ, послѣ многихъ неудачныхъ попытокъ пріобрѣсти сноровку, я пришелъ къ убѣжденію, что неудобіе и даже опасіе путешествія на собакахъ трудно что нибудь придумать; въ особенности если на несчастіе новичка-Ыздока попадетсѣ какая нибудь удалая, хорошо откормленная свора; тогда навѣрное не миновать приключеній и даже весьма сильныхъ ушибовъ. Между множествомъ горъ окружающихъ Петропавловскъ есть и такія, спуски съ которыхъ тянутся на протяженіи 2 или 3 версты. Представьте себѣ маленькіе, довольно высокіе и очень узенькіе санки; на нихъ садятся верхомъ или бокомъ, смотря по ловкости или по желанію Ыздока; посредствомъ упряжи въ родѣ шлей жидовскихъ лошаденокъ въ южныхъ губерніяхъ, къ санкамъ припрягается 7 или 9 собакъ. Чуть мѣстность начинаетъ становиться пологой, собаки обыкновенно уже не бѣгутъ, а просто мчатъ васъ такъ, что духъ захватываетъ. Легко можетъ быть, что подъ полозъ игрушечныхъ санокъ этихъ, попадетсѣ какой нибудь срубленный пень, колода, бугоръ или что нибудь въ этомъ родѣ, и тогда вы отлетаете въ одну сторону, собаки съ санями въ другую, а тамъ конечно все будетъ зависѣть отъ того какъ упадете. Но бываетъ и хуже; бываютъ приключенія болѣе печальныя. Вообразите себѣ, что вы весетесь во всю силу семи здоровыхъ собакъ, по одному изъ вышеописанныхъ спусковъ; вдругъ за кустомъ встретился заяцъ, спорхнула птица. Передовая собака, замѣтивъ добычу, моментально бросается въ сторону, всѣ остальные слѣдуютъ за ней и если бы даже, благодаря осо-

они те четыре месяца, в которые их невозможно было занять никакой серьезной работой? Теснота помещения, сырость его, безделье и тоска, как следствие неопределенного по времени пребывания на чужбине, суть вернейшие проводники всевозможных болезней. Потому понятно, что для сопротивления проводникам этим и предупреждения их последствий не должно было щадить ни хлопот, ни усилий. За чистотой и опрятностью в казармах наблюдали чрезвычайно настойчиво и строго, проветривали и обкуривали их несколько раз в день, железные печи топились с утра до ночи, относительно пищи делалось, что возможно, и сверх всего этого не забывали развлечений.

Все, что могли изобрести для поддержания бодрости духа матросов, все, что только позволяли средства порта и края, было употреблено в дело, и сравнительно малое число больных в продолжение последней зимовки в Камчатке ясно свидетельствует, как были необходимы подобные меры. Для нижних чинов устраивались поротно вечеринки, для них и ими же разыгрывались театры и, право, преинтересно было видеть, с какою чистосердечною веселостью наши молодцы отплясывали национальный камчатский танец «осьмерку», с каким живым участием следили за ходом каждой пьесы, как весело смотрели в это время и какие отчаянные усилия употребляли у себя на вечеринках, чтобы прослыть пред узкоглазыми камчатскими красавицами за людей ловких, бывалых. Простодушные камчадалки действительно считали их за людей необыкновенных и смотрели на них с почтением.

Так провели мы в Петропавловске зиму с 1854 на 1855 г. Теперь, когда по прошествии пяти лет начинаешь перебирать нашу тогдашнюю жизнь, нельзя не обратить внимания, что случись при порте, или имей мы у себя на «Авроре» хорошо снабженную библиотеку, зимние месяцы показались бы нам, офицерам, далеко не столь бесконечными и даже, весьма быть может, многие из нас, пользуясь избытком свободного времени, еще и приобрели бы кое-что для своего дальнейшего образования.

Библиотека в порту была очень бедна и главное — далеко не в порядке. В прежние времена в Камчатке с книгами казенной библиотеки обращались весьма бесцеремонно. Так, например, при отправлении в поход на транспортах забирали их в большом числе и возвращали довольно редко. Вследствие чего, так же как и по недостатку средств, в портовой библиотеке трудно было найти дельную книгу, а если случайно и находилось какое-нибудь интересное сочинение, то уже, наверно, без первой или без последней части. Библиотеку на «Авроре» еще того менее можно было назвать богатой: число книг в ней едва ли когда-нибудь переходило полтораста томов. Прежде чем нас, офицеров фрегата, обвинить, что, идя на четыре года, мы не сделали хорошего запаса книг, нужно взять в расчет: во-первых, что между нами никогда и никто не рассчитывал на удовольствие прозимовать в Камчатке

и на Амуре. Мы думали, что идем просто в кругосветное плавание, и как в подобном случае обыкновенно бывает, станем переходить из края в край, из порта в порт. Потом, нужно принять вообще к сведению, каким образом был снаряжен наш фрегат, нужно обратить внимание на то множество вещей, которые ныне полагаются по штатам, отпускаются портом, и которые нам при отправлении нашем пришлось завести из своего кармана. Правда, и тогда, как и в настоящее время, давалось на подъем годовое жалованье, но между тем какое же сравнение? Жалованье это теперь идет на руки офицеров, тогда же оно уходило на складчины. Все, что в настоящее время отпускается от казны, как-то: столовый и чайный сервиз, серебро, посуда, столовое белье, мебель в кают-компанию и каюты, все это мы заводили на собственный счет и еще, кроме того, чтобы должны были приобрести множество вещей и запасов, которых нельзя избежать, идя на четыре года.

Сообразив же, как эти обстоятельства, так и множество других мелких и посторонних расходов, делается вполне понятным, почему аврорская кают-компания не могла разделаться с долгами вплоть до прихода в Камчатку, а, следовательно, и то, почему мы не могли отделить несколько сотен рублей для устройства библиотеки...

Сколь ни бесконечными казались зимние месяцы, но, наконец, прошли самые тяжелые из них. Наступил февраль; стали поговаривать о вторичном приходе неприятеля, составлялись расписания людей по батареям, различные назначения офицеров, начались уже некоторые приготовительные работы, как вдруг и совершенно неожиданно 3 марта прискакал курьер, есаул Мартынов (адъютант генерал-губернатора Восточной Сибири). Он привез награды за дело в августе прошлого года и известия, опрокинувшие все наши прежние планы, а именно предписывалось: «Снять Петропавловский порт с его укреплениями, вооружить все суда, забрать гарнизон, и не только военных, но и всех чинов гражданских; принять на транспорты семейства, как первых, так и последних, изготовиться сколько возможно поспешнее и с ранней весной выйти в море».

Куда именно, в то время знали немногие, и потому легко представить, какая сумятица поднялась в нашем маленьком городке, и какие толки и пересуды носились из квартиры в квартиру. Чтобы по возможности более сбить с толку неприятеля при его вторичном приходе, адмирал распустил разные и довольно сбивчивые слухи о назначении нашей эскадры — сперва, что мы идем в Сан-Франциско в Калифорнию, где под покровительством нейтралитета Северо-Американских Штатов переждем время войны; потом, что порт переносится в устье реки Анадыр, и, наконец, слух еще менее достоверный, что вся эскадра пойдет в Батавию, где, оставив транспорты с тяжестями, фрегат и корвет, суда собственно военные, отправятся крейсировать на пути английских купцов из Ост-Индии в Китай.

Как ни казались невероятными новости подобного рода, но неопределенность положения была так велика, что на первое время им поверили, и они, надо сознаться, сбили с толку многих из нас, не говоря уже об англичанах, которые в продолжение нескольких месяцев бросались из стороны в сторону, а если наконец и попали на следы наши, то совершенно случайно и в то же время непрерывно находясь в сомнении и беспокойстве за слабейшие из своих колоний Восточного океана...

Удачная съемка и переноска Петропавловского порта в устье Амура надела в свое время много шуму; о ней англичане говорили и писали как о важном событии; сознаваясь, что, принося честь нашим морякам, она в тоже время положила тень на честь британского флота. Рассказывая здесь все известные мне подробности этого дела, я считаю нужным прежде всего объяснить причины, вынудившие покинуть Камчатку, для чего скажу несколько слов о военном положении Петропавловска.

Петропавловск расположен в одной из бухт обширной Авачинской губы и находится на такой местности, что при хороших средствах из него можно бы сделать один из самых неприступных пунктов. Как порт приморский и военный, Петропавловск при больших удобствах имеет и недостатки, тоже весьма значительные. Превосходный рейд, совершенно закрытый и с якорной стоянкой для самого огромного флота. Гавань небольшая, но весьма удобная и в которой суда первого ранга могут стоять в нескольких саженях от берега (гаванью я называю маленький Петропавловский рейд, или то, что местными жителями зовется Петропавловскою губою, на которой расположен самый Петропавловск); много мест удобных для эллингов; большие приволья в рубке дров и наливке пресной водой, — качества, конечно, весьма важные, если бы крайний недостаток строевого леса, бедность местных продовольственных средств и, в особенности, совершенно отрезанное положение в военном отношении — были бы препятствиями, легко отстраняемыми. Берегом мы могли получить только письма или посылки не более нескольких фунтов весом, и то раз или много что два раза в год зимою и с затруднениями невероятными. Оставалось сообщение морем, но с ранней весны и до глубокой осени мы были, или, по крайней мере, должны бы быть в строжайшей блокаде.

Хлебопашество в Камчатке — в начале своего развития, скотоводство — в младенчестве. Следовательно, приняв все это в соображение, и при возможности продолжения войны на несколько лет, мы подверглись бы не только лишению всех материальных удобств, но и еще до крайности стеснив природных жителей, сами дошли бы до того, что остались бы без куска хлеба, имея к поддержке существования единственную надежду на «большой лов рыбы», что как средство, зависящее от влияния местных обстоятельств, естественно, было одним из ненадежных средств. В военном отношении положе-

ние порта тоже представляло сомнения. Пороху по двадцать зарядов на орудие, всего 800 человек гарнизону, большой недостаток медикаментов и здоровой пищи для больных и раненых, недостаток безопасного помещения для перевязочных пунктов, крайняя ограниченность всех военных запасов и снарядов и ни малейшей надежды на подкрепление!

Вот что могли противопоставить мы неприятелю сильному, озлобленному прошлогодней неудачей и считавшему победу в Петропавловске не только необходимою для удовлетворения своей военной чести, но еще и политически нужною, как средство усилить влияние своего могущества в колониях Восточного океана. Положим даже, что по непростительной беспечности союзники ранней весной пропустили бы наши транспорты в Аян, Де-Кастри и обратно, но кроме риска потерять эти суда, подкрепления, привезенные ими, далеко не обеспечили бы продовольствия и обороны порта; тем более, что по достоверным известиям неприятель в начале лета предполагал напасть на Петропавловск с огромной эскадрой, состоявшей из двадцати шести судов, и в состав которой входил даже линейный 84-пушечный корабль «Монарх», нарочно с этой целью присланный из Европы.

Наконец, предположим почти невозможное, именно, что неприятель, сберегая суда, щадя жизнь людей и, главное, не видя вознаграждения за вероятные потери, оставил бы нас в покое. К чему послужили бы в последнем случае риск и расходы для доставления продовольствия и военных запасов в Камчатку? В Камчатку, которая по размерам, принимаемым делами на Амуре, имела уже в этих краях только второстепенную важность. Не благоразумнее ли бы было 800 человек различных команд, военные суда, еще годные для службы, средства порта, довольно значительные, — не лучше ли бы и не расчетливее ли бы было бы все это, не подвергая опасности погибнуть в бесполезном бою, не давая неприятелю лишний раз случая похвастать победой, приобретенной превосходными силами, все это иметь под руками на устье Амура, в устье этой громадной реки, течение которой, представляя средства послать для подкрепления тысячи, обеспечивает в то же время надежный путь сообщения?

Правда, много преград и препятствий явилось при осуществлении смелой идеи. Правда, нелегко перебросить порт за 1 000 миль в виду неприятеля и ожидая каждую секунду появления его у себя за плечами, но предпринимая это трудное дело, рисковали один раз, тогда как оставаясь в Камчатке, мы точно таким образом находились бы в опасности каждый день, и столько лет, сколько война ни продлилась бы. Сообразив вышеизложенное, причины упразднения Петропавловска делаются достаточно ясными, хотя, конечно, нельзя сказать, чтобы было особенно приятно в числе этих причин видеть бедность целой области, простирающейся до такой степени, что сделай неприятельские крейсера свое дело, ужасные бедствия разразились бы над всеми

составлявшими в то время народонаселение порта! Да и в самом деле, не больно ли, не прискорбно ли для национального самолюбия видеть огромнейший край, полтора столетия просуществовавший под нашим владычеством, и до того неразработанный, до того заброшенный, что не тысячи и десятки тысяч, а всего каких-нибудь 800 человек могли в нем встретить едва ли не голодную смерть, если бы им пришлось год или много-много что два довольствоваться местными средствами! Право, побывав в Камчатке, любовавшись великолепной Авачинской губой, приняв во внимание, что в самом Петропавловске мороз редко когда переходит за 10 градусов. Мягкость климата в самом Петропавловске должно отнести к окружающим его большим горам, равно как и к соседству океана, так как известно, что приморские места вообще имеют температуру, несравненно лучшую мест, лежащих с ними на одной параллели внутри страны.

Собрав поболее сведений о крае, вспомнив его громадные реки (например, река Камчатка), изобильные рыбным промыслом, — правда, как-то не хочется верить, что в полтора столетия нельзя было сделать столько, чтобы прокормить несколько сотен человек в известный промежуток времени! Камчатка, говорят, отрезана от России пустыми и необитаемыми пространствами, при мысли о которых дрожь прохватывает самого предприимчивого человека. Камчатка неспособна для хлебопашества, в ней не предвидится никаких источников для торговли, в ней, в этой негостеприимной и дикой стране, нет и не было, и никогда не будет ничего хорошего! Так ли это, и не виновата ли тут по обыкновению молва, часто преувеличивающая хорошее и дурное? Если сообщение с метрополией берегом действительно невозможно для пересылки грузов, то что же мешало сообщению морем? Если хлебопашество представляло сомнения, то разве изобильно снабженные провиантские магазины, подготовленные заблаговременно и исподволь, не были в состоянии обеспечить, не говорю уже команд, скопившихся в Петропавловске случайно, но по крайней мере хотя жителей края (запасные магазины на случай неурожая имеются в наших самых хлебобродных губерниях; в Камчатке, стране существующей привозным хлебом, мы не нашли ничего подобного. Надеюсь, что удивляться тут позволительно!)?

Десятки, сотни китобойных судов посещают Камчатское море и, без сомнения, им не пришлось бы делать несколько лишних тысяч миль, чтобы идти на Сандвичевы острова запастись зеленью, маслом, или чтобы поправить команду на мясной пище. Все эти суда пошли бы в Петропавловск! Вот и верный сбыт, вот и окупленный труд для тех, которые бы решились приняться за огородничество и скотоводство, и если торговля ими не обещала десятков и сотен тысяч, то все же подобная торговля могла доставить некоторые существенные удобства и даже относительное довольство занимающимся

ею, могла бы иметь благотворное влияние на целую массу жителей, доказав им, что труд вознаграждается и, наконец, в случае военных действий и блокады порта благонадежные запасные провиантские магазины, цветущее огородничество и изобилие рогатого скота, избавляя Петропавловский гарнизон от перспективы материальных лишений, избавили бы и правительство от огромных издержек по зафрахтованию судов, посланных в Камчатку из Соединенных Штатов и из Гамбурга, зафрахтований, сопряженных с большим риском и потому стоящих чрезвычайно дорого.

Что почва края способна для огородничества и скотоводства, ясно доказали не только попытки, делаемые в прежние времена, но еще и в особенности примеры, бывшие у нас почти перед глазами. Так, например, в четыре последние года при самых незначительных средствах было столько сделано, что команды могли запастись капустой, картофелем и луком на целую зиму, могли получать по праздникам мясную порцию. Потом, когда усиленные работы для снятия порта и экстренного вооружения судов заставили обратить особенное внимание на питательность пищи, все эти команды в продолжение целого месяца довольствовались постоянно мясом! Если в такой короткий срок достигнуты подобные результаты, то, что можно было сделать, не говорю уже с самого начала завоевания, но положим, хотя за последние пятьдесят лет?

Средства, имевшиеся при Петропавловском порте во время прихода туда «Авроры», могли быть предоставлены в распоряжение областного начальства и гораздо прежде. Стоили они недорого и заключались, преимущественно, всего в трех транспортах! Грузы, подвозимые последними из Сибири, вместе с грузами, доставляемыми из России морем вокруг света, увеличивая постепенно благосостояние страны, довели бы ее, наконец, до такого положения, что будущность жителей была бы обеспечена. Вследствие того уменьшились бы во многом и расходы правительства, так как дознано, что чем изобильнее собственные средства края (в особенности же отдаленного), тем дешевле обходится его содержание.

Высказав причины, вышудившие оставить Петропавловск, попытаюсь теперь передать все трудное и смешное в нашем тогдашнем положении. Смешного же было довольно и, главное, оно заключалось в том, что в первые дни по приезде курьера место назначения эскадры, кроме адмирала, знали очень немногие. Понятно, что вследствие подобного незнания толкам и пересудам конца не было и, наконец, последние размножились в таком количестве, что стали появляться слухи самые забавные. Усталый и измученный непрерывной работой от зари и до зари, возвратишься, бывало, домой и смотришь, — об отдыхе никто и не думает! Весь вечер проходит в рассказах самых фантастических, в предположениях о том, как и что будет с нами, выпустят ли нас англичане из Петропавловска, а, наконец, если и выпустят, то куда денемся

мы с нашей маленькой эскадрой, и какой порт положит предел нашим бесконечным странствованиям?

Приказы адмирала, всегда чрезвычайно короткие, не много распространялись и по этому случаю. Для примера, вот один из них: «Вследствие Высочайшего Его Императорского Величества повеления о поспешном оставлении Петропавловского порта, я предписываю гг. командирам судов приступить немедленно к их вооружению, имея при этом в виду, что от быстрого и скорого изготовления к плаванию будет зависеть весь успех нашего предприятия! Союзники, как положительно известно, имеют намерение напасть на Петропавловск с силами, непомерно превосходящими все наши силы, а, следовательно, было бы лучшим выйти в море не позже 1 апреля, для того, чтобы сколь возможно поспешнее достигнуть *места нового назначения нашего*. На этом основании я покорнейше прошу гг. командиров внушить их командам всю важность успешного производства работ по вооружению и изготовлению судов».

Указывая на необходимость усиленной работы, адмирал о цели плавания объявлял только, что отправляемся по назначению. Неделя и более прошло времени, пока хоть с некоторою достоверностью узнали мы, что за назначение это. Нижние же чины до самого выхода в море верили походу в Калифорнию. Несмотря на страшную усталость и на то, что было о чем подумать, много тешили нас рассказы о блаженной стране, где, по словам какому-нибудь мудреца с фор-марса, бери золота, сколько забрать можешь, или золота там столько, ребята, что ешь — не хочу!

Эскадра, предназначенная для переноски порта, заключалась в следующем составе:

Имена судов	Число орудий	Имена Командиров	Флагман
Фрегат «Аврора»	44	Капитан 2-го ранга Изильметьев	Контр-адмирал Завойко
Корвет «Оливуца»	18	Капитан 2-го ранга Назимов	
Транспорт «Двина»	10	Капитан-лейтенант Чихачев	
Транспорт «Иртыш»		Капитан-лейтенант Гаврилов	
Транспорт «Байкал»		Поручик Шарьшов	
Бот «№ 1-й»		Подпоручик Семенов	
Бот «Кадьяк»		Кондуктор	

Нужно еще заметить, что транспорты «Иртыш» и «Байкал» — суда небольшие, старые, давно отслужившие свой срок и, несмотря на то, что обошли вокруг света, — самых дурных морских качеств. В особенности

«Иртыш», который не только бросался в глаза уродливым и допотопным видом, но еще был замечателен по скверному ходу. Вообще, смотря на эти два судна, нельзя не подивиться, как решились отправить их в дальнее плавание, каким образом были доверены им жизнь людей и честь флага, значительные и ценные грузы, а также нельзя не отдать должной справедливости офицерам, благополучно плавающим с ними по настоящее время!

Таким-то образом, с небольшой эскадрой, обозначенной в вышеприведенной таблице, предстояло снять порт, прорваться сквозь неприятельских крейсеров, прийти в страну дикую, не довольно известную, поселиться в этой стране не на несколько дней, а на много лет и, приняв все меры обороны против превосходных неприятельских сил, быть в то же время готовыми к суровой зимовке в местах, где в продолжение более четырех месяцев двадцатиградусный мороз — почти нормальное состояние атмосферы, и где в декабре и январе термометр очень часто стоит на 22-х и даже на тридцати градусах! 3-го марта прискакал курьер, а 4-го работа уже кипела в полном разгаре.

Во время обыкновенного вооружения нескольких судов вдруг, в портах несравненно значительнейших, нежели Петропавловск, встречается всегда довольно затруднений, недоразумений и в особенности накаплиется бездна переписки, порождаемой многими, часто совершенно лишними формальностями портового управления. При поспешном снаряжении целой эскадры при ограниченных средствах порта, лишь только зарождающегося и, в особенности, при необходимости одновременно с вооружением судов производить и погрузку всего портового имущества, — естественно, что затруднений и остановок должно было ждать несравненно более, и конечно в подобном случае принятие на себя обязанности капитана над портом адмиралом, губернатором области было мерой существенной важности. Мера эта не только давала капитанам возможность получать быстрый и точный ответ на все их запросы, но даже во многих случаях совершенно избавляла от переписки, заменяя целый ряд рапортов, запросов и отношений всего двумя или тремя словами...

Чтобы лучше понять, как было нелегко управиться в Петропавловске в короткое время, нужно сказать, *во-первых*, что в начале марта в Камчатке почти зима, и снега там чрезвычайно глубокие, в этих числах еще только что начинают таять; *во-вторых*, что, изготовляясь к обороне порта, мы менее всего другого помышляли о выходе в море, а потому и понятно, что когда пришлось начать вооружение, явилось множество затруднений, столь же мало предвиденных, как и самое известие об оставлении Петропавловска. Вот краткий перечень главных работ наших: грот-мачта фрегата, пробитая в своей середине ядром навывлет, требовала тщательной тимберовки: ее пришлось вынуть, разобрать, вставить вместо поврежденных частей новые части, снова собрать и поднять на место. Подобная работа требует значительного времени

даже в Кронштадте, где есть краны и все возможные удобства. В Камчатке же исполнение ее было очень трудно, и если сказать, что, несмотря на дурные и в особенности весьма непостоянные погоды, чрез десять дней после спуска на лед мачта находилась на фрегате и на нее уже накладывались ванты, то, конечно, мало кто не согласится, что общий ход работ был вполне удачен, тем более что по недостатку леса в порту стрелы, необходимые для подъема и спуска, пришлось составлять из нескольких кусков различных деревьев, снайтовливая их и укрепляя железными бугелями. Стрелы эти были до того неблагонадежны, что лишь только мачта отделилась от шпора, они изогнулись в дугу и ежеминутно грозили надломом. Сверх того и как бы в довершение опасности неприятной операции, лопаля обоих гиней, перемерзшие и заоченелые на морозе, лопались два или три раза; и единственно благодаря запасным сей-галям, выбираемым с ними одновременно, не случилось никакого несчастья.

Орудия, с осени расставленные по батареям, понадобилось грузить на суда, а как батареи скрывались под горами снега, то сперва длинными железными прутьями пришлось отыскивать место каждого орудия, потом было необходимо раскопать его, и, вытащив из ямы, часто в сажень или даже 1¹/₂ сажени глубиной, спускать на особенно устроенных санях с гор на лед малого рейда — лед уже недостаточно крепкий; почему доставка подобных тяжестей на суда сопряжена была с опасностью. Горы, окружающие Петропавловск, большею частью довольно круты, и потому легко представить себе затруднения, неизбежные при поспешном с них спуске 24- и 36-фунтовых длинных и двухпудовых бомбовых пушек. Дым летел из-под веревок, задерживавших орудия при спуске, лед трещал под санями, лишь только они касались его, и, конечно, одна крайняя необходимость могла заставить принять столь опасный способ спуска и перевозки тяжестей.

Для возможного устранения несчастий перевозка устраивалась следующим образом: лишь только орудие было спущено на лед, к полозьям саней привязывали длинные концы веревок; человек 30 или 70 самых здоровых из всей команды впрягалось в них, и когда все было готово и осмотрено, офицер, бывший при работе, давал знак, матросы сбирались с силами, подхватывали разом, и опасная кладь летела к судну так быстро, как только было возможно. Лед трещал под полозьями, следом за санями оставались заметные трещины, но к нашему счастью и благодаря усиленной скорости перевозки все орудия, за исключением одного 36-фунтового, доставлены на суда благополучно.

Несчастий с людьми не было; и это трудное дело, столь сильно всех заботившее, окончилось так хорошо, как только можно было ждать, судя по крепости льда, очевидно сомнительной (на крепость льда так мало полагались, что по особенному приказанию адмирала, кладя орудие на сани, к нему всегда

привязывался томбуи с толстым буйрепом, за который в случае несчастья можно было попытаться орудие это вытащить).

Спускать орудия с батарей на гребные суда и для каждого из них прорубать по льду особенную дорогу было положительно невозможно, и кроме недостатка времени, эта мера была неудобноисполнима по множеству других, не менее уважительных причин. Отыскивание, собирание, погрузка ядер и картечей, причинили в свою очередь немало хлопот, хотя, конечно, при подобной работе опасности уже не было. Осенью разложенные и разбросанные по всем батареям снаряды эти были занесены снегом зимой, и как место, находившееся под ними, было менее пространства, занимаемого орудиями, то и отыскивать их было гораздо труднее. Весь груз принадлежностей порта, не считая багажа и имущества чинов гарнизона с семьями, простирался с лишком на 80 000 пудов. Его нужно было погрузить на транспорты, продолжая в то же время вооружение, как этих судов, так и судов собственно военных, нуждавшихся в серьезных исправлениях для плавания океаном и морями, обыкновенно бурными.

Зная, что нас ждет на Амуре, в Камчатке не оставлялось ничего, что могло бы пригодиться впоследствии при колонизации в стране, только что засеваемой. Из Петропавловска в буквальном смысле слов брали все, что только можно было взять: рамы из окон, петли от дверей, заслонки, плиты, вьюшки, железо с крыш. Все, до самых ничтожных мелочей грузилось на транспорты; в домах оставались лишь одни голые бревенчатые стены, которые, конечно, были бы разобраны по частям и тоже увезены, если бы дни нашего пребывания в Камчатке не были сочтены и, наконец, если бы множество других, гораздо более необходимых работ не положили предела столь тщательной заботливости о будущем.

К этому же времени относится и разочарование тех, которые упрямо не хотели верить переноске порта именно на устье Амура, а не в другое место. Да, действительно, заговорили самые недоверчивые, действительно мы идем в какую-нибудь сторонушку, где еще, пожалуй, будет и поскучнее, и потяжелее, чем в Камчатке! Иначе, зачем бы это переселение новым ковчегом, и неужели же, если бы мы в самом деле шли в Сан-Франциско или Батавию, неужели же там нужны свои рамы, свои крыши, свои двери, свои дома. Нет, видно, не миновать Амура!..

Подобные сетования напоминают мне жалобы на горькую судьбу бедных петропавловских жителей, жалобы с основаниями несравненно серьезнейшими! Многие из служивших в Камчатке обзавелись своим имуществом, своими домами, многие имели довольно большое хозяйство, и все это приходилось бросить совершенно даром, или же за такую цену, которой решительно нет возможности дать названия удовлетворения или платы. Так, например, дом продавался за десять рублей серебром (дом в камчатском смысле

слова; у нас в России подобный дом едва удостоился бы названия домишка, так как обыкновенно он состоял из трех, много что четырех комнат. Конечно, живя в нем, о комфорте и даже обыкновенных удобствах европейской жизни нечего было и думать) и даже, как рассказывают, были примеры подобной продажи за чемодан, шубу, кухлянку или что-нибудь в этом роде.

Сообразив недостаток леса в Петропавловске и трудность добывания в нем строительных материалов вообще, — тяжесть потерь местных жителей, вынужденных по обязанностям службы или вследствие других причин следовать за эскадрой, делается вполне понятною, тем более, что не только дома (так как в Петропавловске, кроме нескольких природных камчадалов и двух-трех семейств обстоятельствами вынужденных отстать от эскадры, остались только больные и несколько человек военных команд, то, естественно, покупателей на дома отыскать было очень трудно), но и большую часть движимого имущества им приходилось бросить ни за что, или за бесценок. Транспорты по незначительной величине своей, а также по огромному количеству казенного имущества, едва могли вместить самих переселенцев с семьями и с тем, что для них было необходимо, в строжайшем смысле последнего слова. К тому же погрузка и вообще снятие порта производилась чрезвычайно поспешно. Всякий час много значил, а сутки, потерянные для выхода в море, могли уничтожить успех предприятия. Приди неприятель в то время, когда батареи оставались разоруженными, и орудия, с них снятые, находились на судах, что стало бы с нами, и что могли мы сделать для нашей защиты?

Отвечать нетрудно: мы потеряли бы все! Все знали это, и потому работы шли с удивительной быстротой: ни морозы, ни метель, ни оттепель и в это время на берегу — страшная грязь, и на льду — вода по колено, ничто не останавливало! Все стремились к одной цели, у всех был один образ мыслей; 800 человек составляли большую семью, и благородное одушевление увенчалось завидным успехом. Неприятель, разбитый в 1854 г., в 1855-м не только не вознаградил себя за прошлогодние неудачи, но вообще успел так мало, что все французские и английские журналы сознались с редкою в них тогда откровенностью, что маленькая камчатская эскадра сделала свое дело. С трибуны английского парламента было сказано то же самое; американские газеты, журналы Мексики, Перу, Чили помещали длинные столбцы с рассуждениями о действиях на Восточном океане...

И только в одной России на действия эти не было обращено никакого внимания. Некоторые газеты сказали, правда, об них несколько фраз вкривь и вскользь. «Морской сборник» напечатал официальные рапорты, и все тут, и более ни слова... И кроме правительства и морского сословия, большая часть читающей публики до сих пор не знает, почему и как снят Петропавловский порт, что делала наша эскадра после ухода из Камчатки и наконец, каким образом в то время, когда неприятельские крейсера стремились к унич-

тожению наших сил на этих водах, не только ни одно из судов военных, но даже ни один транспорт, ни одна военная шлюпка не досталась в руки союзников! (Я не говорю здесь о судах купеческих, таких, например, как Российско-Американской компании корабли «Ситха», «Аян», бриг той же компании «Охотск». Последний взорван на воздух своим командиром, прежде чем к нему приблизились шлюпки союзной эскадры; первый достался в руки неприятеля и отведен в Сан-Франциско, второй сожжен в Петропавловске. То, что я говорил выше, относится к судам, принадлежащим собственно правительству, и из них только транспортная шкуна «Анадыр» попала в руки англо-французов, и то когда наш фрегат стоял в Петропавловске разоруженный и, следовательно, когда не было никакого средства подать помощь.)

... Пока вооружались и грузились суда, особенный отряд рабочих, составленный из всех команд, ежедневно пропиливал дорогу во льду, загрождающем выход с малого рейда. Работа эта после погрузки орудий была одной из труднейших и наиболее вредных для здоровья нижних чинов, а потому, думаю, будет не лишним сказать о ней несколько слов. Много раз и многими другими уже говорено и писано о важных качествах, характеризующих матросов бывалых или, что называется, обтерпевшихся. Качества эти выказываются преимущественно в критических случаях, и в особенности, когда дело доходит до необыкновенных трудов, или до какой-нибудь тяжелой, особенной службы. За примерами далеко идти незачем, и, конечно, имена столь громкие, как Севастополь, достаточно подтверждают вышесказанное. Здесь, пользуясь случаем, добавлю только, что матрос везде и всегда один и тот же, и что бодрость духа, выказанная на берегах Черного моря, не оставила его на другом конце света в обстоятельствах, не менее затруднительных. Например, в Петропавловске при расчистке пути для эскадры. Постоянно с промокшими ногами, в воде по колено, удается, бывало, после восьми или даже десятичасовой работы пробить, проломать и очистить ото льда несколько десятков сажен, вдруг неожиданный мороз — утреник. Целый день труда пропал ни за что!

И, несмотря на это, несмотря на то, что подобные невзгоды случались уже слишком часто, терпение и настойчивость взяли свое, и к 29-му марта путь к выходу в большую губу был совершенно свободен. 30-го покончено вооружение и погрузки, а 1 апреля все было готово к выходу на большой рейд; в этот же день назначено совершение напутственного молебствия, после которого экипажи судов должны были перебраться с берега. В десять часов утра офицеры, команды, все народонаселение, как остающееся, так и отправляющееся, собралось в старой петропавловской церкви. Весьма небольшая по размерам церковь была полна народу. Плач женщин, визг детей, различные сцены прощания, все это производило впечатление весьма тягостное.

Наконец с обычной церемонией принесли знамена и флаги. Водворилась торжественная тишина и началось молебствие... Глубоко растроганным голосом читал священник напутственные молитвы, потом последовало водосвятие, с церковным обрядом понесли на суда образа, освященные флаги взлетели на гафели, подняты вымпела, все по своим местам, все готово, и бедный Петропавловск, еще недавно оживленный присутствием стольких сотен людей, снова входил в свое прежнее нормальное положение, то есть делался заброшеннейшим из самых заброшенных уголков беспредельного русского царства.

По оставлении Камчатки сделаны следующие распоряжения: гражданское управление оставалось на руках земских начальств и главного из них — исправника; для наблюдения за действиями последнего, а также для начальствования над камчатскими казаками и ополчением был назначен есаул Мартынов, адъютант генерал-губернатора. На случай прихода неприятеля, и как по уходе наших судов в порту защищаться не представлялось возможности, адмирал предписал оставшееся казенное имущество, запас провианта, частную собственность, все это вывезти во внутрь страны, куда должны были отправиться больные, и где в десяти верстах от Петропавловска в селении Авача сосредоточивались военные команды, способные действовать. Для сообщения с заселениями на Амуре, куда переходило главное начальство края, от эскадры отделен был бот «Кадьяк», которому предписывалось отправиться в Большерецк и быть там в готовности во всякое время выйти в море. От Петропавловска до Большерецка была учреждена цепь казачьих пикетов, так что в случае крайней важности депеша, посланная через них и полученная на «Кадьяке», могла быть доставлена последним в Де-Кастри или Аян, чем сообщение морем Камчатки с Сибирью если и не совершенно обеспечивалось, то, по крайней мере, делалось возможным. Большого числа судов, или судна, превосходящего «Кадьяк» морскими качествами, отделить было, очевидно, не из чего, в чем легко убедиться, обращая внимание на состав эскадры...

Второго апреля утром покончены все дополнительные работы по вооружению и нагрузке; вечером отдан приказ судам вытянуться в большую губу, а 6-го с рассветом эскадре назначено было сняться с якоря. Имея случай быть на берегу вечером 5-го числа, я пошел проститься с местами, о которых вряд ли и теперь заговорит равнодушно кто-нибудь из моих тогдашних сослуживцев. Много мыслей, воспоминаний сменялись одни другими, когда в последний раз обходил я извилистые горные тропинки, так живо рисующие воображению различные эпизоды сражения 24 августа. Каждое дерево, каждый камень, каждая возвышенность имели свое значение, и право, как ни надоело годовое отчуждение от всего остального мира, как сильно не хотелось выбраться из Камчатки, но с Петропавловском нас связывало многое! Освоив-

шись с мыслью упорной обороны при вторичном нападении союзников, как-то больно было подумать, что после ухода эскадры французы и англичане подойдут к укреплениям безнаказанно...

Батареи, крытые ходы, пороховые погреба, все эти оборонительные линии, вновь возведенные с таким трудом, стоявшие так много пожертвовавших, приходилось отдать на разорение неприятелю и, хотя, конечно, причины подобной меры были очевидны, хотя скорейший выход в море был самым заветным из желаний, но наступило время его, и всем нам сделалось грустно.

Зная, что теряем в Петропавловске, мы не знали, что найдем впереди. Пред нами была неизвестность, сомнения невольно шли в голову и, может, нагнали бы тяжелое настроение духа, если бы родное «авось», занимательность будущих морских походов и этот таинственный Амур, о котором так много говорили разного, если бы все это взятое вместе не давало бы мыслям другого, более веселого оборота и не внушало самых невероятных надежд.

В пять часов приехал адмирал. Фрегат и корвет тотчас же начали сниматься с якоря, и в четверть шестого по полуночи оба судна уже были под парусами.

Утро было прекрасное. Камчатка прощалась с нами, хотела показаться во всем своем великолепии, и хотя, пользуясь ровным попутным ветерком, фрегат и корвет быстро продвигались вперед, но долго еще вход в губу, высокий и обрывистый берег, громадные горы, долго еще вся эта величавая картина на ярком фоне голубого неба провожала наши суда и как-то особенно медленно сливалась с горизонтом...

С рассветом скрылись берега Камчатки...

ВОСПОЛНЯЯ БЕЛЫЕ ПЯТНА

Молодой исследователь, недавняя выпускница Камчатского государственного университета им. В. Беринга Елена Викторовна Глинчикова — дебютантка нашего ежегодника. Представляемая ниже статья написана на основе ее дипломной работы и посвящена малоизученному вопросу взаимоотношений советской власти и православных общин на полуострове. Консультировал и помогал автору в подборе материала историк В. П. Пустовит.

Взыскательный читатель может обнаружить в этом исследовании изъяны и недостатки. Они, видимо, неизбежны. Все мы учимся методом проб и ошибок, и другого способа обретения опыта еще не придумано. Редакция «Вопросов...» поздравляет автора с первой большой публикацией и надеется, что она станет лишь началом интереснейшего пути познания прошлого нашего Отечества. Приглашаем к сотрудничеству и других молодых пытливых исследователей, решивших связать свою судьбу с исторической наукой.

Е. В. ГЛИНЧИКОВА

ПРАВОСЛАВИЕ И СОВЕТСКОЕ ГОСУДАРСТВО НА КАМЧАТКЕ В 1920-х — НАЧАЛЕ 1930-х гг.

1. ВНЕДРЕНИЕ АНТИЦЕРКОВНОГО ДЕКРЕТА

Декрет Совета Народных Комиссаров «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» от 23 января 1918 г. начал реализовываться на Камчатке только в 1923 г., после окончательного установления советской власти. В сельские и волостные ревкомы поступила инструкция (извлечение из «Порядка проведения в жизнь декрета Народного Комиссариата Юстиции»), описывающая порядок реализации декрета на местах. В нее входили следующие обязательные пункты: произвести регистрацию групп верующих (при этом составить список верующих общим числом по возрастам), экспроприировать наличные капиталы вероисповедных ведомств, произвести описание церковного имущества.

Ревком должен был принять имущество и вместе с описью передать его в безвозмездное пользование зарегистрированной группе верующих (в группе должно быть не менее двадцати верующих). При передаче надлежало заключить обязательный договор, в котором прописывались права и обязанно-

сти религиозной группы. Не предназначенные для богослужебных целей имущества: дома, земли, угодья, рыбные промыслы подлежали немедленной экспроприации. Преподавание религиозных вероучений в государственных, общественных и частных учебных заведениях запрещалось. Все кредиты и ассигнования, выделенные на церковь царской властью, немедленно закрывались, здания церковноприходских школ переходили в распоряжение губернского отдела народного образования, из храмов устранялись все предметы, имеющие отношения к членам царской династии (портреты и прочее). Религиозные шествия (крестные ходы, например) допускались только с письменного разрешения местной власти, причем заявления должно были подаваться не позднее, чем за два дня до их совершения [1, л. 7—8].

В 1916 г. в Камчатской области насчитывалось 35 церквей, 38 часовен со святыми престолом и 42 школы. Камчатские церкви, особенно сельские, были довольно бедные, лишь некоторые приходы в больших населенных пунктах могли похвастаться наличием богослужебных предметов из драгоценных металлов. Сельская церковь имела вид небольшого деревянного сооружения. Ее внутреннее убранство обычно не отличалось разнообразием: несколько икон в киоте, десяток бумажных икон, облачения священника и обязательные богослужебные принадлежности (потир, лжица, дискос, воздухи, покровцы и т. д.); несколько книг, пара стульев, стол, чайник и несколько травяных дорожек, символизирующих заботу о церкви и бедность малочисленного прихода. Экспропрированные церковные денежные суммы в небольших селениях, как правило, составляли 10—12 руб.

Необходимо заметить, что местному причту было довольно тяжело содержать церкви, чем отчасти можно объяснить их бедность, а иногда и ветхость. Помимо поддержания самого здания следовало обеспечивать священника, привозить дрова для отопления и т. д. Деревянные церкви быстро ветшали из-за ветреной и влажной камчатской погоды, уход за ними был трудоемок.

Инженер П. П. Крынин в 1909 г. указывал: «... не менее времени и сил отнимает обязанность содержать часовни, церкви и школы. Это содержание заключается в отношении часовен и церквей, в заготовке для них дров для отопления, равно как и для жилых домов, занимаемых причтом, в ремонте таковых сооружений, а равно и принадлежащего им инвентаря, отнесении службы трапезника при церкви и сторожа при доме настоятеля прихода и школе. Отнесение этих повинностей для селений прихода, далеко отстоящих от церкви, представляет немало затруднений, так как обязанности относятся жителями всех селений фактически в очередном наряде. Как пример можно указать на Мильковский приход, в котором селение Ганалы отстоит от церкви в расстоянии около 133 верст (сухопутьем). Чтобы исполнить службу сторожа или трапезника при церкви, как установлено среди жителей в течение

трех очередных суток, камчадал должен потерять не менее десяти дней, считая переходы туда и обратно».

Тем не менее, в больших селах церковь являлась довольно большим, богато украшенным, ухоженным зданием. Это особенно хорошо видно на примере Мильковской церкви, чьи белоснежные стены и золоченые кресты сильно контрастировали с общей деревянно-избушечной архитектурой. В число самых красивых церквей полуострова входили Ключевская и Нижнекамчатская.

Ключевская Троицкая церковь длиной 11, шириной 4,5, высотой 2 сажени была выстроена из лиственного леса. Крыша — железная, стены — белые снаружи и изнутри, внутри обтянуты и выкрашены голубой краской, пол — желтый. Колокольня разобрана, а вместо нее выстроена звонарня. Церковь была обнесена оградой с красивыми воротами. Внутри находился четырехъярусный предалтарный иконостас простой работы из лиственного леса, с резьбой, обведенный золоченым багетом. Над царскими воротами возвышался образ Распятия. На стене висела дорогая (70 руб.) икона Господа Саваофа, писанная на полотне длиной два аршина. Имелось значительное количество разнообразных икон на деревянных досках и бумажных. В третьем ярусе иконостаса слева находился образ Успения Божией Матери в серебряной ризе, позолоченный с венчиком (260 руб.). Колоколов было пять. Самый большой весил 41 пуд 32 фунта, три соответственно 10 пудов 7 фунтов, 10 пудов, 1 пуд 10 фунтов и самый маленький — 10 фунтов. В церковной библиотеке имелось значительное количество богословской и другой литературы [1, л. 49—61].

Восьмиугольная двуглавая Нижнекамчатская церковь во имя Успения Божией Матери длиной 19, шириной 10,5 аршин и высотой 11 аршин была построена в 1865 г. «тщением прихожан и частью на церковную сумму» из лиственного леса и снаружи покрыта тесом. В 1923 г. ее обнесли оградой. Внутри алтаря имелось три окна. За престолом находились крест и икона. Церковные ворота деревянные, старинной резьбы, позолоченные. По правую и по левую сторону от Царских врат располагались образы Спасителя и Богоматери «хорошей работы» (по 97 руб. 29 коп.). Напрестольный семисвечник из белого металла был пожертвован прихожанами в 1917 г. Пол церкви окрашен масляной краской, потолок обтянут миткалью, стены обклеены обоями. Окна имели высоту 1 аршин 23 дюйма и такую же ширину. На стенах висели восемь больших икон, в притворе — образ св. Николая в серебряной ризе (162 руб.). Крытую тесом колокольню прихожане возвели из лиственного леса в 1908 г. Самый большой ее колокол весил 40, средний — 23, самый маленький — 1 пуд. Библиотека, построенная прихожанами, считалась «довольно обширной» [1, л. 128—130].

Изъятие церковных ценностей и закрытие церквей и часовен началось в 1923 г. Это могло увеличить доходы местного бюджета, а также дать пред-

ставление камчадалам о серьезности новой власти и ее решительности в борьбе с «религиозными заблуждениями».

Средством усиления давления на Русскую Православную церковь (РПЦ) служила новая инструкция о регистрации религиозных обществ, опубликованная в № 1—3 журнала «Революция и церковь» за 1923 г. Согласно постановлению ВЦИК от 3 августа 1922 г. ни одно религиозное общество какого бы то ни было культа, не могло действовать без регистрации в отделе управления губ- или облисполкома. Если устав общества, задачи его и методы деятельности противоречили Конституции РСФСР и ее законам, отдел управления отказывал в регистрации. Религиозные общества, не зарегистрировавшиеся в указанном порядке, считались закрытыми.

После того как местные власти описали имущество, верующим было необходимо в кратчайшие сроки зарегистрироваться как религиозной группе. Церкви до их регистрации пустовали, а власти стремились отдать их на «общественные нужды». Для того, чтобы сделать свое положение легальным, верующим необходимо было предоставить властям значительное количество документов:

— протокол собрания верующих об организации религиозного общества с указанием в нем пожелания взять имущество в свое ведение и лиц, ими считающихся уполномоченными учредителями;

— список священнослужителей, если таковые имеются;

— устав общества, подписанный членами-учредителями;

— список верующих;

— договор об использовании церкви и церковного имущества;

— акт о приеме церковного инвентаря;

— опись церковного имущества.

Все документы предъявлялись в 3—5 экземплярах [1, л. 75]. Для малограмотного камчатского населения нередко уже это являлось непреодолимым препятствием. Местные власти неохотно разъясняли подробности порядка сбора необходимых документов. Так, в заявлении от 9 ноября 1923 г. Ушковское религиозное общество (Усть-Камчатская волость) просит разрешение «о выдачи часовни и всего имущества от селькома», а «подписать договор общество не может, так как не может его понять» [1, л. 8].

Все сложности в процессе регистрации религиозных групп власти использовали для скорейшего закрытия церкви, передачи ее под клуб или школу, а иногда просто для сноса. В практику вошло так называемое «формально-согласное» закрытие церквей. В циркуляре Дальбюро ЦК РКП(б) Камчатскому губревкомму № 362 за сентябрь 1924 г. значится: «Закрытие [церквей] происходит на основании голосования на общих собраниях рабочих и крестьян, часть которых после голосования активно же борется против закрытия, особенно в деревне» [2, л. 12]. В закрытом письме секретаря Дальневосточного

крайкома ВКП(б) Кубяк сообщал: «Метод закрытия церквей был обычно таков: устраивалось собрание в деревне, приезжал кто-то из работников ГПУ, делал “доклад”, в результате — готовое постановление о закрытии церкви и передачи ее под избу-читальню» [3, л. 12].

Упомянутый циркуляр Дальбюро рекомендовал камчатским «товарищам» из-за недовольства, жалоб в центр и прочих конфликтов «отвергнуть метод [формально-согласного закрытия церквей] как вредящий авторитету Соввласти» [2, л. 12]. Но в отчетах вышестоящие инстанции каждый раз требовали предоставлять информацию о реализации декрета об отделении церкви от государства (по сути, имелась в виду скорейшая ликвидация всех церквей и часовен). Закрытие каждой церкви считалось большой победой в деле антирелигиозной пропаганды. Количеством закрытых церквей измерялась эффективность всей антирелигиозной работы, проводившейся в округе. Например, в отчете агитационно-пропагандистского отдела Камчатского окрбюро партии Далькрайкому ВКП(б) за сентябрь 1926 г. результаты собственной работы оцениваются следующим образом: «Антирелигиозная пропаганда протекает через комсомол-ячейки и при них кружки естествознания. Благодаря нерезкой и не вызывающей постановки, достигнуто в сравнительно небольшой период хороших результатов, а именно: 18 церквей и часовен отданы под клубы, 5 совершенно уничтожено (ветхие и не могли быть использованы), а одна часовня в туземном районе передана в баню (туземцы не имеют бань)» [4, л. 9].

Несмотря на запрещение нелегитимного «формально-согласного подхода» желание властей достаточно точно угадывалось: закрыть церкви как можно быстрее и без конфликтов с населением. Добиваясь этого, власти могли обманывать население и совершали различные махинации с документами. Анализ документов показывает отсутствие законности в деле регистрации религиозных групп и передачи церквей на общественные нужды. Так, заместитель начальника окружного ОГПУ Южно сообщал секретарю окрбюро ВКП(б) Зыкину: «18/11-28 года члены Религиозного Общества на своем собрании постановили передать церковь Райисполкому. После передачи 19 и 20/11-28 года здание церкви было преобразовано в другой вид, т. е. крест снят, вывешен флаг, алтарь разорен и т. д. Фактически здание церкви официально-юридически передано не было, а именно: при разрешении вопроса о передаче в действительности присутствовало не более 25-ти человек, что уже незаконно, а в протоколе же фигурировало 55 человек, второе — верующими не был подписан протокол передачи, тогда как это является основой всего, в таком же неоформленном положении передача здания была до приезда начальника Милиции К. . .

Председателем РИКа (районного исполнительного комитета. — *Е. Г.*) и Секретарем Д. было дано задание начальнику Милиции, каким-либо

способом оформить передачу здания до приезда властей, и вообще, пока верующие не хватились...

10/1-29 года было собрание членов религиозного общества, где начальник Милиции всяческими способами подошел к религиозным так, что все присутствующие — 46 человек, подписали протокол передачи. К. им говорил, что РИК отдает амбар церковный, сарай и ту сумму, которая предъявлена вам, будет погашена. Верующие Косыгин Е. П., бедняк, Мухин А. Л., Толман Федор спрашивали его: “Можно ли выстроить себе небольшой домик для церкви”. К. ответил: “Конечно можно, и это будет ваша собственность, и РИК всегда пойдет к Вам навстречу”. После подписи начальник Милиции говорил: “Ну и дело обделал, выручил РИК”.

Такая передача церкви Райисполкому среди верующих и вообще жителей с. Тигиль вызвала ряд больших недовольств по адресу РИКа».

В этом же документе приведен список жителей с. Тигиль, наиболее недовольных таким закрытием церкви.

Подобные случаи не являлись редкостью. Некоторые представители местной администрации занимались подделкой протоколов сельских собраний и собраний верующих, из которых следовало, что жители якобы отказываются принимать церковное имущество и само здание церкви. Так, верующие с. Седанка (Тигильская волость) отправили властям все необходимые документы для регистрации своей общины (протокол общего собрания верующих, где все 50 чел. соглашались принять местную церковь, и договор о передаче религиозному обществу церковного имущества, список членов исполнительного органа Седанкинского религиозного общества, список верующих граждан села, почти поголовно являвшихся камчадалами, и другие). Но начальник Тигильского волревкома сообщил в губревком об отказе верующих принять местную церковь, ссылаясь на протокол собрания религиозного общества [5, л. 25—97].

Иногда процесс передачи церкви под общественные нужды обострялся грубыми действиями со стороны властей, приводившими к столкновениям с верующими. В апреле 1930 г. в с. Елизово были арестованы трое верующих в целях «обезвреживания их при постановке вопроса о передаче церкви» председателем сельсовета Сметаниным. Камчатский окружком ВКП(б) считал данные действия «грубейшей ошибкой, проявлением недопустимого администрирования... Многие подали в сельсовет заявление о своем выходе из группы верующих и о своем согласии передать дом церкви под избу-читальню. Исходя из этого, считать необходимым: ...2) просить контрольную комиссию расследовать и разобрать поступок тов. Сметанина, привлечь его к партийной ответственности, 3) поручить Петропавловскому райбюро вместе с окрсоветом безбожников усилить в Елизово антирелигиозную пропаганду и культурное обслуживание населения».

Подобное «недопустимое администрирование» наблюдалось и в отношении изъятия церковного имущества. Эту кампанию в Центральной России начали в 1922 г. 2 января 1922 г. был опубликован декрет ВЦИК об изъятии церковных ценностей для нужд голодающих. Предполагалось, что изъятие богослужебного имущества не встретит большого сопротивления, если его производить, обосновывая богатством церкви.

На Камчатке данная кампания проводилась совместно с реализацией Декрета об отделении церкви от государства. Все церковные ценности, какие не удалось спрятать местному духовенству и верующим, попадали в местные органы власти. Однако изъятий имущества в работающих церквях не наблюдалось, и многие ценные предметы оставались в них до 1926—1928 гг.

Церковное имущество всегда представляло большой интерес для властей. Часто оно шло на реализацию, о чем свидетельствуют документы административного отдела окрревкома. Постановлением от 8 июля 1926 г. имущество Паланской церкви, Седанкинской, Кинкильской часовен и церкви в с. Лесная предусматривалось «передать фондовой комиссии при окружном финотделе для реализации». Так же поступили с имуществом богослужебных зданий с. Тилички. Имущество, которое сложно было вывезти и реализовать, обычно не оберегалось. В лучшем случае оно оставалось лежать на складе, в худшем просто уничтожалось.

Из отчета председателя Пенжинского уездного ревкома Пономарева: «Церковное имущество, находящееся в бухте Корфа и Пенжино, и по старой инвентарной книге совершенно не учитывалось, несмотря на то, что сведения о количестве имущества от Селькомов были получены. Отсутствием учета имущества в течение продолжительного времени в связи с случаями обнаружения незанесенного в приемо-сдаточные ведомости имущества побудили Уревком произвести детальный учет такового...

Вследствие не соответствующего ранее хранения церковного имущества получился лом в количестве свыше 8-ми пудов, главным образом медных и металлических церковных принадлежностей, первоначальное назначение какового при проверке имущества определено по предметно, за исключением небольшого количества лома, не поддавшегося определению. Далее предпринято выявление имущества, начиная за 1922, 1923, 1924 и 1925 гг. с составлением инвентарных книг и указанием его происхождения. Выявление производилось на основании документов, так как иначе выявить имущество не представлялось возможным» [6, л. 68]. А на о. Медном 11 июня 1926 г. группа партийцев «избрала мишенью для стрельбы из маузера церковную кладовую. В итоге оказалась пробитой пулей икона Божией Матери. Группа «стрелков» состояла из начальника Командорских пушных промыслов Кузьмы Васильевича Кулагина, его помощника Григория Ивановича Харчука, промысловых надзирателей Сергея Яковлевича Мамрука и Антропова [7].

Иногда оставшиеся бесхозными церковные вещи тайком забирали верующие или растаскивали местные жители для бытовых нужд (например, в с. Мильково купель для крещения использовали в качестве таза в бане). Потрепанные облачения, богослужебные книги впоследствии могли использовать как бутафорию в местном клубе.

Подтверждение тому — акт, составленный гижигинским партпрофклубом 10 февраля 1926 г.: «Просматривая и разбирая вещи, тряпье и разный хлам для сцены клуба, в коих оказались следующие вещи: один лоскут атласный вышитый шёлком (квадратный на прокладке), одна мантия монашеская из чёрной материи, одна скуфия (поповская) и один шт. коврик-орлец (маленький), каковые негде в имуществе клуба не значатся, а по сему вместе с настоящим актом, указанные четыре вещи передаются зав. Общим Отделом Гижигинского УРК, как, по всей вероятности, принадлежащие церковному имуществу, и на каковые нет никаких документов» [8, л. 175].

В 1930-е гг. мало кто заботился о сохранности богослужебного имущества. В с. Мильково, например, на торгах распродали местным жителям все оставшееся от закрытой церкви. 2 июня 1934 г. начальник Усть-Камчатского районного ОГПУ Мейя направил районному прокурору докладную записку, что «имущество церкви с. Нижне-Камчатск валяется вразброс по улице, причем по инициативе председателя сельсовета С., председателя колхоза К. и избача Б. иконы положили как переходы через грязь и для вытирания ног у клуба, просим расследовать это дело, о результатах поставить нас в известность» [9, л. 77].

При проведении декрета об отделении церкви от государства власти действовали довольно оперативно, стараясь закрыть все действующие на полуострове церкви. Представлялось, что «быстрая битва» намного выгоднее долгой «окопной войны» с верующими, когда, успев опомниться, те могли предпринять какие-либо действия.

На Камчатке одним из первых селений, жители которого 28 ноября 1923 г. отказались от своей церкви, была Карага (Дранкинская волость). «Утварь [закрытой церкви] передали волревкому для отсылки в адрес райкомиссии “Последголод”». Но, как следует из акта Карагинского сельского комитета, «потолок [этой] церкви разваливается, само здание скоро упадет».

Дранкинскую церковь закрыли «ввиду отсутствия верующих» [1, л. 84, 26, 180], хотя в это довольно сложно поверить, так как если бы там действительно не было верующих, вряд ли бы жители продолжали содержать здание.

Всего за 1923—1924 гг. в Усть-Камчатском районе было зарегистрировано только несколько религиозных групп. В селе Нижнекамчатск православных верующих имелось 89, Усть-Камчатске — 135, Толбачике — 62, Ушках — 28, Харчино — 18, Щапино — 32, Еловке — 12 [1, л. 83, 117, 121, 159].

В марте 1925 г. передали «на культурно-просветительские цели» часовню с. Машура. Часовню в Козыревске в это же время превратили в клуб.

В Тигильской волости реализацию декрета начали осенью 1924 г. О проделанной работе в своем отчете от 2 сентября 1925 г. сообщает глава волревкома: «Лесновская, Кинкильская, Паланская и Седанкинская религиозные группы принять церкви и часовни отказались. Об отказе принять верующими Паланскую церковь тоже зафиксировано в протоколе сельского общественного собрания... Переведено на хранение сельревкомом богослужбное имущество. Воямпольская часовня передана группе верующих. В селениях Напана и Аманино богослужбных домов и имущества не имеется, в с. Кахтана богослужбного здания тоже не имеется, а имеющееся богослужбное имущество передано на хранение сельревкому. Тигильская церковь до сего времени так и остается не переданною, хотя волревкомом созывалось уже четыре собрания верующих по данному вопросу, из которых на первых трех собраниях не пришли ни к какому заключению, а только на четвертом собрании, в присутствии предревкома тов. Пономарева, верующие постановили принять церковь» [5, л. 73].

8 июля 1926 г. была передана под школу Паланская церковь.

В других волостях ситуация была схожей. В докладе председателя Хайрюзовского волревкома о состоянии волости с октября 1924 по апрель 1925 г. сообщается: «Отделение церкви от государства закончилось полностью в лето 1924 г. Групп верующих в волости нет. Хайрюзовская церковь обществом передана под школу. В остальных селениях от пользования часовнями и содержания таковых население отказалось. Часовня в с. Сопочном за ветхостью по решению губотуправ сломана, годный материал употреблен для общественных построек. Часовня в Утхолоке также для никаких целей в виду ветхости не приспособлена, и общество возбудило ходатайство о сломе таковой. Более или менее исправными являются здания Ковранской и Морошечной часовен, которые ни под какие нужды обществом не используются» [10, л. 90 об.].

В Соболевской волости «декрет об отделении церкви от государства проведен по волости полностью. В с. Колпаково жители от часовни отказались, здание часовни за ветхостью никуда употреблено быть не может. В селениях Облуковино и Ича часовни переданы группе верующих... Зарегистрированными группами верующих считаются две: в с. Облуковино — 54 человека и в с. Ича — 54 человека. В остальных селениях церковей нет». В самом Соболево 7 ноября 1924 г. в здании церкви был открыт клуб «Имени семилетия Октябрьской революции». В клуб записалось сразу 17 чел. [10, л. 121].

В Большерецком районе процесс закрытия церковей и часовен проходил по той же, отвергнутой циркуляром Дальбюро ЦК в 1924 г., схеме.

В с. Голыгино собрание граждан 29 декабря 1924 г. просило волревком разрешить весь материал часовни употребить на ремонт школы. На следующий же день в село приехал председатель Большерецкого волревкома С. Ф. Соловь-

ев для «произведения описи часовни и имущества на предмет передачи такового на хранение Гольгинскому сельревкому». В этот же день имущество отправили в Большерецкий волревком, а 7 января его решили передать губревкому. Часовню признали целесообразным использовать под школу.

Следующим на очереди было с. Явино. 15 января 1925 г. тот же Соловьев принял в свое ведение ветхую деревянную часовню с полуоткрытой крышей. А 13 февраля волревком решает Явинскую часовню продать, деньги же перевести в фонд волкредкома [11, л. 24].

В самом Большерецке по постановлению от 9 августа 1924 г. церковное помещение вместе с амбаром передали местной школе, богослужбное имущество перешло к группе верующих. В Усть-Большерецке тем же постановлением церковный склад передали под вновь строящуюся школу.

В с. Кихчик часовня перешла в распоряжение сельревкома. Местные комсомольцы хотели использовать половину ее под клуб.

В с. Колпаково 8 июля 1926 г. часовню передали на «культпросвет нужды». Богослужбное и небогослужбное имущество постановили отдать госфондовой комиссии при ОКРФО — окружном финансовом отделе — для реализации, здание, «как развалившееся», — тоже.

В Большерецком районе реализация декрета прошла достаточно успешно. За первое полугодие 1926—1927 гг. религиозных организаций в районе было зарегистрировано всего три: Большерецкая, Облуковинская и Ичинская. Молитвенных зданий имелось всего десять, и только три из них сданы верующим, пять использовались под культурно-просветительские надобности и два не использовались вообще. Но власти не остановились и на этих «успехах». В 1930 г. часовни или церкви (составители документов все время путали эти понятия) в с. Ича и Облуковино были переданы сельсоветам, а религиозные общества распущены [12, л. 40].

В Пенжинском районе в с. Левчик общесобрание верующих 21 мая 1924 г. постановило: «Идиногласно церковь не содержать а таковое здание предоставить для помещения школы».

3 октября 1925 г. по ходатайству Николаевского сельского общества, при поддержке ГубОНО и Елизовского волревкома, местную церковь также передали под школу.

В Петропавловске постановлением губревкома от 9 сентября 1924 г. помещение часовни передавали губкомхозу «с правом сноса», площадь — отделу управления и губкомхозу для устройства детской площадки. 24 июня 1926 г. теперь уже окрревком постановил передать старый сарай и ограду бывшего собора Окроно, а сарай снести за ветхостью.

Религиозная жизнь на Камчатке после нескольких лет реализации декрета об отделении церкви от государства представляла в большинстве случаев печальное зрелище. После проведенной инвентаризации церковь долго

могла стоять пустующей или в соответствии с «нуждами нового общества» ее перестраивали под школу, избу-читальню или клуб. Отобранную у населения, закрытую, гниющую при влажной камчатской погоде, оставленную без всякого ухода церковь или часовню через два-три года разбирали на дрова. Так, сносу подлежала часовня в с. Кинкиль, а «материал часовни» в с. Морошечном употребили для ремонта школы. В с. Апача (Усть-Большерецкий район) сруб часовни, пришедший в негодность, решили просто ликвидировать [13, л. 15, 36 об., 11]. Такая участь ждала многие маленькие часовни и церкви. Богослужбное имущество, не попавшее в ревкомы, оставлялось на месте, и тогда оно могло использоваться для театральных постановок, но чаще просто бесследно исчезало.

Пик закрытия церквей и часовен пришелся на 1924—1926 гг. В отчете о работе Камчатского губревкома за 1924—1925 гг. значится: «Декрет об отделении церкви от государства проведен в жизнь, за исключением регистрации религиозных обществ и групп. Живоцерковцев (представители организации «Живая церковь». — *Е. Г.*) и других сект и религий нет. Церковной литературы не распространялось. Всего зарегистрировано 12 обществ и групп — 1. Закрыто и передано на культурно-просветительские и другие цели 12 церквей. Всего по всей губернии имеется 35 церквей и 35 часовен. Всего передано в бесплатное пользование группам и обществам 13 молельных зданий (на каждую группу по одному). В 13 обществах и группе состоят 1 257 человек. Отношение у населения к декрету хорошее. Осложнений нет» [14, л. 11].

О том, что далеко не всегда верующие вели себя смиренно по отношению к происходящему, показывает история борьбы маленького религиозного общества с. Лесное Тигильской волости за свою церковь. В 1925 г. верующие, среди которых преобладали камчадалы, стали собирать необходимые для регистрации и передачи в их пользование здания церкви и церковного имущества документы. Власти воспользовались самой простой формой отказа — искусственно созданными бюрократическими препятствиями. Верующим объявили, что они выслали недостаточное количество экземпляров необходимых бумаг. Церковь осталась пустовать, зато глава Тигильского волревкома сообщил начальству, что 2 сентября 1925 г. верующие отказались ее принять. Но на этом православные камчадалы не остановились.

Они обратились в президиум райисполкома. Тот постановил: «Ввиду того, что здание и имущество церковное бывшей Лесновской церкви передано по постановлению общего собрания верующих, [оно] и считается национализированным». А в октябре 1926 г. с церкви для ремонта школы сняли «6 штук стекол». Осиротевшая церковь простояла брошенной еще четыре года.

Прошьюбы местных православных верующих дошли до Туземного районного съезда Советов, заседания которого состоялись 21—23 марта 1930 г. Камчадалы, наконец, добились желаемого. В протоколе съезда с явным

неудовольствием записано: «Оформить договорами пользование церковью в с. Лесной верующими, в противном случае, использовать на общественно-полезные нужды села» [15, л. 5; 16, л. 35, 91]. Такая настойчивость свидетельствует о действительно горячей потребности населения (не всего, но основного костяка верующих) в церковных службах.

Имеются сведения о том, что даже в период самого активного наступления на церковь на Камчатке строились новые часовни. Председатель Тигильского волревкома И. А. Шпагин сообщал в своем отчете: «Новые часовни выстраиваются в селениях Кахтане и Напане...» [7, с. 126—133].

Значительную помощь закрытию церквей и часовен оказывала антирелигиозная пропаганда. Вот что сообщает газета «Полярная звезда» в статье «Здание церкви — под избу-читальню!»: «В Елизово борьба из-за церкви. Здание в течение шести месяцев совершенно никем не эксплуатируется. Конечно, за церковь “православные” ухватятся. Но профсоюз, комсомол, женделегатки и актив против. 12 декабря пионеры прокричали: “Нам негде проводить свою работу, необходимо церковь передать под клуб!”... Верующих на селе больше, чем неверующих...» [17].

Момент закрытия церкви и перехода здания в распоряжение сельсовета, который обычно определял ее на общественные нужды, был для прихожан наиболее тяжелым. Многие их односельчане радовались и на общественных собраниях с восторгом слушали горячие речи, несомненно, звучавшие для верующих как богохульство.

Когда в с. Паратунка открылась школа, «Полярная звезда» напечатала обычную для того времени речь местной учительницы по этому поводу: «Паратунцы-отцы сняли крест с божьего храма, превратив его в школу и избу-читальню, водрузив на место креста Красное знамя Труда, и я глубоко убеждена, что паратунцы-дети на этой крыше водрузят радиоприемник, и с места амвона раздастся передача громкоговорителя, и тогда мы не отстанем от города» [18].

Одной из самых трагических страниц в истории исчезновения камчатских церквей стало закрытие Петропавловского собора — самой большой, богатой и красивой церкви полуострова. В первые годы существования на Камчатке новой власти закрыть его не было никакой возможности. Это могло вызвать большое недовольство в среде верующих горожан. Но все же прихожанам быстро дали понять, что с их мнением в скором времени перестанут считаться совсем.

С 1928 г. начинается активная пропагандистская работа, направленная на подготовку общественного мнения к предстоящему закрытию храма. В ней высмеивался городской священник, благочинный камчатских церквей о. Леонтий Яковлев. «Полярная звезда» 20 мая 1928 г. сообщала: «После приезда в Петропавловск поп Леонтий с амвона произнес такую речь:

“Был я в матушке-России. Там другая жизнь...” Такого вруна, как о. Леонтий, мы не видели».

В газетных статьях утверждалось: «Религия задерживает умственное развитие трудящихся, она лежит препятствием на пути социального строительства, она — опора контрреволюции» [19]. Здесь же обычно приводились заявления советских рабочих и служащих Петропавловска о желании передать здание церкви на культурные нужды.

Возможно, что верующие, не выдержав грубой, клеветнической пропаганды, в качестве последней меры решили обратиться к председателю Камчатского окрисполкома с ходатайством о «помощи к ограждению от усилившихся за последнее время безбожников... освободить из-под ареста о. Николая Петрука и разрешить [благочинному] Леонтию [ездить] по окрестным селениям». «Полярная звезда» сообщает об этом визите в сатирической форме. Она дает грубые, высмеивающие характеристики всем лицам, участвующим в делегации: Ив. Ин. Косыгину, Е. Х. Шаталиной, Д. Д. Савинскому, Г. А. Ворошилову и другим [20].

В агитационных статьях, напечатанных в «Полярной звезде» в 1928—1929 гг., утверждается, что большинство рабочих и служащих Петропавловска решительно выступают за передачу здания церкви под общественные нужды, но только реакционные контрреволюционеры, которых в городе осталась горстка, выступают против этого. Так, газета объясняет, что закрытие обсуждалось и на общем пионерском собрании, и на собрании военнослужащих, и на всех предприятиях города. Там звучали такие доводы: «Очаг тьмы и духовного невежества превратим в очаг культуры! Петропавловск переживает сильную нужду в жилом помещении: негде открыть детские ясли, нет помещения для детсада, нет комнат для кружковой работы клуба. В то же время в городе есть церковь, которая обслуживает небольшую группу доживающих свой век людей. Профсоюзные организации Петропавловска также требуют передачи здания Петропавловского собора под культурные учреждения. Приняли резолюции: грузчики, работники просвещения, совторгслужащие.

Заслушав доклад о религии и науке, общее собрание группкома № 2 постановило: “Усилить работу среди членов союза с целью вовлечения их в Союз безбожников, перенос на 3—4 мая, передача церкви. Работники земли и леса. Собрание служащих объединенного группкома № 4, работники прилавка (аковцы), работники отделений банка и ОкрФО”» [19].

В это же время власти составляют списки прихожан городского собора, но по понятным причинам не публикуют их. «В январе 1929 г. председателем приходского Церковного совета Петропавловского собора священником Леонтием Яковлевым по требованию управления райгормилиции был составлен основной перечень членов религиозного общества православных

христиан древнеапостольской соборной церкви при Петропавловском соборе на 30 января 1929. Он включает 135 человек. Указано, что в Сероглазке — 32, в Аваче — 43, в том числе 18 мужчин, а в Халактырке — 22 человека верующих-христиан» [7, л. 126—133].

В январе того же года власти «произвели осмотр икон и картин религиозного содержания, находящиеся в Петропавловском соборе, для определения их ценности в художественном и научно-историческом отношении». Три особо ценные иконы планировалось передать камчатскому музею: 1) икону четырех святителей Петра, Павла, Иннокентия и Николая (на доске размером 0,8 на 1,5 м, с серебряной ризой чеканной работы, внизу изображен вид Петропавловска. Как видно из надписи на иконе, она пожертвована участниками сражения с англо-французами в 1854 г.); 2) икона апостола Павла (на доске размером 0,75 на 1 м, в серебряной ризе чеканной работы со следами реставрации. Имела надпись: «Сей святой образ обложением украсится и тицанием по обещанию флота лейтенанта Дмитрия Овчина и всех служителей спасшихся с пустова острова и дошедших до камчатских берегов (неразборчиво) году августе месяце»); 3) икона на полотне «Господь Саваоф», оцененная по инвентарной описи в 30 000 руб. (картина размером 2 на 1,5 м).

Газета «Полярная звезда» словно подталкивала власти к закрытию собора, желая сделать это до самого значительного праздника православных христиан — Пасхи. «Общепионерское собрание Петропавловска, заслушав доклад о крестовом походе папы Римского, категорически настаивает перед окрисполкомом о немедленной передаче Петропавловской церкви под культурный очаг. Передача должна быть сделана как можно скорее, чтобы празднование Пасхи не было проведено» [21].

Когда окончательное решение о закрытии было принято, «Полярная звезда» в заметке «Там, где гнусавил поп» ликовала: «В здании бывшей церкви развертывает свою работу клуб обороны страны, первый Камчатский Дом Обороны. По постановлению центральных органов советской власти ликвидирован оплот мракобесов. Незаконно занятое ими здание церкви передается горсовету, и последний уже передал здание под Дом Обороны» [22].

«Мотивировка» закрытия собора содержится в постановлении президиума Дальневосточного Крайисполкома от 13 декабря 1931 г.: «Принимая во внимание, что община верующих на протяжении ряда лет (1923, 1928, 1930 и 1931) не выполняла предложений технической комиссии о ремонте церковного здания, каковое содержится бесхозяйственно, систематически нарушая взятые обязательства по договору, а также и то, что группа верующих распалась, и договор не возобновлен верующими в законный срок на пользование церковным зданием и проведение соответствующего ремонта, — церковь в г. Петропавловске-на-Камчатке ликвидировать, а здание церкви разрешить использовать на культурные нужды города. Ликвидацию церкви произвести

с соблюдением правил, указанных в ст. ст. 37—40 декрета ВЦИК и СНК от 8 апреля 1931 г.».

Впоследствии здание собора неоднократно передавалось под различные городские учреждения. Согласно протоколу заседания комфракции ОИКа от 14 декабря 1931 г. оно должно было превратиться в музей Осоавиахима. Большой колокол перешел в пользование Управления безопасности кораблеводства «для установки на маяке, по оценочной стоимости» [23, л. 42].

Президиум Камчатского окрисполкома 28 декабря 1931 г. предложил горсовету «в соответствии с п. 39 декрета ВЦИК от 8 апреля 1931 г. создать для приема здания церковного имущества комиссию, здание церкви передать под музей и Дом обороны» [24, л. 32].

А уже 3 января 1932 г. президиум Камчатского крайисполкома решил: «Во изменение постановления ОИКа от 28 декабря передать временно [здание церкви] Окрсовету Осоавиахима под культурно-просветительские надобности. Одновременно предложить председателю Горсовета тов. Русакову под персональную ответственность подыскать помещение под музей» [24, л. 35].

В апреле 1933 г. облисполком передал здание клуба Осоавиахима с общежитием для приезжих под областной музей, но не прошло и 50 дней, как оно снова стало общежитием, на сей раз педагогического техникума. Только в июне 1933 г. помещение было освобождено, и музей перевез туда свои экспонаты. 2 июня 1934 г. горсовет решил предоставить здание бывшего собора Камчатскому областному отделению Далькиноотреста под кинотеатр [25, л. 49, 75].

В 1924—1926 гг. была передана под «общественные нужды» или уничтожена большая часть небольших сельских церквей и часовен. С 1928 по 1931 г. закрылись все большие храмы Камчатки. Последним стал Петропавловский собор. Отсутствие церквей облегчало антирелигиозную пропаганду, лишало верующих возможности объединения, сильно подрывало желание дальнейшего сопротивления антирелигиозной работе местных органов власти.

2. СОБЫТИЯ В ГИЖИГЕ

Гижига — небольшое селение на берегу Охотского моря в материковой части Камчатской области. Гижинский уезд преимущественно населяли коряки, тунгусы и чукчи. Из-за неразумных действий новых властей при советизации селения не обошлось без конфликтов с ними.

В декабре 1923 г. в Гижигу приехал уполномоченный ГПУ и ответственный организатор РКП Осипский. «В первые же дни по приезде настроил против себя красноармейцев, потребовал от Уревкома немедленно освободить для него квартиру, занимаемую попом, и последний был выдворен из нее зимой» [70, л. 68 об.]. В личном деле Осипский охарактеризован как человек «малоразвитый... усидчивый, надежный... и склонный к склокам».

В январе 1924 г. из Петропавловска прибыл Павел Гаврилович Охупкин. Его назначили в Гижигу председателем местного ревкома. Реализацию Декрета об отделении церкви от государства он поручил учителю Полищуку, недавно приехавшему с материка и знакомому с этим на практике. План был намечен такой: «Добиться в результате всеми легальными путями закрытия церкви, но сделать это, выполнив в точности все пункты инструкции... Жители при гуманном подходе, разъяснениями, без оскорбления религиозного чувства со стороны властей и тяжести материального содержания церкви вынуждены будут от церкви всё же в конце-концов отказываться» [70, л. 68 об.].

Но Осипский решает действовать по-другому: закрыть церковь, не добиваясь согласия населения. По закону, для реализации декрета необходимо было назначить комиссию. Она, хотя и была назначена уревкомом, но фактически действовала по указаниям Осипского, и с уревкомом была связана формально.

Осипский пригласил к себе в дом церковного старосту со списком верующих и, по свидетельству Охупкина, «нагнал на него такого холоду, что тот сейчас же отказался от церкви. Взяв от старосты список верующих, Осипский глубокомысленно и строго спрашивал первого: “Такой-то тоже верующий?.. Ага...”, — и записывал себе в книжечку, давая понять старосте, что всех записанных в списке ждёт что-то ужасное, а затем старосту отпускает» [70, л. 73]. Это не могло не произвести известного эффекта. Испуганный староста тут же рассказал верующим о своем визите к Осипскому. На другой же день, 22 мая 1924 г. 40 чел. просили вычеркнуть их из списка верующих. В постановлении собрания верующих местной церкви было записано: «После разъяснения комиссией декрета СНК об отделении церкви от государства, постановили: ввиду того, что религия в руках буржуазии служила орудием в одурманивании и отуманивании трудящихся масс, и, не желая свои трудовые крохи отдавать попу-дармоеду, постановили: выйти из союза верующих» [70, л. 73 об.]. Церковь решили передать под местную школу.

Далее необходимо было освободить «помещение церкви» от церковного имущества. Для этого комиссия вместе с Осипским берет с собой священника и церковного старосту и идет в церковь. Члены комиссии, по свидетельству очевидцев, вели себя в храме «ниже всякой критики». В маленьком селе слухи о том, что там происходило, доходят до председателя Охупкина. Полищук же, которого он вызывал к себе для разъяснений, отвечал, что все идет гладко. А на следующий день к Охупкину приходит священник (иеромонах Нифонт) и предоставляет заявление с просьбой проверить работу комиссии. Проверка, конечно, могла бы повредить, по мнению Осипского, делу, и он тут же просит предоставить ему заявление священника. Ослушаться Охупкин не имел никакого права. После этого по приказу Осипского священника арестовывают.

Председатель решается самостоятельно выяснить все обстоятельства дела и идет в церковь. «Придя в церковь, я увидел такую картину: иконы со стен были сняты и лежат в беспорядке на полу, облачение также. На мой вопрос: “Чем вызвана необходимость стаскивать со стен на пол иконы?”, — Полищук ответил, что так удобнее переписывать. Но я видел, что этого можно не делать. И вообще в церкви был полный хаос».

Все обстоятельства дела прояснились позже. 23 мая 1924 г. собрание учащихся гижигинской школы постановило, что ввиду того, что «наша школа тесна и требует капитального ремонта... ходатайствовать перед уревкомом об отпуске церковного здания под школу». Это и стало предлогом для закрытия церкви. Осуществлялось же оно так: «Передача церкви была санкционирована Зампредгубревкома Лариным на основании информации Осипского о добровольном якобы отказе жителей от церкви. По приезде Осипского и Понятаева были созваны жители с. Гижиги, Левчик и Крестовая, и приступлено было общими силами к переделке церкви под школу. Из церкви была вытащена церковная утварь, иконы и часть сожжены, частью сложены в сарай-склад. В церковь зашли в шапках. Работа шла весело, били кулаками по иконам, смеялись, шутили. Осипский и Понятаев подавали пример энергией, распорядительностью. Хотя церковь, по словам Осипского, и добровольно была отдана, и верующих в Гижиге не было, однако, все же опасались, что вдруг верующие обнаружатся, а потому Осипский взял на себя миссию наблюдать за тем, чтобы никто не зашибся, не повредил бы себе рук или ног при работе по переделке церкви, дабы лишить верующих повода говорить, что бог наказывает за кощунство».

А вот что рассказывал участник событий, уполномоченный Камчатского губревкома по Гижигинскому уезду Н. С. Понятаев: «В шапках в церковь заходили, в том числе и я, так как фактически и формально это здание уже не было церковью. В переделке церкви принимали участие все служащие и население, никакого ропота не наблюдалось, наоборот все радовались и даже наблюдались такие сцены — один местный житель, снимая иконостас, ударил кулаком по иконе и сказал: “Если ты Савва, накажи меня”. Среди присутствующих эта сцена вызвала гомерический хохот» [71].

Далее необходимо было решить, что делать со священником, чье заявление могло повредить Осипскому. Охапкин оказался весьма сообразительным руководителем и, прежде чем отдавать заявление о. Нифонта о неправомочных деяниях комиссии Осипскому, сделал с него копию и передал в Уревком. Опасаясь наказания, комиссия во главе с Осипским решает тут же придумать удобный предлог для обвинения священника. Но вышло так, что обвинение ему предъявили только через неделю после ареста, причем такое, которому сложно было верить.

Как свидетельствует Охапкин, «обвинение это заключалось в следующем. Как рассказали мне члены комиссии, “во время приёма от попа и старосты церковного имущества, поп будто бы пошёл в алтарь, а за ним пошёл Осипский, и когда Осипский заходил в алтарь, то поп, будто бы попытался положить в карман серебряную дарохранильницу ценностью 5—10 рублей. Но Осипский подскочил, ударил попа по руке, дарохранильница из рук вылетела и кусочки хлеба — просфоры, которые, по словам попа, называются Телом Христовым, рассыпались, по престолу”»).

Нелепость подобного обвинения доказывается самим председателем Охапкиным: «Поп, по словам населения, совершенный бессребреник, требы исполняет бесплатно, и не только население ему помогало, но наоборот, многим он помогал. Среди населения поп пользуется большой популярностью, не как поп, а как человек. У попа без всякой записи хранилось: церковные ценности, и взять их можно было, совершенно не рискуя за это в будущем отвечать, но, однако, ценности остались неприкасаемыми. Так, например, в точности девять лет с 1915 года в церкви лежало около 900 рублей золотом пятирублёвого достоинства... Не веря в правдивость рассказа, я заметил комиссии вскользь, что поп, вероятно, хотел взять кусочки хлеба, ибо для кого они являются святынями, а для нас они никакой ценности не имеют. Но, оставив эти кусочки здесь, поп будет думать или может быть говорить другим, что над оставшимися кусочками надругаются, а поэтому если он хотел их взять, то и нужно было бы ему их отдать» [70, л. 74—75].

Понимая всю опасность вмешательства в эти дела председателя, Осипский распускает по деревне слух о том, что будто бы Охапкин не то продал, не то передал попу «какие-то мощи». Но оказалось, что мощи были взяты самим Осипским и лежали у него в доме.

Но вопрос со священником по-прежнему оставался нерешённым. Дело в том, что о. Нифонт каждый год летом выезжал из Гижиги в Наяхан к тунгусам, где отправлял различные требы. Как это уже давно сложилось, тунгусы приехали за «своим батюшкой», как они его называли. Но поскольку он был под арестом, пришлось им уехать ни с чем. Казалось бы, кочевые тунгусы, дано привыкшие к своей языческой жизни, должны были отказаться от священника без серьезных возмущений, тем более, что не могли же они к нему сильно привязаться за то время, пока он исполнял в их стане все требы. Но, тем не менее, спустя некоторое время они приехали опять вместе с подписями оставшихся в тундре родственников и ходатайствовали отпустить священника в Наяхан хотя бы на несколько дней. Охапкин «советовал Осипскому как выйти из положения, и попа или отпустить, так как тунгусы не понимают никаких таких законов, а то, что не дали им попа, этим подорвали им доверие тунгусов. Но Осипский был непреклонен, тунгусы уехали, но скоро вернулись» [70, л. 76 об.]. И вернулись они вместе

с еще одной бумагой, в которой указывалось на отсутствие стеснений в религиозном вопросе на Колыме, и угрожали в случае отказа в их просьбе откочевать совсем в Колымский уезд.

Выслушав в Уревкоме просьбу тунгусов, председатель попросил зайти к нему Иосифа Иосифовича Осипского для обсуждения данного вопроса. Он «держался с тунгусами в присутствии меня и секретаря товарища Филимова довольно воинственно и, между прочим, без всякой надобности перекладывал из одного кармана в другой свой наган, по-видимому, желая показать, какой он страшный начальник. . .

Не придя в Уревкоме ни к какому заключению, Осипский тунгусов и меня пригласил к себе в канцелярию. Здесь Осипский сначала пытался два раза говорить тунгусам, весьма мало понимающим по-русски, читать лекцию о религиозном дурмане, и тунгусы, прослушав, регулярно задавали вопрос: “Так думай приятель, отпустишь батюшку-то, нет?” В заключении Осипский взбесился, стуча об стол кулаком, начал кричать (это подтверждает тунгус, живущий на Гарманде, который был в это время переводчиком): “Кто Вам писал бумагу, какое Вы имеете право угрожать мне, что Вы укучете в Колыму, я Вам покажу, как нужно слушать начальство”, — угрожал он. Покричав-покричав, тунгусов отпустил. Тунгусы снова пришли в Уревком, обращаясь ко мне: “Ну, что будем делать, приятель, нам не велели приезжать без батьки”. А ярмарка уже должна была закрыться. Пятьдесят или больше тунгусов должны были укучевать, а они всё ожидают приезда попа, видя, что дело плохо, тем более кое-кому из жителей тунгусы по-приятельски говорили, что они батьку украдут, пришлось как-то дело улаживать.

Уговорил тунгусов взять с собою другого попа, которого они ни за что не хотели брать. Что он берёт дорого за требы, и что они любят только Нифонта, а что тем временем выяснится дело с Нифонтом, и что он приедет в Наяхан и сменит попа Сновидова». На этом стороны договорились.

После закрытия церкви церковное имущество находилось в распоряжении уполномоченного губревкома Понятаева. При сдаче его вышестоящим инстанциям обнаружилось халатное к нему отношение. Как следует из отчета предревкома Пономарева, все было разбросано, нигде не учитывалось, «всякая выдача имущества во временное пользование сопровождалась списыванием имущества, книга изобиловала карандашными пометками, затемнявшими смысл и значение записей» [6, л. 67—68].

Более того, комиссия по отделению церкви от государства сожгла часть церковного имущества. Составила акт, не указав в нем, какое имущество сожгла, его род и количество. Сожжение было проведено демонстративно, что не могло не вызвать недовольства населения. В дальнейшем этот случай в отчетах Камчатского губбюро ВКП(б) оценивался как неправомерный, провоцирующий население и ожесточающий его отношение к советской власти.

Заведующий общим отделом уревкома Ковалевский, чтобы разрешить конфликт, пишет докладную записку в президиум Гижигинского уревкома о ненадлежащем хранении церковного имущества и о частичном его уничтожении (сожжении). Для разъяснения всех обстоятельств в Гижигу назначают председателем уревкома Пономарева. После проверки здание, незаконно отданное под школу, решили вернуть. Пономарев предписал сельревкомам собрать население в возрасте от 18 до 50 лет в местном клубе имени Ленина «с обязательной явкой». И 15 ноября 1925 г. «стараниями партийцев, комсомольцев и членов Уревкома была восстановлена православная церковь».

Осипский, возмущенный этим фактом, в гневном заявлении уполномоченному ДВКК описывает сцену, когда сам начальник милиции, член ВКП(б) Петров «сидел за столом, где записываются в верующие, подходил и записывался».

Насколько повлияла эта картина на присутствующих, видно из того, что верующие единодушно выдвинули председателем собрания верующих Уоторга РКП Пономарёва, но Ковалевский разочаровал их, заявив, что Пономарёв коммунист и неверующий. Пыл собравшихся охладился, и долгое время никто не соглашался занять место председателя собрания. Впоследствии Пономарёв исправил «ошибку» Ковалевского, заявив собранию, что никто не может доказать, что он неверующий, может быть, он дома молится и верует даже, и никто этого не знает и не может доказать.

«Эта тактическая речь Уоторга РКП, безусловно, очень замечательная в смысле искоренения дурмана религии, и собрание хором за ним повторяло “верно”, “правильно”, и таким образом население убедилось, что Пономарёв верующий. Ковалевский, в свою очередь, постарался так разъяснить декрет и убедить население, что это им обойдется не так дорого содержать церковь, если их много, всего по какому-нибудь рублю с человека, что население, несмотря на бедственное положение, постановило церковь взять» [72, л. 202—203].

Но позже, в том же 1925 г., церковь снова закрывают. В декабре 1925 г. в местном партийно-профсоюзном клубе обнаруживают 18 наименований вещей, ранее принадлежавших священникам и церкви (кресты, хоругви, ризы, епитрахили, кадило, Евангелие и прочие). Скорее всего, они использовались для антирелигиозных постановок.

3. АНТИПРАВОСЛАВНАЯ ПРОПАГАНДА

Антирелигиозная (а вернее — антиправославная) пропаганда сразу после прихода большевиков к власти становится их оружием в борьбе с «реакционными элементами». Она помогает большевикам выглядеть в глазах народа освободителями от многовекового «ига церкви» и одновременно разжигает

вражду к людям, заведомо неспособным стать на сторону новой власти (верующим, монахам, священникам). Уже с начала 1918 г. «Правда» рекламировала цветной сатирический журнал «Красный дьявол». Первый советский фильм (на сюжет стихотворения Демьяна Бедного о «чуде в Коломне») был антирелигиозным.

Антицерковной политикой в СССР непосредственно занимались несколько ведомств. С 1922 г. борьбу с церковью возглавляла Антирелигиозная комиссия при ЦК РКП(б) под председательством Е. Ярославского, секретарем ее был чекист Е. Тучков. Помимо организации репрессий против духовенства, комиссия руководила пропагандистскими кампаниями, устраивала антицерковные процессы, направляла комсомольцев на осквернение храмов, инсценировку шутовских богослужений и «судов над Богом».

О направлениях антирелигиозной и антицерковной деятельности свидетельствуют разделы, по которым различными службами составлялись отчеты о проделанной антирелигиозной работе для Политбюро в области:

- антирелигиозной пропаганды и агитации;
- борьбы «с церковной контрреволюцией»;
- урегулирования отношений между церковью и государством;
- разложения церкви (ставка делалась на ее раскол).

Основным органом агитации и пропаганды являлась печать.

Кроме задач «просветительского и воспитательного» характера, власть ставила и сугубо прагматические. Всем антирелигиозным мероприятиям (вскрытие мощей, изъятие ценностей, закрытие храмов) предшествовали пропагандистские компании в массовой печати.

На втором месте стояли различные пропагандистские акции. Частой практикой в начале 1920-х гг. являлись инициированные властью кощунственные комсомольские «пасхи» и «рождества». Они представляли собой некие театральные действия переодетых в священников безбожников. Эти действия освещались в прессе как «ростки нового коммунистического сознания». Газеты писали о сотнях и тысячах участвующих. Но, по мнению партийного руководства, эти кампании не достигли ожидаемого результата.

В отчете отдела пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) «Об антирелигиозной работе за период между XIII и XIV съездами» (то есть между маем 1924 г. и декабрем 1925 г.) говорилось: «“Комсомольские пасхи” и “комсомольские рождества” не сыграли и не могли сыграть сколько-нибудь положительной роли, так как проводились обычно неумело и только отталкивали верующих людей».

Резолюция XII съезда ВКП(б), прошедшего в 1923 г., предостерегала против оскорбления религиозных чувств «примитивными методами» осмеяния предметов культа и обрядов. Утверждалось, что такие приемы только «усиливают религиозный фанатизм». Вместо этого съезд призывал расширить публикацию антирелигиозной литературы научно-популярного характера,

а также больше сосредоточиться на аналитическом исследовании истоков и истории религии.

Еще одной ставкой правительства в деле борьбы с религией явилось стремление разложить ее изнутри. В результате обсуждения в Политбюро этого вопроса было принято решение о создании при поддержке ГПУ направленного на раскол церкви обновленческого движения («Живая церковь»). Первоначально оно поддерживалось государством. Закрывшиеся храмы передавали обновленческим священникам, их не подвергали репрессиям и т. д. Но, тем не менее, в докладах высших органов власти всегда подчеркивалось, что данные меры направлены не на создание лояльной церкви, а на ее скорейшее искоренение.

На Камчатке обновленчество не имело успеха, но методы антирелигиозной работы оставались теми же. Циркуляром Дальневосточного бюро ЦК РКП(б) № 151 от 12 сентября 1923 г. № 839 органам власти на местах предписывалось: 1. «В плановой работе в первую очередь направлять усилия на поддержку соответствующих кадров, могущих вести антирелигиозную пропаганду, осуществляя это через организацию антирелигиозных кружков-семинарий [при] Губкомах... 3. Пропагандистов, могущих вести антирелигиозную пропаганду, взять на особый учет агитпропов... 6. Молодежь, как объект в антирелигиозной пропаганде, должна занимать особое место перед прочими возрастными группами населения. 7. Содержание текущей работы должно быть направлено в сторону разоблачения всех существующих внутри церкви течений, не беря под свою защиту покровительство представителей живой церкви и других групп» [26, л. 16].

Основными проводниками антирелигиозной пропаганды на Камчатке были: комсомольская организация, Союз безбожников и местная пресса. В 1923 г. антирелигиозной работой в Петропавловске руководил горрайком «через личное участие и свою инициативу». В 1923—1924 гг. он давал письменные указания ячейкам об антирелигиозной работе. «А, главным образом, в деревне антирелигиозной работой руководили учителя». В 1925—1926 гг. руководство со стороны окрбюро ВЛКСМ осуществлялось «только циркулярное, основное внимание которых уделялось устранению крикливости, имеющей место ранее» [27, л. 77].

Самые значительные мероприятия в рамках антирелигиозной деятельности на Камчатке проводили комсомольцы. В 1927 г., подводя итоги своей работы, Камчатское окрбюро ВЛКСМ поделило ее на три периода. На первых порах (1923—1925 гг.) была развернута критика «религиозных обрядностей и церковнослужителей». Второй период (1926 г.) характеризовался как «затишье антирелигиозной работы в ячейках, вызванное тем, что неправильный метод антирелигиозной работы первого периода породил обострение отношений с населением, что заставило ячейки отказаться от антирелигиозной

работы». Третий этап (с конца 1926 г.) расценивался как переходный к новым формам и методам антирелигиозной работы (создание естественно-научных кружков и ячеек безбожника) [27, л. 74]. Основная деятельность сосредотачивалась в руках организованного на Камчатке Союза безбожников.

Рассмотрим первый этап подробнее. 19 декабря 1923 г. члены Петропавловского горрайкома РКСМ собирались провести комсомольское «рождество» и для этих целей избрали комиссию, председателем которой назначили чекиста А. Доммана. 21 декабря комсомольская ячейка при школе второй ступени подготовила доклад о происхождении христианства. «26 декабря на городском собрании был сделан доклад о комсомольском рождестве. Участники проведения рождества говорят, что было допущено много резкостей» [27, л. 76].

В 1924 г. горрайком РКСМ разослал всем комсомольским ячейкам циркуляр, в котором, в частности, говорилось: «Еще по сию пору в сознании крестьянской молодежи наших сел и деревень сидит религиозный дурман, впитавшийся в их кровь с молоком матери... молодежь, вследствие своей оторванности от культурных центров, строго хранит традиции старины, поддерживаемые служителями церкви». В связи с этим, основная задача виделась в стремлении отвлечь молодежь от церкви. В рекомендациях по проведению антирелигиозной кампании содержится наставление: не гнаться за дешевыми выгодами, которые «только вооружают против организации фанатиков и отгалкивают беспартийную молодежь» [28].

Материалы 1924 г. «гораздо полнее рисуют картину резкой и бестактной критики религии. 9 марта 1924 г. устраивался политсуд над попом. 20 марта состоялось собрание активных участников проведения комсомольской “пасхи”. 8 апреля утвержден горкомом порядок празднования “комсомольской пасхи”; 24 апреля — политсуд над религией, 26 апреля — торжественное заседание по случаю свержения “богов”, намечены были выступления... Домман — “Наука и религия несовместимы”, Одляницкий — “Праздник еврейской и христианской пасхи” и другие. Всего намечалось семь выступлений, в том числе “Миф о Христе” и “Религия в руках буржуазии превращается в оружие эксплуатации”. 27 апреля собирались выпустить живую антирелигиозную газету».

План осуществлялся так. В середине месяца появилось объявление, что на политсуд в качестве защитника приглашается «поп Леонтий» — иеромонах Леонтий (Яковлев) — настоятель Петропавловского собора. Из дневника секретаря ячейки РКСМ при школе второй ступени: «19 апреля ячейка Сорاپроса делала “чучело богородицы”. 24 апреля комсомольцы в 6 часов вечера были в нартеатре, где прошел политсуд над религией при огромном стечении публики. Публика разошлась как будто разочарованная, что она надеялась встретить не то» [27, л. 76].

Секретарь Камчатского губбюро РКСМ И. Мальков в секретном докладе писал: «Комсомольская пасха в 1924 году проведена с большим шумом (сжигание чучел попов около церкви, пение революционных песен во время богослужения и т. д.), но с чрезвычайно маленьким и даже вредным содержанием. Такой метод проведения антирелигиозных компаний только озлоблял верующих камчадал».

3 февраля 1924 г. на торжественном заседании горрайкома РКСМ двадцать комсомольцев сменили имена. Среди их новых имен значились: Марат, Безбожник, Интернационал, Идея, Коминтерн и другие.

В 1925 г. комсомольцы так же активно отметили «антирелигиозную пасху». Порядок ее проведения был следующий. 4 апреля общегородское собрание РКСМ с участием молодежи и граждан Петропавловска в театральном зале партпрофклуба имени «Товарища Нариман-Нариманова» планировало мероприятие «по антирелигиозным вопросам в связи с пасхой». С 15 по 22 апреля должна была состояться выставка антирелигиозной литературы при центральной библиотеке партпрофклуба, 18 апреля в шесть часов вечера — открытие и празднование антирелигиозной пасхи в театральном зале.

В программу празднования входили: «1) Доклад на тему “Значение комсомольской пасхи”, 2) “Ключ к разгадке” — антирелигиозная комедия в одном действии, 3) первая часть дивертисмента, хоровые и музыкальные номера, 4) антирелигиозные рассказы, басни, анекдоты, 5) “Пасхальное недоразумение” — антирелигиозная комедия в одном действии, 6) вторая часть дивертисмента, антирелигиозные частушки, декламации и спортивные номера. Игра. Продолжение дивертисмента. “Карманиолла”. Оркестр. Буфет и пр. пр. пр.

19 апреля в театральном зале в 18 часов открытый публичный антирелигиозный суд с участием духовенства живой и мертвой церкви. После окончания суда — дивертисмент. Буфет. Оркестр» [29, л. 28].

В комедии «Пасхальное недоразумение» православных христиан представлял «кулак» с его убеждением, что «без веры человеку и согрешить невозможно и радости покаяния нельзя ощутить». Кулаку поддакивала жена: «Правильно, батюшка мой, вот я весь год грешила, грешила, а теперь душа, ровно младенец, чиста. От всякой скверны очистилась». Хор комсомольцев пел на мотив красноармейской песни «Шинелька»:

*Мы без лишних разговоров,
Мы без лишних слов
Сбросим кучей в ящик с сором
Пресвятых богов.*

Народ-труженик в пьесе олицетворяли мужик и баба, певшие частушки на новый манер.

Мужик:

*В церковь больше не пойду,
Сказка больно старая.
Не поймаешь на уду
Больше пролетария.*

Баба:

*Звучит иное слово,
Жизнь борьбою вспенена.
Брошу сказочки боговы,
Возьму правду Ленина.*

На этом «Пасхальное недоразумение» завершилось.

До 1926 г. антирелигиозная пропаганда в городе проводилась, в основном, силами местной комсомольской организации, которая в качестве главного метода пропаганды выбрала проведение антирелигиозных кампаний, приуроченных к Рождеству и Пасхе. По-видимому, подобные мероприятия доставляли удовольствие самим комсомольцам, задорно включившимся в правительственную кампанию по уничтожению религии. Интересен тот факт, что при настойчивом обсуждении в прессе «алкогольного характера» религиозных праздников, некоторые из комсомольцев тоже не брезговали этой «народной традицией». В докладе о работе Петропавловской организации РКСМ в период с 1 марта по 1 мая 1925 г. значится: «...систематического пьянства среди комсомольцев не замечалось, но все же были случаи, когда это замечалось, но в минимальном размере... Особенно эти случаи были заметны на антирелигиозной пасхе» [28].

В «большом размере» антирелигиозная работа проводилась и в сельской местности, а формы и методы ее были тоже «грубы и неверны». Эта работа сводилась к тому, что комсомольцы занимались резкой критикой церковно-служителей, захватывали церкви под школы и клубы. Следствием этого являлось обострение отношений с населением. Так, «в Тигиле дело дошло до того, что в противовес комсомольской стенной газете, в которой помещался антирелигиозный материал, верующими стала выпускаться нелегальная газета, которая расклеивалась по столбцам и в которой всячески старались скомпрометировать комсомольцев». В 1923 г. Елизовская ячейка РКСМ по докладу об отделении церкви от государства выносит резолюцию: «Предложить верующим следить за попом, чтобы он не переходил границы в актах гражданского состояния (крещение, похороны и т. д.). Предложить верующим зарегистрировать церковную общину». Здесь со стороны комсомольской ячейки проявляется попытка командовать населением.

«В Усть-Камчатске комсомольская ячейка участвовала в отборе церкви под клуб, причем, при отборе было допущено целый ряд нетактичностей. Подобные факты можно найти и во многих других ячейках» [27, л. 76—77].

В мае 1925 г. комсомольская ячейка с. Коряки за подписью П. Слободчикова отправила заявление в губбюро РЛКСМ. В нем сообщалось, что в полночь 18 апреля комсомольцы хотели «устроить во время службы в с. Коряках факелы подле церкви», но гражданин Семен Дьяконов, выйдя из храма, сказал им: «Ежели б прихожане услышали комсомольское шествие, то казнили бы их на месте преступления». «Мы знаем, — говорилось в заявлении, — граждане стали бы стрелять в нас, и мы вполне уверены, что... во время встречи Христа салютами, они бы могли сделать из нас жертву».

22 апреля 1927 г., подводя итоги первых комсомольских антирелигиозных кампаний на Камчатке 1923—1925 гг., Камчатское окрбюро ВЛКСМ пришло к выводу: «Воспитательная антирелигиозная работа заключалась из трескучих фраз, а иногда и их похабщина (пение частушек комсомольцами похабных). Ясное дело, что такая антирелигиозная работа глубоко не задевала даже комсомольцев». Тем не менее, «в разрушении старых понятий, разоблачении ненужных совершенно учений» первое место оставалось за комсомольцами [28].

Но комсомол не был единственной организацией, вовлеченной в антирелигиозную работу. Этим занимались в школах, пионерских организациях, избах-читальнях, на занятиях кружков. Интересно, что в 1923 г. даже проведение недели помощи ребенку могло быть использовано как повод для антирелигиозной пропаганды. В циркуляре комиссии по улучшению жизни детей при Дальревкоме от 11 декабря 1923 г. значилось: «Проведение недели помощи ребенку является первым шагом по пути изменения христианской физиономии декабрьских праздников. Говоря о Рождественских праздниках, их переименовании и изменении христианского налета в существе празднования трудно придумать лучшую форму, чем “Праздник Детей” или “Детские Праздники” и более удобный предлог для изменения сущности, чем помощь беспризорному ребенку под лозунгами “Дети, имеющие дом, — бездомным”, “Дети сытые — детям голодным” и т. д. . .

Предлагаем провести вечером с 24 по 25 декабря, по возможности, во всех клубах “Красную елку” в пользу беспризорного ребенка. Через школы, коллективы служащих и т. п. следует привлечь, по возможности, больше детей с тем, чтобы последние сопровождались матерями, родственниками и т. д., чем будет достигнута двойная цель: отвлечение родителей и детей от традиционного празднования и помощь нуждающимся детям» [30, л. 32—32 об.].

Огромную роль в антирелигиозной пропаганде играли газетные публикации. В начале 1920-х гг. печатная агитация отличается таким же грубым высмеивающим тоном, как и комсомольская деятельность. Священника представляют в образе жадного, корыстного человека, ищущего везде, прежде всего, материальную выгоду, но безуспешно пытающегося скрыть «награбленное

добро» от советской власти. Появляются и фельетоны, в которых сам священник разуверивается в бытии Бога. Наиболее показателен в этом отношении рассказ «В поисках бога», напечатанный в «Полярной звезде». Основная мысль рассказа — слова о. Степана: «Я искал в священных книгах Бога... и нашел только один обман. А ведь они написаны по внушению Бога... Значит, и Бог — обман?» [31, с. 80].

В другой «сцене из духовной жизни» поп Никола разоблачает, но уже не религию, а сам себя, как тунеядца и нахлебника, признаваясь, что жил безбедно, «пользуясь темнотой и невежеством прихожан», за счет их «пожертвований и подношений».

Внешний облик священнослужителя — словесный и наглядный (в рисунках и карикатурах, сопровождающих фельетоны, статьи и заметки) практически неизменен и повторяется из номера в номер. Как правило, изображается человек средних лет тучного телосложения («пожилой, полный муж»), в черной рясе с массивным крестом на груди, с длинными неопрятными волосами («куцая грива»), при этом иногда он награждается такими уничижительными характеристиками как «робкий голосишко», или именуется «попишко бледнолицый» [31, с. 80].

В качестве результатов пропаганды до 1927 г. на первый план ставилось количество закрытых церквей и часовен, что подтверждают отчеты Далькрайкому ВКП(б). Но только после неоднократного циркулярного напоминания со стороны Дальбюро ЦК о недопустимости «принудительного закрытия церквей» и провоцирующих антирелигиозных кампаний характер антирелигиозной работы начал меняться.

В 1926 г. наблюдается некое затишье. Состоялся только один антирелигиозный вечер в ночь под Рождество, но былой резкости он уже не имел. К 1926 г. тон газетных публикаций также становится более сдержанным. Тем не менее, в печати священники по-прежнему назывались «контрой» и представлялись «промонархической силой», но теперь уже не в стихотворных фельетонах и кричащих антирелигиозных заметках, а в статьях, пространно объясняющих несостоятельность «религиозного мировоззрения».

Что касается камчатских селений, то здесь пропаганда продолжала вестись через комсомольские ячейки, избы-читальни и кружки естествознания. Циркуляром от 2 августа 1926 г. всем ячейкам ВКП(б) на зимний период определялись следующие задачи: «Проводя антирелигиозную пропаганду, не увлекаться, не обострять отношения на этой почве с верующими, а лучше организовать кружок естествознания, куда, по возможности, привлечь учителей и проводить эту работу через кружок. Во всяком случае, и здесь нужно избегать крикливых фраз по адресу религии и бога. Этот вопрос долгой и кропотливой работы, поэтому и гнаться за быстрыми результатами не нужно» [32, л. 66 об.].

В качестве результата сильного пропагандистского натиска начала 1920-х гг. и последующего небольшого отката в антирелигиозной пропаганде стало заметное оживление религиозных общин. В сентябре 1926 г. секретарь Дальбюро ЦК ВКП(б) Кубяк писал: «Нынешним летом на Камчатку “заброшено” порядочное количество священников, которые ведут интенсивную “работу”. В населении эта “братия” встречает довольно дружное сочувствие.

Я объясняю это явление форсированием антирелигиозной пропаганды по округу. Методами, на материке давно забракованными, как не достигшими цели, а действующих как раз в обратном направлении. Вывод этот я делаю из следующих фактов: 1. “Антирелигиозниками” были по преимуществу работники ГПУ. 2. Стенные газеты пестрят сплошь антипоповской вульгарной писаниной. 3. Спектакли в деревнях топорно-антирелигиозного характера превалируют. Эпидемия на закрытие церквей и превращение их в избы-читальни...» [3, л. 12].

27—29 апреля 1926 г. в Москве состоялось первое организованное ЦК ВКП(б) совещание по антирелигиозной пропаганде с участием ответственных работников ЦК партии, членов Антирелигиозной комиссии ЦК, представителей Главполитпросвета, ЦК ВЛКСМ, Центрального совета Союза безбожников, центральных издательств, видных пропагандистов Москвы и партийных работников из разных регионов страны. На нем были определены «содержание, формы и методы пропаганды атеизма в условиях социалистического строительства». Решения совещания утвердил Секретариат ЦК ВКП(б).

Совещание определило направления, по которым должна осуществляться критика религии: 1) разоблачение классово-идеологической сущности религиозной идеологии, 2) разоблачение антинаучного характера религии путем материалистического объяснения законов природы и общества, 3) критика религиозной морали, 4) разоблачение попыток церковников и сектантов приспособиться к условиям строительства социализма.

В резолюции совещания обращалось внимание на недопустимость применения административных мер в борьбе с религией. Для проведения антирелигиозной пропаганды рекомендовалось использовать разнообразные формы клубной массовой работы, работы библиотек, красных уголков, изб-читален и т. д. Обращалось внимание на необходимость открытия антирелигиозных музеев, широкое использование в лекциях диапозитивов, учебных пособий, на подготовку антирелигиозного репертуара для театров. Антирождественские и антипасхальные кампании при этом не отменялись, они даже получили «вторую жизнь». Рекомендации по их проведению печатались в «Правде».

В соответствии с ними, в 1927 г. Камчатский окружком ВКП(б) разрабатывает план: «В будущем антирелигиозная работа должна пойти по линии орга-

низации естественно-научных и кружков “безбожников”, на первых порах на местах, где имеются для этого соответствующие силы. 1. Поставить вопрос на АПО (агитационно-пропагандистский отдел. — *Е. Г.*) партбюро об объединении кружков “безбожников” в союз безбожников. 2. Считать необходимым по линии политпросвета снабжение изб-читален необходимой антирелигиозной литературой. 3. АПО разработать указания ячейкам об антирелигиозной пропаганде» [27, л. 74].

Данная программа осуществляется с созданием Союза безбожников.

Временный окружной совет Союза безбожников (СБ) организован 17 июня 1927 г. Его председателем назначен Григорьев, в состав входили Мариманов, П. Т. Новограбленов, Панов, Н. П. Фролов. Состав совета переизбран 20 октября 1927 г. Теперь председателем становится И. Ф. Голованов, секретарем — Соловьев. Членами остаются Новограбленов, Мариманов, Фролов. Только после этого начинается настоящая работа совета, в план которой с октября 1927 г. по январь 1928 г. входило:

- «1. Связаться с крайсоветом СБ (Голованов).
2. Наметить сеть ячеек по городу (Фролов, Мариманов).
3. Написать в газету “Полярная звезда” статью о начале работы Окрсвета (Новограбленов).
4. Провести организацию ячеек СБ в городе (Фролов, Мариманов, Новограбленов).
5. Послать указания на места о порядке организации кружков естествознания (Голованов, Соловьев).
6. В округе учесть имеющуюся литературу в АПО Окрбюро ВКП(б) по безбожным вопросам и разослать часть ее по сельским и городским ячейкам (Соловьев).
7. Провести работу по выявлению безбожного актива для организации из его среды антирелигиозного семинария (Фролов, Новограбленов).
8. Составить программу семинария, взяв за основу ту, которая опубликована в № 10 журнала “Антирелигиозник” (Мариманов).
9. Дать директиву городским и сельским ячейкам СБ о подписке на безбожную литературу (газеты и журналы) (Голованов, Соловьев).
10. Сделать заказ на высылку 200 штук членских билетов.
11. Совместно с ОКРОНО дать директиву об участии учительства в антирелигиозной работе (Фролов, Новограбленов и зав. ОКРОНО).
12. Составить список литературы для городских и сельских ячеек (Голованов, Соловьев).
13. Совместно с Окрбюро ВКП(б) и ВЛКСМ дать ячейкам директиву об участии последних в антирелигиозной работе (Голованов, Фролов).
14. Составить план работ Окрсвета СБ на январь-март 1928 г. (Голованов, Соловьев)» [33, л. 61].

Как выполнялся этот план, можно проследить по публикациям в местной печати. 1 января 1928 г. «Полярная звезда» сообщила: «При клубе ССТС был организован уголок безбожника, выпущен один номер стенгазеты, но летние настроения ячейку пораспустили. Уже созданы ячейки при ОкрФО, Погранотряде и школе. Организационные собрания намечаются на последние числа декабря, чтобы с нового 1929 года существовали и вели плановую работу» [34].

В другой статье подробно описываются цели и задачи новой организации. «24 января состоялось первое организационное собрание записавшихся товарищей в Союз Безбожника. На собрании присутствовало 10 человек. Рассмотрели устав союза, произвели выбор бюро ячейки и ревкомиссии. Первая ячейка СБ организована с числом членов 24 человека и 30 января утверждена Окрсоветом, как первая горячая, которая будет работать при рабочем клубе, объединяя всех безбожников. План работ должен строиться с учетом возможностей его выполнения и большая часть в нем должна быть уделена агитационно-пропагандистской работе. Внутренняя работа ячейки должна быть построена на самоподготовке, то есть каждый безбожник должен читать газету “Безбожник” и журнал “Антирелигиозник” и другие антирелигиозные книги, а также должен состоять подписчиком на эти издания.

Для углубления внутренней работы, ячейке необходимо приступить к выявлению подготовленности членской массы с целью организации кружков естествознания, работа которых будет проводиться по программе, выработанной Окрсоветом СБ.

Каждый член СБ должен вести работу по индивидуальной обработке верующих, для чего необходимо, в первую очередь, всю работу проводить в клубе открыто, вовлекать в нее еще не состоящих в СБ товарищей, нужно сделать так, чтобы верующий сам шел в клуб на занятия безбожников.

Массовая работа ячейки должна заключаться в устройстве уголков безбожника. В наших условиях это сделать можно при рабочем клубе, лишь необходимо иметь договоренность с правлением.

Агитация за новый безрелигиозный быт является тоже видом массовой работы и ее в наших условиях нужно принять, как основную.

В шефской работе ячейки должны также принимать участие, путем снабжения подшефной деревни литературой по безбожным вопросам и, если будет возможно, делать выезды туда с целью выяснения возможностей создания кружков естествознания, а впоследствии и ячеек» [35].

В октябре 1928 г. были проведены первые итоги работы СБ. «На одном из заседаний Агитпропколлегии Окрбюро ВКП(б) был заслушан доклад о работе Окрусного Совета СБ почти за год его существования. За год работы СБ на Камчатке не мог даже оформиться организованно, но все-таки кое что в этой области им проделано. Заседание отметило, что антирелигиозная работа с момента создания СБ носила организационный характер, разворачивается

очень медленно. Коллегия Партийного Бюро дала ряд указаний. Причины сводятся, во-первых, к недостаточному вниманию работы СБ со стороны партийных и комсомольских ячеек, текучести состава Совета и неудачному подбору его в смысле работоспособности и желанию работать, перегруженности тех товарищей, кто желает работать в Совете.

В будущем необходимо с недостатками покончить и добиться развертывания сети ячеек, как в городе, так и в деревне и наладить плановую работу ячеек по воспитанию своих членов и вербовке новых в свои ряды. Окросвет, составляя план работ на зимний период, в основу взял предложения по его докладу на Агитколлегии. Расчет, чтобы к Рождественской компании СБ в городе имел не менее трех ячеек, уже вполне оформившихся. Предусмотрен вопрос относительно организации антирелигиозного семинария и включения в программы школ политграммоты пониженного типа несколько вопросов по безбожии» [36].

С конца 1928 г. проводится усиленная работа по организации ячеек СБ в различных селениях Камчатской области и при значительных организациях Петропавловска. «Окрфинотдел имеет ячейку Безбожника. В конце ноября 1928 г. сотрудниками ОкрФО была организована ячейка Безбожника, которая насчитывает 9 человек. Избран секретарь ячейки тов. Сковородько, по инициативе которого при Красном уголке ОкрФО создан уголок Безбожника, имеется небольшая библиотечка по основным вопросам, в уголке стенная краевая газета, лозунги по подписке на антирелигиозные издания. Уголок ставит своей задачей обслуживание членов коллектива по всем вопросам антирелигиозного порядка путем устройства бесед и вечеров ответов и вопросов» [37].

Большая работа была проведена в преддверие большого религиозного праздника Рождества Христова в 1928 г. Подготовку начали уже в сентябре — 30 числа всем избачам и учителям Камчатского округа была разслана рекомендация о том, что до 15 декабря в селах должны быть организованы ячейки СБ «в связи с XV съездом партии об антирелигиозной пропаганде Окросветом Союза Безбожников» [38, л. 8].

Упор делался на призыв к организации в селениях ячеек СБ, а также в школах и других организациях.

Нужно сказать, что далеко не все селения соглашались организовать у себя ячейки безбожников. Часто это оказывалось слишком сложным и ненужным. Например, в марте 1929 г. соболевская изба-читальня сообщила ОкрОНО: «Вопрос о проведении этой работы был поставлен на заседании культурно-просветительской секции, которая решила ячейку безбожников не организовывать, так как острой надобности в этом не ощущается, а организовать естественно-научный кружок» [38, л. 73].

В городе тоже не всем было понятно, для чего проводится данная работа. «На заседании окросвета Воинствующих Безбожников обсуждались резуль-

таты обследования ячейки СВБ при коллективе АКО, был приглашен представитель партийной ячейки АКО. Он настойчиво утверждал, что АКО эту работу проводить незачем, потому что все неверующие и незачем заниматься пустыми разговорами» [39].

С конца 1928 г. СБ проникает в школы. «В начале декабря по инициативе ОССБ, с участием комсомольской школьной ячейки при девятилетке создана Ячейка Союза Безбожника. Записалось 26 человек, большинство комсомольцев... Сейчас ячейка оформлена и организована, в ней 42 человека. Совместно с комсомольской ячейкой в присутствии преподавателей ячейкой Безбожника намечен был план проведения Рождественской компании, предусматривающий открытие уголка, выпуск стенгазеты и постановку докладов» [37].

К апрелю 1929 г. организация СБ на Камчатке насчитывала 150 чел., пять городских и две сельские ячейки. К 1931 г. планировалось развернуть большую сеть ячеек, «больше, чем сейчас молитвенных домов» [20].

Следующей значительной акцией СБ стала организация мощной волны агитации, приуроченной к Пасхе. Задачи здесь ставились следующие: «Увеличение сети ячеек, увеличение количества и качества состава членов СБ, выявление безбожного актива, усиление культурно-массовой работы и работы по распространению периодических изданий ЦССБ СССР» [20].

Городские ячейки СБ к работе приступили с первых чисел апреля. С первых же дней работы развернулась компания по подписке на периодические издания, по вербовке новых членов, о чем свидетельствует план работы ячейки при АКО и других организациях. В этом году антипасхальная кампания в плановом порядке в городе проводилась в первый раз. Ее лозунгами стали: «Порвал с религией — вступай в Союз безбожников», «Вместо церкви в пасхальные дни иди в клуб и библиотеку» [20].

Время от времени в «Полярной звезде» печатались отчеты о деятельности ячеек СБ, действовавших на разных предприятиях города. «С 1 января 1929 г. ячейка СБ была создана в погранотряде, избрано бюро ячейки, ревизионная комиссия, приступили к работе. Было проведено два собрания, два заседания, 12 бесед. На последнем заседании был прослушан отчет секретаря ячейки СБ т. Жужгова (красноармеец). В прениях выступили ряд товарищей красноармейцев, указавших, что работа велась недостаточно хорошо. В результате постановили работу признать недостаточной. На этом же собрании был принят план на первую половину мая. В план вошло: добиться стопроцентного вовлечения (сейчас 65 %), провести в ячейке беседу “Праздник пролетарский и христианский”, провести с женщинами отряда — “Религия и быт”, принять участие в комбинированной встрече и ряд других. На собраниях обычно присутствуют все члены ячейки с большим притоком беспартийных. Занятия проводились тов. Миромановым на различные темы по естествознанию. В среднем, по каждой беседе было по 10—12 вопросов. Посещаемость 85—95 %.

Недочеты — ревкомиссия еще не ревизионировала деятельность ячейки, некоторые члены недостаточно активно проводят идею СБ. Отсутствие литературы и читок» [19].

Приблизительно так же обстояли дела и в других ячейках СБ.

В течение 1929—1930 гг. проводится активная кампания по вовлечению граждан в СБ и в селах Камчатского округа. Так, в Елизово «во второй половине апреля было приступлено к записи в члены СБ. Запись производил учитель. В Пасху, 5 мая, в избе читальне была поставлена антирелигиозная пьеса “Тайна исповеди”. На спектакль народу пришло порядочно. Перед пьесой сделан был доклад на тему: “Происхождение праздника Пасхи и веры в бога”. А в стенной газете, выпущенной к 1 мая, были помещены антирелигиозные статьи, 7 мая на организационном общем собрании записавшихся в члены СБ, которые к 15 мая на второе общее собрание представило план работы ячейки СБ» [40].

В апреле 1930 г. антирелигиозная пропаганда достигла своего пика. Развернулось «социалистическое соревнование» по вовлечению населения в организацию СБ. «Ячейка СБ при коллективе административного отдела вызывает на социалистическое соревнование ячейки безбожников при коллективах связи, ОИКа, АКО, медикосантруд, строителей, транспорта, райкомвода, просвещенцев, совхоза и ОКРФО. Условия выполнения соревнования: стопроцентное вовлечение членов коллектива и их семей в СБ и ряд других пунктов» [39].

Но партийные органы все же были недовольны проводившейся работой. В директиве «Всем райбюро и ячейкам ВКП(б) об антирелигиозной пропаганде» Камчатского окрбюро ВКП(б) от 13 сентября 1929 г. говорилось о необходимости «решительного наступления на антирелигиозном фронте по линии всех организаций (профсоюзы, школы, избы-читальни, комсомол и т. п.)... Имеются факты использования общественного леса для постройки здания попу (с. Мильково), и в данном случае мильковская партячейка и сельсовет не приняли необходимых мер для борьбы с кулацко-поповским влиянием. Возможно, такие же факты имеются и в других селах. Существующие ячейки СБ массовую и воспитательную работу как внутри ячеек, так и среди населения ведут слабо, систематическая плановая антирелигиозная работа ячейками СБ почти не ведется. До сих пор работа проводилась только в период антирелигиозных компаний (пасхальной и рождественской). Количество партийцев и комсомола, вовлеченных в СБ совершенно незначительно, также чрезвычайно незначителен охват членством СБ и беспартийных».

В директиве также говорится о необходимости создать «беспартийный актив безбожников из учителей, избачей, фельдшеров, кооперативных работников и т. д.; антирелигиозная работа должна проводиться в клубах, красных уголках, избах-читальнях» [41, л. 179—180].

В январе 1931 г. организован временный окружной совет СБ в составе 15 чел. и двух кандидатов. В президиум совета избраны Бучель, Емельянов и Васильева. 5—7 января в клубе совторгслужащих проводились художественные постановки и кино с докладом об очередных задачах СБ [42].

15 ноября 1931 г. состоялись очередные перевыборы в окружной Совет СБ. Его председателем стал Куницын, в состав Совета вошли Борисевич, Д. Е. Железнов, Лавренков, Павленко.

В последующие годы деятельность СБ в городе затухает, но в отдаленных районах по-прежнему создаются его ячейки. Так, в Алеутском районе в 1932 г. зарегистрировалась ячейка с 27 членами [43, л. 4].

В 1932 г. агитационно-пропагандистский отдел (АПО) направил директиву райкомам и ячейкам ВКП(б) Петропавловска. В ней идет речь о недостаточном внимании к работе ячеек СБ и вопросам антирелигиозной пропаганды. Выдвигается требование организовать ячейки СБ там, где их еще нет, выделить и прикрепить комсомольцев, которые отвечали бы за свою деятельность перед партией.

8 марта 1932 г. обком ВКП(б) объявил: «с 20 марта по 10 апреля будет проходить двухдекадник по усилению сбора средств на подводную лодку “Воинствующий безбожник”» [44, л. 88].

В 1934 г. областной совет СБ вновь переизбран. Теперь в нем насчитывается 25 членов. Председателем назначен Дубровин, членами — Акшинский (журналист), Кокурин (облсовет профсоюзов), Куницын (Совпартшкола), Седовой (ОблОНО).

Деятельность СБ после 1931 г. проявляется незначительно, крупные антирелигиозные мероприятия проходят редко, все они обычно приурочены к Рождеству или Пасхе. Состав Совета СБ постоянно меняется, но качественных изменений в нем не происходит. Основными причинами этого являются занятость членов Совета на других должностях и отсутствие острой необходимости в антирелигиозной пропаганде.

После создания СБ на Камчатке комсомол не прекратил своей антирелигиозной работы. Несмотря на то, что XV съезд ВКП(б) настаивал на решительном наступлении на антирелигиозном фронте по линии всех организаций (профсоюзы, комсомол, школы, избы-читальни и т. п.), в 1929 г. АПО отметил: «антирелигиозная работа развернута слабо, и, как общее явление, партийные ячейки в антирелигиозной работе участия не принимают... Между тем имеются данные, характеризующие усиление влияния религиозных организаций на массы населения...»

Антирелигиозная работа не может и не должна проводиться только силами партийцев и комсомольцев, в интересах развития антирелигиозной работы ячейкам необходимо создать беспартийный актив безбожников из учителей, избачей, фельдшеров, кооператоров и т. д. Антирелигиозная

работа должна получить широкое развертывание вокруг изб-читален в деревне, Клуба и Красных уголков в городе...»

Комсомол призывают расширить антирелигиозную деятельность. Резолюция Первой камчатской окружной конференции ВКП(б), проходившей 10—15 января 1930 г., настаивала на проведении комсомольцами антирелигиозных кампаний не только на Рождество и Пасху, но и в другое время. Также рекомендовалось «в комсомоле провести решительную борьбу со случаями проявления религиозных настроений, мобилизуя комсомольцев на борьбу с религией как попыткам классового врага влиять на молодежь и разъяснять классовую сущность религии» [44, л. 129—130].

С конца 1928 г. антирелигиозная пропаганда приобретает иной характер и в прессе. Открыто стал звучать тезис: церковь — это классовый враг. Религия прямо противопоставляется социализму. Звучат лозунги типа: «Разрушай религию, строй социализм». В «Полярной звезде» в декабре 1928 г., как призыв к «войне за эксплуататоров», выставляются слова из Евангелия: «Не мир пришел я принести, но меч» [45]. В конце 1920-х гг. раздаются призывы перейти к окончательному наступлению на религию, чтобы «отправить ее на свалку истории». Роль местной прессы в формировании атеистического мировоззрения, в проведении антирелигиозной пропаганды была особенно значительна, поскольку на Камчатку, в силу ее удаленности от центра, атеистическая литература практически не поступала, как и центральная периодическая печать антирелигиозного характера (газета «Безбожник» и одноименный журнал). Основной упор делался на разъяснение «темноты» и «реакционности» религии.

Основная пропагандистская деятельность была все же сосредоточена на двух основных христианских праздниках Рождестве и Пасхе. К этим дням приурочивались всевозможные акции. В канун Рождества в школах устраивали антирелигиозные вечера. В основном организацией подобных мероприятий занимались люди, входящие в организацию СБ. Подобный вечер проходил 6 января 1929 г. «Программа: 1) Лекция тов. Корниенко “Миф о рождестве”. 2) Пьеса “Торговый дом бог-отец, бог-сын и компания”. 3) Частушки на антирелигиозную тему. 4) Балет и русский танец. 5) Дивертисмент» [46].

На Пасху в Петропавловской школе также состоялся антирелигиозный вечер. О нем сообщалось: «Помещение школы тесно и, конечно, не вместит не только всех желающих присутствовать на вечере, но и половину учащихся. Необходимо общественным организациям и родителям серьезно подумать над вопросом организации специального детского клуба» [41].

Значение праздников принижалось тем, что их представляли как повод к выпивке. Этим, якобы, подрывалась экономика. Газета так и писала: «8 января в селе Колпаково с самого утра замечен стал “великий” праздник алкоголя — Рождество» [47].

Несмотря на предупреждения Дальревкома, примитивные методы в деле антирелигиозной пропаганды не исчезли. Основные ее направления прослеживались в открытом письме «учителям, избачам и всем культурным работникам об антирелигиозной работе на селе»: «...больших трудностей в борьбе не встретится... Задача ближайших дней: ни одной церкви и часовни, не превращенной в избучитальню или школу. Материала для агитации много. Не мешает напомнить, как попы раньше расправлялись с камчадалами. Эти инквизиторы, пьяные и распутные, были настолько жестоки, что даже свирепые завоеватели казаки иногда восставали и убивали попов».

«Полярная звезда» сообщала: «После закрытия церкви в с. Мильково стало легче работать. Некоторые крестьяне вскоре подали заявление о приеме их в партию. В клубе в бывшей церкви открыли ликпункт (пункт ликвидации неграмотности. — *Ред.*), и там, где раньше дурманили людей, наши крестьяне услышали разумное слово» [48].

В качестве «разумных» доводов необходимости искоренения религии в печати приводилось следующее:

1. Вера камчадал неглубока, насажена «сверху» империалистами. Печатались подобного рода рассказы: «Верующий старик по просьбе учительницы охотно уступил для антирелигиозного спектакля свои иконы. На утро говорит: “Целую ночь не мог заснуть, уж как-то страшно без икон”» [49].

2. Религия поддерживала неравенство классового общества. Из факта существования в христианстве постов выводилась соответствующая логическая цепочка: «Пост позволял экономить продукты питания, следовательно, уменьшался уровень заработной платы рабочим, следовательно, религия поддерживала неравенство классового общества» [19].

3. Пасха — языческий праздник.

4. К концу 1920-х гг. верующих в России и на Камчатке стало очень мало, следовательно, им не нужно занимать «помещения церквей». «Долой поповский дурман. Антирелигиозный вечер в клубе прошел при переполненном зале и затянулся до трех часов. Многие желающие участвовать на вечере не могли поместиться в зале и стояли в передней и фойе. Вопрос с постройкой нового клуба дальше затягивать невозможно. В то же время Петропавловская церковь, которая вмещает свыше 300 человек, в день “Пасхи” была почти пустая. Нашему союзу надо острее ставить вопрос о передаче...» [41].

5. Многие бывшие верующие отказались от своих убеждений и сейчас собираются вступить в комсомол или партию.

Подобная пропаганда отличалась прямолинейностью взглядов, бездоказательностью выводов, малограмотностью, но для необразованного камчатского населения подобные статьи выглядели как откровение о, якобы,

коммерческих целях существования церкви, долго скрывааемых царским правительством.

Еще одним немаловажным пунктом антирелигиозной пропаганды являлась пропаганда в школах. Первоначально при отмене преподавания Закона Божьего, при явной антирелигиозной настроенности учителей, в некоторых школах возникали конфликты. Часть учащихся просто переставала туда ходить. Но подобные меры были неэффективны. Бросить школу — означало лишиться будущего. А под влиянием авторитета учителей дети очень быстро воспринимали насаждаемые идеи. 19 июля 1924 г. заведующий Большерецкой школой Левкин сообщал Камчатскому ГубОНО: «Школа вначале встречала некоторые препятствия со стороны населения, даже лучше, Госучреждение как Почтово-телеграфное отделение не убирало икону в течение трех месяцев. Эта косность отчасти бросалась повсюду, и только явным врагом оказалась школа, работа которой осуществлялась вплоть до дисциплинарных внушений. Учащиеся — это зеркало общественных настроений. Они сами давали хорошие темы для антирелигиозных бесед. Они же оказались скорыми проводниками школы для борьбы с существующими общественными возражениями. К концу школьных занятий, религиозности среди учащихся не наблюдалось, разве за исключением двух, которые проживали среди семьи религиозных» [50, л. 229].

Из протокола заседания президиума окрисполкома от 9 февраля 1932 г.: «Организовать... комиссию по решению религиозных вопросов (председатель Русаков): а) возложить наблюдение за правильным проведением на местах законов, связанных с культурами, инструктирование нижестоящих организаций, б) предварительное расследование по представлениям РИКов и Горсоветов дел об открытии и закрытии молитвенных зданий, в) рассмотрение вопросов о разрешении религиозных съездов в пределах округа, г) рассмотрение вопросов о пользовании религиозными объединениями печатями и штампами, д) предварительное рассмотрение жалоб на действия РИКов и Горсовета по вопросам, связанным с культурами, е) учет религиозных обществ и групп в округе и составление сводок» [24, л. 56].

Из приведенного выше можно сделать вывод о всестороннем наступлении на религию. Несмотря на все недостатки и грубости в проведении антирелигиозной пропаганды, она добилась желаемого результата. Верующих людей стало меньше, те же, кто продолжал верить, старались держать это в секрете. Во многих населенных пунктах создавалась атмосфера ужаса перед антирелигиозным прессом советского государства. Антирелигиозная работа проходила на всех уровнях: в школе — через учителей, в комсомоле, на предприятиях — через многочисленные кружки СБ, в прессе — через разоблачающие статьи, в партии — через вовлечение в СБ, в некоторых общественных организациях — через содействие антирелигиозной пропаганде.

4. СВЯЩЕННИКИ И ПРИХОЖАНЕ

Для того, чтобы понять, как менялось положение Русской Православной Церкви на Камчатке с приходом советской власти, нельзя обойтись без того, чтобы не показать приходскую жизнь до 1923 г.

По свидетельству инженера П. П. Крынина, в 1909 г. проводившего на полуострове рекогносцировочное исследование рек, «все камчадалы — православные христиане. Почти в каждом селении построены трудами камчадал часовни, в некоторых же селениях имеются церкви, поддержание коих в должном благолепии составляет одну из главных добровольных забот камчадалов. Население полуострова очень религиозно, посещающая храмы, исполняя все требы церкви, внося установленную ругу и т. д., но по своей крайней неразвитости ума и чувств, по своей общей некультурности, отношение их к религии заключается в простом выполнении как бы традиционно установившихся требований церкви — повинностей».

Кроме крайней неразвитости, П. П. Крынин называет неграмотность местного населения как одну из самых важных причин, препятствующих успешному просвещению и миссионерской деятельности. По нему почти все местные жители, за исключением мещан и казаков, поголовно неграмотны, на севере никаких учебных заведений нет. (Согласно имеющимся данным, в 1917 г. на севере действовали до двадцати школ из шестидесяти четырех, работавших в области. — *Ред.* [ЦДНИКО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 50].)

Деятельность камчатских миссионеров и, прежде всего, иеромонаха, впоследствии епископа Нестора (Анисимова) в начале XX в. принесла свои плоды. Одним из самых значительных предприятий, организованных Нестором, было образование Камчатского братства во имя Всемилоственного Спаса, которое открылось 14 сентября 1910 г. во Владивостоке. Согласно уставу братства во всех его филиалах проводился энергичный сбор финансовых средств путем распространения орденских знаков трех степеней. При этом с не меньшей энергией шел сбор школьных принадлежностей, церковной утвари, походных аптек, одежды и прочего. Вскоре на полуострове удалось выстроить семь новых церквей и открыть восемь школ, а также создать приют для детей кочевников. В феврале 1914 г. на Камчатке в с. Иоасафовском прошел миссионерский съезд. Здесь миссионеры говорили о многочисленных трудностях своего служения, обменивались впечатлениями о духовном состоянии народов полуострова, строили планы на будущее.

К 1916 г. Камчатская область насчитывала 35 церквей, 38 часовен со святыми престолами и 42 школы. В октябре 1916 г. Камчатка получила своего первого епископа — им и стал учредитель Камчатского братства иеромонах Нестор.

Таким образом, к 1920-м гг. миссионерам удалось только начать активно действовать на полуострове. Многие представители коренного населения

имели весьма поверхностное представление о православии. Его воцерковленнию мешала и частая смена священнослужителей (особенно это касалось северных районов полуострова, где климатические условия не позволяли им оставаться надолго). Тем не менее, нельзя не отметить хорошую организацию духовной жизни в таких больших камчатских селах, как Мильково, Ключи, Нижнекамчатск. Там были большие церкви и постоянные священнослужители. Но многое камчатским миссионерам только предстояло сделать. События 1917 г. прервали этот процесс.

Как только на полуострове утвердилась советская власть, новая администрация приступила к реализации декрета об отделении церкви от государства. Религиозное положение местного населения власти оценивали как примитивное и считали, что привитие ему новых идей не столкнется со значительным противодействием.

В докладе от 22 марта 1923 г. уполномоченный Камчатского губревкома И. Е. Ларин пишет: «В религиозном отношении оседлое население более чем лояльно, ограничивая свои религиозные отправления только обрядностью... Кочующие инородцы подвержены язычеству с вытекающим из него шаманством. По-моему, коряки и чукчи совершенно не имеют никакого представления о религии» [51, л. 4].

В кратком информационном отчете Камчатского губбюро РКП(б) за декабрь 1923 — февраль 1924 гг. сообщается: «Что касается религии, церкви и “работы” духовенства, то нужно сказать, что это “триединое мракобесие” не успело еще создать на Камчатке “доброе имени” и прочного положения, почему можно сказать, что не имеет почти никакого политического значения. Камчатское население не религиозно, за исключением спекулятивной части, ищущей утешения в ханжестве, явно и тайно поддерживая попов в их стремлении сохранить свой жалкий удельный вес и значение в глазах равнодушного населения».

Однако на практике властям все же пришлось столкнуться с трудностями в деле уничтожения религии на Камчатке.

Первое, что было предпринято в рамках реализации декрета об отделении церкви от государства, — это описание церковного имущества и передача церквей по договору верующим, о чем говорилось выше. Но многие церкви так и не передали, оставив их в распоряжении местной администрации. Такое положение вещей вызывало недовольство в среде православных граждан.

В Ключевской волости описание церковного имущества верующие встретили недоброжелательно. Прошел слух, что оно вообще будет конфисковано. Инспектору рабоче-крестьянской инспекции пришлось давать разъяснения.

В протоколе № 3 заседания краевого совета СБ от 10 ноября 1926 г. «Об антирелигиозной работе в Камчатском округе» отмечалось, что «...а) административный нажим в деле закрытия церквей и других молит-

венных домов в 1924—1925 гг. в частичной форме действительно имелся; б) были на этой почве два инцидента в Гижигинском и Усть-Камчатском районах» [52, л. 8].

Документы, направляемые в губревком, часто не дают представления о событиях, на деле происходивших на местах. Ни один конфликт в них не обозначен. Но, тем не менее, на протяжении 1920-х гг. в различных местных отчетах, докладах, информационных сообщениях, газетных статьях можно встретить описание столкновений с верующими.

В 1922 г. председатель Нижнекамчатского комитета А. Богданов задержал телеграмму с воззванием епископа Нестора, находившегося в это время за границей. При этом он пытался доказать председателю военного совета черносотенный и антиреволюционный характер воззвания.

Реакция прихожан последовала незамедлительно: «8 апреля... у нас было сельское собрание для прочтения пришедших телеграмм, и в то время церковный причт во главе со священником очень строго потребовали через общество, на каком основании я (А. Богданов. — Е. Г.) задерживаю это воззвание, я указал пункты, подмеченные номерами, неправды. На меня за это набросились некоторые из общества, не упоминая коренных жителей. Первый временно проживающий Иван Иванович Грачев, второй приписной Сергей Примаков, и еще некоторые» [53, л. 12].

После этого Богданов арестовал И. И. Грачева. При аресте тот оказал сопротивление и ударил председателя в лицо, а жена Грачева называла Богданова, по его словам, «сахалинцем и каторжником». На основании этого председатель просил у начальника Усть-Камчатского исполкома строго взыскать с обидчика [53, л. 15].

Часто конфликты возникали в связи с отменой преподавания Закона Божьего в школе и атеистической настроенностью местных учителей. В декабре 1922 г. в Нижнекамчатский сельский комитет поступило заявление от заведующего местным училищем о том, что в день Введения во храм Пресвятой Богородицы все ученики «поголовно» в училище не явились, а были в это время на богослужении в церкви. При этом родители заявили о том, что они «все верующие и в христианские праздники учиться не позволяют» и обижались на учителя за то, что он убрал образ Спасителя из школы, и даже просили его петь вместе с детьми перед уроками молитвы. Учитель в недоумении просил начальника разъяснить «как должен воспитывать детей в вере в Бога или против нее, иначе получается какой-то абсурд» [54, л. 40].

В отчете инспектора Соцвоса Камчатского ОкрОНО М. А. Жидяевского, проехавшего 2 000 верст на собаках от Петропавловска до Усть-Камчатска с 17 января по 4 апреля 1926 г., говорится: «На почве неудачной антирелигиозной пропаганды возникли конфликты с учащимися и населением в Толбачинской школе, благодаря неправильному подходу учительницы к населению.

Конфликт с населением вызвал оставление школы более 50 % учащихся, вновь возвратившихся в школу только после того, как Мильковский волревком отдал распоряжение об обязательном посещении школ. В Машуре (село Мильковской волости. — *Е. Г.*) ученик заявил учительнице: «Вы сами в Бога не верите, а нас смущать не имеете права», выражая, конечно, мнение родителей» [55, л. 71—71 об.].

В первой половине 1920-х гг. религиозность местного населения некоторых селений была непоколебима. В домах еще висели иконы, священники пользовались неподдельным авторитетом, с размахом отмечались религиозные праздники. Частично такое положение вещей (особенно в таких больших селах, как Мильково и Ключи) сохранялось и во второй половине 1920-х гг.

Инструктор по работе среди женщин Мефодьева в докладе в губбюро ВКП(б) «о проведенной работе среди женщин-крестьянок с. Елизово» от 10 февраля 1926 г. отмечает: «Елизовские крестьянки в общей массе забыты, боязливы, религиозны. Часто сюда приезжает из Петропавловска поп, который не только служит в церкви, но и ходит по домам. В церковь и ребят “гоняют”, как выразились пионеры. В хату зайдешь — по всем стенам иконы, а в переднем углу — по несколько штук, с лампадой» [56, л. 11—12].

5 апреля 1928 г. в «Полярной звезде» можно было прочитать: «Население здесь — все верующие, и запугивается попом “страшным судом”, в случае, если чада духовные будут следовать новым учениям. Учитель в селе — одиночка среди верующих. Ученикам некоторые из родителей воспрепятствуют ходить на квартиру учителя для бесед, так как боятся, что он собьет их с “небесного пути”» [57].

Не забывались населением и христианские праздники. «Несмотря на активное участие населения в праздновании пролетарского праздника, часть населения не оставила без внимания и Пасху. Накануне этого праздника все село не спало, чего-то ожидало, во всех домах горели огни. Приблизился час ночи, и на селе загромыхала усиленная стрельба из разных калибров оружия. Это была встреча Небесного бога. Канонада продолжалась с полчаса. Между прочим, за неделю до празднования Первого мая обсуждался вопрос на сельсовете о стрелковом состязании, тогда некоторые высказались, что, мол, близко к деревне стрелять нельзя: «собаки испугаются и разбегутся» [58].

Нетерпимое отношение советской власти к религии со временем стало проявляться более ярко. Чтобы не лишиться места на госслужбе, приходилось скрывать свое отношение к религии. В квартальном докладе о деятельности Хайрюзовского и Соболевского волревкомов в отношении религиозного вопроса говорилось: «Отношение русских к религии различно: женщины, не исключая жен совслужащих, как более активных, являются более зараженными религиозными бреднями, чем камчадалы и более непреклонными в своем заблуждении. Мужчины — часть отплатнулась твердо от рели-

гии, другой частью является группа неуравновешенных, как в политическом, так и в религиозном отношении, которая, смотря по обстоятельствам, сегодня неверующие и стараются выставить это с показной стороны, а завтра вдруг становятся верующими и, как орудие более хитрых интриганов, начинают внедрять эту религиозность другим и доказывают неправильность действий властей. Эта переменчивость, опять таки, является следствием из поддержки какой стороны такой “гражданин” может извлечь для себя выгоду.

Неуравновешенность политически-религиозной обстановки можно поставить отчасти в зависимость от слабой, недружной работы в этом направлении совслужащих вообще. Один из них, как фельдшер Литовка, вместо того, чтобы помочь волревкому, доказывают с женой о необходимости сохранения религии, церкви, другой, сотрудник почты, смотрит на политическую жизнь безразлично, и из того, что ранее интересовался ею, можно заключить, что не является сочувствующим настоящей власти. Вследствие этого волревкому без помощи других совслужащих, более всех обремененных работой, трудно поддерживать политико-религиозную сознательность населения» [10, л. 33].

Этот документ свидетельствует также о реальной опасности для верующих со стороны недоброжелателей, которые могли донести о проявлениях «реакционного мышления» в местные партийные органы.

Те, кто не скрывал своего отношения к вере, часто подвергались публичному осмеянию. В 1930-е гг. за любое проявление религиозности, даже в прошлом, могли исключить из партии и лишиться работы.

11 августа 1929 г. «Полярная звезда» поместила статью, в которой клеймила женщину, некую Домну Ивановну, за то, что она «систематически поддерживает стадо верующих, которых ей во что бы то ни стало нужно удерживать». Ополчились на нее, судя по статье, за то, что ей удалось многое сделать для церкви. «Попа протащить ей в члены земельного общества удалось. Она, когда на улице было тепло, на всю деревню провела большую агитационную работу в каждом доме. В результате на собрание пришли и такие граждане, которые никогда на них не бывали и попа притащили» [59].

В статье использовались следующие характеристики: «Это пудов на восемь туша — в резиновых сапогах», с лицом «богородицы — откровенной свиньи», в прошлом торговка, а теперь главарь всего антисоветского, «агитпропаганда верующих», защитник «униженных, оскорбленных и обиженных», «гостеприимный человек», «штаб сплетен о голоде, о верующих, о войне», «руководитель воспитания камчадал к русскому населению».

Житель с. Коряжи Петр Полуэктович Слободчиков обвинялся в совершении «церковных обрядностей». Его решили «из рядов ВКП(б) исключить как разложившегося и дискредитирующего партию элемента» [60, л. 7].

В протоколе № 4 заседания бюро ячейки ВКП(б) о. Медный от 23 ноября 1926 г. разбирался вопрос о поведении кандидата в партию Константина

Юрьева. Ему вменялось в вину то, что «был на свадьбе, жениха и невесту благословлял иконами. И не раз тов. Юрьев говорил партийцам, что если он умрет, то его похоронить с попом. Ввиду такого поведения, которым тов. Юрьев дискредитирует всю партию ВКП, в частности ячейку, в которой он находится, бюро ячейки постановляет: тов. Юрьева, как нежелательного элемента в партии ВКП(б), исключить...» [61, л. 65]. Ранее провинившийся заявлял: «Я в партии не нуждаюсь».

Выписка из протокола Усть-Камчатской райкомиссии по чистке рядов ВКП(б): «Петров Василий Алексеевич (состоял в ячейке ВКП(б) Усть-Камчатской радиостанции. — *Е. Г.*) родился на Камчатке, бедняк... в 1917—1920 гг. был псаломщиком в с. Камаки. Постановили: как классово-чуждого (четыре года был псаломщиком), за пассивность в массовой работе, отрыва от колхозных масс исключить из рядов ВКП(б)» [62, л. 27].

Основной массой камчадалов к 1920-м гг. православие было воспринято лишь поверхностно, и требовался еще очень долгий путь для того, чтобы оно проникло в сердце. Для некоторых православие было лишь неудобным обычаем, требовавшим возить на своих собаках священника, иногда заготавливать дрова для церкви и т. д. Такая поверхностная религиозность не могла оказаться стойкой и противодействовать советскому идеологическому нажиму.

Середина 1920-х гг. ознаменовалась значительным количеством заявлений о выходе людей из религиозных групп. Об этом сообщалось в газетах, говорилось в отчетах. В 1925 г. в заявлении гражданок с. Тигиль о выходе из религиозного общества указываются следующие причины: «Вся религия вообще и православная в частности основана на порабощении, на затемнении нас — трудящихся эксплуататорами-попами, которые так усердно бьют лбами о пол, которые так громко говорят свои басни со своего амвона, дурманя этим нас. Но октябрь, давший освобождение русскому пролетариату от ига капитала и его приспешников, помог нам здесь на далекой Камчатке, наконец, сбросить эти путы рабства, проснуться от векового сна, понять всю мерзость старого прогнившего строя». На заявлении значится резолюция: «Опубликовать в стенной газете» [5, л. 15].

Подобные обоснования ухода из религиозного общества, составленные в тех же выражениях, встречаются в архивных делах неоднократно, из чего можно сделать вывод о том, что писались они под диктовку.

О выходе верующих из религиозных групп сообщалось и в «Полярной звезде»: «Религиозный дурман в с. Елизово понемногу рассеивается. Председатель группы верующих С. П. Заочный подал в сельсовет заявление. В нем он пишет не только о том, что впредь не желает быть председателем этой группы, но и совсем выходит из нее. “Довольно туманить головы граждан, — говорит он, — на последнем собрании верующих я понял это, послушав таких головотяпов, как Ворошилов, и других, дурманящих головы

граждан, очевидно, из своих корыстных целей. Об этом говорит и их темное прошлое» [39].

Основную ставку на внедрение новой идеологии советская власть делала на молодежь. Она первой принимала безбожную идеологию. В атеистической школе, в комсомоле, дававшем возможность проявить себя, молодые люди, резко отчужденные от старого, верившие в светлое коммунистическое будущее, становились проводниками этой идеологии. В избечитальне, в клубах на занятиях кружка естествознания они получали интересные знания о мире, природе и людях. Церковь казалась чем-то реакционным, устаревшим.

О том, что многие представители камчатской молодежи отвергали старую религиозность, свидетельствует факт наличия комсомольцев из среды местного населения во многих селах округа. Часто молодые люди, противопоставляя себя всему старому, сами инициировали жестокие антирелигиозные акции: сжигание икон, чучел «богородицы», участвовали в кощунственных представлениях. Они же, по свидетельству местного населения, снимали кресты с церкви и спиливали купола.

Активными антирелигиозниками выступали и пионеры. Вот выдержка из отчета о работе пионерского отряда с. Паратунка Елизовской волости за 1924—1925 учебный год, датированная 7 июля 1925 г.: «В прошлом году приезжал поп (о. Леонтий (Яковлев). — *Е. Г.*) из города, хотел расставить сети, опутать крестьян, забрать селение в свои руки, но от ЮП (юных пионеров. — *Е. Г.*) и РЛКСМ получил должное. Вывели на свежую воду цель его приезда, и сельком предложил убраться попу в 24 часа. После этого “батя долгогривый” и носу своего не осмеливается показать в Паратунку» [63, л. 20].

«Пионеры поют следующие песни: интернационал, похоронный марш, марш анархистов, антирелигиозный марш, и песню антирелигиозную» [63, л. 24—24 об.].

Обычно симпатии населения завоевывались советской властью в тех районах, где было много атеистически настроенных приезжих с материка. Эти люди обычно сразу становились одними из самых влиятельных в селении — ими были избачи, учителя, комсомольцы, партийные работники, директора совхозов и председатели колхозов.

Но в тех селах, где большее влияние имели традиции и священники, деятельность комсомольских организаций особого результата не давала. В акте обследования ячейки ВЛКСМ о. Медный от 5 мая 1930 г. значится: «Молодёжь... празднует старые праздники и посещает церковь... Население религиозное, также и молодёжь. Ячейка антирелигиозной работы не проводила, даже среди комсомольцев, которые посещают церковь. Один молодой парень рабочий, недавно вступивший, также принимал маленькое участие в богослужении, звонит в колокола, созывает народ» [7, с. 126—133].

До конца 1920-х гг. репрессивная машина советского государства на Камчатке еще не успела окончательно запугать население, поэтому оно активно пыталось вернуть или сохранить религию. Это чередовалось с натиском властей: в течение одного года множество церквей могло быть закрыто в одном районе, а в другом могли построить новую часовню и пригласить на службу священника.

В сентябре 1926 г. секретарь Дальбюро ЦК ВКП(б) Кубяк информировал своих подчиненных: «В деревне заметно оживление религиозных общин. Я объясняю это явление форсированием антирелигиозной пропаганды по округу методами, на материке давно забракowanными, как не достигшими цели, а действующих как раз в обратном направлении» [3, л. 12].

Оживление религиозных общин сказалось, например, в том, что после передачи Усть-Камчатской церкви комсомольскому клубу в 1925 г., в 1926 г. она было по ходатайству верующих возвращена обратно и силами духовенства отремонтирована и приняла прежний вид. 28 октября 1926 г. Камчатский окрревком отменил своё постановление от 8 июля 1926 г. в части Седанкинской часовни и относящегося к ней богослужебного имущества, принимая во внимание, что группа верующих этого селения в количестве 50 чел. заявила ходатайство о желании получить в пользование здание и всё имущество. Так, сельсовету не удалось тогда приспособить первое под канцелярию, а фондовой комиссии при ОкрФО второе для реализации [7, с. 126—133]. В этом проявлялась заинтересованность граждан в сохранении православия на Камчатке.

Огромное влияние на положение верующих на полуострове имели священнослужители. Это подтверждается многими фактами. Основная борьба населения за свое право верить происходила именно при поддержке духовенства, пусть иногда только косвенной.

Личность священника, его поступки становились примером для всех остальных верующих. Священник разъяснял прихожанам причины появления безбожной власти, требовал от паствы чистой жизни и участия в церковных таинствах, чтобы сохранить свою веру неповрежденной. Боролся вместе с паствой за сохранение действующей церкви. Но если священник был человеком слабым, никаких активных действий по сохранению религии сельяне обычно не предпринимали.

В 1925 г. председатель Тигильского волревкома И. А. Шпагин в информации «О Тигильской и Хайрюзовской областях» (документ адресован одновременно губбюро РКП(б) и ГПУ) пишет: «Я думаю: если бы не было попов, то в некоторых селениях, более отсталых православная религия быстро бы умерла. Особенно крепка православная религия в селениях Тигиль и Палана, где имеются попы и население, исповедывающее одной религии. В Палане большинство оседлых коряк, и хотя они тайком занимаются шаман-

ством, но там имеется заядлый поп, поддерживаемый своими родственниками Лонгиновскими и Касыгиными. Таких селений насчитывается до десяти, и они сильно религиозны. Указанные родственники всецело держат население под своим давлением коряк села Палана и эксплуатируют таковых. Как тот, так и другой поп пользуются авторитетом от населения. Тигильский поп Мирошкин Николай, по слухам, до нашего приезда в церкви читал проповеди за укрепление религии в связи с отделением церкви от государства.

В с. Хайрюзово церковь передана под школу. Конечно, это достигнуто путем агитации и потому, что в с. Хайрюзово в настоящее время нет попа, население в большинстве камчадалы, хотя шаманства в настоящее время не заметно, но нельзя сказать, что его совсем нет... Новые часовни выстраиваются в сел. Кахтана и Напане. В селении Кахтана при имени того же учителя Онуфриева на следующую зиму, возможно, что выстраиваемая часовня перейдет под школу, при имени хорошего учителя, то же самое и в Напане.

...За малым исключением все учителя религиозны и поклонники местных попов-эксплуататоров. Ставлю для примера заведующего Тигильской школой Миронова Н.: на Пасхе 1924 года, я уже был в Тигиле, Миронов пел в церкви на клиросе» [64, л. 30].

Особо религиозными селениями, где священник имел значительный авторитет, были: с. Толбачик, в котором «к попу ходит почти все население» [7, с. 126—133], села Мильково, Палана, Наяхан, Тигиль и другие.

Из сообщения уполномоченного 60-го пограничного отряда (апрель 1928 г) о «служителе религиозного культа» Максиме Пименовиче Ощепьеве, жившем в с. Толбачик Усть-Камчатского района: «В конце декабря (1927 г. — *Ред.*) в с. Толбачик было землетрясение... в церкви сломана лампада и попадали иконы. Ощепьев... сказал: «... вот, пошли землетрясения, гонения на веру, нам надо быть крепкими и за веру стоять головой. В особенности нужно сохранять веру в наших детях... Как 21-го, так и 22 января, в день годовщины смерти Ильича, в селе не было выкинуто ни одного флага, кроме школы и квартиры учителя. В сельсовете также флага не было... К попу ходит почти всё население. Благодаря попу ученики бросили ходить в школу на вечерние занятия». М. П. Ощепьева арестовали 7 сентября 1929 г., а уже 23 декабря Особое совещание определило ему срок наказания в три года лишения свободы по ст. 58, п. 10 УК РСФСР.

В 1924 г. Петропавловский городской райком РКСМ разослал всем комсомольским ячейкам Камчатской губернии циркуляр, где говорилось, что огромную роль в сохранении религиозности населения сыграли священники.

В марте 1924 г. председатель Петропавловского приходского совета иерей о. Леонтий (Яковлев) сообщает в административный отдел губревкома обо всех священнослужителях, находящихся в Камчатской губернии:

1. В городе Петропавловске — иерей о. Леонтий.
2. В селении Мильково — священник о. Павел Ворошилов.
3. В селе Ключи — священник о. Николай Каргопольцев.
4. В селе Нижнекамчатск — священник о. Геронтий Коллегов.
5. В селе Марково — священник о. Агафопод Шипицин.
6. В селе Гижига — иерей о. Нифонт.
7. В селе Тигиль — священник о. Николай Мирошкин.
8. В селе Палана — священник о. Николай Лонгинов.
9. В селе Хайрюзово — священник о. Тимофей Бучинский.
10. В селе Большерецк — священник о. Григорий Коллегов.

«Священники вышеупомянутых селений обслуживают население Камчатки данных районов» [65, л. 12]. Это неполный список. Видимо, о. Леонтий боялся за судьбу не упомянутых в нем пастырей.

Понимая значимость того влияния, которое священнослужители имели в среде местных жителей (не только верующих), советская власть стремится его уничтожить. Основными способами этого были их аресты и другие притеснения, обличающие статьи о священниках в местной печати, пропаганда случаев отречения священников от сана.

Несмотря на то, что в Камчатской губернии советская власть окончательно установилась только в конце 1922 г., а в некоторых районах только в 1923 г., притеснения священников начались ранее этого срока, в разных местностях они начинались обычно с приходом туда большевиков.

В 1922 г., когда в Усть-Камчатском районе активно стал действовать добровольческий отряд красных партизан, церковь сразу подверглась усиленному контролю. В апреле председатель военного совета отряда пишет угрожающее письмо священнику Нижнекамчатской церкви о. Геронтию (Коллегову), в котором обвиняет его в распространении прокламаций Временного Приамурского (так называемого «Меркуловского») правительства и высших духовных лиц, «явно подрывающих престиж народной трудовой власти и губящих тем дело завоеваний великой пролетарской революции».

Военный совет отряда требовал от священника не вмешиваться в дело «подрыва религии» и в дела политического характера, все имеющиеся прокламации передать совету для уничтожения. При этом партизаны предупреждали, «что если после сего не будет прекращено дело агитации, то будут приняты самые решительные меры» [53, л. 1—2].

На особом учете у новой власти были все «реакционеры» — священники. Составлялись их списки. В одном из списков в с. Ключевском (Ключи) значится «поп Каргопольцев» (священник Николай Каргопольцев). Против его фамилии стоят два креста, наибольшее число таких знаков в списках — три. Что они обозначают, мы сказать не можем.

Первые аресты производятся в конце 1922 г., после установления в областном центре советской власти. 23 ноября 1922 г. «взяли» священника Петропавловского собора о. Михаила Ерохина. Его обвинили в «контрреволюции» и шпионаже при белом Временном Приамурском правительстве. Некогда инженер П. П. Крынин писал о нем: «Священник церкви с. Ключи о. Михаил Ерохин, проведя на Камчатке три года пастырской деятельности, несмотря на свое призвание и ревностное исполнение своих обязанностей, не в состоянии был продолжать свое служение среди камчадалов, хотя со стороны последних всюду по приходу приходилось слышать самые лестные отзывы о нем, как священнике и руководителе их религиозно-нравственной жизни. О. Михаил говорил о полном отсутствии чувств в молитве камчадала и исполнении им разных обрядностей церкви, что создавало обстановку настолько тяжелую, что продолжать пастырскую деятельность, заведомо сознавая исход своих трудов, значило бы безрезультатно жертвовать своей жизнью».

16 января 1923 г. губернский отдел ГПУ получает письмо следующего содержания: «Мне стало известно, что священник Петропавловского собора Михаил Ерохин на работах на военном крейсере “Главком Уборевич” (переименованный пароход Добровольного флота «Томск». — *Ред.*) простудился, и теперь требуется серьёзное лечение, чтобы вернулась трудоспособность. Пребывание его в тюремном заключении лишь только усиливает болезненное состояние. Я покорнейше просил бы не отказать сообщить мне, в чём собственно состоит вина священника Михаила Ерохина, ибо я знаю его давно как почтеннейшего человека, не причастного каким-либо преступлениям, достойным тюрьмы, не причастного политике. Если же... необходимы при освобождении священника Ерохина какие-либо гарантии, то я ручаюсь за политическую надёжность о. Михаила Ерохина. С совершенным почтением имею быть Вашим покорнейшим слугою Епископ Охотский Даниил, Викарий Камчатской Епархии».

Священника обязали подпиской о невыезде и отпустили. Нужно сказать, что священники Петропавловского собора окормляли и все близлежащие к городу селения. Следовательно, подписка о невыезде запрещала им исполнять здесь свои обязанности.

Но 22 марта 1923 г. один из селькомов направил Камчатскому губревкому официальную бумагу, где, со ссылкой на сельское общество, просил разрешить «выезд для поста в Коряки на одну неделю священника о. Михаила Ерохина» и заверял, что «коряжское сельское общество за всё время его отсутствия для пестования берёт его на поруки». В Коряках в это время своего священника не было.

31 июля 1923 г. дело о. Михаила Ерохина было прекращено, подписка о невыезде с него снята [7, с. 126—133].

«Можно ли
сделать в 1-1»
В. В. В.

27 июня 1923
В. № 2706
Т. Петропавловск

03

В. Камчатский Губернский
Революционный Комитет

Прошение. 77

Исполнено надлежит тому наперед
обратился в Ваш. Губ. Ре. Комитет с
прошением разрешит ли нам постро-
ить Дом в Рыбовой бухте. Не полу-
чив до сего пор уведомления о резуль-
тате прошения, а в настоящее время
обращаюсь к вам. Прошением удобне-
творить то же ссодатавство. Сами
же посылать также удовлетворение
кельевоство, то прошу разрешит
нам жить в ирвотелав. Анадир-
саво или Ахотелаво уездов, где
с начался изучением ипордскаво иту
повер - Курскелав и Курскелав - иккель
и составлю русско - ипордскаво. Сав
вары, на основании которого можно
воинити русско - ипордскаво абуву,
кальва работи с иредомавио во
распоруженио Ваш. Губ. Ре. Комитет
и, тити самови, надлежит принсеф.
Русскому Советскому Правитель-
ству воо возмощиро помосу.

Даниил Епископ Охотский,
Авт. Камч. Епархии.

20 июня 1923
Судитролла.
г. Петропавловск.

Прошение епископа Охотского Даниила от 20 июня 1923 г.
(ЦДНИКО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 34. Л. 77)

В 1923 г. был арестован епископ Охотский Даниил (Шерстенников). Протокол № 12 заседания губбюро РКП(б) от 16 июня 1923 г. гласил: «разбирали заявление Шерстенникова Даниила, епископа Охотского. Постановили: Шерстенникову меру пресечения по политическим соображениям не изменять. Предложить прокурору дело Шерстенникова Даниила следствием производством закончить в кратчайший срок. С первым же подходящим парходом отправить в г. Владивосток Шерстенникова Даниила со всем следственным производством» [66, л. 22]. Известно, что епископ находился в заключении на Соловецких островах, где и умер.

В дальнейшем было проведено еще много арестов священников. Их пик пришелся на конец 1920-х — начало 1930-х гг. Репрессиям подверглись также псаломщики, дьяконы и прочий причт. Они получили небольшие сроки заключения (от одного года до пяти лет). Тем не менее, не выявлено ни одного случая возвращения священников из мест лишения свободы. Как часто бывало в то время, по истечении одного срока им могли присовокупить еще один. В 1930-е гг. сроки заключения заметно выросли: до десяти лет и более. Нередко применялась и ВМН (высшая мера наказания, то есть расстрел). Фабриковались дела по обвинению в шпионаже и других серьезных преступлениях. Так, диакон Николай Константинович Логинов, родившийся в 1889 г., член церковного совета, проходил по делу «Автономная Камчатка». Приговорен к ВМН. Псаломщик Владимир Иулианович Закржевский (1887 года рождения) также приговорен к ВМН.

Бывало, что по одному делу арестовывали целые семьи, например, семью Петропавловского дьякона *Константина Константиновича Гарднера*. К. К. Гарднер (1875 года рождения), служил диаконом до 1928 г., лишенец (то есть лишен избирательных прав как социально чуждый элемент), образование низшее. Арестован 29 февраля 1932 г. Выслан в Западно-Сибирский край на три года по ст. 58, п. 10 (антисоветская пропаганда и агитация).

Иннокентий Константинович Гарднер (1880 года рождения). Арестован 27 апреля 1933 г., проходил по делу «Автономная Камчатка», по которому привлекалось значительное число камчатцев. Обвинялся по ст. 58 п. 2, 6, 11. Приговорен к ВМН, расстрелян в январе 1934 г.

Павел Константинович Гарднер (1906 года рождения), сын диакона, образование низшее. В 1925—1927 гг. состоял в комсомоле, исключен. Был безработным, получил два года принудительных работ. Признал себя виновным в шпионаже в пользу Японии по делу «Автономная Камчатка». Обвинен по ст. 58, п. 2, 6, 11. Приговорен к ВМН.

Петр Константинович Гарднер (1905 года рождения). Холост, камчадал, образование низшее. «Без определенных занятий, два раза судим за хулиганство», 1 марта 1933 г. арестован по подозрению в желании поджечь здание погранотряда «по заданию японского резидента». Тройка полномочного

представительства ОГПУ ДВК судила его 1 января 1934 г. по ст. 58, п. 2, 6, 8, 9, 11. Приговорен к ВМН [67].

В пропагандистских целях в камчатской прессе писались нелицеприятные статьи о многих священнослужителях. Сегодня сложно сказать, что в них было правдой, а что нет, но при отсутствии других источников информации любое печатное слово могло сильно повлиять на авторитет конкретного священнослужителя и всех их как таковых.

«Полярная звезда» в августе 1930 г. вспомнила слова исследователя Камчатки на рубеже XIX—XX вв. доктора В. Н. Тюшева о священнослужителе с. Ича: «Толстый поп, разжиревший на камчатской рыбе, придавил все маленькое селение. Он отнял в свою пользу рыбалку, не позволял ловить местному населению, очередных “каюрных” жестоко эксплуатировал на своих работах, как лакеев и рабов. Один смельчак напился, было, встал на защиту населения, но с помощью полицейского начальства, поп так навалился на него, что ему не было житья. Обеднел, многократно был бит попом, но терпел. Наконец, когда поп отобрал у него жену, терпение лопнуло: камчадал повесился» [49].

Тем не менее, даже в условиях резкого отторжения всего религиозного священникам иногда удавалось на время влиться в советскую действительность и работать более или менее открыто. Так, священник Щегорин, продолжая исполнять свои обязанности, работал «ликвидатором неграмотности» в с. Нижнекамчатск. Священник Тимофей Иванович Бучинский, являвшийся некоторое время членом кресткома, активно сотрудничал с местным кооперативом.

Приведенные факты свидетельствуют о том, что священники пытались приспособиться к новой ситуации, а местное население, будучи вовлеченным в советскую систему жизни, лояльно, а иногда даже покровительственно относилось к духовенству. Но оставаться в таком положении долгое время последнему не удавалось. В большинстве случаев семья священнослужителя, даже в случае отказа ее главы от сана, редко находила работу. В 1930-е гг. членов семей священников изгоняли с госслужбы, никакой работы найти они не могли. Оставалось заниматься охотой, рыбалкой или уезжать с Камчатки, опасаясь, что и на новом месте работы обнаружится их происхождение или церковное прошлое.

Священников, добровольно снявших с себя сан, было немного. Среди них — Николай Степанович Каргопольцев, впоследствии работавший учителем. Известно, что население с. Ключи и других близлежащих отрицательно отнеслось к данному поступку и перестало уважать его.

В 1923 г. добровольно отказался от сана священник Александр Андреевич Архангельский. В 1924 г. заявление о разрыве отношений с религией пишет мильковский священник о. Павел (Ворошилов), но и после этого

он продолжает исполнять священнические обязанности, служит и крестит детей. Это свидетельствует о вынужденном подписании им данного заявления, о чем он и сам впоследствии говорил прихожанам.

В июле 1925 г. подобное заявление пишет тигильский священник Николай Александрович Мирошкин: «Настоящим заявляю, что сан священника я снимаю. Делаю это по собственному убеждению и доброй воле, почему прошу Тигильский волревком поставить в известность всех граждан, чтобы с этого времени не считали меня священником, а обыкновенным, как и все гражданином». Данный поступок плохо поддается объяснению, если учитывать данные документа, приведенного выше, где говорится о его активной проповеднической деятельности в 1925 г. Но в 1926 г. в списках лишенцев Николай Мирошкин значится рыбаком.

Лишенцами называлась категория граждан, лишенных избирательных прав. Ими являлись бывшие торговцы, священники, их дети, сотрудники полиции и другие. Среди причта лишенцами становились все псаломщики, дьяконы и прочие, а также священники, переставшие служить из-за возраста или болезни, или даже после отказа от сана. В информационных материалах Окрбюро ВКП(б) за апрель-октябрь 1926 г. среди лишенцев значатся 14 представителей духовенства [68, л. 26]. Составлялись списки этих людей, где указывался их род занятий и метрические данные. Возможно, так проще было следить за их деятельностью.

Положение священнослужителя и прихода в 1920-х — начале 1930-х гг. можно показать на примере жизни Петропавловского прихода и судьбы священника о. Леонтия (Яковлева).

Леонтий Яковлевич Яковлев родился в 1881 г. на Украине (Бердянский округ, с. Большие Коровницы) в многочисленной крестьянской семье. До призыва на военную службу работал в своем хозяйстве вместе с отцом. В семье было пять детей. С 1903 по 1906 г. находился на военной службе рядовым, участвовал в войне с Японией, после окончания которой поступил послушником в Усурийско-Шмаковский монастырь. В монастыре пробыл до 1915 г. Затем назначен на станцию Седанка к архиепископу Владивостокскому Евсевию, им же был рукоположен в диаконы. В 1916 г. назначен на Камчатку диаконом при Петропавловском соборе.

Приехал на полуостров вместе с епископом Нестором (Анисимовым). Вместе с исполнением обязанностей диакона в феврале-октябре 1917 г. был служащим в разных учреждениях и предприятиях Петропавловска. С 1920 г. побочно работал инструктором на молочной форме. В этой должности пробыл до мая 1922 г., когда получил назначение священником в с. Бухта барона Корфа. Там он прожил один год и в июле 1923 г. вернулся обратно в Петропавловск. Епископ Даниил Шерстенников, в то время находившийся

1960
Государству Председателя Судебн.

Арестованной, находящейся под
Судебной Комиссией Яковлева,
Кроменск.

Ввиду моего болезненного состояния
здоровья и неопределенности моего дела
даже ^{продолжения} в деле лишения свободы.
Обращаюсь к Вам Про. Председателю
и покорнейшей просьбой; пожалуйста не
возможными способами меня из
ареста под посылку или на то время
до суда, или определит. Вам в
случае, для направления моего раз
лучения здоровья.

Арестованной Леонтия Яковлева

12 Августа 1924 г. из Коммунального
Суда лишения свободы.

Прошение о. Леонтия Яковлева от 1 августа 1924 г.
(из фондов ЦДНИКО)

в заключении, по просьбе верующих назначил о. Леонтия священником Петропавловского собора.

В 1923 г. организовался церковно-приходской совет, членам которого впоследствии пришлось много сделать в борьбе за сохранение православия в Петропавловске и его окрестностях.

15 июля 1923 г. о. Леонтий был арестован на судне «Красный вымпел» по приезде в город. При обыске у него обнаружили книгу «Идеология российской императорской власти». Его обвинили в распространении «контрреволюционной» литературы. Но доказать «распространение» не удалось, и священника отпустили под подписку о невыезде.

В ноябре 1923 г. в Петропавловске получили рапорт от членов РКСМ и учителя с. Паратунка о том, что священник о. Леонтий «ходил по домам и занимался агитацией», и это «является крайне нежелательным явлением». 8 ноября 1923 г. некто Агутин заявил, что во время его пребывания в с. Елизово «приезжал поп и занимался агитацией» [69, л. 197].

После этого 28 февраля 1924 г. было возбуждено новое дело относительно Леонтия Яковлева [69, л. 193]. Объявления предъявлены по ст. 72 УК «Хранение и распространение контрреволюционной литературы». Его снова арестовали 29 мая, а 30 мая заключили в Петропавловский дом лишения свободы. На допросах в распространении литературы священник не признался.

Во время нахождения его под стражей верующие Петропавловска пишут заявления прокурору Камчатской области с просьбой «ввиду приближающихся наших двенадцатых праздников освободить из-под стражи нашего священника о. Леонтия под нашу круговую поруку». Они также просят прокурора разрешить им послать телеграмму в Москву об освобождении из-под ареста о. Леонтия [69, л. 207]. Под заявлением подписалось 86 чел.

Священник находился под арестом три месяца, после чего был отправлен во Владивосток. Здесь по истечении трехнедельного заключения постановлением судебной коллегии губсуда дело было прекращено, и о. Леонтий вернулся в Петропавловск.

В 1927 г. о. Леонтий выезжал в Киев, вернулся на полуостров в апреле 1928 г. Осенью 1928 г. он получил телеграмму из Владивостока от епископа Пантелеймона о предстоящем приезде на Камчатку епископа «Живой церкви», обновленца. По приезде епископа Соболева — «живиста», как его называли петропавловские верующие, Яковлев срочно собирает заседание церковного совета. Людям, которые мало что слышали о произошедшем в церкви расколе, необходимо было четко объяснить, почему власти так поддерживают обновленцев и в чем суть раскола.

Обновленцу удалось организовать группу верующих (около 30 чел.), и он стал служить на дому. Прошел слух о том, что он обращался к председателю

окрисполкома Богатыреву и начальнику административного отдела Фролову за разрешением ему служить в Соборе.

В течение зимы и весной 1929 г. о. Леонтий вел разъяснительную работу против идеологии обновленчества не только в Петропавловске, но и в ближайших селениях — Сероглазке, Аваче, Николаевке, Елизово, Хуторе, Корьяках. Он писал письма всем священникам камчатской епархии, в которых предостерегал от обновленчества.

Это дало результат. Из протоколов допросов членов церковного совета известно, что в с. Елизово обновленческого епископа некоторые жители встретили угрозами. В с. Авача, на пути в город, ему отказали в ночевке. К лету верующие праздновали победу над обновленчеством.

Весной 1929 г. был арестован священник о. Николай Петрук. О. Леонтий разъяснял, что он служил честно, а «теперь же, когда не стало духовного пастыря, население, как темное, власть обрекает на духовную гибель».

Летом в городе прошла антирелигиозная кампания. Почти каждый номер местной газеты изобиловал сообщениями о желании рабочих и служащих передать здание собора под культурные нужды. Эта кампания сильно взволновала верующих. Под руководством священника они стали собирать подписи для протеста «в городе и ближайших селениях». Часть активных прихожанок ходила по домам верующих и рассказывала о намерении передать собор. Они же отправили телеграмму во ВЦИК, протестовавшую против незаконных действий властей. По решению ВЦИК церковь оставили верующим.

В приход Петропавловского собора до 1930 г. входили, кроме города, восемь окрестных сел, куда о. Леонтию приходилось выезжать один-два раза в год. В январе 1929 г. он по требованию управления райгормилиции составил перечень «членов религиозного общества православных христиан православной церкви при Петропавловском соборе». Документ включает 135 чел. Указано, что в Сероглазке 32, в Аваче 43, в том числе 18 мужчин, а в Халактырке — 22 чел. верующих-христиан [7, с. 126—133].

В 1930 г., согласно новой инструкции властей, район служения был ограничен, и из перечисленных селений осталось только одно — Сероглазка. Весной 1931 г. при перерегистрации общества административным отделом окрисполкома и горсовета из Петропавловского общества были исключены верующие сел Авача и Халактырка. Приходской совет решение обжаловал, просил горсовет назначить другую комиссию для более детального обследования, но безрезультатно.

Весной 1931 г. о. Леонтий совместно с церковноприходским советом собирал пожертвования для епископа Даниила, посылал из собственных средств деньги арестованным камчатским священникам о. Клименту (Мазуру) и о. Николаю Петруку. В 1930 г. было получено обращение из Владивостока

от епископа Варсонофия о посылке ему денег на нужды епархии. Приходской совет дважды отправил ему по 25 руб.

В конце 1929 г., по получении платежных книжек от инспектора ОкрФО об оплате налогов к 15 марта 1930 г., от имени приходского совета о. Леонтий составил подписные листы, которые распространялись среди верующих города и окрестных селений.

«Подписной лист. Приходской совет Петропавловского Собора, получив требование (платежные книжки) от инспектора налогов при Камчатском ОкрФО о внесении налогов по 15 марта с/г. На сумму более 200 рублей с распределением: 1) Рента — земельный участок и налог со строения (здание Собора) — 50 руб., 2) Страховка Собора — 40 руб., 3) Подоходный налог за 1929 г. — 97 руб., 4) и авансами на 1930 г. — 36 руб. Соборный приходской Совет, не имея средств на уплату непосильного вышеуказанного налога, обращается к Вам, благочестивые верующие — члены нашего религиозного Общества с просьбой: не откажите внести свою посильную лепту добровольного пожертвования на уплату требуемых налогов и на прочие нужды Собора. Приходской Совет Петропавловского Собора».

Весной на полуостров пришли известия об идущей на материке коллективизации. На Камчатке ожидали ухудшения продовольственного положения, люди запасались провизией. Все эти события воспринимались как желание власти «сделать из людей послушных рабов, так как одновременно уничтожается религия».

В 1930 г. у о. Леонтия произвели обыск. 6 сентября 1931 г. его арестовали вместе с Павлом Константиновичем Шерстенниковым, псаломщиком Петропавловской церкви, Иваном Иннокентьевичем Косыгиным, членом совета церковного прихода.

Судебная тройка ПП ОГПУ ДВК 28 ноября 1932 г. постановила: «Яковлева Л. Я. заключить в концлагерь сроком на 5 лет, считая срок с 6 сентября 1932 года»... Л. Я. Яковлев был реабилитирован по заключению Камчатской областной прокуратуры 30 июня 1989 г.

Как видно, в 1920-х — начале 1930-х гг. жизнь православных прихожан подвергалась тяжелым испытаниям. Попытка ликвидировать религиозность местного населения в середине 1920-х гг. закрытием церквей властям не вполне удалась. Им пришлось потратить много сил и времени на антирелигиозную пропаганду среди местного населения.

Большую роль в жизни камчатских прихожан играли священники. Их к середине 1930-х гг. арестовали, посадили или выслали. Церкви закрылись, печать и школы были настроены атеистически. Легально православие уже не могло сохраниться. Но изгнать его из сердца каждого камчатца советской власти оказалось не под силу.

Христос посреде нас! Глубокоуважаемый
О. Леонтий! Служу возвестит о своем здоровье
поко покаянием ввешнего Ниб здоров тело и
душа от всей души мала, и шлю свой сердеч-
ный привет и доброе пожелание. первым погра-
дом было посылкое к моему Вам письмо, некая
получили или нет. Какую-то я конечно как
птичка влетела так и я зарешеткой, и не
некая трудов и заботы как только дышать огарем
душаю пока непадет, может еще Бог приведет
и свами победит, служу закалматкой и малаю.
Особенно за каюкам. Строк моего заключення
16-го января 1924.

О. Леонтий! прощаю над Вами если только
можно, и будет милость. Валю посылать мне
сухарей. Я орен буду благодарен и ввиду неос-
~~та~~ неостанусь.

Еще шлю привет и доброе пожелание О. Николаю
Тавлу констан. Сеурдгой, Раману Владим, Александро
Аракара. совсем самействам, Вере Илюво и шатаговы
извиняюсь потерю записку книжку и некая
кого как звать и также всем знакомым и
меня знакомым, Мир и божие благословение да
пребудет совсеми каюма. грешу св. Мавлат и
меня не забывает ~~и~~ кривыми

1924 г. 27-го марта свещ. А. С. Еременко.

мой Адрес

Т. Хабаровск Дом Вос. Кожевой Издательств
Т. М. О. заключенному Александру Семенову
Еременко.

удивляюсь что
мне отписали
письмо Кожевой
мать

Письмо священника А. С. Еременко о. Леонтию Яковлеву
от 24 марта 1924 г. (из следственного дела)

ВЫПИСКА ИЗ ПРОТОКОЛА

19

Засед. Судтройки ПП ОГПУ ДВК от 28 ноября 1932 г.

СЛУШАЛИ:

ПОСТАНОВИЛИ:

Дело № 9428 по обвинению
гр. ЯКОВЛЕВА Леонтия Яковле-
вича по 58-10 п.2 и 58-11
ст.УК

ЯКОВЛЕВА Леонтия Яковлеви-
ча заключить в концлагерь
сроком на ПЯТЬ лет, счита-
тая срок с 6/IX-32 года.



Выписка верна: Упол. УСО ПП ОГПУ

зак. 911.

Handwritten signature or initials.

ВЫПИСКА ИЗ ПРОТОКОЛА

16

Засед. Судтройки ПП ОГПУ ДВК от 28 ноября 1932 г.

СЛУШАЛИ:

ПОСТАНОВИЛИ:

Дело № 9428 по обвинен.
гр. ГОЛУБЕВА Алексея Кон-
стантиновича по 58-10
п.2 и 58-11 ст.УК

ГОЛУБЕВА Алексея Констан-
тиновича заключить в
концлагерь сроком на
ПЯТЬ лет, считая срок с
2/IX-31 года.



Выписка верна: Упол. УСО ПП ОГПУ

зак. 911.

Выписки из протоколов заседаний судебной тройки ОГПУ от 28 ноября 1932 г.
(ЦДНИКО. Ф. 1199. Оп. 1. Д. 2607. Л. 16, 19)

5. МИЛЬКОВСКОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ

С 1823 г. в с. Мильково имелась церковь во имя Святого Богоявления. После пожара 1889 г. мильковчане и жители окрестных сел заново отстроили ее из лиственничного леса. В 1896 г. ее обшили тесом и окрасили белой масляной краской. В таком виде она простояла до прихода советской власти.

Смена руководства в селе поначалу не особенно повлияла на приходскую жизнь. Верующих было достаточно много, и власти, видимо, не стали рисковать и спешить с ограничениями до тех пор, пока в обществе не загорелись огни недовольства «эксплуататором-попом» и не проросли семена недоверия к церкви. Самые драматические события развернулись здесь в 1929—1931 гг., когда церковь закрыли, а двух местных священников арестовали.

До 1926 г. в Мильково священником был местный житель, камчадал Павел Михайлович Ворошилов. Он родился 28 декабря 1872 г., окончил сельскую школу, имел сыновей Иннокентия и Агафангела. Известно, что о. Павел служил в сане дьякона в Петропавловске до 1914 г. Потом был назначен настоятелем Мильковской церкви. С 1914 по 1923 г. проводил богослужения, а в 1923 г. лишился избирательных прав. В 1924 г. он был арестован и просидел в исправительно-трудовом доме в Петропавловске три месяца после того, как во время обыска у него нашли несколько листовок «контрреволюционного характера». Их принадлежность П. Ворошилову в ходе следствия не подтвердилась. Но, тем не менее, ему пришлось дать подписку властям о том, что он «бросает богослужение, что религия есть обман и дурман народа». С 1923 г. до нового ареста 24 августа 1931 г., он, по официальным документам, занимался сельским хозяйством и охотой. Но на самом деле, как уже говорилось, богослужение не бросил, а, вернувшись в Мильково, по его словам, «обманул коммунистов и... начал подпольно крестить детей и давать женщинам молитвы после родов» [73, л. 12].

В 1926 г. в Мильково появился новый батюшка — иеромонах о. Климент (в миру Корнилий Иулианович Мазур). Вот что он рассказывал о себе на допросе 6 февраля 1930 г.: «Я родился в 1875 г. Отец был крестьянином, середняк. С восьми лет учился в народном училище и успешно окончил. После работал дома по хозяйству и батрачил у других крестьян, получая в день 15—16 копеек. После призыва на действительную службу попал служить в г. Москву, в 18-й Гренадерский Астраханский полк Его Величества. В этом полку служил до 1900 г. В это время поднялось в Маньчжурии “Боксерское восстание”, и в виде чего из полка назначено было 36 человек в Китайскую Восточную охранную стражу. Я пошел в эту охрану добровольно, потому что дома земли было мало, жить было плохо. В Китайской Восточной страже пробыл до 1906 г., причем, через год — в 1901 году Китайская Восточная стража переименовалась в Пограничную охрану. В 1906 г. по окончании войны с Япо-

нией, я уволился и выехал в Никольско-Уссурийск подыскать себе работу. Но в то время работы не нашел и, имея стремление, пошел в Шмаковский монастырь, так как меня мирская и военная жизнь не удовлетворяла.

В монастыре пробыл до 1916 г. — первое время послушником, затем монахом. Жил не в самом монастыре, а в его подворье. В 1916 г. произведен был в сан Священника и получил назначение организовать на Камчатке Скит — отделение монастыря. В июне месяце выехал на Камчатку в г. Петропавловск, затем в Усть-Камчатск. Поездка на Камчатку была с заданием обследовать местность по предложению Синода до сентября 1916 г. Я проездил по восточному побережью, после чего вернулся обратно, чтобы первым пароходом в 1917 г. выехать на Камчатку уже с рабочими и инструментом, уже для постройки отделения монастыря, но революция этого не допустила, и мы остались в Шмаковском монастыре, где продолжал жить на подворье. За время революции принимал на подворье красных, белых, чехов, японцев, англичан и американцев. Все, проходя, жили на подворье, и там был развернут лазарет. В монастыре прожил до 1924 г. В ноябре месяце монастырь закрыли, и я предназначался к выезду в Нижегородскую губернию. Но за неимением средств и при том имел предложение епископа Даниила, то остался в г. Чите» [74, л. 22—23].

В августе 1925 г. о. Климент получил приглашение на Камчатку в с. Мильково. Сюда прибыл в январе 1926 г. и служил здесь по день ареста. Приняли о. Климента в Мильково истинно по-христиански.

23 марта 1926 г. секретарь губбюро ВКП(б) Д. С. Бузин ознакомился с письмом кандидата в члены ВКП(б) из Мильково Исаяи Яковлевича Демидова: «... в Милькове состоялось общее верующее собрание в составе четырех селений — Мильково, Кирганик, Машура, Щапино, Толбачик. Перед начатием собрания от служен был молебен: для того именно чтобы каждый молящий убедился в своего приехавшего попа которого встречали с радостью и слезами. Толбачинское общество верующие обещают 200 руб. попу. Мильковское общество верующих собирают свежей рыбы и приготовили ему без платную квартиру» [7].

Были предприняты шаги, которые могли бы заставить священника бояться и не настраивать население против советской власти. Однажды после праздника Пасхи его вызвали в сельсовет и обвинили в том, что он крестил ребенка, которого еще не зарегистрировали в ЗАГСе. Это стало своеобразным предупреждением, хотя пока дальше порицаний дело не пошло.

В 1929 г. в Мильково жил 441 чел. Здесь действовали двухкомплектная школа, почтово-телеграфное отделение, медицинский и ветеринарный пункты. «Имеются партийная и комсомольская ячейки и ряд общественных организаций. В Камчатском отношении с. Мильково представляет собой

большое богатое село. Кулацко-зажиточная часть Мильково составляет до 15 хозяйств» [74, л. 12].

Упомянутые партийная и комсомольская ячейки сильно поколебали авторитет церкви на селе. Может, поэтому некоторым из местных жителей о. Климент не нравился. В 1928 г. на дверях церкви кто-то повесил записку: «Вспомни как ты приехал, начинал служить, теперь запрещаешь ходить в церковь с короткими рукавами, не думаешь ли ты, что мы будем ждать... Смотри, если так будешь говорить, то скоро вылетишь» [74, л. 24.].

Действительно, некоторые молодые верующие ставили в вину священнику его замечания на исповеди о том, что нехорошо ходить в церковь в платье с короткими рукавами, а также, чтобы они не ходили в библиотеку и не выходили замуж за комсомольцев. Сам о. Климент подтверждает это. Но по церковным канонам нахождение в церкви в платье с коротким рукавом действительно считается неприличным. «Кроме того, на исповеди, когда молодежь спрашивала: грех ходить в клуб или библиотеку, то я отвечал, что ходить грех, но при этом добавлял, поскольку все ходят, то ходить можно, то есть не запрещал, но просил не увлекаться и не забывать церковь» [74, л. 85].

Учитель Александр Михайлович Копытин высказывал такое мнение о священнике: «Как агитатор поп хороший. Жители его любят. Жители говорят, что поп очень хороший, ничего у нас не просит... [Один житель] рассказывал... что мильковский поп хитрый, как только у него кончатся продукты, так он хочет уезжать в с. Толбачик, а как жители услышат об этом, так и несут ему продукцию, лишь бы только не уезжал» [74, л. 19].

А вот свидетельство местного жителя Степана Анисифоровича Бушуева: «С приездом в Мильково попа Мазура, культурно-просветительская работа начала падать. Большинство школьников в день религиозных праздников не посещали школу. То же самое в библиотеке и клубе, работу кружков проводить в дни праздников невозможно, так как среди участников большинство было верующими, которые предпочитали идти в церковь» [74, л. 53].

Отца Климента обвиняли и в том, что он оказывал влияние на детей, «просил родителей, чтобы их дети посещали его, учились у него плести корзины, тем самым привлекая к себе детей и угощая их конфетами, одновременно ведя с ними религиозные беседы» [74, л. 107].

Спустя годы об о. Клименте вспоминала старожил Милькова Ксения Семеновна Ворошилова: «В доме у него была русская печь. Летом, как все, о. Климент садил огород. Росла в этом огороде огромная репа, которой он угощал всех местных ребятшек. Проходящие мимо него дети всегда простили благословения, батюшка благословит и идет дальше. Мы его очень любили».

Комсомолец Николай Иванович Плотников рассказывал на допросе, что когда он в декабре 1929 г. ездил в с. Толбачик, то остановился на ночлег в том же доме, что и о. Климент. «Утром, после молитвы, перед которой я ушел

на улицу, поп мне говорил, что я иду не по правильному пути, почему не опомнишься, в церковь не ходишь... говорил, что все равно вернусь к вере, предлагал мне религиозные книги» [74, л. 18].

В 1929 г. в село приехал избач Гуртовенко. По словам священника, он начал распространять слухи, что крестьяне носят о. Клименту мясо, тогда как его трудно купить. Но священник уже двадцать четыре года совершенно не употреблял мяса, поскольку был монахом.

Местный кооператив, видимо, по указанию властей, отказался продавать ему продукты. На заседании церковного совета, прошедшего в 1929 г., признали, «что это неправильно» [74, л. 40]. Совет решил собрать верующих и обратиться к окрисполкому за разъяснением, написав извещение. Но результата это не дало.

Небезынтересно участие о. Климента в сельскохозяйственной артели. Из его показаний: «Когда я приехал в с. Мильково в 1926 г., то мне говорили, что в Мильково есть сельхозартель... Я поинтересовался этим делом и узнал следующее: артель организовал учитель Вачинский (сейчас его нет — умер). В артели с учителем было пять человек: Плотников Феофан Поликарпович, Плотников Андрей Николаевич, Коршунов Василий Константинович, Потапов Илларию Феофанович и учитель Вачинский. Учитель выписал на свои деньги плуг... В 1926 г. я принял участие в распашке и посевах, так как они не знали, как это делается. Затем в 1927 г. мы снова вспахали землю, немного, всего одну десятину, и на этот раз я для себя тоже засеял около четверти десятины. Сеяли ячмень, урожай был средний... Я собрал свое зерно и после собрал и у артели» [74, л. 87]. Приведенное выше подтверждает тот факт, что жить за счет исключительно верующих ему не приходилось. В 1929 г. артель распалась.

Из разговоров коммунистов верующие и о. Климент уяснили: Мильковскую церковь собираются закрывать [74, л. 85]. Учитель А. М. Копытин говорил, что Богоявленский храм вполне подходил бы под клуб. Долго ждать этого не пришлось, но верующие легко сдаваться не собирались.

Перед закрытием в церкви был произведен обыск. В этот день, после того как закончилась обедня, верующие разошлись. Остались только церковный староста Викентий Мальцев, сторож Иван Попов и священник. В это время сотрудник ГПУ Петренко и председатель сельсовета Исайя Демидов «предложили пойти на квартиру Мазура, дабы присутствовать при обыске. После обыска на квартире пошли обратно в церковь, где также предполагался обыск» [74, л. 41].

В это же время у члена церковного совета Феофана Плотникова собралась большая группа прихожан. Разговор шел об аресте священника. Ждали прихода Константина Пинигина — церковного старосты, чтобы начать собрание верующих. Хотели пригласить Петренко и потребовать объяснений

о причинах ареста батюшки. «Тут же Кошкарёв Иов, Синаев Иван стали говорить, что если церковь будут отбирать, то нужно защищать ее с оружием в руках. После чего решили идти к церкви... Когда подошли к церкви, сотрудник ГПУ Петренко, Демидов и Чмыхалов, кандидат ВКП(б), и Ворошилов Серафим вместе со священником Мазуром стояли на крыльце у паперти. Из толпы стали кричать, что церковь не отдадим, угрожать, что защищать будем и церковь, и батюшку с оружием в руках».

Верующий Парфений Михайлович Бобряков стал угрожать Петренко. Потом, когда пришел к церкви учитель Копытин, который ранее снимал кресты с часовни в с. Шеромы (Шаромы), Бобряков стал на него кричать: «Здесь не Шеромская часовня, и если он попытается снимать с нашей церкви кресты, то у нас есть винтовки, и мы сможем его пулей достать. Мальцев схватил Копытина за плечи и стал на него кричать... Кошкарёв Иов стал махать кулаками на Петренко, кричал, что церковь не отдадут» [74, л. 39].

Петренко объяснял верующим, что это только обыск и ничего больше. Но только после того, как церковный староста К. Пинигин, показав ключи от церкви, попросил верующих отойти, толпа стала успокаиваться и расходиться. Некоторых даже впустили в церковь.

Из допроса Михаила Гавриловича Мальцева: «На собрании у Плотникова Ворошилов сказал: “Отец Климент арестован, и его хотят от нас угнать с тем, чтобы религиозные чувства у верующих заглушить, нам надо сейчас же собрать всех женщин и сговорить их, чтобы они пошли и отобрали его у этих хриstopродавцев”. Потапов поддержал: “Правильно, женщин, так как они им ничего не сделают”. После того из дома Плотникова вышло до ста человек, преимущественно женщин. Окружили сельсовет и требовали выдачи священника, потом окружили клуб и пытались освободить священника Мазура» [73, л. 66].

Так же верующие боролись и за церковь. Вопрос о ее передаче под клуб обсуждался на общем собрании граждан в марте 1929 г. Из показаний Саввы Иннокентьевича Бобрякова: «Группа (кулацкая) через Пинигина и Потапова и других сговорила всех женщин, которые явились полностью на это собрание, с целью срыва этого вопроса подняли крик, и, нанося оскорбления активу, пытались повести за собой общество... Пинигин говорил: “Не допускайте, верующие, чтоб коммунисты-еретики надругались над церковью”. Потапов кричал: “Да что вы смотрите, если они у нас отберут церковь, то станут отбирать и наше имущество, стойте на своем, не голосуй, небось, нас ведь больше, верующих”... но так как беднота и середняки были до этого подготовлены, то церковь была изъята» [73, л. 24].

После ареста о. Климента Иллариий Феофанович Потапов совместно с Константином Пинигиным проводили богослужения и руководили религиозными общинами. На Рождество 1930 г. они собрались в доме Павла Ворошило-

ва, на Пасху — в доме Иллария Потапова. Весной 1930 г. люди собирались в доме Коршунова, где проводили службу до поздней ночи.

На Троицу в мае 1930 г. под руководством Иллария Потапова группа верующих «с шествием» направилась в лес на Ивановский сенокос, и там Иллариий служил молебен за здравие арестованных. Ему помогали Константин Пинигин и Павел Ворошилов. Потом Иллариий предложил пожертвовать «кто что» для арестованного духовенства и о. Климента.

Все это делалось в обстановке страха. Далеко не все селяне поддерживали верующих в их противоборстве с властью. Помимо этого, в открытом противостоянии верующие находились с местным избачем Гуртовенко, а также с представителями ГПУ и милиции.

Те, кто состояли на государственной службе, и мыслить не могли об открытом посещении церкви. По словам Василия Яковлевича Демидова, местный учитель Телятьев говорил: «Мы этим шкуроедам церковь не дадим. Я хотя не хожу в церковь, но она мне нужна будет, сейчас нахожусь на службе, а поэтому не иду в храм Божий» [73, л. 78 об.].

Константину Пинигину, председателю церковного совета, «предлагали немедленно дать подписку о прекращении групп верующих», но Пинигин ничего не подписал. Он еще верил в то, что не все потеряно, почему «сговаривал верующих отобрать церковь обратно» [73, л. 27].

Через Пинигина и жен арестованных кулаков верующие поддерживали связь с благочинным камчатских церквей о. Леонтием Яковлевым. 19 января 1931 г., на Крещение, прихожане в очередной раз собрались у Михаила Плотникова. Здесь, как рассказывал Павел Андреевич Плотников, Павел Ворошилов показал письмо о. Леонтия, в котором тот писал «что мучается, и сильно нуждаются узники духовные, сидящие в советских тюрьмах. Там же и наш о. Мазур». Ворошилов предложил жертвовать деньги и дал 10 руб. Его сын Иннокентий тоже пожертвовал. По словам П. А. Плотникова, жертвовали неоднократно [73, л. 63].

Ворошиловы, Телятьев, Пинигин и некоторые другие выступали на сельских собраниях против введения самообложения. Телятьев говорил беднякам: «Вы соглашаетесь принимать контрольную позаимку самообложения, нам нужно построить домик духовенства, а они только школы да дороги хотят налаживать». Коршунов подтверждал: «Верно, я с вами согласен, я не хочу ни копейки на их тратить. Я лучше передам нашему батюшке Леонтию, о. Мазур пускай передаст нам благословение на постройку духовного дома» [73, л. 78 об.].

Отца Климента арестовали 28 января 1930 г. 10 июля заведенное на него и еще на троих мельковских «кулаков» дело завершилось. Священник получил пять лет концлагеря (по ст. 58, п. 10), в основном, за то, что он «активно проводит антисоветскую деятельность среди населения через группу верующих,

С П Р А В К А

Гр-н с.Усть-Камчатска САВИНСКИЙ Алексей Иннокентьевич являясь местным уроженцем, в 1929 году лишен избирательных прав, как служитель религиозного культа "псаломщик, чем и занимался до последнего времени, обходя в религиозные праздники население совершая обрядности и собирая требы.

За время нахождения Савинского в с.У-Камчатске, последний проявил себя, как религиозный фанатик явно враждебно настроенный к Советской власти, что подтверждается в его открытой противокolleкционной агитации среди населения, распространении слухов между односельчанами о том, что на материке никакого строительства нет, так же вел агитацию за сверж хозяйственно-политических кампаний проводимых в районе.

март 32
№ 13-4

Председатель РИКа

Секретарь

Орлов

Чуйко

Справка РИКа об А. Н. Савинском, март 1932 г.
(ЦДНИКО. Ф. 1199. Оп. 1. Д. 1811. Д. 2)

" УТВЕРЖДАЮ "-
Зам. Начальника Камч. Погран Отряда
(И х н о)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ.-
(о избрании меры пресечения)

1930 года, Января 28 дня гор. Петропавловск - Камчатский, Я, Уполномоченный Камч. Погран Отряда ВОГПУ ДВК - СЕЛИВАНОВ, рассмотрев сего числа поступивший материал на арестованного гр-на МАЗУР Корнилия Иулиановича, священнослужителя с. Иильково, Петропавловского района, 55-ти лет, русский, подданный СССР, и принимая во внимание, что имеющийся материал изобличает гр-на МАЗУРА К.И., в анти-советской агитации, что по данному материалу производится дополнительное следствие и что пребывание на свободе арестованного гр. МАЗУРА К.И., повлияет на ход следствия, руководствуясь 144, и 145 ст.ст. УПК-ПОСТАНОВИЛ:

Мерой пресечения в отношении МАЗУРА Корнилия Иулиановича, отклонения от суда и следствия - избрать содержание под стражей при Управлении Отряда.

Копию настоящего постановления направить Камчатскому Окр. Прокурору, для сведения.

Уполномоченный Селиванов (Селиванов)

Постановление о избрании меры пресечения мне объявлено (подпись арестованного)

Мазур Корнилий

Постановление об аресте К. И. Мазура от 28 января 1930 г.
(ЦДНИКО. Ф. 1190. Оп. 1. Д. 2473. Л. 5)

"УТВЕРЖАЮ"
Кам.Камч.ОО-ПО ОГПУ:-

Котляков (ГОВАЛЕНКО)
ПО С Т А Н О В Л Е Н И Е.

48 9

1931 г. сентября "14" дня; г.Петропавловск на Камчатке.

Я, Уполномоченный Камч.Погранотряда ОГПУ - ТЕИНОВ, рассмотрев следственный материал по делу № 53-31 г. и принимая во внимание, что гр. ГОЛУБЕВ Алексей Константинович, уроженец г.Вологда, рожд.1875 г. происходящий из семьи городского священника, бывшего дворянина и полковник царской армии, достаточно изобличается в том, что проживая с июня по ноябрь м-ца 1930 г. в сел.Колыгерь Петропавл.р-на вел систематическую антисоагитацию и распространял провокационные слухи о назревающей войне СССР с Японией. Переехав в ноябре м-ца 30 г. в г.Петропавловск, поселился у настоятеля местного собора священника ЯКОВЛЕВА Леонтия. Проживая у последнего, близко с ним познакомился, а также с гр.ШЕРСТЕННИКОВЫМ Павлом Константиновичем и целиком разделяя враждебные взгляды таковых к Соввласти и Компартии принял участие в их антисоветственности. Переселившись в февраля м-це 31 г. в сел.Сероглазка, вел систематическую антисоагитацию, прикрывая такую пропагандой православной религии используя для этой цели преобладающих среди населения верующих и проповедуя о скором падении Соввласти и реставрации монархического строя. Одновременно, весной т.г.года вел усиленную агитацию против организации рыб.артели, в результате чего, большая часть верующих жителей в такую не вошли;

а потому - руководствуясь 128 и 129 , 146 ст.ст.УК,

П О С Т А Н О В И Л:

гр-на ГОЛУБЕВА Алексея Константиновича, привлечь по настоящему делу в качестве обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ст. 58-10 ч.2-я УК.

Ранее избранную меру пресечения - содержание под стражей, оставить в силе, перечислив с содержанием в Петропавловском ИТД. Копию настоящего постановления направить Прокурору Камчатского округа, для сведения и РСО КООГПУ.

Уполномоченный: *Теинов* (ТЕИНОВ)
"СОГЛАСЕН"- НАЧ СПО: *Николаев* (НИКОЛАЕВ)

Постановление мне об"звонено:- *Теинов*

Постановление об аресте А. К. Голубева от 14 сентября 1931 г.
(ЦДНИКО. Ф. 1190. Оп. 1. Д. 2473. Л. 9)

влиятельным самым на молодежь, так как группа верующих села по количеству велика» [74, л. 27].

В 1931 г. был арестован другой батюшка — о. Павел (Ворошилов). Ему вменялись в вину агитация против вступления в колхоз, хранение церковного имущества, совершение треб и получение за это пожертвований, связь с кулаками...

Арест, по воспоминаниям членов семьи Ворошиловых, проходил так: «По окончании службы все прихожане расходились по домам, а Павел Михайлович решил навестить бабушку — Михайлову Февронию Глебовну, которая всю свою жизнь проработала просфирницей в церкви. Вдруг услышал крик: “Остановись, собака!” Оглянулся Павел Михайлович — позади его стоял милиционер Демидов Исая Яковлевич, он тут же арестовал священника. Увезли его без суда и следствия. Связи с ним не было, писем он не писал, в с. Мильково не вернулся» [75]. Следом арестовали его сыновей Иннокентия и Агафангела.

В 1933 г. забрали семью Иннокентия — жену Форенью Арсентьевну и троих детей и семью Агафангела — жену Екатерину Дмитриевну с сыном Володей.

В тот же вечер, как забрали батюшку, все церковные ценности, утварь, все, что можно спрятать, перенесли в стоявший рядом исполком, на чердак. Семен Карелин работал там сторожем-истопником. Однажды он разрешил посмотреть на церковные богатства детям. Ксения Карелина и ее брат Иринарх забрались туда и видели очень богатую утварь. Спустя некоторое время, поднявшись на чердак, отец ничего не нашел: там остались только листки — страницы, вырванные из священных книг. Мать, Мария Анисимовна Карелина, религиозная женщина, чтобы они не пошли на дурное дело, велела их сжечь.

Ходили слухи о том, что эти ценности отправили в Усть-Камчатск на катере, но тот по дороге затонул. Тем не менее, некоторые предметы из церкви сохранились. Их тайком унесли верующие и местные жители. Часть имущества удалось сбросить священнику Павлу Ворошилову. По свидетельству П. А. Плотникова, батюшка говорил: «Когда меня коммунисты арестовали, они думали убить во мне веру во Христа, но я обманул и согласился, а ризу, крест и дарохранильницу спрятал, и царские деньги, при перевороте они опять будут иметь ценность» [73, л. 62 об.].

Когда после его ареста провели обыск на его охотничьем летовье, там обнаружили следующее: «Риза — 1 шт., кадило — 1 шт., крест серебряный — 1 шт., дароносица серебряная — 1 шт., Евангелие — 2 шт., журналов церковных — 3 шт., псалтырь — 1 шт.» [73, л. 35]. Ризу, епитрахиль и кадило передали «для нужд мильковского клуба», религиозные журналы уничтожили [73, л. 35 об.].

Свет на судьбу других церковных ценностей проливает рабочая сводка управления милиции Камчатской области за 25 августа — 10 сентября 1934 г.:

«Акинчиц И. А., работающий в ОблФО, будучи в командировке в Мильковском районе, устроил торги на госфондовское имущество, изъятое из церквей (находящееся в Мильковском РайФО). До торгов часть имущества продал разным лицам, и сам взял на 50 рублей, в то время как не только брать, но и участвовать в торгах он не имел права. Серебряные вещи из госфондовского имущества он привез и сдал в Госбанк, но часть вещей, как четыре серебряные тарелки, оставил как пепельницы в мильковском РИКе и себе взял серебряную позолоченную ложечку (ложка для причастия)» [76, л. 190].

Саму церковь постигла еще более печальная участь. В первый же вечер после закрытия храма там устроили вечерку. Тем самым храм, служивший многим прихожанам Мильковского района, жившим в близлежащих селах, превратили в клуб, чем еще больше испугали верующих. На вечерке были, в основном, комсомольцы. Но через некоторое время в клуб стали захаживать и остальные ребята из местной молодежи. Потом потянулись и взрослые. Только старики долго держались, но поскольку голосование и все политические мероприятия проходили именно в клубе, они тоже стали приходить в бывшую церковь.

Привлекательными для молодежи оказались комсомольская и партийная ячейки, предлагавшие им новую коммунистическую «веру». У молодых даже возникали конфликты со старшими, более глубоко воспринявшими православие. Павла Леонидовна Плотникова, восемнадцати лет, утверждала, что, когда в 1928 г. «исповедовалась у Мазура... который говорил мне: “Ты не ходи в избу-читальню, там ничего хорошего нет, и не будет, ходи лучше в церковь. Не спишь ли ты с парнями, не целуешься?” Говорил мне, чтоб я беспрекословно слушалась своих родителей и тогда долго проживу. После такой исповеди я перестала ходить в церковь. Сейчас в связи с арестом попа меня почти выгоняют из дома, думая, что из-за меня арестовали» [73, л. 11].

Интересными и новыми для жителей камчатской глубинки казались различные мероприятия, проходившие в избе-читальне. Там же устраивались антирелигиозные праздники. Например «антирелигиозное рождество», где жители высказывали свое недовольство священником и толковали о вреде религии.

По словам А. М. Копытина, у молодежи сохранялась еще и стародавняя вера в сверхъестественное (жеребьевка на охоте, отрезание кусочка носа у зверей). Христианская же вера, по его мнению, поддерживалась «попом». «Большинство верующих думают, что поп агитацию не вел. Он слишком у нас тихий. Другие думают, что церковь и государство не вмешиваются в дела друг друга. В общем, большинство имеет плохое представление о вреде церкви для строительства социализма» [73, л. 20].

Двадцатидвухлетняя Анна Семеновна Бобрякова, жительница с. Кирганик, рассказывала: «С детства была религиозной и взрослой ходила в церковь...

Однажды священник на исповеди, узнав, что я замужем за комсомольцем, стал говорить мне, чтобы я влияла на него, чтобы он порвал с комсомолом, а если не удастся, уйти от мужа. Еще узнав, что я посещаю общественные собрания... сказал, что от коммунистов ничего хорошего не будет. После этого я избегаю священника» [73, л. 44].

Как видно, молодое поколение не вместило в себя полноты православия, хотя, судя по тому, что многие продолжали причащаться, в церкви и вере не видели ничего дурного, но из-за различных слухов и пропаганды могли отрицательно относиться к священнику.

В 1931 г. верующих стало меньше, а коммунистам сочувствовали все больше. Особенно отрицательное отношение к священнику наблюдалось в бедняцкой среде. 24 августа 1931 г. на общем собрании «колхоза с беднотой», на котором присутствовали сто человек и двадцать приезжих из окрестных сел, обсуждали местного священника Ворошилова и всю «кулацкую группировку». Иннокентия Ворошилова, псаломщика и бывшего учителя церковно-приходской школы, обвиняли в том, что он «вскрытую преподавал Закон Божий» в школе, что ему бедняки бесплатно выстроили дом. Павлу Ворошилову ставили в вину то, что он когда-то взял за отпевание хорошую собаку, то, что ему приходилось возить дрова, хотя этот вопрос обычно решался на собраниях верующих по обоюдному согласию, и даже то, что он обыгрывал их в карты [73, л. 17].

Иннокентий Ворошилов — сын о. Павла — еще в детстве помогал отцу на службах. В протоколе допроса в ОГПУ значится: «Родился в 1897 г. в с. Мильково, камчадал, женат, пять детей от одного года до 13 лет. В восемь лет отец отдал меня учиться в Петропавловское городское шестиклассное училище, которое я окончил в 1911 г. В 1912 и 1913 гг. я учился в г. Петропавловске на педагогических курсах, по окончании которых я уехал в г. Томск, где пытался поступить в институт, но не мог сдать экзамены, проживал там до 1915 г. на средства, присылаемые отцом. Вернулся. По прибытии назначен учителем (в мильковскую церковно-приходскую школу. — *Е. Г.*), где учил до 1924 г. В 1923 г. я поступил псаломщиком в Мильковскую церковь. В 1924 г. уволен с должности учителя, после чего занимался крестьянством, охотой, огородничеством и рыболовством. В 1929 г. стал жить отдельно. В 1927 г. лишен избирательных прав. В 1925—1927 гг. служил в Мильковском кооперативе. Потом уволили как лишенца» [73, л. 138].

Известно, что Иннокентию Павловичу Ворошилову и его сыну Павлу Михайловичу Ворошилову дали десять лет концлагеря, считая срок с 24 августа 1931 г., а их семьи выслали из Дальневосточного края...

С начала 1923 г. на полуострове повсеместно развернулась антиправославная кампания, шедшая в трех направлениях:

— закрытие церквей и часовен, изъятие церковных ценностей;

- антирелигиозная пропаганда;
- притеснение священнослужителей (лишение избирательных прав, арест, высылка).

До 1927 г. первое направление было основным. Задача местной власти состояла в том, чтобы как можно быстрее, без значительного обострения отношений с населением закрыть большее количество церквей и часовен. Часто это проходило без согласия верующих и практиковалось вплоть до начала 1930-х гг., когда на полуострове не осталось ни одной действующей церкви. В качестве предлога для закрытия церкви нередко использовалась фальсификация протоколов собрания верующих, где они, якобы, отказывались от богослужений. Имелись случаи вынужденного написания протоколов под угрозами со стороны властей. Практика регистрации религиозных групп часто натывалась на бюрократические проволочки. Ценное богослужebное и небогослужebное имущество чаще всего или отправлялось в Петропавловск, или реализовывалось. Остальное расхищалось или оставалось бесхозным. Часть вещей могла быть передана местному клубу.

Проводниками антирелигиозной работы, контролировавшейся партийными органами, в городе и деревне были комсомол, СБ и местная печать. Грубый, кощунственный характер носила деятельность комсомольцев. Они устраивали антирелигиозные акции — комсомольские «пасхи» и «рождества». Иногда эти действия заканчивались сжиганием икон или чучел «богородицы». Все это проходило, в основном, в Петропавловске и отличалось наибольшей ответственностью до 1926 г. Затем наступило небольшое затишье, а в 1927 г. началась более продуманная антирелигиозная работа, проводившаяся, главным образом, через ячейки СБ. Организовать такие ячейки планировалось во всех населенных пунктах области, на предприятиях и при школах. Но деятельность ячеек большого успеха не имела в силу неорганизованной деятельности окружного совета СБ. К середине 1930-х гг. деятельность СБ перестала быть заметной на фоне развернувшегося колхозного строительства.

Антирелигиозная пропаганда проводилась в избах-читальнях и кружках естествознания. Особые задачи по воспитанию нетерпимого к религии поколения возлагались на школьных учителей.

Со стороны верующих сложились два основных метода сопротивления: административный (жалобы в высшие инстанции о незаконном проведении тех или иных антирелигиозных действий, вроде закрытия церквей и часовен, ходатайства об освобождении священнослужителей и прочие) и активно-протестный (от угроз местным антирелигиозным пропагандистам до митингов у местных органов власти).

До конца 1920-х гг. действия верующих носили относительно свободный характер. В дальнейшем на них оказывалось сильное давление, а с 1928 г. начинаются целенаправленные аресты священнослужителей.

Особенностью приходской жизни в условиях антирелигиозной работы советских органов власти на Камчатке являлось сильное влияние священников на жизнь прихода. От них зависело сопротивление населения новой идеологии и уничтожению церкви. После ареста священника религиозная жизнь, чаще всего, замирала...

ИСТОЧНИКИ

1. ГАКО. Ф. 185. Оп. 5. Д. 1.
2. ЦДНИКО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 2.
3. Там же. Особый фонд. Д. 43.
4. Там же. Ф. 19. Оп. 1. Д. 235.
5. ГАКО. Ф. 25. Оп. 5. Д. 8.
6. ЦДНИКО. Особый фонд. Д. 19.
7. *Пустовит В. П.* Война с православием на Камчатке в первое советское десятилетие // Четвертые международные исторические Свято-Иннокентьевские чтения. — Петропавловск-Камчатский, 2006. — С. 126—133.
8. ЦДНИКО. Ф. 44. Оп. 44. Д. 85.
9. Там же. Ф. 5. Оп. 1. Д. 36.
10. ГАКО. Ф. 25. Оп. 8. Д. 4.
11. Там же. Ф. 285. Оп. 3. Д. 1.
12. Там же. Ф. 207. Оп. 1. Д. 4.
13. Там же. Ф. 185. Оп. 3. Д. 1.
14. Там же. Ф. 29. Оп. 1. Д. 4.
15. Там же. Ф. 206. Оп. 1. Д. 3.
16. Там же. Ф. 207. Оп. 1. Д. 13а.
17. Полярная звезда. — 1929. — 26 дек.
18. Там же. — 1928. — 18 марта.
19. Там же. — 1929. — 1 мая.
20. Там же. — 25 апр.
21. Там же. — 1930. — 17 апр.
22. Там же. — 1931. — 30 дек.
23. ЦДНИКО. Особый фонд. Оп. 1. Д. 91.
24. Там же. Ф. 45. Оп. 1. Д. 258.
25. Там же. Ф. 2. Оп. 2. Д. 4.
26. Там же. Ф. 19. Оп. 1. Д. 8.
27. Там же. Ф. 53. Оп. 1. Д. 40.
28. *Пустовит В. П.* С «чучелом Богородицы» // Новая Камчатская правда. — 2002. — 3 июля.
29. ЦДНИКО. Ф. 326. Оп. 1. Д. 23.
30. Там же. Ф. 19. Оп. 1. Д. 13.
31. *Сесицкая А. С.* Создание негативного образа священнослужителя на страницах камчатской прессы // Человек в истории. — Петропавловск-Камчатский: КГПУ, 2004.
32. ЦДНИКО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 32.
33. Там же. Д. 130.

34. Полярная звезда. — 1928. — 3 июля.
35. Там же. — 1928. — 5 февр.
36. Там же. — 25 окт.
37. Там же. — 25 дек.
38. ГАКО. Ф. 37. Оп. 1. Д. 7.
39. Полярная звезда. — 1930. — 30 апр.
40. Там же. — 1929. — 29 дек.
41. ЦДНИКО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 143.
42. Полярная звезда. — 1931. — 2 янв.
43. ГАКО. Ф. 122. Оп. 1. Д. 10.
44. ЦДНИКО. Ф. 2. Оп. 2. Д. 231.
45. Полярная звезда. — 1928. — 20 дек.
46. Там же. — 1929. — 13 янв.
47. Там же. — 10 февр.
48. Там же. — 1930. — № 64.
49. Там же. — 1929. — 14 апр.
50. ЦДНИКО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 17.
51. ГАКО. Ф. 29. Оп. 1. Д. 16.
52. ЦДНИКО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 69.
53. ГАКО. Ф. 300. Оп. 1. Д. 20.
54. ЦДНИКО. Ф. 1199. Оп. 1. Д. 2204.
55. Там же. Ф. 19. Оп. 1. Д. 277.
56. Там же. Д. 241.
57. Полярная звезда. — 1928. — 5 апр.
58. Там же. — 1929. — 16 мая.
59. Там же. — 11 авг.
60. ЦДНИКО. Ф. 44. Оп. 1. Д. 21.
61. Там же. Ф. 45. Оп. 1. Д. 7.
62. Там же. Ф. 5. Оп. 1. Д. 31.
63. Там же. Ф. 326. Оп. 1. Д. 6.
64. Там же. Ф. 19. Оп. 1. Д. 159.
65. Там же. Д. 155.
66. Там же. Особый фонд. Д. 3.
67. Там же. Ф. 1199. Оп. 1. Д. 1855.
68. Там же. Ф. 45. Оп. 1. Д. 31.
69. Там же. Ф. 1199. Оп. 1. Д. 1725.
70. Там же. Ф. 44. Оп. 1. Д. 9.
71. Из отчета комиссии Камчатского губревкома по обследованию Гижигинского уезда.
72. ЦДНИКО. Ф. 44. Оп. 1. Д. 85.
73. Там же. Ф. 1199. Оп. 1. Д. 37.
74. Там же. Д. 2473.
75. Воспоминания Мавры Михайловны Ворошиловой, записанные в 1964 г. в с. Мильково.
76. ЦДНИКО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 244.

Из циркуляра Дальбюро ЦК РКП(б) № 151 от 12 сентября 1923 г.

Секретно

...6. Молодежь, как объект в антирелигиозной пропаганде, должна занимать первое место перед прочими возрастными группами населения...

ЦДНИКО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 8. Л. 16.

**Заявление Тигильскому Волревкому от гражданок с. Тигиль
З. А. Шемаевой, С. Ф. Пингиной, Е. М. Сепопальниковой,
10 февраля 1925 г.**

Последнее январской собрание «верующих» и постановления, клонившиеся всецело в пользу попа окончательно дало нам женщинам понять, что вся религия вообще и православная в частности основана на порабощении, на затемнении нас — трудящихся эксплуататарами-попами, которые так «усердно» бьют лбами о пол, которые так громко говорят свои басни со своего амвона, дурманя этим нас. Октябрь, давший освобождение Русскому пролетариату от ига капитала и его приспешников, помог и нам здесь, на далекой Камчатке, наконец, сбросить эти путы рабства, проснуться от векового сна, снять всю мерзость старого прогнившего строя, свободно взглянуть и открыто сказать: да, прошли те времена, когда нам насильно вбивали религиозное учение, возврата к ним уже не будет...

ГАКО. Ф. 25. Оп. 5. Д. 8. Л. 15.

**Заявление Тигильскому волревкому от жителя с. Тигиль
Николая Александровича Мирошкина, июль 1925 г.**

Настоящим заявляю, что сан священника я снимаю. Делаю это по собственному убеждению и доброй воле, почему прошу Тигильский волревком поставить в известность всех граждан, чтобы с этого времени не считали меня священником, а обыкновенным, как и все, гражданином.

Акт от 10 февраля 1926 г.

Мы нижеподписавшиеся зав. Гижигинским Партпрофклубом т. Васильев, сторож клуба т. Какаулин Ф. и гр. Русанов Николай Михайлович составили настоящий акт в нижеследующем: Просматривая и разбирая вещи, тряпье и разный хлам для сцены клуба в коих оказались следующие вещи: один лоскут атласный вышитый шёлком (квадратный на прокладке), одна мантия монашеская из чёрной материи, одна скуфия (поповская) и один шт. коврик-орлец (маленький), каковые негде в имуществе клуба не значаться, а по сему вместе с настоящим актом, указанные четыре вещи передаются зав. Общим Отделом Гижигинского УРК, как по всей вероятности принадлежащие церковному имуществу и на каковые нет никаких документов.

Из закрытого письма секретаря Дальбюро ЦК ВКП(б) Кубяк, сентябрь 1926 г.

В деревне заметно оживление религиозных общин. Нынешним летом на Камчатку «заброшено» порядочное количество священников, которые ведут интенсивную «работу». В населении эта «братия» встречает довольно дружное сочувствие.

Я объясняю это явление форсированием антирелигиозной пропаганды по округу. Методами на материке давно забракованными как не достигшими цели, а действующими как раз в обратном направлении. Вывод этот я делаю из следующих фактов: 1) «антирелигиозниками» были по преимуществу работники ГПУ; 2) стенные газеты пестрят сплошь антипоповской вульгарной писаниной; 3) спектакли в деревнях топорно-антирелигиозного характера преваляют; 4) эпидемия на закрытие церквей и превращение их в избы-читальни...

Метод закрытия церквей был обычно таков: устраивались собрания в деревне, приезжал кто-нибудь из работников ГПУ, делал «доклад», в результате готового постановления о закрытии церкви и передачи ее под избы-читальню.

ЦДНИКО. Особый фонд. Д. 43. Л. 12.

Поповские сплетни!

В 1927 году на Рождество из нашего села Верхне-Камчатска уехали в Мильково на праздник несколько граждан, которые сообщили, будто бы мильковский поп говорил так, что церковь опять переходит к советскому государству. Наш житель Нечаев Василий был настоящий безбожник, попов ругал и в церковь не ходил, а как только услышал, что, будто, советская власть решила принять к себе церковь, то сразу же изменил свои убеждения. Приехал в Верхне-Камчатск поп, Нечаев к нему с просьбой, призвал попа и окрестил не только родившегося своего сына, но и трехлетнюю девочку, да еще молебен отслужил. Вскоре верующие говорят, что попу надо дров нарубить, да заготовить. Тут Нечаев говорит — я буду рубить дрова, я неверующий. Интересно для чего поп распускает такие слухи. Нечаеву советую же остаться таким же безбожником, каким и был.

Полярная звезда, 29 марта 1928 г.

Одна беда за другой

В селе Толбачик свирепствует неизвестная болезнь, от которой гибнут люди. Одна беда мало — пришла вторая. Приехал поп, который пугает народ «страшным судом».

С ноября 1927 года у нас в селе начали заболеть жители... Мало ребят посещают школу... И кроме эпидемии есть и другая причина. Причина эта та, что к рождеству по старому стилю к нам приехал рассадник темноты и религиозных бредней — поп. Он горячо и смело взялся за это дело и результаты достижений его на лицо: прошлое время до приезда попа в школе была жизнь целый день и вечерами, а с приездом попа все замерло. Население здесь все верующие и запугивается попом «страшным судом», в случае, если чада духовные будут следовать новым учениям. Учитель в селе одиночка среди верующих. Ученикам некоторые из родителей

воспринимают ходить на квартиру учителя для бесед так как боятся, что он «собьет их с небесного пути». Был даже случай, что один гражданин обещал устроить «мордобитие» если учитель будет внушать детям неверие в поповские бредни...

Все это, а в частности перекочевка жителей, говорит за то, что школу надо перебросить в Средне-Камчатск.

Полярная звезда, 5 апреля 1928 г.

Письмо заключенного Александра Семеновича Еременко, бывшего священника Ключевской церкви, о. Леонтию Яковлеву, священнику Петропавловской церкви, 24 марта 1929 г.

Христос посреде нас! Глубокоуважаемый о. Леонтий спешу возвестить о своем здоровье: Пока по милости Всевышнего жив и здоров, чего и вам от всей души желаю. И шлю свой сердечный привет и доброе пожелание. Первым пароходом было послано мною Вам письмо. Не знаю, получили или нет. Нахожусь я, конечно, как птичка в клетке, так и я за решеткой. И нет никаких трудов и забот как только думать о горнем. Духом пока не падаю, может еще Бог приведет и с Вами увидимся. Скучаю за Камчаткой и жалею, особенно за Ключами. Срок моего заключения 16 ноября 1929 г.

О. Леонтий, просьба моя к Вам, если только можно и если будет на то милость Ваша, послать мне сухарей. Я очень буду благодарен и в долгу не останусь. Мир и Божие благословение да пребудет со всеми нами. Прошу св. молитв и меня не забывать письмами.

ЦДНИКО. Ф. 1199. Оп. 1. Д. 2606. Л. 90.

Готовьтесь к безбожной пасхе!

...Основными лозунгами антипасхальной кампании Организация Союза Безбожников выдвигает следующие: увеличение сети ячеек, увеличение количества и качества состава членов Союза Безбожников, выявление безбожного актива, усиление культурно-массовой работы и работы по распространению периодических изданий Центрального Совета Союза Безбожников СССР.

Городские ячейки Безбожника к работе приступили с первых чисел апреля, с первых же дней работы развернулась компания по подписке на периодические издания, по вербовке новых членов, о чем свидетельствует работа ячейки при АКО и др. В нынешнем году антипасхальная компания в плановом порядке у нас в городе проводится в первый раз...

Безбожники Петропавловска и порвавшие с этой дремотой «религией» эти дни будут проводить не с бутылкой в руке, которая у всех верующих появится в религиозные праздники, а за полезной работой...

Вечером 4 мая клуб ССТС мечтает провести бесплатный спектакль, который будет доступен в этот день всему трудящемуся населению Петропавловска, библиотека намечает провести в тот же вечер выставку всей новейшей литературы, всех периодических и непериодических изданий по антирелигиозным вопросам.

Наш лозунг: «Порвал с религией — вступай в Союз Безбожников». Вместо церкви в пасхальные дни иди в клуб и библиотеку.

Полярная звезда, 25 апреля 1929 г.

Кто на Камчатке не знает «знаменитую тещу» или «Домну Ивановну»?

Это пудов на восемь туша — в резиновых сапогах, с лицом «богородицы — откровенной свиньи», в прошлом торговка, а теперь главарь всего антисоветского, агитпропаганда верующих, защитник «униженных, оскорбленных и обиженных», «гостеприимный человек» — штаб сплетен «о голоде, о верующих, о войне», руководитель воспитания камчадал к русскому населению.

Эта «женщина» никогда спокойна не бывает: 1) систематически поддерживает стадо верующих, которых ей во что бы то ни стало нужно ей удержать, а отсюда — беготня, хлопоты, 2) пастыри божии на подаяния верующих существовать не могут, а отсюда бешеные заботы по сбору средств, выпуска подписных листов сбора пожертвований, накачивание древних старушек, которые выступают на собрании граждан с претензиями на советскую власть, не обеспечивающую пастырей духовных, к присутствующему на собрании председателю Окрисполкома, 3) обработка общественного мнения за принятие попа в земельное общество и предоставление ему права вылова рыбной продукции, 4) обработка приезжих работников граждан-переселенцев, привлечение их на свою сторону.

Нужно отдать ее способности справедливость — ей многое удается сделать, местная обществу не спит. Попа протащить ей в члены земельного общества удалось. Она, когда на улице было тепло, на всю деревню провела большую агитационную работу в каждом доме — в результате на собрание пришли и такие граждане, которые никогда на них не бывали, и попа притащили. Не успели переселенцы сойти на берег, как она сумела сделаться среди них своим человеком, «обогрела, накормила и приютила» — стала их ходатаем и защитником перед местными властями и организациями. Особенно усердно она старается заручиться поддержкой у приезжающих работников, угощая их молоком, сметаной, балычками и даже предоставляет квартиру, в результате кой-кто иногда становится на ее сторону, выставляя ее как образец «советской активности», которую «местные организации использовать не умеют» (заявление на одном партсобрании секретаря Далькрайисполкома т. Копытина, которого она успела обработать). Она из этого извлекает большую материальную пользу.

Полярная звезда, 11 августа 1929 г.

Из доклада районному прокурору Битюкову от начальника Усть-Камчатского районного ОГПУ Мейя, 2 июня 1934 г.

По имеющимся у нас сведениям имущество церкви с. Нижнекамчатск валяется вразброс по улице, причем по инициативе председателя сельсовета Савинского, председателя колхоза Козырева и избача Бурнашова иконы положили как переходы через грязь и для вытирания ног у клуба, просим расследовать это дело, о результатах поставить нас в известность.

ЦДНИКО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 36. Л. 77.

**Список жителей Петропавловска, лишенных избирательных прав
в 1926—1928 гг.**

Яковлев Леоний Яковлевич, монах, священник.
Гарднер Константин Константинович, псаломщик, диакон.
Худенко Григорий Афанасьевич, псаломщик.
Гарднер Петр Константинович, сын К. К. Гарднера.
Гарднер Василий Константинович, сын К. К. Гарднера.
Гарднер Елена Константиновна, дочь К. К. Гарднера.
Архангельская Анна Николаевна, жена К. К. Гарднера.
Кияшко Антон Васильевич, священник, служащий.
Архангельский Александр Андреевич, священник, служащий лесхоза.

Жители с. Мильково, лишенные избирательных прав в 1927 г.

Бобриков Иван Иванович, 39 лет, псаломщик.
Мазур Климентий Иулианович, 51 год, монах, священник.
Ворошилов Павел Михайлович, 53 года, священник.
Бобряков Анастасий Мартемьянович, 28 лет, псаломщик.
Ворошилов Иннокентий, 29 лет, учитель, псаломщик до 1923 г.
Потапов Илларион Феофанович, 48 лет, псаломщик до 1923 г.

Жители с. Елизово, лишенные избирательных прав в 1927 г.

Ворошилов Гавриил Афанасьевич, 55 лет, учитель, псаломщик.
Машихин Иннокентий Егорович, 53 года, торговец.

**Лица, не имеющие права избирать и быть избранными
в сельские и городские Советы**

Алеутский район

Хабаров Николай Иванович, 29 лет, промышленник, церковный служитель.

Усть-Камчатский район

Васильев Р. С., 60 лет, священник, учитель.

Петрук Н. А., 34 года, монах, диакон.

Каргопольцев, 52 года, священник, учитель.

Еременко Александр Семенович, место жительства с. Ключи, священник.

Коллегов Геронтий Васильевич, священник.

Карагинский район

Щегорин Федор Матвеевич, 45 лет, священник, учитель.

Анадырский район

Шипицин Агафопод, 85 лет, священник. Место жительства с. Марково. Собственность — три собаки.

Шипицин Александр Агафоподович, 30 лет, сын А. Шипицина, нетрудоспособный.

Шипицина Вера Агафоподовна, 22 года, дочь А. Шипицина, нетрудоспособная.

Большерецкий район

Коллегов Геронтий Кириллович, священник.

Логинов Николай Константинович, диакон.

Манаев Иван Филипович, с. Запорожское, «духовный служитель».

Бучинский Тимофей Иванович, с. Афанасьевка, «духовный служитель».

Ворошилов Николай Александрович, с. Воровское, «служитель культа».

Самборко Савва Макарович, с. Соболево, «служитель культа».

Ворошилов Константин Иосифович, с. Крутоберегово, «служитель религиозного культа».

Климовский Афанасий Феодорович, с. Облуковино, «духовный служитель».

Серебрянников Венедикт Александрович, «духовный служитель».

Верещагин Кирилл Васильевич, «духовный служитель».

Сновидов Гавриил Васильевич, с. Ича, «духовный служитель».

Село Тигиль

Барагин Емельян Иннокентьевич, 46 лет, псаломщик.

Мирошкин Николай Александрович, 41 год, священник.

Мирошкина Анна Владимировна, 36 лет, домохозяйка.

Скорняк Серафим Степанович, 48 лет, монах, священнослужитель.

Лонгинов Николай Алексеевич, 69 лет, священник.

Карагинский район

Слободчиков Евгений Иннокентьевич, 32 года, с. Тилички, псаломщик.

Пенжинский район

Николаев Нифонт, 60 лет, с. Наяхан, монах, священник.

Село Колпаково

Сновидов Николай Иванович, 58 лет, священник.

Сновидова Евдокия Васильевна, 56 лет, жена Н. И. Сновидова.

Баранов Петр, 37 лет, псаломщик.

Куржужскино Петр Андреевич, 35 лет, псаломщик.

Русанов Петр Васильевич, 44 года, псаломщик.

Малахов Афиноген Сергеевич, 43 года, сторож рыбалки.

ГАКО. Ф. 179. Оп. 1. Д. 8.

**Выписка из протокола заседания президиума Камчатского окрисполкома
от 27 июня 1929 г.**

Ходатайство Ворошилова Николая Александровича о восстановлении его в избирательных правах (ст. 14), как бывшего псаломщика, — отклонить. Нелояльности (так в тексте. Читай: «лояльности». — *Ред.*) к Советской власти ни в чем не проявил.

ГАКО. Ф. 122. Оп. 1. Д. 3.

**Протокол № 1 заседаний Сельпромизбиркома исполкома Алеутского
районного Совета депутатов трудящихся по выборам в Совет
от 25 февраля 1932 г.**

Протокол на основании ст. п. «Н» Инструкции о выборах в Советы — лишить права избирать и быть избранным служителя культа Хабарова Николая.

ГАКО. Ф. 122. Оп. 1. Д. 10.

ВАСИЛИ

17

Заявление
Паратунской ячейки
РКСМ. 2 мая 1924г.

В присутствии членов РКСМ
и др. лиц, имея которого знать
не имели, не постеснялся
веткнуть в прорезание за восстановление
введение государственного права церкви
гражданами. Если он не постеснялся
ознакомить допустить в Вашем
присутствии, что подготовившая
судить о том, что он делает
ко темным гражданам Камчатки
Арсений Васильевич Товарищев, не
отказавшись принять немедленно
меры в случае погони, как вредного
элемента в паразитическое нами
данного времени, на след того,
кто его приважи.

Члены РКСМ М. Яковлев.
Г. Яковлев С. Яковлев И. Яковлев

В Подписи
Земельный отдел Н. Яковлев.

Заявление Паратунской ячейки РКСМ от 2 мая 1924 г.
(ГАКО. Ф. 1191. Оп. 1. Д. 1725. Л. 198)

Штильберг Вильгельм
27-ноя 1925
С. П. Пешков Е. П. Семанович
309 в Москве и Сырва Д. Ф. Д. Д. Д.

Последнее дваронье, севшие ветроуки и
кветившиеся, кланчившиеся, вечно в
люди пана, дурманом даю дай -
вещишам, фидити, это вся религия, ва-
се и православна, в гаси, вети, осрваца
порабощенные, на замечении нас - про-
дичишам, джамбатарам - полами, ко-
бие так, усердно, бьют словами в при-
торы так, крошечко говорят свои бачки
своего амлафа, дурману, дтими нас
всегда, давший освобождение русскому
гачетаривету, от ига каттана и его
мешетариков, паног и нем злов, но да-
соби наглатье, наконец, сбросит эти ку-
и, рабства, проснутой в вековой сна
жить веро, мэрзоты, старого проку, чинил
траса, свободно, взглянуть и откровенно ска-
ть. да, прошии, те времена, когда нас
мобили, заринаш и навильно, вбивши ре-
тмозные, урлите, возврата к ним уже не бу-
ти. Мы с женщию, метерь, все это понаши
смыслити, сбрасывали с себя, верки, что поведе
идати. Мы неанеди, просвещены, но не
вигнозого дурмана. Мы свободные, нешишиши
целесо, живити, дтми, следуют, по пути, зако-
аший, пролетариата, дабы из их, были
вот, да, своим, дабы, дтими.

ГАКО		
ФОНД	25	оп 5
Лист	8	лист 15

Фрагмент заявления о выходе из религиозного общества с. Тигиль, 1925 г.
(ГАКО. Ф. 25. Оп. 5. Д. 8. Л. 25)

Выписка из решения Паланского сельсовета

Лонгиновы Нестор, Алексей, Николай, Петр Васильевич лишены, как большинство псаломщиков не подлежат лишению, согласно прим. № 2 и п. 19 инструкции. ГАКО. Ф. 204. Оп. 1. Д. 1. Л. 53.

Священнослужители, репрессированные в 1920—1930-х гг. (неполный список)

Архангельский Александр Андреевич, родился 1 сентября 1884 г. в с. Меловое Камышинского района Саратовской губернии. До 1914 г. учитель в г. Саратове. В 1916—1921 гг. священник и учитель в с. Карага и Паратунка, потом на разных работах. Сложил сан. Делопроизводитель Водстрога, учитель. Окончил три класса духовного училища. Проживал в Петропавловске. Сын попа. Русский. Арестован 25 февраля 1932 г. Осужден с заключением в концлагерь на три года по приговору от 19 мая 1932 г.

Бучинский Тимофей Иванович, родился в 1871 г. в с. Сухоженцы Изъяславского уезда Вольнской губернии. Священник. Проживал в с. Ича Усть-Большерецкого района. Украинец. Арестован 12 июля 1932 г. 7 сентября 1932 г. осужден к пяти годам лишения свободы.

Васильев Рафаил Семенович, родился в 1867 г. в г. Акта Забайкальской губернии. Благодичный камчатских церквей, архимандрит. Образование сельское. Проживал в с. Усть-Камчатск. Русский. Арестован в августе 1928 г. 16 ноября 1928 г. осужден к одному году лишения свободы.

Верещагин Кирьяк Васильевич, родился в 1875 г. в с. Облуковино. Доброволец в Большерецкой жандармской дружине во время русско-японской войны. Псаломщик с 1893 по 1929 г. В Облуковинской церкви замещал должность попа. С 1924 г. занимался сельским хозяйством и рыбной ловлей. Лишенец. До 1930 г. состоял в группе верующих. Окончил Тигильскую церковно-приходскую школу в 1890 г. С 1 июня 1927 г. проживал в с. Крутогорово. Сын псаломщика. Камчадал. Арестован 3 марта 1932 г. 2 июля 1932 г. освобожден из-под стражи по протесту прокурора Дальневосточного края.

Ворошилов Николай Александрович, родился в 1878 г. в с. Апача Большерецкого района Камчатской области. Псаломщик. Проживал в с. Соболево. Камчадал. Арестовывался дважды: 16 апреля и 15 июня 1934 г. 23 ноября 1935 г. вынесен приговор: десять лет с конфискацией имущества.

Голубев Алексей Константинович, родился 7 марта 1875 г. в г. Вологде. Во время Первой мировой войны находился на Юго-Западном фронте, служил во 2-м Заамурском пехотном полку. Полковник, помощник начальника стражи КВЖД. Потом занимался хозяйством, клал печи. В Петропавловске помогал Л. Яковлеву в церкви чтением и пением. Окончил Вологодскую духовную семинарию, Виленское юнкерское училище. Проживал в с. Кальгирь Петропавловского уезда, приписан к Владивостоку. Дворянин, дед — сельский священник, отец — протоиерей. Арестован 2 сентября 1931 г., 28 ноября 1932 г. приговорен к пяти годам концлагеря.

Еременко Александр Семенович, родился в 1891 г. в с. Пилипче Лесновской волости Переяславского уезда Полтавской губернии. В должности священника с де-

кабря 1925 г. Образование начальное. Проживал в с. Ключи в доме прихожанина Вл. Григорьева. Из крестьян. Украинец. Арестован в 14 апреля 1928 г. 16 ноября 1928 г. осужден к одному году лишения свободы.

Климовский Афанасий Федорович, родился 18 января 1897 г. в с. Облуковино. Псаломщик в 1924—1928 гг. Окончил сельскую школу и три класса высшего начального училища. Проживал в с. Облуковино. Камчадал. Арестован в марте 1932 г. 2 июля 1932 г. освобожден из-под стражи по протесту прокурора Дальневосточного края.

Колегов Григорий Михайлович, родился 19 марта 1905 г. в с. Большерецк. Сельский разъездной псаломщик, в 1922—1923 гг. — секретарь религиозного общества в селе Старый Большерецк. До 1920 г. жил в с. Кихчик. Вместе с попом Бучинским ездил в с. Озерное. Затем проживал в с. Кавалерское. Окончил сельскую школу. Из крестьян. Дед священник, отец середняк, в прошлом псаломщик. Камчадал. Арестован 20 декабря 1934 г. Приговор — три года исправительно-трудовых лагерей — вынесен 5 сентября 1935 г.

Косыгин Иван Иннокентьевич, родился в 1878 г. в г. Петропавловске. Торговец, в 1930 г. привлекался судом за участие в лжекооперативе, член церковного совета с 1927 г. Проживал по адресу: г. Петропавловск, ул. Партизанская, 53. Происходил из семьи торговца (отец имел лавку в с. Хайрюзово). Русский. Арестован 16 сентября 1931 г. Приговор от 28 ноября 1932 г.: заключение в концлагерь сроком на три года.

Лонгинов Вячеслав Николаевич, родился в 1884 г. в с. Тигиль. Колхозник, охотник, псаломщик в Паланской церкви до 1925 г. Грамотный. Проживал в с. Палана. Отец фельдшер и поп. Камчадал. Арестован 2 июля 1931 г. Освобожден 20 августа 1932 г.

Мазур Корнилий Иулианович. Родился 19 мая 1875 г. Священник, монах Шмаковского монастыря. В 1925 г. получил приглашение на Камчатку, где с января 1926 г. был священнослужителем в с. Мильково. Окончил четыре класса церковно-приходской школы. Русский. Арестован 28 января 1930 г. Приговор — пять лет концлагеря — вынесен 10 июля 1930 г.

Манаев Иван Филиппович, родился в 1882 г. в г. Омске. С декабря 1901 по 1913 г. учитель, с 1913 г. до Февральской революции священник и учитель в с. Толбачик Усть-Камчатского района. С 1917 до 1921 г. священник Петропавловского собора и учитель в с. Сероглазка. До 1923 г. служил священником и учителем, с 1925 г. рыбак, учитель в с. Запорожье. Учился в Духовном училище и в Иркутской Духовной семинарии. Проживал в с. Запорожье Усть-Большерецкого района. Дворянин, сын офицера. Русский. Арестован 26 марта 1932 г. Приговор — пять лет концлагеря — вынесен 26 августа 1932 г. Умер 29 октября 1933 г. в Райчихинском лагпункте Амурской области.

Михайлов Иван Ксенофонович, родился в 1887 г. Житель с. Ключи. С 1921 г. старший псаломщик, в 1929—1932 гг. исполняющий обязанности священника. Проживал в с. Ключи. Происходил из семьи духовного звания. Камчадал. Выслан этапом в Западную Сибирь сроком на три года. Приговор вынесен 19 мая 1932 г.

Ощепьев Максим Пименович, родился в 1878 г. в дер. Ново-Николаевка Херсонской губернии. Священник. Проживал в Петропавловске. Русский. Арестован 7 сентября 1929 г. Приговор — три года лишения свободы — вынесен 23 декабря 1929 г.

Петраш Пимен Ефимович, родился в 1873 г. в Переяславском уезде Полтавской губернии. Священник. Проживал в г. Петропавловске. Украинец. Арестован 7 марта 1932 г. 19 мая 1932 г. вынесен приговор: запрещается проживать в 12 населенных пунктах Дальневосточного и Восточно-Сибирского краев.

Петрук Николай Ананьевич, родился в 1893 г. в дер. Гута Каменец-Подольской губернии. Священник. Проживал в г. Петропавловске. Украинец. Арестован 15 апреля 1929 г. 16 августа 1929 г. вынесен приговор: три года с запрещением проживать в 12 населенных пунктах Дальневосточного края и в приграничной полосе.

Пинигин Константин Васильевич, родился в 1904 г. в с. Мильково. Председатель церковного совета. Проживал в с. Мильково. Арестован 24 августа 1931 г. Содержание приговора от 14 января 1932 г. не выяснено.

Савинский Алексей Викентьевич, родился в 1883 г. в с. Усть-Камчатек. Псаломщик. Проживал в с. Усть-Камчатек. Русский. Арестован 20 марта 1932 г. Приговор — три года ссылки в Западную Сибирь — вынесен 19 мая 1932 г.

Селиванов Константин Николаевич, родился в 1887 г. в с. Каменка Самарской губернии. Священник, на момент ареста работал кладовщиком совхоза им. Блюхера. Проживал в с. Усть-Большерецк. Русский. Арестован 28 января 1933 г. Приговор — высшая мера наказания — вынесен 1 января 1934 г.

Серебрянников Венедикт Алексеевич, родился 14 марта 1891 г. в с. Облуковино. Псаломщик с 1916 г. Грамотный. Проживал в с. Облуковино. Сын церковнослужителя. Камчадал. Арестован в марте 1932 г. 2 июля 1932 г. освобожден из-под стражи по протесту прокурора Дальневосточного края.

Шерстенников Павел Константинович, родился 10 августа 1869 г. в с. Прокопьево Слободского уезда Вятской губернии. Бывший почетный гражданин, служил в городском полицейском управлении Благовещенска столоначальником с 1898 по 1905 г. и исполняющим обязанности помощника полицмейстера с ноября 1905 по август 1906 г., секретарь церковноприходского совета с 1917 по 1930 г., исполняющий обязанности псаломщика при Петропавловской церкви. Образование незаконченное среднее (обучался в трехгодичном начальном и духовном училищах). Проживал в Петропавловске. Происходил из семьи дьячка. Русский. Арестован 6 сентября 1931 г. 28 ноября 1932 г. вынесен приговор: выслать в Западную Сибирь сроком на три года.

Шигаев (Шагаев) Дмитрий Андреевич, родился в 1868 г. в с. Галюшевское Алтайского уезда Симбирской губернии. Участвовал в работе городской думы при «белых», судился в 1923 г., оправдан. Образование низшее. Проживал в Петропавловске на ул. Нагорной, 3. Из крестьян. Русский. Умер под следствием в феврале 1932 г.

Яковлев Леонтий Яковлевич, родился 10 августа 1881 г. на Украине в с. Большие Коровенцы Бердичевского округа. С 1906 по 1915 г. послушник Шмаковского монастыря. С 1915 по 1916 г. диакон железнодорожной церкви на станции Седанка. С 1917 г. священник собора Св. апостолов Петра и Павла. Благочинный Камчатской епархии и настоятель Петропавловского собора. Окончил четырехклассную школу. Проживал в г. Петропавловске. По происхождению крестьянин. Украинец. 6 сентября 1931 г. арестован. 28 ноября 1932 г. приговорен к заключению в концлагерь на пять лет.

Судьба культовых сооружений Камчатки

1. Собор, г. Петропавловск, закрыт 13 декабря 1931 г. После закрытия использовался на культурные нужды города.
2. Церковь, г. Петропавловск, время закрытия и состояние после закрытия неизвестны.
3. Часовня, г. Петропавловск, закрыта 9 сентября 1924 г. После закрытия передана губпромхозу с правом сноса.
4. Церковь, с. Гижига, Гижигинский уезд. Передана под школу по распоряжению Камчатского губбюро РКП(б) от 17 ноября 1924 г. Открыта вновь 15 ноября 1925 г.
5. Часовня, с. Пенжино, Гижигинский уезд, время закрытия и состояние после закрытия неизвестны.
6. Церковь, с. Левчик, Гижигинский уезд, закрыта 21 мая 1924 г. После закрытия передана под школу.
7. Церковь, бухта барона Корфа, закрыта, предположительно, в 1924 г., состояние после закрытия неизвестно.
8. Церковь, с. Марково, Анадырский уезд, время закрытия и состояние после закрытия неизвестны.
9. Молитвенный дом, с. Ново-Мариинск, Анадырский уезд, время закрытия и состояние после закрытия неизвестны.
10. Церковь, о. Беринга, Командорский уезд, закрыта в мае 1928 г. После закрытия отдана местному профсоюзу под клуб.
11. Церковь, о. Медный, Командорский уезд, время закрытия и состояние после закрытия неизвестны.
12. Церковь, с. Елизово, Елизовская волость, закрыта 19 апреля 1930 г. После закрытия передана под избу-читальню.
13. Церковь, с. Паратунка, Елизовская волость, закрыта в 1925 г. После закрытия передана под школу.
14. Церковь, с. Николаевка, Елизовская волость, закрыта 3 октября 1925 г. После закрытия передана под школу.
15. Церковь, с. Коряки, Елизовская волость, время закрытия и состояние после закрытия неизвестны.
16. Часовня, с. Начики, Большерецкая волость, время закрытия и состояние после закрытия неизвестны.
17. Часовня, с. Ганалы, Большерецкая волость, время закрытия и состояние после закрытия неизвестны.
18. Часовня, с. Апача, Большерецкая волость, закрыта, предположительно, летом 1926 г., состояние после закрытия неизвестно.
19. Часовня, с. Малка, Большерецкая волость, время закрытия и состояние после закрытия неизвестны.
20. Молитвенный дом, с. Большерецк, Большерецкая волость, закрыт 9 сентября 1924 г. После закрытия передан под школу.
21. Часовня, с. Кихчик, Большерецкая волость, закрыта 30 мая 1924 г. После закрытия передана в распоряжение сельревкома, использована под клуб.
22. Часовня, с. Явино, Большерецкая волость, закрыта 13 февраля 1925 г. После закрытия продана, деньги использованы волревкомом.

23. Часовня, с. Гольгино, Большеперечкая волость, закрыта 29 декабря 1924 г. Здание передано на «культурно-просветительские нужды».
24. Часовня, с. Колпаково, Большеперечкая волость, закрыта 8 июля 1926 г. После закрытия передана на культурно-просветительские нужды.
25. Часовня, с. Утка, Большеперечкая волость, время закрытия и состояние после закрытия неизвестны.
26. Церковь, с. Соболево, Соболевская волость, закрыта 7 ноября 1924 г. В помещении открыт клуб «Имени семилетия Октябрьской революции». 8 июля 1926 г. передана под избучитальню.
27. Часовня, с. Привольное, Соболевская волость, время закрытия и состояние после закрытия неизвестны.
28. Часовня, с. Ича, Соболевская волость, закрыта в 1930 г. После закрытия передана сельсовету.
29. Церковь, с. Облуквино, Соболевская волость, закрыта в июне 1930 г. Состояние после закрытия неизвестно.
30. Часовня, с. Крутогурово, Соболевская волость, закрыта в 1930 г.
31. Часовня, с. Колпаково, Соболевская волость, закрыта в 1926 г. С 1924 г. не использовалась, в 1926 г. передана культурно-просветительские нужды.
32. Церковь, с. Хайрюзово, Хайрюзовская волость, закрыта 25 июня 1924 г. После закрытия передана под школу.
33. Часовня, с. Утхолок, Хайрюзовская волость, закрыта 23 января 1925 г. После закрытия разрешено сломать.
34. Часовня, с. Сопочное, Хайрюзовская волость, закрыта 23 января 1925 г. После закрытия снесена, материал употреблен для общественных построек.
35. Часовня, с. Ковран, Хайрюзовская волость, закрыта 23 января 1925 г. После закрытия разрешено сломать.
36. Часовня, с. Морошечное, Хайрюзовская волость, закрыта 23 января 1925 г. После закрытия материал употреблен на ремонт школы.
37. Церковь, с. Тигиль, Тигильская волость, время закрытия и состояние после закрытия неизвестны.
38. Часовня, с. Кинкиль, Тигильская волость, закрыта 8 июля 1926 г. После закрытия снесена или использована под общественное здание.
39. Часовня, с. Седанка, Тигильская волость, закрыта 8 июля 1926 г. Решено передать сельсовету. По требованию верующих возвращена им в октябре того же года.
40. Церковь, с. Воямполка, Тигильская волость, время закрытия и состояние после закрытия неизвестны.
41. Церковь, с. Палана, Паланская волость, закрыта 8 июля 1926 г. После закрытия передана под школу.
42. Церковь, с. Лесная, Паланская волость, закрыта 23 марта 1930 г. С 8 июня 1926 г. по 1930 г. стояла бесхозной, потом передана верующим.
43. Церковь, с. Мильково, Мильковская волость, закрыта в январе 1930 г. После закрытия передана под клуб.
44. Часовня, с. Шаромы, Мильковская волость, закрыта в декабре 1929 г. После закрытия разрушена, материал пошел на ремонт квартиры учителя.
45. Часовня, с. Машура, Мильковская волость, закрыта в марте 1925 г. После закрытия передана на культурно-просветительские нужды.

46. Часовня, с. Щапино, Мильковская волость, время закрытия и состояние после закрытия неизвестны.

47. Церковь, с. Толбачик, Мильковская волость, время закрытия и состояние после закрытия неизвестны.

48. Церковь, с. Ключи, Ключевская волость, закрыта в октябре 1931 г., состояние после закрытия неизвестно.

49. Часовня, с. Кресты, Ключевская волость, время закрытия и состояние после закрытия неизвестны.

50. Часовня, с. Козыревск, Ключевская волость, закрыта в марте 1925 г. После закрытия передана под клуб.

51. Часовня, с. Ушки, Ключевская волость, время закрытия и состояние после закрытия неизвестны.

52. Часовня, с. Камаки, Ключевская волость, время закрытия и состояние после закрытия неизвестны.

53. Часовня, с. Еловка, Ключевская волость, время закрытия и состояние после закрытия неизвестны.

54. Церковь, с. Нижне-Камчатск, Усть-Камчатская волость, время закрытия и состояние после закрытия неизвестны.

55. Церковь, с. Усть-Камчатск, закрыта в 1925 г., передана клубу, в 1926 г. возвращена верующим.

56. Церковь, с. Дранка, Дранкинская волость, закрыта 15 февраля 1924 г. После закрытия передана на культурно-просветительские нужды.

57. Церковь, с. Карага, Дранкинская волость, закрыта 28 ноября 1923 г. Состояние после закрытия неизвестно.

КРАТКИЙ ОЧЕРК ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ КАМЧАТСКОЙ ПЕЧАТИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА

Периодическая печать, являясь одним из средств массовой информации и пропаганды, представляет для исследователя интерес, прежде всего, своей многоплановостью. Газетный и журнальный материал включает в себя самую разнообразную по жанру, происхождению и характеру информацию: официальные сообщения и документы, законодательные акты, публицистику, письма, хронику, объявления, некрологи, прочее — репортажи, интервью, заметки и т. д. Однако заметим, что периодическая печать, как исторический источник, требует осторожного обращения. Например, вопреки распространенному суждению, печать никогда не являлась выражением общественного мнения — она может стремиться представить себя им, но, в лучшем случае, будет выражать интересы лишь группы людей, допустим, издателей газеты.

В данном очерке не предполагается рассматривать и анализировать местную периодическую печать как исторический источник. Прежде всего, в нем предприняты попытки восстановления истории ее развития в первой половине XX в. и восполнить существующие на сегодняшний день белые пятна. Так, приятным событием при подготовке материала явилась находка первых номеров районной газеты «Долина» и первого (и, судя по всему, единственного) номера журнала «Селькор Камчатки». Большую помощь автору в этом оказали специалист Государственного архива Камчатского края Е. П. Абрамова и сотрудник Камчатской краевой научной библиотеки им. С. П. Крашенинникова И. В. Витер.

Количество местных изданий, вышедших в 1910—1920-х гг. и сохранившихся до настоящего времени, к сожалению, не слишком велико, в то время как этот период был очень важным в истории Камчатки.

Типографское оборудование прибыло в Петропавловск на пароходе осенью 1912 г. Его на личные средства приобрел предприниматель М. М. Пономарев. 19 декабря 1912 г. в городе с их помощью вышел первый номер печатного рекламного и справочного издания, ставшего прообразом всех современных камчатских газет. Оно получило название *«Петропавловский Листок Объявлений»*. «Листок» выпускался ежедневно тиражом 420 экземпляров. Кроме объявлений в нем печатались мелкие статьи, заметки, хроника городских событий и официальные телеграммы. Редактором «Листка» был вице-губернатор Камчатской области Александр Гаврилович Чаплинский [1].

2 мая 1914 г. типография начала печатать газету «Камчатский листок». Это издание действительно представляло собой листок бумаги писчего фор-

мата, запечатанный с обеих сторон довольно крупным текстом. Газета извещала население города и его окрестностей обо всех городских событиях и сообщала о мировых и всероссийских новостях, полученных из метрополии по телеграфу. Редакция газеты размещалась в доме А. П. Журавского на Второй улице.

«Редакторами-издателями» (так указывается в самой газете) «Камчатского листка» за время его существования были В. А. Огородников, Н. Д. Голубецкий, Е. М. Клочкова. После М. М. Пономарева владельцем типографии стал Петр Митрофанович Клочков (Евгения Михайловна Клочкова — его жена). Кстати, П. М. Клочков был и агентом Страхового общества «Россия» в Петропавловске. «Камчатский листок» издавался до весны 1918 г., когда по решению областного Совета газета была закрыта.

В 1917 г. в Петропавловске непродолжительное время — с 11 июня по 30 июля — выходил журнал «Свободное слово Камчатки», редактором-издателем которого был Павел Матвеевич Соловарин. Всего вышло восемь номеров этого издания.

После закрытия «Камчатского листка» в Петропавловске в 1918, 1919, 1920 гг. издавалась газета «Камчатский вестник», печатный орган Камчатского областного комитета. 16 ноября 1918 г. в «Камчатском вестнике» № 101 была опубликована выписка из журнала заседания областного комитета от 12 ноября 1918 г. В ней под § 9 значилось: «Заслушали: доклад Председателя областного комитета о газете “Камчатский вестник”. Постановили: ввиду того, что Типография является собственностью казны и содержится за счет государства, областной комитет, в видах упорядочения печатного органа и облегчения обнародования Правительственных распоряжений... определяет: 1. Издаваемую областным комитетом газету “Камчатский вестник” преобразовать в официальный правительственный орган, с неофициальным при нем отделом, в коем помещать агентские телеграммы и статьи, имеющие общее для Области значение». В разное время редактировали «Камчатский вестник» П. Я. Сусяк, А. А. Пурин, П. М. Клочков.

Первый номер «Камчатского вестника» вышел 14 июля 1918 г. И по содержанию, и по оформлению он мало, чем отличался от «Камчатского листка», изменив лишь свое название. «Камчатский вестник» выходил ежедневно, «кроме дней после праздных» [2]. Его последний номер увидел свет 7 января 1920 г. (всего вышло 413 номеров). Необходимо отметить, что период с 1917 по 1923 г. для Камчатки был максимально насыщен революционными событиями и политическими изменениями. За столь короткий промежуток времени власть в области сменилась шестикратно. Лишь в ноябре 1922 г. на Камчатке окончательно установилась советская власть.

«Камчатский вестник» издавался в период, когда власть находилась в руках сил, оппозиционных большевикам. Но это был не единственный печатный

орган, издававшийся в Петропавловске в то время. В № 112 «Камчатского вестника» за 1918 г. сообщается, что 26 ноября 1918 г. состоялось заседание Правления Камчатского Учительского Союза, на котором было решено приступить к изданию камчатского педагогического журнала под названием «*Камчатский Учитель*», редактором которого избрали педагога П. Т. Новограбленова. В № 146 «Камчатского вестника» за 23 января 1919 г. помещено объявление о подписке на «Камчатский учитель», «журнал камчатской независимой педагогической мысли, издаваемый в Петропавловске-на-Камчатке правлением Камчатского учительского Союза», выходявший два раза в год. Здесь же указаны «отделы» журнала: официальный, научно-педагогический, школьная жизнь.

14 января 1919 г. в Петропавловске вышла однодневная газета «*День кооперации*» (издание камчатских кооперативов) в честь праздника «День кооперации». На первый взгляд, ее материалы выражают чисто профессиональные интересы — это заметки и объявления о кооператорских делах, торговле и сбыте. Однако в составе редколлегии указаны фамилии руководителей камчатского подпольного Военно-революционного комитета — Н. В. Холодова, П. С. Маловечкина, М. П. Волонникова.

В правом верхнем углу первого листа издания вместо обычного лозунга «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» стоял его легальный вариант — «В единении — сила!» Далее во всю страницу — поздравление с праздником, которое начинается словами «Товарищи кооператоры!» А ведь употребление самого слова «товарищ» в то время, когда власть находилась в руках колчаковцев, было весьма опасным. Даже внешне газета «*День кооперации*» резко отличалась от буржуазного «Камчатского вестника», поскольку была сверстана по типу большевистских газет — с передовицей, подпередовицей, корреспонденциями и лозунгами.

В этом же году, с 27 апреля по 22 мая, в Петропавловске два раза в неделю выходила газета «*Камчатская жизнь*» под редакцией Петра Трофимовича Сычева. В 1920 г. Украинский гурток — национальное объединение — издавало в Петропавловске на украинском языке газету «*Ридне слово*». Ее редактором был М. В. Возный.

В годы гражданского противостояния возникли «*Известия Советов рабочих и солдатских депутатов города Петропавловска*» — орган Камчатского губбюро РКП(б). Первый номер «Известий» вышел 28 февраля 1918 г., и до весны газета издавалась параллельно с «Камчатским листком» (прекратившим свое существование 29 апреля 1918 г.). Одним из организаторов издания и первым редактором «Известий» стал И. Е. Ларин. В первом номере газеты под крупно набранным лозунгом «Товарищи рабочие и крестьяне! Встаньте под знамя Советов!» было опубликовано «Воззвание» Петропавловского Совета. В нем излагалась программа газеты: «Посредством печат-

ного слова бороться и стоять на защите интересов пролетариата и беднейшего крестьянства». Газета становится областной, хотя вначале издается городским Советом Петропавловска. В третьем номере «Известий» появляется раздел «Камчатская жизнь» с сообщениями из Ганал, Большерецка и с западного побережья Камчатки. Газета неоднократно меняла свое название. 19 мая 1918 г. она была переименована в «*Камчатские известия*» и стала выходить через день. К этому времени укрепилась ее материальная база. Областной Совет совместно с городским приобрел за 10 тыс. рублей у П. М. Ключкова типографию с запасом бумаги. Последний номер вышел 12 июля 1918 г., поскольку власть на полуострове вновь перешла к Камчатскому областному комитету (Камчатский областной комитет Временного правительства был избран летом 1917 г. и осуществлял власть на полуострове до февраля 1918 г.), который начал выпуск «Камчатского вестника». В начале 1919 г. Камчатский областной комитет был распущен правительством адмирала А. В. Колчака.

После свержения на Камчатке представителей правительства А. В. Колчака, 11 января 1920 г., вышел первый номер «*Известий Временного Камчатского Военно-Революционного Комитета*». 14 января 1920 г. эту газету переименовали в «*Известия Камчатского Областного Военно-Революционного Комитета*». Как и «Камчатский вестник», «Известия» выходили ежедневно, кроме послепраздничных дней, их редактировал П. С. Маловечкин. 7 апреля 1920 г. «Известия Камчатского Областного Военно-революционного комитета» были переименованы в «*Известия Камчатского Областного Совета трудового народа*». С 7 июня 1920 г. газета выходила под названием «*Известия Камчатского областного исполнительного комитета*».

В этих газетах печатались сообщения, получаемые от Телеграфного агентства, материалы проходивших тогда на полуострове областных съездов, протоколы и постановления исполнительной власти, объявления, списки торговых фирм и торговцев, имевших право скупки пушнины у населения, и различные заметки, касающиеся жизни местного населения. В октябре 1921 г. Петропавловск заняли части монархического Временного Приамурского правительства бр. Меркуловых, а областной народно-революционный комитет был вынужден оставить город.

Новые власти с 1 января 1922 г. стали выпускать свою газету под названием «*Камчатский листок*» («с 21/X по 01/I газета не могла выходить вследствие изъятия партизанами некоторых частей машин») [3], который, разумеется, не имел ничего общего с «Листком», выпускавшимся в свое время П. М. Ключковым. Последний номер этого «Камчатского листка» вышел 10 ноября 1922 г., когда Петропавловск заняли партизанские отряды.

В свою очередь, руководство облнарревкома и партизанских отрядов (И. Е. Ларин, М. И. Савченко-Славский, Н. П. Фролов) в ответ на издание

«Камчатского листка» на партизанской заставе в районе ручейка Крутоберег, близ Петропавловска, приступили к выпуску своей газеты — «*Известия Камчатского областного народно-революционного комитета*». Ее редактором был П. Г. Ивашкин. Печаталась газета на дорожной пишущей машинке с монархическим названием «Корона». Первый номер был выпущен 21 мая 1922 г. Он назывался «Известиями» по преемственности от прежних газет, издававшихся первым Советом рабочих и солдатских депутатов и областными революционными комитетами.

На пишущей машинке можно было отпечатать только половину газетного листа. Чтобы газета имела развернутый печатный лист, приходилось отпечатанные полулисты склеивать. Текст печатался не в строчку через весь лист бумаги, а столбиками, чтобы внешне издание также походило на настоящее, отпечатанное в типографии. За лето и осень 1922 г. вышло шесть номеров машинописной газеты. Она распространялась среди партизан и жителей селений Завойко, Авача, Паратунка, Халактырка, отдельные экземпляры попадали даже в город. По воспоминаниям П. Г. Ивашкина, «... одним из распространителей газеты в город Петропавловск являлся партизан, кореец по национальности, молоденький парнишка лет 16—17 Федя Дигай» [4].

В газете печатались решения Чрезвычайного Петропавловского уездного съезда, рассказывалось о положении на Дальнем Востоке, на Камчатке, за рубежом. Самым активным организатором и корреспондентом партизанской газеты являлся начальник штаба партизанского отряда М. И. Савченко-Славский. В Государственном архиве Хабаровского края находится на хранении четыре номера этого издания.

Имеются сведения, что в период партизанской борьбы на Камчатке выходила еще одна газета. Участник партизанского движения Владимир Иванович Семенов, некогда помогавший П. Г. Ивашкину в выпуске «Известий», в 1965 г. в своем письме последнему упоминает об этом факте: «... я по указанию М. И. Савченко издавал партизанскую газету, всего было издано четыре номера по шесть экземпляров. Один экземпляр, напечатанный на красной ленте, в 1925 г. я отдал приезжавшему в Усть-Камчатск А. Бурнатову для сдачи в музей. Впоследствии, когда я приехал в Петропавловск в 1934 г., этот номер газеты из музея исчез» [5]. Газета называлась «*Тревога*» и издавалась на партизанской базе в селении Завойко (ныне г. Елизово). К сожалению, ни одного ее экземпляра не сохранилось, упоминания о ней немногочисленны.

Когда в ноябре 1922 г. партизанские отряды заняли город, то в сохранившейся от белогвардейского погрома типографии снова возобновилось издание «Известий» (с 12 ноября 1922 г.), причем с седьмого номера. 8 декабря 1922 г. «Известия Камчатского областного народно-революционного комитета» переименовали в «*Известия Губревкома*» в связи с тем, что 6 декабря 1922 г. состоялось переименование Камчатской области в губернию [6].

Крайне осложняло ситуацию с изданием газеты отсутствие хорошего типографского оборудования. Из доклада уполномоченного Камчатского губревкома И. Е. Ларина (22 марта 1923 г.): «На всю губернию в гор. Петропавловске имеется одна ручная типография размером в одну четверть листа. Эта типография была приобретена в 1918 г. Областным Совдепом. За время революции посредством этой типографии было издано около девяти брошюр, и печатался еженедельный орган “Известие Камчатского Облнарревкома”, в котором, помимо официальных распоряжений, печатались агентские телеграммы. За неимением работников, как раньше, так и теперь, печатный орган поставлен слабо. В настоящее время в связи с советизацией предстоит много типографской работы для учреждений (бланки, книги и проч.), и имеющейся типографией этих нужд не обслужить. Крайне необходимо завезти на Камчатку хорошо оборудованную типографию, а имеющуюся можно использовать для одного из уездов».

В январе 1923 г. решением губбюро РКП(б) областную газету «Известия» переименовали в «Полярную звезду», редактором которой утвердили коммуниста, секретаря губбюро Виталия Михайловича Кручину, прибывшего на Камчатку в 1922 г. Газета выходила один раз в неделю тиражом 500 экземпляров, но формат ее оставался прежним — развернутый лист писчей бумаги, иногда с вкладышами.

К 1926 г. тираж газеты составлял 400, а в 1928 г. — уже 800 экземпляров. Она выходила дважды в неделю, по воскресеньям — с приложением «Литература, краеведение и наука». Существовали такие рубрики, как «По селам и деревням», «По нашему краю», «Письма селькоров». Наряду с ними достаточно подробно освещались события, происходившие в Советском Союзе и за рубежом. Так, в выпусках за 1928 г. много внимания уделено революционным событиям в Китае. К началу 1930 г. газета выходила дважды в неделю, располагала широким корреспондентским активом, получала много информации со всех уголков Камчатки.

С 1930 г. газета стала выходить три раза в неделю, тираж ее увеличился до 2 000 экземпляров, вырос штат сотрудников. В декабре 1930 г. приложением к газете был выпущен «социально-экономический и литературный альманах» под названием «Советская Камчатка». Сохранился лишь его первый номер. Однако, судя по всему, его издание продолжалось и позже. В 1931 г. газета «Полярная звезда» получила название «Камчатская правда».

На заседании президиума Камчатского облисполкома 10 июля 1933 г. рассматривалось ходатайство редакции газеты «Камчатская правда» «о выдаче ссуды в сумме 10 000 р. для покрытия расходов [по] выпуску журнала “Советская Камчатка”». В итоге постановили: «Учитывая значение и необходимость выпуска журнала “Советская Камчатка”, а также, имея в виду

финансовое затруднение редакции», — выдать ссуду из бюджетных средств в сумме 10 000 р. сроком до 15 сентября» [7].

7 сентября 1924 г. вышел первый номер газеты «*Камчатский ленинец*» — областной молодежной газеты, освещавшей работу комсомольской организации на полуострове [8]. Предыстория его появления такова. Для комсомола Камчатки 1920-е гг. были временем формирования единой областной организации. С появлением комсомольских ячеек начинался выпуск и их информационных изданий — в форме «живых» газет, журналов, стенных газет. Стенные газеты, как одна из форм низовой печати, вообще были массовым явлением в рассматриваемое время, учитывая отсутствие полиграфической базы и материальных возможностей, тормозивших распространение печатного слова в области, и выпускались практически на каждом предприятии, в государственных учреждениях, клубах, избах-читальнях.

Органом Петропавловской городской ячейки комсомола являлась стенная газета «Комсомольская жизнь». Большую часть ее материалов вычитывал и правил В. М. Кручина. В протоколе заседания Камчатского губбюро РКП(б) от 2 февраля 1924 г. было записано: «От стенной газеты нужно стараться перейти к печатной, для чего раз или два раза в месяц давать в газете “Полярная звезда” уголок для РКСМ». В августе 1924 г. секретарь Камчатского губбюро РКП(б) Д. С. Бузин предложил выпустить к 7 сентября, к Международному юношескому дню, специальную комсомольскую газету. И хотя комсомольцы настаивали на ее регулярном издании — один раз в два месяца, пока это было невозможно: не имелось ни квалифицированных журналистов, ни полиграфистов, да и просто средств (даже для издания областной партийной газеты «Полярная звезда» часто деньги находили с большим трудом). Поэтому губбюро РКП(б) 30 августа 1924 г. решило: «Выпустить в типографии губбюро к 7 сентября комсомольскую газету “Камчатский ленинец”, расходы — за счет редакции “Полярная звезда”» [9].

В воскресенье, 7 сентября 1924 г., вышел первый номер комсомольской газеты — органа Камчатской организации РКСМ и юных пионеров. «Номер нашей газеты будем считать первым, и уверены, что не последним», — писала редакция «Камчатского ленинца» [10]. Первый номер газеты был, по существу, городским и рассказывал преимущественно о жизни комсомолки Петропавловска. Но в резолюции по докладу Камчатского губбюро РЛКСМ от 23 июля 1925 г. говорилось: «Газету “Камчатский ленинец” реорганизовать в деревенскую, используя ее для охвата туземной молодежи, придать ей информационно-пропагандистский характер» [11].

Для лучшего освещения жизни сел Камчатки предлагалось от всех ячеек утвердить юнкоров (юных корреспондентов), а в газете помещать большее количество руководящих материалов, предназначенных для деревни. Газета на первых порах выходила нерегулярно, по мере надобности, и, ско-

рее всего, происходило это из-за финансовых затруднений. Например, пятый и восьмой номера «Камчатского ленинца» датированы 16 сентября и 2 декабря 1925 г.

Бедственное экономическое положение Камчатской губернии не позволило продолжить выпуск комсомольской газеты. На заседании Агитколлекции окрбюро ВКП(б) 13 ноября 1926 г. было принято решение «О ликвидации газеты “Камчатский ленинец”». Но здесь же постановили: «Считать необходимым ввести в газете “Полярная звезда” страничку молодежи». Таким образом, комсомольская организация Камчатки не осталась совсем без печатного слова [12].

Выпуск комсомольской газеты продолжился в июне 1934 г. В протоколе заседания бюро Камчатского областного комитета ВКП(б) от 20 мая 1934 г. записано: «Разрешить обкому и горкому ВЛКСМ выпуск печатной газеты “Камчатский комсомолец”, органа обкома и горрайкома ВЛКСМ. Периодичность газеты — один раз в шестидневку, формат — одна четвертая печатного листа. Тираж газеты — 1 500 экземпляров. Редактором газеты утвердить В. С. Акшинского» [13].

Комсомольская газета, изменив название, продолжала традиции «Камчатского ленинца». Однако она не применяла сквозную нумерацию, а вышла под первым номером, возможно, потому, что к 1934 г. многие экземпляры «Камчатского ленинца» были утеряны, а номера перепутаны. В новой газете освещался ход стахановского движения, она участвовала в организации социалистического соревнования, занималась популяризацией ленинских идей (в частности, много внимания уделялось национальной политике, что было актуальным для нашего региона).

Последний номер газеты «Камчатский комсомолец» в ее второй период издания вышел 29 июня 1941 г. Газету закрыли на основании постановления бюро ЦК ВЛКСМ от 1 июля 1941 г. «О местных газетах и журналах». В нем говорилось о закрытии большинства областных и краевых комсомольских газет — «временно, до особого указания» [14]. Вновь «Камчатский комсомолец» вышел в свет лишь в 1957 г.

В марте 1928 г. появился первый номер журнала «*Селькор Камчатки*», органа окружного бюро ВКП(б) и редакции газеты «Полярная звезда». В самом журнале указано, что он является приложением к «Полярной звезде». Как сообщалось, журнал был рассчитан на рабселькоровский актив. В передовой статье указывается, что его задача — «сплотить вокруг газеты наличный кадр селькоров, расширить его за счет привлечения к работе корреспондентов деревенских стенных газет...», а также «привлечь внимание крестьянства к селькоровскому движению и разъяснению важности этого движения». Соответствует этому и содержание статей, названия которых звучат следующим образом: «Памятка сельского корреспондента»,

«Селькор, твои задачи на сегодня», «Селькоры, организуйтесь» и другие. Журнал вышел тиражом 200 экземпляров. Сведений о выходе его последующих номеров нет.

Заметим, что появление подобного печатного издания на Камчатке было закономерно. С первых лет существования Советской власти в стране велся активный поиск системы и форм государственного руководства печатью. основополагающим правовым актом в этой области явился «Декрет о печати», подписанный В. И. Лениным 27 октября (9 ноября) 1917 г. Декрет провозгласил закрытие «контрреволюционных» изданий и определил политику советского правительства в отношении буржуазной печати, а также изложил марксистское понимание свободы слова в условиях диктатуры пролетариата. Идеино-теоретическим и методологическим фундаментом советской периодики являлась партийная концепция печати, которая включала в себя такие принципы, как классовый подход и партийность (предполагалось, прежде всего, руководство печатными органами), а также научность, объективность и народность.

Кроме того, от печатных органов требовалось реальное проведение в жизнь коммунистической идеологии, ясность политических и научных задач, четкая партийная направленность. Необходимым элементом ленинских норм партийного руководства печатью являлось требование постоянной связи печатных органов с читателями. Поэтому особое внимание обращалось на значимость писем «как средства идейно-организационной связи», отмечалась важность их *политического анализа*. Кроме того, письма помогали выявлять состояние массового сознания. Информация, которую они несли, позволяла не только журналистам, но и работникам органов общественного и государственного управления определять настроения масс, их действительные потребности. Очередной партийный документ — «О рабочих и сельских корреспондентах», вышедший 4 декабря 1924 г., содержал следующие положения: «Газета должна всемерно укреплять связь с рабкорами и селькорами... Движение рабкоров и селькоров приобретает с каждым днем для партии огромное значение в качестве орудия связи с массами... Для постановки такой постоянной, систематической, политико-просветительной работы среди рабкоров и селькоров на фабриках и заводах, при клубах, райкомах и в общегородском масштабе, а в деревне при избах-читальнях создаются на добровольческих началах кружки рабкоров и селькоров, которые объединяют всех рабкоров данного предприятия или района, как стеновых, так и центральных местных газет. Кружки ведут свою работу под руководством партийных организаций (ячеек, парткомов)» [15].

Для систематического рабкоровского и селькоровского движения отделы и подотделы печати обкомов и губкомов должны были созывать периодические совещания и выделять «специальных партийных товарищей для работы

среди рабкоров и селькоров». Согласно резолюции XIII съезда ВКП(б), основной формой рабкоровских организаций должно было стать их объединение при газете.

Поскольку отраслевых печатных органов на Камчатке не существовало, в «Полярной звезде» освещались международное положение, внутренняя политика, рассказывалось о научных достижениях, рассматривались вопросы культуры, приводились обзоры центральной прессы. Однако сведений, касающихся непосредственно жизни области, публиковалось немного. Основным источником подобного рода материалов являлись письма рабселькоров, регулярная публикация которых в «Полярной звезде» начинается с 1925—1926 гг. Отдел корреспонденции в газете постепенно расширялся, собирая большой рабселькоровский актив. Интересно, что сообщения рабселькоров печатались, в основном, под псевдонимами: Око, Оса, Брашпиль, Опытный глаз, Зоркий, Заноза. Характерно, что к середине 1930-х гг. эта тенденция постепенно исчезает.

География писем была достаточно обширна — в газету писали из Усть-Камчатска, Ключей, Козыревска, Тигиля, Кирганика, Усть-Большерецка. Основная цель корреспондирования первоначально заключалась в попытке утвердить демократические формы самоуправления. В этом явлении отразились положительные стороны 1920-х гг.: широкий спектр мнений, существовавший на основе многоукладной экономики и социального разнообразия общества, относительная демократичность внутрипартийной жизни правящей партии, критичность рабочих и крестьян.

Газеты второй половины 1920-х гг. практически на две трети состоят из присланных в редакцию писем рабселькоров. В 1927 г. при «Полярной звезде» был даже организован кружок рабкоров, а в самой газете публиковались имена лучших рабкоров и селькоров. Материал, поступающий с мест, помещался в рубриках под названиями: «Наша деревня», «Что пишут рабкоровы», «На селькоровское шило», «О чем пишут селькоровы», «Селькоровские шупальца в деревне», «Глаза селькора в деревне», «С пером селькора по Камчатке». Регулярно публиковались письма селькоров, направленные против деревенских кулаков. Они печатались в подрубрике с красочным названием «Камчатские царьки». Текст сообщений давался, как правило, от первого лица и с обязательной оценкой факта.

Письма рабочих отражают их производственные реалии, письма крестьян — их заботы и быт деревенских жителей. Сообщали, в основном, о существующих проблемах: нехватке учителей и врачей, слабой работе райкрестьянских комсомольских ячеек и пионерских организаций, обязательно — о праздновании на местах Первого мая, Дня Октябрьской революции и выборах в сельские Советы, причем по стилистической форме эти письма больше напоминают отчетные доклады. Заметим, что в редакциях

центральных газет по содержанию и языку писем определялось социальное положение авторов, а сводки с анализом социального состава селькоров и рабкоров регулярно подавались в ЦК ВКП(б).

Для государства и его институтов, для партии письма с мест были важны как один из способов осуществления обратной связи. Они содержат неофициальную, стихийно формирующуюся, весьма оперативную информацию, которая представляет особую ценность для системы управления.

К концу 1920-х гг. нарастают ограничения для свободной публикации писем, ужесточаются требования относительно их содержания, политических целей, круга авторов. Редакционная почта становилась подсобным средством в осуществлении партийной и государственной политики, инструментом жестко направленного формирования общественного мнения. Реальные проблемы и события постепенно подменялись описанием требований и лозунгов дня, факты зачастую деформировались в свете политической целесообразности.

В 1930-х гг. демократические формы политической жизни постепенно угасают. Газеты тех лет отражают процесс бюрократизации общества, с их страниц постепенно исчезает живое слово, выражающее индивидуальные особенности авторов. Газетные издания заполняют стандарты лозунгов и пропагандистские клише без стилистических модификаций.

Поэтому закономерно, что и содержание «Камчатской правды» начинает меняться. Названия статей и помещаемых в газете материалов носят лозунговый, агитационный характер призыва, например: «На штурм второй пятилетки», «Подготовку к строительству под особый контроль», «Усилить пролетарскую помощь колхозам», «Беспощадно разоблачайте маскирующегося классового врага и его агентуру». По сравнению с газетами второй половины 1920-х гг., сокращается публикация писем, изменяется тональность публикуемой корреспонденции. Понятно, что в условиях политического и духовного террора, уничтожения тысяч людей резко снижается всякая социальная активность, в том числе и обращения к средствам массовой информации.

Проводившиеся официально массовые кампании, такие, как обсуждение новой Конституции СССР, отклики на процессы «врагов народа», сочетались с утерей реальной связи средств массовой информации с читателями, с резким сужением тематики, официальностью писем. В практику вошли публикации писем доносчиков, фальсифицированных откликов трудящихся. Социально-критическая часть редакционной почты публиковалась крайне редко. С 1932 г. в «Камчатской правде» появляются «отказные» заявления от отдельных лиц. Например, в № 42 от 1 июля 1932 г. помещено «объявление» следующего содержания: «Я, Гарднер Виктор Константинович, родившийся в 1911 г. в г. Петропавловске-на-Камчатке, порываю всякую связь со своим

отцом-лишенцем, как бывшим служителем религиозного культа (дьякон) и являющимся классово-чуждым элементом рабочему классу...»

Письма, как правило, носят обличительный характер и публикуются под соответствующими стандартными заголовками, например: «Сменить руководство» или «Не соответствует назначению». В них сообщается о том, кто и как выполняет свои должностные обязанности, называются конкретные фамилии и обвиняются определенные люди, но, естественно, при всяком отсутствии критики существующего порядка. Практикуется публикация тематических подборок из писем. В одном из номеров «Камчатской правды» под общим названием «Ярость масс на прогульщика, пьяницу, дезорганизатора» помещено шесть писем от рабкоров.

Сама газета акцентирует внимание на важности рабселькоровской информации. 5 мая 1933 г. «Камчатская правда» отмечает, что «особенность нашей печати заключается в том, что наряду с ростом сети газет ширится... движение рабселькоров. Это та армия, которая представляет из себя активных строителей коммунизма, передовых борцов с остатками кулачества и их агентурой, беспощадных разоблачителей и обличителей бюрократов, спекулянтов, жуликов, рвачей и лодырей». И здесь же: «...всякий тревожный сигнал о правонарушениях... *органы революционной законности* (подразумеваются органы юстиции. — А. С.) должны реализовывать самым быстрым образом, ибо органы революционной законности совместно с печатью представляют огромнейшую силу». В этом же номере в заметке «Рабкору, селькору и актив РКИ» отмечается, что «рабселькору... должны быть четкими контролерами за проведением и осуществлением директив партии и правительства».

Вместе с тем это явление — корреспондирование в средствах массовой информации — стало постепенно отражать и черты складывавшейся командно-административной системы. Постепенное ограничение экономической и гражданской свободы человека, невозможность самостоятельно, без вмешательства государства, решать вопросы работы, жилья, тотальная централизация сферы управления — все это создавало нарастающую необходимость для людей в жалобах, просьбах и требованиях. Они разрешались по преимуществу не через правовые органы, ограниченные в своих возможностях, а путем обращения к звеньям командной системы — партийные комитеты, Советы, контрольные органы. В эту систему были включены и средства массовой информации.

Часто после подобного рода писем, содержащих жалобы, требования или косвенное доносительство, встречаются заметки следующего содержания: «Редакция требует ответа о мерах, принятых по письмам рабочих (колхозников)», причем ответы о принятых мерах также обязательно публикуются в последующих номерах. Интересно, что в постановлении бюро Камчатского

обкома ВКП(б) о проведении Дня печати 5 мая 1933 г., опубликованном в «Камчатской правде», говорится, в частности, о том, что необходимо «поручить органам РКИ и прокуратуре провести декадник печати, проверку реагирования на письма рабселькоров, привлекая к ответственности виновников бюрократического отталчивания на письма» и «обязать редакции газет расширить отделы писем рабочих и колхозников».

Газетам и журналам была определена роль своеобразного посредника между гражданами и социальными институтами. Партийно-государственные решения возлагали на возникавшие отделы писем и массовой работы обязанности по рассылке писем по организациям, контроля их прохождения, ответами. Такую задачу в любой стране средства массовой информации решают в исключительных случаях, когда человеку требуется помочь в сложной ситуации. В нашей же стране она приобрела гипертрофированный характер: в редакции поступали сотни жалоб и требований, не имевших никакого отношения к информационной работе. Начавшись в конце 1920-х, этот процесс развивался и в 1930-х гг. Разумеется, камчатские газеты также оказались вовлечены в него.

В 1920-х гг. на Камчатке имелась еще одна газета, о которой впоследствии забыли. Она называлась «Долина». К счастью, в документах бывшего партийного архива сохранились четыре ранних номера «Долины». Первый номер вышел 8 апреля 1923 г. Как указано в самой газете, она — орган «Районного Революционного Комитета долины реки Камчатки». Это позволяет назвать «Долину» первой камчатской районной газетой. Редактировал ее сам председатель райревкома А. И. Марков, комиссар одного из подразделений отряда Красной Армии, прибывшего в начале 1923 г. на Камчатку для ликвидации остатков белогвардейских отрядов, покинувших Петропавловск.

Газета издавалась с 1923 по 1927 г. еженедельно тиражом 50 экземпляров, форматом в писчий лист, на 4—6 страницах [16]. Печаталась она на шпирографе. Рядом с названием изображался дымящийся Ключевской вулкан. Рисунок был сделан на восковке и каждый раз возобновлялся. Первый номер в передовой статье сообщал: «Наша маленькая газета в далекой глуши ставит своей целью приблизить так долго оторванное население к своей свободной родной России. Приступая к изданию, мы не задаемся большими целями, мы ставим задачей дать освещение на материке, сделать интересы трудовой России интересами всех трудящихся, где бы они ни были, и не забывать — камчатское, запечатлевая на своих страницах все историческое, делая достоянием потомства». В конце статьи редколлегия обращалась к читателям с призывом поддержать газету присылкой заметок и высказывала сожаление о том, что многое напечатать трудно по техническим причинам, «но лучше мало, чем ничего».

Информация в газете делилась на следующие разделы: «Официальная часть», «В Советской России», «Зарубежная жизнь», «По Охотско-Камчатскому краю». Номер, посвященный Первомаю, постарались оформить празднично, заголовок немного украсили, крупными буквами напечатали лозунг: «Труд и дисциплина — залог победы трудящихся». В третьем номере газеты от 6 мая 1923 г. помещен отчет о произошедшем 14 апреля землетрясении. Текст сопровождают несколько фотографических снимков, просто наклеенных на страницы. Несмотря на то, что фотографии сильно пожелтели от времени и потеряли четкость изображения, на них виден рыбоконсервный завод, большие глыбы морских северных льдов, выброшенных на песчаную косу. Этот номер «Долинь» с фотокарточками был выпущен всего в десяти экземплярах.

Заметим, что районная печать активно развивается с начала 1930-х гг. 13 мая 1934 г. Камчатское областное бюро ВКП(б) определило: «Считать необходимым в 1934 г. создать во всех районах печатные газеты. Для обеспечения выхода газет в Быстринском и Алеутском районе на национальных языках поставить вопрос перед Комитетом Севера и Институтом Народов Севера в присылке редакторов ламута и алеута и обеспечении этих газет латинским алфавитом» [17]. К этому времени уже существовали несколько районных газет.

Одной из первых (в 1930 г.) стала выходить газета «Штурм» — печатный орган Усть-Камчатского райкома ВКП(б) и райсовета. Позже (к 1941 г.) ее переименовали в «Большевикский путь». Но, строго говоря, районной газетой «Штурм» стала в 1931 г.: в отчете Усть-Камчатского райисполкома о работе печати указано: «16 августа 1931 г. решением райисполкома из выездной газеты “Штурм” была утверждена районная газета “Штурм”. РК ВКП(б) и РИК возложили на газету основную задачу: мобилизовывать массы через газету на выполнение хозяйственно-политических задач, поставленных перед районом» [18].

В 1932 г. в Большерецком районе создана газета «Ударник промыслов» (переименована в «Ударник» примерно в 1940—1941 гг.), в 1934 г. — «Сталинец» (печатный орган Олюторского райкома ВКП(б) и райсовета). В июле 1935 г. начала издаваться газета «Камчатский колхозник» (Мильковского райкома ВКП(б) и райсовета). В 1936 г. стали выходить газеты: «За новую жизнь» (Тигильского райкома ВКП(б) и райсовета), «Алеутская звезда» (Алеутского райкома ВКП(б) и райсовета), «Корякский большевик» (Корякского окружкома ВКП(б) и окрисполкома в Палане), в 1941 г. — «Знамя Сталина» (Карагинского райкома ВКП(б) и райсовета) [19]. 21 января 1939 г. вышел первый номер газеты «За колхозную жизнь» (Быстринского райкома ВКП(б) и райсовета).



ТРУД И ДИСЦИПЛИНА ДОЛГОЙ ПОБЕДЫ ТРУДЯЩИХСЯ.

12 МАЯ 1923
ДОЛЫНКА

Идти так же, как и в прошлом году, к празднику 12 мая. В этот день в 8 часов утра в 1923 году в Долынке состоялся первый лист машинописной газеты «Долина».

В этот день в Долынке состоялся первый лист машинописной газеты «Долина». В этот день в Долынке состоялся первый лист машинописной газеты «Долина». В этот день в Долынке состоялся первый лист машинописной газеты «Долина».

В этот день в Долынке состоялся первый лист машинописной газеты «Долина». В этот день в Долынке состоялся первый лист машинописной газеты «Долина».

В этот день в Долынке состоялся первый лист машинописной газеты «Долина». В этот день в Долынке состоялся первый лист машинописной газеты «Долина».

В этот день в Долынке состоялся первый лист машинописной газеты «Долина». В этот день в Долынке состоялся первый лист машинописной газеты «Долина».

В этот день в Долынке состоялся первый лист машинописной газеты «Долина». В этот день в Долынке состоялся первый лист машинописной газеты «Долина».

В этот день в Долынке состоялся первый лист машинописной газеты «Долина». В этот день в Долынке состоялся первый лист машинописной газеты «Долина».

В этот день в Долынке состоялся первый лист машинописной газеты «Долина». В этот день в Долынке состоялся первый лист машинописной газеты «Долина».

Первый лист машинописной газеты «Долина», 1923 г.

(из фондов ГАКО)

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СТАЛИНЕЦ

Орган Олонецкого Райкома ВКП(б) и Райисполкома

№ 9 (110) | 20 февраля 1939 г. | 5 к.

Сегодня в номере:

1. Своевременно переводить из кандидатов в члены партии.
2. Испанский народ ведет героическую борьбу против фашистских интервентов.
3. Партийная жизнь.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СТАЛИНЕЦ

ОРГАН ПОЛИТТОДЕЛА ИЯМТИНСКОГО РЫБКОМБИНАТА

Год издания четвертый
 февраль
 15
 1940 года № 9 (173)
 Выходит 6 раз в месяц
 Цена отд. № 5 коп.

Предстоящие выборы руководящих партийных органов должны быть проведены под знаком проверки выполнения партийными организациями решений 18-го партийного съезда.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

УДАРНИК

ОРГАН БОЛЬШЕВЕРЦКОГО РАЙКОМА ПАРТИИ И РАЙОННОГО СОВЕТА ДЕПУТАТОВ ТРУДЯЩИХСЯ

№ 2 (969) | 5 января 1941 года, воскресенье

Год выпуска 9, цена 20 коп.

В подарок к дню открытия партконференции улучшим работу на всех участках, добьемся новых производственных побед.

7 НОЯБРЯ
СУББОТА
1942 год.
№ 89 (645)
год XXI VIII

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Камчатский Колхозник

ОРГАН МЕЛКОКООПЕРИВНОГО И РАЙОННОГО СОВЕТА ДЕПУТАТОВ ТРУДЯЩИХСЯ

СГОДНЯ ИСПОЛНЯЕТСЯ 25-ЛЕТИЕ ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ.

ДА ЗДРАВСТВУЕТ 25-я ГОДОВЩИНА ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ, СВЕРГНУВШЕЙ ВЛАСТЬ ИМПЕРИАЛИСТОВ В НАШЕЙ СТРАНЕ И ПРОВОЗГЛАШВШЕЙ МИР МЕЖДУ НАРОДАМИ ВСЕГО МИРА!

ОТСТВИМ ЗАВОЕВАНИЯ ВЕЛИКОГО ОКТЯБРЯ

В этой обстановке великопобеда Великой Октябрьской революции. Вспомогите же своим трудом и героическим самоотвержением в отстаивании Советского государства. Вспомогите же своим трудом и героическим самоотвержением в отстаивании Советского государства. Вспомогите же своим трудом и героическим самоотвержением в отстаивании Советского государства.

в сопереживании первого мероприятия этого в районе и уездном равновесии пережитых Красной армией. При этом в этот раз восточный фронт Сибири представлял Камчатский областной комитет исполкома в городе г. Петропавловске-Камчатском.



Что дала Советская власть трудовому крестьянству

Тяжело жилось трудовому крестьянству при царизме. Оно было обездолено. Крестьяне эксплуатировались помещиками и помещиками, его дико эксплуатировали торговые представители.

Заголовки камчатских районных и политотдельских газет, 1939—1942 гг. (из фондов ГАКО)

В 1942 г. среди камчатских газет вновь появилась «*Полярная звезда*» — но теперь уже как печатный орган Пенжинского районного комитета ВКП(б) и районного исполкома.

Судьба многих районных газет была непростой — они неоднократно переименовывались, прекращали свое существование и возвращались к читателю вновь. Так, дважды менял название «Камчатский колхозник».

Материальное обеспечение газет было недостаточным. Проблему неудовлетворительного финансирования хорошо иллюстрирует пример с тем же «Камчатским колхозником». 4 декабря 1936 г. на заседании Мильковского райисполкома слушался вопрос о средствах на содержание редакции. В итоге президиум Мильковского райисполкома постановил: «Увеличить ассигнование по разделу X-му, § 22, финансирование печати, на сумму восемь тысяч рублей за счет экономии по зарплате раздела X, § 3, неполные средние школы ст. I-й 5 000 рублей, § 14, избы-читальни ст. I-й 3 000 рублей. Предупредить редактора райгазеты о взыскании средств для редакции до конца года, поставив вопрос перед отделом печати о дотации райгазеты “Камчатский колхозник”. Просить ОблИК утвердить настоящее решение» [20].

Сложно решался вопрос и с выделением помещения для редакции. Отчет райисполкома за 1937 г. указывает, что «в конце 1937 г. проведено строительство (бессметное) редакции-типографии, но по окончании в силу неимения помещений занято зубокабинетом и трансузлом» [21]. В отчете следующего года (1938 г.) говорится, что «редакция помещается в специально построенном в 1937 г. и оконченном в 1938 г. помещении» [22].

Речь, без сомнения, идет об одном и том же здании, так, вероятно и не занятом редакцией, для которой оно предназначалось. Подтверждение этому содержится в протоколе № 1 заседания Мильковского райисполкома от 4 января 1938 г., на котором рассматривался вопрос «Об освобождении школьного помещения, занимаемого редакцией и типографией “Камчатский колхозник”». В ходе обсуждения приняли постановление: «Учитывая, что для освобождения помещения, занимаемого редакцией-типографией “Камчатский колхозник” (одна комната), для устройства в нем пионерской комнаты, вследствие полной невозможности подыскать какое-либо свободное помещение для типографии, потребуется закрытие типографии — прекращения выпуска райгазеты, от освобождения указанного помещения временно воздержаться. О настоящем решении поставить в известность ОблОНО и ОблИсполком» [23].

Но, не смотря на трудности, газеты продолжали издаваться и даже практиковали работу выездных редакций (массовое распространение работа выездных редакций получила в годы Великой Отечественной войны, но об этом — позже), которые готовили материал непосредственно на производстве, в первую очередь уделяя внимание традиционным вопросам выполнения и пере-

выполнения плана. Например, 18 ноября 1939 г. вышел первый номер газеты «За 150 тысяч кубометров леса», издававшейся выездной редакцией газеты «Штурм», освещавший ход лесозаготовок в Усть-Камчатском районе. Печатные издания выездных редакций выходили небольшим форматом и малым числом экземпляров.

В 1935 г. начался массовый выпуск политотдельских газет, в основном, на рыбокомбинатах Акционерного Камчатского общества (АКО). Сохранился документ — «Сведения об отгрузке и отправке типографий политотделам», в котором указано, что в апреле, мае, июне и июле были отгружены типографии из Владивостокской конторы АКО в Кихчик, Большерецк, Озерную, Петропавловский порт, Усть-Камчатск, Корф, Олюторку, Карагинский [24]. В мае-августе этого же года вышли первые номера газет политотделов: Крутогоровского (15 мая), Корфского (22 июня), Петропавловского порта (29 июля), Усть-Камчатского (14 августа), Кихчикского (24 августа) и Озерновского (24 августа).

К апрелю 1936 г. на рыбокомбинатах и предприятиях АКО издавались следующие политотдельские газеты [25]:

- «Ичинский ударник» (Ичинский рыбокомбинат);
- «Путь Сталина» (Кихчикский рыбокомбинат);
- «Путина» (Крутогоровский рыбокомбинат);
- «Большевецкий рыбак» (Большевецкий рыбокомбинат);
- «За большевистскую путину» (Озерновский рыбокомбинат);
- «Камчатский моряк» (Петропавловский порт);
- «Политотделец» (Усть-Камчатский рыбокомбинат);
- «Ловец» (Олюторский рыбокомбинат);
- «Ударник Кичиги» (Кичигинский рыбокомбинат).

Впоследствии количество политотдельских газет увеличилось. В 1936—1940 гг. появились следующие многотиражки: «Стахановец» (Кировский рыбокомбинат), «Сталинец» (Пымтинский рыбокомбинат), «За стахановскую путину» (Митогинский рыбокомбинат. До августа 1936 г. газета выходила под названием «За большевистский лов»), «Микояновец» (Микояновский рыбокомбинат), «Ударник Авачи» (Авачинский рыбокомбинат), «Жупановский ударник» (Жупановский рыбокомбинат), «Стройка» (Камчатстрой), «Ударник Корфа» (Корфский рыбокомбинат), «Большевик» (Карагинский рыбокомбинат). Их тираж составлял от 300 до 1 000 экземпляров [26].

Как видим, названия районных и политотдельских газет были довольно стандартны, поэтому исследователям следует быть внимательными при работе с ними. Так, например, в одно время существовали две газеты «Сталинец»: одна — Олюторского райкома ВКП(б) и райсовета, другая — орган политотдела Пымтинского рыбокомбината. Вообще же, учитывая большое количество издававшихся районных и политотдельских газет, боевых листов

выездных редакций, работа по упорядочению их названий, точных дат начала издания и закрытия, переименований (при неполной сохранности комплектов этих газет в архивах) очень трудоемка, кропотлива и не всегда завершается положительным результатом.

Многотиражки должны были, прежде всего, освещать производственную жизнь предприятия: выполнение плана, ход социалистического соревнования, вопросы стахановского движения. На их страницах обязательно присутствовали публикации по истории партии, обычно выдержки из краткого курса истории ВКП(б), а также новости, представленные перепечатками из центральных газет и журналов.

Типографии многотиражных газет в большинстве случаев размещались в непригодных для этого помещениях, часто сырых, темных и тесных [27]. Решение кадрового вопроса также оставляло желать лучшего. На должность редакторов, как правило, выдвигались кандидатуры из промрабочих. Разумеется, что номера многотиражек пестрят грамматическими ошибками и стилистическими несуразницами. Поэтому 23 июля 1936 г. на очередном заседании Камчатский обком ВКП(б) рассматривает вопрос «О курсах редакторов райгазет и многотиражек». В итоге было решено:

«1. Предложить отделу партпропаганды и агитации и печати Обкома ВКП(б) начать курсы редакторов райгазет и многотиражек с 10 августа 1936 г.

2. Утвердить в составе слушателей курсов: 1) редактора Олюторской газеты — Ильина, 2) редактора Алеутской райгазеты — Волокитина, 3) редактора Усть-Камчатской райгазеты — Синченко, 4) редактора Тигильской райгазеты — Соболева, 5) заместителя редактора Большерецкой райгазеты — Моисеенко, 6) редактора многотиражки Судоремонтного завода — Косарева, 8) редактора Мильковской райгазеты — Николаева, 9) врид. редактора «Камчатского комсомольца» — Соловьева (нумерация сохранена в соответствии с текстом документа. — *А. С.*).

3. Утвердить зав. курсами тов. Прусакова, преподавателем истории ВКП(б) и истории Большевиетской печати тов. Князева, курса практики газетной работы — Кушковского и Никольского, текущей политики Кушковского, родного языка — Белопольского (Садового).

4. Тов. Кушковскому отвести для общежития курсантов палатку дома партпроса. Питание организовать в столовой дома партпроса» [28].

О значении, которое придавалось политотдельским газетам, мы можем судить по тому факту, что политуправления наркоматов регулярно составлялись сводки газет политотделов комбинатов, заводов, колхозов и совхозов, в которых содержались замечания и указания по их отдельным номерам. Фигурируют в них и камчатские газеты. В сводке № 3 от 28 августа 1937 г. политуправления Наркомпищепрома СССР подвергся критике «Микояно-

вещ» [29], а в сводке № 4 от 28 сентября 1937 г. того же политуправления — «Ударник Корфа» [30].

Следующим серьезным этапом и испытанием в истории не только местной прессы Камчатки, но и всей страны стала Великая Отечественная война. В годы войны Камчатка одновременно оказалась глубоким тылом (по отношению к Западному фронту) и пограничной зоной. Непосредственная близость Японии и интересы фронта требовали организованности населения, постоянной боевой готовности гарнизонов, расположенных на полуострове, перестройки экономики и мобилизации всех сил для помощи фронту. Естественно, что в военное время стало значительно больше уделяться внимания массовой агитации, в которой важное место отводилось печати, радио, кино, поскольку своим влиянием средства массовой информации, прежде всего печать, охватывали все социальные, профессиональные и национальные слои и группы населения.

Несомненным преимуществом прессы является ее массовость, оперативность и доступность. Естественно, что в годы войны резко возросла идеологическая функция печати, усилилось воспитательное содержание газет, влиявшее на сознание, убеждения и общественные действия людей.

В день начала войны — 22 июня 1941 г. — поздно вечером «Камчатская правда» выпустила специальную листовку, в которой сообщалось о нападении фашистской Германии на Советский Союз. Крупный заголовок листовки призывал: «Дадим врагу достойный отпор!» В 146-м номере газеты от 24 июня 1941 года было опубликовано обращение: «IV сессия Камчатского областного Совета депутатов трудящихся призывает трудящихся Камчатки напрячь все силы, чтобы наша Родина в навязанной нам схватке с врагом вышла победителем. Каждый на своем посту должен способствовать укреплению мощи нашей страны, нашей славной Красной Армии».

Районные газеты 23 июня выпустили экстренные номера, на первых страницах которых было опубликовано выступление по радио заместителя председателя Совнаркома Союза ССР и наркома иностранных дел В. М. Молотова от 22 июня. В них содержался призыв: «Все силы народа — на разгром врага!»

В первые дни войны в большинстве населенных пунктов и на предприятиях области прошли собрания и массовые митинги, выступая на которых камчатцы заявляли о своей готовности служить Родине на фронте и в тылу. Резолюции митингов, а также письма и обращения помещались на страницах местных газет. «Я — призывник, и не могу равнодушно слушать сообщения о боях, — писал в газету «Корякский большевик» Г. Галкин. — Я готов к боям и хочу быть в первых рядах нашей непобедимой Красной Армии и драться за независимость нашей замечательной Родины...» [31]. Множество подобных заявлений содержится в июньских и июльских номерах камчатских газет.

Важнейшей же задачей сразу после начала войны стало укрепление тыла. Было необходимо при сократившихся людских и материальных ресурсах дать стране значительно больше, прежде всего, рыбной продукции и, максимально используя местные возможности, сократить на полуостров завоз с материка снабжения, требующегося фронту.

Перестройка народного хозяйства на нужды фронта включала в себя и установление строгого режима экономии. Развернулось широкое движение под лозунгом: «Фронт требует — экономь во всем!»

В газетах приводился опыт перевода бензиновых двигателей на твердое топливо, экономии сетематериалов на рыбозаводах и электроэнергии на предприятиях. Например, 27 февраля 1943 г. «Камчатская правда» опубликовала заметку о том, что на Шубертовском комбинате организовали местное производство мыла из рыбных отходов, а в № 180 от 1 августа 1942 г. была помещена статья старшего научного сотрудника станции ВНИРО Ф. В. Крогиус «Об использовании собачьей шерсти». Газеты активно распространяли передовой опыт и рационализаторские предложения, вносимые рядовыми тружениками и инженерно-техническими работниками, направленные на совершенствование производственного процесса. Писались статьи, зарисовки, репортажи о труде стахановцев, о трудовой дисциплине, фельетоны о нераспорядительности и безответственности. На примерах работы передовиков, стахановцев промышленности и сельского хозяйства газеты должны были воспитывать трудящихся в духе добросовестного отношения к труду и общественному хозяйству, что было важно в годы войны.

Особенно остро, наряду с проблемой усиления темпов работы предприятий и повышения производительности труда, встала проблема нехватки рабочих рук. Для ее решения в сферу производства вовлекались женщины и подростки. Камчатская пресса широко пропагандировала инициативу многих девушек и домашних хозяек, которые во время войны пришли работать на рыбоконсервные заводы, в совхозы и колхозы области.

В течение всех военных лет на наиболее напряженные участки трудового фронта посылались выездные редакции. Выездные редакции «Камчатской правды» побывали на путине в Озерной, на комбинате им. Микояна, на Петропавловской судовой верфи, в Петропавловском порту и даже просто на общественных работах. Эти специальные выпуски выходили размером в четверть формата и тиражом от 200 до 500 экземпляров. В правом верхнем углу значился лозунг «Смерть немецким оккупантам!» Листовки призывали бороться за выполнение и перевыполнение заданий, сообщали о трудовых результатах, передовых бригадах, цехах, а также о недостатках в работе.

Чтобы поднять дух соревнования, номера «Камчатской правды на путине» помещали табличку «Кто сегодня впереди?» и «Доску почета» с именами лучших работников. Надо отметить, что «Доски почета» с перечнем имен

передовиков, лучших бригад, колхозов и рыбозаводов обязательно присутствовали и в боевых листках выездных редакций районных газет, и в самой «Камчатской правде», служа средством морального поощрения. Тексты и заметки о трудовых успехах сопровождались соответствующими лозунгами и четверостишиями, вроде:

*Запомни, патриот, святое слово:
Будь стахановцем, будь впереди!
В труде упорном и суровом
Врага сломи и победи!*

Или:

*Добычей военной бьем фашистов в лоб,
Одна рыба — пуля, бомба — каждый строп!*

Газеты также участвовали и в организации сбора средств на нужды фронта, призывая со своих страниц сдавать средства на постройку танковых колонн «Боец всевобуча», «Мечь матери», «Камчатский рыбак», «Советская Камчатка» и эскадрилий «Камчатка — фронту», «Связист», «Хабаровский комсомол», сообщая о ходе сбора. Как свидетельствует газета «Знамя Сталина», в Карагинском районе даже пионеры и школьники собирали деньги на постройку танка «Пионер» [32]. Кроме того, газеты очень широко разворачивали кампании по подписке на государственные военные займы и пополнению Фонда обороны страны.

Регулярно публиковались письма из действующей армии от воинов-камчатцев и стихи на военную тему, присылаемые с мест. Газета «За колхозную жизнь» поместила на своих страницах письмо, поступившее в ее редакцию от командира одной из действующих частей Красной Армии, в котором он высоко отзывается о бойце своего подразделения — звене, жителе Быстринского района: «Ваш земляк Миша Адуканов, как мы его здесь запросто называем, — настоящий герой. Он отличается храбростью, находчивостью и бьет врага наверняка. Миша служит в орудийном расчете наводчиком. В одном из боев он из своего орудия уничтожил три немецких блиндажа, поджег один вражеский танк и отбил три атаки противника». На рыбокомбинат имени Микояна пришло письмо от бывших молодых рыбаков Камчатки, воюющих на фронте, помещенное в «Камчатской правде», в котором они обращаются к комсомольцам и молодежи рыбокомбината: «Дорогие товарищи! Мы призываем вас работать так, как сражаются наши доблестные бойцы на фронте, ничего не жалеть для достижения победы!» [33].

Естественно, что публикация стихов и писем из действующей армии, многие из которых несли ярко выраженную экспрессивную окраску, служила определенной цели — воодушевлению населения на новые трудовые успехи и поднятию духа патриотизма. Письмо — документ субъективный, передающий

Смерть немецким оккупантам!

КАМЧАТСКАЯ ПРАВДА

На путине в Анапке

Орган
Камчатского обкома,
Петропавловского горкома ВКП(б)
и областного Совета депутатов
трудящихся

№ 4 Понедельник 10 мая 1943 г

Дал слово — выполни!

Воодушевленные первомайским приказом товарища Сталина рыбаки Анапки прилагают все усилия к тому, чтобы работать для фронта с удвоенной энергией, слаженно и четко.

С каждым днем все ярче разгорается социалистическое соревнование Колхозы, бригады, отдельные стахановцы берут конкретные обязательства, за выполнение которых они будут бороться на путине.

Рыбаки колхоза „Коммунар“ обязались выловить сверх плана 250 центнеров сельди, рыбаки колхоза „Вперед к коммунизму“ — 1.500 центн. Бригада морского невода (бригадир тов. Шевцов) обещает взять сверх плана 2.150 центнеров сельди. Помимо этого все коллективы берут обязательства выловить и сдать в фонд Верховного Главного командования сотни центнеров рыбы.

Это дела достойны советских патриотов. Но взять обязательство — это только начало. Надо уже сейчас хорошо продумать как его выполнить.

Слово большевика — крепкое слово, взял его — выполни!

БОЕПРИПАСЫ ФРОНТУ:



Отделка фугасных авиабомб на Н-ском заводе (Москва)
Фото Л. Доренки го.
Фотохроника (ТАСС).

С КЕМ МЫ СОРЕВНУЕМСЯ

**Тидичики,
Олюторский район,
Камчатской области
Секретарю
Олюторского райкома
ВКП(б)
тов. СМIRНОВУ**

Передайте трудящимся Олюторского района, собравшим 6.245.000 рублей в фонд обороны страны, и внесших в фонд Верховного Главного Командования картофель, скот, икру, рыбу мой братский привет и благодарность Красной Армии.

И. СТАЛИН.

Будем трудиться с удвоенной энергией

В ответ на призыв в первомайском приказе товарища Сталина — работать в тылу с удвоенной энергией, чтобы дать стране и Красной Армии больше продовольствия, наша бригада морского невода № 1145, включилась в социалистическое соревнование.

Мы берем на себя следующие обязательства:

1. Дать доблестным бойцам и командирам Красной Армии сверх установленного плана 2.150 центнеров сельди;
2. Выловить и сдать в фонд Верховного Главного командования 150 центнеров сельди.
3. Отдать все силы и энергию для выполнения и перевыполнения государственного плана.

Вызываем на социалистическое соревнование комсомольско-молдежную бригаду тов. Пак.

Бригадир невода
И. Шевцов
Ловцы — **Исаев, Юст,**
Смоленцов, Синяев,
Дегтярев

Первая страница «выездного» выпуска газеты «Камчатская правда»
от 10 мая 1943 г.

КАМЧАТСКАЯ ПРАВДА

НА ПЕТРОПАВЛОВСКОЙ СУДОВЕРФИ

№ 7

Четверг 24 июня

1943 г.

Орган
Камчатского обкома,
Петропавловского
горкома ВКП(б)
и областного Совета
депутатов трудящихся

РАСХИТИТЕЛЬ РАБОЧЕГО ВРЕМЕНИ—НАШ ВРАГ

ВЕСТИ СЧЕТ МИНУТАМ

Гудок давно уже воввлек начал рабочего дня, а оживленный разговор между бригадиром корпусного цеха тов. Быковым и судосборщиком тов. Метелевым не прекращался. Сорок минут рабочего времени потеряно.

Сварщику Быкову поручили принести и установить трансформатор. Быков по пути присел „отдохнуть“ и проспал более 20 минут. Несколько сварщиков в это время простаивали.

Слесарь Касьянов (мехцех) в поисках закурить начал работу на 20 минут позже.

Таких фактов сотни. Они — прямой упрек коллективу верфи, мастерам, руководителям цехов. Минуты не в почете на заводе, а из них складываются часы простоев, снижается выпуск продукции, государству наносится громадный ущерб.

Красная Армия требует от судоремонтников самоотверженного труда, ждет от них не слов, не красивых обещаний и революций, а реальной помощи. Между тем, каждая потерянная минута снижает возможности выполнить это требование фронта.

Впереди кузнечный цех

В ходе соревнования цехов на первое место по итогам работы 23 июня вышел кузнечный цех. Средняя выработка этого дня составила в кузнечном 188 проц. Кузнец тов. Спирижов работал за четверых. Его показатель—393 проц. Более трех норм дал кузнец тов. Баканов.

Второе место в соревновании цехов — за литейщиками. Их средняя выработка—177 проц. Первенство среди литейщиков попрежнему за формовщиком тов. Волковым, выработавшим 462 проц. дневной нормы.

Несколько отстал в этот день корпусный цех, где средняя выработка составляет 137 проц. Такие темпы не обеспечивают выполнения обязательств, взятых котельщиками в соревновании.

Молодая патриотка

Тов. Кичигина (мехцех)—молодая станочница, она еще не переведена даже на рабочий разряд, но к порученному делу относится добросовестно, аккуратно, ведет счет рабочим минутам. Оттого и результаты ее работы прекрасны.

Вчера за 8 рабочих часов она нарезала резьбу на 430 гайках, перевыполнив задание квалифицировав и много токаря более чем в три раза. Тов. Кичигиной вручен красный флажок лучшего станочника механического цеха.

Когда будет готова „Зей“?

20 июня истек срок исполнения договора по аварийному ремонту землесоса „Зей“, а конца работ еще и не видно.

Большинство деталей задерживают в обработке корпусный и механический цеха. На

М — разрыхлителя, например, много сварочных работ. Руководители корпусного цеха, зная об этом, не принимают необходимых мер для их форсирования.

Д. Лукашов,
помолнит „Зей“.

Первая страница «выездного» выпуска газеты «Камчатская правда» от 24 июня 1943 г.

эмоциональное состояние автора, и потому способный произвести сильное впечатление на читателя.

Можно заметить, что тематика публиковавшегося в газетах материала достаточно широка. Однако обратим внимание на то, что если трудовой подвиг камчатцев на страницах газет представлен достаточно широко, то повседневные, насущные проблемы населения, такие, как обеспечение продовольствием, жильем, промышленными товарами и одеждой, особенно остро стоявшие в годы войны, на газетных страницах отражения практически не находили. Газеты уходили от анализа социальных, экономических, нравственных проблем, рожденных военным временем. Картина реальной действительности предстает достаточно «отлакированной». В публикациях чаще применялся декларативный подход с широким использованием общих призывов и лозунгов.

Однако возложенную на нее задачу — мобилизовать население на самоотверженную работу в военные годы камчатская печать выполнила, являясь не только информатором, но агитатором и коллективным организатором, несмотря на все трудности. В годы войны полиграфическая база Камчатки, естественно, пополнялась слабо, а типографские машины были изношены, и часто вышедшую из строя деталь изготавливали на месте из подручных материалов.

С окончанием войны задача не изменилась — нужно было все так же мобилизовывать население — но уже на быстрее восстановление и дальнейшее развитие народного хозяйства страны. Возможно, это было одной из причин, по которой в июле 1945 г. ЦК ВКП(б) принял постановление «Об улучшении качества и увеличении объема республиканских, краевых и областных газет», в котором потребовал «на деле превратить газеты в боевые органы политического воспитания масс».

ИСТОЧНИКИ

1. ГАКО. Ф. Р-510. Оп. 1. Д. 3. Л. 1.
2. Там же. Ф. Р-555. Оп. 3. Д. 70. Л. 8.
3. Там же. Оп. 2. Д. 53. Л. 27.
4. Там же. Д. 16. Л. 6.
5. Там же. Д. 53. Л. 53.
6. Хроника Камчатской областной партийной организации (1917—1981 гг.). — Петропавловск-Камчатский, 1982. — С. 15.
7. ГАКО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 4. Л. 28.
8. Год издания «Камчатского комсомольца» — 43-й! // Камчатский комсомолец. — 1967. — 5 мая.
9. *Витер И.* Время, запечатленное в строке // Камчатский комсомолец. — 1974. — 12 июля.

10. *Витер И.* Время, запечатленное в строке // Камчатский комсомолец. — 1974. — 12 июля.
11. ГАКО. Ф. П-19. Оп. 1. Д. 161. Л. 123.
12. Там же. Д. 213. Л. 46.
13. *Витер И.* Время, запечатленное в строке // Камчатский комсомолец. — 1974. — 23 июля.
14. Там же. — 20 авг.
15. ГАКО. Ф. П-19. Оп. 1. Д. 70. Л. 330.
16. *Семенов В.* Первая районная газета Камчатки // Камчатская правда. — 1966. — 30 июля.
17. ГАКО. Ф. П-2. Оп. 2. Д. 21. Л. 109.
18. Там же. Ф. Р-129. Оп. 1. Д. 3. Л. 6 об.
19. Там же. Ф. П-800. Оп. 1. Д. 410. Л. 1.
20. Там же. Ф. Р-265. Оп. 1. Д. 8. Л. 37.
21. Там же. Л. 91.
22. Там же. Л. 13.
23. Там же. Ф. Р-265. Оп. 1. Д. 16. Л. 58.
24. Там же. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 52. Л. 3.
25. Там же. Д. 78. Л. 1.
26. Там же. Д. 342. Л. 268.
27. Там же. Д. 365. Л. 154.
28. Там же. Ф. П-2. Оп. 2. Д. 110. Л. 139.
29. Там же. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 149. Л. 155.
30. Там же.
31. *Галкин Г.* Я готов к боям // Корякский большевик. — 1941. — 1 июля.
32. На постройку танка «Пионер» // Знамя Сталина. — 1942. — 4 февр.
33. Переписка с фронтом // Камчатская правда. — 1943. — 2 нояб.

БОЕВОЙ ЛИСТОК

№ 9 ВТОРНИК,
13 ИЮНЯ 1944 г.

Смерть немцам оккупантам!

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

выездной редакции районной газеты «Сталинец» —
орган Олоторского РК ВКП(б) и Райсовета — на
сельдовой путине.



АГИТАТОР НА ПУТИНЕ

Выдающиеся по своему значению события происходят за последние дни. Наши союзники 6 июня пересекли Ламанш и начали высадку громадной армии на побережье Франции. Вчера мы с радостью услышали сообщение Совинформбюро о том, что войска Ленинградского фронта перешли в наступление на Карельском перешейке.

Об этих событиях должен знать каждый рыбак, каждый рабочий, каждый колхозник.

Агитколлективы рыбозаводов, колхозов должны выйти на производственные участки проводить свою работу в селах, бригадах, на заводах, повседневно разъяснять смысл происходящих событий, первоначальский приказ товарища Сталина, своим страстным большевистским словом мобилизовать коллективы на героический труд во славу нашей грядущей победы.

Мы переживаем ответственный период отечественной войны с германским фашизмом, поэтому надо подвиги трудовые удвоить и утроить, напряжением всех наших сил помочь Красной армии разбить врага в ближайшее время.

Агитатор должен стать душой коллектива и борьбе за выполнение производственных планов.

10 июня войска Ленинградского фронта перешли в наступление на Карельском перешейке. За два дня боев войска Красной армии прорвали сильно укрепленную оборонительную линию врага по фронту на 40 километров и продвинулись вперед на 24 километра.

В ходе боев нашими войсками занят город Терноки и 80 других населенных пунктов.

Фронту помогают подвигом в труде

Примерной является работа выливщиков рыбы из кунгасов (рыбозавод 6), бригадир т. Бесфимильный, члены бригады тт. Белицкий, Кутасов и Пермяков, они выполняют дневные нормы не ниже 200 процентов.

На 180—200 про-

По-стахановски работает на выловке рыбы (рыбозавод 6) бригада колхозников колхоза им. Тимошенко, бригадир т. Кузнецов. Ежедневная норма вы-

центов и больше выполняют задания за-солыщиками тт. Рабины, Немов, Соколов и Кундир т. Бесфимильный. Также же показатели у подносчиков соли тт. Рыданова и Родионов.

Большевистский привет стахановцам путини!

И. Колобихин.

работки не ниже 130—200 процентов. Членами этой бригады является тт. Сабитова, Валеева и Ашарфулиня. Иванов.

НА КОЛХОЗНОМ ЛОВЕ

10 июня рыбозавод 6 принял от колхозов сельди 1378 центнеров. Первым на лову по сдаче рыбы идет кол-

хоз «Тумгугум», сдавший в этот день 750 центнеров сельди. Лов во всех колхозных бригадах продолжается.

Боевой листок выездной редакции газеты «Сталинец» Олоторского района Камчатской области от 13 июня 1944 г.

АВГУСТ
16
СРЕДА
1944 год
№ 30 (401)
Цена 10 коп.

СТАХАНОВЕЦ

О Р Г А Н
партийной, профсоюзной,
организаций и дирекции
комбината имени Сергея
Мироновича Кирова

Успешно завершить годовой план добычи и обработки рыбы

Героическими усилиями коллектива рыбаков базы № 3 годовой план по добыче и обработке рыбы выполнен на 103 процента и коллективом базы № 1 на 102 процента. В этом большую роль сыграл и руководящий состав баз.

Приближается к выполнению годового плана и база № 2. Сейчас главным образом лимитирует подвозка соли в базы № 1, где необходимо уделить особое внимание со стороны дирекции комбината, чтобы своевременно нагружать и отпра-

влять кучгасы с солью на базу № 2. Нельзя допускать излишних простоев, как при погрузке соли в кучгасы, а так же выгрузке ее на второй базе.

Все сделать для того, чтобы в 2 дня успешно завершить годовой план и с честью выполнить взятые обязательства коллективом рыбаков и рыбаков комбината перед родной и великим Сталиным.

Все силы коллектива комбината на выполнение и перевыполнение годового плана.

Директору базы № 3 т. Колбасину

Поздравляем вас и ваш коллектив рыбаков с досрочным выполнением государственного плана.

Уверены, что вы и ваш коллектив дадите рывок и фронту тысяч и пудов рыбы сверхплана, тем самым еще больше поможете героической Красной Армии в окончательном разгроме немецких разбойников и изгнания их из пределов нашей священной земли.

Директор комбината им. С. М. Кирова **Шиянов Шумилин Шеметов**
Секретарь партбюро
Предзавкома

Директору базы № 1 т. Просину

Поздравляем вас и ваш коллектив рабочих и рыбаков, ИТР и служащих, домохозяйек и школьников с досрочным выполнением годового государственного плана по добыче и обработке рыбы.

Плелемся, что рыбаки и рыбацки базы № 1 приложат все свои силы к максимальному перевыполнению плана и дадут нашей родине и наступающей Красной Армии десятки тысяч пудов рыбы сверхплана и тем самым внесут достойную лепту в дело окончательного разгрома врага, в дело скорой и полной победы над немецкими фашизмом.

Директор комбината **Шиянов Шумилин Шеметов**
Секретарь партбюро
Предзавкома

Впереди других

„Тот, кто норму свою выполняет в двойне, тот доблестный воин в священной войне“. Эту задачу заповедь глубоко усвоили и претворяют в жизнь замечательные гвардейцы тыла нашей страны: т. Аланкина А. (домохозяйка) и тов. Марченко вы выполнили задание на 200 и 200 процентов т. Смолькова и Закавказская, рыбацки тов. Раваданова, и тов. Дервяченко, тов. Мышова

и тов. Бичаева ежедневно выполняют задание на 200 процентов.

Стахановский труд патриотов в э ч и к базы № 2, помогает выполнять и перевыполнять государственный план добычи и обработки рыбы.

Нет сомнения в том, что передовые рыбаки и школьники базы № 2 добьются успехов, еще более высоких по казателям в производительности труда.

Борисов



ИМЕНИ ОБОРОНЫ НАШЕЙ ВЕЛИКОЙ РОДИНЫ

ПО ПРЕДСТАВЛЕНИЮ ДИРЕКЦИИ И ПРОФСОЮЗНО-НАУЧНО-ОРГАНИЗАЦИИ, ЗАНОСЯТСЯ НА ДОСКУ ПОЧЕТА ПЕРЕДОВИКИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО СОВРЕМЕНИЯ, ПОКАЗЫВАЮЩИЕ ОТЛИЧНОЕ КАЧЕСТВО РАБОТЫ И СИСТЕМАТИЧЕСКОЕ ПЕРЕВЫПОЛНЕНИЕ НОРМ.

ИКОРНЫЙ ЦЕХ БАЗЫ № 1

Патрикеев (начальник цеха)
Анисимов С. Е. (икорный мастер).
Елизаров (рабочий).
Вертикацкий (рабочий).
Каширцев (рабочий).
Летюкин (рабочий).
Тихов (рабочий).
Юри (рабочий).
Тихова (работница).
Патрикеева (домохозяйка).
Симакина А. (работница).

ИКОРНЫЙ ЦЕХ БАЗЫ № 3

Бахов (начальник цеха).
Гаврилов (бригадир цеха).
Покор (рабочий).
Кобаксов (рабочий).
Плотников (рабочий).
Воронов (рабочий).
Зуева (домохозяйка).



900 пудов сверхплановой высококачественной икры

Коллектив икорного цеха, где мастером тов. Бахов 6 августа закончил выполнение годового плана по икре. Рыбаки и рыбацки цеха получили фронтовые задания с 7 по 15 августа выработать 900 пудов икры лучшего качества и за выполнение данного фронтового задания по большинству задания мастер тов. Бахов и рабочие икорного цеха базы № 3.

В борьбе за выполнение плана по икре уже показав

ли свои силы и способности, свое знание и умение образцово работать следующие рабочие передовики: тов. Гаврилов (бригадир цеха), Цокур, Кобаксов, Плотников, Воронов и домохозяйка тов. Зуева.

Честь и хвала передовому коллективу досрочного выполнения годового плана по такому передовому продуктивному цеху, как икра.

И. Колбасин С. Толмачев

Первая страница газеты «Стахановец» Кировского рыбокомбината АКО от 16 августа 1944 г.

ИЗ ИСТОРИИ НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ ПОЛУОСТРОВА КАМЧАТКА

Апача, село. В настоящее время находится на территории Усть-Большеречского района. Расстояние до районного центра — 60 км. Ближайшие селения — Малка, Большерецк, Начики.

Этот ительменский острожек получил название от русских по имени тойона Опача, жившего здесь в начале XVIII в. В XIX в. острожек находился на реке Плотниковой, расстояние до него от Петропавловска считалось 138 верст. В 1868 г. здесь имелась деревянная часовня, 12 домов, жили 83 чел.: 41 мужчина и 42 женщины.

По переписи 1876 г. в селении обитали 108 чел., в том числе один духовного сословия, трое отставных казаков, пятеро петропавловских мещан и 99 камчадалов. Двое жителей считались грамотными, двое — малограмотными. Всего в селении находилось 49 построек, в том числе три амбара, две бани, 18 балаганов и 12 стай (загонов для скота).

Селяне содержали 13 лошадей, 78 коров и 197 собак. Картофеля они посадили 77, собрали — 538 пудов, выловили 79 470 лососей. За охотничий сезон были добыты 45 соболей, 16 выдр, одна лисица, семь оленей и шесть медведей.

Петропавловский окружной врач В. Н. Тюшов, путешествуя по Камчатке в конце XIX в., неоднократно посещал это селение. Он оставил его описание: «Селение Апачинское или Апача находится на низменном, частью затапливаемом по веснам водою, правом берегу Ничикинской реки, в какой-нибудь сотне саженей от более возвышенного, ровного и сухого наверху увала. Небольшие домики его, числом до двадцати, разбросанные без всякого видимого порядка, крыты травой, как и в каждом другом селении, и выстроены, главным образом, из тополевого леса, доставляемого жителями с верхнего и нижнего течения Начики, недалеко от селения.

Тут же, в селении, по самому берегу реки тянется ряд рыбных балаганов и ям, необходимых атрибутов всякого камчатского селения, наполненных кислой рыбой, отчего и называемых “кислых ям”, распространяющих острый, весьма неприятный запах, по которому уже можно издали знать о близости селения.

Жителей в Апаче считается более ста душ; таким образом, селение это является одним из более населенных пунктов полуострова; почти все они по своему происхождению камчадалы, что можно знать по сохранившемуся среди них инородческому типу... Из всех жителей Апачи, только двое стариков, это Федор Антонов и его жена, немного “слышат”, то есть понимают камчадальскую речь, хотя сами не могут объясниться на этом языке.

В настоящее время в селении, кроме убогой часовенки, имеется еще содержащаяся на общественные средства школа, которая временно помещается в доме... Федора Антонова, а преподавание в ней ведется сыном этого старика, камчадалом Кириллом...

Всех вообще обитателей Камчатки можно назвать рыбоедами или рыбацкими, желая таким названием оттенить их исключительный род пищи. Рыба у них поедается за завтраком, рыба идет на обед, с рыбой пьется чай, и рыба же составляет ужин.

Тут же можете видеть рыбу на все манеры, во всех видах приготовленную: рыба квашеная, рыба жареная, варенная, вяленая, соленая, сушеная.

В лето 1897 г. жители Апачи говорили единогласно, что «слава Богу, нонче, можно сказать, рыбы благодать было: все довольно запасли корму. Вот только летний корм плохо вышел: лето больно ненастное стояло — много пропадало корму. Зато теперь (в октябре месяце) — хороший. Рыба идет жирная. Запоры по четыре раза в день приходится опораживать. Одним словом — изобилие рыбы нонче! Всяк наловил, сколько хотел. И кислой довольно наклали»».

В октябре 1897 г. местная жительница Анна Михайловна Панова открыла в своем доме школу и учительствовала в ней вплоть до смерти в 1900 г. Ее сменил односельчанин Кирилл Федорович Антонов, отец троих детей. Ему помогал сын Григорий. К. Ф. Антонов писал о себе, что «школьного дела он не знает, нуждается в работе по хозяйству».

Руководитель Ботанического отдела камчатской экспедиции Ф. Рябушинского В. Л. Комаров приводит такое описание места расположения селения: «Селение Апача расположено на правом берегу р. Начики, на сухой аллювиальной террасе, в верете от последних одиноких гор правого берега».

В период русско-японской войны 1904—1905 гг. апачинцы опасались нападения на селение японцев. Они обратились к начальнику уезда с просьбой об эвакуации жителей селения в безопасное место.

«Донесение. Его Высокоблагородию Господину уездному Начальнику. Мы, нижеподписавшиеся камчадалы Апачинского селения, честь имеем покорнейше просить Вас Вашего Благородия нельзя будит нам от опасности на всякий случай отвести жен и детей, хотя куда прикажите. Потому что мы опасаемся вместе с женами и детьми быть в нашем Апачинском селении, а сами мы не оставим свое селение до распоряжения Вашего а японские хищники могут придти с нашей реки устья так, как они ходили в прошлые года.

По безграмотности старосты и личной просьбы расписался камчадал Евстегней Панов. За общество прилагаем общественную печать».

В 1923 г. селение было описано как объект на пути движения частей Красной Армии. «В 15 верстах на юг от с. Апача имеется горячий ключ, богатый селитрой. Ключ считается целебным. В районе селения жителями

случайно находились вещи, как-то: стамески, мотыги и прочие, высеченные из камня, по предположению — это некогда живших здесь камчадалов. Также раскапывались ямы, которые представляли из себя часть юрт инородцев. В верстах ста от селения к югу, приблизительно за Опальской сопкой (Опала), имеется горный хрусталь. От селения Апача отделилось трое жителей, которые образовали новое селение от Апачи в шести верстах к югу на реке Шиково.

Селение называется “Шиково”. На этом месте под землей имеется нефть, которая выступала из дна реки лет шесть тому назад (1917 г.) в виде чистого керосина. По словам одного апачинского старика (62 года), его дед — иркутский купец 80—90 лет тому назад переселился из Иркутска в Тигиль, а потом в Петропавловск и с. Апачу. Таким образом, в Иркутске за счет казны закупил скот (лошадей, коров и прочее), тогда казна оказывала переселяющимся большую помощь, и со своими соседями и другими односельчанами до Тигиля шли три года.

Селение имеет 24 жилых дома, девять теплых сараев и прочих построек 22. Численность населения еще не выяснена, регистрации не было. Имеется одна школа и один учитель, количество обучающихся 10 чел., грамотных в селении приблизительно наполовину. Партийной организации не имеется, и партийных нет. Церкви, попов, жрецов и шаманов тоже нет. Имеется почта и телеграф, кооператив, наблюдательных промысловых пунктов нет. Главное занятие жителей — охота и рыболовство. Продукты охоты и рыболовства продаются коммерсантам, приезжающим от фирмы Гудсон-Бей. Торговля происходит в обмен и на деньги. Ходовые товары, главным образом, мука, сахар, мануфактура и прочие. Деньги — иена. Скупается больше всего пушнина. Доверенный фирмы Гудсон-Бея — Шикер.

Японцами привозится много спирта, спрос на спирт большой. Устройство поверхности гористое и лесистое, род леса: береза, ольха, тополь, кедровник и лиственничный.

Реки: приток р. Апача, Бонная, Корымчина (Большая река), глубиной не везде одинаково. Температура лета от 0 достигает 30 град. жары, а зимой от 5 град. до -30 град. Глубина снега два аршина, дожди выпадают часто, пурги и ветры тоже частые, ветры восточные. Почва каменистая, обеспечена водой. Имеется три колодца (ключи). Качество воды хорошее. Состояние телеграфной линии дурное, постройка старая, дряхлая, ремонта не было давно. Передвижение зимой на собаках, а летом вьючными. Количество собак 150, лошадей годных под вьюк 15, три телеги, нарт 33, лыж 33, коров 25 голов. Имеется горячий ключ по притоку Шиковой в 15 верстах, находится на сухом месте. Кочевников не имеется. Партийные работники отсутствуют».

По отчету Камчатского губревкома за 1923 г., в селении жили 113 чел., в том числе 32 больных.

По материалам Приполярной переписи 1926 г., в Апаче обитали 105 чел., в основном камчадалы.

В период коллективизации в селении был создан колхоз имени И. В. Рябикова. Илларион Рябиков часто бывал здесь, оставил добрую память, и поэтому жители единодушно назвали свой колхоз его именем. С теплотой о нем вспоминали сестры Мария и Елена Логиновы.

В январе 1943 г. в селении жили 187 чел., из них 107 трудоспособных, в том числе 52 мужчины и 55 женщин. В 1994 г. численность местного населения составляла 1 419 чел.

Большереецк, острог, село. В начале XVIII в. в общих чертах завершился процесс формирования территории Российского государства от берегов Балтийского моря до Тихого океана. В 1704 г. на обеих окраинах России началось строительство: на берегу Невы рос новый город, а в это же время на Камчатке другие строители рубили Большереецкое зимовье. Русские люди закреплялись на западных и восточных рубежах и создавали новое государство — Российскую Империю. Выход России к берегам Тихого океана в XVII в. стал важнейшим итогом деятельности русских землепроходцев и мореходов.

По свидетельству С. П. Крашенинникова, в 1707 г. во время восстания ительменов недавно сооруженный Большереецкий острог был сожжен. Его вновь отстроили только весной 1711 г. В сборнике архивных материалов «Колониальная политика царизма на Камчатке и Чукотке в XVIII в.» приводится челобитная служилых людей Анцифорова, Козыревского и других Петру I от 26 сентября 1711 г. В ней указывается: «...и на том месте мы, рабы твои, ниже прежнего ясачного зимовья острог стаялой бревенчатой поставили». В этом же году из Большереецка казаки под руководством Д. Анцифорова и И. Козыревского отправились в поход на Курильские острова.

В 1713 г. отсюда вышла вторая экспедиция на Курилы. В одном из ее донесений сообщалось: «От Камчатской земли морем до первого острова парусом бежать день, на второй остров половину дня гребли...»

«В 1722 г. определен в Камчатку прикащиком дворянин Никита Лосев», — сообщает А. С. Сгибнев. После отъезда с полуострова в 1723 г. Лосев сдал служилому Артемию Попову «острог деревянный, стоячий тын, на западном углу казенный амбар, в середине приказная изба, на север аманатская казенка, в которой Воровской реки аманатов пять; две медные пушки; казаков 40 человек».

Участник Первой Камчатской экспедиции мичман П. Чаплин после перехода из Охотска до Большереецка определил между ними «расстояние плавное 603,6 мили, а русскими верстами 1 051,27 версты». Участники экспедиции отметили «в остроге 17 дворов».

В XVIII в. Большереецк являлся административным центром Камчатки. Отсюда начиналась колонизация юго-восточной части полуострова, стартовали

казачьи и православные походы на Курильские острова. Сюда из Охотского порта прибывали служилые и многочисленные экспедиции. Острог одно время служил базой для Первой Камчатской экспедиции. После установления санного пути ее члены отбыли из Большерецка по рекам Быстрой и Камчатке в Нижнекамчатский острог.

Георг Стеллер, участник Второй Камчатской экспедиции, перечислял преимущества Большерецка перед другими острогами: «Там есть в изобилии рыба... Все купцы и суда из Охотска прибывают к Большой реке... В настоящее время столь выгодная торговля морским бобром сосредотачивается почти исключительно на Большой реке... Вследствие того, что на Большой реке есть пристань и гавань для охотских кораблей, тут всегда проживает комендант».

С. П. Крашенинников дает подробное описание острога: «... стоит на северном берегу Большой реки, между впадающими в оную посторонними реками Быстрою и Гольцовкою в 33 верстах от Пенжинского (Охотского. — В. Б.) моря. Крепость во оном остроге четвероугольная, во всей стороне по 10 сажен...»

В Большерецке имелись строения: «... ясачная изба, аманатская казенка, анбар для содержания аманатской юколы, да двоезилой анбар, в котором ясашная казна хранится. За острогом строения часовня, что ныне уже церковь, во имя Николая Чудотворца, с колокольнею на столбах... Обывательских по разным островам тридцать, кабак с винокурнею, служилых 45 человек, да казачьих детей 14 человек».

Большерецк стал известен в Европе благодаря участникам экспедиции Дж. Кука и авантюристу М. Беневскому. Осенью 1770 г. на Камчатку прибыли два судна: «Святой Петр» и «Святая Екатерина», на борту которых находилась группа ссыльных, в том числе М. Беневский, А. Винбладт, Иоасаф Батурин, Василий Панов. Уже ранней весной следующего 1771 г. они подняли в Большерецке восстание и убили камчатского командира капитана Григория Нилова.

Капитан Тимофей Шмалев, долгое время служивший на Камчатке, оставил подробное описание Большерецка, датированное 1773 г.: «Во оном деревянного строения церковь Успения Пресвятой Богородицы и Камчатская Большерецкая Канцелярия... Казенного строения: Канцелярии, командирский дом, кладовых амбаров четыре, купеческих лавок двадцать три, обывательских домов сорок один. Жительствоуют во оных духовные и воинские чины, також подушные плательщики. Крепостного строения еще никакого не имеется».

В 1773 г. на Камчатку прибыл премьер-майор Магнус Карл фон Бем, назначенный главным командиром. Бем много сделал для улучшения жизни на полуострове. Так, в Большерецке он устроил первую больницу, где слу-

жил лекарь Робек. На полуострове стали укрепляться школы, в них значительно возросла численность учеников.

Сменивший Бема коллежский асессор Франц Рейнеке, как сообщает А. С. Сгибнев, «привел в порядок полуразрушенные здания в Большерецке и построил там новую церковь».

В 1799—1800 гг. на Камчатке свирепствовала эпидемия «гнилой горячки», унесшей более сорока процентов жителей полуострова. Вымерло почти все население между Авачинской губой и устьем реки Камчатки. В устье реки Камчатки «для содержания караула» по указанию иркутского губернатора Леццано были переведены большерецкие казаки с семьями.

Постепенно, с переносом административного центра вначале в Нижнекамчатск, а затем в Петропавловск, роль Большерецка уменьшается. Уже в начале XIX в. он превращается в обычное камчатское селение, в котором жили около 100 чел.

В 1818 г. по итогам седьмой камчатской переписи населения здесь оставалось 68 русских жителей: 34 мужчины и 34 женщины. Через пятьдесят лет население несколько увеличилось. В 1868 г. в селе было всего 12 домов и 81 житель: 43 мужчины и 38 женщины. Здесь имелась православная церковь и пристань для морских судов. Расстояние до Петропавловска по почтовому тракту составляло 178 верст.

По переписи 1876 г. в селении проживали 53 мужчины и 46 женщин. По сословному составу они делились так: 14 казаков, в том числе только один состоявший на службе, 23 духовных лица, два отставных нижних чина, пять камчадалов, 55 крестьян. Грамотных насчитывалось 14, малограмотных — один.

В селении имелась церковь и 13 домов. Всего здесь насчитывалось 57 построек, в том числе одна кузница, семь бань, 16 балаганов. Жители содержали 20 лошадей, 58 коров и 182 собаки. За год они выловили 74 600 рыб лососевых пород, добыли 130 нерп, 33 выдры, 18 медведей, девять соболей.

В 1895 г. в Большерецке осталось 12 домов, 27 хозяйственных построек, здесь жили 40 мужчин и 32 женщины. Селяне содержали 20 лошадей и 68 коров. Они добыли 98 соболей, 31 медведя, 17 лисиц и девять выдр. Поймали для себя и собак 38 600 рыбин общим весом около 96 т.

В. Н. Тюшов сообщал: «В настоящее время Большерецкое селение является единственным русским поселением на дороге от Петропавловска до Тигиля на западном берегу полуострова. Расположено оно крайне невыгодно на островах, образуемых протоками Монаковой, Мостовой и Паренчиной, которые во время половодья затопляют селение, и жителям приходится, чтобы пройти друг к другу, прибегать к батам. Небольшие домики... разбросаны без всякого плана, кому где вздумается, малы, и, в общем, селение производит крайне унылое грустное впечатление...

В этом селении имеется одна церковь — ветхое полуразрушившееся здание, подпертое со всех сторон бревнами в предупреждение от падения. Тут же неподалеку от старой церкви строится на том же кочковатом болоте новое здание под церковь; есть школа...

Маленькие хатки, по обыкновению, не проконопачены; полы однорядные, точно также и оконные рамы. Большинство оконных рам вместо стекол имеют полотнища, сшитые из медвежьих кишок. Такое окно пропускает очень мало свету, но зато при каждом открывании и закрывании домово́й двери или при сильном ветре сильно шумит, хлопая. Печи сложены из самодельного необожженного кирпича на деревянных опечках; из такого же обыкновенного кирпича складывается труба над крышей. Чистая комната, или горница, обыкновенно имеющаяся в каждом домике, содержится при крайней бедности жителей в возможной чистоте. Часто вы найдете стены и потолок ее окрашенными в разные цвета глинами. Печь красится всегда...

Учителем там состоит полуграмотный камчадал Кихчикского селения Павел Укусников, обязанный своею грамотностью проживающему в Петропавловске торговцу Петру Косыгину, который за время своих долгих поездок по Камчатке по торговым делам в часы досуга не одного камчадала обучил, хотя и азам грамоты. Спасибо и за это человеку, который сам едва дошел самоучкой до разбирания печатного и писанного.

Все население не превышает сто душ».

В 1901 г. численность местного населения составляла 113 чел.

До конца XIX в. в Большерецке находился архив, где хранились уникальные документы XVIII в., отражавшие историю колонизации Камчатки и Курильских островов. Об этом в своем классическом труде «Охотско-Камчатский край» упоминает Н. В. Слюнин: «Еще недавно в Большерецке целый сарай был завален старыми и интересными бумагами».

Об истории Большерецкой церкви в середине XIX в. писал протоиерей Прокопий Громов: «Храм в Большерецке... первый раз освящен был во имя Успения Божией Матери 15-го марта 1741 г. священником Ермолаем Ивановым». Этот храм «держался сорок лет». Следующий был «...освящен 2 января 1784 г. протоиереем Стефаном Никифоровым. Третий храм на месте второго обветшавшего построен при генерале Петровском, освящен 19 февраля 1812 г. протоиереем Никифором Никифоровым. Четвертый, на место третьего обветшавшего, строен при начальнике Камчатки Голенищеве и Шахове, освящен 22 января 1838 г. протоиереем Прокопием Громовым».

Причиной непродолжительной жизни храмов являлось отсутствие в районе Большерецкого острога качественной древесины. Поэтому вновь построенное из «плохого лесу» сооружение не мог служить долго.

В ноябре 1861 г. Большерецк посетил архиепископ Камчатский Иннокентий Вениаминов. В своих путевых заметках он отмечал: «26-го, воскресенье.

Отправлял литургию с молебном Св. Иннокентию и после того говорил прощальное слово. Причетчики Синаев и Логинов посвящены в стихарь».

Последним священником в Большерецкой церкви до ее закрытия в 1927 г. был Григорий Колегов.

В декабре 1922 г. на крейсере «Командарм Уборевич» на полуостров прибыл экспедиционный отряд 5-й Краснознаменной армии под командованием М. П. Вольского. В 1923 г. на западном побережье Камчатки побывал один из представителей этого отряда (в документах его имя не называется), составивший подробное описание здешних селений. Анонимный автор указывает численность и занятия населения, его вероисповедание, наличие школ и культовых зданий, наличие полезных ископаемых и виды используемого транспорта.

«Жилых домов 31, теплых сараев 28, холодных сараев (служащих для ююкы) 25, бань 10, амбаров 15. Население в селе Большерецк приблизительно 150 чел., из них 51 мужчин, 70 женщин и 29 детей. Население — преимущественно камчадалы, русских всего трое. Все жители исповедуют православную религию. В селении есть церковь, есть священник и диакон (камчадалы), есть также школа, учитель также камчадал. Жители малограмотны, есть и совершенно неграмотные.

Недалеко от селения проходит телеграфная линия. Конторы нет, так как таковая находится в селении Усть-Большерецком и в селении Апача. В селении находится отделение фирмы Гудсон-Бей, продаются продукты продовольствия, мануфактура, галантерея, железные и скобяные товары. Купли и продажи на деньги почти не существует, происходит, главным образом, обмен товаров на пушнину. Кроме фирмы Гудсон-Бей часто приезжают скупщики пушнины (также идет обмен), как-то Апиев, Абдул, Морозов от фирмы Петрова и китайцы, все это коммерсанты из Петропавловска.

Население замается зимой охотой, а летом рыбной ловлей, рыба сдается на рыбалки в обмен на продукты. Кроме пушнинной охоты, жители охотятся также на медведей. Мясо идет в пищу, а кожа на выделку обуви, режут ремни и другое. Охота производится, главным образом, весной и осенью, летом почти не охотятся, так как в это время происходит лов рыбы. Кроме этого занимаются скотоводством. Разводят коров и лошадей. Других животных, как-то: свиней, овец и домашней птицы совершенно нет, в силу того, что все это уничтожается собаками. Бывают случаи, что собаки заедают и коров. Коров в селении около 60 шт. и лошадей около двадцати. Каюрщиков в селе 26 чел. Собак около 320.

Способы передвижения: зимой исключительно на собаках и летом на лошадях и батах по речкам. Большерецк стоит на реке Быстрой (Большая). Река многоводная и быстрая, как показывает само название, есть несколько и мелких речек. По реке Быстрой и идет главный лов рыбы. С апреля начинают

идти гольцы (идет в пищу как жителям, так и собакам), затем красная рыба (сравнительно немного) и, главным образом, горбуша.

Из Большерецка дорога идет в Усть-Большерецк, или иначе, в Хайковую падь, которая лежит в тридцати верстах. Тракт проходит через несколько мелких речек (проложены мосты) и через Быструю. Последнюю надо проезжать на ботах; мост построить нельзя в силу изменения уровня воды, большого скопления льда, а также изменения русла. Местность — по большей части ровная тундра, местами покрытая лесом, преимущественно березой, так называемой каменной, встречается ольха и ветла. Недалеко от селения есть хорошие сенокосы, так что сена запасают в достаточном количестве».

По отчету Камчатского губревкома за 1923 г., в селении жили 128 чел., в том числе 25 больных. Спустя три года, по данным Приполярной переписи населения, жителей было 130 чел.

В связи с частыми затоплениями во время весеннего разлива рек по ходатайству жителей с 1928 по 1931 г. село было перенесено на другое место. Так появилось новое селение Кавалерское. Впоследствии рядом с озером Большим на берегу Охотского моря образовался поселок Большерецк.

Гольгино, селение. Название ему дала река Гольгина. На языке коренных жителей река именовалась Нынгучу (Нынгачу). Владимир Атласов назвал ее Гольгиной по фамилии потерявшегося там казака Ивана Осипова Гольгина. По версии Б. П. Полевого, казака убили камчадалы.

По данным С. П. Крашенинникова, «вверх по реке Нынгучу от устья верстах в 14 есть острожек, называемой Куууюхчен». В нем было ясачных плательщиков 25 душ, а всего около 130 чел.

Агроном Кегель, путешествовавший по Камчатке в 1845 г., в своем дневнике дает селению такую характеристику: «24 августа вышел я опять к Гольгиной. Эта деревня имеет 44 холостых и 37 женатых жителя в восьми домах, 66 штук крупного рогатого скота, восемь стойл и 17 сушилен. Здесь хорошее место, река того же названия и еще одна маленькая, впадающая выше... У камчадалов, особенно если их женщины хорошие хозяйки, есть запасы одежды из ситца, а иногда и из шелка, которые они шьют сами».

Селение находилось близ реки Гольгиной. Отсюда до Петропавловска считалось 318 верст. В 1836 г. здесь жили 64, в 1851 г. — 74 чел. В 1868 г. селение составляли пять домов, жили 27 мужчин, 24 женщины. По переписи 1876 г. численность населения снизилась до 39 чел. По сословному составу в их число входили пять петропавловских мещан, три служителя морского ведомства и 31 камчадал. В селении по-прежнему имелось пять домов, а всего построек насчитывалось 25. В это число входила и часовня.

Сеяне содержали 25 коров и 86 собак. В огородах они возделывали картофель и репу. Охотники за сезон 1868 г. добыли девять соболей, девять выдр, одного барана, 19 оленей, 25 нерп и 37 медведей.

В 1901 г. численность местного населения определялась в 51 чел. Здесь жила русская семья Ворошиловых.

По данным Приполярной переписи 1926 г., в селении имелось 12 хозяйств, в том числе 10 камчадалских. Здесь располагался сельсовет. В годы коллективизации в Гольгино образовался колхоз «Рассада». В 1943 г. колхозников насчитывалось 49 чел., среди них трудоспособных 15 мужчин и 17 женщин. Колхоз в этом году располагал 31 коровой, двумя сенокосилками, восемью косами, тремя конными плугами, одним культиватором, конными граблями и шестью боронами. За год колхозники выработали 1 602,7 трудодня, а по финансовым итогам года они получили за один трудодень: 11 руб. 80 коп., 2,35 кг картофеля, 0,54 кг капусты, 0,9 кг репы и 2,6 кг рыбы.

В настоящее время селение Гольгино не существует.

Дранка, селение. В первые 130 лет колонизации Камчатки русскими отношения камчатской администрации с коряками оставались крайне сложными. Неоднократно на севере полуострова между русскими и местным населением происходили вооруженные стычки.

Протоиерей П. Громов сообщает, что на камчатских границах начальнику Камчатки А. В. Голенищеву, назначенному на должность в 1827 г., предписывалось построить Дранкинскую церковь. Ее заложили 1 марта 1835 г. На Камчатку из Иркутска доставили иконостас, для удобства транспортировки писанный на полотне. В новую церковь назначили вновь прибывшего священника Стефана Вениаминова.

На карте К. Дитмара, побывавшего на Камчатке в 1851—1855 гг., селение обозначено в устье реки Дранки.

В 1862 г. селение посетил архиепископ Камчатский Иннокентий Вениаминов. В своем путевом журнале он отмечал: «Дела церковные, архив и ризница — все найдено в должном порядке. Здание церковное, существующее одиннадцать лет, несмотря на слабость леса, еще очень хорошо и прочно, требует только исправления крыши...»

По списку населенных мест Петропавловского округа, датированному 1868 г., от селения до Петропавловского порта считалось 986 верст. В Дранке имела деревянная православная церковь, приходское училище, 11 хозяйств, жили 50 мужчин и 56 женщин.

По переписи 1876 г. здесь обитали лишь 77 чел., в том числе: двое гижигинских «инородцев», 22 духовных лица и 53 камчадала. Грамотных насчитывалось 28 чел. В селении стояли уже две церкви, одна юрта, восемь амбаров, 11 домов, 21 балаган, две стаи и одна баня. Селяне содержали двух лошадей, 13 коров и 98 собак.

В 1923 г. Усть-Камчатский райревком направил в адрес сельских обществ предписания о передаче церквей обществам верующих. Но местное сельское общество отказалось принять церковь. Тогда райревком 18 февраля

1924 г. распорядился: «...утварь же (церковную. — *В. Б.*) вышлите первым пароходом в Петропавловск, губревкому».

«Ложия побережья РСФСР», изданная в 1923 г., указывала: «В 18 верстах вверх по течению реки и в 3³/₄ мили от берега моря расположено небольшое селение Дранка; церковь этого селения... хорошо усматривается с моря».

В отчете Карагинского райревкома за 1927 г. отмечалось, что в Дранке выстроена изба-читальня.

Землеустроитель В. С. Шаталов, посетивший селение в 1936 г., записал: «...расположено на высоком правом берегу реки Утхиваям, в пяти километрах от моря. Это маленькая деревушка в полтора десятка избышек, срубленных из тополя, ивы, березы. Есть еще восемь землянок. Кроме жилых, здесь были также подсобные помещения — маленькие деревянные сарайчики и обязательные для здешних мест юкольники.

Дранка — центр товарищества “Рыбак”, организованного еще в 1927 г. Основное занятие: рыболовство, сельское хозяйство (земледелие и животноводство), охота на пушного зверя и морской зверобойный промысел. Однако основной денежный доход население получает от промысла пушного зверя. Общественных посевов нет, но почти каждая семья имеет огороды, выращивая картофель, свеклу, турнепс, брюкву, морковь, лук, капусту.

Население Дранки невелико, и детей в возрасте от восьми до шестнадцати лет всего 17 чел. Однако есть начальная школа и интернат. Молодая учительница (она же заведует клубом) приехала с материка. В поселке есть общественная баня, небольшой магазинчик с самыми необходимыми товарами и продуктами».

Ивашка, селение. На склонах горного хребта берет свое начало река Панкара или Ивашка. Она впадает в мелководную лагуну, образованную рекой перед выходом в море. Камчатский краевед В. П. Кусков считал, что селение здесь «возникло до 1797 г.». По данным автора, селение на реке Панкара существовало еще задолго до прихода сюда казаков. В середине XVIII в. непродолжительное время на реке стоял небольшой русский острог, возведенный против «немирных иноземцев».

В. С. Шаталов записал легенду, согласно которой в основу названия селения положена история о несчастной любви некоего русского парня Ивашки. Он очень любил свою жену Панку, но детей у них не было. Панка ходила работать в дом к богатому хозяину Куликову. Случилось так, что Куликов и Панка уехали в отдаленный уголок Камчатки. Ивашка их нашел, построил себе землянку и жил на другом берегу реки. Ивашка часто подходил к землянке, где жила его бывшая жена, и она говорила ему: «Радость моя, иди домой, холодно, замерзнешь, прости меня, помолись за меня Богу». Потом у Куликова и Панки родились дети, а Ивашка всю жизнь прожил в одиночестве.

Он делал всем людям только добро. Поэтому его в этих краях долго помнили и называли реку Ивашкой.

Другую версию происхождения названия селения предлагает камчатский краевед В. И. Воскобойников: «В свое время японские промышленники пытались доказать, что слово “Ивашка” произошло от японского названия рыбы “иваси”. Дескать, “иваси” постепенно перешло в “Ивашку”... Ивашка — ласкательное от самого распространенного русского имени Иван. Наверное, служилый человек Ивашка из числа первых землепроходцев облюбовал это место для постройки промысловой землянки и прочно здесь обжился. Со временем выросло селение...»

По нашей версии, селение стало называться еще в 1740-х гг. в честь местного тойна, получившего новое русифицированное имя Ивашка. В одном из документов по расследованию восстания ительменов в 1745—1746 гг. указывается: «Панкары реки тоен Ивашка». В другом документе читаем: «...обратно поехал на Панкару к Ивашке и жил там дней с пять...» Журнал заседания Сената от 25 октября 1764 г. указывает: «Камчадалам и олюторам Эчке... Аппяжу, да Ивашке... итогу десяти человекам за убийство ими в 1746 году... для ясачного сбора служилых и новокрещенных десяти человек, положи на плаху и сняв со оной, бить кнутом нещадно и, вырезав ноздри до кости, вывести с Камчатки из их жилищ в город Якутск и написать тамо в ясак».

По списку населенных мест Петропавловского округа за 1868 г. отсюда до Петропавловского порта считалось 957 верст. В селении имелось семь хозяйств, жили 26 мужчин и 25 женщин.

По переписи 1876 г. численность местного населения составляла 14 мужчин и 12 женщин, в том числе трое грамотных. В селении имелись четыре дома, баня, две стаи, 12 балаганов. Жители держали двух коров, двух лошадей и 50 собак. А в 1901 г. в Ивашке обитали всего 20 чел.

В отчете Карагинского райревкома за 1927 г. указывалось, что в селении выстроена школа.

По сообщению землеустроителя В. С. Шаталова, Ивашка по-корякски звучит как «Миваям» или «Панкаваям». Эти названия существовали еще в 1936 г. Шаталов подробно описал особенности здешних жилищ: «На дверных косяках, оконных рамах, печах — всюду были нарисованы мелом или углем кресты. Почти в каждой избе обязательно полати, под русской печкой — подпечники, вдоль стен — лавки, в заднем правом углу — широкая деревянная кровать, в переднем — обязательно несколько икон, центральная украшена самодельным полотенцем, а перед ней висела лампада. Между прочим, главная икона чаще всего с изображением Николая-угодника или Георгия-Победоносца.

Кроме лавок имелись самодельные скамейки и табуретки. Люльки для младенцев были подвешены на скрипучей березовой палке-очепе. В домишках

окошечки маленькие, с цветными занавесками, верхняя обязательно из сурового льняного полотна и вышита. Стены и потолки не белили, но ежегодно, два раза к рождеству и пасхе мыли. Печь русскую часто белили серой глиной, которую привозили с верховьев реки Ивашки.

В каждом доме деревянная посуда: ложки, всевозможные ковшики, солонки, тарелки, корытца разных размеров, бочонки для хранения сыпучих продуктов, баночки. К деревянной посуде относились бережно, пользовались ею только по большим праздникам и передавали по наследству. Кроме того, в каждой семье были чугуны, сковороды, ухваты, глиняные горшки и крынки.

Женщины носили белье и верхнюю одежду. Платья шили сами, старинного фасона: цветные и полосатые, с глухим воротником, оборками, широкий пояс находился чуть ниже груди, вырез от шеи до пояса застегивался на яркие пуговицы.

В Ивашке построили начальную школу, учительница — русская девушка, способности у ребят хорошие. Был и клуб на сорок мест».

В начале 1930-х гг. из числа местных жителей организовалось товарищество по совместному выпасу оленей и вылову рыбы, затем появился колхоз. Карагинский райком ВКП(б) сообщал Камчатскому обкому: «Колхозники колхоза “13-я годовщина Октября” (село Ивашка) взяли обязательство выполнить план путины на 150 процентов... План добычи рыбы в 3 800 ц выполнили на 200 процентов, выловили 7 607 ц».

Местная газета 22 декабря 1965 г. так рассказывала об истории села: «... начинало свою жизнь с первых палаток, что ставили местные жители в дни заготовки юколы, перекочевывая с верховьев рек к моменту подхода лосося. Как-то возле палаток незаметно приютились землянка. Через несколько лет возле нее выросли другие. А потом появились и деревянные строения: столовая, пекарня, жилые дома — первые плоды колхозной трудовой артели. В летние месяцы женщины плели циновки из морской травы, возили их на ярмарку в районный центр Карагу. На вырученные деньги покупали посуду, белье, постели. Открыли ясли».

В 1960 г. колхоз «13-я годовщина Октября» объединился с колхозом «Рыбак», а спустя некоторое время селение было перенесено на другое место. В лоции Берингова моря 1969 г. указывается: «Рыбоконсервный завод расположен в 2,4 мили к *SSW* от входа в лагуну реки Панкара. Здесь же находится управление комбината. Селение Ивашка находится в 2,4 мили к *SSW* от входа в лагуну реки Панкара на южной оконечности южного из островков, расположенных в лагуне. Жители селения в основном занимаются ловом рыбы и частично оленеводством... Селение Панкара расположено на песчаной косе в шести кабельтовых к *NNO* от входа в лагуну реки Панкара. В нем имеется магазин и пекарня».

Приезжавшие специалисты рыбной промышленности, переселенцы из западных областей СССР значительно увеличили численность населения. Районная газета «Путь Ильича» 1 марта 1959 г. сообщала: «Для жителей поселка Ивашка выстроена новая больница на шестнадцать коек. Больница имеет пять палат, а также приемную, процедурную, операционную, родильное отделение, ванную и ряд других кабинетов».

К 1960-м гг. селение становится центром колхоза, получившего имя Г. И. Бекерева, коряка, депутата Верховного Совета СССР. В течение восьмой пятилетки колхоз успешно выполнял планы добычи рыбы. В 1970 г. объем вылова составил 200 тыс. ц. Значительно выросли доходы хозяйства: если в 1960 г. они составляли 200 тыс. руб., то в 1970 г. — 5,5 млн руб.

О буднях села на страницах областной газеты «Камчатская правда» рассказывал председатель колхоза Н. Н. Шаталов: «Рост доходов позволяет нам выделить большие суммы не только на промысловые нужды, но и на строительство жилья и культурно-бытовых объектов. В колхозе построен Дом культуры со зрительным залом на 300 мест, библиотека, спортзал, комнаты для кружков, бильярдная. Открыта школа на 320 учащихся и детсад на 140 мест. Все дети колхозников обеспечены местами в детском саду. Строим шестнадцатиквартирные двухэтажные дома с центральным отоплением и всеми удобствами. Строятся магазин, кафе-столовая, больница». В 1964 г. были сданы в эксплуатацию 1 297 квадратных метров жилья.

2 июля 1965 г. газета «Путь Ильича» извещала: «Большую заботу о благоустройстве поселка проявляет женсовет села Ивашка, руководимый т. Климовой. Женщины организовали выезд за деревьями для посадки в селе. Силами общественности перевезенные деревья высажены около школы, детского сада, больницы и в других местах поселка». А 4 ноября 1967 г. был опубликован следующий материал: «Строители Хайлюлинского комбината приготовили отличный подарок жителям Ивашки. Ими сдан магазин на четыре рабочих места. Новый магазин получил название “Юбилейного”».

К 1979 г. численность населения по данным Всесоюзной переписи составляла 1 381 чел. В 1994 г. здесь жили 1 577 чел. В настоящее время Ивашка остается базовым населенным пунктом для освоения морских ресурсов Карагинского залива и прилегающей акватории Берингова моря.

Камбальное, селение. Было основано на берегу реки Камбальной, впадавшей в одноименный залив Охотского моря, расположенный на крайнем юго-западе полуострова. Ближайшее к северу — селение Озерная.

По данным канцелярии Камчатского губернатора, в 1910 г. на реке Камбальной поселилось пять семейств, насчитывавших 10 чел. Они и положили начало селению. В 1922 г. его во время путешествия по югу Камчатки посетила экспедиция шведского Королевского географического общества. Руководитель экспедиции С. Бергман писал: «Поздно вечером мы услышали

лай собак Камбальной. Я постучался в дом. “Кто там?” — спросил грубый бас по-русски.

Двери открылись, и вышел крупный мужчина с окладистой бородой. Камбальную посещают в лучшем случае раз в год. Наш приход был удивителен для хозяина...

Камбальная не имеет связи с остальной Камчаткой летом, хотя до ближайшей деревни на севере не более пяти шведских миль (50 км). Но низкая горная цепь с жуткими зарослями мешает сообщению. Река Камбальная течет примерно в двадцати метрах от дома. Она полна лососем... здесь они (жители. — *В. Б.*) могут прокормиться сами и прокормить своих ездовых собак летом и зимой. Их пища, в основном, рыба и медвежье мясо. Медведя можно было застрелить в любое время, отойдя минут на десять от дома. Но, в целом, условия жизни здесь очень тяжелые».

В Лоции побережий РСФСР, изданной в 1923 г., указывалось: «В трех четвертях мили южнее устья реки близ самого берега моря видны строения рыбалки».

Селение просуществовало недолго. Свидетельство этому содержится в материалах Приполярной переписи 1926 г.: «Даже в Петропавловском уезде... наблюдается... исчезновение селений... Совершенно исчезли... Камбальное, недалеко от мыса Лопатки...»

Карагинский, остров. Исследователь А. В. Ефимов считал, что первые сведения о Карагинском острове были получены русскими после похода Михаила Стадухина, побывавшего на Восточном побережье Камчатки в XVII в. Изучая первые русские карты Камчатки, составленные в XVIII в., А. В. Ефимов отмечал, что против реки Караги обозначен остров, рядом с которым имеется надпись: «Остров или земляца... А на ней люди живут все неясашные. Бывал на ней Иван Гольгин. Лисицы бурые и сиводушные есть». В начале XVIII в. остров населяли коряки. Первое посещение острова Иваном Гольгиным осталось безрезультатным: коренные жители дать ему ясак отказались.

Участники Первой Камчатской экспедиции подробно описали восточный берег острова и 20 июля 1728 г. нанесли его на карту.

С. П. Крашенинников сообщает: «Против устья Караги реки верстах в сорока от берега находится Карагинский остров... На помянутом острове живут коряки, которых, однако, прочие за свой род не признают, но называют их Хамшарен, то есть собачьим отродьем: для того что, по мнению их, Кутх не сотворил там людей, но одних собак, которые потом в людей переродились... Что касается их многолюдства, то считается их человек до ста и больше...»

Сержанту Емельяну Басову, прославившемуся как пионер промышленного освоения Командорских островов, первоначально предназначалось «...иттить в морской вояж на Курильския дальняя и Карагинския и протчия

морския острова для привоуд под высокосамодержавную ея императорскаго величества руку в ясак со всякою ласкою и приветом».

Возвращаясь из плавания к Алеутским островам, у берегов Карагинского острова 1 ноября 1746 г. потерпел кораблекрушение шитик «Св. Евдоким» под командой М. В. Неводчикова. Команда отправилась искать человеческое жилье и только 18 ноября (ст. ст.) «едва живы к юртам пришли... к ясадным людям Карагинского острова, на котором и зимовали...»

Местные жители предоставили путешественникам жилье и пищу. К июню следующего года островитяне изготовили для мореплавателей две байдары, на которых те через двадцать четыре дня плавания благополучно прибыли в Нижнекамчатск.

Возможно, изначально жителями острова Карагинского были ительмены, по каким-то причинам ушедшие с полуострова. В ведомости «О нравах живущих в Якутском уезде народов», датированной 1770 г., указывается: «Нижнекамчатского острога на острове Карагинском карагинцев, кои в давних летах были те же камчадалы и отошли на морской остров... Их 111 человек... жительствоуют так же как камчадалы... язык их от камчадальского и алюторского особливый».

Протоиерей П. Громов, исследовавший камчатские архивы, сообщает: «Протоиерей Стефан не умедлил послать на Карагинский остров в 1777 г. священника проповеднической свиты Иоанна Миронова, который нашел здесь жителей 150 чел...» Вскоре «...островитяне по распоряжению начальства переселены на материк Камчатки для пополнения опустевших от оспы острожков и слились с Олюторцами».

Это же подтверждает и А. С. Сгибнев: «В 1777 г. были окрещены жители Карагинского острога. Бем переселил их в Олюторские острожки, пострадавшие от оспы, а впоследствии они слились с олюторцами».

Летом 1828 г. участники экспедиции Ф. П. Литке И. А. Ратманов и В. Е. Семенов впервые описали остров Карагинский и пролив Литке, отделяющий его от Камчатки.

До 1880-х гг. на острове находилось большое лежбище моржей. Его разорили американские хищники. Вот что сообщал об этом на рубеже XX в. А. Прозоров: «Карагинский остров бывал сплошь покрыт телами моржей; кожи и бивни американцы увозили, уплачивали жителям по два рубля за пару клыков. В настоящее время промысел моржей уничтожен».

По другим источникам известно, что в 1900 г. американская шхуна «Пай» во главе с капитаном Протом уничтожила моржовое лежбище на Семеновской косе Карагинского острова, истребив полторы тысячи животных.

В Лоции побережий РСФСР, датированной 1923 г., указывается: «Близ берега находится выстроенная в 1911 г. на средства казны небольшая деревянная церковь с жилым при нем домом. Глубже в берег расположено несколько

юрт. Здесь, в единственном месте острова Карагинский, были замечены при обходе его в 1920 г. немногочисленные обитатели, являющиеся едва ли не единственными оседло живущими людьми на всем острове».

Далее лоция указывала: «Остров Карагинский в настоящее время можно назвать необитаемым, если не принимать во внимание тех единичных жителей, которые живут на небольшом песчаном мысе в средней части западного берега острова у сооруженной здесь на средства казны в 1911 г. небольшой деревянной церкви. В летнее время все побережье значительно оживляется в связи с ловом рыбы на многочисленных рыбалках».

Свою версию о заселении острова в XIX в. приводит землеустроитель В. С. Шаталов, побывавший в этих краях в 1936 г.: «По архивным документам Карагинского райисполкома я установил, что в конце прошлого столетия остров Карагинский был необитаем... В 1879 г. Камак через замерзший морской пролив Литке перегнал на остров 200—300 оленей. Так с его легкой руки был заселен и освоен этот интереснейший уголок Камчатки».

В 1934 г. в бухте Ложных Вестей организуется Карагинский рыбокомбинат Акционерного Камчатского общества (АКО). В январе 1936 г. на его базе была создана База активного опытного лова (БАОЛ) — пионер морского активного промысла на Камчатке.

В Лоции Берингова моря, изданной в 1938 г., отмечалось: «Население острова Карагинского состоит из нескольких семейств кочевых нымыланов общей численностью до 75 чел. Кроме того, имеется еще русское население на тресколовных базах в бухте Ложных вестей и у мыса Горбатого, а так же обслуживающий персонал пушного островного хозяйства, расположенного на западном берегу острова южнее губы Ложных Вестей».

Акционерное Камчатское общество предприняло попытку организовать на острове пушное хозяйство, но она не удалась. На острове некоторое время формально числились два селения: Ягодное, размещавшееся недалеко от мыса Горбатого, и Островное — в бухте Ложных Вестей. Но оба просуществовали недолго.

В 1952 г. на острове начались разведывательные работы по поиску алмазов.

Краевед В. П. Кусков считал, что поселок Островной «возник до 1953 г. Назван по его расположению на Карагинском острове». А В. И. Воскобойников сообщает об этом по-другому: «В мае 1958 г. появились новые названия в Карагинском районе. Это рыбацкие поселки Нагорный, Островной...»

Возможно, официальное название селению присвоили только спустя пятилетие после его возникновения.

О ходе строительства на острове 17 июля 1959 г. сообщала районная газета «Путь Ильича»: «В 1957 г. колхозники решили на месте старых домиков построить новые добротные дома. За два года было построено одиннадцать многоквартирных домов. В этом году строители заложили и двухквартирные

дома. Будут заложены еще пять стандартных домиков. Колхоз решил своими силами построить здание для школы, детских яслей и интерната... Строится бетонное заливное здание склада для орудий лова». Но уже 28 мая 1965 г. эта же газета информировала, что островное отделение колхоза «Ударник» переведено на Кострому.

Газета «Путь Ильича» от 30 мая 1965 г. описывала ход оленьего отела на острове: «Успешно закончился отел в табуне бригады Максима Попова, выпасающей оленей на острове Карагинском. В его стаде 580 важенок, а приплод составил 554 теленка». В то время на острове заготавливали сено для крупного рогатого скота, кустарным способом делали кирпичи.

В Лоции Берингова моря 1969 г. сообщалось: «Карагинский островной рыбозавод расположен на юго-восточном берегу губы Ложных Вестей на склоне прибрежной возвышенности... В заводском поселке имеются школа, больница, пекарня, магазины и почта. Воду хорошего качества жители поселка берут из колодцев и из ручья, протекающего вблизи поселка».

Это была последняя официальная информация о наличии на острове населенного пункта. В 1976 г. остров был объявлен комплексным заказником. Газета «Камчатская правда» 22 ноября 1977 г. сообщала, что люди здесь находятся только летом: «К осени пустеют берега острова. Рабочие, заготавливавшие сено, возвращаются в Оссору или Карагу. Пожалуй, единственными обитателями острова остаются до весны смотрители маяка».

Из переписи населения 1979 г. следует, что на острове населенных пунктов и жителей нет.

Крутогорово, острожек, селение. Это название встречается еще у С. П. Крашенинникова. В источниках XIX в. попадается написание «Крутогоровск».

К. Дитмар в середине XIX в. застал селение расположенным в пятнадцати верстах от моря на левом берегу реки Крутогоровой. Здесь стояли всего пять домов, в которых жили 45 чел. Они содержали 19 коров. Отсюда до Петропавловска насчитывалось 400 верст. В 1868 г. домов в Крутогорово было шесть, а жителей — 33: 19 мужчин и 14 женщин. Здесь действовала деревянная православная часовня.

По переписи 1876 г. жителей стало уже 46, в том числе 23 мужчины и 23 женщины. По сословному составу они подразделялись на мещан «здесьних» и камчадалов. Село составляли 25 построек, жители содержали семь лошадей, 45 коров, 94 собаки. Они посадили 47, а собрали 139 пудов картофеля, за охотничий сезон добыли по пять соболей и выдр, три лисицы и 33 нерпы.

В конце XIX в. В. Н. Тюшов дал следующую характеристику селения. «Расположено на левом берегу одноименной реки, точнее, на левом берегу небольшой протоки, приблизительно в расстоянии одной версты от самой реки и того места, где жителями ставятся рыбные запоры; верстах в 25—30 от ее устья в море. Население инородческое камчадалское, утратившее свой родной

язык настолько, что даже дети пользуются исключительно русским языком, своеобразно коверкая его на свой лад.

Одиннадцать небольших домиков, большей частью обнесенных оградками, с надворными постройками, как то амбары, скотные дворы или “стаи”, отчасти также крытые травой от заноса снегом и для тепла, длинный ряд высоких пирамидальных балаганов для сушки и сохранения рыбных запасов, стоящих по краю селения на берегу упомянутой протоки, встречаемой по селению... рослый и сытый скот, — все это невольно заставляет отдать преимущество крутогорцам в смысле развития домовитости перед жителями других острожков западного берега...

Я записал 14 сентября 1894 г.: “Жители Крутогоровой — скотоводы. У каждого имеется по несколько голов рогатого скота, у некоторых до десяти и даже более. Всего же скота в селении штук 80”.

По переписи в 1890 г. в этом селении числилось 31 мужчина и 27 женщин, всех ясачных 14 душ. В мой проезд в 1894 г. было всех жителей более 50 чел. В том числе 13 душ ясачных. Домов 12, то есть на один более, чем в этот раз, и шесть голов лошадей».

Численность населения в 1901 г. достигла 80 чел.

По материалам обследования селения, проведенного в 1923 г., оно состояло из 13 домов, 13 балаганов, 13 теплых сараев и семи амбаров. «Численность населения: мужчин 21, женщин 22, детей мужского пола 11, женского — семь. Грамотных в селении имеется четыре человека. Имеется одна школа, один учитель и учащихся 24 чел. Партийных организаций не имеется, партработников нет. Вероисповедание православное, церквей и попов нет. Имеется один кооператив, а государственных и других учреждений нет.

Главное занятие жителей — охота, рыбные промысла и животноводство. Продукт от охоты — пушнина — сдается в кооператив, бывают и скупщики (непостоянные), с которыми производят торговлю на обмен товара: главным образом муку и мануфактуру, далее идут сахар, чай, керосин, соль, мыло, спички и т. д., и нельзя не отметить и спирт, на который спрос велик.

Поверхность глинистая и болотистая, покрытая лесом: черный и белый березняк, тополь, кедровник, тальник. Район села Крутогорovo орошается реками: р. Крутогорovo шириною 10 саженей, глубиною от $\frac{1}{2}$ аршина до 2 аршин, полноводность бывает часто; р. Садышка — правый приток р. Крутогоровой, шириною 5 саженей, глубина от $\frac{1}{4}$ до $1\frac{1}{2}$ аршина, как и Крутогорovo, отличается полноводностью. Средняя температура зимы -30 градусов, лета — 8 градусов. Глубина снега достигает до $2\frac{1}{2}$ аршина, снег падает часто. Ветры бывают большие, частью южные, пурги частые, заносы большие.

Расстояние между Крутогоровой и Облуковино исчисляются в 25 верст, дорога увалистая, телеграфная линия большей частью идет по болотистому месту, ввиду этого состояние таковой плачевное. Во время сильных ветров

столбы, плохо поддерживаемые слабой почвой, уклоняются и затем падают. Питьевой водой пользуются из колодцев, качество воды хорошее. Число лошадей 11, и все годные под выюк, собак 220, коров 59, нарт 21, лыж 21 пара, седел конских 11. Остальных пород животных нет.

Минеральных источников нет. Сведений об ископаемых не поступало. Рыбный промысел сильно развит: имеется одна рыбалка рыбопромышленника Попова, при устье реки Крутогоровой, охота развита плохо».

Как отметил проверяющий, «при отсутствии данных об общих сведениях, больше ничего не скажу, кроме того, что население благонадежное и сочувствующее Советской власти».

По данным Приполярной переписи 1926 г., здесь действовали 22 хозяйства, которые населяли 82 мужчины и 71 женщина.

С 1930-х гг. на побережье Охотского моря работает Крутогоровский рыбокомбинат. Постепенно рядом с цехами формируется рабочий поселок, названный «Крутогорово». О новостройках в поселке 6 сентября 1950 г. рассказывала областная газета «Камчатская правда»: «Бригада плотников т. Квацова недавно сдала в эксплуатацию новую школу. Дети рабочих пришли в уютное, светлое здание».

На комбинате издавалась собственная газета — «Крутогорец». 2 марта 1955 г. в связи с объединением Крутогоровского и Колпаковского рыбокомбинатов бюро обкома КПСС постановило передать ее Большерецкому комбинату, присвоив новое название «Большерецкий рыбак».

В 1966 г. на комбинате взамен старого был построен новый деревянный консервный цех. В 1979 г. в комбинатском поселке жили 1 419 чел. В 1984 г. Крутогоровский рыбоконсервный завод выпустил 5 млн условных банок продукции. Завод содержал сезонную базу на реке Колпаковой.

Уроженец Крутогорово, работавший в 1960-х гг. председателем сельсовета, Владимир Георгиевич Борисов вспоминает: «Мы жили в селении Крутогорово на западном побережье. Селение протяженностью около километра стояло на левом берегу реки Крутогорова. В нем была всего одна улица — Советская. От устья реки расстояние до селения составляло примерно 25 километров. Крутогорово стояло не на самой реке, а на берегу старицы, соединенной с рекой. Ее называли Домашней. Здесь раньше было основное русло реки. На самой реке ставили запоры для ловли рыбы. На острове находились икрянка, коптилка, новый клуб, рыбооповский магазин, два склада. В Домашней речке били ключи, там и брали воду. Рядом были протоки реки Садушки и Тьумщеч. Весной из тундры разливались две маленькие речки на окраине села.

Школа сначала была начальная, потом стала восьмилетняя. Учителя все были приезжие с материка, они жили в специально для них построенных квартирах.

В селе работали пекарня, почта, медпункт, электростанция, имелся скотный двор. Сразу за селом — тундра, а за ней дальше березовый лес, и дальше опять тундра.

Наш родной дом стоял на окраине села, ниже по течению. На нижней окраине села было кладбище.

В 1930 г. образовался колхоз “Ударник”, просуществовавший до 1968 г., когда его закрыли. Основным занятием колхозников было рыболовство и сельское хозяйство. Общая посевная площадь была 22 га. Поля располагались рядом с селом.

Рыбачили в Охотском море, рыбу сдавали Крутогоровскому комбинату. Из выловленной рыбы заготавливали 450—500 центнеров икры. Рыбу готовили для себя и собак, раньше ловили столько, сколько хотели. Невод длиной 35—40 метров, на батах выезжаешь, сетку бросаешь и выбираешь. Рыбы шло очень много. Рунный ход начинался с 25 июля и длился по 15 августа, потом в конце августа и сентябре шел кижуч, в октябре — семга и голец. С 5 по 10 ноября река вставала. В те годы подледным ловом мы не занимались, только в 1960-х гг. стали ставить вентера.

После рыбалки все мужики собирались на охоту. Обычно 8 или 9 ноября все разъезжались по своим участкам.

В 1950-х годах поставили американскую электростанцию, сразу и радио провели. В это же время появились автомашины. Работала экспедиция по разработке угля, они привезли с собой машины и трактора 50-силные. А нам привезли трактора С-100 без кабины».

Селение Крутогорово было исключено из списков населенных пунктов Камчатской области 13 декабря 1974 г.

Крюгер, поселок. Название «Крюгер» бухте, расположенной на восточном побережье Камчатки, в 1900 г. дал знаменитый шкипер Ф. Гек.

В 1896 г. в устье реки Камчатки появились первые японские рыбаки, начавшие промышленный лов лосося. С 1910 г. в устье реки строятся японские рыбоконсервные заводы фирм «Цуцуми» и «Ничиро Гио-Гио Кабусики Кайша». К 1940-м гг. здесь работали три японских завода фирмы «Ничиро» № 36, 37 и 39, имевшие в общей сложности шестнадцать консервных линий.

Завод № 36 находился в бухте Крюгер, южнее Усть-Камчатска. Лоция Берингова моря, изданная в 1938 г., указывала: «В южном углу бухты, почти у самого мыса Крюгера, расположен рыбоконсервный завод. На заводе имеются электростанция, слесарно-механические мастерские, больница, баня, водопровод и ряд других подсобных предприятий».

Вот описание завода № 36 по данным, собранным краеведом С. В. Гавриловым: «...из подсобных предприятий имел только одну кузницу. После заключения концессионного договора построили холодильник и литейную мастерскую. В 1929 г. по разрешению Дальрыбы возвели жиротуковый завод,

кухню и новые жилые бараки. В 1934 г. появился еще один холодильник, а берег подняли на три метра установкой капитальных двухъярусных свай. Завод снабжался пресной водой из реки Крюгеровки при помощи прорытого через сопку канала и туннеля длиной 276 м.

В 1942 г. предприятие имело два разделочных станка “Железный китаец” с пропускной способностью 3 300 рыбин в час, шесть набивочных станков, заполнявших в течение часа 4 200 полуфунтовых банок, и один станок производительностью 6 600 ящиков полуфунтовых банок в сутки. Пароэнергетическое хозяйство предприятия обслуживало пять котлов...»

После окончания Второй мировой войны, в 1945 г., японский рыбконсервный завод перешел под советскую юрисдикцию и был передан Шубертовскому рыбокомбинату. Сюда привезли рабочих с материка. Рыбаки, кроме лосося, ловили треску.

Решением Камчатского облисполкома в 1952 г. мыс и бухту Крюгер переименовали в мыс Чаячий и бухту Чаячью. Мыс назвали по большому птичьему базару, расположенному на высоком скалистом берегу.

Расстояние от Крюгера до Шубертова составляло 9 км, сюда вела пешеходная тропа. До районного центра Усть-Камчатска насчитывалось 40 км.

Поселок Крюгер просуществовал до 1964 г. Из-за слабых подходов лососевых было принято решение закрыть рыбконсервный завод, ликвидировался и заводской поселок.

Кунжик, селение. Кунжик — русифицированное название ительменской речки Кунч или Кынчи.

Бывший директор Колпаковской семилетней школы А. Кисин 1 мая 1958 г. в газете «Камчатская правда» опубликовал свою версию происхождения названия селения: «Однажды, возвращаясь в воскресный день с удачной охоты, группа сезонных рабочих консервного завода бывшего Колпаковского рыбокомбината остановилась отдохнуть на берегу безымянной речки. Взорам охотников открылись необозримые зеленые просторы.

— Эх, богатый край... Вот бы здесь построить село... — проговорил Александр Егоров.

Не всем по душе пришла мысль Егорова — начинать жизнь на совсем необжитом месте слишком тяжело.

Но вот кончилась путина, и в сентябре 1936 г. восемь рыбаков во главе с Александром Егоровым, вооружившись топорами, пилами и запасившись продуктами, отправились на облюбованное место — к реке Безымянной. А 12 сентября было свалено первое дерево. Лес был кругом, много леса... Работали все дружно, и первый дом — дом для всех — рос день ото дня.

Чтобы экономить продукты и не тратить времени на ходьбу в магазин, решили с первого же дня ловить рыбу. Тогда-то и произошло событие, которое вошло в историю будущего села — не то как легенда, не то как быль.

Получилось почти как в сказке: закинули рыбаки невод — ничего не поймали. Закинули во второй раз, но попавшийся не то кижуч, не то семга оказался проворным: обдав всех множеством брызг, рыба вырвалась на свободу.

Условились рыбаки: какую первую рыбу поймают к обеду — так и назовут свое село. Забросили невод третий раз и вытащили большую трепещущую кумжу... (правильно «кунджа»). — *В. Б.*

Так и назвали пионеры-строители свое будущее село — Кунжик — в честь первой пойманной здесь рыбы. Переименовали и Безымянку в реку Кунжик».

Селение Кунжик в настоящее время не существует.

Ленино, селение. Названо в честь В. И. Ульянова-Ленина (1870—1924), организатора и руководителя партии большевиков, главы первого советского правительства. Находилось в 55 км от районного центра Усть-Большерецк.

Перепись 1926 г. учла здесь 20 хозяйств и 42 жителя, в том числе 33 мужчины и 9 женщин. Все они по национальности были корейцами. Кроме Ленино, в это время на Камчатке было еще два корейских села — Хваленка и Брюмка.

Исследователь М. А. Сергеев, работавший на Камчатке в 1930-х гг., приводит историю создания селения: «В 1925 г. группа корейцев в семьдесят человек, бежавших от голода на родине, поселилась на западном побережье полуострова и стала заниматься рыболовством и огородничеством. Теперь (в 1935 г. — *В. Б.*) на месте бывших шалашей и землянок выросло село Ленино, обстроившееся 23 домами. Продукция огородничества сбывается в Большерецк. Урожайность картофеля достигнута в размере 9,6 т с гектара, средний вес кочана капусты составляет 6,8 кг».

В 1937 г. корейцы были насильно выселены за пределы Камчатки, и впоследствии в Ленино поселились переселенцы из европейской России. В период коллективизации здесь был организован колхоз имени И. В. Сталина. Звучало это несколько странно: «колхоз Сталина из села Ленино».

По состоянию на 1 января 1943 г. в селе имелось 38 дворов, жили 120 чел., в том числе работающих 35 мужчин и 38 женщин. За год они выработали 4 132 трудодней. По итогам года колхозники на один трудодень получили деньгами по 9 руб., натурой — 0,8 кг картофеля и 0,1 кг соленой рыбы.

10 февраля 1950 г. газета «Камчатская правда» сообщала: «Колхозники села Ленино Большерецкого района усиленно готовятся к весеннему севу. Ими закончен ремонт плугов, борон и сбруи, засыпан полностью семенной фонд картофеля. Вся запланированная площадь посева, за исключением зерновых, обеспечена семенами. На общем собрании колхозники приняли контрольные цифры сева и еще раз проверили качество подготовительных работ к севу».

А 19 сентября 1952 г. эта же газета извещала: «В колхозы сел Кавалеровское, Апача и Ленино Усть-Большерецкого района прибыли переселенцы из западных областей Советского Союза. Колхозники радушно встретили но-

воселов, предоставив им новые просторные дома, оказав помощь в обустройстве хозяйства. Семьи переселенцев быстро освоились на новом месте и активно включаются в трудовую и общественную жизнь».

В настоящее время селение Ленино не существует.

Макарьевск, поселок. Исследователь камчатской топонимики В. П. Кусков считал, что этот «поселок Карагинского района возник до 1953 г.». Он располагался на морской косе, с востока ограниченной проливом Литке, на западе — лагуной, в которую впадает несколько рек, в том числе и Макаровка. Ближайшие населенные пункты: на юг — Ивашка, на север — Кострома, Карага.

В начале XX в. существовало предание, что когда-то давно на морской косе долго жил русский казак с женой-ительменкой. У них было много сыновей и дочерей. Сыновья уехали с косы, когда уже сами стали стариками. Им пришлось переселиться в Дранку и Хайлюлю после сильного шторма, затопившего их землянки.

Макарьевск не оставил большого следа в истории. Попытка развивать здесь рыбную промышленность успехом не увенчалась из-за слабых подходов лосося. В селении действовал колхоз. Карагинская районная газета «Путь Ильича» 29 апреля 1959 г. сообщала о здешней школьной жизни: «Пионеры дружины имени Олега Кошевого из Макарьевской семилетней школы, готовясь к Ленинским дням, хорошо потрудились на сборе золы для удобрения колхозных полей. Ими собрано около 200 кг этого ценного удобрения».

К 1960-м гг. в Макарьевске осталась лишь маленькая животноводческая ферма на двадцать «голов» да обрабатывающая база. Здесь сложилась неблагоприятная ситуация, всюду царил запустение и безнадежность. Газета «Путь Ильича» 25 января 1967 г. сообщала по этому поводу: «Было в районе большое село Макарьевск бесперспективным. Разъехались люди, вывезли оборудование. Но сезонная база осталась. Ферма осталась. И остались обслуживающие их люди. Пусть их мало, но они люди!»

Решением облисполкома № 174 от 22 апреля 1985 г. поселок Макарьевск Карагинского района был исключен из учетных данных административного состава Камчатской области.

Село *Мильково*. В 1981 г. при исследованиях старого, разрушающегося дома в старейшей части села, на крутом берегу заболоченной старицы реки Антоновки, отделенной от современной реки первой мильковской дамбой, позади церкви краеведом М. В. Федоровым была найдена древнеительменская стоянка.

М. В. Федоров сообщает: «В завалинке дома, где использовалась выброшенная во время рытья погребка земля, были найдены крупные кремневые скребки, обсидиановые отходы и очажные камни. Очевидно, здесь находился

только край древней стоянки, так как Антоновка подмывала этот высокий, но сыпучий берег, в результате чего было смыто много домов. Следовательно, стоянка была большая, ибо ительмены, являясь в первую очередь рыбаками, стремились селиться вплотную к реке».

Еще одна, поздняя, ительменская стоянка располагается на берегу Антоновки чуть выше устья ручья Таловенького, поблизости от стадиона «Строитель». Две более древние стоянки находятся на правом берегу реки Мильковушки. Одна, большая по площади, расположена на старой террасе реки, вторая — прямо на ее берегу. Расстояние между ними не более двухсот метров. Московские геологи подтвердили, что возраст первой стоянки превышает тысячу лет, а второй — около шестисот лет.

Наиболее распространенными находками первой стоянки являются тщательно выделанные листовидные, двусторонне обработанные наконечники копий и стрел из обсидиана, боковые и концевые скребки из обсидиана и халцедона, тщательно отшлифованные тесла различных размеров. Из костяных изделий имеются только отдельные шильца. Кость была непопулярным материалом для изготовления орудий, хотя ее сохранность в культурном слое довольно хорошая.

Инвентарь второй стоянки значительно более беден. Найден крупный каменный топор, несколько концевых обсидиановых скребков и ножей на отщепках. В отличие от первой стоянки, на второй совершенно нет оббитых или с просверленным отверстием грузил, приготовленных из плоских галек.

В границах села Мильково были сделаны еще несколько случайных находок, не связанных со стабильным культурным слоем. Это традиционные концевые скребки, наконечники стрел и каменные грузила, найденные в обрыве старой Антоновки с правой стороны улицы Партизанской.

Надо отметить, что в системе местных рек происходят значительные гидрологические изменения. В относительно недалеком прошлом Мильковушка прямо не соединялась с Камчаткой, а впадала в Антоновку. То есть Антоновка не являлась протокой Камчатки, а была всего лишь приустьевой частью Мильковушки, а еще раньше сама являлась основным руслом Камчатки. На месте бывшего русла этой реки (даже за последние несколько десятков лет его характер менялся многократно) было найдено древнее кострище, выбитое тропой. На его неолитический возраст указывали многочисленные обсидиановые отщепы и сколы (отходы производства каменных орудий) среди разбитых и обожженных очажных камней. Кроме кострища никаких признаков культурного слоя обнаружено не было.

Полоса древнеительменских археологических стоянок наиболее густо проявляется к югу от Милькова по «домашней» стороне реки Камчатки. Это Варлатанка (ительменская Уэролатын), Грешная (Иромлин), Поперечка, Чабайка, Максимка и т. д. Правый же берег Камчатки здесь очень

низок и неудобен для поселения. Стоянки появляются только на правом, высоком берегу реки Валагиной, впадающей в Камчатку в восьми километрах к северу от Милькова, где проходит северная граница Валагинского бобрового заказника.

Так, крупная стоянка находится напротив места впадения в Валагину реки Вахвиной. К северу от Милькова местность также была неудобна для расположения стоябищ, поскольку до проведения там в советский период мелиоративных работ была сильно заболочена.

На западе от Милькова начинается полоса мелкосопочника под названием «Едома». Это тоже бывшие речные террасы (по крайней мере, та их часть, которая является ближайшей к селу), но настолько древние, что здесь могут быть найдены только стоянки людей древнекаменного века — палеолита, а их поиск очень затруднен из-за большой глубины залегания культурного слоя и отсутствия каких-либо внешних признаков на поверхности. Он требует серьезных, долгосрочных и дорогостоящих научных исследований.

В описываемом районе встречается несколько видов тесел: подтреугольные в плане; линзовидные или шестиугольные в поперечном разрезе, подпрямоугольные, почти линзовидные в разрезе; массивные прямоугольные и квадратные в разрезе (почти все они изготовлялись из плотного зеленого камня) и широкие, почти всегда шестиугольные в поперечном разрезе тесла из белого кварцита с разноцветными вкраплениями.

Уникальными изделиями являются миниатюрные каменные проколки, изготовленные мелкой ретушью из обсидиана, они очень красивы. Некоторые из них отшлифованы, хотя сложно представить, как это можно было сделать — ведь эта работа требует многих часов. Видимо, очень ловкие пальцы были у древнеительменских мастериц.

Есть и другие предметы, относящиеся к женской сфере деятельности, — маленькие пряслица. Это небольшие плоские галечки до четырех сантиметров в диаметре с аккуратно просверленными дырочками посередине. Вероятно, с их помощью сучили прядево для сетей и нити из крапивы, тальниковой коры или другого материала.

Здесь встречаются своеобразные хозяйственные ножи. Они небольшие, длиной до одиннадцати сантиметров. Один из них напоминает маленький меч с двумя жальцами-эфесом над односантиметровым черенком. Вероятно, так было удобно для крепления. Второй имеет форму вытянутой острокопечной восьмерки. Большая плоскость восьмерки, возможно, служила лезвием, а меньшая была черенком для рукоятки. Этот нож острее и удобнее первого, несмотря на то, что распространены они примерно одинаково. Таких хозяйственных ножей у ительменов было великое множество, различных форм и размеров, и каждый имел свою особую функцию. И это далеко не все виды каменных орудий, встречающиеся здесь.

Как видно, мильковская земля не была необитаемой до прихода сюда русских. Сотни и тысячи лет до них здесь уже горели костры, человеческие руки и разум боролись с суровой природой.

Возникновение села Мильково. По одной из версий, село получило название по маленькой речке Мильковушке, хотя на этот счет существуют и другие мнения. Вот что рассказывал местный житель М. А. Ворошилов: «Приехали сюда с материка первые люди материковские, и пошли они по Камчатке. К какой речке не подойдут, речка кишмя кишит рыбой. И вот они шли-шли и пришли, наконец, вот до этого места, где сейчас находится село Мильково. Почему же, кто его назвал это село Мильково? А вот они шли, шли и между собой советовались: “Вот какое милое место — всего вдоволь: и ягоды разные, и рыба разная. Да как же мы назовем это место?” Посоветовались и решили: “Давайте назовем это место Мильково. Значит, милое место”».

А вот что о возникновении Мильково сообщает А. С. Сгибнев: «В 1732 г. из Илимска было отправлено в Камчатку 50 семейств крестьян, а 7-го октября 1732 г. сенат предписал Иркутской провинциальной канцелярии, чтобы “в Камчатке пахоту и сев хлеба размножить”».

В 1741 г. здесь жили пять семей, около 30 чел., в 1744—1745 гг. — семь семейств, насчитывавших до 50 чел.

Одно из первых описаний села в 1787 г. дает французский путешественник Ж. Б. Лессепс: «Их дома, состоящие близ Камчатки, можно почесть выгодными, они водят скотину, заботливость их подает надежды иметь успех во всем. Я заметил, что они, по-видимому, все вообще были довольны своим состоянием, любили чистоту, все для них служило в пользу, и ничего не было трудного. Всякий пахал и засеивал свое поле, и, обязываясь только заплатить подушное, всякий имел волю собирать плоды своих трудов, которыми плодородная земля награждала его со излишеством. Главная жатва состоит из ржи и меньшаго количества ячменю».

Участник первого русского кругосветного плавания 1803—1806 гг. Г. И. Лангсдорф оставил об этом месте такие воспоминания: «...Милькова деревня, состоящая из 13 домов, в ней 25 мужчин, а в целом 80 душ. Местные жители имеют 85 коров, 22 лошади, но это не солдаты, а трудолюбивые крестьяне, предки которых числом семь около семидесяти лет тому назад были посланы правительством с тем, чтобы заниматься земледелием. Осененные божьим благословением, они, женившись на камчадалках, постепенно увеличились в числе и питаются тем, что приносит им работа: выращенным самими хлебом, картофелем, капустой, репой, редькой, огурцами, рыбой».

Через полвека в Мильково побывал К. Дитмар, чиновник по особым поручениям при губернаторе В. С. Завойко. Вот его впечатления о селе: «Обитатели Милковой называют свое поселение русской деревней... Нисколько не отличаясь от камчадалов ни по одежде, ни по языку... они, тем не менее,

очень напирают на свое чисто русское происхождение. Русский язык был здесь только очень немногим более чист, чем у камчадалов. Благодаря самому тесному общению в течение десятков лет со своими соседями и частым смешанным бракам, русские успели столько же заимствовать от камчадалов, сколько передать им свои особенности и привычки; таким образом, здесь возникла своеобразная помесь, занимающая как бы середину между обоими племенами. Склад лица лишь в редких случаях представляет здесь европейским; в этом именно отношении одерживает верх камчатский элемент.

Составляющие ее теперь 27 домов прочно и аккуратно выстроены, стояли двумя длинными рядами, окруженные хлевами, сараями и обширными огородами. Среди деревни возвышается красивая деревянная церковь, где служит священник, живущий здесь же».

В 1892 г. в Мильково имелось 165 коров, 62 лошади и 530 собак. В этом году здешние охотники добыли 68 медведей, 17 лисиц, 11 горных баранов, шесть выдр, семь диких оленей. В среднем, на каждого жителя было выловлено по 373 рыбины лососевых пород.

Руководитель Зоологического отдела экспедиции Ф. Рябушинского П. Ю. Шмидт, работавший на Камчатке в 1908—1909 гг., отмечал: «Население Милькова... одевается также гораздо лучше нашего крестьянина. Лапти здесь неизвестны, так же как неизвестны и домотканые материи. Вся одежда добывается покупкою, причем в большом ходу готовое платье, доставляемое частью из Америки, частью из Москвы, оно продается, конечно, по двойным ценам.

В большом ходу также и готовая обувь. Впрочем, обувь шьется и домашним способом: это так называемые «чижи» или меховые носки, чаще всего из оленьего меха, и «торбаса» — самодельные сапоги из нерпичьих или других каких-нибудь шкур и с медвежьими подошвами.

Во всяком случае, по одежде жители камчатских селений совершенно не походят на наших крестьян, — их скорее можно принять за мещан или ремесленников, особенно когда они вырядятся в праздник. Женские платья шьются нередко не только из шерстяных, но и из шелковых материй, а шелковый платок и шелковая кофточка составляют самое обыкновенное праздничное одеяние.

Довольно обычным явлением можно считать, что бюджет крестьянской семьи составляет 1 000—1 500 рублей в год, конечно, благодаря соболю и другой пушнине.

Хозяйство камчатского крестьянина очень своеобразно. Основными элементами его являются соболю и рыба, побочные отрасли хозяйства — скотоводство и огородничество.

Главным охотничьим районом мильковцев являются северные склоны Валагинского хребта, вплоть до реки Щапиной, но нередко они переваливают и в долину Жупановой, а также доходят и до Щапинской сопки...»

Подробный материал о Мильково оставил и известный русский путешественник В. К. Арсеньев. Возглавляя Камчатскую переселенческую экспедицию, он с 7 по 11 сентября 1918 г. находился в Мильково, где заполнил следующую анкету:

«1. Селение Мильково. Название сохранилось исстари. Расположено на левой протоке р. Камчатки, называемой Антоновкой. Село наиболее благоустроенное во всей долине реки Камчатки. Жителям не известен год основания села.

2. Число дворов. Коренных — 68, приписавшихся — 1.

3. Число жителей:

	Мужчин	Женщин	Мальчиков	Девочек
Коренных	106	101	95	105
Пришлых	6	1	—	—
Китайцев	3	—	—	—

4. Санитарные условия. Колодцы сделаны для того, чтобы пользоваться хорошей водой во время половодья, когда в реке вода мутная. В колодцы часто падают мыши, и тогда подливают в колодец святую воду. Мертвых собак бросают по кустам. Много костей валяется всегда вокруг селения. Трупы собак не зарывают в землю и не сжигают.

5. Главные болезни. Чихотка наиболее распространена. Умерло 30 человек, в том числе 10 детей.

6. Врачебная помощь. Есть фельдшерский пункт с небольшой аптекой. Жалоба на недостаток медикаментов.

7. Личный врачебный персонал. Врача нет. Есть фельдшер, сменивший сестру милосердия. Акушерки нет. Женщины помогают друг другу.

8. Школы. Церковноприходская школа, преобразованная в текущем году в министерскую. Школы в Мильково существуют издавна. Во времена Кегеля была в Милькове ремесленная школ. Дом деревянный, крытый железной крышей. Помещения большие. Для учителей выстроены отдельные дома — квартиры. Дрова сторожу школы и учителям от общества доставлял исправно. Частные пожертвования и от министерства из Петропавловского склада — книги — присылались исправно. Обучение слабое. 70 учеников и два учителя. Дома дети не занимаются вовсе, на что жалуется учитель.

9. Учительский персонал. Один учитель — сын священника в Милькове. Учился в городской школе в г. Петропавловске и потом на специальных учительских курсах. Другой, не имеющий права преподавать, ныне уволен.

10. Церковь во имя Богоявления. Эта церковь выстроена 37 лет назад. Построена из лиственничного лесу. Вид небольшой церкви, чистенькой, новенькой. Жители строили ее на свои средства. Крыта американским гонтом.

11. Церковный причт. Священник учился в сельской одноклассной школе. Раньше был в Петропавловске дьяконом. Лет пятнадцать был помощником.

12. Заработки. Рыболовство. Продают юколу торговцам из города по цене 15—20 руб. вязку сушеных рыб. Земледелие не имеет места. На пушные промыслы уходят все. Осенью ходят за баранами, убивают до 300 баранов. Кроноцкий район.

13. Хлебопашество. Хлебопашество угасло давно. Старожилы, которым 77 лет отроду, не помнят его в детском даже возрасте. В одной версте от селения в кустах и лесу лежат два жернова времен Кегеля. Земля родит хорошо, но требует удобрения. Нет даже сох.

14. Огородничество. 67 домов с огородами. Небольшие посевы по всей долине Камчатки. Картофель, капуста, репа, редька, свекла, морковь. Огурцы не каждый год. Тыквы нет. Главный недостаток в парниках. Грибов в окрестностях мало. Жимолость, которую сушат для киселей с картофельной мукой. Голубица (местн. голубель). Черемуха — для толкуши, делают из нее лепешки. Шикша — замороженная, клюква для морса больным. Боярышник варят. За кореньями не ходят. Употребляют пластину кипрея вместо чая. Саранный кофе.

15. Коневодство. 53 дома имеют коней. Общее число их 178. За последние 50 лет число лошадей увеличилось, по крайней мере, в четыре раза. Порода лошадей улучшается. Подножный корм до 16 января. Гоняют в Щапино.

16. Собаководство. Общее число собак 945. За последние 50 лет число собак сокращается. Медленно и постепенно лошадь вытесняет собаку. Порода собак ухудшилась. Теперь двенадцать собак по силе не заменяют шесть прежних.

17. Скотоводство. 68 дворов имеют скот. Общее число 304 головы. Скот в хорошем теле. Число скота мало увеличивается, избыток продают или бьют. Главная причина — труден уход за ним. Во время сенокосения рабочие руки очень дороги. Мужчина берет до 25 руб., женщина — 6 руб. Падежа телят почти не бывает. Редко теленок пропадает.

18. Свиноводство. Никто никогда не заводил.

19. Куроводство. Тоже не было. Птичьих яиц не собирают. Бьют домашних уток. Гусей нет. Лебеди зимуют в теплых речках.

20. Ветеринарная помощь. Нет никакой помощи. Есть ветеринарный инспектор, но нет ветеринарных врачей и фельдшеров. Гибнет много скота от объедания омигом и опиваются водой на кислых ямах.

21. Кустарные промыслы. Раньше шили одежду из шкур собак. Собачьи куклянки продавали друг другу. Из кожи чавычей и кеты шили наколенники. Деревянных изделий нет. О гончарном ремесле не имеют понятия.

22. Торговля. Лавки торгового дома Чурина, китайца Сун-Ин-Тун и местный торговец Коршунов. Зимой приезжают много мелочников из Петропавловска. Бумажные товары и галантерея, табак и чай. Товары разные — китайские, русские, японские, американские.

23. Скупка пушнины. Эти же лица занимаются и скупкой пушнины. Меняют пушнину на товары, но меняют и на деньги. Лисица — 30 руб., соболь — 500 руб., медведь — 50 руб., росомахи — 30 руб.

24. Спиртоношество. Раньше привозилось много спирту из Петропавловска. Теперь спирта не привозят. Варят свою брагу из хмеля, сахара, хлеба сухого, вроде кваса. Раньше собирали мухоморы, сушили их и продавали кочующим корякам и ламутам на сговор.

25. Пути сообщения. От Мильково до Верхне-Камчатска 12 верст по дороге и от Мильково до Кирганика — 14. Зимняя дорога на лошадях возможна до Толбачика. Заметно, что жители начинают предпочитать езду на лошадях езде на собаках.

26. Почта и телеграф. Почтово-телеграфное отделение открыто с апреля с. г. Расписания хода почты нет. Телеграммы посылаются с оказиями и по телефону.

27. Метеорологическая станция около школы лет 7—8 тому назад. Заведовал ею учитель Телятьев на содержании. Когда ему прекратили дополнительное жалование, ее свалили на чердак и по частям растащили. Новая станция доставлена до Шапино на моторном катере Юхновичем.

28. Настроение населения. Народ патриархальный, спокойный, религиозный. О России мало знают и мало интересуются.

29. Рыболовство. Рыба ловится только для себя, и то ее не хватает. Соль покупается у Чурина и привозят из Петропавловска. Соленое, юкола для себя, и висят головы рыбы. Ловят рыбу запорами. Неводами не позволяет ловить река — много коряжин».

Из истории сельского хозяйства с. Мильково. Первоначально крестьян переселили сюда для организации хлебопашества, которое должно было обеспечить независимость полуострова от поставок зерна из метрополии. Но несколько лет опыта хлебопашества не дали гарантированного урожая зерновых. Крестьяне стали заниматься животноводством, рыбной ловлей и охотой.

Одновременно для привлечения коренных жителей к огородничеству правительство стало направлять на полуостров агрономов. В огородничестве были достигнуты неплохие результаты. Начальник Камчатки П. И. Рикорд в письме в Общество сельского хозяйства отмечал: «... из семян, присланных от Фишера... в течение трех лет картофель улучшился весом в двух картофеленах до 1 фунта... В 1822 г. в селе Мильковском в посевах... было 31 пуд 15 фунтов, а собрано 1 510 пудов...» Уже в 1830-х гг. сельские получали урожай сам 26,5.

Сложнее оказалось с садоводством. По ходатайству начальника Камчатки А. В. Голенищева для работы на полуострове был отправлен садовник Ридель, но видимых успехов ему добиться не удалось. В 1841 г. прибыл

агроном Кегель, которому предписывалось «сделать посев озимовых хлебов. Делать опыт над разведением картофеля, гречихи, репы, брюквы, капусты и хлебных растений. Стараться развести яблоки и другие кустарные породы...» Работа этого прусского поданного тоже не увенчалась успехом.

С 1742 по 1757 г. крестьяне посеяли всего 50 пудов ячменя, ярицы и озимой ржи, но «весь хлеб не созрел». Попытки продолжались и далее. В Милькове, Машуре, Кирганике, Верхнекамчатске и Шигачике в 1763—1766 и 1770 гг. было посеяно «разных зерновых хлебов» 471 пуд, а собрано 489 пудов 19 фунтов. В 1850 г. занятые хлебопашеством крестьяне собрали около 2 500 пудов ячменя и 48 пудов конопли. Но, чтобы спасти урожай от «утренников», то есть заморозков, селяне были вынуждены веревкой стряхивать утреннюю росу.

В 1916 г. на Камчатку прибыл бывший депутат Государственной Думы от социал-демократов И. Ф. Голованов, который с 1916 по 1922 гг. заведовал Петропавловской сельхозфермой и проводил опыты по выращиванию культурных растений в местных условиях.

В начале 1920-х гг. сельское хозяйство на Камчатке еще находилось в зачаточном состоянии. По данным М. А. Сергеева, вся посевная площадь равнялась 14,8 гектара, стадо крупного рогатого скота составляло 3 200 голов. На душу населения производилось по 44 кг картофеля и по 1,6 кг овощей в год.

После установления советской власти были предприняты попытки исследовать возможности производства на Камчатке собственных сельхозпродуктов. В 1926 г. заведующий окружным земельным управлением И. Ф. Голованов изучал вопрос об организации в Милькове маслодельного производства. В то время сельское стадо состояло из 86 телят, 69 подтелок и нетелей, 101 коровы и 17 быков. Жирность молока составляла 4 %. По расчетам специалиста, Мильково могло давать с июня до октября ежедневно по 15 фунтов (более 6 кг) высококачественного масла. В это время сливочное масло завозилось на Камчатку из США. Поставки молочных продуктов в Петропавловск осуществлялись из Явино, Начик, Завойко, но они носили эпизодический характер. Следует отметить, что тридцать лет спустя надоеи молока в мильковском колхозе были невысоки и составляли 1 500 кг на дойную корову.

В 1928 г. в Милькове насчитывалось 68 дворов, общая площадь, занятая огородами, составляла 55 371 кв. м.

С началом активной деятельности на полуострове АКО, с конца 1920-х гг. очень остро встала проблема обеспечения вновь прибывших рабочих и их семей продуктами питания. Уже в первые годы работы АКО на рыбные промыслы из Центральной России прибыли несколько десятков тысяч человек. Было решено организовать на Камчатке три сельскохозяйственных совхоза — «Петропавловский», «Козыревский» и «Большерепецкий».

Коллективизация на Камчатке активно проходила с 1930 г. В ее ходе для совместного ведения сельского хозяйства и вылова рыбы создавались колхозы.

Колхоз, получивший название «Безбожник», был организован и в Милькове. Первыми в него вступили десять семей. Все имущество колхоза состояло из десяти лошадей, нескольких коров, лопат и тяпок.

Одна из первых колхозниц вспоминала: «Не стали мы ждать, пока поступят тракторы... Как только организовался колхоз “Безбожник”, пошли отвоевывать у тайги землю для посевов своими силами. Лопатами подкапывали деревья. Затем топорами обрубали корни. Обхватывали толстую высоченную березу у комля и гурьбой тянули, выкорчевывая сваленную лесину, распиливали на части и на носилках выносили...»

В 1931 г. на полуострове отказались от выращивания зерновых культур: был взят курс на огородное и животноводческо-молочное направление сельского хозяйства. В апреле 1933 г. в 12 км от села была организована Мильковская зональная опытная станция по полеводству и животноводству. Уже к 1935 г. она имела семь рабочих лошадей, столько же саней, две телеги, четыре нарты, молотилку, сенокосилку, три катера общей мощностью 29 лошадиных сил, 48 ездовых собак и другой инвентарь, а также жилые дома и хозяйственные постройки. За годы работы Мильковская опытная станция внесла весомый вклад в изучение климата, почв, разработки агроприемов возделывания сельхозкультур в условиях Камчатки.

С 1932 г. на Камчатку стала поступать техника. Первый трактор для колхоза доставили из Усть-Камчатска по реке. Из-за низкой воды его выгрузили в Кирганике, откуда он должен был своим ходом добраться до Милькова. Но за околицей Кирганика трактор поломался. Тогда первый мильковский тракторист Михаил Ремезов разобрал его и по частям по раннему снегу на собачьих упряжках перевез в Мильково. Весной на колхозных полях была сделана первая борозда.

Наряду с мужчинами освоила первые тракторы и мильковчанка Мария Григорьевна Плотникова. Она вплоть до ухода на заслуженный отдых была в первых рядах совхозных работников, неоднократно награждалась орденами и медалями.

В 1938 г. колхоз «Безбожник» за высокие показатели в выполнении государственного плана года был награжден Главным выставочным комитетом Всесоюзной сельскохозяйственной выставки дипломом второй степени. В этом году «Безбожник» с 30 га собрал по 14 и с 5 — по 17,1 ц пшеницы, а с 24 га — по 13 ц овса.

Из отчета Мильковского райисполкома за 1938 г.: «Сельское хозяйство в нашем районе является отраслью хозяйства, определяющей экономику района. Район, расположенный по долине реки Камчатки, шириной до 40 и более километров... является благоприятным по почвенным и климатическим условиям для вызревания зерновых и плодовоовощных культур и при соответствующей технической оснащенности (особенно для раскорчевки, под-

нятия и обработки целины), а также укрепления совхозов переселенческими кадрами, должен быть и будет житницей Камчатки.

Колхозы района занимаются посевами с начала их организации (1931—1932 гг.), но твердой товарной продукции они до сих пор не имеют. Особенно это относится к зерновым культурам, по которым до 1938 г. не было даже своих собственных семян, что вынуждало колхозы ежегодно завозить семена для посева...

В 1938 г. вопросы земледелия в районе получили резкий поворот в сторону улучшения. При настойчивом требовании района перед областным земельным управлением, краевым земельным управлением, даже перед Наркомземом в район были завезены (не полностью) требуемые сорта зерновых: овес, пшеница. Ячмень все же завезен не был. При упорном сопротивлении против областного земельного управления, требовавшего производить сев фуражными семенами в более поздние сроки, с чем район не согласился, и, выполняя основные правила агротехники, колхозы в 1938 г. добились высоких урожаев зерновых, обеспечив себя собственными семенами, сдав натуроплату и распределив впервые в районе зерно на трудодни.

Если в 1937 г. зерновые 3 сентября были убиты в начале восковой и молочной зрелости осенними заморозками, то в текущем году 15 августа зерновые созрели. Таким образом, ушли от ранних осенних заморозков, что в нашем районе является основным условием получения урожая...»

Для обслуживания техники на окраине села 16 февраля 1935 г. была образована машинно-тракторная станция (МТС). В 1952 г. силами ее работников выполнены работы на площади 3 505 га, в 1956 г. — уже 11 300 га. К этому времени на вооружении механизаторов находилась передовая техника: тракторы С-80, ДТ-54, ХТЗ-7, фрезбарабаны, канавокопалки, картофелесажалки СКГ-4, картофелеуборочные комбайны.

Летом 1936 г. мильковчане с ликованием встречали первый отряд автомобилей, проехавший по бездорожью из Петропавловска. Так открылась новая страница в освоении территорий камчатской глубинки, хотя настоящая проезжая дорога от Петропавловска до Милькова была пущена только в 1967 г.

Новая страница в культурной жизни села открылась с приходом сюда радио. Вот что сообщала по этому поводу в 1937 г. областная газета «Камчатская правда»: «Мильково. Сюда прибыло оборудование для трансляционного узла мощностью на 100 точек». Жители камчатского села начали слушать передачи из Москвы.

До 1960-х гг. село Мильково оставалось небольшим районным центром с несколькими торговыми точками, с нерегулярной подачей электричества в дома, плохими дорогами, необорудованным аэропортом. Ситуация стала меняться только в 1970-х гг., когда в селе развернулось активное жилищное и промышленное строительство.

Формирование населения Мильково. После похода казачьего пятидесятника Владимира Атласова на Камчатку в 1697—1699 гг. и присоединения полуострова к Российскому государству здесь начинает формироваться русское население. Первыми русскими жителями полуострова были казаки, их численность на первом этапе (начало XVIII в.) оценивается исследователями всего в 150—200 чел. (Огрызко, 1973).

Из-за трудностей с доставкой на Камчатку «хлебного жалования» для казаков правительство решает переселить на полуостров крестьян, чтобы они обеспечивали хлебом служилых людей и их семьи. Первые 22 крестьянские семьи переселились на Камчатку в 1730-х гг. Они небольшими группами направлялись в разные места полуострова. В устье реки Мильковой поселились три семьи. В 1744—1745 гг. к ним добавились еще несколько семей крестьян. Надо отметить, что места их поселения на Шигачике и Мильковой территориально находились рядом и впоследствии положили начало селу Мильково.

В 1799—1800 гг. на Камчатку обрушилась эпидемия «гнилой горячки» — брюшного тифа. В 1804 г. на полуострове имелось 1 685 ясачных плательщиков, а в 1818 г. их оказалось всего 945 при общей численности аборигенного населения 1 741 мужчина и 1 616 женщин. Русских в это время насчитывалось 701 мужчина и 645 женщин (Н. В. Слюнин, 1900). Как видно, к концу начального периода русского влияния численность аборигенного населения Камчатки составила не более 3—3,3, а пришлого населения — 1,3 тыс. чел.

Отдаленность села, отсутствие удобного транспортного сообщения с другими территориями полуострова сказались на особенностях формирования населения. Первоначально браки заключались исключительно между русскими, но в последующем брачных партнеров не хватало, и русские мужчины стали брать в жены камчадалок из соседних селений. Далее этот процесс углублялся, так как из-за малочисленности крестьян третьи и последующие поколения уже имели значительную примесь камчадальской крови. Процесс ассимиляции русского населения продолжался до 1940—1950-х гг., когда началось обратное.

Морской офицер В. Головин в начале XIX в. отмечал: «Ныне в Камчатке, кроме сей деревни, есть еще другое селение русских крестьян, в коем мужского пола 70 душ. И как они поселены здесь издавна, то все почти семейства в обоих сих селениях состоят между собою в каком-нибудь родстве. И поелику молодые мужчины у них весьма редко могут сыскать себе невест из камчадалок, а женщины русские почитают за большое себе унижение иметь мужем камчадала и никогда за них не выходят, то от сего происходит, что девки здесь по большей части ведут распутную жизнь. Но еще в вящее преступление приводит их стыд, заставляющий изыскивать средства к истреблению младенцев, незаконно ими рожденных, которых иногда

лишают они жизни в самой утробе и чрез то лишаются собственного здоровья и навсегда делаются бесплодными. Зло сие не только что оскорбляет веру, но и для государства вредно, лишая оного граждан в таком месте, где народонаселение самое слабейшее из всей империи, и потому... не было бы противно правилам религии разрешить для них брак даже на двоюродных сестрах...»

По седьмой переписи, проведенной начальником Камчатки П. И. Рикордом в начале XIX в., в Мильковском селении проживало 113 русских: 72 мужчины и 41 женщина.

К 1820-м гг. на всем Камчатском полуострове находилось 407 государственных крестьян обоего пола, причем добрая их половина жила в двух селениях: Ключевском и Мильково и занималась земледелием.

Во второй половине XIX в. численность мильковчан менялась так:

Год	1853	1876	1894
Население, чел.	211	271	331

В 1876 г. на Камчатке прошла перепись населения, в ходе которой в Милькове учли 271 чел. По сословному составу они подразделялись следующим образом: пять камчадалов, три якута, четверо почетных граждан, 17 духовных лиц, 30 петропавловских мещан, 212 местных крестьян.

В течение XIX в. численность населения увеличилась более чем вдвое. В январе-марте 2006 г. нами выявлена и расшифрована «Исповедальная роспись Мильковской Божоявленной церкви» за 1893 г. Анализ росписи показывает, что в 1893 г. в селе находилось 44 дома, в них жили 288 чел., в их числе 148 мужчин и 140 женщин.

Назовем фамилии местных жителей того времени: священники Малаховы, Логиновы; крестьяне Бобряковы, Верещагины, Еланцевы, Синаевы, Пинигины, Потаповы, Поповы, Краснояровы, Мальцевы, Михайловы, Подкорытовы, Плотниковы, Петровы, Ивановы, Шишкины; почетные граждане Колесовы, Машихины; мещане Бушуевы, Верещагины, Ворошиловы, Толман, Корелины; якуты Решетниковы; поселяне (крестьяне) Татариновы, Коркины.

В «Материалах по статистике», опубликованных в Хабаровске в 1925 г., в селе числились 440 чел., в том числе 108 мужчин и 98 женщин старше 18 лет. К русским были отнесены 9, к камчадалам — 425 чел. Якутов насчитывалось пять, китайцев — один.

По данным Приполярной переписи 1926 г., село имело 64 хозяйства и было населено 447 чел.: 229 мужчинами и 218 женщинами, которые все были отнесены к камчадалам. Вплоть до 1933 г., когда был образован Мильковский район, национальный состав населения практически не изменялся. В 1933 г. в село стали прибывать партийные работники, специалисты советских, финансовых органов, работники торговли и сельского хозяйства.

Характер изменения численности местного населения в 1920—1960-х гг., по данным Государственного архива Камчатской области, отражен ниже:

Год	1926	1938	1939	1960	1964
Население, чел.	447	677	996	2 745	2 820

Рост населения Мильково, начавшийся в конце XIX в., продолжался без привлечения большого числа брачных партнеров со стороны и увеличился к 1939 г. в три раза. Эта тенденция сохранялась вплоть до конца 1950-х гг.

В круг брачных партнеров до середины 1930-х гг. входили в основном жители Милькова и в меньшей степени жители близлежащих селений — Верхнекамчатска, Кирганика, Шаром, Машуры. К середине XX в. практически все мильковчане уже находились в родстве между собой.

В 1950-х гг. после начавшегося активного переселения на Камчатку с «материка», учитывая родственные отношения, большое количество браков стало заключаться между приезжими и коренными жителями. В последующем это количество только увеличивалось, и уже к 1960-м гг. браки между коренными жителями заключались в единичных случаях.

И. С. Гурвич, исследовавший особенности русских старожилов долины реки Камчатки, в начале 1960-х гг. отмечал: «В селе Мильково в 1923 г. было 450 человек обоего пола, 64 двора. Население представляло собой русских старожилов, членов местного крестьянского общества. В 1934 г. сюда впервые прибыло значительное число переселенцев в связи с организацией района. Впоследствии Мильково неоднократно пополнялось приезжими с «материка». Однако в Мильково стянулось немало и «камчадальских» семей.

В 1956 г. было упразднено селение Верхнекамчатск. В нем насчитывалось тогда 18 дворов. Здесь жили «камчадалы» Зимины, Верещагины, Машихины, Нечаевы, Пермяковы. Большинство жителей Верхнекамчатска переехало в Мильково, а часть — в Новые Шаромы. В Мильково живут отдельные семьи из Кирганика (Пермяковы), из Шаром (Машихины, Заочные), из Машуры (Ушаковы, Красильниковы), из Толбачиков (Бушуевы, Слободчиковы). Но численно преобладают переселенцы с «материка» — русские, белорусы, украинцы, удмурты и другие. Браки между переселенцами и старожилами — обычное явление. Изучение похозяйственных книг этого поселка и частичная проверка этих данных у населения показали, что в настоящее время здесь имеется около 150 семей старожилов и около 100 смешанных семей, образовавшихся от браков между старожилами и приезжими. Всего здесь около 650 человек старожилов. Следует указать, что точное число старожилов выявлено не может быть не только потому, что не ведется специальный учет старожилов, но и потому, что лица от смешанных браков часто причисляют себя к приезжим. Таким образом, старожилы Мильково перемешались со ста-

рожилами других поселков долины реки Камчатки и в значительной степени с пришлым населением».

Большие изменения в традиционную систему жизнеобеспечения коренного населения внес принятый в 1957 г. «курс» на укрупнение сельских поселений, в результате которого многие удобные для жизни и освоения природных ресурсов поселки были упразднены.

В последующие годы административная политика проводилась без учета местной природной, исторической и этнической специфики. Преследовалась цель полной интеграции коренного населения в «новую историческую общность — советский народ». Национальные поселки на Камчатке почти исчезли. К 1970 г. поселков, в которых аборигенное население составляло большинство, оставалось всего шесть: один ительменский, один эвенский и четыре корякских.

Если в 1926 г. коренные жители на Камчатке составляли 64, то в 1989 г. — только 2 % от всей численности населения.

Надо отметить, что после 1905 г., когда была расформирована сахалинская каторга, на Камчатке появляются русские, прибывшие с Сахалина и из Маньчжурии. Они имели низкий моральный облик. Камчадалы старались не иметь с ними никаких отношений, называли их «мурками» (собаками). Впоследствии негативное отношение к ним в камчадальской среде перенеслось на других переселенцев и сохранялось вплоть до 1980-х гг. Сейчас понятие «мурки» помнят только представители старшего поколения.

С 1950-х гг. количество детей, рожденных от браков между местными жителями и приезжими, несколько увеличивается. И. И. Огрызко (1973) приводит среднюю численность детей в семьях русских крестьян на Камчатке: в 1836 г. — 6,8, в 1901 г. — 6,5, в 1926 г. — 6,3 чел. В 1930—1940-х гг. этот показатель оставался в тех же пределах, а с 1960-х гг. он редко превышал 4 чел. Подсчеты показывают, что с учетом переселения в 1960-х гг. в Мильково коренных жителей из селений Макарка, Щапино, Кирганик, Верхнекамчатск и других количество жителей, имеющих предками коренных камчадалов, составляет на сегодня более 3 300 чел.

В ходе сложных социально-экономических процессов, протекавших в долине реки Камчатки, и в связи с высоким оттоком пришлого населения на материк, в Елизовский район и Петропавловск-Камчатский численность населения Милькова постепенно стабилизировалось.

Неполный список многодетных матерей с. Мильково. С 1893 по 1950 г., большая часть местных жителей имела по 5—7, а отдельные семейства — от 7 до 9 детей. Многодетным семьям полагалась поддержка государства. Указами Президиумов Верховных Советов СССР и РСФСР многодетные матери награждались правительственными наградами. Ниже приводятся тексты отдельных Указов.

Указ от 28 мая 1951 г.: «На основании Указа Президиума Верховного Совета СССР от 18 августа 1944 г. наградить от имени Президиума Верховного Совета СССР матерей, родивших и воспитавших семь детей:

Орденом «Материнской слава» 3-й степени: *Бобрякову Варвару Гавриловну* — колхозницу колхоза имени Сталина Мильковского района, *Машихину Людмилу Ивановну* — домашнюю хозяйку, село Мильково Мильковского района, *Михайлову Александру Георгиевну* — колхозницу колхоза имени Сталина Мильковского района, *Плотникову Галину Македоновну* — домашнюю хозяйку, село Мильково Мильковского района.

Матерей, родивших и воспитавших пять детей, медалью «Медаль материнства» 2-й степени: *Ворошилову Пелагею Дмитриевну* — колхозницу колхоза имени Сталина Мильковского района, *Пинчук Анну Кузьминичну* — колхозницу колхоза имени Сталина Мильковского района, *Пинчук Феклу Яковлевну* — колхозницу колхоза имени Сталина Мильковского района, *Сенникову Агафью Михайловну* — домашнюю хозяйку, село Мильково Мильковского района, *Сюткину Екатерину Михайловну* — служащую конторы связи Мильковского района.

Указ Президиума Верховного Совета РСФСР «О награждении многодетных матерей орденами “Материнская слава” и медалями “Медаль материнства” по Камчатской области Хабаровского края» от 24 сентября 1953 г.: «На основании Указа Президиума Верховного Совета СССР от 18 августа 1944 г. наградить от имени Президиума Верховного Совета СССР матерей, родивших и воспитавших девять детей, орденом “Материнская слава” 1-й степени: *Пинигину Феоктисту Николаевну* — домашнюю хозяйку, село Мильково Мильковского района.

Матерей, родивших и воспитавших восемь детей, орденом “Материнская слава” 2-й степени: *Зимину Василису Ильиничну* — работницу районного коммунального отдела Мильковского района, *Михайлову Александру Георгиевну* — домашнюю хозяйку, село Мильково Мильковского района, *Потапову Евстолию Григорьевну* — колхозницу, село Мильково Мильковского района.

Матерей, родивших и воспитавших семь детей, орденом “Материнская слава” 3-й степени: *Кривоногову Феодосию Николаевну* — домашнюю хозяйку, село Мильково Мильковского района, *Пермякову Анну Семеновну* — домашнюю хозяйку, село Мильково Мильковского района, *Селиванову Екатерину Андреевну* — домашнюю хозяйку, село Мильково Мильковского района, *Толман Ольгу Петровну* — домашнюю хозяйку, село Мильково Мильковского района, *Чернышеву Елену Даниловну* — домашнюю хозяйку, село Мильково Мильковского района.

Матерей, родивших и воспитавших шесть детей, медалью “Медаль материнства” 1-й степени: *Алексееву Наталью Григорьевну* — домашнюю хозяй-

ку, село Мильково Мильковского района, *Сюткину Екатерину Михайловну* — домашнюю хозяйку, село Мильково Мильковского района.

Матерей, родивших и воспитавших пять детей, медалью “Медаль материнства” 2-й степени: *Демидову Матрену Касьяновну* — домашнюю хозяйку, село Мильково Мильковского района, *Захарову Марию Владимировну* — служащую районной конторы связи, Мильковский район, *Кузьмич Марию Афанасьевну* — колхозницу колхоза имени Сталина Мильковского района, *Лонишакову Матрену Анисимовну* — домашнюю хозяйку, село Мильково Мильковского района, *Маловечкину Любовь Степановну* — работницу детских яслей, Мильковского района».

Эти награды торжественно были вручены в селе 29 октября 1953 г.

Напана, острожек (по-ительменски «Нап-нам»). Находился на реке Напан. Отсюда до Петропавловска считалось 832 версты. Ближайшие селения — Тигиль и Седанка. В 1868 г. острожек состоял из шести сооружений, его населяли 30 мужчин и 29 женщин.

В 1876 г. здесь жили 26 мужчин и 22 женщины, в их числе всего один грамотный. В острожке имелось два дома, четыре юрты, пять стай, баня и 11 балаганов. Население содержало девять лошадей, 10 коров и 48 собак. За сезон местные охотники добыли 35 нерп, 14 оленей, 11 соболей и пять медведей. В 1901 г. численность местного населения составляла 50 чел.

Исследователь Камчатки Петропавловский окружной врач В. Н. Тюшов записал об этом селении такие впечатления: «Напанский острожек... есть крайний северный пункт области верховых камчадалов. Он расположен на правом возвышенном берегу одноименной реки, верстах в двадцати пяти от второго русского поселения западного побережья Камчатки — Тигиля...

Десять разбросанных, как везде по Камчатке, без всякого определенного плана, жалких лачуг образуют все поселение. Из них — три бревенчатых дома и семь юрт, обложенных снаружи для большей теплоты дерном. Эти юрты представляют собою квадратные одноместные помещения, сделанные из стоймя поставленных горбылей.

Пол земляной, покрытый для чистоты травой. Посредине такого жилья юрты находится миниатюрная печка из необожженного самодельного кирпича. Оконные отверстия очень малы и затянуты, по обыкновению, вместо стекольной рамы, полотнищами из медвежьих кишок...

Чем ближе к русским, тем инородцы во всех отношениях хуже; чем дальше, тем лучше.

В селении, кроме юрт, можно видеть обнесенные плетнем огороды, в которых садится репа и картофель, потом так называемые стаи, то есть пригоны для скота, и неизбежную и неотъемлемую принадлежность всякого камчатского хозяйства — рыбные балаганы и вешала.

Всех жителей считается около шестидесяти человек (по переписи 1897 г. 66 чел. обоих полов).

Разговорный язык, несмотря на упомянутую близость Тигиля, у напанцев (между собою) камчадальский. Очень редко можно услышать русскую фразу.

Самый большой дом в Напане принадлежит... старосте Арефьеву, состоит из двух половин и из просторной пристройки сеней. Дом этот построен из разных пород деревьев: тут есть и береза, и тополь, и ветла.

До сих пор мною не было отмечено, что во многих домах камчадальских острожков можно увидеть самодельные или же приобретенные (покупные) скрипки и гармонии, свидетельствующие о склонности камчадалов к музыке. Доморощенными музыкантами разыгрываются на этих инструментах русские песни и обыкновенные камчатские танцы: восьмерка, вальс-козак, ванька-гарун, косая, русская и тому подобные. Я слышал, что у камчадалов очень много своих чисто камчадальских песен, но самому мне не приходилось их слышать нигде».

А вот описание селения, датированное 1923 г.: «Имеет 11 домов, 11 амбаров, 1 баню, 11 теплых сараев. Численность населения: взрослых мужчин 19, женщин 18, мальчиков 5, девочек 16. Грамотных и учителя нет, дети грамоты не получают. Парторганизаций нет, работников партийных тоже. Вероисповедание православное, церкви и попов нет. Главное занятие жителей — охота, рыболовство и животноводство. Все добываемые продукты сдаются проезжающим скупщикам-спекулянтам на обмен на необходимый товар: продовольствие и мануфактуру. Спрос на спирт есть, ввоза нет.

Характер поверхности: болотистая, покрытая лесом — черноберезняком, ольховником и кедровником. Протекает река Напана шириною 50 сажень глубиною до двух сажень. Река Правый Ланыч шириною 10 сажень. Глубина до $\frac{1}{2}$ саж.; девятый приток шириною 10 саж. глубина 1 саж., полноводность бывает. Есть озера. Средняя температура зимы –30 град., лета 15 град. Снег глубиною один аршин, падает часто. Ветры западные, пурги частые, заносы большие. Почвы песчаные и тундра. Питьевой водой пользуются из речки, качество хорошее.

Имеются тропы на кошку и Тигиль. Расстояние до кошки 30 верст, до Тигиля — 21 верста. Способы передвижения в летнее время выючными на лошадях. Переправы через реки бродами возможны в мелководье, в полную воду переправляются на батах. Мостов и паромов нет. Селение имеет лошадей 8, конских седел 8, собак 200, нарт 20, лыж 20, коров 30, телег и саней не имеют. В 12 верстах от селения имеется каменный уголь. Охота и рыболовство малоразвиты. Живут кочевники-коряки в числе 15 чел. Имеют оленей 1 500, собак 20, нарт 2. Занятие их оленеводство. В пути благонадежное».

В 1926 г. в селении имелось 16 хозяйств и 79 жителей: 37 мужчин, 42 женщины. Исследователь Е. П. Орлова считала, что «северной границей рассе-

ления ительменов в 1926 г. являлась река Напана, левый приток реки Тигиля. На правом берегу реки Напаны, в 40—42 км от моря...»

В 1933 г. в 15 домах жили 75 чел., в том числе двое русских.

В период коллективизации здесь создается колхоз «Красный партизан». В 1936 г. он включал 13 хозяйств, 75 чел., в том числе 36 трудоспособных. Доход на одного трудоспособного составил всего 87 руб.

В настоящее время селение Напана не существует.

Озерновское, селение. Находилось на реке Озерной (на восточном побережье полуострова, Озерной-Восточной), местное название «Кооч-агжа» или «Еловское устье». Селение было основано на почтовом тракте, проходившем по долине реки Камчатки, далее по реке Еловке, затем по восточному побережью. Ближайшие селения — Еловка и Ука.

Морской офицер П. Ф. Кузмищев, посетивший селение, в 1827 г. отмечал, что острожек стоял на берегу реки Озерной и был последним камчадальским поселением на пути к земле коряков.

В 1868 г. расстояние отсюда до Петропавловска оценивалось в 755 верст. В селении имелось шесть домов и деревянная часовня, жили 30 мужчин и 31 женщина. По сведениям 1876 г., численность жителей равнялась 34 чел., мужчин и женщин поровну. Здесь было 25 построек, в том числе пять жилых домов, часовня, шесть амбаров, столько же балаганов, пять стай и две бани. За охотничий сезон 1876 г. жители добыли 36 соболей, три лисицы, пять оленей и одного медведя.

Численность местных жителей была небольшой и не превышала 50 чел.: в 1836 г. — 30, в 1851 г. — 49, в 1901 г. — 48 чел. Детей школьного возраста в 1891 г. было трое, в 1896 г. — шестеро. Грамоте они не обучались.

Летом жители переселялись на северный берег лагуны для промысла рыбы. По их словам, река вставала в конце октября или начале ноября, а вскрывалась в начале или середине мая.

В «Лоции побережий РСФСР» за 1923 г. указывается: «Селение Озерное, расположенное на реке в 8 верстах от берега моря, немногочисленно; летом жители занимаются рыбной ловлей в устьях реки, уходя на зиму в горы на промыслы пушного зверя».

В материалах переписи 1926 г. указывалось: «...селение Озерное на реке Озерной в 85 км к югу от селения Уки и в 275 км от Усть-Камчатки. В момент переписи село Озерное пустовало, так как население его в течение последних трех лет выселилось в село Уку. Переписью зарегистрированы лишь постройки».

Но после переписи местное население вновь вернулось в свои дома. Вулканолог Б. И. Пийп в середине 1930-х гг. сообщает: «Вскоре подъехали к пяти домикам селения Озерное. Здесь живут 28 человек, есть одна корова, один бык, трое нарт, лошадей нет. Какое это убогое, сиротливое селение среди

открытой тундры, доступное ветрам. Какой контраст этого селения с более южными, которые окружены лесами! Остановились в доме Клочева. Домик маленький, но уютный, много тараканов и детей. Дом обит дерном, с теплыми сенами. На всем видна забота — уберечься от ветра. Ночевать пошли к сыну хозяина Егору».

В 1933 г. здесь побывал В. С. Шаталов: «Селение Озерное от моря расположено в семидесяти километрах. На многие десятки километров нет живой души, и вдруг два маленьких, на несколько человек, домика». Он сообщает, что в 1933 г. здесь еще оставались три семьи.

Кроме селения Озерного некоторое время на реке Озерная существовало и селение *Нижне-Озерная*. По данным канцелярии камчатского губернатора, в 1913 г. в устье реки переселились 13 семей латышей. Эта колония просуществовала недолго, и в документах больше не упоминается. Но на карте Б. И. Пийпа, датированной 1936 г., селение Нижне-Озерная обозначено в устье реки Озерной.

В конце 1930-х гг. местных жителей переселили в Уку.

Озерное, селение. Упоминается в «Списке населенных мест Приморской области Восточной Сибири Петропавловского округа», датированном 1868 г. Селение «при озере и речке», откуда до Петропавловска по почтовому тракту считалось 39 верст. Здесь стояли два дома, жили пять мужчин и шесть женщин.

В. П. Кусков считал, что оно возникло в 1832 г. и было названо по расположению у озера Дальнего. В 1876 г. местное общество было административно объединено с Николаевским, Паратунским и заимкой Микижа. Во всех обществах проживали 229 чел.

В. Л. Комаров, работавший на Камчатке в 1908—1909 гг., сообщает об имевшихся здесь строениях: «...хутор П. Яковлева на истоке Ближнего озера и, само собою разумеется, летовка на Дальнем озере».

В Приполярной переписи 1926 г. это селение не упоминается. Официально оно исключено из списка населенных пунктов Камчатской области 13 декабря 1974 г.

Первореченский, поселок. Находился на берегу Пенжинской губы. Назван так по своему расположению на Первой речке. Ближайшее селение Манилы, расстояние до него около десяти километров. В. П. Кусков считал, что поселок был образован в августе 1964 г.

Поселок состоял из трех десятков строений, стоявших тремя рядами на высокой террасе. Иногда местные жители называли его «Усть-Пенжино». Основное население — геологи. Здесь активно работал клуб, выпускалась стенная газета «Разлом». Молодежь занималась спортом: здесь, на далеком севере, она организовала даже хоккейные команды.

17 сентября 1993 г. Камчатский областной Совет народных депутатов принял следующее решение: «Упразднить Первореченский сельский Совет, передать поселок Первореченский в состав Манильского сельского Совета Пенжинского района». Это решение обосновывалось следующими доводами. На протяжении последних трех лет численность местного населения резко сокращалась. Если в январе 1991 г. она составляла 172 чел. (88 семей), то в январе 1993 г. — 67 чел. (29 семей). «В настоящее время численность населения составляет 46 чел., абсолютное большинство которых составляют нетрудоспособные жители. Ликвидация поселка связана с переводом основной базы Пенжинской геолого-разведочной экспедиции. В селе отсутствуют предприятия и учреждения торговли, народного образования, культуры».

В 1950—1960-х гг. одноименный поселок существовал в Усть-Больше-рецком районе.

Сайчик, селение. Находилась на одноименной реке, впадающей в Охотское море. Ближайшие селения — Ича и Сопочное.

Как установил И. И. Огрызко, сюда в 1913 г. переселились пять крестьянских семейств из Казанской, Самарской и Иркутской губерний (Федора Афанасьева, Кузьмы Михеева, Степана Семенова, Николая Мухаметова и Митрофана Барбара).

Селение просуществовало недолго, и уже в 1926—1927 гг. в документах указывалось: «Даже в Петропавловском уезде... наблюдается... исчезновение селений... Совершенно исчезли... Сайчик... в Больше-рецкой волости».

Тигиль, крепость, село. Первое упоминание о реке Тигиль относится, видимо, к концу XVII в. Историк Б. П. Полевой сообщает, что посланный в 1695 г. В. Атласовым из Анадырского острога казак Морозко «погромил» камчадальский острог на реке Тигиль и взял там «неведомые» (японские) письма.

В 1716 г. казаком Соколовым и мореходом Треской был открыт морской путь из Охотска по Охотскому морю до устья реки Тигиль. На карте казака-монаха И. Козыревского 1726 г. река названа «Кигил». В начале XVIII в. в бассейне реки Тигиль существовали восемь селений коренных жителей, из которых после эпидемии оспы осталось два. В верховьях рек до эпидемии кочевали необъясченные коряки. В период эпидемий они откочевали и появились в этих местах вновь в конце 1820-х гг. в числе семи хозяйств, около 90 чел.

В. П. Кусков, указывая дату образования русского поселения, отмечал: «Основано в 1747 г. на месте корякского острожка Шипина...» П. А. Словцов в своем «Историческом обозрении Сибири» указывает близкую дату: «Тигильский острог зачат в 1750 г., через два года обнесен палисадом и рвом... Первые жители его были переселенцы из Сибири, в числе 37 человек».

Современный районный центр Тигиль существует на месте Тигильской крепости, возобновленный на этом месте после ее сожжения во время корякского восстания 1756—1757 гг.

Участник Второй Камчатской экспедиции Г. Стеллер сообщает о начале строительства крепости: «...острог в настоящее время закладывается под надзором казака Енисейского повыше Тигиля (имеется в виду выше устья реки. — В. Б.) Пенжинского моря, и туда на постройку и для заселения отправлено 37 человек».

Далее Стеллер сообщает о причинах строительства: «Острог этот основан из трех соображений: 1) для обуздания... “сидячих” коряков; 2) для установления пути отсюда, с Камчатки, к Охотску... 3) для ограждения коряков-оленьеводов... от их главных врагов — чукчей...»

Т. И. Шмалев в «Опыте трудов вольного Российского собрания при Императорском Московском университете» (1774 г.) пишет: «...расстоянием от моря вверх по реке Тигиль, верст тридцать. Строения в оной деревянного, крепость, в коей церковь Рождества Христова, командирский дом, казармы, а за крепостью обывательские дома, в коих жительство имеют воинские служители и камчадалы. Команды ж состоит: командир поручик один, нижних чинов семьдесят восемь. В жалованье, провианте, одежде, обуви и пище, равно ж и в продаже харчевых припасов и товаров равенство состоит против Большерцкокого острогу».

В 1773 г. на Камчатку прибывает главный командир премьер-майор Магнус Карл фон Бем. Среди его многих полезных дел числится укрепление острогов и крепостей. Историк А. С. Сгибнев сообщает: «Тигильскую крепость обнес валом, построил в ней новые укрепления и казармы для нижних чинов».

Сменивший М. К. Бема коллежский ассессор Франц Рейнеке предпринимал меры по переносу главного управления Камчаткой в Тигиль. Но, по словам А. С. Сгибнева, «по причине постоянного неулова рыбы в реке Тигиле отменил свое намерение».

«Краткое обозрение Камчатки», напечатанное в 1806 г. в Санкт-Петербургском журнале № 12, отмечало: «Крепость Тигильская есть единственная в тамошних местах: она служит оградой и пограничным укреплением против беспокойных чукчей и застроена в 1775 году для того, чтобы бунтующих Неподвижных коряк содержать в послушании и проложить от нея дорогу вокруг Пенжинского моря до Охотска».

По седьмой камчатской переписи 1818 г. в крепости проживали 185 русских: 98 мужчин и 87 женщин. Много в делах и жизни местных жителей зависело от руководителя крепости. А. С. Сгибнев сообщает: «По распоряжению Голенищева (начальника Камчатки. — В. Б.) был послан в 1830 г. в Тигиль капитан-лейтенант Кузьмищев для заведования этой крепостью. Двухлетнее его там пребывание ознаменовалось многими полезными преобразованиями в управлении тех инородцев. Он... научил и приохотил их к огородничеству и, в особенности, к разведению картофеля».

В 1868 г. Тигиль уже именовался казачьим постом. Отсюда до Петропавловска считалось 853 версты. Здесь в 38 домах жили 99 мужчин и 118 женщин.

Протоиерей П. Громов в своей работе «Историко-статистическое описание камчатских церквей» рассказывает: «Тигильская церковь, для которой был от архимандрита Хотунцевского оставлен чертеж, окончена строением к началу 1752 года. Она воздвигнута на правом берегу реки Тигиля... Место это прежде называлось Шипиным острогом... а с 1744 года, когда было укреплено против корякских набегов, получило название Тигильской крепости».

Крепость дважды горела и отстраивалась заново. Далее П. Громов отмечал: «Командир крепости, флота лейтенант Сапалович построил третью церковь, прочную и красивую с соответственную в одной связи с церковною колокольнею. Храм этот освещен был протоиереем Никифоровым 26 декабря 1822 года». Но и он сгорел. В 1850 г. заложен уже четвертый тигильский храм.

В декабре 1861 г. Тигиль посетил архиепископ Камчатский Иннокентий Вениаминов. В своем путевом журнале он записал: «Здание Тигильской церкви, хотя еще и ново, но южная стена начинает выпучиваться наружу и потому не долго простоит без правки. Дом у священника новый и очень хороший. Книги церковные ведутся старостою исправно, суммы все на лицо... Ризницы не много».

В 1888 г. начались занятия в Тигильской школе грамоты, в которой «обучением Закону Божию и грамоте занимался местный священник Иннокентий Колегов... без вознаграждения». Здесь обучались только мальчики. В 1892 г. ее посещали 25 чел. (шестеро камчадалов, трое духовного сословия и 16 казаков).

К. Дитмар, побывавший в Тигиле в 1853 г., дает такое его описание: «27 домов местечка выглядели все лучше и порядочнее, чем мне пришлось видеть... Они были расположены почти улицами и окружены порядочными огородами и дворами с хозяйственными постройками. Старая церковь погибла от пожара, и теперь как раз в центре Тигиля строилась новая. От старого бывшего здесь укрепления почти не осталось следа, кроме пары старых пушек с пометкой 1790 года. Балаганы для сушки рыбы... были отнесены от жилых домов далеко на берег реки, что сделало все местечко здоровее, опрятнее и чище».

Я насчитал 150 голов рогатого скота и 12 лошадей, каждый день выгоняемых на тучный выгон, а вблизи расстились обширные покосы, с которых как раз теперь снимали очень богатый урожай прекраснейших и питательнейших трав. В 1853 году... значилось в Тигиле населения 109 душ мужского пола и 88 женского, большею частью потомков старинных камчатских казаков, однако, благодаря смешанным бракам, с сильной примесью камчадальской, и особенно корякской, крови...»

По переписи 1876 г. здесь жили 255 чел., весьма пестрых по национальному составу: один швед, четверо подданных США, два финляндца; мещане: один архангельский, один тотемский, один иркутский, 17 гижигинских, два Петропавловских; крестьяне: двое гижигинских и семь петропавловских; семеро петропавловских купцов и шестеро камчадалов. Имелось пять «лекарских учеников», шестеро «матросов отставных», шестеро духовных лиц и 185 казаков. В общем числе 255 жителей имелось 122 мужчины и 133 женщины. Грамотных было всего 34 чел.

В Тигиле тех лет имелась церковь, 41 дом, пять юрт, четыре лавки, четыре магазина, 43 амбара, 44 балагана, 12 бань и три кузнецы. Жители содержали 30 лошадей, 107 коров и 394 собаки. Они добыли за сезон 58 соболей, 142 нерпы и трех оленей.

В 1907 г. в селении побывал рыбопромышленник Г. А. Крамаренко. По его словам, «селение Тигиль — одно из самых больших селений Камчатки, которое находится верстах в пятидесяти вверх от устья реки».

А вот описание села как стратегического пункта, сделанное в 1923 г.: «Селение имеет 75 домов, 75 амбаров, 30 бань. Численность населения 360 человек, из них взрослых мужчин 98, женщин 92, детей мужского пола 83, женского 87. Грамотных мужчин и женщин имеется 80 человек. Имеется школа, учитель и учащихся 50 человек. Парторганизаций и партработников нет. Вероисповедание православное, имеется церковь и священник. Имеются почтово-телеграфное отделение, маяк, общественные и государственные учреждения, а так же заведения и предприятия.

Занимаются охотой, рыболовством и животноводством. Имеются: общественная лавка, отделение фирм Гудсон-Бей, доверенный Пименов; Свенсон, доверенный Флетчер, а также проживают и постоянные скупщики-спекулянты. Пушнина сдается названным отделения и часть в общественную лавку на обмен товара, главным образом, на продовольствие, мануфактуру. В летнее время привозится японцами спирт, спрос велик. Характер поверхности — тундра, покрытая лесом: березняк, ольха, тополь, ветла, тальник, кедровник. Район с. Тигиль орошается реками: р. Тигиль, шириною 20 саж., глубина от $\frac{3}{4}$ саж. до 6 саж. Правые притоки р. Тигиля: р. Пирожникова шириною 10 саж., глубина 1 саж., р. Седанка шириною 10 саж., глубиною 1 саж., р. Калгауч шириною 10 саж., глубина от $\frac{3}{4}$ саж. до 2 аршин. Отличается полноводностью. Река Перевалова шириною 11 саж. глубина до $1\frac{1}{2}$, р. Жгецк шириною 5 саж., глубина до 2 арш., р. Белая шириною 12 саж., глубина до 1 саж. Имеются озера и болота. Средняя температура зимы -30 грд., лета — 19 грд. Снег падает часто, глубина его до полутора аршин.

Ветры западные, северные и южные. Пурги редкие, почва песчаная глинистая и болотистая. Питьевой водой пользуются из рек, качество хорошее. Дороги идут на Напан — 21 верста, на Седанку — 40 верст, на Аманино —

41 верста. Способы передвижения: вьючное. Местность гористая и болотистая. Переправа через реки бродами возможна в среднюю воду, в половодье на батах. Телеграфная линия дряхлая, ремонт не производили, состояние плохое. Селение имеет 12 лошадей, конских седел 12, собак 800, нарт 80, телег и саней нет, батов 80, шлюпок 4, лыж 80 пар. Коров 70. Имеется каменный уголь по р. Напан в 20 верстах от селения.

Добыча от охоты и рыболовства средняя. Кочевники-коряки в числе 100 человек имеют оленей 5 000, собак 70, нарт 7. Занятие: оленеводство и охота. Разработка каменного угля даст положительный результат, в связи с этим можно найти и другие полезные богатства. В пути благонадежно. Имеются на морской кошке японские рыбалки и при устье реки Тигиль засольный участок (японский). Рыба принимается японцами за бесценюк».

Для ведения хозяйственной деятельности — добычи нерпы, вылова и заготовки рыбы, а также обслуживания прибывающих морских судов постепенно в устье реки Тигиль из нескольких бессистемно разбросанных стросней образуется небольшое селение — Усть-Тигиль.

«Политико-экономическая характеристика Тигильского района Камчатской области», подготовленная 4 марта 1949 г., сообщала: «В 1920 г. в село Тигиль пришла белогвардейская банда в составе семи человек во главе с полковником Савичем, которая свергла органы Советской власти, арестовала ее представителей. Решительных действий эта банда не произвела, ее поддерживали только кулаки и торговцы, и вскоре эта банда была уничтожена силами местных партизан из бедных казаков».

В 1926 г. в Тигиле имелось 93 хозяйства и 429 жителей: 206 мужчин и 223 женщины. В 1933 г. селение составляли уже 103 двора, а жителей насчитывалось 532 чел. До Петропавловска считалось 992 километра.

Промысловая кооперация давала возможность рыболовецким и охотничьим артелям с помощью кредитов обновлять инвентарь, способствовала развитию товарности промыслов.

В апреле 1930 г. Тигильский райисполком объявил район ударным и дал указание вовлечь в колхозы 100 % населения к 1 июля 1930 г. Но на деле коллективизация растянулась до 1933 г. При этом не учитывались особенности национального района и организовывались смешанные артели и даже коммуны. В период коллективизации по Тигильскому району по состоянию на 1933 г. были лишены избирательных прав 42 чел.: «использующих наемный труд» — 31, торговцев — два, «служителей культа» — пять, «умалишенных» — трое.

Коллективизация быстро разрушила кооперацию. В Тигиле насильственное обобществление средств производства артелей, где уже существовало имущественное расслоение, привело к распаду этих артелей и массовому убою домашнего скота.

В отчете Второй Корякской экспедиции Дальневосточного краевого земельного отдела отмечалось: «Кулаки района под руководством кулаков с. Тигиль (в прошлом казаки) готовили вооруженное нападение на руководителей советских и партийных органов под лозунгом “Камчатку для камчадалов”. Благодаря бдительности ГПУ все главари подготавливавшегося восстания были своевременно изолированы».

Вначале колхозы организовались по поселково-национальному типу. Камчадалов Тигиля объединял колхоз «Ленинский путь». В связи с проводимой миграционной политикой уже к началу 1950-х гг. в Тигильском районе появилось много переселенцев из России. В 1962 г. на базе экономически слабых колхозов «Ленинский путь» (с. Тигиль), «Красный партизан» (с. Палана) и имени Кирова (с. Седанка) по решению бюро обкома КПСС был образован Тигильский совхоз.

Важной отраслью здешнего хозяйства являлась охота. Газета «Камчатская правда» 7 марта 1967 г. сообщала: «К 20 февраля промысловики Тигильского госпромхоза сдали пушнины на 116 тысяч рублей при сезонном плане 114 тысяч рублей. В течение зимнего промыслового сезона 1966—67 года госпромхоз принял 2 780 соболей, 77 выдр, 446 горностаев, 180 лисиц, 237 зайцев и другую пушнину».

В одной из работ известного этнографа О. Мурашко селение охарактеризовано так: «Современный поселок по своей планировке как бы распадается на две части — одна на высоком месте, здесь расположена улица относительно старых домов у реки, за ней более новая улица с хорошими односемейными домами, здесь же школа-интернат, детский комбинат для дошкольников, пекарня, старый магазин, аптека. Улица с двух-четырёхквартирными домами постройки 1950 — начала 1960-х гг. За ними новая часть, середины 1970-х гг., с каменным двухэтажными административными зданиями, гостиницей, новым большим магазином, районной библиотекой, клубом. За ними располагаются двухэтажные восьмиквартирные дома и строительные площадки новых каменных домов, потеснившие лес, спускавшийся с сопок, окружающих Тигиль».

Вторая часть поселка — за ручьем, в низком сырватом месте, здесь расположены жилые дома-клетушки пятидесятых и двухквартирные вагончики шестидесятых годов, а также сельскохозяйственные постройки, принадлежащие совхозу “Тигильский”.

Школа, больница, почта существуют в Тигиле с первой половины XIX в. С этих же пор существуют артезианские колодцы. Водопровод с холодной водой, центральное отопление, асфальт на улицах появились в 1960-е гг., но эти удобства распространяются только на административную часть поселка, общественные здания и новые многоквартирные дома. Жители старых деревянных домов, а это подавляющая часть старого населения Тигиля, про-

должают пользоваться колодцами, печками, туалетами на улицах и утопать в грязи в дождливые дни. Поселковая котельная работает на местном угле, добываемом недалеко от поселка. Имеется городская столовая, два магазина, открытые в 1960-е гг. Современный дом культуры работает с 1970-х гг., местный музей появился в 1980-е гг.

Электричество и радио появилось в поселке в 1930-е гг. Освещение на улицах — в 1960-е. Первый авиарейс, сбросивший почту на остров на реке, произошел в 1960 г.

В 1970-е гг. построена ныне существующая грунтовая авиаполоса, и начали совершаться пассажирские рейсы. Дюралевые лодки с моторами появились в 1960-е гг., первый снегоход “Буран” — в 1978 г. В восьмидесятые годы появилось несколько частных автомашин.

С мая 1936 г. в селе дважды в неделю выходила районная газета «За новую жизнь». Ее первым редактором стал Косарев. В 1943 г. газета выходила с приложением «За новую жизнь на уборке урожая», а в 1949—1950 гг. печаталась на двух языках: русском и корякском. Ее тираж достигал 1 000 экземпляров. До 1990 г. учредителями газеты были Тигильский райком КПСС и райсовет народных депутатов.

Популяционная история Тигильской и Ковранской общин развивалась следующим образом. По данным метрических книг, население семи селений XIX в., проживающее ныне в поселках Тигиль и Ковран, представляло собой, по крайней мере с 1801 по 1917 гг., единую популяцию. Частота браков, заключаемых между собой жителями перечисленных семи селений, составляла в середине XIX в. 92,18 % от всего числа браков, заключенных всеми жителями семи селений на рубеже XIX—XX вв. (1885—1910 гг.) — 83,77 %.

Внутри единой популяции существовали субпопуляции: потомки русских старожилов Тигиля и камчадалы (ительмены) трех близлежащих к Тигилю селений — Аманино, Напана и Хайрюзово. Частота смешанных браков между аборигенами и русскими постоянно колебалась, при этом в первой половине XIX в. русские больше нуждались в партнерах из аборигенной среды, нежели аборигены в русских партнерах. В 1979 г. в Тигиле среди ительменов в возрасте 20—49 лет доля имевших детей составляла всего 33,8 %. Среди потомков русских старожилов этот показатель равнялся 89,5 %.

В современном Тигиле проживают 3 149 чел., в том числе 87 коряков, 266 ительменов, около пятисот камчадалов, восемь эвенов, двое чукчей. Остальные принадлежат к мигрантному населению — среди них представлено 26 национальностей бывшего СССР.

Тилички, село. В. П. Кусков считал, что оно, административный центр Олюторского района, возникло в 1910 г. Населенный пункт появился на базе корякского поселения, существовавшего здесь задолго до появления русских первопроходцев. До конца XIX в. Тилички представляли собой селение оседлых

коряков, занимавших восемь юрт-полуземлянок. Оно располагалось на северном берегу бухты, сейчас называющейся Скрытой. На карте К. Дитмара название поселения пишется как «Теличига».

Как сообщает В. П. Мартыненко, в 1898 г. здесь построил свою заимку торговец Косыгин. В начале XX в. появился казенный склад. Сюда был переселен пятидесятник Падерин, один из представителей широко известной на Севере фамилии.

Иеромонах Нестор приводит еще одно название поселения — «Тилечики». В 1911 г. он пишет: «На берегу бухты барона Корфа расположено корякское селение Тилечики, в котором ныне зимой при посещении коряк я окрестил свыше 30 человек и повенчал шесть свадеб». Он открыл школу и приют в бухте барона Корфа в большом здании из восьми комнат. Заготовки этих зданий были сделаны во Владивостоке и на пароходе Добровольного флота доставлены в бухту. Иеромонах Нестор рассказывает о сборке первого здания: «Десять плотников едва успели достроить его к прибытию последнего парохода. Помогая им, приходилось работать мне и сестре милосердия, и ребятам. Общими усилиями нам удалось соорудить еще колонку и оборудовать две ванны».

В 1914 г. по инициативе Нестора здесь проходил Камчатский миссионерский съезд. Перед этим была построена Иоасафовская церковь, а селение получило название Иоасафовское. Но это название просуществовало недолго, и после установления советской власти селение вновь превратилось в Тилички.

В отчете Карагинского районного ревкома за 1927 г. указывалось, что «в селении Тилички принято участие в организации районной избы-читальни, проведена компания по выписке материковой литературы».

14 июня 1927 г. Далькрайисполком принял постановление об образовании туземных районов, в том числе Карагинского. Впоследствии из Карагинского района выделился самостоятельный Олоторский район Корякского национального округа с центром в селе Тилички.

Лоция 1938 г. сообщает: «Селение Тилички является районным центром Олоторского района... В селении имеются все учреждения районного центра, а также радиостанция, больница и метеорологическая станция. В селении живет около 450 русских и коряк».

3 декабря 1935 г. Камчатский обком ВКП(б) принимает решение «Об организации Олоторской газеты»: «Разрешить издание газеты “Сталинец” с выходом пять раз в месяц, тиражом 250 экз. Редактором утвердить Ильина». В 1943—1945 гг. к газете выходит приложение «Боевой листок на пути не в Олоторке». Затем газета получила название «Заря коммунизма». С 1962 по 1966 г. газета не издавалась, но впоследствии была возобновлена. Ее тираж в 1987 г. достигал 2 000 экз.

В 1979 г., по данным Всесоюзной переписи населения, в Тиличихах жили 2 587 чел.

О прошедшем здесь субботнике 19 апреля 1981 г. сообщала газета «Камчатская правда»: «Коллектив Олоторского рыбоконсервного завода в день субботника трудился на своих рабочих местах. Выпущено 34 тысячи условных банок консервов. Бригады Тиличинского строительного-монтажного управления в этот день работали на сдаточных объектах — двенадцатиквартирных домах. Было выполнено строительно-монтажных работ более чем на три тысячи рублей».

К 1994 г. численность населения несколько уменьшилась и составляла 2 496 чел.

Ука, селение. На карте В. Н. Тюшова, датированной концом XIX в., оно обозначено как Укинское и расположено на правом берегу реки Уки. Ближайшее к северу селение — Хайлюлинское.

В. П. Кусков полагал, что селение «возникло до 1852 г.». По списку населенных мест Петропавловского округа 1868 г. отсюда до Петропавловского порта считалось 844 версты. Селение составляли пять дворов, их населяли 13 мужчин и 15 женщин.

По переписи 1876 г. в Уке жили 21 чел., все камчадалы, в том числе один малограмотный. В селении имелось всего три дома и одна юрта, из других построек — три амбара, четыре балагана и одна баня. Жители содержали двух лошадей, одну корову, 44 собаки, выловили 8 100 рыбин лососевых пород. Они добыли 18 соболей, 54 нерпы и две лисицы. Весь урожай составил пять пудов картофеля, причем посажено было два.

В 1901 г. здесь жили 17 чел.

Иеромонах Нестор отмечал: «Селение Ука расположено на восточном берегу Камчатского полуострова. Жители небольшого Укинского селения занимаются охотой и рыболовством».

Районная газета «Путь Ильича» 22 февраля 1967 г. рассказывала о ситуации в селе в период гражданского противостояния: «В декабре 1917 г. из Петропавловска пришла нарта. Целый месяц добирался каюр до далекой Дранки с бесценным грузом — сообщением о свержении Временного правительства, с декретами Ленина о земле и мире».

В Уке после известия о смене власти в Петропавловске был избран сельсовет, который возглавил С. Левченко, прибывший на Камчатку в 1916 г. В 1919 г. власть на Камчатке перешла к колчаковскому представителю, многие камчатские селения подчинились областному центру. В Уке же все осталось по-прежнему.

В это время поблизости промысловый участок арендовал рыбопромышленник Козлов, с которым из-за уплаты местных налогов у сельсовета возник

конфликт. По официальной версии, узнав, что Козлов не платит населению за сданную рыбу, сельсовет взял в залог имущество рыбопромышленника. По жалобе Козлова из Петропавловска прибыло охранный судно «Якут». Десант с корабля арестовал пять активистов, а руководителя сельсовета расстрелял. Остальных в качестве наказания высадили на Карагинском острове.

Представитель колчаковской власти так излагал свою версию событий: «Открыто большевики проявили себя только в одном из селений области — Уке. Население там отказалось подчиниться распоряжению восстановить сельское управление и избрать старосту, но после того, как один из главных руководителей этого селения крестьянин Левченко был расстрелян командой посыльного судна “Якут”, порядок и там восстановлен».

Впоследствии в селении был создан отряд самообороны. «В тундровых сопках заложили базу: оружие, боеприпасы, запас продуктов, здесь же хранили часть кооперативной пушнины». После установления советской власти, 21 декабря 1923 г., в адрес Усть-Камчатского райревкома было отправлено следующее письмо: «На Ваше отношение Карагинскому сельревкому от 7 сентября сего года № 43 сообщаем, что общество на своем сельском собрании 28 ноября 1923 г. постановило: церковь закрыть, а утварь передать волревкому для отсылки в адрес райкомиссии “Последголод”».

Землеустроитель В. С. Шаталов, побывавший в селении в 1936 г., сообщает: «Это первый из всех населенных пунктов района, который немного напоминает русскую деревню. Здесь деревянные домики на две-три и даже больше комнаты, не считая кухни, обширные теплые сени с кладовками и чуланами, имеются амбарчики, юкольники, коровники, у некоторых огороженные частоколом и крытые травой дворы. Здесь есть настоящая улица, небольшая площадь со стариной церквушкой, пожарный сарай, три колодца с журавлями, выгонные угодья для крупного рогатого скота. Жилье и подобные постройки были срублены в основном из тополя и ветлы по-старинному (в чашу), почти все с опилочными углами. Горницы и спальни обращены большими окнами на восток и на юг».

В Уке имелось более гектара огородов.

Лоция Берингова моря 1938 г. сообщает: «На левом берегу реки почти прямо против входа в нее с моря расположено селение Ука, являющееся одним из наиболее крупных населенных пунктов побережья».

Здесь организовался колхоз, которому дали имя расстрелянного первого председателя сельсовета. Карагинский райком ВКП(б) докладывал обкому: «Колхоз имени Левченко... при годовом плане вылова рыбы 1 500 центнеров выловил 2 552, или 170 процентов. Не имея плана собственной обработки рыбы, колхоз обработал и сдал государству 909 центнеров готовой продукции».

Побывавший в этих местах в марте 1943 г. вулканолог Б. И. Пийп записал свои впечатления: «Селение Ука — одно из самых крупных в районе. Здесь есть почта, телеграф, больница, школа-семилетка, два магазина. Здесь в Уке все очень скудно. Колхозники совершенно заморили собак, многие уже подошли от голода. Занимаются они тем, что удочками ловят навагу и бычков прокорма собак».

Лоция Берингова моря 1969 г. указывает: «Селение Ука расположено в одной миле к *WSW* от устья реки Ука на ее левом берегу. В селении имеется пекарня, магазин, баня, почта, клуб, школа и больница».

Местная уроженка, дочь участника событий 1919 г., Зинаида Бурлакова рассказывала: «Ука был большой поселок, много населения. Дома стояли по порядку, улиц не было. Каждый год приезжали сезонники на завод. В Уке был колхоз, ловили рыбу, был рыбоконсервный завод; выращивали картошку, вырастала крупная. Завод в Уке работал только на красной. Был японский завод, стояли японские бараки, хорошие рубленые дома.

Когда японцы уехали, они много пооставляли. В лесу начинаешь дрова пилить, смотришь — проволочка, а проволочка тянется к месту, где они хранили посуду красивую, ткани. Находили бутылки с соевым маслом, водкой, коньяком. На берег пойдешь — что-нибудь найдешь. Каждый день ходи — каждый день что-нибудь найдешь, они как раз на берегу зарывали, песок размывает. Однажды пошли мы за ягодой, я нашла бугорок, разрыла его, а там очень много посуды, со мной были подруги, и все растащили.

Через несколько лет приходили эти японцы на кавасаки в шубах, полотенцами завязанные.

У нас были балаган и бат, мы пластали рыбу и вешали, на костре жарили и с солью ели. Мы ели свежие головки, отрезаешь и с солью ешь. Отец убивал медведя, сало солили, хватало надолго. Охота была хорошая на медведя, оленя, гуся, утку. У нас было восемь собак, с Уки ездили до Ключей, с Ключей к нам дядя Степан Юрьев приезжал. Приезжали корейцы, они съели наших собак. Было много переселенцев из России.

Я уехала с Уки в 1956 г., у нас остался там рубленый дом. Всех расселили, кого в Палану, кого в Карагу, многие уехали в Елизово. Мне очень нравилось там жить.

В Уке однажды было наводнение с моря, вода наступала».

В 1960-х гг. здесь базировался полк противовоздушной обороны, впоследствии переведенный в с. Крутоберегово Усть-Камчатского района.

Селение Ука исключено из списков населенных пунктов Камчатской области 13 декабря 1974 г.

Усть-Облуковино, селение. По версии местного уроженца М. Н. Косыгина, оно образовалось так. «На севере Соболевского района было такое село — Нижне-Облуковино из 30—40 дворов с населением 150—180 чел. Помню

камчадалов (около 80 %), здесь жили русские, украинцы и другие. Многие из них связали свою семейную жизнь с представителями местной коренной национальности.

Раньше жили от села в 20—25 километрах вверх по реке. Там проходила телеграфная линия Петропавловск — Хайрюзово, были все другие необходимые службы. Но ловить и сдавать лосось, тем самым обеспечивать семью продуктами и другими товарами, было несподручно — нужно быть ближе к морю. Отец мой, Николай Мануилович, проявил инициативу — построил в четырех километрах от моря дом с пристройками, перевез семью. И вслед за ним последовали почти все жители верхнего поселка».

По данным Приполярной переписи 1926 г. здесь имелось восемь хозяйств, жили 15 мужчин и 9 женщин. Сегодня селение не существует.

Утхолок, острожек (по-ительменски «Окальх»). Расстояние отсюда до Петропавловска по почтовому тракту считалось 742 версты. Острожек находился при речке Утхолок. В 1868 г. состоял из восьми жилых домов, его населяли 32 мужчины и 38 женщин, имелась православная часовня.

В 1876 г. здесь жили 66 чел., все неграмотные камчадалы. В острожке имелось 29 хозяйственных строений, в том числе: 15 балаганов, четыре ледника и одна баня. Жители содержали 16 лошадей, 14 коров и 114 собак. За сезон они поймали 42 475 рыбин, добыли 310 зверей, в том числе 44 соболя, 51 барана, 38 медведей, 142 нерпы и 34 оленя.

В 1901 г. численность местного населения составляла 69 чел.

В. Н. Тюшов, посетивший острожек в 1890-х гг., оставил его описание: «Отсутствие хорошего строевого лесу сказывается здесь в убогости всех построек. Как-то жалко выглядят маленькие покосившиеся, не то от ветхости, не то от незавидного искусства стройки, одиннадцать лачуг и маленькая, выделяющаяся своею новизною меж них, часовенка.

Она стоит посреди острожка и, кажется, удивлена сама, для чего она тут находится. Недоумение в ее маленькой фигурке. Острожек расположен на правом берегу извилистой тундровой реки того же имени, верстах в пятнадцати от берега моря, и вблизи довольно высокого увала, приблизительно в двести футов.

По словам жителей, в 1894 г. считалось всего населения около семидесяти человек, рогатого скота было пятнадцать голов и лошадей двадцать. По переписи 1890 г. было жителей 71 чел., по Дитмару — 58 чел. (в 1853 г.), по переписи 1897 г. — 91 чел. обоего пола...

Пушнина принималась по ценам: лучшая шкура большого медведя — 12 руб., лисица — 5 руб., соболь — 15 руб., нерпа — 1 руб. и волк — 3 руб.

В зиму 1894 г., по словам жителей, соболей было добыто всего пять штук, лисиц — тридцать...»

А вот что представлял собой Утхолок в 1923 г.: «Селение имеет домов 10, балаганов (сараев) — 10, амбаров — 4, бани — 2. Численность населения: взрослых мужчин — 23, женщин — 24, детей мужского пола — 13, женского — 17. Грамотных три человека, имеется школа, учитель и учащихся 13 чел. Парторганизаций нет. Вероисповедание православное. Часовню оборудовали под школу, попов нет. Имеется почтово-телеграфное отделение, государственных и других учреждений нет. Главное занятие жителей — охота, рыболовство и животноводство. Продукт охоты сдается японцам и проезжающим скупщикам в обмен на необходимый товар: продовольствие, мануфактуру и оружие. Спрос на спирт есть, доставляется таковой японцами.

Характер поверхности: болотистая и лесистая, род леса: березняк, кедровник, ольховник и тальник. Район с. Утхолок орошается следующими реками: Утхолок — шириною 15 саж., глубиною до 2-х саж.; Снатола — шириною 3 саж., глубиною до 4 арш. Полноводность бывает. Имеются озера, из них: Мальто, длиною 5 верст, Лонэ, величиною 3 кв. версты. Средняя температура зимы —25 грд., лета 15 грд. Снег падает часто, глубина доходит до $\frac{1}{2}$ сажени. Ветры сильные, курильские и юго-восточные. Пурги частые, заносы большие. Состав почвы — тундра, суглинок. Питьевой водой пользуются из рек, качество хорошее. Дорога идет по кошке 12 верст. Способ передвижения: вьючными, дорога болотистая и гористая. Переправы через реки бродами возможны только в мелководье, в большую воду переправляются на батах. Мостов, паромов нет. Состояние телеграфной линии удовлетворительное, проходит по крепкому мосту. Селение имеет 13 лошадей, вьючные, конских седел 13, собак 176, нарт 22, лодок 6, лыж 22 пары. Сведений об ископаемых не имеется. Охота и рыболовство мало развиты. Имеются кочевники-коряки в числе 20 чел., оленей имеют 2 000, собак 8, нарт одна. Занимаются оленеводством и кустарным ремеслом. Население благонадежное».

В 1926 г. Утхолок составляли 14 хозяйств и 99 жителей.

Е. П. Орлова сообщает: «Кроме... зимнего селения, имелось еще летнее стойбище, расположенное в самом устье реки. Оно являлось важнейшим местом морского зверобойного промысла и отчасти рыбного. Ительмены Утхолока ловили также рыбу в устье соседней реки Квачины, куда заходило большое количество семги... На летовье население Утхолока проводило почти половину своей жизни. Туда съезжались для морской охоты люди из соседних селений, так как вблизи Утхолока находится «вторая лежка» нерпы, сивуча и других морских зверей».

В феврале 1930 г. здесь был организован колхоз «Победа». В 1936 г. он состоял всего из 13 хозяйств с 62 колхозниками, из них 27 трудоспособных. По итогам года доход на одного трудоспособного составил 1 210 руб.

В 1933 г. в селении в 16 домах жили 84 чел.

В настоящее время Утхолок не существует.

Хайрюзово, острожек, селение. Одно из самых крупных ительменских поселений (по-ительменски «Плахан»). Е. П. Орлова сообщает, что оно расположено у слияния двух рек: Плахан (Быстрой) и Тулахан (Тихой), образующих реку Хайрюзову, на правом берегу реки Тулухан в 37—40 километрах от Охотского моря.

Хайрюзово стало одним из первых камчатских острожков, где открылась школа. Вот что 13 июня 1757 г. доносил местный тойон: «Ко обучению же наших детей славенороссийской грамоты определить из обучающихся в Тигильской или Ичинской школах достойного ученика из родников наших, а не русского, которого мы с родниками довольствоваться кормом, платьем и обувью, с платежом за него в казну ясака будем».

В 1868 г. в Хайрюзово имелось 19 домов, жили 90 мужчин и 92 женщины. Здесь действовала православная часовня. Расстояние до Петропавловска от селения оценивалось в 661 версту.

В 1876 г. численность населения составляла 199 чел.: 104 мужчины, 95 женщин, все камчадалы. Трое из них были грамотными. В селении, кроме часовни, имелись 22 дома, одна лавка. В число 62 хозяйственных построек входили две бани, 34 балагана и 11 амбаров. Жители содержали 33 лошади, 24 коровы и 238 собак. Урожай составил: картофеля — 472 пуда 13 фунтов, репы — 42 пуда 24 фунта. Охотники за сезон добыли 434 зверя, в том числе 235 нерп, 63 оленя, 31 медведь, 94 соболя и одного волка.

В 1901 г. численность местного населения выросла до 276, а в 1910 г. — уменьшилась до 201 чел.

Событием для сельчан стало открытие здесь в 1902 г. новой школы. Составленная позднее «Летопись Хайрюзовской школы» сообщает, что первым учителем в ней был ительмен-самоучка Александр Максимович Данилов, самостоятельно выучившийся грамоте по церковно-славянской азбуке. В «Летописи...» указано, что А. М. Данилов заготавливал бересту, на ней писал углем. Летом учитель с детьми собирал цветы, сушил их, потом выпаривал и получал синюю краску, которую использовали вместо чернил.

В 1908 г. в школу, обращенную в церковно-приходскую, приехал русский учитель Дмитрий Васильевич Новиков. Он учил ребят до 1912 г., когда его сменил местный житель Иннокентий Николаевич Косыгин. Но последний зарекомендовал себя отрицательно, и поэтому с 1913 по 1916 г. учитель снова был приезжим.

В летописи указывается, что учитель много внимания уделял изучению естествознания, стремясь проходить его курс на природе. В результате школа превратилась в маленький музей, экспонаты для которого собирали местные ребятишки. «Он свои занятия с детьми проводил среди природы: собирал растения, камни, делал чучела птиц, производил раскопки среди давно заброшенных юрт, нашел орудия каменного века, выкопал челове-

ческий скелет... учил детей переплетать книги. Школа при нем была обнесена оградой, обсажена деревьями...»

В 1916 г. в Хайрюзово приехал священник. Его жена стала преподавать в школе. Вся деятельность предыдущего учителя по созданию музея была признана «вредной», и трехлетняя работа в течение нескольких дней была уничтожена.

В 1923 г. была составлена следующая характеристика Хайрюзово: «Селение имеет 41 дом, 41 балаган, 7 бань, 41 амбар. Численность населения: взрослых мужчин — 85, женщин — 90, детей мужского пола — 20, женского — 35, грамотных — 40 чел. Имеется одна школа, учитель и учащихся 23 чел. Комсомольских ячеек и Союза молодежи нет. Вероисповедание православное, имеется одна церковь, содержат попа, есть почтово-телеграфное отделение и кооператив, других государственных учреждений нет. Главное занятие — охота, рыболовство и животноводство. Предметы охоты сдаются в кооперативе, имеющемся отделении Гудсон-Бей, Свенсону и проезжающим коммерсантам. Торговля происходит на обмен необходимых товаров: продовольствие и мануфактуру. В летнее время привозится спирт японцами. Доверенные отделений фирм: Гудсон-Бей — Косыгин, Свенсона — Орлов.

Характер поверхности: тундра, покрытая лесом, черный березняк, тополь, ольховник и тальник. Протекает река Туляхен шириною 50 саж., глубиною доходит до 2 саж., отличается полноводностью; река Быстрая — шириною 40 саж., глубина до двух саж., есть озера и болота. Средняя температура зимы —25 грд., лета 15 грд. Глубина снега 1½ арш., падает часто. Ветры сильные юго-западные и восточные, пурги часты, заносы большие. Состав почвы: глина и суглинок. Питьевой водой пользуются в зимнее время из рек, в летнее — из колодцев. Расстояние до с. Ковран — 35 верст, имеются тропы, дорога идет по гористому болотистому месту. Способы передвижения: в летнее время вьючными, переправа через малые реки возможна бродами, через большие — исключительно на батах. Мостов и паромов нет. Телеграфная линия проходит по крепкому мосту. Селение имеет 10 лошадей, из них вьючных 9, седел конских 9, собак 750, нарт 70, телег и саней нет. Кунгасов 5, батов 40, лыж 65 пар, коров 35. Сведений об ископаемых нет. Охотятся на соболя и медведя. Рыбные промыслы мало развиты. Имеются кочевники, ламутов 90 чел. Имеют оленей 4 000, собак 50, нарт 5. Занятие: оленеводство и кустарная работа. Население благонадежное».

В 1926 г. здесь было 49 хозяйств, преобладающей народностью являлись ительмены. В Хайрюзово жили 247 чел.: 122 мужчины и 125 женщин. Эта же численность населения сохранялась и в 1933 г.

В начале 1930-х гг. здесь создается колхоз имени И. В. Сталина. В 1936 г. в нем имелось 56 хозяйств, 160 число колхозников, в том числе 90 трудоспособных. По итогам года доход на одного трудоспособного составил 1 552 руб.

Халактырка, селение. Находилось вблизи устья одноименной реки. С. П. Крашенинников указывает, что на север от реки Авачи находится «... первая речка называемая Кылыгы, а от казаков Калахтырка... При ней есть острожек, Макошху имянуемой».

В период эпидемии оспы 1799—1800 гг. население острожка вымерло. Но постепенно на реке стали селиться отставные матросы и солдаты, а также ссыльные.

К. Дитмар во время поездок по Камчатке, в 1854 г. застал в устье реки Калахтырки жилую юрту. «Версты на три выше первой юрты на той же реке стоит вторая. Также жилая, а еще шестью верстами выше последней начинается уже озеро Калахтырка...»

Описывая местных жителей, он отмечает: «В них живут несколько старых, отставных матросов, коротающих свою одинокую жизнь в рыбной ловле и охоте. Еще глубже в этом прекрасном уединении стоит один домик на берегу реки Тойоннской... Здесь устроился на жилье сосланный в Камчатку 28 лет тому назад из Гродненской губернии старый поляк Гордеев...»

О хуторе на Халактырке вспоминает Ю. Г. Завойко, жена губернатора Камчатки В. С. Завойко. Это место намеревались использовать для эвакуации жен и детей в случае нападения англо-французской эскадры на Петропавловск.

В 1868 г. Халактырка в официальных документах числилась как «заимка городских обывателей». Здесь по списку населенных мест Петропавловского округа учтено пять хозяйств и проживали 13 мужчин и 13 женщин.

В 1876 г. в селении жили уже 33 чел. Среди них преобладали отставные казаки с семьями — 19 чел. Кроме них, имелись четверо мещан и трое камчадалов. Грамотных было двое, малограмотных — один.

В селении стояли восемь домов, из хозяйственных построек — четыре амбара, одна баня, пять стай и семь балаганов. Селяне держали три лошади и 28 коров, а также 77 собак. За год местные охотники добыли 20 соболей, четыре лисицы и две выдры.

А. Кириллов, составитель «Географо-статистического словаря Амурской и Приморской областей», изданного в Благовещенске в 1894 г., привел такую характеристику селению: «В 1888 г. в нем было восемь дворов и жителей 18 душ мужского и 20 женского пола; население состоит из отставных нижних чинов и крестьян».

Иеромонах Нестор в начале XX в. записал: «В 16 верстах от Петропавловска находится весьма небольшое селение Халактырка; жители Халактырки занимаются рыболовством и звериным промыслом, чем и прокармливаются».

В период гражданского противостояния (1920—1922 гг.) в Халактырке одно время находился военный совет, руководивший партизанским движением. Из местных жителей был создан партизанский отряд. Один из руководителей

партизан И. Е. Ларин 15 июля 1922 г. записал в дневнике: «12 июля в 4 часа утра Халактырский отряд числом 9 человек обстрелял заставу в здании семинарии. Часовой жив. Поставили на Петропавловской (сопке. — В. Б.) флаг, с их стороны ответа не было. Со стороны радио тоже были, ничего не выдали. Результат перестрелки пока неизвестен...»

С установлением советской власти в селении был организован сельский революционный комитет. В одном из первых отчетов о своей работе с 25 июня по 25 сентября 1925 г. он указывал: «1. Халактырский сельревком находится от Волости (Елизовской. — В. Б.) сорок семь верст. 2. Сельревком распоряжается одним селом Халактырка, в селе восемь дворов, мужчин 11, женщин 14, взрослых, от 15 лет до 18 лет — 5 человек, детей 17 душ. 3. Сельревком состоит из 3 человек. Председатель Василий Александрович Сахаров, 25 лет, малограмотный, беспартийный, избран 17 мая 1925 года, член Ольга Вл. Стрелкова, малограмотна, беспартийна, 20 лет, избрана 17 марта сего года. Секретарь Иван Ник. Косыгин, 39 лет, грамотный, беспартийный, избран 4 марта».

За пятьдесят лет, прошедших с момента переписи 1876 г., население выросло всего на 13 чел. По Приполярной переписи 1926 г. в селении было учтено семь хозяйств, 25 мужчин и 26 женщин, всего 51 чел.

В хозяйствах села имелось восемь сараев, столько же батов и неводов, четыре сети, 17 нарт. Охотники имели 10 гладкоствольных и 12 нарезных ружей и 41 капкан.

В начале 1930-х гг. в Халактырке был создан колхоз, в который вступили почти все жители. О результатах его деятельности областная газета «Камчатская правда» писала 16 февраля 1938 г.: «Халактырский колхоз (Петропавловский район) закончил составление отчета за 1937 г. По ведущим отраслям хозяйства план выполнен, а по развитию животноводства перевыполнен. За истекший год колхоз произвел большие капиталовложения. Неделимый фонд колхоза возрос до 640 175 руб. Трудодень колхоза в этом году оценен в 11 руб. 75 коп. Из них 2 руб. 62 коп. продуктами.

Хорошо заработали: Косыгин Иван Николаевич, выработавший 392 трудодня и получивший 3 576 руб., Молокова Мария Николаевна — 220 трудодней и получившая 2 003 руб., Львова Софья — 206 трудодней и получившая 2 000 руб.».

В этом же номере газета сообщала о достижениях местных охотников: «Семнадцатилетний охотник села Халактырка Николай Косыгин упрямил восемь лисиц, 16 горностаев и одну россомаху. Свой годовой план он перевыполнил в два с половиной раза. Камчатское отделение Дальзаготпушнины премировало Косыгина 150 рублями...»

В 1938 г. Лодия Берингова моря извещала моряков о месте нахождения селения: «Река Калахтырка протекает в долине. Длина реки около 4,5 км, и близ устья ее расположено небольшое селение».

Постепенно жизнь селян улучшалась, хотя медпункт здесь открылся только в 1950 г. «Камчатская правда» 9 мая 1950 г. в заметке «Медпункт не оборудован», сообщала: «В селе Халатырка открылся медпункт. Помещение для него не оборудовано, нет печи. Врачу Михайловскому приходится работать в плохих условиях».

Роковым для Халатырки стало 5 ноября 1952 г., когда после сильнейшего землетрясения на Курилы и восточное побережье Камчатки обрушилось цунами. Морская волна с моря достигла селения и одновременно стала подниматься по реке вверх. Ситуация в селении была близка к панике. Водой затопило 13 домов. После ухода воды обнаружили, что уничтожено три дома. Были и погибшие: двое взрослых и один ребенок.

В связи с остававшейся угрозой цунами селение Халатырка в 1958 г. было закрыто. Оно давно исключено из списка населенных пунктов Камчатской области.

Хомутино, селение. Располагалось на левом берегу реки Хомутиной, впадавшей в Охотское море. Ближайшие населенные пункты: на север — Кихчик, на юг — Утка. Расстояние до Усть-Большерецка составляло 59 верст.

Возникло селение, видимо, в начале XX в. и просуществовало недолго. Перепись 1926 г. учла здесь всего два хозяйства. Национальность жителей — русские, всего двое мужчин. Но уже в материалах, изданных по итогам переписи, указывалось: «Даже в Петропавловском уезде... наблюдается... исчезновение селений... Совершенно исчезли... Хомутино... в Большерецкой волости».

Хутор, селение. Краевед В. П. Кусков считал, что оно «возникло в 1852 г. как ферма Камчатского земледельческого общества». Но по имеющимся у нас данным, в 1852 г. эта компания уже не существовала.

В 1830 г., когда по инициативе начальника Камчатки А. В. Голенищева была основана «Камчатская земледельческая компания», учредителями которой выступили 29 чел., ее общий капитал составил 5 700 руб.

По данным И. И. Огрызко, хутор на берегу р. Авачи был основан как участок для сельскохозяйственных опытов в 1830 г. Здесь построили дом и скотный двор, завезли скот и инвентарь, распахали пять десятин земли. Зерновые сеяли с 1830 по 1836 г., но результаты были получены неудовлетворительные: «Все позябло от инеев».

В 1840 г. отставной казак Чарков откупил хутор у Камчатской земледельческой компании и стал успешно выращивать картофель и овощи, занялся животноводством. В 1843 г. у него было уже 14 голов скота.

В 1868 г. от Хутора до Петропавловска считалось 24 версты, жителей было 31 чел., в том числе 17 мужчин и 14 женщин. По переписи 1876 г. здесь проживали 10 мужчин и шесть женщин, из них всего трое грамотных. По сослов-

ной принадлежности к морскому ведомству относились семеро, к мещанам Петропавловска — девять человек.

Селение составляли три дома и одна юрта, восемь амбаров, четыре балагана, две стаи и баня. Жители содержали одну лошадь, 20 коров и 43 собаки. Они добыли четыре соболя, пять лисиц, поймали 18 100 рыбин.

В. Н. Тюшов в 1890-х гг. отмечал «постройки, которых вместе с вешалами и скотными дворами оказалось семнадцать штук». Он писал: «Жилых домов только два. В этом селении живут только две семьи... Именно к 1851 г. нужно отнести и самое возникновение поселка, долженствовавшего быть, по плану В. Завойко, образцовой фермой по скотоводству и земледелию. Семья Ворошилова до сих пор живет в этом хуторе-ферме, ничем не отличающемся от других камчадалских поселений».

В селе в конце 1920-х гг. жил Герман Васильевич Поротов, отец известного камчатского поэта и писателя Георгия Поротова. Здесь же 3 мая 1929 г. родился и сам писатель.

В 1932 г. в Хуторе организовали первую на Камчатке Петропавловскую машинно-тракторную станцию. В 1938 г. здесь появился плодово-ягодный питомник.

В годы Великой Отечественной войны местные жители оказывали посильную помощь фронту, подписывались на государственный заем, собирали наличные деньги, теплую одежду для фронтовиков. Готовили и специалистов. В докладной записке заведующего военным отделом обкома ВКП(б) Шевцова, датированной 5 января 1942 г., указывалось: «т. Колегин (фельдшер села Хутор) подготовил всех колхозников села на значок ГСО первой ступени. В настоящее время он подготавливает трех медицинских сестер запаса из колхозниц, организовал четыре санпоста и добился оснащения их имуществом».

После войны селение Хутор вошло в черту города Елизово.

Шиково, селение. Датой его образования считается 1918 г. Шведский путешественник Э. Гультен, называвший его «Сиковая», относил селение «к чисто русским».

В одном из отчетов Камчатскому губревкому, датированному 1923 г., в качестве причины образования селения называлось следующее. «От селения Апача отделилось трое жителей, которые образовали новое селение от Апачи в шести верстах к югу на реке Шиково. Селение называется “Шиково”. На этом месте под землей имеется нефть, которая выступала из дна реки лет шесть тому назад (1917 г.) в виде чистого керосина».

По материалам Приполярной переписи Камчатского округа 1926 г., Шиково относилось к Апачинскому сельсовету, в нем было всего три хозяйства с населением 11 чел.: 6 мужчин и 5 женщин. Грамоту знали лишь пятеро. Перепись признала всех жителей камчадалами.

С 1930-х гг. на географических картах селение более не указывалось.

Шубертово, поселок рыбокомбината. Находился южнее Усть-Камчатска. Название получил от мыса Шуберта, который был так наименован в 1900 г. мореплавателем Ф. Геком.

Расстояние от Шубертово до Петропавловска определялось в 275 морских миль. Ближайшие населенные пункты: на север японский рыбоконсервный завод фирмы «Ничиро», с 1945 г. именовавшийся «Крюгер», на юг — поселок геологов Кроноки.

До советизации Камчатки здесь находился частный завод фирмы «Торговый дом бр. Люри». В 1933 г. завод перешел в ведение Акционерного Камчатского общества. Первоначально он входил в состав Усть-Камчатского рыбокомбината, но в 1934 г. обрел самостоятельность. Комбинат имел две рыбообрабатывающие базы, расположенные друг от друга на расстоянии 35 км. Общая протяженность береговой полосы комбината в Камчатском заливе составляла 96 км.

Комбинат в 1935 г. имел свое подсобное хозяйство: три лошади, 11 голов крупного рогатого скота, 20 свиней. Имелось и 77 ездовых собак. Флот предприятия составляли 10 кунгасов и три катера. Засольное оборудование включало 10 брезентовых чанов общей емкостью 1 000 ц.

В 1936 г. начал выходить «орган политотдела Шубертовского рыбокомбината» — газета «Коммунист». План добычи на этот год устанавливался равным 10 000 ц, в том числе 9 600 — лосося и 400 — сельди.

В мае 1939 г. на пароходе «Минск» в комбинат прибыл демобилизованный из Красной Армии П. Т. Передерий. Вначале он работал курибаном (приемщиком плавсредств), затем ловцом на ставном неводе, а потом стал трактористом. Спустя много лет, в 1990 г., в Усть-Камчатске ему передали повидавший виды и сменивший многих хозяев списанный трактор, на котором он некогда начал работать.

В 1940 г. Шубертовский рыбокомбинат выловил 8 336 ц, выпустил 8 293 ящиков консервов, засолил 3 330 ц рыбы. В это время в поселке имела небольшая больница на шесть коек.

В начале Великой Отечественной войны на 5-м пленуме Камчатского обкома ВКП(б) о работе предприятия говорилось: «Шубертовский рыбокомбинат перевыполнил план путины в полтора раза. Трудящиеся внесли до 500 тыс. руб. денег и до 1 500 тыс. руб. облигациями».

Кроме производственной деятельности много времени на комбинате уделялось политическому воспитанию рабочих и служащих. Так, областная газета «Камчатская правда» 26 мая 1942 г. сообщала: «В Шубертовской парторганизации агитаторами работают член ВКП(б) химик т. Семенов, инженер-технолог т. Турбаба, директор комбината т. Карев, акушерка т. Водюшкина, главный бухгалтер т. Пасов и др.».

Во время войны руководителям и рабочим приходилось работать в крайне сложных условиях. Так, в 1944 г. на комбинате имелась всего одна энергоустановка мощностью 10 кВт при потребности в электроэнергии 50 кВт.

Районная газета «Большевицкий путь» 13 апреля 1944 г. отмечала: «В честь 1 мая коллектив Шубертовского рыбокомбината объявил стахановскую декаду. Каждый рабочий взял обязательство ежедневно выполнять по две нормы. Первые дни стахановской декады показали, что трудящиеся комбината держат свое слово крепко. Так, лесорубы Иванов, Орлов дают по 270 % задания, слесари Соснин и Курдюков — 306 %...»

В 1944 г. комбинат имел единственный автомобиль ГАЗ-42.

По состоянию на 1 января 1946 г. Шубертово характеризовалось следующими данными. «Поселок... находится в 50 км от сельского совета. Связь сельсовета с поселком осуществляется крайне недостаточно. Средствами живой связи служат в навигационный период мелкие промысловые мотоединицы (катера, кавасаки), а в другое время — через обмен пешеходами по труднопроходимой тропе морского берега. На протяжении 17 км этот путь нередко бывает непроходимым, так как здесь скалы близки к морю, и во время прилива, зыби, не говоря уже о морском шторме, на тропе бушуют волны. Таким образом, поселок Шубертово и сельский совет регулярной связи между собой не имеют. В поселке расположены рыбоконсервный завод, неполная средняя школа, больница, детские ясли, почтовое отделение, сберкасса, рыбный кооператив и другое. Рабочих в поселке — 750 чел.

В 9 км от поселка Шубертово находится вновь переданный Шубертовскому комбинату рыбоконсервный завод № 150, где также в 1946 г. будет строиться рабочий поселок, рассчитанный на 800 чел. взрослого населения. Поселок необходим для производственной деятельности рыбоконсервного завода. Вместе с этим здесь будет разворачиваться и сеть социально-культурных учреждений, призванных обслуживать трудящихся предприятия».

В апреле 1946 г. в Шубертово жили 1 200 чел., из них 711 трудоспособных взрослых и 489 детей. Посевная площадь составляла 13,5 га. Крупного рогатого скота имелось 76 голов. Частный жилфонд включал 92 дома. Здесь находились два рыбозавода. Социально-культурные учреждения: почта, школа, торговая организация, детсад, больница, заводской комитет, клуб, парикмахерская.

Результаты труда шубертовцев регулярно освещались в областной печати. Так, 16 июня 1950 г. «Камчатская правда» сообщала: «За один день рыбаки комбината добыли и доставили на обработку около тысячи центнеров высококачественной рыбы. Богатые уловы взяли в этот день бригада ставного невода т. Егорова, добывшая 350 ц, бригада т. Бурмак — 270 ц...»

7 июля 1950 г. «Камчатская правда» поместила материал о работе рыбаков из Шубертова: «Большую трудовую победу одержала ловецкая бригада Шубертовского комбината, возглавляемая т. Бурмаком. Встав на стахановскую

вахту мира, передовые рыбаки 14 июля завершили выполнение годового государственного плана. Сверх задания бригада доставила на обработку 100 ц рыбы».

Молодежь поселка занималась его благоустройством. Вот что рассказывала об этом 30 июля 1950 г. «Камчатская правда»: «Комсомольцы и молодежь Шубертовского рыбокомбината... под руководством секретаря комбината Раисы Молодцевой посадили много деревьев на улицах поселка консервного завода № 64. Все посадки огорожены».

А так о жизни в Шубертово вспоминает М. К. Фомин: «Я имел специальность ветеринарного фельдшера. Мне поручили обслуживание животных подсобного хозяйства и частного сектора. Скота у населения было много. Очень хорошо, по-отечески к нашей семье отнеслись директор рыбокомбината Иван Павлович Доний, его заместитель Алексей Мефодьевич Лагоза, секретарь партбюро рыбозавода № 66, начальник планового отдела Григорий Иванович Шилов и заведующий подсобным хозяйством Николай Евменович Сажин. Эти люди мне помогали стать на ноги и только что отделившемуся от родителей правильно устроить самостоятельно семейную жизнь.

Пока была занята квартира на подсобном хозяйстве, расположенном в полутора километрах от поселка, нас поселили в квартире секретаря парткома, который находился в отпуске, а через месяц мы жили уже в своей квартире. Заработная плата у меня была 750 рублей, надбавок, разумеется, не было, а коэффициент в то время не действовал... Мешок картофеля стоил 150 рублей. Его они мне разрешили выписать со склада. Рыбных продуктов было много, чем мы были довольны. Заключение трудовой договор на три года, и работа пошла. Все население двух поселков и еще рыбозавода № 65 Ничира было довольно моей работой... На подсобном хозяйстве дойное стадо состояло из 25 коров, рабочих лошадей было 40 голов, ухаживал за ними замечательный человек, сибиряк, бывший плотогон Иннокентий Иванович Симонец».

Из-за уменьшения подходов лосося к берегам Камчатки в начале 1950-х гг. обострилась проблема обеспечения сырьем мощностей комбината. К тому же неподалеку действовали рыбаки Усть-Камчатского комбината. В итоге было принято решение о закрытии Шубертовского комбината.

В 1957 г. на Усть-Камчатском рыбокомбинате была создана комиссия, в задачу которой входила ликвидация предприятия. Часть жителей переселилась в Усть-Камчатск, часть уехала в другие места полуострова. Шубертово было исключено из списков населенных пунктов Камчатской области 14 февраля 1964 г.

Автор продолжает работу по сбору данных о населенных пунктах Камчатки. Буду признателен всем, кто поделится со мной своими воспоминаниями, а также документами и фотографиями, имеющими отношение к затронутой в этой статье теме.

**ИЗ ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО ФИНАНСОВОГО
КОНТРОЛЯ НА КАМЧАТКЕ В XVIII — НАЧАЛЕ XX вв.**

*И Камчатка до тех пор останется странною
неплодородною, пока надзор за нею не будет по-
ручен добросовестному и разумному человеку...*

Г. В. Стеллер, 1740 г.

*Нельзя, в самом деле, подумать, чтоб при
столь великом расстоянии приказания и угрозы
Государя могли всегда удержать их от злодея-
ний. Опыт довольно показывает; напротив в про-
странстве Российского государства, что могу-
щество ослабевает по мере, как оно удаляется
от своего центра...*

Ж. Б. Лессенс, 1788 г.

*И как обыкновенно редки истинные патрио-
ты, предпочитающие общественную пользу своей
собственной: то управление Камчаткой будет
всегда целью для начальников, или выиграть что-
нибудь за отдаленное служение свое, которое мо-
гут они украсить донесениями своими, или при-
обрести себе разными способами богатство и сде-
латься в Камчатке совершенным деспотом, в той
надежде, что отдаленность не допустит до слу-
ха высшего начальства и самих противозаконных
поступков*

И. Б. Пестель, 1810 г.

В ходе исторического развития России накоплен значительный опыт организации и осуществления государственного финансового контроля, в том числе и на региональном уровне. Благодаря специфике его становления и развития на местах, изучение исторического опыта позволяет устанавливать как общие закономерности, характерные для всей страны, так и выявлять особенности, свойственные отдельным административно-территориальным единицам государства.

Между тем, специальные исследования становления и развития государственного финансового контроля на Камчатке не проводились. Более того, финансовый контроль в России в целом изучался, в основном, на материалах высших органов власти и примерах центральных регионов страны. Главное внимание исследователей Северо-Востока России было преимущественно сосредоточено на изучении истории ясачного обложения местного населения, вопросы же государственного финансового контроля рассматривались

поверхностно. Вне поля исследования оказались проблемы правового регулирования отношений в рассматриваемой сфере государственного управления. В результате, история государственного финансового контроля на Северо-Востоке России в целом и на Камчатке в частности изучена неравномерно, фрагментарно и не в полном объеме. Тем не менее, большой заслугой авторов различных публикаций явилось накопление разнообразного фактического материала по многим важным аспектам этого вопроса. Все это позволяет сделать вывод о необходимости дальнейшей разработки обозначенной темы.

В отечественной истории традиционной датой присоединения Камчатки к Российскому государству считается июль 1697 г., когда во время знаменитого похода анадьрских казаков во главе с Владимиром Атласовым в 1696—1699 гг. около устья реки Кануч был установлен памятный крест, символизирующий вхождение «новоприисканной Камчадальской землицы» в состав православной России. Исходя из административного устройства России тех лет, Камчатка стала частью Якутского уезда (до 1731 г.), подчинявшегося Сибирскому приказу.

Долгое время считалось, что основной причиной, заставлявшей русских продвигаться на восток, являлся сугубо экономический интерес: государственная казна нуждалась в пополнении из-за глубокого кризиса экономики и дополнительных военных расходов. Вследствие этого в исторических исследованиях подчеркивалось, что сбор ясака — по определению С. В. Бахрушина, дани, с чертами принудительной меновой торговой сделки, установленной законом, признака подданства — считался одним из главных направлений русской политики в Сибири. Именно ясак, вносимый «иногородцами» в казну, как правило, пушшиной («мягкой рухлядью»), рассматривался исследователями как мотив для «приискания» Россией «новых земель». Как писал С. В. Бахрушин, «это была та притягательная сила, которая побудила царское правительство перейти за Урал и присоединить всю территорию к востоку от него до Тихого океана» [4, с. 49].

Здесь нельзя не согласиться с мнением М. О. Акишина: «Над советской историографией довлела ленинская мифологема о Сибири, как «колонии в экономическом смысле слова» [41, с. 56]. Однако благодатная почва для мифа о Сибири, как о финансовом доноре российского бюджета, была предоставлена историкам задолго до советского периода.

«Царского величества подьячий» Г. К. Котошихин в своем сочинении «О России в царствование Алексея Михайловича» предположил, что в XVII в. сибирская «рухлядь» приносила в казну по 600 тыс. руб. ежегодно. Это в то время вполне могло составлять треть общегосударственного бюджета: «А сколько числом тое казны придет в году, того описати не в память, а чайть тое казны приходу в год болши штисот тысяч рублев» [22, с. 116].

Такая цифра получила очень широкое хождение и в отечественной историографии, и в обыденных представлениях.

Так, об особенном интересе к Сибири, как стране, «откуда получают дорогие меха», писал и один из самых первых исследователей российской ясачной политики П. М. Головачев. По его мнению, эксплуатация территории именно в этом отношении представлялась особенно важной, и правительство не жалело усилий для обеспечения постоянного и непрерывного притока дорогих мехов из Сибири. «Получать с инородцев ясак, “промышлять новые землицы” для обложения — вот вся административная политика в то время, вся государственная мудрость московского правительства по отношению к Сибири. Это было первобытное отношение сильного к слабому, победителя к побежденному», — констатировал П. М. Головачев в своей статье «К истории ясака в Сибири» [10, с. 1].

Между тем, сегодня обобщение полученных историками данных приводит к выводу о том, что в течение всего XVII в. доля Сибири в общегосударственном бюджете была крайне незначительна (4,92 % в 1680 г. и 4,45 % в 1701 г.). В этой связи среди части историков-сибиреведов возобладала иная, противоположная точка зрения, согласно которой освоение Сибири русские самодержцы рассматривали не как узкофискальную задачу, а как общегосударственное дело [9, с. 41; 7, с. 119; 41, с. 54—56].

Что касается собственно государственного финансового контроля, то можно по-разному подходить к вопросу о дате его формирования и первых шагах по развитию на Камчатке. По нашему мнению, некоторую неясность в ответ на вопрос о начальной точке отсчета в развитии финансового контроля на Камчатке внес первый исследователь административной истории региона С. П. Крашенинников.

В своем фундаментальном труде «Описание земли Камчатки» он приписал авторство в создании первой учетной документации по сбору ясака — ясачных книг — десятнику Михайле Зиновьеву (Многогрешному). Так, на вопрос «книги ясачные для збору зачаты кем», С. П. Крашенинников утвердительно отвечает, что это сделал казак «Михайла Зиновьев, первый сборщик ясака» [24, с. 306, 309]. Аналогичной позиции придерживаются также А. С. Сгибнев [51, с. 14], Н. В. Слюнин [54, с. 18], П. А. Словоцков [53, с. 147] и многие другие.

Однако с этим трудно согласиться по следующим причинам. Во-первых, Владимир Атласов хорошо знал, как надлежало собирать ясак. Первые шесть лет своей службы (1682—1688 гг.) Атласов, как сборщик ясака, провел в хорошо обжитых районах юго-восточной Даурии, где ясачный режим действовал уже свыше сорока лет, и где население давно привыкло платить ясак «по вся годь» и без «облушания» [47]. В 1688—1689 гг. Атласов (вместе с другим сборщиком Михаилом Гребенниковым) не избежал следствия

по жалобе ясачных якутов «за воровство их и за озорничество, и за бой, и за увечья и разорение», в результате чего был бит публично «кнутом на козле нещадно» и дал поручную запись, что впредь он будет «не воровать и не озорничать» [27, с. 43, 50].

Во-вторых, несмотря на то, что ясачные книги Владимира Атласова до сих пор не обнаружены, благодаря работам Б. П. Полевого нам известно, что такие документы на Камчатке были заведены все-таки при Атласове: в описях якутского архива 1703 г. упоминаются «две книги зборные ясачной соболиной и лисичной казны новопостроенного камчадальского острога и анадырского зимовья за рукою зборщика Володимера Отласова 206 и 207 годов», то есть за 1697—1698 гг. [36, с. 88]. Как установил Б. П. Полевой, в июле 1699 г. В. Атласов вернулся в Анадырский острог, доставив ясачные книги, которые подтверждали, что многие камчадальские острожки согласились быть под державной рукой русского царя [18, с. 18].

В-третьих, нельзя забывать и о том, что начало похода В. Атласова совпало с энергичными попытками центрального правительства пресечь массовые финансовые злоупотребления в Сибири. В 1690-х гг. появился ряд царских указов, направленных на узаконение принципов, методов и техники получения ясака, а также (что самое главное) на регламентацию порядка его сбора и документального учета [16, с. 137—138].

Предположим, что такая законотворческая активность того времени была обусловлена результатами ревизии — розыска под руководством Федора Родионовича Качанова (1691—1696 гг.), «отчего учинился недобор ясачной, и про винное заповедное куренье, и что е. и. в. указу чинят противно...» Надо сказать, что данной ревизией были вскрыты массовые злоупотребления якутской администрации и служилых людей при сборе ясака, собраны документы о незаконном винокурении, нелегальной торговле, коррумпированности якутской администрации. В 1696 г. Ф. Р. Качанов возвратился в Москву и «предъявил изустно» об итогах розыска Петру I [41, с. 371].

Следовательно, первопроходец Владимир Атласов не мог не знать о необходимости ведения документального учета собранного ясака, поскольку такого нерадения к делу вообще, и к государственной казне в частности, ему бы точно не простили. Известно, что в июне 1700 г. ведомственные контролеры тех лет — подьячие «ясашного стола» Якутской приказной избы — указали Атласову, что часть камчатской ясачной казны документально не оформлена. Несмотря на торжественность встречи первопроходца и его объяснения причин нарушений отсутствием писчей бумаги, настояли на том, чтобы Атласов сел за стол, вспомнил и записал имена тех «киноземцев», с которых он взял ясак: «...а книги де он, Володимер, вышеописанной ясачной сборной казне, с кого имяны что взял, подаст за своей рукой вскоре. А дорогою де он, Володимер, тех книг не написал, потому что не было у них писчие бумаги»

[27, с. 110—111]. Как верно заметил Б. П. Полевой: «Местные власти вынуждены были мириться с тем, что сообщения о географических открытиях были предельно краткими, но они никогда не прощали “приказным” любые нарушения в ведении учетных книг» [37, с. 124]. Кроме того, в Российском государственном архиве древних актов имеется ясачная книга первого камчатского приказчика (1702—1703 гг.) Тимофея Родионовича Кобелева [34, с. 17; 36, с. 125].

Таким образом, очевидно, что «книги ясашные для збору», составленные Зиновьевым, были не первыми. Но, тогда по какой причине именно на него — Зиновьева (Многогрешного) — обращает наше внимание Крашенинников?

Для ответа вновь вернемся к его описанию Камчатки, в котором он указывает, что Михайло Зиновьев «во время бытности своей первой он завел ясачные книги, в которыя Камчадалов поимянно начал вписывать» [24, с. 196]. По нашему мнению, речь здесь идет о том, что Зиновьев изменил порядок ведения ясачных книг, применявшийся до него, в том числе произвел учет ясачных плательщиков поименно и занес их в ясачные книги.

Все дело в том, и это особенно важно заметить, что и Владимир Атласов, и Тимофей Кобелев были самыми первыми, кто приводил местное население «под твою великую государеву высокую самодержавную руку в вечное холопство в ясачный платеж», и поскольку об определенном, установленном заранее ясачном окладе речь идти не могла, они записывали ясачных коряков в неокладные ясачные книги. Причем, что тоже немаловажно — в неокладные ясачные книги Анадырского острога.

Надо сказать, что практика взимания ясака в Восточной Сибири знала две формы: окладной и неокладной ясак. Окладной ясак — это постоянный, зафиксированный сбор с «землицы», неокладной — сколько возьмется («брати б ясак поскольку будет мочно»). Окладным ясаком облагались те группы ясачного населения, которые уже упрочились в русском подданстве и были учтены в переписных ясачных книгах. Жители территорий, которые в силу их отдаленности от русских опорных пунктов, были еще не прочно закреплены в русском подданстве, платили неокладной ясак, часто в том размере, в каком они сами находили это нужным для поддержания дружеских отношений с русскими властями, по принципу: «ласкою и приветом, кто сколько сможет дать». Ясачный взнос состоял из собственно ясака — обязательного платежа — и добровольных приношений, так называемых «поминков» [9, с. 33]. Причем «поминки» состояли из мехов более высокого качества, а, следовательно, стоили дороже. Кроме того, в части «поминков» недоимки в сборе практически отсутствовали. Со временем «поминки» стали так же обязательны, как ясак, и полностью с ним слились [10, с. 13—14].

По нашему мнению, именно десятник Михаил Зиновьевич Многогрешный (прозвищем Черкашенин, племянник сосланного в 1672 г. в Сибирь

запорожского гетмана Д. И. Многогрешного), имевший многолетний административный опыт (в 1688—1690 гг. он состоял приказчиком на Колыме, а в 1693—1696 гг. — в Анадыре), во время своего правления (1703—1704 гг.) впервые сделал попытку к переводу сбора ясака на Камчатке с неокладной («повольной») формы на окладную.

Михайло Зиновьев, по характеристике, данной В. П. Маргаритовым, «отличался своею распорядительностью и внимание свое обращал, главным образом, не столько на расширение владений, сколько на устройство и укрепление за русскими тех острожков, которые были уже объясачены Атласовым и Кобелевым... Для более правильного ведения отчетности Зиновьев завел ясачные книги, куда вписывался собираемый ясак. Всех камчадалов разделили на три части, с подчинением каждой из них одному из трех русских острогов, управляемых отдельными «закащиками» [30, с. 7]¹.

Как справедливо заметил Ф. Г. Сафронов, регистрация ясачных по именам является одним из самых значительных достижений казаков в XVII—XVIII вв. — теперь стало можно собирать ясак со всего населения, без утайки душ [49, с. 93]. По нашему мнению, неокладной ясак не обеспечивал стабильных и высоких показателей в ясачном сборе, и, что самое главное, позволял ясачным сборщикам злоупотреблять. Ясачный оклад, напротив, выступал как единица обложения, основным содержанием которой являлось закрепление за каждым плательщиком индивидуального размера ясака, а, следовательно, позволял лучше осуществлять финансовый контроль в сфере ясачного обложения.

Но, чтобы оценить всю значимость и историческое значение сделанного Зиновьевым (Многогрешным) с точки зрения государственного финансового контроля на Камчатке, следует провести краткий экскурс в порядок учета собранного ясака, установленный в то время в Сибири.

Итак, в ясачные окладные книги (говоря современным языком — в реестр налогоплательщиков) заносились поименно все ясачные плательщики с определенным ясачным окладом. Вместе с тем, эти книги велись в острогах и ясачных зимовьях не только с указанием, кто, чем и сколько платит в данный момент, но, самое главное, с указанием, сколько плательщик должен будет внести ясака в будущем. Шкурки собранной ясачной пушнины «розбирали» (сортировали по видам) и связывали кожаными ремнями по сорок штук. Счет соболей вели по этим «сорокам», а лисиц — по десять штук. После этого меха укладывали в холщовые сумы «за государевою печатью», и вместе с собранным ясаком и ясачными книгами приказчики отправлялись в Якутск. В Якутске вновь проводилась строгая сортировка полученной пушнины, а после проверки ясачных книг составлялись сводные книги по уезду с указанием общего количества собранного. Затем пушнину отправляли в Сибирский приказ, где она подвергалась окончательному пересчету.

Кроме того, в Москву ежегодно отправлялись сметный и пометный списки. В сметном списке содержался отчет о результатах сбора ясака по уезду, острогам и зимовьям, то есть конкретно по каждому месту, а в пометном списке указывался ожидаемый сбор ясака в следующем году [49, с. 94].

Так фиксировалось количество не только собранного, но и планируемого ясака, и, следовательно, теоретически центральные и местные органы управления Сибирью могли бороться с экономическими злоупотреблениями и имели возможность планировать будущие доходы, а значит, и расходы [47].

В декабре 1708 г. было положено начало губернской реформе Петра I. В соответствии с Указом «Об учреждении губерний и о росписании к ним городов» все государство «для всенародной пользы» было разделено на восемь больших губерний (в том числе Сибирская с центром в Тобольске), и во главе управления каждой из них был поставлен губернатор. Именно на губернаторов был возложен надзор за финансовым управлением подведомственных им губерний: «И велено им в тех губерниях о денежных сборах и о всяких делах присматриваться, и для доношения ему Великому государю о тех губерниях готовым быть, где он Великий государь укажет».

В ходе губернской реформы весь Северо-Восток России, включая Камчатский полуостров, вошел в состав Якутского уезда, который, в свою очередь, входил в состав Сибирской губернии.

Приступая к проведению губернской реформы, царь предполагал, что губернатор будет управлять губернией вместе с четырьмя «губернскими персонами». Одна из них — обер-комиссар — должна была отвечать за денежные сборы [9, с. 42].

Но губернская администрация не сложилась сразу в окончательном виде (это произошло только в 1709—1710 гг.), а 1708—1709 гг. стали подготовительным периодом реорганизации: в это время готовились приходно-расходные книги, проводилась инвентаризация, сверялись размеры окладных и неокладных сборов, численность населения, составлялись штаты новых органов управления, уточнялись границы губерний, провинций и уездов.

Начиная с 1711 г. непосредственное руководство финансовой политикой в стране было возложено на Сенат, и в этой связи ему предписывалось «о размножении и собирании государственных доходов и о употреблении оных в расход с такою доброю и осмотрительною экономию... крайнее старание и попечение иметь...» Главная цель в деятельности Сената заключалась в том, чтобы «привести в порядок государственное управление и получать правильно доходы», «смотреть за всеми расходами», «собирать деньги», «понеже все государственные доходы без изъятия правительствующему Сенату обстоятельно известны и в полной дирекции онаго состоят» [58, с. 36].

Необходимо отдельно затронуть вопрос, связанный с контролем над поступлением ясака в государственную казну и организацией ясачного сбора.

На Камчатке этими вопросами занимались приказчики (с 1720-х гг. — комиссары), которые с наступлением зимы объезжали ясачных плательщиков в сопровождении целовальников, толмачей (переводчиков) и служилых людей. «А по нынешнему обыкновению посылаютца во всякий год комиссары для ясашного збору, а весной паки возвращаютца в Якуцк» [45, с. 95]. Каждому плательщику ясака «для спору» выдавалась «отпись» о приеме ясака. Одновременно велась именная ясачная книга.

Следует обратить внимание на роль в указанном процессе «целовальников» — должностных лиц, выбранных из «мирских людей», которые после особого ритуала — целования креста — отвечали «за государеву казну и запасы»: «...а выбирают их к той казне своя братья, гости и торговые люди, за верою и крестным целованием, что им тое царские казны не красть и соболей своих худых и иные мяхкие рухляди в казну не приносить и не обменивать, так же, кому велят тое казну продавать или за службы и за товары давать, цены лишние для своей прибыли не прибавлять и для дружбы никому за худые не давать добрыми...» [22, с. 116]. Целовальники публично отчитывались о состоянии «государевой казны». Смена целовальников сопровождалась проверкой: «Сочтя в приходе и расходе табака и протчего, что у него в приеме было, и сладкой травы, и в винной продаже, и взяв у него приходные и расходные книги» [61, с. 349].

Вот как описывает сцену сбора ясака на Камчатке С. П. Крашенинников: «При каждом зборщике бывает пищик, толмач, целовальник, да несколько человек служивых людей, которым казну караулить должно. Ясак принимает комиссар при всех объявленных людях с совету их, который годен или негоден, причем толмач переводит что надобно, пищик вписывает в шнуровые книги, и дает отписи. Ясак отдается на руки целовальнику, а хранится за его и за комиссарскою печатями» [24, с. 252].

Сами же сборщики ясака на Камчатке описывали порядок документального учета следующим образом: «А с кого имени взято будет ясаку, каким зверем и в какую цену, и тому велено мне иметь приходную книгу и записывать в приход с ценою, а с платежных отписей списывать копии впредь для справки», после чего «в ясачной избе вышеозначенную зборную соболиную и лисишную казну, и книги, и оставшую подарочную казну приняли, а в приеме дать мне квитанцию» [45, с. 102—103].

Но мы бы очень ошиблись, если бы полагали, что сфера государственного финансового контроля на Камчатке в интересующий нас период ограничивалась только лишь сбором ясака. «Великого государя казна», хранимая в казенных амбарах камчатских острогов, включала в себя не только ясачную пушнину.

Так, по состоянию на 30 января 1712 г. в Верхнекамчатском остроге «...за всякие расходы, явилось в остатке на лицо денег по счету 2 р. 23 ал. 4 деньги,

да воинских припасов 1 пуд 23 фунта пороху пушечного, 1 пуд 2 фунта пороху ручного в двух флягах, 2 пуда 11 фунтов свинцу, 268 ядер пушечных, знамя тафтяное ветхое, 3 пушки в станках, 8 пищалей гладких, 2 дротика, да товаров на иноземческую руку 26 фунтов меди в котлах, 25 фунтов олова в блюдах и прutowого, 10 фунтов одекую, да бумаги пищей 50 дестей, 2 нопары, в том числе 1 ломаная, безмен весчей, гирия и оправы медные...» [21, с. 37—38].

Поскольку камчатскими острогами, значительно удаленными от Якутска, воевода управлял через приказчиков, важно иметь в виду, что методы контроля определялись назначаемым приказчикам наказом воеводы. Учитывая, что при этом универсальная власть воеводы, охватывающая во вверенном ему уезде все сферы (в том числе финансовый контроль и надзор), проецировалась в различные и широкие функции приказчиков, власть приказчика большей частью напоминала власть самого воеводы: «точный сколок с общей с включением необходимых, по местным условиям, изменений» [2, с. 65].

Правовая основа контроля за местным управлением закладывалась в воеводских наказах, в соответствии с которыми новым воеводам надлежало старых «считать, а прежним воеводам давать отчет... буде по счету никакого начету на них не явится, и тем новым воеводам давать прежним воеводам для проезду по городам проезжие памяти... и как те воеводы к Москве приедут, и им явиться в Сибирском приказе, и те проезжие памяти объявлять впредь для всякого спору» [1, с. 74; 56, с. 18, 35].

Якутский воевода, назначаемый Сибирским приказом с наказом, основная (фискальная) идея которого заключалась в том, чтобы «... учинить великому государю... во всяких сборах, перед прежними годы, прибыль, чтоб та прибыль впредь была прочна и состоятельна, а всяким людям тягости не навесь...» [9, с. 25], пребывал в своей должности дольше, если «учнет великих государей дела делать и доходы собирать радетельно сполна» [49, с. 23—24].

В 1720-х гг. воеводе также предписывалось «во всем царского величества интерес и государственную пользу тщательно остерегать», а кроме того «ему ж смотреть накрепко над приставленными к делам, а именно, за надзирателями сборов, земскими комиссарами, казначеями, сборщиками и за подьячими, дабы оные каждой свое управление по данному им инструкциону исполняли, и о неисправностях им припоминать; а буде кто из них сим не удовольствуется, тех отсылать в Камер и Штатс-контор-коллегии, а на их места других определять...»

В наказах подробно описывалась процедура передачи города от старого воеводы новому, которая включала в себя: осмотр укреплений и государственных построек, «счет» военных запасов, государевой ясачной и денежной казны, продовольствия. В процессе «счета» тщательно учитывались все доходы и расходы за все время правления старого воеводы и составлялся счетный список. В случае выявления недостачи («начета») она взыскивалась

(«доправлялась») со сменяемого воеводы, а если воевода уличался в расхищении государственной казны, то ему в качестве наказания предстояло «от государя быти в опале» [9, с. 34; 56, с. 18]. При этом в качестве соучастников преступлений воеводы могли привлекаться также и другие должностные лица: дьяки, подьячие, писари.

По результатам полной ревизии служебных дел предшественника, приняв воеводство и рассчитав сменяемого, новый воевода должен был официально известить об этом Сибирский приказ с приложением «рописного списка» всего принятого казенного имущества. Другой экземпляр списка использовался в дальнейшем уже при расчете воеводы по смене его со службы [14, с. 76].

Другими словами, важнейшей частью отчета воеводы перед центральными органами управления являлось выяснение той «прибыли», которую он «учинил государевой казне». Основой для подобного рода расчетов становились сметные книги, отписки и росписи воевод. Подсчет «прибыли» велся по отдельным статьям и по годам [41, с. 50].

Исходя из вышеизложенного, аналогичный порядок финансового контроля был установлен на Камчатке в XVIII в. и применялся при смене приказчиков камчатских острогов и в их взаимоотношениях между собой, а также с Якутской воеводской канцелярией.

В рамках установленного общего порядка камчатские приказчики передавали друг другу «всякие дела и окладные денежные приходные и расходные и ясашные книги, и указные памяти, и прикащичьи росписные списки, и всякие записки». При этом проводилась полная инвентаризация острожных построек и различных материальных запасов, подробно проверялись денежные книги (с одновременной сверкой остатков денежной наличности) и ясачные книги, а также окладные книги служащих.

Иными словами, приказчики производили передачу «всё, что надлежало», в том числе расписывались: «в наличной твоей великого государя, денежной и пороховой и свинцовой и оружейной и в подарочной казне и по спискам в служилых и промышленных людех и в аманатах, oprичь сборной прошлых годов твоей, великого государя, ясачной соболиной и лисичной и бобровой казны ...» [21, с. 39—40].

Вместе с тем, такая передача казенного имущества почти каждый раз сопровождалась применением силы.

Так, например, при смене в 1712 г. казака Киргизова приказчиком Колесовым, потребовавшим предъявить приходные и расходные книги, а также собранный ясак, Киргизов ответил вооруженным противостоянием [2, с. 369—370; 51, с. 19].

Кроме того, исторические источники довели до нас ряд примеров финансовых злоупотреблений, совершенных руководителями Камчатки того

времени. Так, распространенной практикой являлась выдача жалованья казакам различными товарами по ценам, определенным самими приказчиками острогов, тогда как казаки давали расписки в получении наличных денежных средств. «Жалованье денежное за себя переводили, а им неволею давали товары по тамошней Камчатской цене... а они служивые в расходных книгах расписывались не в товарах, но в деньгах» [2, с. 109, 365; 24, с. 207]. Другой сходный пример: «Даны ему (Якову Ярославцеву. — Д. К.) были в Якуцку из твоей, великого государя, казны 500 рублей в посылку в камчадалские остроги служилым людям на жалованье и тех денег он, Яков, в камчадалском остроге на лицо не отдал» [21, с. 36].

Впрочем, и ответ на самовластие приказчиков не заставлял себя долго ждать. Так, в 1711 г. казаки, не дождавшись ответа на свои челобитные об «лакомстве прикащиков, коим образом корыстовались они Государевой казною покупая на оную товары, и тем получая себе непомерную прибыль» [24, с. 207], убили всех трех приказчиков, находившихся в то время на Камчатке, в том числе и «голову камчадалских прикащиков» В. Атласова.

Стоит признать, что в XVIII в. на Камчатке полноценная практика проведения «счетов» в силу целого ряда причин не получила должного развития, и с точки зрения финансового контроля особого значения не имела.

При этом главная проблема заключалась в том, что хотя походы из Якутска в Большерецкий острог к тому времени и стали обычными, однако сухопутный путь вдоль побережья Охотского моря в обход Пенжинского залива был труден и длителен. «А хаживали до камчатских острогов в год, а возвращались по тому ж с утратой людей и с потеряннем немалого казенного интереса» [12, с. 22]. Таким образом, открытие морского пути на Камчатку становилось для России жизненно необходимым. «Итак, видя проход на Камчатку от изменников и непокоренных народов трудной, искали способу найти ход морем...» [19, с. 299].

Как пишет С. П. Крашенинников, «до проведения пути Пенжинским морем, за дальним расстоянием и трудным проездом чрез землю немирных Коряк, в пересылке репортов в Якутск и в получении указов проходило много времени; что бездельникам оным подавало немалой повод к наглостям», а «поступки некоторых прикащиков и служивых людей еще в то время были столь предосудительны, что без сумнения надлежало опасаться худых следствий от камчадалов, которые теми их поступками весьма не довольны были» [24, с. 210, 220].

Так, по причине невозможности доставить казну в Якутск, к февралю 1712 г. в камчадалских острогах скопилось огромное количество «соболиной казны и таможенного сбору и прикащичьих пожитков 248 сороков 25 соболей (то есть 9 945 шкурок. — Д. К.), шуба пластинчатая, 3 лисицы бурых, лоскут лисицы бурой, 30 лисиц сиводущатых, 2 648 лисиц красных, 215 бобров морских» [21, с. 40].

Якутский воевода Д. А. Траурнихт велел «ту камчацкую сборную 707 и 708 и 709 и 710 и 711 годов твою, великого государя, казну и всякую мягкую рухлядь посланному нынешняго 712 году прикащику, дворянину Василью Колесову, с прежним прикащиком Василием Севостьяновым, или с кем надлежит, выслать в Якуцкой без всякого одержания, и до Акланского и Анадырского велети, твою, великого государя, казну везти с великим опасением, чтоб до Анадырей ту казну проводить от немирных иноземцев и довести в целости...» [21, с. 41]. Но «как он, Василей, пошел з зборною великого государя яашною и со всякою казною в Якуцкой, и немирные иноземцы — олюторы, да изменники — юагири ево, Василья, с служилыми людьми во сте человеках побили и казну всякую побрали без остатку...» [45, с. 28]. «После такой катастрофы», как пишет В. П. Маргаритов, «было сделано распоряжение не возить яачной казны и вообще казенного груза через Анадырск» [30, с. 13].

В июле 1714 г. якутский казак Козьма Соколов, назначенный начальником экспедиции, с командой отправился из Якутска в Охотский острог, где в мае 1716 г. было построено первое русское морское судно на Тихом океане — лодия «Восток».

Наказной памятью якутского воеводы Я. А. Ельчина (которому позднее в рамках руководства особой экспедицией — Большим Камчатским нарядом — поручат лично «усматривать... всякого воровства во всем, от чего чинитца доимка во всех государевых податех и в сборах» [1, с. 103; 2, с. 375]) К. Соколову было предписано: «...итти чрез Ламское море на Камчатский нос без всякого одержания. И естли содетель Христос бог наш помилует, и перейдете на Камчатку, то, не медля многово времени, взяв на Камчатке ведение от государевых людей, из камчатских острогов итти тем же путем на Ламу и в Якуцкой». Следует особо отметить, что в соответствии с наказом Ельчина у Соколова не было выбора: «А буде вы в том пути учнете нерадение и мешкоту чинить для каких своих прихотей или, не хотя великому государю служить, в тот путь вскоре не пойдете, или, не быв на Камчатке и не взяв на Камчатке от государевых людей ведения, возвратитесь, и за то вам по указу великого государя быть в смертной казни без всякого милосердия и пощады, потому что сия посылка и служба вам учинена по его царского величества имянному указу и денежное, и хлебное, и соляное жалованье дано вам полное» [45, с. 24—25].

В июне 1716 г. экспедиция в составе 27 чел. во главе с К. Соколовым и Н. Треской отправилась в плавание на Камчатку, возвратившись в Охотск в июле 1718 г. Итогом плавания «Востока» явилось открытие морского пути из Охотска на Камчатку. «И с того времени с Камчатки зборная казна и на Камчатку служилые люди отправляются чрез море Охоцкое до Большой реки» [19, с. 300].

В 1716 г. Петр I был вынужден заключить, что в Сибири по-прежнему «происходит в сборах... в ясачных и в таможенных и во всяких... не малое воровство и утрата казны» [1, с. 102]. Хотя, справедливости ради, отметим, что финансовая дисциплина тех лет была весьма слабой во всей стране. С целью ужесточения финансового контроля 15 февраля 1716 г. вышел сенатский указ «О присылке в Ближнюю канцелярию из губерний, канцелярий и приказов подлинных приходных и расходных книг с дьяками и подьячими». Как следует из текста указа, приходно-расходные книги за 1714 г. были присланы только из посольской, воинской, адмиралтейской и Санкт-Петербургской канцелярий городовых дел, а из других канцелярий и приказов, а также губерний книги не поступали. Из-за этого «в счетном деле учинилась остановка». Указ установил более строгие наказания за неисполнение предписаний о предоставлении отчетности с мест.

Однако «дальняя государева вотчина» — Камчатка — была по-прежнему слишком далека от «государевых очей». Органы управления Сибири в рамках проводимых государственных реформ с самого начала не могли справиться с огромной массой поступающих с мест судебных, административных дел и финансовой отчетностью. В таких условиях организация эффективного контроля над деятельностью правителей на полуострове была исключена. Проверка же многочисленных жалоб на произвол приказчиков и ясачных сборщиков, исходя из вышеизложенного порядка, поручалась их преемникам, тоже приехавшим в расчете на наживу. «На Камчатку посылаются управителями из якуцких жителей и из охотских служилых людей, переменяя их погодно ис которых ко оному управлению достойнова человека там найти трудно» [46, с. 29].

Можно сказать, что из-за общего поведенческого стереотипа того времени «дани терялись или переменялись через руки тех, которые были определены к собиранию оных» [28, с. 61].

Будучи всецело зависимым в условиях отдаленности края от волеизъявления назначенных администраторов — людей социально неустойчивых, финансовое управление на Камчатке характеризовалось «непомерным лихоимством, процветанием взяточничества и казнокрадством». Поэтому задания «жить по государеву указу», «береженье держать», «воров от воровства унимать» в большинстве своем оставались пустыми словами [49, с. 25].

Так, на Камчатке летом 1715 г. пятидесятник Алексей Петриловский (родственник Ерофея Хабарова) принял у «тамошнего прикащика у Ивана Козыревского... камчадалские Верхней и Нижней и на Большой реке остроги, и служилых людей и аманатов и казну великого государя пороховую всю, что было на лицо, да ясачные казны и всякого доходу сбору 715 году 67 сороков, 19 соболей, 68 бобров, 969 лисиц красных, в том числе 4 лисицы недошлых, да 11 лисиц сиводушатых, лисица чернобурая недошлая, да лисица бурая,

3 лисицы буренские, 7 лисиц с беренки, 3 лисенки буренки, в том числе 1 голой, да в том же числе у другога черево прело, да лисица буренкая, шерсть голубая; да явленных и положенных в казну великого государя вышеописанного камчадальского прежнего прикащика Ивана Козыревского имения 30 сороков 20 соболей, 100 лисиц красных, лисица с буренка да казака Федора Балдакова явленной загривок лисицы буренкой, да лисица буренкая без загривка...» [21, с. 44].

При этом Петриловский предъявил Козыревскому различные обвинения в расхищении камчатской казны и «безвинно» держал его в колодках (так, что от «смертного мучения руки и ноги мои до костей перетерты»), а после отобрал «пожитки», оставшиеся от погибших в боях отца и брата Михаила по якутской цене на 6 275 руб., да «воинскую одежду и ружье» (железная кольчуга, «бумажник под ровдугою», 2 железных куюка, 2 винтовые пищали, 2 костяных лука, копьё и сабля китайские, сабля «польского дела») по камчатской цене на 200 красных лисиц, или по якутской — 300 руб. [39, с. 25]. По оценке Л. А. Гольденберга, общая сумма «грабежных его пожитков» составила 2 784 руб. [12, с. 44].

Между тем, анализируя учетную документацию, Б. П. Полевой отмечал, что И. Козыревский любил порядок во всех делах. Поэтому он с большим прилежанием завел у себя весьма своеобразную ясачную книгу: за неимением бумаги он сделал ее на бересте, со следующими первыми строками: «Книга великого государя царя великого князя Петра Алексеевича всея великие и малые России самодержца Нижнего и Верхнего камчадальских острогов и Большой реки ясачная зборная нынешнего 715-го году прибыльности в камчадальских острогах приказного Ивана Козыревского, а которых рек и острогов и с кого имяны с ясачных иноземцев и вновь приисканных ясаку во казну...» [37, с. 125].

Ясачные книги Козыревский для отчета направлял в Якутск. «И о том зборе свидетельствуют ясачные за моею рукою книги, которые писаны на бересте и обретаются в Якутской воеводской канцелярии» [34, с. 19; 45, с. 48].

Что касается А. Петриловского, то в 1716 г. он был смещен «с приказу» и посажен возмущенными казаками под караул по причине того, что он проявлял «крайнюю жестокость и безграничное лихоимство» [54, с. 27], «по ненасытному своему лакомству не имел уже меры в граблении, хищении и мучительстве», и нагребил «в краткое время такое богатство, которое превосходило похищенную двугодовую ясашную казну со всей Камчатки...» [24, с. 219].

Вот список «пожитков», отобранных у Петриловского: 141 сорок 29 соболей (то есть 5 669 шкурки. — Д. К.), 1 542 лисицы красных, 161 сиводушная, 160 выдр, 207 бобров, 169 морских выдр, шуб собольих 4, мехов собольих 5, санаях собольих, парка соболья с оплечьем бобровым, санаях из красных лисиц с оплечьем сиводушечьим, два санаяха бобровых с оплечьем

сиводушечьим, санаях из выдры — оплечье бобровое, 3 шубы лисьих красных, 2 меха сиводушечьих, мех лисиц красных, одеяло лисиц красных, мех бобровый, 4 полы меха собольего загривчатого, несколько лоскутов разных мехов, несколько мехов из собольих и лисьих лап, шуба из лисьих лап, одеяло бобровое, парок собольих 2, мех лапчатый красных лисиц; 2 меха бобровых; парка бобровая; треух из собольих хвостов; 4 шапки собольи; 2 малахая собольих; 475 хвостов собольих, несколько пар меховых рукавиц; серебряный пояс; серебряная чарка и ложка и много других вещей [51, с. 30]. Н. В. Слюнин оценивает объем имущества, конфискованного у Петриловского, в несколько тысяч рублей [54, с. 27].

В 1720 г. вместе с учетными книгами А. Петриловский отправился из Камчатки «для отчета той казны» в Якутск, где был осужден.

В другом случае, в апреле 1719 г. группа казаков во главе с Василием Княжиным и Логином Бишевым «отказала» от власти приказчику Большерецкой ясачной избы сыну боярскому Назару Колесову, отобрала у него ящик с указами, наказной памятью, «пожитки» и «кормовые запасы». Кроме того, бунтовщики пограбили имущество некоторых казаков, а также приказчика Большерецкого острога В. Качанова и «государеву казну». Через некоторое время зачинщиков бунта вызвали в Тобольск, где подвергли наказанию [16, с. 268].

В это же время наметилось стремление центральных органов управления страной исправить существующее положение дел. Так, в июне 1720 г. Петр I провел реформирование действующей системы надзора фискалов, объясняя это тем, что фискалы первоначально «выбраны были из самых низких людей, которые ныне явились в великих преступлениях и злодействах» [14, с. 119].

Кроме того, в 1720 г. «... ради порядочного в приходе и расходе исправления и ревизии всех счетных дел» начала свою работу Ревизион-Коллегия. Тем самым концентрация финансового управления на губернском уровне была дополнена общегосударственной централизацией бюджета и финансового контроля. В обязанности Ревизион-Коллегии входило заведование счетами всех государственных доходов и расходов и суд над лицами, изблеченными в злоупотреблениях по части собирания доходов и использования расходов.

Желая «прием и отдачу денег везде зачать по шведскому манеру», в 1719 г. были изданы инструкции (наказы) земским комиссарам и земским рейнтмейстерам в губерниях и провинциях, которыми устанавливались требования по отражению принятых денег в особой книге — прообразу современной бюджетной классификации доходов. В ней имелось столько разделов, частей, глав, параграфов и пунктов, сколько существовало различных наименований по приходу [26, с. 22; 58, с. 55, 461—482].

Одной из важнейших целей реформы государственного финансового управления в России в 1720-е гг., которая и была достигнута, стало составле-

ние ежегодных «табелей» государственных доходов и расходов — своеобразных ежегодных государственных бюджетов. При этом наиболее полное содержание основных статей доходов и расходов государственного бюджета России дает «Табель прихода и расхода за 1725 год», составленная статс-секретарем Сената И. К. Кириловым в его работе «Цветущее состояние Всероссийского государства» [19; 58, с. 52]².

Но самое примечательное, что обычной практикой того времени для дозора злоупотреблений и скорой расправы с виновными становятся отправки в провинцию с чрезвычайными поручениями и обширными полномочиями лейб-гвардейцев.

В 1724 г. в целом по стране число таких командированных дозорщиков составило 87 человек, причем офицеров было всего 16, а остальные нижние чины — сержанты, капралы, унтер-офицеры и солдаты. Гвардейцам предписывалось «губернаторам непрестанно докучать», чтобы они неотложно исполняли правительственные требования, в противном случае офицеры должны были «как губернаторов, так и вице-губернаторов и прочих подчиненных сковать за ноги, и на шею положить цепь и по то время не освобождать, пока они не изготовят ведомостей» [20, с. 256—257].

«Армейское» происхождение государственного финансового контроля в России не должно вызывать удивления, поскольку оно тесно связано со структурой бюджета страны того времени. В 1701 г. доля расходов на армию и флот составляла 78, в 1725 г. — 64, а в 1734 г. — 71 % [58, с. 93]. Таким образом, контроль над военными расходами означал финансовый контроль над большей частью российского бюджета.

По именному Указу Петра I от 25 октября 1719 г. «разыскивать накрепко... о многих обидах и разорениях к тамошним народам» по делу сибирского губернатора князя М. П. Гагарина в Якутск был направлен лейб-гвардии капитан-поручик М. П. Измайлов.

В июне 1720 г. Измайлов посылает на Камчатку сына боярского Степана Бобровского и дает ему инструкцию, какой, как отмечает А. С. Сгибнев, «до того времени не было даваемо ни одному комиссару». В соответствии с этой инструкцией, Бобровскому, в частности, предписывалось: «... принять Верхнекамчатский острог от прикащика Ивана Харитонова, также казну, дела, аманатов, служилых и всё по росписным спискам. Объявить всем камчадалам при собрании всех служилых “Милостивое Государево слово”, что кому из них были какие налоги от прежних прикащиков, которые ими корытовались, а суда не было, то ныне Государь велел подавать на них жалобы; виновных розыскивать и оборону чинить камчадалам от русских обидчиков... А чтобы камчадалы жили в покое и тишине, занимались бы промыслами и ясак и поклон Государю платили... Ясаки иноземцам отправлять самим в Верхнекамчатск, чтобы служилые не обменивали и не плутовали; а в улусы

посылать только за недобором. Управляться своими старшинами и быть им покорными, за что будет царское жалование. Ясак в Верхнекамчатске приказчику принимать при служилых. Сыскивать в ясак новых плательщиков и записывать в ясак захребетников и подростков» [51, с. 33].

Кроме того, в приписке к вышеуказанной инструкции значилось: «За взнос полного ясака награждать камчадалов; сверх ясака покупать зверей в казну; до сбора ясаков никого в остроги не отпускать для торговли и вымену зверей; в Якутск с ясаками идти самому комиссару с переменными служилыми... При отбытии с Камчатки острог сдать надежному доброму человеку...» [51, с. 34].

В вышеприведенном отрывке из инструкции Бобровскому мы встречаем один из самых эффективных методов контроля того времени — «милостивое государево слово». Новый начальник Камчатки должен был созвать население «при собрании всех служилых» около приказной избы и заявить, что прежде приказные люди «чинили» населению различные обиды, а ясачных обирали без «царского ведома», но сейчас же царь велел «чинить суд и расправу праведно». Как результат, всякий недовольный действиями приказчика или служивого человека мог обратиться с «изветом» о «государевом деле», добиваясь проведения расследования («сыска») [2, с. 9; 9, с. 35; 56, с. 19—21].

В октябре 1722 г. Степан Бобровский передал дела новому приказчику — дворянину Никите Лосеву. Тот в октябре 1722 — марте 1723 г. за право продажи (откуп) на Камчатке вина и табака и с судебных дел за гербовую бумагу стал брать пушшиной, «чем увеличил доходы в Камчатских острогах» [51, с. 35].

С Камчатки Н. Лосев возвращался вместе с С. Бобровским в июле 1723 г. По дороге в Якутск, переправляясь через реку Юдому, один из плотов, на котором находилась камчатская учетная документация, перевернулся. Все необходимые сведения, кропотливо готовившиеся Лосевым и Бобровским для отчета перед Якутской воеводской канцелярией, погибли. Подьячий Афанасий Лузин, привезший ясак в Якутск, ничего пояснить не мог. Не могли свидетельствовать о состоянии дел на Камчатке и сами приказчики — Бобровский и Лосев, поскольку оба к тому моменту умерли, так и не успев добраться до Якутска.

Однако Якутская канцелярия требовала достоверного финансового отчета и в этой связи настаивала на полной ревизии финансово-хозяйственной деятельности администраторов Камчатки. Тем более, что в 1723—1724 гг. сибирскими губернаторами были изданы указы о том, чтобы определенные при князе М. П. Гагарине приказчики были высланы из острогов и впредь не посылались, «ибо они, не ища в ясаке государственной выгоды, больше похищали для себя ясачную рухлядь, отчего в ясаке всегда был недобор...», а, кроме того, к сборам ясаков не выбирать, а назначать: к большим в помощь офицеров и детей боярских, а к меньшим — унтер-офицеров и солдат.

Вследствие этого в 1725 г. на Камчатку был назначен дворянин Степан Трифанов, в отряде которого, помимо 30 чел. казаков якутского полка, находились: комиссар служилый Петр Корякин, подьячий Михайло Борисов и сборщик подушных денег Никита Жданов.

Степану Трифанову было велено «камчатские остроги и всякую наличную казну, порох и свинец, служилых и прочих людей принять по именному списку, также аманатов (заложников, «лучших мужиков», под которых их родственники вносили ясак. — *Д. К.*), книги и всякие дела. Во всем росписаться и разменяться росписными книгами. Коммисаров же с приходно-расходными книгами выслать в Якутск к ревизии; но с книг оставить копии... и в 1726 году непременно воротиться с ясаками в Якутск» [51, с. 37]. Однако в 1726 г. вернуться в Якутск С. Трифанову было не суждено.

Почти через два года после отправки С. Трифанова, 23 июля 1727 г. В. Й. Беринг, допрашивая морехода Н. Треску «за какую притчиною судно в Охотский астрог не возвратилось», установил обстоятельства, при которых камчатские приходно-расходные книги не могли быть представлены для ревизии в Якутск.

Вот что рассказал Берингу Н. Треска: «В прошлом 725 году октября в... день пошли мы из Охотскаго в Камчадальские остроги с камисаром Стефаном Трифановым, Петром Карякиным, которые посланы для собирания ясаку, и, не дошед до Большерецкакого астрогу верст за 200, от великаго ветра бросило судно валом на берег и несколько упругов от прошивки оторвало, в том числе 2 упругу надломило, и в том месте зимовало с прошлого 726 году. Весною ко оному судну я из Большерецкакого астрогу ходил и починил, на котором пришел в Большерецкой июня в первых числах и камисарам сказывал, что судно починил и время иттить за море, и оне, камисары, в прошедшем году не пошли и казны е. и. в. не послали, и многократно меня оные вышеописанные камисары сажали в казенку и говорили мне, чтоб я подписался, что судно в ход за море негодно, и я не подписался, и ныне на том судне пришли сюда благополучно...»

«В дополнение сверх тех речей» другой мореход — Иван Бутин «посказал» Берингу, что, «когда сидел в казенке в подписке, что судно неходко в ход, и я не подписался и оне, камисары, призвав меня, Ивана к себе и напоив пьяны, написав подложную скаску, и велели вместо меня и руку приложить, токмо я скаски не давал и руки прикладывать вместо себя никому не веливал, и ныне у вышеописанных камисаров такая подложная скаска имеетца. И ежели я что сказал, и за то повинен штрафу по указу ся и. в.» [45, с. 62].

Такое торможение государственного финансового контроля на Камчатке уже явно не отвечало общеимперскому образу финансового управления. Действующее законодательство уже установило порядок ведения приходно-расходных книг, составления отчетов по окончании года, осуществления

расходов на содержание согласно ассигнованиям, а законодательные акты жестко определяли: «кто был у прихода и расхода, покамест он в том сочтен не будет, к другим делам не определять».

Как нам представляется, в общих чертах установленная схема контроля за финансовым управлением на Камчатке сводилась к тому, что комиссары «Камчадалских острогов» записывали приход и расход денег, пушнины и другого имущества в книги, пронумерованные по листам, прошитые шнуром и скрепленные печатью. «Когда сколько кто комиссару денег заплатит, тогда оному тот свой платеж в приходной комиссарской книге, с прошивным шнуром и за печатью, под статьею подписать своею рукою; а кто писать сам не умеет, то кому они вместо себя верят. А комиссару подписать под тою же статьею, своею рукою, что он те деньги принял, и сверх того давать тем плательщикам, им комиссаром, за руками своими отписи, как скоро возможно, без всякой плательщиком волокиты» [58, с. 471].

По окончании года Якутская воеводская канцелярия (позднее, с 1730-х гг. — канцелярия Охотского правления) должна была освидетельствовать представленные с Камчатки книги на предмет правильности сбора доходов, целевом употреблении расходов и полученных остатков, с выдачей квитанций за подписью всех лиц, проводивших проверку.

Но, вместе с тем, весь вышеизложенный порядок проведения финансового контроля перечеркивало требование — должностное лицо могло быть вызвано в канцелярию для отчета в срок не более двух недель. По этой причине, как справедливо заметил В. К. Андриевич, наибольшей бесконтрольностью, а, следовательно, и произволом, пользовались начальники Камчатки [2, с. 70—71]. Впрочем, на практике незначительные недочеты в отчетности исправлялись вышестоящими органами в ходе следствия «о несходстве» тех или иных счетов [1, с. 165].

В то же время, надо сказать, что не только отчетность, своевременность и полнота поступлений доходов с Камчатки в XVIII в., но и состояние денежного обращения оставляло желать лучшего. В 1730 г., подводя итоги Первой Камчатской экспедиции, ее руководитель В. Й. Беринг отмечал, что «до нашего прибытия на Камчатке денег не имелось» [45, с. 96]³.

Участник Второй Камчатской экспедиции Г. В. Стеллер писал: «Вся торговля в острогах ведется почти исключительно на векселя и долговые расписки, причем у казаков на этот предмет выработался определенный стиль и вексельное право. Летом, когда у казаков замечается недохватка денег и пушнины, они ведут друг с другом торговлю только на векселя и расписки, и нередко вексель за время от своего написания до срока платежа проходит через десяток и более рук» [55, с. 214]⁴.

Г. В. Стеллер, посланный Академией наук «для вспоможения в делах по натуральной истории» С. П. Крашенинникову, на основе личного озна-

комления с организацией финансового управления сообщал множество интересных фактов. Видимо, обличая бесчинства общности «вороватых правителей-нехристей», он пытался получить часть бумаг (в том числе, вероятно, финансовых), однако с сожалением отмечал, что «сохранившиеся доселе документы, особенно находящиеся в Большерепокском остроге, написаны, за отсутствием бумаги, на березовой коре китайскою тушью. Хранились они безо всякого присмотра в сырых амбарах и поэтому отчасти сгнили, отчасти совершенно потускнели и стали неудобочитаемыми... Поэтому в нашем распоряжении есть только то, что удалось собрать на основании сообщений старых, заслуживающих доверия людей, и что из этого материала путем усердного и неоднократно повторявшегося опроса разных лиц в разное время и в разных местах можно было признать более или менее достоверным» [55, с. 134].

Информация об управлении Камчаткой, которую Г. В. Стеллер все-таки смог получить, была крайне интересна центральным органам государственного финансового контроля. 13 ноября 1746 г. Канцелярия генеральной ревизии Сибирской губернии, узнав о смерти Стеллера, направила в Тюменскую воеводскую канцелярию резолюцию следующего содержания: «Послать имеющихся при Канцелярии генеральной ревизии секретаря Степана Скалина, да аудитора Клима Иванова и велеть им: во-первых, учинить опись только одним показанным местам, не распечатывая, что в них каких пожитков и писем имеется, тако ж и что сверх тех мест еще имеется. А переписав оные места и прочею, и запечатав Канцелярии генеральной ревизии и Тюменской воеводской канцелярии печатями, отдать с роспискою по вышеобъявленной описи для отвозу в Сибирской приказ... А ту опись подать им при доношении за руками в Канцелярию генеральной ревизии. И по подаче оную отослать в Правительствующий Сенат...» [63].

В 1731 г. состоялась первая административно-территориальная реформа, впрямую коснувшаяся Камчатки. Эта реформа, на наш взгляд, явилась поворотным моментом на этапе становления и развития регионального финансового контроля. Исходя из общей задачи освоения Сибири и Дальнего Востока, центральная власть стремилась приблизить и распространить свои финансово-контрольные институты на органы управления полуостровом.

В апреле 1731 г. вышел Указ Правительствующего Сената о выделении из Якутского уезда особого Охотского приморского правления с центром в Охотске (одновременно получившим статус города). В ведение правления были определены Охотское побережье и Камчатка. Первым главным начальником правления указом Сената от 10 мая 1731 г. был назначен бывший обер-прокурор Сената Г. Г. Скорняков-Писарев.

Надо сказать, что до этого 20 декабря 1730 г. именным указом императрицы Анны Иоанновны был восстановлен «особливый» Сибирский приказ. Императрица повелела: «Сибирский приказ в Москве по прежнему возобновить

и быть под ведением сенатским, определяя к тому судей два или три человека и поручить в дирекцию одному из сенаторов, а Камер-коллегию от того приказа и от всех сибирских доходов отрешить». В результате Сибирская губерния была изъята из-под непосредственного подчинения Камер-коллегии (управления государственными доходами), Штатс-конторы (управления государственными расходами) и Ревизион-коллегии (занимавшейся осуществлением контрольных функций) и полностью перешла в ведение Сибирского приказа. Восстановить Сибирский приказ Анне Иоанновне предложили сенаторы, обосновывая необходимость этой меры снижением доходов от торговли и поступлений в казну пушнины в связи с тем, что Сибирь «не в таком смотреии состоит, как преж сего бывало» [2, с. 74]. Сибирский приказ наделялся большими полномочиями: «о всяких делах и денежной и протчей казне рапорты присылать в Сибирский приказ... И по посылаемому ис того приказа указов исполнение чинить неотменно».

В виду особого значения Охотска, как опорного пункта на Тихом океане, в соответствии с сенатской инструкцией от 30 июля 1731 г. Г. Г. Скорнякову-Писареву предписывалось: «Приехав в Охотск, иметь тебе над оным местом полную команду, и чтоб то место людьми умножить, и хлеб завезть, и пристань с малою судовою верфью, также несколько морских судов для перевоза на Камчатку и оттуда к Охотску казенной мягкой рухляди и купеческих людей с товарами, и для других потреб сделать, дабы оное, яко новое место, с добрым порядком к пользе и прибыли государственной приведено было» [45, с. 98].

Кроме того, вышеуказанной инструкцией начальнику Охотского порта вменялось в обязанность контролировать деятельность камчатских приказчиков: «Тебе ж, Писареву, смотреть и за камчадальскими прикащиками, и кои будут посылаяться из Охотска офицеры с служилыми людьми для исправления дел и содержания острожков, чтоб они с тамошним народом поступали порядочно, и ежели происходить будут жалобы или по слуху сам уведашь о каких непорядках и обидах, то как возможно унимать и штрафовать по силе государственных прав, понеже Охотск стал быть от Якутска к Камчатке самый близкий порт». Для лучшего содержания острогов требовалось «определить в них командиров не так, как ныне, каждой год переменных, но на несколько лет или пока кто в вину и в подозрение впадет, дабы для своего житья лучше рачили, и скот и хлеб размножали, и народ приласкали...» [45, с. 99].

Как мы видим, в пределах Охотского правления Камчатка занимала особое место. Начальники Камчатки назывались командирами, их резиденциями являлись Большерецкий, Верхнекамчатский и Нижнекамчатский остроги. В 1739 г. командир Камчатки боярский сын Колесов избирает местом своего пребывания Большерецкий острог, который с 1740 по 1784 г. стал постоянным местом пребывания командира Камчатки.

В то же время для усиления контроля над местным управлением вышестоящие органы управления Камчаткой стали прибегать к испытанному средству — отправке специальных комиссий, в том числе и следственных. Во главе этих комиссий ставился «сыщик» из числа сибирских дворян и детей боярских. В своей деятельности «сыщики» руководствовались наказом, в котором им предписывалось провести «розыск» (собрать свидетельские показания) об обвиняемом, конфисковать и описать его имущество и представить доклад о проведенном следствии.

Так, для расследования причин восстания ительменов на Камчатке в 1731 г. начальником Походной розыскной канцелярии, организованной для «в обидах и в разорении и сверх ясаку в излишних зборах и в лиходейственных взятках с тех иноземцев камисарами, закащиками и сборщиками и протчими служилыми людьми следовать и розыскивать и решить в непродолжительном времени», был назначен майор Якутского полка В. Ф. Мерлин [44, с. 84]. В состав Походной розыскной канцелярии входили также: Д. И. Павлуцкий (помощник Мерлина), обер-офицер, солдаты Якутского полка, 29 служилых людей, 30 казаков, канцелярист Литвинцов и «запечных дел мастер» (палач).

В сентябре 1733 г. Походная розыскная канцелярия прибыла на Камчатку для наказания сборщиков ясака, виновных в излишних поборах, проведения ряда административных мер по упорядочению сбора ясака и успокоению местного населения. Выполнив свою функцию («по тем ея императорского величества указом в Комчедалских острогах, о чем надлежало, следовано и розыскивано, и по следствию и розыску учинены экстракты и подписаны сентенцы» [44, с. 84]), канцелярия возвратилась в Охотск осенью 1739 г.

Впрочем, деятельность розыскной канцелярии Мерлина носила больше карательный характер, изменение действующего финансового управления на Камчатке в ее задачи прямо не входило. Докладывая о результатах следствия, Мерлин отмечал: «А на каких урочищах и сколько в каждом роде ясашных людей и по сколько они в год ясаку платят и что при каждом остроге по нынешнему окладу в год ясашной казны збирается и о том у нас в следственных и розыскных делах известия не имеетца для того, что с камчацких ясашных иноземцев ясак збирается в канцелярию Охоцкого порта и присылаютца от Охоцкого порта зборщики из служилых людей погодно по прежнему обычаю, також что ис русских людей с тамошних обывателей збираетца подушных и всяких окладных и неокладных зборов, о том у нас в следственных и розыскных делах известия не имеетца, понеже подушные деньги и протчие зборы с русских людей — камчацких обывателей — збираютца в Якуцкую воевоцкую канцелярию, а мы кроме следствия и розыску до ясашного и до протчих ни до каких зборов в камчадальских острогах ни в чем не касались» [17, с. 190].

Вместе с тем, по свидетельству Г. В. Стеллера, «в настоящее время жизнь и условия существования ительменов стали сноснее прежнего, и былому

необузданному своеволию казаков положен некоторый предел путем издания высочайших и всемилостивейших приказов и присылкою сюда некоторых инквизиторов; и все же не приходится рассчитывать на то, что это поможет улучшению жизни на Камчатке, пока страной не будет управлять законность в лице исполнителя высочайших повелений. До тех же пор, пока сюда будут по разным соображениям присылать людей из Якутска, нет никакой надежды на быстрое оказание действительной помощи, как стране, так и туземному населению» [55, с. 140].

В другом случае в июле 1748 г. императрица Елизавета подписала следующий указ: «Известно Нам учинилось, что в Сибирской губернии находящимся разным народам нашим верным подданным, а особливо камчадалам, при ясачном сборе от определенных командиров чинятся обиды и разорения, и берут, сверх положенных в казну нашу сборов, ясак в свою корысть, и обязывают их вымышленными кабалами и письмами... для отвращения таких поступков командиров указали накрепко исследовать нашему полковнику Вульффу с прочими штаб-офицерами» [56, с. 55].

Всем обиженным императрица предложила подавать в комиссию свои прошения, «объявляя в них истину без всякой несправедливой прибавки» и «без всякого опасения», комиссия же должна заниматься «правосудием». Однако этот указ был получен руководителем следственной комиссии Сибирских и Камчатских дел полковником И. П. Вульфом (находившимся в Иркутске) в период нового восстания на Камчатке — корякского бунта, «и потому нельзя было и помышлять о посылке туда следователя».

Пытаясь бороться со служебными злоупотреблениями камчатских командиров на отдаленной окраине, сибирское начальство в 1753 г. перевело главное правление Камчаткой поближе к полуострову — из Охотска в Анадырск. С конца 1750-х — начала 1760-х гг. финансовое управление на Камчатке было фактически сосредоточено в Большерецке. Именно с этого времени Большерецкая канцелярия стала выдавать «шнурозапечатанные ясачные книги» «за казенной той канцелярии печатью и шнуром... в которую надлежало записывать взятый ясак».

Так, в рапорте от 12 сентября 1762 г. казак С. Т. Пономарев и передовщик С. Г. Глотов (направленные для сбора ясака в 1758 г.) сообщали: «И тот ясак с них збирать, записывая в данную мне, казаку, за шнуром и за казенною Большерецкой канцелярии печатью книгу, котораго острова и с кого, и какими зверьми во взятые будет без проронки, и в платеже ясаков давать квитанции», «с коих народов по их склонности к подданству взято в казну е. и. в. ясака на 1761 и 1762 годы, а какими зверьми, тому при сем репорте ведомость. Так же и вышеописанную данную из Большерецкой канцелярии шнурованную записную книгу приобщаю», «а данные из Большерецкой канцелярии вышеописанные шнурованные книги тому и прочему записки за незнани-

ем приказных порядков, к тому ж, как и выше объявлено, за болезнью моею, Пономарева, не имел, кои все звери, не утаивая ничего, по присяжной должности при сем же в Большерецкую канцелярию объявляем» [46, с. 60, 62—63].

Окончательное закрепление Большерецкой канцелярии в роли руководящего органа в управлении полуостровом (в том числе, финансовом) произошло в 1769 г. после ликвидации Анадырского острога [49, с. 37].

Мы уже говорили, что при смене, и соответственно, одновременной проверке финансово-хозяйственной деятельности, новый начальник Камчатки мог столкнуться либо с ожесточенным сопротивлением сменяемого, либо с попытками прямого подкупа. Впрочем, были случаи и вымогательства со стороны новых начальников.

Так, в октябре 1754 г. при сдаче дел у камчатского командира капитана Лебедева обнаружилась крупная недостача денег и казенного вина. Принимающая сторона — капитан Василий Чередов «просил с него мировых 1 000 руб. и 100 штук соболей; но Лебедев не согласился и по доносу Чередова был отдан под суд и задержан в Камчатке до окончания этого суда». Как выяснилось в ходе следствия, Лебедев «пересылал в Якутск для продажи соболей и другие меха, а сын его Алексей пил постоянно казенную водку без платежа денег». Кстати, со временем Чередов все же смог получить требуемые 1 000 руб. За такую сумму он продал купцу Югову меха, конфискованные у того Лебедевым [51, с. 77].

В феврале 1757 г. Чередова сменил поручик Кошкарев, который при приеме дел был вынужден применить оружие, так как Чередов долго отказывался сдавать ему должность, находясь под покровительством своего сына — якутского воеводы Федора Чередова.

В итоге по результатам следствия было применено обычное наказание того времени — на сумму финансовых злоупотреблений было конфисковано нажитое Чередовым имущество, а также его жены и сына, которого к тому времени сменили с воеводства за прежние злоупотребления⁵.

За время и по причине «чередовского» правления, изобилующего многими фактами вопиющего казнокрадства, и ввиду разбирательства по произошедшему, Камчатка лишилась финансовой помощи в размере 1 000 руб. Деньги выделили на предварительные расходы «по заведению на Камчатке хлебопашества в больших размерах». В январе 1761 г. Сенат предписал выдать указанную сумму Федору Чередову, но тот, получив деньги, не поехал на Камчатку, сославшись на болезнь. В 1765 г. деньги взыскали с него обратно в казну [42].

В 1763 г. в Сибири была образована ясачная комиссия майора А. Щербачева, которая подчинялась Сенату. Комиссии, среди прочего, поручалось разбирать прошения о «грабительствах и взятках» ясачных сборщиков и других управителей. Эти жалобы должны были отсылаться «в Сибирскую губернскую

и другие тамошние канцелярии» для приведения следствия «кратчайшим образом, а не по форме судом» (то есть розыском), а виновных указывалось ссылать в Анадырский острог и на Камчатку [9, с. 340]. В этой связи необходимо обратить внимание на один очень немаловажный момент. Камчатка рассматривалась правительством большей частью как место ссылки (в том числе, в виде ссылки в службу) для неугодных лиц («государственных» или «политических» преступников, участников восстаний и противоправительственных заговоров, изменников, шпионов, самозванцев, критиков правительственного курса, военнопленных и т. п.). Но, избавляясь от преступников и людей социально неустойчивых, правительство укрепляло общественную безопасность в Сибири, неуклонно снижая ее на Камчатке.

В декабре 1763 г. на Камчатку «для содержания и охранения верноподданных народов и учреждения добрых порядков, а главное для изыскания незнакомых земель и островов» был назначен капитан-лейтенант Извеков, прибывший сюда в октябре 1764 г.

По мнению А. С. Сгибнева, «выбор Извекова для учреждения добрых порядков был сделан как будто в насмешку... Трудно было приискать кого-нибудь хуже его. Казенным имуществом и казенными суммами Извеков распорядился, как своею собственностью. Водки, провианта и других казенных припасов он употребил для своего дома в течение 5-ти лет на 68 259 руб. 84 коп. Из казенных сумм производил купцам заимообразные выдачи без всяких залогов, как, например, купцу Попову выдал 3 000 руб., не требуя с него никакого обеспечения. В то же время секретарь Извекова Портнягин взятками успел составить себе состояние и с разрешения Извекова выпил казенного вина на 572 руб. 71 коп.» [51, с. 86].

Для расследования злоупотреблений Извекова сенатским указом от 26 апреля 1767 г. на Камчатку была направлена комиссия под руководством следователя якутского карабинерного полка полковника Зубрицкого. В состав комиссии Зубрицкого входили: аудитор (в то время так называлась должность военного судьи), приказный, два копииста и 16 служилых. В сентябре 1769 г. комиссия прибыла на Камчатку, где в течение зимы проводила следствие по делу Извекова. Материалы следственного дела отправились в Иркутск, а капитан-лейтенанта Извекова приговором суда разжаловали в рядовые.

Новый начальник Камчатки — Большерецкий главный командир капитан Григорий Нилов (назначенный на эту должность следователем Зубрицким) также не смог навести порядок в камчатских финансах. «Заимообразные выдачи» казенных средств продолжались. Так, представители компании купцов московского Василия Серебрянникова, томского Алексея Аркашева и иркутского Андрея Шапошникова в марте 1770 г. получили в Нижнекамчатской приказной избе ссуду 4 000 руб. [29, с. 71]. В 1771 г. для плавания к Алеутским островам ссуда в сумме 5 000 руб. была предоставлена Федосу Холодилову.

Недостаток продовольствия на Камчатке (по причине неурожа рыбы и эпидемии оспы) заставил Нилова выдать 1 500 руб. «заимообразно на расходы по заведению хлебопашества» посадскому Рыжкову, который не смог эффективно распорядиться деньгами, за что «его за конвоем препроводили в Иркутск» [51, с. 90—91].

Но вышеизложенные проблемы казенного управления, по сути, были мелочами, по сравнению с тем, что произошло позднее. В ночь с 26 на 27 апреля 1771 г. в Большерецке вспыхнул бунт под руководством ссыльного Августа Морица Бенъевского. Бунтовщики убили Нилова, взяли в плен отвечавшего за документальный учет казенного имущества канцеляриста Спиридона Судейкина и захватили все казенное имущество. В результате бунта потери государственной казны составили: 6 372 руб. 30 коп., 199 казенных соболей, три пушки, одна мортира, 50 гранат, 600 пуль и картечей, четыре пуда пушечного пороха, один пуд ружейного, 30 шпаг, 25 ружей, 400 пудов провианта и 11 фляг вина. Кроме этого, со всеми запасами и вооружением был захвачен казенный галиот «Святой Петр», на котором участники бунта убыли с Камчатки.

После вышеизложенных событий, в апреле 1772 г., был издан Указ Екатерины II, согласно которому «к приведению в лучший порядок и благосостояние жительствоющих» главным командиром Камчатки был назначен отставной капитан Магнус Карл фон Бем, пожалованный данным указом чином премьер-майора. По мнению Н. В. Слюнина, «назначение главным командиром Камчатки человека, облеченного личным доверием императрицы, составляет новую эру в управлении полуостровом» [54, с. 64].

Магнус Бем, прибывший на Камчатку в октябре 1773 г., «без послабления» принял действенные меры по наведению порядка на полуострове, в том числе и в финансовой сфере. Благодаря Бему доходы государственной казны на Камчатке выросли. На них содержались все камчатские служащие.

Так, в 1774 г. доходы составили 57 778 руб. 40 коп. (в том числе: ясачных сборов 2 288 руб. 70 коп., подушных сборов 419 руб. 74 коп., винных сборов 6 789 руб. 21 коп., с лавок 418 руб. 80 коп., неокладных сборов 31 854 руб. 95 коп. и десятипроцентный сбор торговой пошлины (с промыслов) 18 257 руб. 60 коп.); в 1775 г. — 32 278 руб. 74 коп. и в 1776 г. — 27 056 руб. 76 коп. При этом расходы на денежное содержание военных и гражданских служащих, а также священнослужителей на Камчатке составили 26 859 руб. 38 коп и провиантом 11 844 руб. 93 коп.

Руководствуясь предписанием иркутского губернатора Бриля: «если же денежной казны будет недостаточно, требовать из Охотска, но вообще заботиться, чтобы денег было всегда в запасе на год, а провианту на два», умелый руководитель Бем сдал при передаче дел своему преемнику коллежскому ассессору Францу Рейнеке 50 000 руб. казенных средств [52, с. 7, 14—15].

Как писал в дальнейшем сам Бем, «из порученной мне суммы не мог я нисколько употребить... не испросив наперед дозволения от высшего начальства, на что требовалось за дальностью целые два года. По любви к отечеству и тщательному исползованию должности моей, употребил я к сему малое свое имение» [31, с. 90].

Такое радетельное отношение к государственной казне было оценено по достоинству — в феврале 1780 г. Бема назначили казначеем публичной экспедиции Казенного Департамента Государственной коллегии иностранных дел.

Дальнейший ход событий в обеспечении государственного финансового контроля на Камчатке неразрывно связан с последующим этапом долгого и непростого становления на полуострове специализированного органа финансового управления — территориального казначейства.

Создание общегосударственной казначейской службы в России связано с выходом в эпоху царствования Екатерины II «Учреждений для управления губерний Российской империи» от 7 ноября 1775 г., которые коренным образом изменили устройство местной власти, в том числе в части управления бюджетом и казенным имуществом. Согласно этому документу, в каждой губернии создавались казенные палаты, которые представляли собой «не что иное... как соединенный департамент Камер и Ревизион-коллегии».

В ведении казенных палат находились «домостроительные и казенные дела той губернии, как-то: ведомости о числе народа, ревизионные сказки, сведения о приходе и расходе, ревизия счетов, соляные дела, винный откуп и подряды, казенные всякие права, казенные и публичные строения и их содержание в той губернии, с такою против Камер-коллегии отменою, что Казенная палата никого не судит...» Казенная палата также должна была «накрепко смотреть... дабы в той губернии с народа никакие запрещенные сборы собираемы не были...»

Кроме того, «Учреждениями» определялись основные функции казенных палат: «Казенная палата в разсуждении доходов и. в. старается: 1) дабы доходы сполна и в настоящее время собраны были, 2) дабы доходы куда надлежит доставлены были и 3) дабы доходы в целости сохранены были».

«Казенная палата сочиняет погодно верный реестр о доходах каждого уезда той губернии и старается, дабы сии реестры были исправны и точны, и доставляет все сведения о доходах и расходах той губернии к государственному казначею».

Таким образом, находившиеся ранее под надзором губернаторов и воевод финансово-хозяйственные функции обособились ведением особой группы финансово-хозяйственных учреждений: казенной палаты в губернии и казначейства — в уезде [14, с. 162].

На Сибирь нормы «Учреждения для управления губерний Российской империи» были распространены в начале 1780-х гг., после нового админис-

тративно-территориального деления. «По высочайшему Его императорского величества указу, данному Правительствующему Сенату в 6 день марта 1783 года...» была учреждена Охотская область (с центром в Охотске), в состав которой вошли три округа: Гижигинский, Акланский и Нижнекамчатский.

Во взаимоотношениях с центральным финансовым органом губернии — Иркутской губернской казенной палатой, казначейское управление на Камчатке было представлено областным казначейством в Охотске [49, с. 37; 50, с. 62] и уездным в Нижнекамчатске. В их штат входили присяжные (из отставных унтер-офицеров) и казначей (соответственно, областной, либо уездный). Согласно штатам 1782 г. в Сибири создавались три казенные палаты, четыре областных и 38 уездных казначейств [15, с. 12].

Будучи подчиненными казенной палате, «которая их погодно при смене считает, и их счета поверяет», уездные казначейства заведовали всеми казенными доходами и расходами в уезде и обязаны были предоставлять в казенную палату «следующие ведомости: 1) все ли казенные доходы собраны, или 2) за чем доход не собран, 3) куда доходы употреблены, 4) есть ли за штатным расходом остаток, 5) где те остатки и 6) все ли налицо и таковою ли монетою, каковою в приход вступили».

Но уездный казначей сам не собирал доходы и являлся только хранителем сумм. Выдачи он производил по предписаниям управлений различных ведомств. Уездные казначей назначались казенными палатами под свою ответственность «из людей опытных и благонадежных» и, чтобы устранить затруднения в замещении должностей, обязывались прослужить не менее трех лет [33, с. 40].

Впрочем, казначей мог быть оставлен «на другое трехлетие и далее, но с тем, чтобы таковой казначей непременно сочтен был надлежащим образом во всех его приходах, расходах и в остающихся из года в год недоимках». Казначей при вступлении в должность давал подписку об ознакомлении с возможностью привлечения его к уголовной ответственности за совершение определенных действий «без дозволения» казенной палаты.

Уездные казначейства находились в большой зависимости от земских исправников. Статья 143-я «Учреждений», в частности, предусматривала, что «буде же уездный казначей станет мешкать в приеме сбора или в отдаче расписок о приеме, и на него в том жалоба будет нижнему земскому суду, тогда земской исправник должен казначею напомнить об исполнении его должности и о том уведомить казенную палату, дабы не исправные по мере их вины и воздаяние получить могли». Такая зависимость, по справедливому мнению В. Е. Зубова и А. К. Кириллова, в условиях Сибири выглядела оправданной, поскольку земский исправник сосредотачивал в своих руках всю полноту власти в уезде, а обращение непосредственно в казенную палату затруднялось большим расстоянием до губернских центров [15, с. 13].

Однако, на наш взгляд, в случае с Камчаткой исправник не столько контролировал, сколько фактически управлял уездным казначейством. Другими словами, первоначально уездным казначеем на Камчатке являлся сам исправник. При этом прямая зависимость работы камчатского казначейства от указаний руководителей Камчатки сохранялась и позднее.

Предположительно, Нижнекамчатское уездное казначейство было образовано в период с октября 1784 по февраль 1785 г., когда в Нижнекамчатске сформировались предусмотренные «Учреждениями для управления губерний Российской империи» уездные органы управления.

По нашему мнению, именно в связи со становлением казначейства на Камчатке в сентябре 1784 г. с отдельными полномочиями («...ему предоставлены были отдельные права над округом, с тем только, чтобы он содействовал городничему в делах управления» [52, с. 24]) в должность капитана-исправника Нижнекамчатской округи вступил барон коллежский асессор Иоганн Готфрид Штейнгель. Как позже напишет об этом его сын — декабрист Владимир Штейнгель, «так как сей отдаленный край весьма еще мало был известен, то правительство, желая иметь о нем лучшие сведения, имело нужду в чиновнике, имеющем отличные сведения, который бы решился туда ехать» [60, с. 63].

При этом И. Г. Штейнгель, прибыв в Нижнекамчатск, сразу же вступил в конфликт с комендантом Нижнекамчатского острога майором Орленковым, ибо «...подчиненные чиновники из отставных камер-лакеев, почтальонов, курьеров и тому подобных людей» — есть толпа «безнравственных невежд, приехавших в Камчатку с единственную целью обогатится и пожить на счет безгласных и угнетенных ее жителей» [60, с. 63—64].

Особое внимание обращают на себя правила, которые И. Г. Штейнгель с целью соблюдения казенного интереса пытался установить в бюджетно-налоговой сфере. Так, 26 и 27 августа 1786 г. в Петропавловске он участвует как представитель власти в торговой сделке между купцом Г. И. Шелиховым и В. Питерсом (которые ждали «отложу при том торг до прибытия камчатского начальника») для обеспечения уплаты пошлин за привозимые английские товары. «Чрез него на французском языке условились о пошлине с тем, что какая вышним правительством положена будет, таковую обязались они безотговорочно заплатить, и тогда начали производить торг» [44, с. 199—200, 244]⁶. По договору уплата пошлин производилась путем передачи части товаров в государственную казну.

Такое положение соответствовало общему состоянию денежного обращения и взаиморасчетов на Камчатке. В январе 1788 г. участник кругосветной экспедиции Ж. Ф. Лаперуза Жан Батист Лессепс, отмечая, что на Камчатке «ходячие монеты суть Империялы золотые, рубли, полтины, мелких серебряных денег очень мало; медные и ассигнации не вошли еще в упо-

требление на сем полуострове», указал что «всякий тойон (выборный старейшина. — *Д. К.*) собирает подушной оклад в своем остроге и отвозит его потом в Государственное казначейство, но наперед каждому Камчадалу дает расписку своей руки в получении с него подушного оклада, или замечает своей печатью, либо каким нибудь знаком...» [28, с. 134—135]⁷.

Свидетельства о существовании казначейства на Камчатке в 1780-х гг. мы находим и в документах Северо-Восточной географической и астрономической экспедиции под командованием капитан-лейтенанта Иосифа Иосифовича Биллингса.

12 сентября 1789 г. Биллингс извещал Адмиралтейств-коллегию о том, что из 40 000 руб. предполагаемых расходов («встретится могущие расходы в деньгах») им было получено в Якутске только 20 000 руб., «а достальная, то ж 20 000 руб., оставил получить из камчатского казначейства, где непременно я быть должен...» [46, с. 256].

В письме от 12 августа 1791 г. Биллингс (после своего личного пребывания в Нижнекамчатске) предписал своему помощнику — Г. А. Сарычеву «получить известие и о деньгах, его высокопревосходительством к пересылке казенной палате предложенных, составляющих сумму 13 465 руб. 34 коп. от Нижнекамчатского уездного казначейства, и есть ли оныя вами получены будут, употреблять на расходы, могущие случиться, и на жалованье находящимся в команде вашей чинам» [46, с. 297]⁸.

Как видно, Камчатское казначейство в конце XVIII в. действительно существовало. Это также прямо подтверждается описанием Иркутской губернии, согласно которому в конце 1790-х гг. камчатское уездное казначейство находилось в Нижнекамчатске [6, с. 223].

Мнения о переводе казначейства из Нижнекамчатска, вероятно, возникли после ноября 1794 г., когда купец Г. И. Шелихов в своем донесении Иркутскому генерал-губернатору И. А. Пилю сообщил о неудобстве расчетов за перевозку людей и имущества в Нижнекамчатске: «...казенные суда единственно в Охотске для того только и содержатца, чтоб на них перевозить казенной и партикулярной груз и людей, и путь онаго судна... до Петропавловской гавани в Камчатке состоящей, или до города Гижиги, и очень ближе, нежели до Нижнекамчатского города». В этой связи Шелихов просил: «Сколько же за весь груз и пассажиров придется по установленному там порядку получить в казну перевозных денег, оныя с меня взскачь в Охотске». Так и сделали. Пилю предписал охотскому коменданту взыскать в Охотске с Шелихова «в казну подлежащее число за тех людей и груз перевозных денег, по положению указом Правительствующего Сената установленному» [44, с. 355—356, 372—373], а у руководства полуострова появились планы перевести казначейство ближе к источнику казенных доходов — в Петропавловскую гавань.

Однако 11 августа 1803 г. вышел именной указ «Об устройстве областного правления на Камчатке и предварительного управления в Охотске». По этому указу Камчатка впервые выделилась в самостоятельную область во главе с комендантом, который одновременно назывался и «правителем области Камчатской». Комендант и областное правление находились в Верхнекамчатске. Здесь же пребывало и областное казначейство, в котором состояли казначей, четыре присяжных и канцелярские служители [49, с. 40].

О работе казначейства в период его перевода из Нижнекамчатска в Верхнекамчатск нам ничего не известно, но очевидно, что оно мало препятствовало казенным растратам. В 1802 г. на смену «особому военному начальнику Камчатки» А. А. Сомову прибыл генерал П. И. Кошелев, который, приняв должность коменданта, установил, что Сомов и большинство его офицеров занималась казнокрадством: «...провиант выписывался в расход и продавался частным лицам чрез посредство прикащиков Российско-Американской Компании. Все книги и счета были с фальшивыми расписками. Продавали казенный порох компании, которая сбывала его туземцам по баснословно высоким ценам. Кошелев конфисковал у компании весь порох и записал его на приход казны, арестовал прикащика компании Хлебникова за его мошенничество» [52, с. 41].

В ноябре 1806 г. П. И. Кошелева отстранили от должности, и на его место назначили генерал-майора Петровского. Однако этот выбор оказался крайне неудачным. Петровский занялся «самым широким грабительством, собирая лисиц... участвуя в торговле с купцами, продавая им провиант», и довел Камчатку «до обнищания» [54, с. 79—80]. Для расследования преступлений Петровского осенью 1812 г. из Иркутска прибыл майор Тараканов [52, с. 51].

Во время руководства Петровского (1806—1812 гг.) казначейство уже находилось и действовало в Петропавловске. По свидетельству В. М. Головина, в 1809 г. среди годных жилых строений в Петропавловском порте находился казенный дом для канцелярии и казначейства [65]. В своем дневнике Головин отмечал: «В начале декабря пришла в Петропавловскую гавань нижнекамчатская почта, с которой получил я от областного начальника, господина генерал-майора Петровского, ответы на мои к нему отношения. Его превосходительство согласился предписать здешнему казначейству производить нам жалованье за текущее время...» [11, с. 274].

Очередные изменения в административном устройстве Камчатки произошли в 1812 г. По результатам работы Комитета по преобразованию управления Камчатки и Охотского края, 9 апреля 1812 г. вышло новое Положение об управлении Камчаткой, составленное в связи с тем, что «настоящее областное в Камчатке правление, яко слишком для края того обширное и многосложное» было решено упразднить. Оказалось ликвидировано и действующее камчатское областное казначейство.

В дополнение к указанному положению была подготовлена подробная инструкция, ставшая главным руководством для деятельности камчатских начальников вплоть до середины XIX в. В этой инструкции отмечалось, что «часть казначейская остается в настоящем ее положении, и начальник Камчатки обязан лично наблюдать, чтоб все узаконения и от казенной экспедиции предписанные правила хранения казны, ежемесячного оной при самом начальнике свидетельствования, неприкосновенность сих последних без ассигнования казенной экспедиции и прочее исполнены были со всею точностью», а «ежегодную подробную ведомость о приходе, расходе и остатке хлеба и о вырученных и отосланных в казначейство деньгах начальник обязан предоставлять в казенную экспедицию». При этом начальнику Камчатки в части доходов и расходов по Петропавловской гавани особо предписывалось «подробные ведомости... предоставлять главному начальству и в казенную экспедицию по окончанию каждого года, с предоставлением в последнюю и шнуровой книги, в которую со всей исправностью должен быть вписываем приход сумм собственноручно самими вносителями, а расход с расписками получателей».

В целом «главнейшей обязанностью» начальника Камчатки «по части хозяйственной» являлось «изыскание способов или источников к приращению, по возможности, доходов казны и к приумножению выгод тамошних жителей» и, кроме того, «иметь прилежный надзор, чтобы камчадалы, внося ясак натурою, не теряли ничего в ценах, и казна была бы в выигрыше, получая оный наиболее зверем сколь можно лучшей добротью».

Следует особо отметить и те задачи по достижению экономической эффективности управления Камчаткой, в соответствии с которыми начальник Камчатки, «как единственный хозяин сей области, ведающий подробно внутреннее состояние оной, должен прилежно изыскивать все возможные средства, или новые неизвестные еще доселе источники, к доставлению особых доходов казне, без отягощения, а тем более без разорения жителей, и чрез то привести сей отдаленный край относительно содержания оного в такое положение, чтобы ежели не с избытком, то, по крайней мере, те издержки возвратились в казну, какие по штату выходят на содержание тамошнего начальства».

Для достижения этого при начальнике Камчатки была учреждена канцелярия, состоявшая из секретаря и трех канцелярских служителей. «Штатные издержки» начальнику Камчатки разрешалось производить «не требуя на то разрешения», а «сверх того, в непредвиденных и неотлагательных случаях употреблять ему, буде то для пользы казенной необходимо нужно, до 5 000 руб., донося всякий раз, сколько, на что и по каким важным и особенным причинам издержано», но при этом «стараясь как можно умерить сии расходы» [8, с. 21].

Между тем, инструкцией начальнику Камчатки, в связи с тем, что «в настоящем состоянии Петропавловской гавани нельзя полагать, что там нашлись такие казенные дома, которые удобны и приличны были бы», вероятно, предполагая возможность возобновления работы казначейства на Камчатке, начальнику было разрешено «выстроить дом, разделяя на особые корпуса», из которых «третий корпус для казначейства, для хранения ясашной рухляди и всякой другой казны».

В мае 1817 г. из Охотска в Петропавловск прибыл новый начальник Камчатки капитан 1-го ранга П. И. Рикорд. В это время на полуострове сложилась тяжелая ситуация, «казенные припасы, лекарства были исчерпаны. Камчатка нуждалась в дополнительных источниках снабжения...» [31, с. 160]. Бедственное положение дел совпало с общей, удручающей ситуацией в государственном управлении Сибирью.

Для исправления положения 22 марта 1819 г. генерал-губернатором Сибири был назначен М. М. Сперанский, которому поручалось проведение ревизии управления краем. В ходе ревизии выявились вопиющие случаи произвола, казнокрадства и взяточничества, более четырехсот нарушителей государственной дисциплины отдали под суд. По ее результатам Сперанский подготовил записку о состоянии дел на Камчатке [9, с. 598].

В октябре 1819 г. П. И. Рикорд обратился к Сперанскому с проектом преобразования Петропавловской гавани в «звание настоящего порта». К проекту обустройства порта прилагался список предполагаемых строений, согласно которому в 1819—1820 гг. при сооружении казенных зданий планировалось «выстроить новые строения на казенный щет», в том числе здание, в котором следовало разместить канцелярию начальника, казначейство, провиантскую и архив [34, с. 208].

Однако в письме М. М. Сперанского от 30 июня 1820 г. в адрес морского министра отмечается, что «в последовавшем в Государственном совете мнением о необращении экстраординарной суммы на строение невозможно было разрешить начальнику Камчатки отсюда употреблять сию сумму» [66]. Таким образом, по причине несогласованности действий при выделении средств запланированное к постройке в Петропавловске здание казначейства в 1820-е гг. так и не появилось.

В феврале 1821 г. был учрежден Департамент Государственного Казначейства Министерства финансов Российской Империи, который разделялся на две главные части: распорядительную и счетную. При этом счетная часть Департамента включала в себя контроль и бухгалтерию. Но в части организации работы территориального казначейства на Камчатке каких-либо предложений сделано не было.

Между тем, в соответствии с «Учреждением для управления Сибирских Губерний», утвержденным 22 июня 1822 г. императором Александром I, было

образовано Камчатское приморское управление, состоящее из начальника, его помощника и положенных управлению чиновников, то есть осталось «на прежних штатах». В то же время во главе казенной части Охотского приморского управления стоял окружной казначей с четырьмя присяжными счетчиками [49, с. 44].

В 1827 г. помощник начальника Камчатки А. В. Голенищев направил в Государственный совет «Записку о преобразовании Камчатского края», где, в частности, предложил перевести местные органы управления (в том числе их финансовую составляющую — казначейство) в Верхнекамчатск [6, с. 186]. Это, вероятно, и побудило центральные органы управления пересмотреть свои взгляды на работу казначейской службы. Возможно, в этой связи и было принято решение о разработке плана «на построение в Петропавловском порте казначейства» [8].

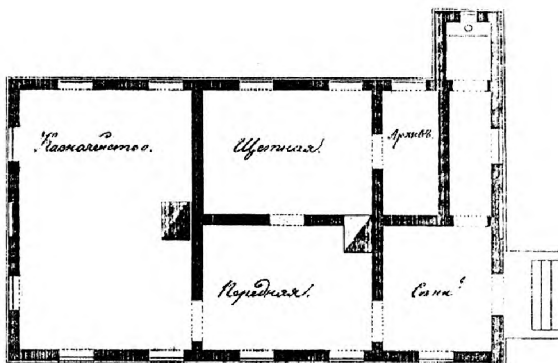
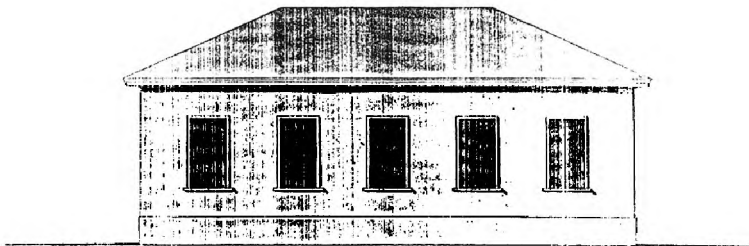
План предполагаемого к построению здания казначейства предусматривал отдельные помещения, исходя из специфики работы и разделений функций данного финансового органа: одна комната — непосредственно для казначейства, а вторая — «щетная» — помещение для работы контролеров казначейства. Но, как уже указывалось выше, здание казначейства в Петропавловске построено не было.

Следует подробно остановиться на одном интереснейшем эпизоде, давшем, на наш взгляд, очередной импульс к развитию казначейства на Камчатке. 28 сентября 1828 г. начальник Камчатки Ф. Е. Станицкий сдал должность А. В. Голенищеву, которому впервые из камчатских начальников было дано право «по делам гражданского управления особой важности сноситься прямо с министром внутренних дел, помимо Сибирского начальства».

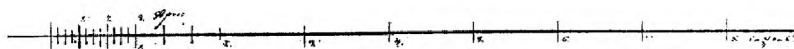
30 июня 1829 г. А. В. Голенищев в рапорте министру внутренних дел доложил, что командир Тигильской крепости Я. Е. Забела, «будучи отдален от Петропавловского порта тысячеверстным расстоянием, удобным к частным сообщениям в одно зимнее время, и не имея притом постоянных правил для руководства в своих распоряжениях, нередко должен затрудняться в ожидании разрешений на донесения свои, в то время как необходимость требует скорейших и решительных мер, или для пользы жителей, или для соблюдения казенного интереса...» По этой причине Голенищев предоставил Забеле особые полномочия, «коими он в исправлении обязанности своей должен руководствоваться, представляя... в урочное время подробные о действиях своих отчеты...» [67].

Однако уже в сентябре 1830 г. при приемке дел новым комендантом Тигильской крепости П. Ф. Кузмищевым было обнаружено, что Я. Е. Забела во время своего руководства крепостью совершал различные противозаконные поступки, в том числе расходовал казенные средства на строительство больницы, не предоставляя какую-либо отчетность. За это Забела арестовали

Планъ и Разрѣзъ на' поперекъ отъ
Петропавловскаго Казначейства (назначеннаго)



Спроектировано
С. П. Шенкелемъ



Проектъ здания Петропавловскаго казначейства, 1829 г. [8]

и отправили в Охотск. В Охотске по результатам проведенного следствия все обвинения (кроме незаконных казенных расходов, также вменялось участие в масонских ложах, незаконная торговля и взятки), за исключением отсутствия отчетов по расходованию средств, с Забелы были сняты, а его содержание под стражей признано несправедливым. Что же касается начальника Камчатки А. В. Голенищева, то ему было сделано «строгое замечание за несоблюдение должного к офицерскому званию приличия» [68].

Пока шло следствие по делу Я. Е. Забелы, с 14 января по 4 апреля 1832 г. «по округе Камчатской для обозрения благосостояния жителей» комплексную ревизию «освидетельствования всего казенного имущества» провел помощник начальника Камчатки капитан-лейтенант И. В. Сарычев [69]. Но этого оказалось мало. Упрекая А. В. Голенищева в предвзятости к Я. Е. Забеле, в 1832 г. генерал-губернатор стал требовать от начальника Камчатки подробных отчетов в расходовании денежных сумм и запретил ему без своего разрешения распоряжаться средствами, выделенными на непредвиденные расходы [52, с. 89].

В июне 1836 г. А. В. Голенищев, сдавший 11 октября 1835 г. должность начальника Камчатки капитану 1-го ранга Я. И. Шахову, выехал с полуострова в Иркутск «для отдания отчетов по управлению». Шахов же донес генерал-губернатору Восточной Сибири, что Голенищев привел край в самое бедственное положение и расстроил все прежние полезные учреждения [52, с. 89—90].

Здесь, возможно, и встал вопрос о возврате казначейства — гаранта правильности казенных расходов. Это совпало с изменением работы казначейских органов по всей России. Так, в 1837 г. уездным казначеям была дана Высочайше утвержденная инструкция, точно определявшая предметы их деятельности, пределы власти, порядок приема платежей, выдачи и хранения сумм, ведения книг и отчетности.

Исходя из имеющихся архивных данных, в 1837—1839 гг. казначеем Камчатского казначейства являлся Василий Андреевич Федоров (отец будущего известного русского писателя И. В. Федорова-Омулевского. — *Д. К.*), а бухгалтером — Станислав Бельский [70].

С 1840 по 1847 г. в должности казначея пребывал Михаил Николаевич Зарудный (из дворян, окончивший Полтавскую губернскую гимназию и частный пансион наук). После окончания казначейских полномочий он служил архивариусом при Петропавловском порте, губернским секретарем. Бухгалтером казначейства при Зарудном оставался С. Бельский. При этом присяжным Камчатского казначейства в 40-х гг. XIX в. был Яков Ольгин [71; 72].

2 декабря 1849 г. по инициативе генерал-губернатора Восточной Сибири Н. Н. Муравьева был издан высочайший указ об образовании особой области, «которой именоваться Камчатской областью». Управление ею вверялось

«военному губернатору, назначенному из чинов морского ведомства», а местом пребывания губернатора определялся Петропавловский порт.

В феврале 1850 г. на должность Камчатского военного губернатора и командира Петропавловского порта был назначен капитан 1-го ранга В. С. Завойко, прибывший в Петропавловск в начале августа 1850 г.

В соответствии с Положением об управлении Камчатской областью от 10 января 1851 г., управление территорией разделялось на общее и частное. В последнее вошло Петропавловское окружное казначейство, которое, будучи общим для всех округов Камчатской области, — Петропавловского и Гижигинского, ведало делами казенного хозяйства. При этом надо сказать, что в документах рассматриваемого периода можно встретить и наименование «Камчатское областное казначейство» (например, в послании генерал-губернатора Н. Н. Муравьева Камчатскому военному губернатору В. С. Завойко от 19 ноября 1854 г.). Однако, исходя из переписки камчатского казначейства тех лет и вышеуказанного Положения об управлении Камчатской областью, данный территориальный орган Министерства финансов официально именовался «Петропавловское окружное казначейство».

Традиционно предметами ведения казначейства того времени являлись «сбор всякого рода доходов по окладным книгам и росписям», в том числе «сбор ясака наличного звериными кожами, обращение его в продажу и доставление остального по назначению»; «хранение сумм, вверенных казначейству от разных мест»; «производство расходов по точным назначениям Казенной палаты»; «месячные выписки и годовые отчеты приходов, расходов и остатков»; взыскание недоимок, а также прием неокладных сборов — пошлин, сборов за гербовую вексельную бумагу и за паспорта.

Однако, несмотря на то, что полномочия, порядок деятельности и отчетность окружного казначейства на Камчатке соответствовали общим установленным правилам и формам, Положением об управлении Камчатской областью для Петропавловского окружного казначейства был сделан ряд существенных исключений (кстати, в дальнейшем аналогичные исключения для казначейств в Восточной Сибири повторились в отношении Приморской области — по положению от 31 октября 1856 г. и Амурской области — по положению от 8 декабря 1858 г.).

Во-первых, в отличие от других сибирских окружных казначейств, опекавшихся вышестоящими казенными палатами, контроль за деятельностью Петропавловского казначейства был передан большей частью в ведение Камчатского военного губернатора. Он, в частности «для счетных дел», назначал «особенное присутствие чиновников», контролировал проведение «срочно-освидетельствования Казначейства», да и в целом, имел право как лично, так и через доверенных должностных лиц, «делать Казначейству внезапные осмотры». Кроме того, казначейство было обязано предоставлять губерна-

тору копию годового отчета о своей деятельности, сведения из которого включались в общий губернаторский отчет по управлению областью.

Во-вторых, что касается плательщиков казенных доходов, то Петропавловское казначейство было лишено возможности самостоятельно «причислять вновь и исключать из оклада податного и ясачного, не иначе, однако, как по предписаниям Военного Губернатора». Данные предписания казначейство было обязано предоставлять по окончании финансового года в казенную палату вместе со счетными книгами и отчетами казначейства для ревизии.

В-третьих, без предписаний военного губернатора казначейством не могли осуществляться и государственные расходы. При этом, в случае недостатка в казначействе наличных денег на определенные расходы по области, военному губернатору предоставлялось право «входить с представлениями о высылке денег прямо к Генерал-Губернатору, который обязан распорядиться чрез одну из Казенных Палат Восточной Сибири об отправке туда нужной суммы из ближайших казначейств, доводя вместе с тем о сем распоряжении до сведения Министра финансов».

Исторические источники довели до нас пример, свидетельствующий о нарушении вышеизложенного порядка санкционирования расходов. Так, 29 октября 1851 г. «по случаю розбития корабля Российско-Американской компании “Шелихов” и не привоза на оном для частной продажи муки» В. С. Завойко распорядился принять «в магазин провиантский Морского ведомства только на пробу 40 бочек весом 277 пудов 31 фунт» общей стоимостью свыше 450 руб., выдав при этом гражданину США Кушину квитанцию на получение наличных денег в Санкт-Петербурге [73].

Для рассмотрения самовольных финансовых действий камчатского военного губернатора в августе 1852 г. в Адмиралтейском совете был создан специальный комитет. На сторону Завойко встал полковник Бурачек, подавший в комитет свое особое мнение, отметив, что новый камчатский губернатор многое сумел сделать, несмотря на «беспомощность начальника в стране пустынной и отдаленной от центра всяких источников, великую тесноту форм отчетности, прежде всего требующей разрешения на всё и строго возбраняющей всякое начинание».

Вместе с тем Бурачек предлагал организовать местный контроль в духе административной системы, предложенной Сперанским для Сибири. Понимая, что Камчатка не нуждается в сложном административном устройстве, Бурачек считал возможным учредить при камчатском губернаторе постоянно действующий совет, в который бы вошли старшие чины Петропавловского порта, а также чиновник от Государственного контроля и доверенные лица от Сената и Синода. Однако какие-либо действия по предложению Бурачека не последовали, а расходы отнесли «по смете 1852 года, на заготовление провианта ассигнованной» [43, с. 30].

18 сентября 1853 г. Адмиралтейский совет предоставил камчатскому губернатору более широкое право в экстренных случаях использовать деньги, выделяемые Морским министерством, и перераспределять их по статьям расходов, предписав В. С. Завойко, чтобы «на будущее время, в случае необходимости в заготовлении для Петропавловского порта припасов и вещей по распоряжениям тамошнего местного начальства», он доносил Комиссариатскому департаменту Морского министерства «как о сделанном распоряжении к заготовлению, так и о причинах заготовления...» [73].

К слову, надо сказать, что ожидание ревизии камчатских финансовых дел и изолированность финансового управления на полуострове, вероятно, накладывали свой отпечаток и на культурную жизнь Камчатки того времени: в Петропавловске был поставлен первый любительский спектакль — бессмертная комедия Н. В. Гоголя «Ревизор».

Дошедшие до нас архивные источники сообщают, что в 1850—1852 гг. Петропавловское окружное казначейство было представлено казначеем титулярным советником Станиславом Бельским (как уже указывалось выше, служившим ранее бухгалтером, а с 1848 г. окружным казначеем), канцелярским служителем 3-го разряда бухгалтером Игнатием Смирновым, канцелярским служителем 2-го разряда писцом (коллежским регистратором, исполняющим должность журналиста — должностного лица, делавшего ежедневные записи в специальных книгах-журналах) Яковом Ляве, а также присяжными из отставных чинов Егором Дюковым и Иваном Малковым [74].

Согласно типовым штатам того времени, жалованье окружного казначея составляло 500 руб. серебром в год и 250 руб. столовых. По должности казначей относился к 8-му классу табели о рангах и 8-му разряду шитья на мундире. Годовое жалование бухгалтера составляло 300, журналиста — 200 и присяжного — 150 руб.

Известно, что в январе 1854 г. на должность писца казначейства по распоряжению губернатора В. С. Завойко был прикомандирован пиसेц Петропавловского окружного суда Бутаков, работавший в казначействе под руководством бухгалтера Игнатия Смирнова [75].

В ноябре 1854 г. исполняющий обязанности казначея окружного казначейства титулярный советник Дружиловский отмечал, что «в настоящее время состоит на службе в здешнем казначействе только бухгалтер Смирнов. Прочие сии как-то: казначей Бельский, пиसेц Ляве и присяжный Малков находятся в отставке. Первый выбыл в Каменск-Подольск, второй в Киев, а третий в Иркутск. Что касается до присяжного Дюкова, то он помер» [74].

С мая по декабрь 1853 г. в Петропавловске вместо ветхого здания казначейства, купленного в конце 1830-х гг., было построено новое здание, в котором расположились казна, присутствие, казначейство, а также канцелярия камчатского военного губернатора [8, с. 38]. О конкретном месте, где находи-

лось указанное здание в Петропавловске, сведений не сохранилось, но известно, что просуществовало оно недолго.

Отдельные современные исследователи полагают, что указанное «пустовавшее здание казначейства» сожжено англо-французским десантом при занятии Петропавловска летом 1855 г. На наш взгляд, подобные версии, появившиеся, видимо, из-за подмены понятий «казенные магазины» и «казначейство» сомнительны.

Приведем любопытное, но весьма осторожное свидетельство очевидца тех лет — горного чиновника Карла фон Дитмара. В своих воспоминаниях он, описывая события, произошедшие в Петропавловске зимой 1853—1854 гг., отмечал, что в результате случившегося пожара «канцелярия с архивом сгорела дотла, в этом, впрочем, скоро утешились: во-первых, никого из обывателей это непосредственно не коснулось, так как там никто не жил, а затем ведь такова и судьба канцелярий и подобных учреждений, что архивы, большей частью, содержимые в большом беспорядке, легко загораются. Огонь — часто лучшее средство против беспорядка и упущений» [13, с. 571].

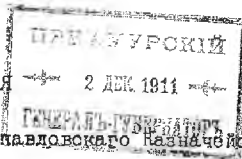
Как видно, здание окружного казначейства, где во время К. Дитмара располагалась канцелярия губернатора, было уничтожено огнем до нападения англо-французской эскадры.

После героической Петропавловской обороны в августе 1854 г., в марте 1855 г. было решено перенести порт в устье Амура. Весной 1855 г. Петропавловское окружное казначейство перевели в Николаевск-на-Амуре, где оно продолжило свою работу при гражданском управлении Камчатского военного губернатора предположительно до октября 1856 г.

В соответствии с указом императора Александра II от 31 октября 1856 г. была образована Приморская область. Сенату предписывалось: «В состав оной обратить теперешнюю Камчатскую область». Управление Приморской области разделялось на общее и частное. В состав частного управления вошло Николаевское окружное казначейство, ставшее общим для всех округов Приморской области, в том числе и Петропавловского.

Во второй половине XIX в. управление Камчаткой упростилось до предела. Все областные учреждения были переведены в Николаевск-на-Амуре. Камчатка более чем на полвека превратилась в глубокое захолустье, забытую окраину России. Хронический недостаток средств на освоение и отсутствие объективных сведений о положении дел в «северных округах» вынуждали правительство мириться с определенной самостоятельностью местной администрации [48, с. 211].

Между тем, в начале XX в. угроза экономического захвата Камчатки японцами и неутешительные итоги русско-японской войны (1904—1905 гг.) заставили правительство вновь обратить внимание на свою восточную



К О П И Я

2 ДЕК. 1911

отношения К а з н а ч е я Петропавловскаго казначейства отъ 1-го
19-го Октября 1911 года за № 1107.-


Его Превосходительству

Господину К а м ч а т с к о м у Губернатору.

Въ исполненіе личнаго приказанія доношу Вашему Превосходительству, что съ 1-го Ноября минувшаго 1910 года / день открытія Казначейства / по сіе число внесено вкладовъ въ Сберегательную кассу при Казначействѣ по 540 взносовъ всего 193 тысячи рублей; изъ нихъ за это время, выплачено и переведено на другія кассы по 40 книжкамъ 40000 руб. и куплено для вкладчиковъ ~~руб.~~ бумагъ на 21 тысячу рублей, каковыя хранятся въ кассѣ. Остальные 500 вкладовъ на 132 тысячи рублей, кромѣ ~~руб.~~ бумагъ, принадлежать: 23 вклада мѣстнымъ церквамъ на 6000 руб., 65 вкладовъ камчадалскимъ сельскимъ обществамъ на 23000 руб., 217 - мѣстнымъ камчадаламъ на 38000 руб.; остальные же 195 вкладовъ на 65 тысячъ рублей - пришлымъ временно разночинцамъ. Вынутые вклады принадлежали разночинцамъ. -

Подлинное подписалъ: Казначей В. И л ь и н с к і й. -

Съ подлиннымъ вѣрно:

Младшій Дѣлопроизводитель 

Письмо казначея Петропавловскаго казначейства В. Ильинскаго губернатору Камчатской области В. В. Перфильеву от 19 октября 1911 г. с сообщением о работе Сберегательной кассы с момента открытия казначейства — 1 ноября 1910 г. [76]

территорию. Для финансовых ревизий на Камчатку стали командироваться чиновники Приморского областного правления: в 1903 г. — поручик Иванович, в сентябре 1905 г. — А. П. Сильницкий, в июле 1906 г. — А. В. Суханов, в 1907 г. — Ф. Ф. Сомов.

В 1909 г. были приняты законы о переустройстве Приморской области, по которым была восстановлена Камчатская область во главе с губернатором. На должность губернатора 22 июля 1909 г. был назначен Василий Власьевич Перфильев, в августе этого же года прибывший в Петропавловск.

Именно благодаря В. В. Перфильеву, 1 ноября 1910 г. на Камчатке вновь начало свою работу Петропавловское казначейство под руководством В. Ильинского [76].

По прошествии более чем двух веков на Камчатку в 1909 г. впервые был назначен постоянный представитель органа государственного финансового контроля — Амурской контрольной палаты. Им стал младший ревизор (фактический контролер) И. Гильцебах.

В этой связи необходимо отметить, что еще в ноябре 1903 г. наместник царя на Дальнем Востоке в Порт-Артуре, выступая с предложениями «о выделении северных уездов Приморской области в особую Камчатскую область», отмечал, что «контроль распорядительных управлений Камчатской области в отношении расходования сметных кредитов и движения сумм по кассам специальных сборщиков будет подан Амурской контрольной палате, в виду же отдаленности контрольной палаты от области представлялось бы целесообразным, чтобы в Петропавловске находился постоянно один из членов палаты в виде старшего ревизора или контролера для проверки отчетности на месте, подобно тому, как это установлено на острове Сахалин. Этот представитель контроля входил бы в состав общего присутствия управления в качестве члена при рассмотрении дел в присутствии, связанных с интересами казны. Кроме того, он мог бы участвовать в практическом контроле и при всякого рода сметных работах» [77].

Таким образом, в 1909 г. начинается хронология событий, связанных с деятельностью специализированных органов государственного финансового контроля на Камчатке, а также с работниками этих органов — людьми, внесшими свою лепту в совершенствование экономики и финансового обеспечения полуострова.

Подводя итог, отметим, что проведенное исследование вопросов государственного финансового контроля на Камчатке в XVIII — начале XX вв. подтверждает, что при всех различиях с сегодняшним днем прослеживается общность его условий и задач. В первую очередь, особенность государственного финансового контроля на Камчатке во многом обусловлена отдаленностью полуострова от материковой части России, в силу чего он и в наши дни носит изоляционный характер. Анализ его становления выявил особое

предназначение — удовлетворение экономических и политических интересов государства на полуострове с поэтапным встраиванием Камчатки в общеимперскую государственную систему.

Бесспорно, что государственная финансово-контрольная система может быть признана сформированной, если она имеет конкретные признаки [26, с. 15]. Камчатка здесь не исключение: признаки государственного финансового контроля, как неотъемлемого атрибута государственной власти, встречаются на протяжении всего периода нахождения полуострова в составе России. Становление финансово-контрольных институтов на Камчатке в рассматриваемый период было теснейшим образом связано с особенностью освоения полуострова, а также с социально-экономической, административной и национальной политикой государства в северо-восточных регионах. Долгое время центральные власти искали различные варианты оптимальной управляемости Камчаткой, в том числе настойчиво изыскивались наиболее эффективные и действенные формы обеспечения финансового контроля.

Сегодня, думая о будущем Камчатского края, стремясь выявить реальные перспективы его развития, необходимо изучать и вдумчиво относиться к опыту российской государственности, на всех этапах развития которой особое место отводилось финансовому контролю.

Только от нас зависит, в каком образе мы предстанем перед потомками: или как недалёковидные и непоследовательные в своих действиях, или как вдумчивые и взвешивающие каждый свой шаг, каждое решение служащие своей великой страны.

КОММЕНТАРИИ

¹ Говоря о Михаиле Зиновьеве (Многогрешном), следует также отметить его весьма энергичные усилия по упрочнению позиций русских в управлении регионом: совершил поход из Верхнекамчатского острога по реке Камчатке и «всех немирных камчадалов в ясак привел, иных ласкою, а иных войною», перенес Нижнекамчатское (Еловское) зимовье («ясашную избу и зимовья с Еловки реки»), перевел часть анадырских служилых с реки Уки (Укинских зимовий), а также инициировал постройку Большерецкого острога, после чего «...таким образом приведши Камчатские дела в некоторый порядок, щастливо в Якутск возвратился с ясачной казною» [24, с. 196; 51, с. 14].

² Эта работа, по сути, является первым экономико-географическим описанием России и содержит наиболее полные сведения о реальных доходах и расходах государственного бюджета России за 1725 г. В книге также упоминаются должности первых финансовых контролеров и администраторов Камчатки: «На реке Камчатке первой острог Нижней, другой Верхней, третьей Большерецкой. В те остроги посылаются прикасчиков два, толмачи, подьячие, целовальники да служилых людей человек по 100, да жилых служилых же во всех от острогах со 150 человек...» [19, с. 300]. Кроме того, добавим, что И. К. Кириллов вместе с географом И. Н. Делилем

составлял карты для Второй Камчатской экспедиции, являлся автором проекта доклада по активизации исследований на Дальнем Востоке, а также проекта инструкции начальнику Охотского порта и иных важнейших документов того времени (по вопросам улучшения коммуникаций на Дальнем Востоке, заселения края, льгот для купечества, укрепления русских форпостов) [12, с. 140].

³ Надо сказать, что северо-восточные экспедиции XVIII в. много привнесли в становление государственного финансового контроля на Камчатке. Как верно заметил Л. А. Гольденберг, «главной особенностью северо-восточных экспедиций XVIII в. стало тесное переплетение решаемых ими государственных задач социально-политического, экономического и научного характера. Экспедиционная активность в XVIII в. была предопределена развитием общеисторических процессов и явлений — потребностями всероссийского рынка, борьбой России за выход к морям, практическими интересами чиновничье-дворянской монархии» [12, с. 6].

Например, в инструкции Адмиралтейств-коллегии В. Й. Берингу об организации Камчатской экспедиции (январь 1725 г.) три из девяти пунктов посвящены вопросам обеспечения действительного государственного финансового контроля. Так, пункт 3-й гласит: «Денежного жалования вам и команды вашей служителем на 725 год послано с вами надлежащее число суммою сполна, и для записки приходу и расходу дана прошнурованная за печатью книга, которую производить вам всем команды вашей служителем на сей 725 год по заслужении третей по окладам их, как регламент повелевает». Пункт 5-й целиком посвящен тому, что «на платеж прогонов и на всякие приключившиеся в пути и по прибытии тамо нужнейшие расходы послано с вами денежной казны 1 000 рублей и для записки дана прошнурованная книга» (об этом же сказано и в 6-м пункте инструкции: «...платить прогонные и поверстные деньги по указу, записывая в памянутую прошнурованную книгу»); пункт 9-й регламентирует отчетность Беринга: «по отправлении из Санкт-Петербурха до назначенного места и по прибытии туда, и что у вас будет во исправлении оной экспедиции чинища, иметь вам журнал и в Адмиралтейскую Коллегию присылать репорты помесечно» [45, с. 37, 40].

Как мы видим, инструкция обязывала Беринга рапортовать о делах экспедиции ежемесячно. Сначала он выдерживал сроки. Так, в июле 1728 г. «нижайший слуга Государственной адмиралтейской коллегии» Витус Беринг «покорно» доносил среди прочего о том, что «...из данных мне из Цалмейстерской канторы из 1 000 рублей осталось за расходом 573 рубля 70 копеек, и оные деньги взял с собою для всяких случившихся нужд». При рапорте Беринг приложил «табель о состоянии команды и денежной расход с 1727 году з генваря месяца и до июля 10 дня сего 1728 году» [45, с. 68].

Но потом Беринг стал посылать рапорты все реже. О плавании 1728 г. он не послал в Адмиралтейств-коллегию ни одного рапорта. Еще хуже обстояло дело с финансовой отчетностью. Возложив канцелярию, финансы и материальную часть на мичмана Петра Авраамовича Чаплина, комиссара Ивана Дурасова и матроса Ивана Белого, Беринг не особо вникал в финансовые документы экспедиции. Эта черта проявлялась у него и раньше, о чем свидетельствуют материалы о временном отрешении Беринга в 1716 г. от командования кораблем «до подачи счетов в издержанных казенных деньгах во время плаванья» [25, с. 163].

Есть и другие примеры различных документов, регламентирующих порядок обеспечения государственного финансового контроля в деятельности экспедиции. Так, в феврале 1736 г. М. П. Шпанберг дал лейтенанту В. Вальтону следующую инструкцию: «Сколько когда возьметца и привезено будет к вам провианта и матриалов, иметь записные книги с росписанием порознь, чтоб можно было ведать, коликое число пудов или каких званием матриалов, откуда имянно и с кем имяны привозом вступить, и расход записывать по тому ж со объявлением порознь, кому имяны, и на которые месяцы, и по скольку человеку в выдаче будет провианта, и от какова приему, дабы со оной обстоятельной записки могли нас обстоятельно ж репортовать и вовремя отчет дать» [45, с. 158].

В другом случае Беринг в октябре 1739 г., рапортуя в Адмиралтейств-коллегию об отправлении штурмана Ивана Елагина на боте «Св. Гавриил» на Камчатку для описания побережья от Большой реки до Авачинской губы, отмечал: «И велено ему, Елагину, ежели кто из подводчиков пожелает взять табаком, то таким давать по разположению по цене по чему на Камчатке табак продается, а на записку в расход денег и табаку дана прошнурованная книга» [45, с. 186].

⁴ В этой связи, при недостатке денежных средств в обращении достаточно легко был обнаружен самый первый факт фальшивомонетчества на Камчатке — в феврале 1756 г. за указанные действия в Нижнекамчатске был арестован Емельян Софроневич Басов. Как установило следствие, зимой 1755 г. Басов изготовил фальшивые медные монеты. 4 сентября 1763 г. в Иркутске Басову было «учинено на публичном месте, при барабанном бое, позорное наказание», затем он был направлен на Нерчинские рудники, где и умер в 1765 г. [31, с. 69].

⁵ Это время характеризовалось массой случаев финансовых разоблачений. Так, в 1758 г. по обвинению в незаконном производстве вина и утайке кабацких сборов от казны был схвачен самый богатый иркутский купец Иван Бечевин. Следствие вел известный на всю Сибирь своей жестокостью ревизор, следовательно «винокуренных дел», коллежский асессор Петр Никифорович Крылов. В декабре 1759 г. Иван Бечевин закончил жизнь на дыбе в пыточной канцелярии Иркутска. В сентябре 1762 г. на Камчатке потерпело крушение судно «Святой архистраг Гавриил», собственником которого являлся Иван Бечевин. С тех пор бухта — место крушения судна на Камчатке — именуется Бечевинской [31, с. 70].

⁶ Правительство уделяло огромное внимание финансовому контролю за деятельностью Северо-Восточной американской компании. Так, в договоре, заключенном 15 августа 1790 г. между Г. И. Шелиховым и каргопольским купцом А. А. Барановым, мы встречаем следующее обязательное условие: «Завести я должен порядочныя тамо книги, в кои внести и вносить в приход оставшиися по отличие тамо из Охотска доставленныя товары, а в расход — выдачу работным на вымен и покупку американских товаров происходимыя, также расчетную с работными, дабы каждого всегда ращот виден был» [46, с. 278].

⁷ Добавим при этом, что, разбираясь в устройстве Камчатского правления, Лессепс «приметил, что правящие разными острогами, даже и офицеры нижних чинов в рассуждении вышних, не должны отдавать взаимного отчета в своем правлении, также каждого власть простирается только на живущих в местах, зависимых от него» [28, с. 136—137].

⁸ В наставлении Адмиралтейств-коллегии И. И. Биллингу о целях экспедиции было предписано не делать «ни под каким видом излишних каких-либо и затруднительных требований, кроме предписанных и таких, кои послужат к истинной пользе службы ея величества, так как не издерживать суммы на не столь нужное под опасением в том ответа» [46, с. 209]. А он в свою очередь давал своим починенным такие указания: «сверх предписанного вам не извольте излишнего нечего требовать, кроме что за нужное усмотреть изволите, наблюдая, как возможно, при оном государственной интерес, особливо остерегаться не тратить денежную сумму на такие вещи, кои не крайне нужны, ибо за все то вы сами ответственны будете» [46, с. 225].

Вместе с тем, несмотря на все запреты, во время своей зимовки в Якутске Биллинг занялся меновой торговлей с местными жителями на деньги, которые получал из казначейства. Сибирский генерал-губернатор И. А. Пиль в 1788 г. потребовал от И. И. Биллинга отчет по расходу казенных средств на экспедицию, но Биллинг уклонился от ответа и переехал в Охотск. Пиль обратился с рапортом в Адмиралтейств-коллегию, которая 20 июня 1789 г. приняла решение о продолжении экспедиции, однако через четыре месяца приостановила ее «ради сокращения расходов». Но было уже поздно. Биллинг в сентябре 1789 г. отправился из Охотска на Камчатку. Кстати, по мнению В. И. Штейнгеля, «если бы, экспедиция была обращена, то... труден был бы отчет в передержанных суммах», так как «денег они убили пропасть, а пользы на грош не наделали» [60, с. 69—71].

Кроме того, свои замечания после финансовой ревизии деятельности экспедиции выскажет И. И. Биллингу вице-адмирал В. П. Фондезин (родной брат генерал-контролера М. П. Фондезина): «Что ж следует до четного свидетельства, производимого по книгам о приходе и расходе денег, издержанных вами, то как из учиненных из книг ваших выписок видно, что в тех книгах некоторыя статьи записаны генерально, как-то: закупленные вами разныя вещи и поставлена сумма генеральная, а сколько каких вещей и по чему не показано, да и прочия сему подобныя расходы не различены, то противу каждой статьи объяснили бы подробно и представили Коллегии» [46, с. 339].

ИСТОЧНИКИ

1. *Ананьев Д. А.* Воеводское управление Сибири в XVIII веке. — Новосибирск, 2005. — 264 с.
2. *Андриевич В. К.* Исторический очерк Сибири. — СПб., 1889. — Ч. 2: Период с 1660 года до воцарения императрицы Елизаветы Петровны.
3. *Бахрушин С. В.* Сибирские туземцы под русской властью до революции (исторический очерк) // Советский Север. — № 1. — М., 1929. — С. 66—97.
4. *Бахрушин С. В.* Ясак в Сибири в XVII в. // Научные труды. — Т. 3. Избранные работы по истории Сибири XVI—XVII вв. — Ч. 2. История народов Сибири в XVI—XVII вв. — М., 1955. — С. 49—85.
5. *Берг Л. С.* История русских географических открытий. — М., 1962. — 296 с.
6. *Борисов В. И.* Из истории населенных пунктов долины реки Камчатки // Вопросы истории Камчатки. Вып. 2. — Петропавловск-Камчатский, 2006. — С. 179—255.
7. *Бродников А. А.* Сбор ясак: зависимость процесса объясачивания от потестарно-политической ситуации в регионе (по материалам Восточной Сибири XVII в.) //

Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. Вып. 1. Культурный космос Евразии. — Новосибирск, 1999. — С. 119—123.

8. *Витер И. В.* Хроника строительства города Петропавловска (1740—1923). — Петропавловск-Камчатский, 1997. — 112 с.

9. Власть в Сибири: XVI — начало XX в. — Новосибирск, 2005. — 696 с.

10. *Головачев П. М.* К истории ясака в Сибири. — Тобольск, 1897. — 18 с.

11. *Головнин В. М.* Путешествие на военном шлюпе «Диана» из Кронштадта в Камчатку, совершенное под начальства флота лейтенанта Головнина в 1807—1811 годах. — М., 1961. — 480 с.

12. *Гольденберг Л. А.* Между двумя экспедициями Беринга. — Магадан, 1984. — 239 с.

13. *Дитмар К.* Поездки и пребывание в Камчатке по путевым дневникам. — СПб., 1901. — 756 с.

14. *Ерошкин Н. П.* Очерки истории государственных учреждений дореволюционной России. — М., 1960. — 395 с.

15. Записка о Тобольской казенной палате. — Новосибирск, 2005. — 100 с.

16. *Зуев А. С.* Русские и аборигены на Крайнем Северо-востоке Сибири во второй половине XVII — первой четверти XVIII вв. — Новосибирск, 2002. — 330 с.

17. *Зуев А. С.* Камчатский бунт 1731 г.: из истории русско-ителъменских отношений // Вопросы истории Камчатки. — Вып. 3. — Петропавловск-Камчатский, 2007. — С. 108—191.

18. Камчатка XVII—XX вв. Историко-географический атлас / Под ред. Н. Д. Жданова, Б. П. Полевого. — М., 1997. — 111 с.

19. *Кирилов И. К.* Цветущее состояние Всероссийского государства. — М., 1977. — 443 с.

20. *Князьков С.* Из прошлого Русской земли. Время Петра Великого. Книга для чтения по русской истории в школе и дома. — М., 1991. — 712 с.

21. Колониальная политика царизма на Камчатке и Чукотке в XVIII веке. Сб-к арх. матер. / Под ред. Я. П. Алькора, А. К. Дрезена. — Л., 1935. — 210 с.

22. *Котошихин Г. К.* О России в царствование Алексея Михайловича. — М., 2000. — 272 с.

23. *Крашенинников С. П.* Описание земли Камчатки. В 2-х т. — СПб.; Петропавловск-Камчатский, 1994. — Т. 1. — 438 с.

24. *Крашенинников С. П.* Описание земли Камчатки. В 2-х т. — СПб.; Петропавловск-Камчатский, 1994. — Т. 2. — 319 с.

25. *Кушнарев Е. Г.* В поисках пролива. Первая Камчатская экспедиция. 1725—1730. — Л., 1976. — 168 с.

26. *Лагутин И. Б.* Государственные основы финансово-контрольной деятельности в Российской империи в первой половине XIX века. — Курск, 2004.

27. *Леонтьева Г. А.* Якутский казак Владимир Атласов — первопроходец земли Камчатки. — М., 1997. — 192 с.

28. *Лессепс Ж. Б.* Лессепсово путешествие по Камчатке и по Южной стороне Сибири. — Ч. 1. — М., 1801. — 209 с.

29. *Макарова Р. В.* Русские на Тихом океане во второй половине XVIII века. — М., 1968. — 200 с.

30. *Маргаритов В. П.* Камчатка и ее обитатели. Записки Приамурского отдела Импер. Рус. Геогр. общ-ва. — Т. 5. — Вып. 1. — Хабаровск, 1899. — 145 с.

31. *Мартыненко В. П.* Презрев угрюмый рок. Камчатские истории. — Петропавловск-Камчатский, 1997.
32. *Огородников В. И.* Очерк истории Сибири до начала XIX столетия. — Ч. 2. — Вып. 1. Завоевание русскими Сибири. — Владивосток, 1924. — 108 с.
33. *Пащенко К. А.* Правовое регулирование деятельности казначейства в дореволюционной России // Правоведение. — 2000. — № 1. — С. 39—48.
34. Петропавловск-Камчатский. История города в документах и воспоминаниях (1740—1990). — Петропавловск-Камчатский, 1994. — 502 с.
35. *Полевой Б. П.* Новое об открытии Камчатки. — Ч. 1. — Петропавловск-Камчатский, 1997. — 160 с.
36. *Полевой Б. П.* Новое об открытии Камчатки. — Ч. 2. — Петропавловск-Камчатский, 1997. — 205 с.
37. *Полевой Б. П.* Камчатские берестяные ясачные книги начала XVIII в. // Вопросы географии Камчатки. — Вып. 4. — Петропавловск-Камчатский, 1966. — С. 124—127.
38. *Полевой Б. П.* Главная задача Первой Камчатской экспедиции по замыслу Петра I // Вопросы географии Камчатки. — Вып. 2. — Петропавловск-Камчатский, 1964. — С. 92—93.
39. *Полевой Б. П.* Первооткрыватели Курильских островов. Из истории русских географических открытий на Тихом океане в XVIII в. — Южно-Сахалинск, 1982.
40. *Полевой Б. П.* Новое о Владимире Атласове / Сб-к статей Б. П. Полевого «Первооткрыватели Камчатки» // Норд-Ост (Люди. Природа. История). — Петропавловск-Камчатский, 1984. — С. 62—74.
41. Прибыльные дела сибирских воевод и таможенных голов XVII — начала XVIII в. — Новосибирск, 2000. — 400 с.
42. *Прозоров А. А.* Экономический обзор Охотско-Камчатского края. — СПб., 1902. — 388 с.
43. *Ремнев А. В.* Камчатка в планах Муравьева-Амурского // Исторический ежегодник. 1999. — Омск, 2000. — С. 28—43.
44. Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке в XVIII в. / Под ред. А. И. Андреева. — М., 1948. — 383 с.
45. Русские экспедиции по изучению Северной части Тихого океана в первой половине XVIII в. Сб-к док-в. — М., 1984. — 319 с.
46. Русские экспедиции по изучению Северной части Тихого океана во второй половине XVIII в. Сб-к док-в. — М., 1989. — 400 с.
47. *Савченко С. Н.* Ясачная политика царской администрации в период освоения Приамурья русскими в XVII в. // Записки Гродековского музея. — Вып. 5. — Хабаровск, 2003. — С. 7—23.
48. *Салогуб Я. Л.* Административная политика царизма и система управления Охотско-Камчатским краем с середины XIX в. до 1884 г. // «Камчатка: прошлое и настоящее». Материалы XXI Крашенинниковских чтений. — Петропавловск-Камчатский, 2002. — С. 209—213.
49. *Сафронов Ф. Г.* Русские на Северо-востоке Азии в XVII — середине XIX в.: Управление, служилые люди, крестьяне, городское население. — М., 1978. — 258 с.

50. Сафронов Ф. Г. Тихоокеанские окна. Из истории освоения русскими людьми побережий Охотского и Берингова морей, Сахалина и Курил. — Хабаровск, 1988. — 192 с.
51. Сгибнев А. С. Исторический очерк главнейших событий в Камчатке с 1650 по 1856 гг. — Ч. 1 // Вопросы истории Камчатки. — Вып. 1. — Петропавловск-Камчатский, 2005. — С. 5—103.
52. Сгибнев А. С. Исторический очерк главнейших событий в Камчатке с 1650 по 1856 гг. — Ч. 2 // Вопросы истории Камчатки. — Вып. 2. — Петропавловск-Камчатский, 2006. — С. 5—123.
53. Словцов П. А. История Сибири. От Ермака до Екатерины II. — М., 2006. — 512 с.
54. Слюнин Н. В. Охотско-Камчатский край. — СПб., 1900. — Т. 1. — 690 с.
55. Стеллер Г. В. Описание земли Камчатки. — Петропавловск-Камчатский, 1999. — 287 с.
56. Федоров М. М. История правового положения народов Восточной Сибири в составе России (XVII — нач. XIX в.). — Иркутск, 1991. — 184 с.
57. Финансовые органы Хабаровского края: История в документах и судьбах / Авт.-сост. А. Л. Анисимов, Л. В. Потоцкая (Ч. 1); В. Ф. Герасимов (Ч. 2). — Хабаровск, 2003. — 176 с.
58. Фисенко А. И. Казначейство в России. Исторические и финансово-экономические аспекты развития организации и управления (XVII — начало XXI вв.). — Владивосток, 2001. — 510 с.
59. Шмалев Т. Краткое описание о Камчатке, учиненное по июне месяце 1773 года Камчатским командиром капитаном Тимофеем Шмалевым // «Пойдем ныне по своему Отчеству...» К 250-летию начала промышленного освоения Русской Америки / Сб-к истор.-краевед. статей под ред. В. И. Борисова. — Усть-Камчатск, 1993. — С. 28—37.
60. Штейнгель В. И. Сочинения и письма. — Т. 1.: Записки и письма / Отв. ред. С. В. Житомирская. — Иркутск, 1985.
61. Штеллер Г. В. Письма и документы. 1740. (Памятники исторической мысли). — М., 1998. — 428 с.
62. Экспедиция Беринга / Под ред. А. Покровского. — М., 1941.
63. Государственный архив Тюменской области. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 5007. Л. 219—220.
64. Российский Государственный архив древних актов. Ф. 199. Оп. 2. П. 803. Л. 42—42 об.
65. Российский Государственный архив Военно-морского флота (РГА ВМФ). Ф. 7. Оп. 1. Д. 15. Л. 64—65 об.
66. Там же. Ф. 166. Оп. 1. Д. 3948. Л. 29—31 об.
67. Российский Государственный исторический архив. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 168. Л. 129 об.—130.
68. РГА ВМФ. Ф. 283. Оп. 2, Д. 10.
69. Там же. Оп. 1. Д. 3916. Л. 1—9.
70. Российский Государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИА ДВ). Ф. 1007. Оп. 2. Д. 56.
71. Там же. Ф. 84. Оп. 2. Д. 189. Л. 3.
72. Там же. Оп. 1. Д. 62. Л. 54 об.

73. РГИА ДВ. Ф. 1005. Оп. 1. Д. 15. Л. 25—25 об.
74. Там же. Ф. 84. Оп. 1. Д. 147. Л. 15—16 об.
75. Там же. Оп. 1. Д. 369. Л. 1—1 об.
76. Там же. Ф. 702. Оп. 1. Д. 2536. Л. 166.
77. Там же. Д. 37. Л. 452 об.

ПРИЛОЖЕНИЯ

1. КРАТКАЯ ХРОНОЛОГИЯ ОСНОВНЫХ СОБЫТИЙ ИЗ ИСТОРИИ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО ФИНАНСОВОГО КОНТРОЛЯ НА КАМЧАТКЕ В XVIII — НАЧАЛЕ XX вв.

1699—1704 гг. Создается первая учетная документация — ясачные книги, в которых отражался сбор ясака — дани с чертами принудительной меновой торговой сделки. С 1703 г. стала применяться форма учета с указанием конкретных плательщиков ясака.

1720—1726 гг. Якутская канцелярия предпринимает самые первые попытки проведения ревизий финансового управления на Камчатке.

1730-е — 1750-е гг. Контроль за финансовым управлением на полуострове возложен на особое Охотское приморское правление (создано весной 1731 г.). В 1753 г., пытаясь бороться со служебными злоупотреблениями камчатских командиров на отдаленной окраине, сибирское начальство перевело главное правление Камчаткой поближе к полуострову — из Охотска в Анадырск. На Камчатку стали направляться специальные комиссии.

Конец 1750-х — начало 1760-х гг. Финансовое управление на Камчатке сосредоточилось в Большерецке. Окончательное закрепление Большерецкой канцелярии в роли руководящего органа финансового управления полуостровом произошло в 1769 г. после ликвидации Анадырского острога.

Октябрь 1784 г. — февраль 1785 г. Предположительно в это время было образовано Нижнекамчатское уездное казначейство.

1803 г. Казначейство переведено в Верхнекамчатск.

1806—1812 гг. Казначейство работает в Петропавловске. В апреле 1812 г. в соответствии с «Положением об управлении Камчаткой» казначейство ликвидировано.

1837—1856 гг. На Камчатке вновь действует казначейство. Весной 1855 г. Петропавловское окружное казначейство переведено в Николаевск-на-Амуре, где продолжило свою работу при гражданском управлении Камчатского военного губернатора предположительно до октября 1856 г.

1852—1853 гг. В Санкт-Петербурге на заседаниях Адмиралтейского Совета обсуждались проекты по организации на Камчатке местного контроля в духе административной системы, предложенной М. М. Сперанским для Сибири. В том числе рассматривался вариант учреждения совета при камчатском губернаторе, в который бы вошли старшие чины Петропавловского порта, а также чиновник от Государственного контроля и доверенные лица от Сената и Синода. Однако какого-либо конкретного решения принято не было.

1903—1907 гг. Для финансовых ревизий на Камчатку командированы чиновники Приморского областного правления: в 1903 г. — поручик Иванович, в сентябре 1905 г. — А. П. Сильницкий, в июле 1906 г. — А. В. Суханов, в 1907 г. — Ф. Ф. Сомов.

1909 г. На Камчатку впервые назначен постоянный представитель органа государственного финансового контроля — Амурской контрольной палаты — младший ревизор И. Гильцебах.

1 ноября 1910 г. В Петропавловске вновь начало действовать казначейство.

2. СЛОВАРЬ ТЕРМИНОВ, ПРИМЕНЯВШИХСЯ В ПРАКТИКЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО ФИНАНСОВОГО КОНТРОЛЯ НА КАМЧАТКЕ В XVIII в.

Алтын — денежная единица, равная шести деньгам, или трем копейкам.

Алча — жадность, ненасытность, незаконное стремление.

Аманат — заложник, под которого сородичи вносили ясак.

Аманатский двор (изба) — помещение, где проживали аманаты.

Апробация — утверждение, одобрение.

Артикул — статья, параграф указа или договора.

Аршин — русская мера длины, равная 71,12 см (4 четверти или 16 вершков).

Три аршина равны одной сажени.

Ассессор — советник, должность в ряде учреждений. *Коллежский ассессор* — классный чин в гражданской службе по табели о рангах.

Аудитор — военный судья.

Банкротный — обанкротившийся, несостоятельный.

Батоги (батожье) — палки, прутья, употреблявшиеся при телесном наказании.

Бездоимочно — полностью, без недоимок.

Безмен — весы простейшего устройства.

Безьявочно — тайно, незаконно, без уплаты пошлины.

Беспосредственно — непрерывно, непрестанно.

Бесчестье — нанесение обиды, оскорбление чести.

Бесчинник — нарушитель порядка.

Благорассудный — справедливый, обоснованный.

Большой — старший.

Ведение — 1) отношение, документ, которым сносились равные по положению учреждения; 2) сообщение, бумага, направленная для сведения.

Верный сбор — сбор чего-нибудь (денег, хлеба и т. д.), отданный на веру, то есть под клятвенное обещание не утаивать и не присваивать казенных доходов.

Верста — мера длины, равная примерно 1,07 км.

Верстать — зачислять на службу с наделением жалования: денежного, хлебного, соляного.

Вершение — завершение дела и исполнение приговора по судебным делам.

Вицу его отдать — не наказывать за проступок, простить.

Вор — кроме основного значения, это слово в официальных документах служило для обозначения людей, совершающих любые противозаконные действия, часто для обозначения участников волнений и восстаний. *Луций вор* — главарь, предводитель, на которого возлагалась главная вина за преступление; руководитель восстания или волнения.

Воровство — в XVII—XVIII вв. любое противозаконное действие; преступление, как уголовное, так и политическое.

Воровские деньги — фальшивые деньги.
Воровское письмо — письмо, написанное ворами, противозаконная, недозволенная запись.
Воры денежные — фальшивомонетки.
Вполы — вполтину, в два раза меньше.
Въявь — открыто.
Выправки — сведения, справки.
Вычеты из жалованья — вычеты, производившиеся в связи с новым назначением, перемещением, производством в следующий чин и т. д.
Государево дело — важное поручение, данное царем.
Глагольник — указатель (справочник).
Грамота — документ, посылаемый от царского имени и содержащий указ, распоряжение.
Грамота (подорожная, проезжая) — грамота, выданная для удостоверения права проезда от пункта к пункту какому-нибудь лицу.
Голая бумага — чистая бумага.
Подписаться на голой бумаге — подписаться на чистом листе бумаги, на котором после этого может быть написан любой текст.
Деньга (денга) — денежная единица, равная полкопейки. В рубле 200 денег.
Деньги без примеси — серебряные деньги, не содержащие других металлов.
Деньги кормовые — деньги, выдаваемые поденно или на больший срок за какую-то работу.
Деньги товарные — пошлины с денег, предъявленных для покупки товаров.
Десть — 1) большой формат бумажного листа, так называемый «дестный лист»; 2) мера счета писчей бумаги, 24 листа.
Десятая пошлина — одна десятая часть добытой пушнины, которую должны были платить все промышленники и купцы, занимавшиеся промыслом пушных зверей на островах Тихого океана. Отменена 7 марта 1774 г.
Довод (доводить) — донос, доносить.
Доезд — письменный отчет о поездке по служебному поручению.
Доимки — недоимки по уплате податей государству.
Доправить — взыскать, получить, требовать уплаты.
Дороговь — дороговизна.
Досмотр — учет, фиксация, например, денег или хлеба.
Досталось на лапу — был наказан.
Досталь — остаток, остальное.
Дьяк — высшая приказная должность, связанная с ведением всего делопроизводства и вершением дел; начальник и письмоводитель канцелярии разных ведомств до XVIII в., руководил работой местных учреждений (изб).
Дьячок — писец и делопроизводитель.
Единоустно — единогласно, единодушно.
Емлют — берут.
Жалованье государево — общее название земельного, денежного, хлебного, соляного содержания, которое выдавалось служилым людям.
Живот — 1) жизнь; 2) (животы) движимое имущество, вещи.
Забойство — разбой, убийство.

Завотчик — зачинщик.

Заказчик (заказчик) — выборное лицо в общине, мирской староста.

Затись — документ.

Заручное письмо — письмо, подписанное его составителями.

Зелье — порох.

Зелёный погреб — место для хранения пороха.

Зимовье — место, где жили или останавливались зимой, несли службу или занимались каким-либо промыслом; пункт для сбора ясака, состоящий из избы или нескольких изб, часто огороженный частоколом.

Золотник — мера веса (4,266 грамма, 96-я часть фунта).

Извет — 1) донос о совершенном или готовящемся преступлении; 2) воплощение, выражение.

Изменник — государственный преступник, предатель.

Инвентарь — список, ведомость, опись имущества.

Иноземец — чужеземный, нерусский человек.

Инквизитор — судебный следователь.

Инстиговать — научать, подстрекать, инструктировать.

Интересные дела — 1) доходные дела; 2) дела, затрагивающие финансовые интересы казны, относящиеся к государственным доходам.

Исправник (капитан-исправник) — глава административной и полицейской власти в уезде. Должность исправника введена в 1775 г.

Истеря — потеря, утрата, убыток.

Кабала (кабальная запись) — документ, подтверждающий заем денег, хлеба и т. д., своевременная неуплата которых приводила к кабальной зависимости должника от заимодавца.

Кабала служилая — письменный договор служить заимодавцу за взятые в долг деньги и проценты, идущие с них.

Казна государева — ценные предметы, деньги или любое имущество, принадлежащее государству.

Казначей — лицо, в ведении которого находилась казна.

Камерея — казначейство.

Камерир — чиновник провинциальных канцелярий, ведавший сбором податей, казначей.

Книги записные — книги, которые содержали ведомственные указы и решения.

Ковы — интриги, тайные происки.

Козельчатой острог — острог, обнесённый оградой из кольев.

Колесование — вид смертной казни, при котором осужденному перебивали руки и ноги, а затем вкладывали в колесо, соединяя пятки с затылком.

Колико — сколько, насколько.

Комиссар — уполномоченный представитель, обладающий единоличной властью.

Коммерческий трактат — торговый договор.

Кондиция — условие.

Конфирмация — решение, утверждение, резолюция монарха.

Копейка — монета.

Кормление — получение натурального жалованья у населения.

Корт (кортом) — плата за наем.

Корыстоваться — пользоваться, получать доход.

Корчемство — тайная, незаконная продажа водки, вина, нарушающая винную монополию государства.

Кошт (коштом) — содержание, счет, иждивение, расход.

Крепость — документ на владение недвижимым имуществом.

Решать по крепостям — решать спорное дело на основании имеющихся у сторон документов.

Крепить — скреплять, заверять подписью.

Купно — вместе, одновременно.

Лавтак (лафтак) — выделанная шкура морского зверя (моржа, сивуча, тюленя).

Лакомство — жажда наживы, богатства.

Лисица красная — лисица, имеющая бежево-рыжеватый мех.

Лисица сиводушчатая — лисица с черно-белым брюхом, средняя между красной и черно-бурой.

Лихва — проценты.

Лихое дело — преступление.

Ломать — пытаться, истязать.

Лутчие люди — уважаемые представители местного населения.

Льзя — можно.

Магазин (магазейн, магасин) — 1) складское помещение; 2) товары, резервный хлеб на случай неурожая и голода, военное имущество.

Мемориал (мемория) — доношение, докладная записка.

Мнить — думать, мыслить.

Мнить кому-либо — действовать при решении спорного вопроса пристрастно в пользу одной из сторон; вымогать взятку.

Многोजды — неоднократно, много раз.

Мотчание — затяжка, бездействие, медлительность.

Мочно — можно, доступно, по силам.

Мягкая рухлядь (мяхкая рухлядь) — пушной товар, пушнина, меха.

Наглость — беззаконие, требования, не соответствующие правилам, указам.

Напаче — особенно, тем более.

Наказная память (наказ) — наставление, письменная инструкция.

Наклады — налоги, поборы.

Накрепко — строго, неукоснительно.

Налоги — гнет, притеснение.

Насильство — проявление насилия, принуждение.

Наряд, нарядчик — распоряжение о выполнении работ в определенный срок.

Наряжать — давать наряд, посылать.

Нарядные (письма или документы) — подложные, поддельные.

Небрежа — не заботясь, небрежно.

Недружба — вражда.

Норовить — потворствовать, подходить к делу заведомо необъективно.

Нужа — нужда.

Облигация — обязательство.

Облыгать — оболгать, оговорить.

Обсылаться, обсылка — передавать, передача.

Обыск — расследование дела путем опроса людей.

Обыск повальный — расследование с повальным опросом всего взрослого населения того населенного пункта или района, где проживал преступник.

Обьясачить — наложить ясак.

Одекуй — крупный бисер.

Озорничество — проступок.

Оклад — 1) размер земельного, денежного, хлебного, соляного жалованья, выплачиваемого из казны за выполняемую службу холостому или женатому служилому человеку (холостой или женатый оклад); 2) установленный объем подати, платежа.

Окуп — 1) взятка; 2) выкуп должников, пленных.

Отричь — кроме, за исключением.

Ордер — письменное предписание, распоряжение, приказ.

Острог — поселение, обнесенное высоким деревянным забором. Внутри острога, как правило, находились: ясачная и приказная избы, амбар, «казенка» для содержания провинившихся и заложников, часовня и жилые дворовые постройки.

Осьмина (осьминник, осьмишник) — мера измерения объема сыпучих тел, равная половине целой меры, то есть четверти или четверем четверикам.

Отверстый, открытый указ — указ, предоставляющий определенному лицу полную свободу действий и предписывающий всем учреждениям и должностным лицам того района, куда направлено это лицо, выполнять все его требования и поручения.

Откуп — исключительное право, предоставлявшееся государством за определенную плату частным лицам (откупщикам) на сбор каких-либо налогов, продажу определенных видов товаров (соль, вино и др.).

Откупщик — лицо, приобретшее у государства за определенную плату право на какой-либо откуп.

Отписка — письменный отчет, донесение или сообщение нижестоящего административного лица вышестоящему (например, от воеводы в Сибирский приказ, от приказчика к воеводе).

Отпустить — не взыскивать, не карать, простить.

Память — документ, инструкция, напоминание что-то сделать.

Памятцы (памятные выписки) — выписки из книг, например, об отпуске вина.

Партикулярный — частный, неофициальный.

Пеня — штраф в пользу казны (различалась пеня большая, великая и жестокая).

Перемешивать — пересматривать дело, изменять принятое решение.

Плакад (плакатная цена) — оплата за работу по особому указу (плакату).

Поборы — сборы.

Поверстка (приверстка) — зачисление в службу служилых людей по прибору, то есть казаков, стрельцов, пушкарей.

Поголовный — подушный.

Подьячий — лицо, выполнявшее службу в административных учреждениях. Подьячие делились на «молодых», «средних», «старых». Подьячий «с приписью» имел право ставить свою подпись под документом.

Подарочная казна — подарки, предназначаемые аборигенам.

Подводы — одно из средств передвижения в летнее время, используемое для перевозки людей и грузов.

Подметчик — денежный мастер.

Подъем на службу — экипировка необходимым для службы снаряжением.

Поживление — присвоение чего-либо.

Пожиток — имущество.

Поелику — поскольку.

Полисад (палисад) — ограждение, забор из плотно пригнанных друг к другу заостренных сверху столбов, кольев.

Положник — положение (инструкция).

Полтина — монета в 50 коп.

Полтретья — два с половиной.

Полуполтина — монета в 25 коп.

Полчетверта — три с половиной.

Полишеста — пять с половиной.

Пометные списки (пометы) — документы, отражающие годовое планирование прихода и расхода денег, хлеба или соли.

Поминки — подарки, взятки, вознаграждение.

Поноровка — поблажка, послабление.

Понеже — поскольку, потому что.

По пропорции — пропорционально; в такой же степени.

Поручная запись — документ, содержащий поручительство.

Посул — взятка, вознаграждение, обещание заплатить за благоприятное решение дела.

Посылка — командировка.

Пошлина — всякий разовый сбор (торговый, судебный, от оформления бумаг).

Правеж — взыскание долга, недоимок с применением телесных наказаний.

Править недоимку — взыскивать недоимку в уплате податей.

Приговор — решение.

Препона — препятствие.

Прибыток — прибыль, доход.

Приказная изба — административное учреждение, ведавшее уездом.

Приказные люди — административный аппарат приказов и изб (дьяки, подьячие, дьячки).

Приклад — пример.

Прикладывать руку — ставить подпись.

Приметки — незаконные прибавки, накидки, взятки.

Притпись — подпись, подтверждающая подлинность документа.

Прогонь — установленная законом плата за провоз людей или грузов с версты.

Прогонные деньги — деньги, выдававшиеся на проезд или провоз грузов по казенным надобностям.

Продажи — убытки, расходы, ущерб.

Пролазом — пронырством, интригами, происками.

Промемория — документ, использовавшийся в переписке между не подчиненными (равными по своему положению) учреждениями или лицами.

Прописки — бисер, стеклярус.

Протори (протор) — расходы, траты, убытки, ущерб, издержки.

Профит — доход, прибыль.

Пря — прения, спор, борьба, состязание.

Пуд — мера веса, равная 16,38 кг.

Радеть — стараться, заботиться.

Разделка — расчет за произведенные работы.

Расправа — рассмотрение проступков и наложение различных взысканий.

Распросные речи — письменно зафиксированное свидетельство, показание или допрос.

Реестр — список, опись, перечень.

Реверс — всякое письменное обязательство, иногда просто расписка.

Рентерея — казначейство.

Розыскивать — допрашивать с применением пыток.

Роспись — перечень чего-либо.

Рост — проценты.

Рукоприкладство — 1) побои; 2) собственноручная подпись.

Сажень — русская мера длины, равная трем аршинам, или 2,1336 м. Известны маховая сажень — 1,76 м и косая сажень — 2,48 м. Сажень дров — около 8 куб. м.

Сведомство — сведения, материалы по какому-либо вопросу.

Свинцом и порохом жаловать — предоставлять бесплатно порох и свинец.

Секвестр — конфискация, временное прекращение или ограничение прав владения.

Сентенция — рассуждение, изречение, судебный приговор.

Сикурс — помощь, поддержка.

Сказка (скаска) — устное показание, донесение, рассказ, список, сведения или их запись.

Скарб — 1) казна; 2) имущество.

Скрепя (закрепление документов) — подпись, заверяющая правильность документа. Распределялась по листам так, что на каждом из них приходилось одно слово или даже несколько букв из звания, должности, фамилии заверяющего.

Слово и дело государево (государево слово и дело) — формула, сопровождающая донос на кого-либо с обвинением в государственном преступлении. Система политического розыска, существовавшая в XVII — XVIII вв. Всякий, кому становилось известно какое-либо «слово или дело», направленное против государя или государства, под страхом смертной казни был обязан донести об этом властям. Отменена Екатериной II в 1762 г.

Служилые люди — люди, состоящие на государственной службе и получающие за это жалованье.

Сметные списки (сметы) — документы, отражающие годовой отчет о приходе и расходе в истекшем году денег, хлеба или соли.

Солдат (салдат) — рядовой пехоты.

Соляной доход — доход, который получало государство за счет своей монополии на продажу соли.

Соляные дела — мероприятия, связанные с осуществлением соляной монополии государства.

Сорок соболей — соболи шкурки, связанные в «вязки» по сорок штук в каждой.

Статок — имущество.

Столбец — узкие листы бумаги, склеенные в ленту и сворачивавшиеся в трубку. Употреблялись в приказном делопроизводстве.

- Стопа* — мера счета писчей бумаги в 20 дестей.
- Стоячий острог* — укрепленный пункт, в котором бревна вкопаны вертикально («стояли»).
- Счетчик* — выборное лицо, избиравшееся для подсчета поступивших в воеводскую канцелярию и отпускавшихся ею медных денег.
- Сын боярский* — представитель разряда городских служилых людей.
- Сыск* — расследование, следствие.
- Тойон (тоен)* — выборный старейшина, старшина, вождь, представитель господствующей знати у восточносибирских племен.
- Толмач* — переводчик.
- Трактат* — 1) рассуждение; 2) договор.
- Туне (втуне)* — напрасно, бесполезно.
- Уговор* — договор.
- Уговорщик* — лицо, договаривающееся о чем-либо, например, о поставке в казну каких-либо товаров; подрядчик.
- Уреченный* — установленный.
- Уряд, на уряд* — штат, должность, власть.
- Хлебное жалование* — часть жалования, выплачиваемая служилым людям и казакам определенным количеством зерна или муки.
- Целовальник* — сборщик пошрины, хранитель или продавец казенных товаров, присягнувший царю (целовавший крест) для верного и честного исполнения порученного ему дела.
- Чащина (чещина)* — сбор ясака сверх установленной нормы. Своеобразный сверхьясак, сбор в пользу ясачного сборщика, устанавливаемый обычно произвольно.
- Челобитная* — документ, содержащий жалобу или прошение (индивидуальное или коллективное).
- Челобитье (бити челом)* — просить о чем-нибудь, подавать прошение.
- Четвирик (четверик)* — восьмая часть четверти, около 26 л.
- Четверть (четь)* — 1) мера сыпучих тел, около 210 л; 2) мера длины, четвертая часть аршина, около 18 см.
- Шельмование* — телесное наказание.
- Шерть* — присяга на подданство.
- Экзекуционная команда* — карательная команда, направленная для усмирения восстания или волнения и наказания его участников.
- Экстракт* — вид документа в коллежском делопроизводстве с изложением основного содержания или извлечением наиболее существенных частей дела.
- Явочное челобитье* — личное прошение с информацией о каком-то факте.
- Ясак* — (тюрк.) дань натурой, в основном пушниной, взимавшаяся царской администрацией с аборигенного населения.
- Ясатчик (ясаинный зборщик)* — сборщик ясака.
- Ясачная (ясаинная) книга* — опись, составляемая на соответствующей территории с поименным списком ясачных людей и сведениями о сборе с них ясака.
- Ясачные (ясаинные) люди* — плательщики ясака.
- Ясырь* — пленник.

ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ СТРУКТУРЫ МОРСКОГО ТОРГОВОГО ФЛОТА КАМЧАТСКОГО БАССЕЙНА В 1920-х — 1960-х гг.

Морской флот для Камчатки на протяжении длительного времени (до второй половины 1950-х гг.) являлся единственным видом транспорта, связывавшим ее с материковой частью России. Он же поддерживал сообщение между местным административным центром — Петропавловском и протяженными побережьями полуострова, обеспечивая их экономическое и территориальное единство. До начала 1930-х гг. Камчатка не имела собственных крупных морских судов, поэтому ее потребности удовлетворялись деятельностью иностранных судовладельцев или отечественных компаний, базировавшихся в Приморье. Оперативное руководство работой отечественных судов и обеспечение их собственных нужд возлагалось на особые структуры — морские агентства, размещавшиеся в единственном сравнительно оборудованном порту полуострова — Петропавловском.

Первой такой структурой стало морское агентство пароходства Китайской Восточной железной дороги, работавшее в Петропавловске еще до русско-японской войны. С 1908 г. регулярные камчатские рейсы, так называемые «северные», при государственном субсидировании стал выполнять Добровольный флот (ДФ). Расписание движения его судов согласовывалось с пожеланиями администрации Камчатской области и рекомендациями Министерства торговли и промышленности Российской Империи.

Агентство ДФ действовало в Петропавловске с 1910 г. Первым агентом флота стал коллежский асессор В. Ю. Медзыховский. Во время гражданского противостояния, в феврале 1922 г., деятельность агентства была приостановлена, исполняющий обязанности агента В. И. Артюхин уехал во Владивосток [1, с. 58, 67]. Работа агентства ДФ возобновилась после советизации Камчатки летом 1923 г. Теперь его возглавлял капитан дальнего плавания В. М. Андржеевский [1, с. 69].

18 июля 1924 г. Совнарком СССР принял решение о ликвидации раздробленности в работе морского флота страны и о создании единого акционерного общества «Советский торговый флот» (СТФ). На базе Дальневосточного управления ДФ создавалась Главная Дальневосточная контора СТФ, начавшая действовать 1 октября 1924 г. [1, с. 75]. Петропавловское агентство ДФ было преобразовано в агентство СТФ, ведавшее и скромным местным портовым хозяйством.

С началом навигации 1926 г. в Петропавловске было организовано портовое управление, подведомственное Наркомату путей сообщения СССР. 27 апреля 1926 г. приказом уполномоченного наркомата и начальника Влади-

востокского торгового порта в «Петропавловский-на-Камчатке приписной к Владивостоку порт» был назначен капитан. В это же время В. М. Андржевского на посту агента СТФ сменил К. М. Бендриков [1, с. 76].

К началу 1930-х гг. приписной портпункт в Петропавловске был преобразован в самостоятельный морской порт, подведомственный Наркомату водного транспорта СССР. В 1931 г. старшим должностным лицом порта, официально называвшимся «Главный камчатский агент СТФ — начальник порта Петропавловска-на-Камчатке», был В. С. Колесниченко [1, с. 89].

1 января 1933 г. Петропавловский порт, также именовавшийся «Главным Камчатским агентством СТФ и управлением Петропавловского-на-Камчатке торгового порта» или «Петропавловским-на-Камчатке портовым управлением СТФ», перешел из состава Главного Дальневосточного управления СТФ в непосредственное подчинение Центрального управления водных портов СССР. В это время им руководил временно исполняющий должность главного агента А. А. Крупович [1, с. 96]. В мае 1933 г. порт возглавил Майсурадзе, капитаном порта в это время являлся П. П. Яковенко. 15 мая 1933 г. он утонул в воротах Авачинской губы [1, с. 98].

Постановлением Совнаркома СССР от 10 апреля 1933 г. и телеграфным распоряжением Центрального управления водных портов СССР от 17 мая 1933 г. Петропавловский порт 1 июня 1933 г. был передан из ведения Наркомата водного транспорта СССР в подчинение Акционерному Камчатскому обществу (АКО). АКО входило в «систему» Народного комиссариата продовольствия и снабжения (НКПС) СССР. Теперь портом руководило подразделение общества, называемое «Управление транспорта, порта и связи» [1, с. 101].

Таким образом, все операции по приемке и отправке транспортных и пассажирских пароходов Наркомвода, а позже Наркомата морского флота (НКМФ) СССР, перешли в «рыбачские» руки: вначале НКПС, затем — Наркомата пищевой промышленности и с 1939 г. — Наркомата рыбной промышленности (НКРП) СССР. Агентство СТФ в Петропавловске прекратило свою деятельность в 1935 г. Отныне его функции выполняло морское агентство АКО.

Преемник дальневосточных ДФ и СТФ — Дальневосточное государственное морское пароходство (ДВГМП) ежегодно заключало с начальником порта АКО договор на полное агентирование судов НКМФ. Это положение сохранялось до конца 1941 г. С этого времени Петропавловский порт АКО стал перевалочной базой на пути между Владивостоком и портами США для транспортных судов ДВГМП, доставлявших в СССР оборонные и снабженческие грузы. Массовые заходы судов в Петропавловск требовали организации здесь представительства ДВГМП для решения на месте вопросов, связанных с движением флота.

НКМФ СССР решил организовать в Петропавловске морское агентство ДВГМП. Для него намечалось построить два жилых дома, барак, два склада,

два причала — один на мысе Сигнальном для бункеровки судов углем, другой сухогрузный на портовой Кошке. На мысе Сигнальном должна была располагаться угольная площадка. Из Николаевска-на-Амуре в Петропавловск перегонялся землечерпательный караван «Зея» для увеличения глубины акватории и подходов к порту.

Намеченное строительство началось в 1942 г. В июне этого же года организовалось и приступило к работе морское агентство с временным штатом в 12 чел. В их число входили: бухгалтер, инспектор-шифровальщик, секретарь-машинистка, три члена команды катера, кладовщик и обслуживающий персонал [2, л. 14].

До окончания строительства складов и причалов обработка судов ДВГМП оставалась за портом АКО по договору, заключенному моррагентством с портом АКО, утвержденному начальником ДВГМП.

В 1942 г. Государственный Комитет Обороны (ГКО) и Совнарком СССР приняли решение, обязывающее НКМФ СССР построить в Петропавловске более обширное портовое хозяйство, по сравнению с тем, какое намечалось ранее. Поэтому все законченные объекты, построенные по первому плану, решением НКМФ СССР по мере их вступления в эксплуатацию передавались во временное пользование порту АКО.

Весь поступающий в Петропавловск для судов НКМФ уголь выгружался, сдавался на хранение порту АКО и хранился на угольной площадке мыса Сигнального. Судам НКМФ уголь выдавался портом АКО по распоряжению начальника моррагентства.

Аварийные ремонты транспортных судов и необходимые текущие работы производились по договору с Петропавловской судовой верфью или с механическими мастерскими порта АКО. Дорогостоящие ремонты оплачивались ДВГМП, небольшие суммы (5—8 тыс. руб.) на месте выплачивало агентство.

Для обеспечения судов НКМФ плавсоставом в мае 1944 г. при агентстве был организован сектор кадров из начальника, двух инспекторов и секретаря-машинистки. Суда пополнялись моряками из небольшого резерва при секторе кадров, в большинстве случаев за счет переброски людей с одних пароходов на другие. Рядовые моряки и младший комсостав переводился по решению на месте, а старший комсостав — только с разрешения начальника ДВГМП.

Суда обеспечивались продовольствием через отдел рабочего снабжения конторы «Камчатморстрой», ударными темпами возводившей портовые сооружения, имевшей договоренность с ДВГМП на возмещение «натурой» всего выданного продовольствия. Иногда на отходившие из Петропавловска суда передавалась часть продовольствия с пароходов, пришедших из США. Такая передача производилась по распоряжению начальника агентства и оформлялась актом. Так как никакой материальной базы агентство не име-

ло, то судовые запасы пополнялись необходимым инвентарем и материалами исключительно за счет снятия с одних пароходов и передачи на другие.

Связь с ДВГМП, НКМФ СССР и судами, находящимися в море, агентство производило, в основном, через радиостанцию порта АКО, частично — при помощи станции Наркомсвязи. Для кодирования секретных сообщений в 1945 г. агентство имело одного штатного шифровальщика, одного работника, содержавшегося на должности кладовщика, и одного прикомандированного из Петропавловского порта НКМФ [2, л. 15—17].

Возраставшее количество импортных грузов, направлявшихся в СССР через Петропавловск в рамках военных поставок, требовало принятия мер по расширению местного портового хозяйства. 29 мая 1942 г. ГКО и Совнарком СССР приняли постановление № 99-РС о создании здесь нового порта с ведомственной принадлежностью НКМФ СССР. На его основании находившийся во Владивостоке заместитель наркома морского флота СССР А. А. Афанасьев 8 июня 1942 г. подписал приказ № 1/ДВ «О строительстве Петропавловского-на-Камчатке порта». В соответствии с ним, организация и выполнение всех капитальных работ на сумму 3 905 тыс. руб. возлагались на Дальморстрой. В Петропавловске организовывалось Управление строительства порта Дальморстроя на самостоятельном балансе.

Этот приказ стал итогом предварительно проведенной работы, в результате которой были намечены основные объекты будущего строительства. Так, еще 3 июня 1942 г. ДВГМП утвердило титульный список по Петропавловску на 1942 г. на сумму 4 150 тыс. руб. Аналогичный перечень капитальных работ на второй квартал 1942 г., составленный еще до выхода приказа № 1/ДВ, предусматривал снос строений, отчуждение территории, пробную забивку свай под причалы, постройку общежития и временных сооружений, приобретение механизмов и транспорта. Титул третьего квартала 1942 г. на 1 643 тыс. руб. включал достройку причалов первой очереди, складов, сооружение дороги и общежития [1, с. 194].

19 июня 1942 г. НКМФ СССР утвердил штатное расписание аппарата заказчика ДВГМП в Петропавловске в составе двух человек с месячным фондом зарплаты 2 300 руб. Ими стали уполномоченный по строительству и старший бухгалтер (во второй половине 1943 г. эти должности занимали соответственно Б. С. Хачиян и В. Г. Баранова). В июле 1942 г. начальник Дальморстроя В. И. Степанов утвердил штат управления строительства порта: «Штат управления 16 чел. с окладом 12 590 руб. Производственно-линейный аппарат 11 чел. с окладом 7 390 руб.» [1, с. 195].

Мероприятия по расширению порта в Петропавловске, предпринятые в 1942—1943 гг. (первая очередь некапитального строительства), не позволили решить все проблемы, возникавшие в ходе перевалки все возрастающего потока импортных грузов. Порт, хотя и пополнился причалами и складскими

помещениями, но почти не располагал механизацией, за исключением конвейеров. На повестку дня встал вопрос о создании современного мощного механизированного предприятия. Принципиально он был разрешен 16 октября 1943 г.: в этот день ГКО принял постановление № ГОКО-4344-с, а Совнарком СССР издал распоряжение № 19769-РС.

Первым шагом в направлении реализации правительственных решений стала организация 1 ноября 1943 г. Петропавловской строительной конторы НКМФ СССР. Она появилась в соответствии с приказом по наркомату № 366 «Об организации и строительстве Петропавловского-на-Камчатке морского порта Наркомморфлота СССР», подписанным 23 октября 1943 г. Стройконторе передавались все работы в порту, которые до этого вело Управление строительства Дальморстроя, действовавшее на самостоятельном балансе «на правах начальника работ по строительству Петропавловского порта». Начальником Петропавловской стройконторы НКМФ СССР (будущего «Камчатморстроя») был назначен А. Н. Виноградов, до этого работавший заместителем начальника и главным инженером Дальморстроя [1, с. 202].

23 октября 1943 г. приказом по НКМФ СССР № 336 в Петропавловске организовывался «морской порт, подчиненный непосредственно Центральному управлению морских портов Наркомморфлота». Ему присваивался второй разряд. В ноябре 1943 г. Государственная штатная комиссия Совнаркома СССР утвердила штатное расписание управления порта, включавшее 18 должностей с общей зарплатой без надбавок 15 230 руб. в месяц. Начальником порта утверждался А. И. Асеев, его заместителем и главным инженером — А. Н. Филин. Поскольку создание порта еще только начиналось, его управление выполняло функции заказчика строительства [1, с. 211].

Вторая (капитальная) очередь строительства порта завершилась в феврале 1945 г. Официально порт был пущен в эксплуатацию 10 февраля 1945 г. [1, с. 224], хотя обработка судов у недостроенных причалов началась еще в 1944 г. силами портовиков АКО и части строителей. В начале 1945 г. поставки импорта активизировались, хотя всем было уже ясно, что боевые действия в Европе близятся к завершению: союзники ожидали вступления СССР в войну с Японией.

С момента начала эксплуатации (10 февраля 1945 г.) и до 31 июля 1953 г. Петропавловский морской торговый порт (ПМТП) сохранял административную и хозяйственную самостоятельность, подчиняясь управлению портов НКМФ, а с 1946 г. — Министерства морского флота (ММФ) СССР. В нем продолжало действовать морское агентство ДВГМП.

В 1949 г. в связи с организацией Камчатско-Чукотского государственного морского пароходства (КЧГМП) и необходимостью создания в Петропавловске его базы было решено возродить на Камчатке специализированное гидростроительное предприятие. Особым постановлением Совета Министров

СССР от 31 октября 1949 г. № 4945-1896с был организован строительный трест № 6 Главморстоя ММФ СССР, на который возлагалось окончание строительства порта. Его начальником стал А. Н. Виноградов, приобретший здесь в течение 1943—1945 гг. уникальный опыт форсированного возведения сложных гидротехнических сооружений в условиях крайне ограниченных ресурсов [1, с. 291—292].

Принципиальное решение о создании КЧГМП было оформлено постановлением Совета Министров СССР № 421-154с «О мерах по развитию транспорта в Хабаровском крае» от 1 февраля 1949 г. и приказом ММФ СССР № 78с от 12 февраля 1949 г.

Предпосылками к созданию КЧГМП стали потребности в налаживании регулярной связи Петропавловска с пунктами побережий и организации пассажирского сообщения водным путем при почти полном отсутствии других видов транспорта; в разгрузке флота Главкамчатрыбпрома и специализации его на перевозке путинных грузов и рыбопродукции; в сосредоточении управления работой судами ММФ непосредственно в регионе, более тесной увязки работы флота с местными условиями, повышении оперативности управления им. В задачи КЧГМП входило обеспечение перевозок грузов между пунктами побережья Камчатки и Чукотки, вывоз заготовленной рыбопродукции, доставка продовольственных и продуктовых грузов из материковых портов СССР, пассажирское обслуживание побережья.

Организацию КЧГМП ММФ СССР возложило на оперативную группу Главного управления флота и портов Дальневосточных морей (Главдальфлот). Непосредственное участие в этой работе приняло морское агентство ДВГМП в Петропавловске, начальник А. З. Матусевич. План доходов и расходов КЧГМП на 1949 г. предусматривал 10 659 тыс. руб. расходов и 8 080 тыс. руб. доходов. Деятельность пароходства с самого начала планировалась как убыточная [3, л. 23].

С момента создания КЧГМП и его преемники стали основными организационными структурами, управлявшими торговым флотом ММФ СССР в Камчатском бассейне. Ниже приведена краткая хронология первых двух десятилетий деятельности этих судоходных компаний.

1949 г.

22 марта издан приказ Главдальфлота «О мерах по организации КЧГМП и выделению порта Советская Гавань из состава Владивостокского порта», предусматривавший организацию пароходства в Петропавловске 1 мая 1949 г. [4, л. 59].

27 апреля. Начальник Главдальфлота утвердил «План по труду на второй квартал 1949 г. Петропавловского-на-Камчатке пароходства» [3, л. 1].

7 мая начальник оперативной группы по созданию пароходства своим приказом установил порядок ежедневных диспетчерских совещаний в по-

мещении морского агентства ДВГМП в Петропавловске. Этот приказ стал первым документом в истории предприятия.

14 мая приказом ММФ СССР № 295-л начальником КЧГМП назначен капитан Морского флота 1-го ранга Ф. А. Матюшев.

21 мая. Началось формирование судового состава КЧГМП. От Сахалинского государственного морского пароходства (СГМП) принят пароход «Якутск» (построен в 1944 г.), капитан В. В. Киселев.

28 мая от СГМП принят пароход «Лиза Чайкина» (построен в 1923 г.), капитан Б. Н. Соколов.

30 мая от ДВГМП принят пароход «Красное Знамя» (построен в 1901 г.), капитан К. Г. Гроссман.

31 мая во Владивостоке утвержден график работы судов КЧГМП на июнь 1949 г., предусматривавший перевозку 19 100 т грузов для рыбной промышленности. Порт отправления — Петропавловск, назначение — побережье Камчатки [3, л. 11].

6 июня от СГМП принят пароход «Шексна» (построен в 1918 г.).

9 июня от ДВГМП принят пароход «Бухара» (построен в 1935 г.), капитан С. П. Беляев [5, л. 4—13].

9 июня к исполнению обязанностей начальника КЧГМП приступил прибывший в Петропавловск Ф. А. Матюшев [5, л. 14].

22 июня началась приемка от ПМТП дома по ул. Советской, 2а. Здесь предполагалось разместить управление пароходства.

1 июля определена структура управления пароходства: 1. Секретариат начальника, 2. Отдел главного инженера, 3. Отдел связи, 4. Морская инспекция, 5. Первый отдел, 6. МПВО, 7. Служба эксплуатации, 8. Коммерческий отдел, 9. Механико-судовая служба, 10. Отдел труда и заработной платы, 11. Плановый отдел, 12. Главная бухгалтерия, 13. Отдел кадров, 14. Отдел снабжения, 15. Административно-хозяйственный отдел, 16. Строительно-ремонтный участок, 17. Морагентство в Микояновске, 18. Морагентство в Усть-Камчатске, 19. Чукотско-Анадырское морагентство, 20. Судоремонтные мастерские, 21. Автобаза, 22. Жилищно-коммунальный отдел [5, л. 27].

4 июля началась приемка от Черноморского государственного морского пароходства (ЧГМП) парохода «Александр Пушкин» (мощность машины 1 050 л. с., грузоподъемность 3 240 т, 1933 г. постройки).

16 июля утвержден план перевозки грузов на 1949 г. в объеме 100 000 т. Суммарная грузоподъемность флота — 18 140 т [3, л. 28].

16 августа в состав флота включены буксирные катера № 88, 89, 94, 97, баржа «Гижига» (500 т), четыре малых баржи и один плашкоут [6, л. 41].

27 августа на основании постановления Совета Министров СССР от 27 апреля 1949 г. кочегарам судов, работавших на твердом топливе, установлены

премиальные выплаты от 2 до 4 руб. за каждую вахту при условии обеспечения ими нормального давления пара в котлах [5, л. 36].

1 сентября утверждено и введено в действие положение о работе морского агентства КЧГМП: «Чукотско-Анадырское морское агентство организовано на основании постановления Совета Министров СССР № 421-1540 от 1 февраля и приказа ММФ от 12 февраля 1949 г...» [5, л. 48—49].

1 сентября от ПМТП принят линейный буксир «Иван Сусанин» с машиной мощностью 800 л. с. [5, л. 50].

19 сентября определена стоимость рациона питания для судов, работавших в малом каботаже, составившая 514 руб. 99 коп. на человека в месяц [5, л. 62].

1 октября списочная численность работников пароходства насчитывала 376 чел., в том числе 313 плавсостава, 39 в управлении и 30 «прочих». Некомплект составлял 92 чел. [7, л. 80].

10 октября в состав флота включен прибывший в Петропавловск пароход «Хабаровск» [5, л. 94].

21 октября введена система премирования за экономию топлива. Лица, непосредственно связанные с эксплуатацией судовой техники, теперь могли получить 30 % стоимости сбереженного угля.

1 ноября КЧГМП в предоктябрьском социалистическом соревновании в условиях организационного периода выполнило годовой план грузоперевозок на 93,6 %, снизив себестоимость одной тонно-мили на 13,9 % [5, л. 116].

10 ноября пароходство выполнило годовой план по грузоперевозкам на 102,1 % (при задании 100 000 перевезли 102 100 т угля, соли, рыбы и прочих грузов), по тонно-милям — 102,7 % [7, л. 7].

25 ноября утвержден штат радиоцентра из четырех ставок [5, л. 121—122].

21 декабря служба эксплуатации пароходства приступила к ежемесячному составлению обзоров работы флота [5, л. 141].

В навигацию 1949 г. пароходство организовало регулярную скоростную линию по перевозке угля из бухты Угольной в порт Провидения. Несмотря на то, что ММФ СССР предусматривало убыток от работы пароходства, фактически удалось получить 20 тыс. руб. прибыли [7, л. 8].

Флот работал в тяжелых навигационных условиях необорудованного побережья Камчатки и Чукотки. Из-за слабой организации грузовых работ в рейдовых пунктах и частых штормов отдельные рейсы продолжались более месяца. Так, пароход «Александр Пушкин» вышел в рейс на побережье Чукотки 17 августа 1949 г. с грузом 3 136 т, и, проведя в море 93 дня, возвратился в Петропавловск, не выгрузив 1 151 т [7, л. 9].

1950

1 февраля от ДВГМП приняты первые грузовые теплоходы «Корсаков» и «Невельск», вмещавшие по 1 100 т, от СГМП — грузовой пароход «Комсомолец» (2 460 т) [8, л. 37].

2 февраля в Первом Курильском проливе сел на мель пароход «Хабаровск» [9, л. 57].

20 февраля Политуправление ММФ СССР назначило начальником вновь созданного политотдела КЧГМП М. А. Кошелева [8, л. 134].

8 апреля создана комиссия для проведения инспекторских осмотров судов [8, л. 123].

21 апреля объявлено, что пароход «Якутск» по результатам работы в четвертом квартале 1949 г. награжден переходящим вымпелом Совета Министров СССР и первой денежной премией 21,5 тыс. руб. [8, л. 120].

24 апреля введены в действие «Условия социалистического соревнования моряков за получение звания “Отличная судовая вахта”».

17 мая заработала радиостанция пароходства. До этого связь с судами поддерживала станция Петропавловского морского рыбного порта [10, л. 17].

30 мая морскому агентству в Усть-Камчатске (начальник Л. Д. Шабанов) для организации движения по реке Камчатке переданы морской катер № 88, речные катера № 5182, 5184 и шесть барж [8, л. 71].

9 июня введены в действие условия социалистического соревнования на звание «Лучшее судно пароходства». Таковым признавалось судно, наиболее перевыполнившее план грузоперевозок при соблюдении их правил и обеспечении сохранности грузов, находящееся в образцовом техническом состоянии, сэкономившее не менее 5 % топлива и масла, не допустившее аварий и нарушений трудовой дисциплины и выполнившее план саморемонта. Для пассажирских устанавливалось еще одно требование: «отсутствие жалоб от пассажиров» [8, л. 60—61].

5 июня в устье р. Камчатки сел на мель теплоход «Невельск» [9, л. 57].

31 июля на баланс пароходства принята сухогрузная баржа «Зея» грузоподъемностью 500 т [11, л. 92].

1 августа на хозяйственный расчет переведены пароходы «Якутск», «Бухара», «Лиза Чайкина», «Комсомолец», «Невельск», теплоход «Любовь Шевцова». В их экипажи вводились ставки бухгалтеров [8, л. 13].

10 августа вышел первый номер газеты пароходства «Камчатский моряк». Ее первым «литературным работником» стал И. Н. Саксонов.

1 октября жилищно-коммунальное хозяйство пароходства обслуживало 13 жилых домов общей площадью 560 кв. м. Завершалось строительство еще трех двухквартирных домов. Автомобильный парк включал: грузовик ЗИС-5, три грузовика ГАЗ-51 и одну легковую машину ГАЗ-ММ [9, л. 60—71].

19 октября создан технический совет под председательством главного инженера С. А. Козловского [11, л. 100].

5 декабря для своевременного проведения ремонта судов создана постоянная ремонтная бригада в составе 10 чел., подчиненная начальнику судоремонтных мастерских М. А. Шепатину [11, л. 46].

При плане на 1950 г. 270 000 т грузов суда КЧГМП перевезли 148 453 т. Они же доставили и 6 661 пассажира [12, л. 48]. В течение 1949—1950 гг. пароходство получило 10 буксирных катеров с двигателями мощностью по 150 л. с. и 14 барж по 40 т для перевозок по рекам Камчатки [9, л. 15].

Работа судов на пяти организованных линиях сопровождалась большими простоями из-за отсутствия на побережье грузчиков и плавсредств. Этим нарушались графики движения. Средняя скорость хода оказалась невысокой из-за того, что пароходы пользовались углем низкого качества, не обеспечивавшим поддержание давления пара «на марке». Его пережгли 1 553 т. Оказалось, что поступивший в пароходство южно-сахалинский уголь был добыт еще до войны. Уголь, хранившийся на базе в Петропавловске, являлся смесью разных марок. Он неоднократно самовозгорался и подвергался частому перелопачиванию, имел много мусора и большую влажность. Перерасход топлива достиг 15 % [9, л. 56—57]. Кроме того, большинство судов не прошли докования. В планы пароходства внесла «исправления» и непогода — шторма и туманы [9, л. 45].

Своей судоремонтной базы пароходство не имело. За год произошло 13 аварий судов, в том числе одна крупная — с теплоходом «Корсаков» [9, л. 58]. В 1950 г. в пароходстве развернулось движение за продление срока межзаводского ремонта судов до четырех лет. Его инициатором выступил экипаж теплохода «Любовь Шевцова» [11, л. 86].

1951

1 января КЧГМП имело в своем составе пароходы: «Якутск», «Бухара», «Александр Пушкин», «Лиза Чайкина», «Хабаровск», «Шексна», «Комсомолец», «Красное Знамя» и теплоходы: «Любовь Шевцова», «Невельск» и «Корсаков», а также две 500-тонные баржи. Полная грузоподъемность флота составляла 25 065 т [9, л. 2].

22 февраля переданы на «социалистическую сохранность» экипажам пароходы «Бухара», «Якутск», «Красное Знамя», «Хабаровск», «Комсомолец», теплоходы «Любовь Шевцова», «Невельск» [13, л. 284].

13 мая секретари комсомольских организаций парохода «Красное Знамя» и теплохода «Невельск» Э. Б. Переяславцев и О. А. Соколов отправились в Москву на совещание комсомольских работников при ЦК ВЛКСМ [13, л. 199].

20 мая Усть-Камчатскому морскому агентству приданы речные катера «Прибой» и «Быстрый» и морской катер «Гроза». Первая навигация агентства открылась 20 июля.

14 сентября освобожден от должности начальник пароходства Ф. А. Матюшев. Его обязанности исполняли вначале заместитель К. А. Козырев, затем главный инженер С. А. Козловский.

18 сентября на основании приказов ММФ СССР от 9 и 11 июня 1951 г. в состав КЧГМП считались принятыми: теплоход «Мусоргский» (1 050 т) —

с 23 июня, теплоход «Бородин» — с 19 июня, теплоход «Углегорск» — с 30 июля и теплоход «Сергей Тюленин» — с 1 июля [13, л. 85].

25 октября в должность начальника КЧГМП вступил капитан Морского флота 1-го ранга П. С. Черняев.

2 ноября буксир «Василий Буслаев» в Петропавловском порту столкнулся с траулером «Буревестник» и получил пробоину подводного борта.

7 декабря назначена комиссия по приемке от перегонной команды в порту Владивосток теплохода «Онь» [13, л. 31].

К концу 1951 г. флот пароходства имел общую грузоподъемность 33 630 т. К началу навигации в эксплуатации находились всего четыре исправных судна, остальные пребывали в ремонте до конца третьего квартала, «что резко отразилось на выполнении плана» [13, л. 37].

План на 1951 г. был утвержден в объеме 190 тыс. т и 6 000 пассажиров. Фактически суда пароходства перевезли 162,3 тыс. т и 7 800 чел., то есть выполнили задание на 85,4 и 130 % соответственно. Простои составили 36,4 % общего эксплуатационного времени, в том числе из-за непогоды 11,7 % и причинам, зависящим от портов, клиентуры и пароходства — 24,7 % [14, л. 465].

Из-за штормов и простоев под грузовыми операциями в рейдовых пунктах Камчатки и Чукотки неоднократно имелись случаи полного израсходования запасов топлива и воды и захода в Петропавловск с не выгруженным грузом. Так, пароход «Хабаровск» находился в рейсе на Западной Камчатке с 1 февраля по 26 мая в течение 115 суток и трижды за это время возвращался с грузом в базу [14, л. 477].

1952

1 января флот КЧГМП насчитывал 21 транспортное судно, из них 18 исправных и готовых к работе («Хабаровск», «Красное Знамя», «Комсомолец», «Лиза Чайкина», «Шексна», «Александр Пушкин», «Бухара», «Якутск», «Любовь Шевцова» (1949 г. постройки), «Невельск» (1949), «Корсаков» (1949), «Мусоргский» (1951), «Бородин» (1951), «Сергей Тюленин» (1950), «Углегорск» (1949), «Луга», «Тура», «Онь» [14, л. 496].

19 февраля от Владивостокского морского порта принят буксирный катер «Норд» [15, л. 35—36].

1 апреля Усть-Камчатское морское агентство переведено на полный хозяйственный баланс [15, л. 107].

15 апреля введена в эксплуатацию вновь построенная в районе радиопункта (ныне ул. Радиосвязи) жилая палатка площадью 40 кв. м [15, л. 132].

19 апреля Усть-Камчатскому агентству утвержден план перевозок по реке Камчатке на 1952 г. в объеме 15 тыс. т [15, л. 122].

14 июня положено начало теплотехнической работы. Начальником теплотехнической партии назначен «откомандированный обкомом ВКП(б) в распоряжение пароходства тов. Мартынюк» [15, л. 149].

24 июля началась приемка парохода «Вычегда» (капитан В. Н. Смирнов) [15, л. 189].

6 августа началась приемка теплохода «Тагил». С 18 июля судно считалось введенным в эксплуатацию после аварийного ремонта в китайском порту Дальний [15, л. 195, 200].

12 августа началась приемка от ПМТП двух 500-тонных барж. 27 августа их назвали «Паратунка» и «Камчатка» [15, л. 194, 206].

20 сентября вошли в эксплуатацию после постройки и окончания приемки комиссией завода в Хабаровске теплоходы «Виллой» и «Витим» проекта 229 грузоподъемностью 250 т. Эти небольшие суда именовались «дизельными шхунами» [15, л. 222].

5 ноября в Петропавловске произошло сильное землетрясение. В жилых и служебные помещения пароходства потрескались и разрушились печи и трубы. 10 ноября создана комиссия «для определения степени развалов» [15, л. 273].

В событиях начала ноября 1952 г. особо отличился экипаж парохода «Вычегда», возглавляемый капитаном В. Н. Смирновым. Это судно ночью 5 ноября ближе всех находилось к порту Северо-Курильск, подвергнувшись самому сильному удару стихии. Его моряки несколько суток оказывали пострадавшим помощь, приняли на борт множество гражданских лиц и военнослужащих и доставили их в Петропавловск.

1 декабря выведен из эксплуатации для передачи войсковой части теплоход «Ишим» [15, л. 285].

По состоянию на 31 декабря 1952 г. флот включал 29 судов:

— пароходы «Александр Пушкин», «Бухара», «Комсомолец», «Красное Знамя», «Лиза Чайкина», «Вага», «Вычегда», «Хабаровск», «Красноярск», «Шексна» и «Якутск» (суммарная грузоподъемность 29 960 т);

— теплоходы «Бородин», «Корсаков», «Любовь Шевцова», «Луга», «Мурсоргский», «Невельск», «Омь», «Сергей Тюленин», «Тура», «Углегорск», «Тагил», «Ишим» (суммарная грузоподъемность 12 150 т);

— моторные шхуны «Виллой» и «Витим» по 250 т;

— баржи «Гижига», «Зея», «Паратунка», «Камчатка» по 500 т.

Общая грузоподъемность флота достигла 44 610 т [16, л. 1].

За 1952 г. пароходство перевезло 287,4 тыс. т грузов, в том числе 6,3 в заграничном плавании и 0,8 — в большом каботаже. В заграничных плаваниях и большом каботаже находились суда, перегонявшиеся из европейских портов. Аварийность флота в 1952 г. по сравнению с 1951 г. увеличилась втрое: произошло 24 аварии и 18 аварийных происшествий с техническими убытками 554,4 тыс. руб. и коммерческими убытками 1 487,9 тыс. руб. Потери из-за аварий составили 414,2 суток или 13,6 % от фактически отработанного времени. Четырнадцать аварий произошли из-за нарушений трудовой

дисциплины, семь из-за конструктивных недостатков и три из-за ледовых повреждений [17, л. 32].

Начальником политотдела пароходства в 1952 г. являлся капитан Морского флота 2-го ранга Екимцев. Литературным сотрудником газеты «Камчатский моряк» трудилась Т. Н. Капитонова.

1953

3 февраля на льду между теплоходами «Сергей Тюленин» и «Витим», стоявшими у мыса Сигнального, загорелись нефтеостатки. Огонь обнаружил случайно. Он уничтожил старый шлюпочный чехол, повредил краску на бортах обоих судов и шлюпку на одном из них. От жара потрескались стекла иллюминаторов. Убыток составил 450 руб. [17, л. 106].

20 апреля списан теплоход «Ишим» в связи с передачей другому судовладельцу в порту Владивосток [17, л. 222].

1 мая при механической мастерской пароходства создана радиомастерская [17, л. 226].

21 июля теплоход «Витим» (капитан А. Н. Ершов) впервые без помощи лоцмана вошел в реку Большую на Западной Камчатке [17, л. 401].

31 июля во исполнение приказа министра Морского и речного флота (ММиРФ) СССР от 25 июня 1953 г № 196-пр «Об объединении морских и речных пароходств, портов, предприятий и организаций Министерства морского и речного флота» ПМТП перешел в административное и оперативное подчинение КЧГМП «как самостоятельное хозяйственное предприятие» [17, л. 360].

2 августа после постройки принят теплоход «Вилига» [17, л. 380].

3 августа в 21.25 на теплоходе «Витим» из-за разрыва шатунных болтов разрушилось дизель-динамо [18, л. 44].

9 августа вошли в эксплуатацию по окончании постройки однотипные теплоходы «Алдома» и «Аджима» проекта 229 [17, л. 380].

22 августа после выхода из постройки приняты теплоходы «Аральск» и «Благовещенск» [17, л. 536].

9 сентября установлен порядок проведения технической учебы на судах. «На флот пришло большое количество людей, не знающих работы флота, что вызывает острую необходимость в проведении технических занятий с рядовым составом, а также повышения знаний командного состава». Отныне капитан и старший механик один раз в неделю обязывались проводить технические занятия с матросами, кочегарами, машинистами и мотористами. Со штурманским составом раз в неделю занимался лично капитан по программе, разработанной морской инспекцией. Механиков наставлял старший механик по методике, составленной механико-судовой службой [17, л. 405].

24 ноября утвержден технический совет во главе с главным инженером пароходства Е. М. Приваловым [17, л. 507].

26 ноября пароход «Луга» под командованием капитана С. С. Чумака в шторм снял севшую 9 ноября на мель возле острова Беринга нефтеналивную баржу. Ее благополучно привели в Петропавловск [17, л. 532].

30 ноября выведена из эксплуатации баржа «Паратунка», севшая на мель в реке Камчатке с лесом. Для хранения груза на ней остался экипаж из четырех человек «с оплатой по штатному расписанию на зимнем отстое».

9 декабря в связи с отсутствием в ПМТП лоцманов таковыми по совместительству по просьбе капитана порта назначены капитаны-наставники А. И. Несытов и А. Л. Срибный [17, л. 531].

В навигацию 1953 г. пароходство содержало пять линий [17, л. 176—177]:

— грузовая бухта Угольная — бухта Провидения («Якутск» и «Бухара»);

— Восточно-Камчатская скорая грузопассажирская («Красноярск»);

— Западно-Камчатская скорая грузопассажирская («Хабаровск»);

— Чукотско-Анадырская пассажирская («Корсаков»);

— грузовая Петропавловск — Усть-Камчатск («Витим» и «Виллой»).

По состоянию на 1 января 1953 г. флот КЧГМП включал 27 единиц общей грузоподъемностью 39 270 т, способных одновременно принять 598 пассажиров. За год судовой состав вырос и к 31 декабря 1953 г. включал уже 31 единицу, из них 27 самоходных, в том числе:

— грузовые пароходы: «Александр Пушкин», «Бухара», «Вага», «Вычегда», «Комсомолец», «Шексна», «Якутск»;

— грузопассажирские пароходы: «Красноярск» и «Хабаровск» (принимавшие по 2 630 т);

— грузопассажирский теплоход «Корсаков» (600 т);

— грузовые теплоходы: «Аральск», «Благовещенск», «Бородин», «Ишим», «Луга», «Любовь Шевцова», «Мусоргский», «Невельск», «Онь», «Сергей Тюленин», «Тагил», «Тура», «Углегорск» (все по 1 050 т грузоподъемности);

— малые теплоходы (так называемые «дизельные шхуны») «Алдома», «Аджима», «Вилига», «Виллой» и «Витим» (по 250 т).

Несамоходный флот включал четыре баржи: «Гижига», «Зея», «Камчатка» и «Паратунка», принимавшие по 500 т груза каждая. Рейдовый и вспомогательный флот на конец 1953 г. состоял из 10 буксирных катеров с двигателями по 150 л. с., 16 плашкоутов, бравших по 100 т, и 10 барж грузоподъемностью по 40 т. Пассажировместимость флота за 1953 г. не изменилась. Самым большим являлся пароход «Александр Пушкин» грузоподъемностью 3 240 т [14, л. 414—417; 19, л. 32—33].

Всего за 1953 г. флот перевез 358 300 при плане в 350 000 т. Загранплавания в этом году не совершались, хотя и планировались для судов, вышедших из постройки и следовавших на Камчатку из Одессы. Но теплоходы «Аральск» и «Благовещенск» отправились из Одессы в Корсаков (большой каботаж) только в конце декабря 1953 г. [14, л. 421—429].

1954

16 января в штормовом море в районе Усть-Камчатска с экипажем и пассажирами погибла дизельная шхуна «Виллой». Это судно стало первым, которое пароходство потеряло из-за «непреодолимого действия стихии».

20 января началась учеба капитанов и штурманов по практическому освоению новейших электрорадионавигационных приборов [18, л. 80].

1 февраля организовано Приморское морское агентство по агентированию судов во Владивостоке и Находке, начальник А. И. Глушков [18, л. 50].

8 февраля начались работы по подготовке к передаче СГМП парохода «Александр Пушкин» [18, л. 65].

26 февраля в Японском море получил повреждение винта теплоход «Сергей Тюленин» [20, л. 407].

1 марта в Петропавловском порту сел на мель пароход «Вага» [20, л. 407].

15 мая объявлен победитель Всесоюзного социалистического соревнования ММиРФ СССР за первый квартал 1954 г. Им стал экипаж теплохода «Аральск» (капитан П. П. Кириченко), удостоенный за трудовую победу вымпела министерства и второй премии 11,2 тыс. руб. [18, л. 231].

19 мая началась приемка парохода «Пинск», поставленного на линию порт Провидения — бухта Угольная [18, л. 242, 312].

17 июня создана постоянно действующая квалификационная комиссия, руководитель заместитель начальника пароходства по кадрам Н. М. Святец [18, л. 301].

23 июня приняты теплоходы «Гдов» и «Остров» [18, л. 331].

14 июля объявлено о начале создания в Усть-Камчатске третьего грузового района ПМТП, специализировавшегося на вывозке леса [18, л. 335—336]. Этим началась организация в устье реки Камчатки нового морского торгового порта.

1 сентября заработал учебно-курсовой комбинат (УКК) пароходства. Он размещался в специально выделенном для этого финском домике. Первой стала группа механиков-дизелистов 3-го разряда в составе 19 чел.

20 сентября после тяжелой болезни умер начальник КЧГМП П. С. Черняев. Исполняющим обязанности начальника КЧГМП назначен К. А. Козырев.

15 ноября в УКК начала заниматься первая группа электромехаников.

Флот КЧГМП к 1 января 1954 г. состоял из 32 транспортных и 36 служебно-вспомогательных судов. За 1954 г. он пополнился двумя теплоходами типа «Тисса» (мощность главных двигателей 800 л. с., грузоподъемность 1 050 т, 1954 г. постройки), двумя дизельными шхунами проекта 229 (мощность 400 л. с., грузоподъемность 250 т, 1954 г. постройки), одним дизельным буксиром проекта 202 (мощность 1 200 л. с., 1954 г. постройки), двумя лихтерами грузоподъемностью по 1 000 т. Пароходы «Александр Пушкин» и «Шексна» были заменены пароходом СГМП «Рыбинск» (мощность машины 1 200 л. с.,

грузоподъемность 2 800 т, 1943 г. постройки) и новым финским пароходом «Пинск» (мощность машины 1 000 л. с., грузоподъемность 2 800 т, 1953 г. постройки). Погибла дизельная шхуна «Вилой» проекта 229.

Полная грузоподъемность судов достигла 51 170 т. Они могли одновременно принять на борт 620 пассажиров. План 1954 г. по перевозке грузов пароходство выполнило на 110 % (483 600 вместо 440 000 т), по пассажирам — на 127,1 % (21 000 вместо 17 000 чел.) [21, л. 9—10].

По состоянию на 1 января 1955 г. численность плавсостава пароходства составляла 1 356 чел., из них 330 командиров и 1 026 рядовых моряков. Текущая кадров была высока: за год на работу приняли 584 и уволили 464 чел. Молодых специалистов в пароходстве в 1954 г. насчитывалось 135 чел., 13 из них прибыли в этом году [22, л. 3—4].

Наиболее подходящими для условий Камчатки и Чукотки признавались теплоходы вместимостью 2 000—2 500 т с мощностью машин 2 000 л. с., ледовыми подкреплениями и обогревом танков. Таковыми из существующих являлись теплоходы типа «Лев Толстой». Суда типа «Невельск» («Тисса») оказались удобными для работы на побережье летом, но непригодными осенью и зимой. Они получали ледовые повреждения, из-за чего весной и в начале навигации большинство судов приходилось ставить на ремонт. Много недостатков имели теплоходы проекта 229. Они считались непригодными для работы на Крайнем Севере из-за отсутствия здесь портов-убежищ [21, л. 4—6].

1955

1 января КЧГМП утратило самостоятельность. Его подчинили созданному на базе ДВГМП Дальневосточному объединенному пароходству (ДВОП) с целью «организовать работу флота в Дальневосточном бассейне по координированному графику».

8 января в связи с подчинением ДВОП началась ликвидация Приморского морского агентства [23, л. 254].

15 января в УКК организована группа по подготовке штурманов малого плавания [22, л. 5].

1 февраля списан пароход «Хабаровск» [23, л. 187].

14 февраля приказом ММиРФ СССР № 31-л начальником КЧГМП назначен К. А. Козырев.

25 апреля началась организация порта в Усть-Камчатске путем объединения местного портпункта, баз технического снабжения Минрыбпрома, Центросоюза и Минлеспрома [23, л. 148].

27 апреля победителям Всесоюзного социалистического соревнования решением ЦК профсоюза рабочих и ММиРФ СССР присвоены почетные звания «Лучший по профессии». «Лучшим капитаном ММиРФ СССР» стал Г. Я. Поляков, «Лучшим механиком ММиРФ СССР» — В. И. Петропавловский, «Лучшим механиком пароходства» — В. Т. Еременко, Ю. А. Гончаров,

В. И. Уколов, «Лучшим машинистом пароходства» — С. Ф. Радченко, «Лучшим мотористом пароходства» — Н. И. Сабодаж, «Лучшим радистом пароходства» — В. Д. Евтушенко, С. Ф. Трегубов, «Лучшим боцманом пароходства» — Н. И. Дюрягин, «Лучшим кочегаром пароходства» — П. И. Кудяковский, И. А. Домбровский, «Лучшим матросом пароходства» — Г. Г. Шаторин и Н. И. Питин [23, л. 121—122].

10 мая в распоряжение пароходства прибыла 500-тонная плавучая мастерская [23, л. 96].

14 мая началась приемка грузопассажирского парохода «Гоголь», включенного в состав флота 15 июня [23, л. 91].

21 мая принят от Балтийского государственного морского пароходства (БГМП) пароход «Валдай». 29 июля судно прибыло в порт Мурманск для ремонта и подготовки к переходу на Камчатку [24, л. 284].

5 июня от ДВГМП принят теплоход «Тургенев» [24, л. 315].

9 июня организован Усть-Камчатский морской торговый порт [14, л. 305].

14 июня из состава флота в связи с передачей ДВГМП выведен пароход «Комсомолец» [24, л. 321].

16 июня выведен из эксплуатации для подготовки к передаче БГМП теплоход «Виледь» [23, л. 15].

28 июня начались приемка от ДВГМП парохода «Иван Тургенев». В этот же день заработала комиссия по приемке парового буксира «Сахалинец», и в состав флота вступил морской буксир «Поярков» [23, л. 6—8].

29 июня принят от ДВГМП и введен в эксплуатацию теплоход «Лев Толстой» [34, л. 315].

30 июня приняты и введены в эксплуатацию: от ДВГМП — морской буксир «Поярков», от БГМП — морской буксир «Сахалинец» [24, л. 315].

2 июля сел на мель в баре реки Камчатки теплоход «Анапка». Погибли 30 т соли, 150 т цемента, были сломан фальшборт, пожарная магистраль и лопасть левого гребного винта [24, л. 303—304].

8 июля выведены из состава флота в связи с передачей БГМП теплоходы «Вить» и «Виледь» [24, л. 321].

2 августа от ПМТП приняты теплоходы «Палево» и «Орлово», переданные в Усть-Камчатск [24, л. 290—291].

10 сентября переоборудован в спасательное судно и передан в подчинение капитана ПМТП буксир «Изыльметьев» [24, л. 229].

2 ноября морской буксир «Поярков» переименован в «Моннерон» [24, л. 124].

28 ноября штормом выбросило на берег бухты Новик теплоход «Тура». Он получил большие повреждения корпуса. В результате «правильных и решительных действий» спасателей теплоход сняли с мели 29 ноября [24, л. 3].

В начале 1955 г. КЧГМП утратило самостоятельность. Его подчинение ДВОП сказалось на результатах работы камчатских моряков отрицательно:

«За истекший период действительность показала, что ДВОП меньше всего занималось руководством подчиненного ему КЧГМП, меньше всего способствовало выполнению государственного плана перевозок» [25, л. 13].

Суда КЧГМП были задержаны в ремонте, пароходство ни разу вовремя не получило оборотных средств. В организации Усть-Камчатского морского торгового порта ДВОП участия не принимало. Нарушилось шедшее теперь через Владивосток и без того недостаточное снабжение. Подчинение ДВОП породило дополнительную переписку. Отныне отделы КЧГМП параллельно с ММФ отчитывались перед соответствующими отделами ДВОП. Тем не менее, «ни по одному отчету ДВОП не реагировало. Все серьезные вопросы пароходство вынуждено было решать через Министерство» [25, л. 17].

План перевозки грузов 1955 г. КЧГМП не выполнило: вместо 500 тыс. т его суда перебросили 469,1 тыс. т. На невыполнение плана оказала влияние непогода: «увеличение штормовых погод в районах эксплуатации судов КЧП». Суда пароходства впервые начали работать на регулярной линии Петропавловск — Усть-Камчатка. Туда они шли с продовольствием, обратно — с лесом [14, л. 294—295].

Вновь организованный Усть-Камчатский морской торговый порт выполнил свое первое годовое задание. При плане 68 050 т фактически через него прошли 92 578 т. Основную массу составили плоты с лесом — 61 289 т. Пассажиры, в основном жителей окрестных селений, перевезли 4 000 чел. Предприятие пока не отвечало элементарным требованиям к морскому порту, нуждалось в механизмах, причалах, складах, жилплощади. Требовалось устранить устьевые бары в реке Камчатке, без чего его нормальная работа не могла быть обеспечена [14, л. 305—307].

Звание «Лучший по профессии» присуждено 815 морякам, в том числе восемь месяцев подряд кочегару парохода «Пинск» Абакумову, семь месяцев подряд машинисту того же судна Хвоцевскому, матросу теплохода «Любовь Шевцова» Питину, шесть месяцев подряд боцману парохода «Гоголь» Пирскому, боцману парохода «Красноярск» Чернявскому, матросу теплохода «Мусоргский» Новик и другим.

Звание «Лучший капитан» в 1955 г. присвоено: Н. Г. Святогору («Мусоргский»), В. Н. Смирнову («Рыбинск»), Г. Н. Клепикову («Гоголь»), И. Н. Бухонину («Луга») Б. Г. Ярославцеву («Аральск»), В. В. Свиныну («Лев Толстой»), Г. Н. Плеханову («Любовь Шевцова»). Звание «Лучший старший механик» получили: М. В. Бондарев («Красноярск»), К. П. Заньков («Гоголь»), В. Т. Еременко («Мусоргский»), С. П. Бритченко («Лев Толстой»), Г. Л. Де-лиу («Валдай») [14, л. 317].

В течение 1955 г. состав флота претерпел следующие изменения. Из других пароходств переданы: грузопассажирский пароход «Гоголь» (3 560 т), пароход «Валдай» (2 340 т), теплоходы «Иван Тургенев» и «Лев Толстой»

(по 2 700 т), буксиры «Сахалинец» и «Моннерон». Из КЧГМП в военное ведомство переведен грузопассажирский пароход «Хабаровск», в ДВГМП ушли пароходы «Бухара» и «Комсомолец», БГМП переданы две дизельных шхуны «Вить» и «Вилель», в Усть-Камчатский порт ушли баржи «Гижига», «Зея», «Камчатка» и «Паратунка» и лихтеры № 8710 и 8717. В результате 31 декабря 1955 г. предприятие имело 29 единиц самоходного флота общей грузоподъемностью 43 960 т и четыре буксира с общей мощностью машин 4 000 л. с.

Самым старым судном пароходства был грузопассажирский пароход «Гоголь», построенный в 1922 г. Два судна находились в «ограниченно-годном состоянии», одно пребывало в ремонте, 22 нуждались в доковании [14, л. 322].

1956

8 февраля начался лыжный агитационный поход, посвященный XX съезду КПСС. В нем приняли участие девиатор В. Ф. Сидорченков, четвертый механик спасательного судна «Изыльметьев» И. Я. Власов, моторист теплохода «Аджима» А. А. Батищев, капитан теплохода «Вилига» А. И. Финегонов и другие, всего 9 чел. [26, л. 20].

2 марта на пароходе «Вага» одновременно вышли из строя главная машина и левый котел. Судно на буксире приведено в Петропавловск. Причина аварии — незнание механиками действительного состояния механизмов судна [14, л. 275].

31 мая в управлении КЧГМП организован отдел труда и заработной платы со штатом из трех человек. Руководство возложено на И. С. Федермейера [27, л. 9].

12 июля приняты катера, прибывшие из Николаевска-на-Амуре (строительные номера № 24 и 25). Приемкой занималась комиссия под руководством начальника службы судового хозяйства (так теперь стала называться механико-судовая служба) А. М. Дрешера [27, л. 51]. Ранее службу возглавлял С. В. Радченко, теперь главный инженер.

12 июля во Владивосток для участия в спартакиаде моряков-дальневосточников отправилась камчатская команда из десяти человек, в том числе В. Н. Шепетько, третьего помощника капитана буксира «Василий Буслаев», В. И. Карпухина, третьего помощника капитана парохода «Вага», Ж. Т. Дудника, кочегара 1-го класса парохода «Красноярск», Ф. С. Меркулова, второго радиста спасателя «Изыльметьев» [27, л. 48].

14 июля в порту Провидения принят от СГМП лихтер (несамоходное грузовое судно) «Яуза» [27, л. 126].

19 июля во Владивостоке передан БГМП и отправился в порт Провидения для перехода Северным морским путем теплоход «Витим». Однако вследствие сложных метеоусловий судно не смогло выйти по назначению и осенью вернулось во Владивосток. 15 декабря его, приведенное в «ограниченно годное состояние», вновь приняли на баланс КЧГМП [28, л. 8].

13 августа в Москву на Всесоюзную промышленную выставку командированы старший механик К. П. Заньков, мастер судоремонтных мастерских К. К. Дьяконов и начальник ЭРНК С. Г. Погосов [27, л. 127].

19 августа СГМП передан теплоход «Невельск» [27, л. 147].

1 сентября СГМП передан пароход «Валдай», а КЧГМП приняло пароход «Миргород» [27, л. 166].

2 сентября в Усть-Камчатск из Николаевска-на-Амуре прибуксирован плавучий кран «Блейхерт». Эту операцию провел экипаж буксира «Моннерон» (начальник экспедиции капитан-наставник А. И. Несытов) [27, л. 300].

14 октября на теплоходе «Омь» из-за обрыва шатуна вышел из строя левый главный двигатель [14, л. 275].

18 октября построен капитальный межрейсовый Дом отдыха моряков.

20 октября в сложных метеоусловиях завершилась буксировка 500-тонной плавучей мастерской из Находки в Усть-Камчатск. Отличились начальник морской инспекции Ф. М. Светлов, механик-наставник В. И. Попов, главный диспетчер В. М. Смоляр [27, л. 206].

24 октября радиоцентр пароходства разделился на две самостоятельных станции — приемную и передающую [27, л. 209].

23 ноября теплоход «Иван Тургенев» приступил к разгрузке 125 т тяжеловесного оборудования в портпункте Озерная для первой в СССР электростанции с использованием подземного тепла (Паужетской геотЭС) [27, л. 298].

6 декабря морской буксир «Чумикан», следовавший из Усть-Камчатска в Петропавловск, попал в жестокий шторм. Связь с судном прервалась. Как выяснилось позже, радиорубку буксира залило водой, его радиостанция вышла из строя [27, л. 326].

13 декабря в порту Дальний (КНР) выведен из эксплуатации на капитальный ремонт пароход «Красноярск» [27, л. 293а].

21 декабря в Ленинграде выведен из эксплуатации ввиду постановки на ремонт пароход «Якутск». Он пришел туда южным путем, совершив плавание в большом каботаже [27, л. 327].

План перевозки грузов 1956 г. пароходство выполнило: по тоннам — на 102,2 % (при плане 750 000 по отчету 756 500 т); по тонно-милям — на 128,0 %; по пассажирам — на 297,3 %. Значительный рост пассажирских перевозок объяснялся открытием в Петропавловске и Усть-Камчатске внутренних линий, на которых работал портовый флот. Но произошло это не в результате ускорения оборачиваемости судов или увеличения их числа, а из-за систематической перегрузки. Так, пароход «Гоголь» при норме 453 брал до 1,5 тыс. чел [14, л. 251—253]. Понятно, что о качестве обслуживания людей в таких условиях говорить не приходилось.

Пароходство не справилось с заданием по буксировке плотов и перевозке леса на судах. Причиной этого стало обмеление устья реки Камчатки.

Для расчистки баров и углубления фарватера летом 1956 г. в Усть-Камчатск был отправлен земснаряд, но он потерпел аварию и начал работать только в конце ноября и, конечно, не успел выправить положение. Потраченные 3 млн руб. полезных результатов не принесли [14, л. 254—256].

За первый квартал 1956 г. пароходство получило переходящее Красное знамя ВЦСПС и ММФ и первую денежную премию в сумме 73 125 руб. Звание «Лучший по профессии» заслужили 410 моряков. На Доску почета пароходства занесены 20, в Книгу почета вписаны 8 чел. [14, л. 278—280].

В 1956 г. Усть-Камчатский порт переработал 186 тыс. т. По реке Камчатке перевезли 226 тыс. т и 65 тыс. пассажиров. Последних обслуживал один катер, не имевший элементарных удобств. На реке не было причалов [29, л. 28].

1957

2 января на основании опыта решено эксплуатировать суда типа «Тисса» на линии Петропавловск — Усть-Камчатек в течение круглого года в случае отсутствия тяжелых льдов в Камчатском заливе [30, л. 42].

3 марта в Усть-Камчатском порту установлена первая в СССР портовая радиолокационная станция, давшая возможность проводить суда через бар реки Камчатки при отсутствии видимости [30, л. 261].

10 марта в рамках подготовки к Всемирному фестивалю молодежи в Москве прошел предварительный смотр творчества коллективов художественной самодеятельности судов и береговых организаций [30, л. 23].

10 марта на морском буксире «Василий Буслаев», стоявшем у причала Петропавловского морского торгового порта, возник пожар, в результате которого погиб боцман. Причина пожара — использование открытого огня для освещения во время ремонта динамомшины [14, л. 247].

12 апреля приказом министра на КЧГМП возложена рейдовая разгрузка всех грузов с судов в пунктах назначения Корякского национального округа (КНО) [30, л. 316]. Начинаясь многолетняя работа «экспедиции».

15 апреля состоялся партийно-хозяйственный актив работников морского транспорта Камчатского бассейна «О результатах производственно-финансовой деятельности за 1956 г. и задачах по выполнению производственного плана на 1957 г. и снижению убыточности предприятий». На активе присутствовали 293 делегата [29, л. 51].

18 апреля в рамках мероприятий по уменьшению убыточности пароходства сокращены 35 и введены четыре новых должности. Это позволило упростить структуру управления и ликвидировать промежуточные и дублирующие звенья в береговых организациях [30, л. 219].

20 апреля решено начать регулярную производственную гимнастику на судах, в цехах и отделах. Отныне начальники отделов обязывались обеспечивать ежедневную явку своих работников на гимнастическую разминку [31, л. 30].

8 июля прибывшим в Петропавловск 6 июля двум речным пассажирским теплоходам типа «Москвич» (двигатели мощностью по 150 л. с., строительные номера 151 и 152) присвоены названия «Московский фестиваль» и «Камчатский фестиваль». Теплоходы переданы Усть-Камчатскому порту [30, л. 333].

19 июля на теплоходе «Корсаков» прошло комсомольское собрание. Комитет комсомола пароходства (секретарь А. Похоменков) решил открыть на каждом судне лицевые счета молодых моряков, в которые заносить мероприятия, сделанные ими для экономии топлива, смазки, снабжения [32].

30 июля упразднен политотдел, взамен него образованы партийный комитет и бассейновый комитет флота (баскомфлот) [30, л. 367].

1 ноября по распоряжению ММФ СССР 20-й отряд военизированной охраны, несший службу на объектах КЧГМП, перешел в подчинение пароходства. В состав отряда входили 126 чел. [30, л. 472; 33, л. 18].

11 ноября теплоход «Алдома» передан Камчатскому Совнархозу [30, л. 496].

28 ноября начальник КЧГМП К. А. Козырев подписал свой последний приказ: «Со 2 декабря 1957 г. по 7 апреля 1958 г. убываю в календарный отпуск. Исполнение обязанностей начальника пароходства возлагаю на моего заместителя по эксплуатации тов. Балык Л. А.» [30, л. 494]. Из этого отпуска К. А. Козырев не вернулся: в марте 1958 г. он погиб в автокатастрофе.

11 декабря Сахалинрыбпрому передан теплоход «Аджима» [30, л. 534].

21 декабря Сахалинрыбпрому передан теплоход «Вилига» [30, л. 540].

23 декабря в 8.00 экипаж «Изыльметьева» успешно завершил в тяжелых навигационных условиях работы по спасению СРТ № 1032 Управления морского активного рыболовства Главприморрыбпрома [34, л. 8].

В начале 1957 г. в Петропавловске работала комиссия ММФ СССР, рассматривавшая результаты годовой работы КЧГМП в составе ДВОП. На совещании были озвучены убытки пароходства с момента его образования. Они составили (млн руб.): в 1949 г. — 1,5, в 1950 г. — 14,0, в 1951 г. — 15,5, в 1952 г. — 24,5, в 1953 г. — 29,4, в 1954 г. — 30,6, в 1955 г. — 34,3 и в 1956 г. — 36,5. ММФ СССР поставило вопрос о ликвидации пароходства.

По мнению Камчатского обкома КПСС, «пароходство должно остаться и работать». Партийные руководители полагали, что такие большие убытки в значительной степени вызваны неэффективным руководством со стороны ДВОП. Не способствовала производительному труду управленцев КЧГМП сложившаяся вокруг них нервная обстановка: «Доведись до всякого, если бы все время думать о том, что вас завтра выгонят с работы, это не вызовет желания рассуждать об изыскании способов ликвидации убытков» [29, л. 56].

В 1957 г. флот КЧГМП составляли 33 судна вместимостью 46 354 рег. т. «К концу 1957 г. возник вопрос о перемене флота с целью поднятия рентабельности работы. Были переданы в Камчатский Совнархоз теплоходы “Алдома”, “Витим”, Сахалинскому совнархозу — “Аджима” и “Вилига”, ДВГМП

передаются теплоходы “Благовещенск”, “Омь”, “Любовь Шевцова”, “Тагил”, “Тура”, “Рыбинск”» [33, л. 1].

Установленный КЧГМП государственный план на 1957 г. предусматривал перевозку 864 тыс., фактическое выполнение составило 713,8 тыс. т, то есть 82,6 %. Пассажиров перевезли больше плана: 256,9 вместо 225 тыс. чел., то есть 114,2 % [14, л. 337—339].

Общее количество работников КЧГМП составило 1 598 чел., из них в плавсоставе трудились 1 148 чел., в том числе 120 инженеров, 261 техник, 91 выпускник УКК. За 1957 г. 36 моряков были занесены в Книгу почета, среди них кочегар Чеканов, матрос Яценко, радист Зайко, старший механик Кондратьев, плотник Бизюкин, кочегар Гриб, дневальная Долотова [33, л. 2—5].

В самом конце 1956 г. в практику работы пароходства вошло понятие «загранплавание». Оно относилось к судам, отправлявшимся в порты КНР на ремонт и для работы между китайскими портами, а также возившими лес в Японию. Таковыми в 1957 г. стали «Красноярск», «Вычегда» и «Василий Буслаев». Специальных судов заграничного плавания, «утвержденных министром», в 1957 г. пароходство не имело, соответственно, отсутствовали и особые «кадры заграничного плавания», поэтому команды комплектовались поспешно. К 1 января 1958 г. имелись 302 моряка, прошедших необходимые проверки и получивших допуски для работы за границей [33, л. 7—8].

1958

6 января КЧГМП переименовано в Камчатское государственное морское пароходство (КГМП).

9 января ДВГМП передан теплоход «Тура» [34, л. 16].

10 января от ДВГМП принят танкер «Уфа» [34, л. 25].

16 января Управлению морского активного рыболовства Камчатского Совнархоза передан теплоход «Витим» [34, л. 21].

21 января от СГМП принят морской буксир «Мирный» [34, л. 39].

23 января ДВГМП передан теплоход «Омь» [34, л. 42].

26 января ДВГМП передан теплоход «Тагил» [34, л. 95].

10 февраля СГМП передан пароход «Рыбинск» [34, л. 95].

15 февраля ДВГМП передан теплоход «Благовещенск» [34, л. 65].

15 февраля 20-й отряд военизированной охраны ММФ СССР переименован в отряд военизированной охраны КГМП ММФ СССР [34, л. 65].

5 марта ДВГМП передан теплоход «Любовь Шевцова» [34, л. 152].

8 марта в Одессу для участия в похоронах начальника КГМП К. А. Козырева командирован главный диспетчер пароходства В. М. Смоляр [34, л. 126].

10 марта вышел приказ ММФ СССР № 49/к: «Исключить из списков личного состава начальника Камчатского государственного морского пароходства Козырева Казбулата Асламбековича в связи со смертью» [34, л. 158].

11 апреля от СГМП принят пароход «Енисейск» [34, л. 195].

14 апреля опубликован приказ по КГМП № 138: «На основании решения первичных комсомольских собраний, постановлений комитета ВЛКСМ пароходства и бюро горкома ВЛКСМ экипажам теплохода “Бородин” и морского буксира “Моннерон” присвоено звание “комсомольско-молодежный”» [34, л. 194].

29 апреля на Доску почета управления пароходства занесены: грузчик И. С. Денисов, бухгалтер А. В. Ларичев, инспектор отдела кадров Н. Н. Соснин, мастер В. Я. Бочкарев, коммерческий ревизор А. Ф. Гранаткина, механик-наставник С. П. Бритченко, дворник З. И. Рыжкова, уборщица Д. П. Борисовская [34, л. 229].

14 мая объявлен первый приказ нового начальника пароходства П. Д. Киселева: «В соответствии с приказом ММФ № 94/л от 5 мая 1958 г. к обязанностям начальника пароходства приступил с 12 мая 1958 г.» [34, л. 260].

5 октября экипаж теплохода «Аральск» (капитан С. Г. Лупенко) спас от гибели буксирный катер «Грозный», принадлежавший Хайрюзовскому рыбокомбинату, и находившуюся у него на буксире баржу [35, л. 12].

17 октября ДВГМП передан морской буксир «Василий Буслаев» [36, л. 245].

19 декабря с 21.00 введен в эксплуатацию в порту Ленинград после окончания капитального ремонта на Канонерском заводе пароход «Якутск» [36, л. 328].

27 декабря начата приемка от СГМП парохода «Амдерма» [35, л. 5].

Плановое задание на 1958 г. составляло 611, фактически перевезено 625,8 тыс. т (102,4 %). В структуре грузооборота уменьшились доли, приходившиеся на рыбопродукцию (из-за недолова лососевых) и лес (буксировку 100 тыс. т древесины в плотях по реке Камчатке взял на себя трест «Камчатлес»). Объем пассажироперевозок превысил плановый в 1,74 раза: 382,7 вместо 220 тыс. чел. Это стало следствием резкого увеличения людских потоков в пределах Авачинской губы и на переправе Усть-Камчатск — Варгановка [14, л. 306—307].

В 1958 г. КГМП принимало участие в создании новых рыбоприемных баз Камчатского Совнархоза в бухтах Вилочинская и Лаврова. В этом году промысловая обстановка резко изменилась, подход лосося сильно уменьшился, зато выросли уловы сельди. Если лосось в основном перерабатывался на консервы, то сельдь засаливалась. Ранее запланированный вывоз банкотары сократился, а доставленную на запад полуострова соль пришлось перебрасывать на Восточную Камчатку [14, л. 316].

Капитальные вложения по пароходству росли из года в год. За 1955 г. были освоены 36 738, в 1956 г. — 48 300, в 1957 г. — 45 547 тыс. руб. Ввод в строй жилплощади в 1955—1958 гг. отражают следующие цифры, кв. м: в 1955 г. — 3 497, в 1956 г. — 3 390, в 1957 г. — 5 563, в 1958 г. — 4 440. В 1957 г. пароходству впервые выделены средства на индивидуальное жилищное строитель-

ство и даже утвержден план ввода его в эксплуатацию в объеме 392 кв. м. Хозяйство пароходства пополнялось и общественными учреждениями: в 1955 г. заработали детские ясли, рассчитанные на 88 мест, и школа на 440 мест, а в 1958 г. принял сотню ребятшек новый детский сад [37, л. 1, 30].

1959

1 января во вновь строящуюся береговую сельдяную базу Анапкинского рыбокомбината в бухте Лаврова с грузом леса направлен пароход «Пинск» под командованием капитана Н. Г. Пискунова. Судно благополучно прибыло в бухту 5 января и приняло все меры к полной выгрузке при крайне неблагоприятной погоде, низкой температуре и тяжелом льде, угрожавшем оставлением судна на зимовку с ограниченными запасами. Экипаж полностью сдал груз. Он принимал энергичные меры по предотвращению питания котлов забортной водой, когда к концу подошла пресная, собирая и плавя снег, приложил много сил для вывода судна из льдов на чистую воду [35, л. 54, 58].

3 января от СГМП принят пароход «Амдерма» [35, л. 5].

15 января состоялось совещание с молодыми специалистами. Все они трудились по специальности и являлись основным ядром руководящих кадров: капитаны Талапиндов, Чернеев (будущий Герой Социалистического Труда), Кокк, Мельник, Михайлов, Погосов, Сидоров, старшие механики: Штакин, Бушин, Гуцул и другие. Отныне было решено проводить такие совещания чаще, привлечь молодых специалистов к работе технического совета пароходства и организовать обмен опытом между ними на страницах газеты «Камчатский моряк» [35, л. 61].

16 января морской буксир «Чумикан» при штормовой погоде спас терпящий бедствие пароход «Горнозаводск», принадлежавший «Востокрыбхозфлоту» [35, л. 158].

11 февраля для изучения зонального метода сжигания угля в котлах для внедрения его на судах КГМП на сахалинский пароход «Сталино» командированы кочегары В. А. Николаенко и А. П. Злобин [35, л. 62].

6 апреля опубликован приказ начальника КГМП «О поощрении членов экипажа лихтера “Уда”». 7 марта лихтер доставили в бухту Вилочинскую 2 500 т грузов для строительства сельдяной базы. Его экипаж выгрузил своими силами 1 500 т груза, на пять суток сократив стоянку судна. Благодарности объявлены капитану Л. М. Лабонину, старшему помощнику капитана Н. Н. Колесниченко, старшему механику Д. А. Попову, машинистам А. В. Косьянюку и М. И. Старовойтову, матросам В. П. Тубольцеву, С. Ф. Панькову, Г. М. Гонохову, А. Д. Галахову, А. В. Кечка, кочегару Е. А. Мережинскому [35, л. 154].

22 апреля руководителем экспедиции по перегону плавкранов из Находки на Камчатку назначен капитан-наставник А. Л. Срибный. В течение мая-июня в Петропавловск и Усть-Камчатск прибуксированы два плавкрана фир-

мы «Блейхерт». Операцию в сложных метеоусловиях провели буксир «Мирный» и теплоход «Иван Тургенев» [35, л. 174; 38, л. 56].

28 апреля танкер «Уфа» заметил сигнал бедствия, и, следуя на него, обнаружил терпящий бедствие катер и плашкоут, которые уносило в море. Судно взяло их на буксир и благополучно доставило к устью реки Большой [39, л. 211].

18 мая в составе жилищно-коммунального отдела пароходства организованы два домоуправления. Жилой фонд насчитывал 136 тыс. кв. м жилплощади, разбросанной по городу в 66 домах [35, л. 213].

18 мая предписано взять на учет и занести в инвентарную книгу всю техническую литературу на судах. Ответственность за ее состояние возлагалась на третьих штурманов [40, л. 209].

19 июня объявлены итоги Всесоюзного социалистического соревнования за первый квартал 1959 г. ММФ СССР и ЦК профсоюза рабочих морского и речного флота присудили КГМП вторую денежную премию 50 тыс. руб. [35, л. 260].

25 июля началась бассейновая спартакиада с участием физкультурников Петропавловского и Усть-Камчатского портов и управления пароходства. Эти состязания рассматривались как этап подготовки к предстоящей областной спартакиаде [38, л. 9].

3 августа морской буксир «Мирный» (капитан Г. Н. Гусев) снялся из порта Маго в Петропавловск с сигарой объемом 2 200 куб. м на буксире. В пути следования караван трижды попадал в сильный шторм. Сигара испытывала натяжение и изгибы. Только благодаря дополнительному креплению, проведенному экипажем в тяжелых условиях, лес был доставлен в Петропавловск. Для обтяжки сигары на шлюпке регулярно выезжали старший помощник капитана Л. Ф. Поваляев, электромеханик П. М. Трунин, боцман Н. Е. Крепак, матрос 1-го класса В. К. Шковорода, моторист 2-го класса М. К. Артеян и другие. Промокшие люди работали на сигаре по несколько часов подряд [38, л. 264].

8 сентября по итогам Всесоюзного социалистического соревнования за второй квартал 1959 г. экипажу теплохода «Корсаков» присужден переходящий вымпел ММФ СССР и вторая денежная премия 11 250 руб. [38, л. 86].

25 сентября танкер «Уфа» оказал помощь терпящему бедствие катеру «Связист» и находившейся у него на буксире барже, принадлежавшим окружной конторе связи КНО. Отданный катером якорь не держал каменистого грунта, в результате чего создалась угроза быть выброшенными на берег [41, л. 232].

27 сентября пароход «Гоголь» в течение пяти часов помогал самоходной барже «Анива» Озерновского рыбокомбината. Благодаря четкой и слаженной работе экипажа баржу и находившихся на ней четверых человек спасли и отбуксировали в безопасное место [39, л. 123].

9 декабря на буксире «Мирный» при прочистке закоксовавшихся отверстий распылителя форсунки дизеля с помощью специального приспособления

получил тяжелую травму ноги от разорвавшегося распылителя вахтенный моторист. Приспособление использовало взрывное действие помещенного в нем порохового заряда. Применять подобные устройства отныне строго запрещалось [38, л. 221].

9 декабря в Калининграде в эксплуатацию введено новое спасательное судно «Зевс» [42, л. 2].

26 декабря создана комиссия по осуществлению решения правительства о предстоящем переводе рабочих и служащих на семичасовой рабочий день. Ей следовало предусмотреть наиболее приемлемый в условиях пароходства вариант перехода плавсостава на сокращенный график, новые штаты экипажей судов, порядок предоставления отгулов и выходных [38, л. 256].

План перевозок на 1959 г. в объеме 714 тыс. т и 365 тыс. пассажиров был выполнен: по грузам — 773,9 тыс. т (108,4 %), по пассажирам — 478,3 тыс. чел. (131 %). Эксплуатировались 26 судов, 11 из них — на принципе хозрасчета [43, л. 94, 96].

В навигацию 1959 г. действовали три регулярные грузовые линии [14, л. 169]:

- Усть-Камчатск — Петропавловск;
- Усть-Камчатск — Западная Камчатка;
- Находка — Усть-Камчатск.

Грузопассажирские суда «Красноярск», «Углегорск», «Корсаков» работали по расписанию. Ни одно из них не было рентабельным: убыток за год составил 7 486 тыс. руб. Он возник, в основном, из-за неблагоприятных навигационных условий. Суда принимали ограниченный груз, исходя из времени, предусмотренного на стоянку в пунктах расписанием. Это тоже приводило к убыточности [44, л. 2—3].

По состоянию на 31 декабря 1959 г. списочный личный состав пароходства вместе с подчиненными организациями насчитывал 4 328 чел., из них 182 с высшим, 369 — со среднетехническим образованием, или 13 % по отношению к общему количеству. На судах трудились 305 молодых специалистов. Из них шестеро занимали должности капитанов, девятеро — старших механиков. Еще 95 чел. заочно учились в высших и средних учебных заведениях. Но в то же время 324 чел. на флоте не имели семилетнего образования, тогда считавшегося неполным средним. В 1959 г. повысили квалификацию и получили новые профессии 181 чел. Средняя численность плавсостава составляла 1 021 чел. [45, л. 19].

За 1959 г. вновь принято 1 355 и уволено 1 030 чел.

За год присвоено звание «коммунистических»:

- 11 вахтам плавсостава (422 чел.) и 45 отдельным членам экипажей;
- двум бригадам грузчиков ПМТП (22 чел.), трем экипажам кранов (5 чел.) и 13 передовикам производства — ударникам труда;
- четырем бригадам грузчиков Усть-Камчатского порта (48 чел.);

— двум бригадам слесарей судоремонтных мастерских (10 чел.), двум передовикам производства, ударникам труда.

За год работники получили 3 418 поощрений, в том числе шесть знаков «Почетный работник ММФ СССР», 405 почетных грамот, 2 431 благодарность, 527 ценных подарков. На Доску почета занесли 49 чел. [14, л. 197].

В 1959 г. пароходство построило 5 478 кв. м жилья вместо 4 440 плановых. Темпы сдачи жилья резко выросли, но его по-прежнему не хватало. Ввод жилья в эксплуатацию нередко сопровождался «штурмами», обычно годоводными, но также и квартальными. Строители, чтобы сдать дом в намеченные сроки, предъявляли их к сдаче с большими недоделками. Так, общежитие на 126 мест пытались «сдать» 30 сентября (конец третьего квартала) при отсутствии наружной теплосети. В спешке трубы зарыли в землю без изоляции. Потом их отрывали и изолировали.

Один из домов был предъявлен к сдаче 5 ноября (к очередной годовщине «Великого Октября») без наружного водопровода, канализации и освещения, при большом количестве недоделок внутри. Работы по их устранению продолжались до 7 декабря, после чего дом приняла ведомственная комиссия.

Качество строительных работ оставалось низким. По прошествии нескольких дней после заселения начинали дымить печи, прекращал работать водопровод, отказывала канализация. Рядовыми дефектами считались проседания полов, течь кровли, коробление окон и дверей [43, л. 34].

Несмотря на все сложности, в 1959 г. коллектив пароходства впервые за годы его существования добился рентабельности, дав государству 4,3 млн руб. чистой прибыли [46, л. 3].

1960

1 января организован Экспедиционный отряд аварийно-спасательных, судоподъемных и подводно-технических работ (ЭО АСПТР), действовавший на основе хозрасчета [38, л. 271].

1 января для упрощения структуры и упразднения параллельности в работе объединены действующие жилищно-коммунальные хозяйства КГМП и ПМТП. Они подчинены жилкомхозу порта [38, л. 233].

9 января началась переаттестация судовых поваров. Ею занималась специальная комиссия под председательством повара-наставника Г. Д. Чувина, присваивавшая прошедшим испытания разряды и выдававшая удостоверения. Лица, теоретические и практические знания которых не соответствовали требованиям 5-го разряда, переводились в ученики. Им запрещалось самостоятельное руководство работой судового камбуза. Отказавшихся от ученичества ожидала другая работа или увольнение по статье «неполное служебное соответствие» [39, л. 8].

18 января издан приказ «Об упорядочении режима питания на судах пароходства». Существующий режим признавался не отвечающим «в должной

степени запросам членов команд и совершенно не соответствующим принципам организации рационального питания» [39, л. 22].

28 января стартовала четырехдневная первая зимняя комплексная бассейновая спартакиада с участием физкультурных коллективов пароходства, Петропавловского и Усть-Камчатского портов, судоремонтных мастерских и отряда ВОХР. В соревнованиях принимали участие и учащиеся подшефных средних школ № 6 и 29 [39, л. 7].

2 марта началась организация бригады по чистке котлов во время стоянки судов в Петропавловске. Это позволяло освободить экипажи от работ и дать им возможность отгуливать накопленные выходные дни. Бригада (5 чел.) под руководством Л. Г. Бантеева подчинялась диспетчеру ПМТП [39, л. 80].

6 апреля приказом ММФ СССР заместителем начальника пароходства вместо Н. М. Святца назначен В. И. Николаев [39, л. 124].

10 мая теплоход «Мусоргский» (капитан В. Н. Меркурьев) обнаружил в открытом море дрейфовавший плашкоут. На следующий день его доставили в Жупановский рыбокомбинат, по сообщению которого плашкоут был унесен в открытое море еще в феврале [39, л. 201].

31 мая объявлено, что ММФ СССР и ЦК профсоюза работников водного транспорта присудили пароходству за первый квартал 1960 г. третью денежную премию 40 тыс. руб. [39, л. 188].

4 июня по приказу ММФ СССР № 119 от 20 мая 1960 г. отдел снабжения пароходства переименован в «Службу материально-технического обеспечения» [39, л. 193]. Должности складских работников именовались «старший магазинер» и «магазинер» [41, л. 78], то есть старший кладовщик и кладовщик. От этого веяло временами легендарного капитан-командора Беринга с его «магазинами», то есть складами.

1 июля начался перевод на семичасовой рабочий день без изменений условий оплаты труда. Это было сделано в соответствии с решениями XXI съезда КПСС. Еще 13 января 1960 г. ЦК КПСС и Совет Министров СССР приняли постановление № 45 «О переводе на семичасовой рабочий день и об упорядочении заработной платы работников морского транспорта» Переход на новые условия труда в пароходстве должен был завершиться к 1 октября 1960 г. [39, л. 282].

1 сентября с парохода «Миргород» (капитан Г. Ф. Белов), находившегося в Охотском море в районе Опалинского комбината, заметили красную ракету, выпущенную с МРС-417, на котором вышли из строя машина и радиостанция. Пароход подошел к сейнеру, взял его на буксир и привел в рыбокомбинат [47, л. 94—95].

26 сентября при следовании в Джакарту на пароходе «Гоголь» обломилась одна лопасть гребного винта. Для замены судно следовало поставить в док, что требовало значительного времени и затраты валюты. Экипаж проя-

вил инициативу и своими силами произвел эту работу за 18 часов, задифферентовал судно [39, л. 292].

8 октября утверждено новое штатное расписание и должностные оклады работников управления пароходства. Руководящие посты занимали:

— начальник пароходства П. Д. Киселев (оклад 2 500 руб.);

— главный инженер М. С. Левяков (2 100 руб.)

— начальник службы — заместитель начальника пароходства Л. А. Бальк (2 100 руб.);

— главный диспетчер С. П. Качайлов (1 500 руб.);

— групповые инженеры-инспекторы А. Я. Ребров и С. Д. Блинов (1 400 руб.);

— старший инженер службы эксплуатации Л. В. Треумова (1 200 руб.);

— главный бухгалтер П. В. Панфилов (1 600 руб.);

— начальник службы судового хозяйства П. А. Шполянский (1 800 руб.);

— капитаны-наставники А. Л. Срибный, М. П. Франковский, И. М. Веселко (1 800 руб.);

— механики-наставники Л. М. Воробьев, В. П. Семенов (1 650 руб.);

— групповые инженеры-механики П. М. Трунин, В. Д. Тарновский, Н. А. Петров (1 400—1 500 руб.);

— главный повар-наставник Г. Д. Чувин (875 руб.) [39, л. 288].

1 ноября закрыта навигация на Западной Камчатке. В сентябре и октябре здесь не прекращались шторма, не дававшие судам работать. Так, пароход «Енисейск», находясь на побережье с 20 сентября, до конца октября не мог выгрузиться, штормя с 550 т соли. За это время он дважды заходил за бункером в Петропавловск. Пароход «Анадырь» трижды ходил на побережье, но не мог сдать 200 т груза, оставшегося на борту. Навигация закрывалась до 15 декабря [39, л. 318а].

18 ноября после докования и ходовых испытаний введен в эксплуатацию в порту Констанца (Румыния) теплоход «Термез» [39, л. 356].

10 декабря поднят Государственный флаг СССР на новом пассажирском теплоходе «Петропавловск». 17 декабря это судно покинуло порт Висмар (ГДР) и взяло курс на Ригу [48].

Установленный на 1960 г. план грузоперевозок в размере 800 тыс. т грузов и 485 тыс. пассажиров был выполнен со следующими показателями: 822,9 тыс. т (102,8 %) и 501,4 млн тонно-миль (103,4 %) [14, л. 66].

В 1960 г. флот пароходства располагал 31 судном, 24 из них находились в эксплуатации [45, л. 20—21]:

— грузовые и грузопассажирские пароходы и теплоходы (21 ед.) суммарной грузоподъемностью 37 339 т: «Гоголь» (капитан Г. Н. Клепиков), «Красноярск» (Я. М. Драбкин), «Корсаков» (Н. Г. Бухонин), «Углегорск» (В. А. Сидоров), «Вага» (Д. И. Гусев), «Вычегда» (Г. И. Поляков), «Енисейск» (А. Г. Ширяев), «Миргород» (П. С. Рожков), «Пинск» (С. С. Чумак), «Амдерма»

(Л. П. Шарлай), «Якутск» (И. В. Быстряков), «Иван Тургенев» (Ф. К. Курмаз), «Лев Толстой» (А. А. Чернеев), «Термез», «Аральск» (И. С. Усенко), «Бородин» (Н. Г. Пискунов), «Гдов» (Н. Г. Васюкевич), «Луга» (А. Ф. Посконный), «Мусоргский» (Т. В. Талапиндов), «Сергей Тюленин» (Ф. М. Дашков), «Остров» (Ф. Ф. Комов);

— лихтеры (2 шт.) общей грузоподъемностью 6 000 т: «Яуза» (Е. А. Елькин), «Уда» (Н. Н. Колесниченко);

— танкер «Уфа» (И. М. Скорбич), принимавший 1 100 т;

— буксиры (5 шт.) с общей мощностью машин 7 800 л. с.: «Мирный» (Г. Н. Гусев), «Моннерон» (И. Е. Зигельман), «Чумикан» (Г. Н. Плеханов), «Изыльметьев» (С. А. Самошкин), «Сахалинец» (И. Ю. Кокк) и «Зевс».

Лучше всех в 1960 г. работали хозрасчетные суда «Луга» и «Остров», выполнившие годовое задание на 122,2 и 125 % [9, л. 1]. Пароход «Гоголь» находился в аренде за границей [14, л. 66]. Он работал «по перевозке пассажиров из Индонезии в Китай». Теплоход «Термез» совершал заграничные рейсы в Черном море [46, л. 2].

Чистая прибыль в 1960 г. составила около 10 млн руб. Если в 1959 г. прибыль приносили всего три судна, то в 1960 г. такими стали уже восемь: «Гоголь», «Миргород», «Лев Толстой», «Иван Тургенев», «Якутск», «Сергей Тюленин», «Амдерма», «Аральск» [14, л. 91], а 11 судов снизили плановые убытки. В 1960 г. пароходство дало прибыль в сумме 17 452 тыс. руб. против плановых 3 812 тыс. руб. Из них на флот пришлось 8 893 тыс. руб. [14, л. 85].

В навигацию 1960 г. работали четыре регулярные линии:

— грузовая Находка — Усть-Камчатск — Находка;

— грузопассажирская Петропавловск — Восточная Камчатка — Петропавловск;

— грузопассажирская Петропавловск — Западная Камчатка — Петропавловск;

— грузовая Петропавловск — Усть-Камчатск — Петропавловск.

Кроме этого, по особому графику всю навигацию в пункты КНО из Петропавловска и Находки ходили «Аральск», «Гдов», «Луга», «Мусоргский» и другие суда.

На флоте за год произошло 22 случая травматизма, из них два тяжелых, закончившихся инвалидностью. Еще больше — 116 случаев, из них три смертельных — пришлось на оба порта. Результатом этого стало введение должностей старших инженеров по технике безопасности в управлении пароходства и Усть-Камчатске. В ПМТП появился помощник главного инженера по технике безопасности.

Увеличение травматизма на флоте стало следствием отсутствия должного надзора за соблюдением правил техники безопасности со стороны комсостава судов, а также частого привлечения судовых команд к разгрузкам в усло-

виях рейдовых стоянок. В Усть-Камчатске высокий травматизм наблюдался из-за трудности переработки леса в условиях рейда, особенно зимой. Основным его видом были ушибы ног [14, л. 97—98].

В 1960 г. «за выдающиеся успехи, достигнутые в деле развития морского транспорта», капитану теплохода «Лев Толстой» А. А. Черневу, «молодому капитану, воспитаннику КГМП», присвоено высокое звание Героя Социалистического Труда. Высшей наградой СССР — орденом Ленина — отмечены старший механик И. Ф. Кондратьев, крановщик И. Н. Кусов, капитан Л. П. Шарлай [46, л. 3].

Экипажи парохода «Якутск» (капитан И. В. Быстряков), обеспечившего сверхплановую прибыль в сумме 1 786 тыс. руб., и теплохода «Лев Толстой» (капитан А. А. Чернеев), сверхплановая прибыль 1 862 тыс. руб., стали «экипажами коммунистического труда». За звания экипажей и ударников коммунистического труда соревновались еще 26 судовых команд в количестве 910 чел. [46, л. 4].

Общий списочный состав КГМП (включая подчиненные организации) насчитывал 4 441 чел. Текучесть кадров достигала четверти списочного состава: за 1960 г. принято на работу 1 289 и уволено 1 080 чел. Численность плавсостава в 1960 г. составляла 1 216 чел., из них 393 — комсостав, 823 — рядовые моряки. В плавсоставе высшее образование имели 30 судоводителей, 23 механика и 11 прочих специалистов, среднее техническое — 113 судоводителей, 103 судомеханика, 10 электромехаников и 13 прочих [46, л. 9].

Капитанов в пароходстве насчитывалось 39 чел., из них четверо имели высшее образование и столько же окончили УКК. Из 45 старших помощников капитана вузы окончили девять, УКК — двое. Из 39 старших механиков восемь имели высшее образование, семеро являлись выпускниками УКК. Окончившие комбинат, так называемые «практики», как правило, имели возраст 45 лет и выше и обладали большим опытом работы на флоте [46, л. 10].

Суда пароходства ходили, преимущественно, в малом каботаже, однако все чаще им приходилось бывать за границей. Здесь выяснилось, что командный состав слабо владеет английским языком. Централизованного преподавания языка морякам пока не велось. Численность моряков, допущенных к заграничному плаванию, в 1960 г. составляла 330 чел., из них 164 — комсостав. В числе допущенных находились 70 коммунистов, 73 комсомольца, 85 ударников коммунистического труда. Кандидатуры представляемых в кадры заграничного плавания обсуждались общественностью и парткомом. В 1960 г. кадрами заграничного плавания были полностью укомплектованы экипажи вновь принятых «Петропавловска», «Термеза» и спасателя «Зевс», а также «Гоголя». Из 158 членов экипажей этих судов 43 чел., то есть 28 %, состояли в КПСС [46, л. 13—19].

С переходом на семичасовой рабочий день на всех судах введены должности четвертых штурманов и механиков, дополнительные ставки матросов

и мотористов. Это позволило своевременно предоставлять морякам отпуска и отгулы. Несшим вахты (штурманам, механикам, матросам, мотористам и машинистам), а также поварам, буфетчикам и дневальным был оставлен восьмичасовой трудовой день. За время, отработанное сверх установленной продолжительности, им предоставлялись дополнительные дни отдыха. Таких моряков насчитывалось три четверти всего личного состава флота, и только меньшая часть плавсостава имела семичасовой рабочий день «в натуре». Результатом перехода на сокращенный график стало то, что за май-июль задолженность по выходным дням у плавсостава заметно выросла.

Пароходство разработало проект «Положения о режиме работы при семичасовом рабочем дне». В августе 1960 г. этот режим с добавлением в штат одного матроса в качестве опыта введен на теплоходе «Луга». Его капитан и старший механик несли одну трехчасовую вахту. Весь экипаж, за исключением радиста, ушел в рейс с семичасовым рабочим днем «в натуре». В результате этого рейса задолженность по выходным дням за месяц пребывания судна в море выросла на 64 дня меньше того количества, на которое должна была возрасти при прежнем режиме работы.

Вслед за этим на новый режим работы 20 августа перешел пароход «Красноярск», 21 августа — теплоход «Лев Толстой», 24 августа — буксир «Мирный» и другие суда. 4 октября «Положение...» введено на всех судах. Моряки, отгуливавшие выходные дни и не имевшие в Петропавловске жилья, располагались в межрейсовом доме отдыха «с предоставлением им бесплатного питания по судовому рациону и взиманием по 50 коп. в сутки за койку» [46, л. 37—40].

1961

1 января суточная стоимость рациона питания моряков определена равной: в каботаже 1 руб., в заграничном плавании — 1,5 руб., столовые деньги — 0,3 руб. Стоимость очистки танков на танкере «Уфа» — 31 коп. в час. Кочегарам судов, работающих на твердом топливе, выплачивалась премия за каждую вахту в сумме от 15 до 30 коп. при условии обеспечения нормального давления пара в котлах [42, л. 1].

2 января началась приемка от ДВГМП теплохода «Салтыков-Щедрин», имевшего скверное техническое состояние. Приемка завершилась 15 января [41, л. 1].

17 января в управлении пароходства организовано машинно-счетное бюро в составе пяти штатных единиц. Вскоре для бюро приобрели множительные аппараты [41, л. 24, 134].

26 января с 9 часов утра введен в эксплуатацию в порту Рига после дооборудования и снабжения теплоход «Петропавловск». Со 2 по 7 февраля судно находилось вне эксплуатации в порту Висмар, где устраняло выявленные дефекты и получало гарантийное снабжение [41, л. 81—82].

9 февраля спасатель «Изыльметьев» снял с мели в районе Кировского комбината выброшенный штормом сейнер РС-300 «Резвый» колхоза им. В. И. Ленина. Сейнер самостоятельно проследовал в Петропавловск [47, л. 192].

12 апреля переведены на хозрасчет с правом образования фонда капитана пароходы «Красноярск», «Амдерма», теплоходы «Аральск», «Бородин», «Гдов», «Луга», «Остров». Теперь КГМП имело 19 хозрасчетных судов [41, л. 151].

22 апреля, с опозданием против расписания на неделю, открыл летнюю навигацию теплоход «Петропавловск» (капитан В. Н. Смирнов). Он снялся с пассажирами из Петропавловска на Западную Камчатку. Имея единственное пассажирское судно (остальные ремонтировались), пароходство использовало «Петропавловск» на всех линиях, в зависимости от скопления пассажиров в тех или иных пунктах Камчатки. На теплоходе «для определения наилучшего способа посадки и высадки пассажиров в рейдовых условиях» отправился морской инспектор В. М. Гончалов [41, л. 156; 49, л. 114].

12 мая «Петропавловск» оказал помощь аварийному сейнеру колхоза «Путь Ильича» и благополучно привел его в Усть-Камчатск [50, л. 34].

18 мая введен в эксплуатацию в порту Измаил после дооборудования теплоход «Усть-Камчатск» [41, л. 195].

8 июня пароход «Гоголь» снялся в первый рейс по Восточной Камчатке после ремонта в китайском порту Дальний. Его приход из Китая обещал «некоторое улучшение пассажироперевозок». Но задержки судна под обработкой на побережье срывали расписание. После закрытия навигации «Гоголь» до конца года использовался как грузовое судно [49, л. 112].

22 августа морской буксир «Зевс» назначен спасательным судном КГМП. Спасательное судно «Изыльметьев» теперь переводилось в состав морских буксиров [41, л. 27]. К своим обязанностям «Зевс» приступил еще во время следования на Камчатку южным путем. Находясь в пути, буксир (капитан Г. Н. Гусев, капитан-наставник М. П. Франковский) получил указание идти в Бискайский залив для оказания помощи черноморскому танкеру «Егорьевск», принял участие в спасении наряду с другими подошедшими судами, а затем привел аварийный танкер в порт Сен-Назер [41, л. 270].

24 августа издан приказ по КГМП «О ношении формы одежды». Приказ гласил: «В соответствии с приказом Министра Морского флота № 141 от 21 июня 1961 г. весь начальствующий состав пароходства и флота должен находиться на службе в установленной форменной одежде... Во исполнение приказа министра предлагаю всему начальствующему составу приобрести форму в срок до 1 января 1962 г.». С этого времени прибытие на службу не по форме считалось прогулом [50, л. 22].

25 сентября с теплохода «Термез» (капитан А. Е. Карпов) заметили в море сигнал бедствия. Его подавали не имевшие хода аварийные МРС-0241 и баржа,

утерянные 22 сентября во время шторма буксирным катером. Суда взяли на буксир и отвели в портпункт Палана.

8 октября погибли пять моряков теплохода «Мусоргский»: капитан Б. И. Романов, четвертый механик В. М. Костенко, мотористы В. Х. Ковтун и В. П. Ковалев и старший матрос Г. С. Тиунцов, выехавшие на берег на рабочей моторной шлюпке с целью поохотиться [50, л. 154—155].

16 ноября пароход «Якутск» (капитан В. А. Сидоров) с полного хода штевнем навалился на причал Петропавловского рыбного порта. Причал был поврежден, судно получило пробоину выше ватерлинии и встало на ремонт. Причина аварии: вахтенный механик перепутал ход на маневрах. Убыток составил 2 723 руб. [50, л. 145].

17 ноября теплоход «Салтыков-Щедрин» (капитан С. Г. Погосов) в штормовых условиях спас от гибели три катера и плашкоут Озерновского рыбокомбината [47, л. 190—191].

6 декабря морской буксир «Чумикан» приступил к операции по спасению буксира «Буян», который в результате судоводительской ошибки сел на мель в устье реки Камчатки. Спасательная операция завершилась 14 декабря. Находившийся в полузатоленном состоянии «Буян» был снят и доставлен в Усть-Камчатск [47, л. 93].

24 декабря на теплоходе «Петропавловск» в заливе Петра Великого, вскоре после выхода из Владивостока с пассажирами, возник пожар в машинном отделении. Благодаря энергичным действиям капитана В. Н. Смирнова, организованности и самоотверженности экипажа, с огнем быстро справились. Люди не пострадали. Судно вернулось во Владивосток. Пожар возник из-за конструктивного недостатка топливной системы котельной установки, убытки от него составили 100 тыс. руб. [14, л. 22].

С плановым заданием на 1961 г. КГМП справилось на 107,53 % по грузам и на 125,3 % по пассажирам. В этом году на полном хозрасчете работали уже 19 судов [14, л. 2, 16].

Перевозки имели ярко выраженную сезонную неравномерность. Их максимум приходился на конец второго и третий кварталы. Завоз грузов в КНО и Олюторский район, вывоз леса из Усть-Камчатска в пункты Восточной и Западной Камчатки, доставка путинных грузов рыбокомбинатам производилась, в основном, в мае-сентябре. КГМП не имело достаточного тоннажа, почему было вынуждено ставить на перевозку путинных грузов (бочки, соль, банки) лесовозы в ущерб вывозу леса [41, л. 124].

Суда обрабатывались в 30 пунктах полуострова, располагавшими пятью старыми, до предела изношенными гусеничными кранами и 45 плашкоутами. Почти везде разгрузка шла вручную, без применения элементарной механизации. Результат: затяжка продолжительности рейсов. Вместо плановых 25 рейс, в среднем, длился 40 суток [48, л. 19].

Лучшими рационализаторами пароходства в 1961 г. стали третий механик З. А. Габарев, старший штурман Ю. Н. Вание, капитан В. А. Сидоров, боцман Д. Г. Рац, начальник электростанции Усть-Камчатского порта П. И. Руленко, инженер ПМТП Н. М. Киселев. Во второй половине года прошел конкурс на лучшую организацию работы по использованию технической информации и внедрению в производство достижений науки и передового опыта новаторов производства. В сентябре 1961 г. делегация КГМП побывала в СГМП для обмена опытом работы.

В 1961 г. в КГМП и подчиненных ему организациях трудились 4 656 чел. В социалистическом соревновании принимали участие все коллективы пароходства. Экипажи судов, докеры и судоремонтники состязались за выполнение планов, экономное расходование топлива, материалов, за снижение себестоимости, навигационных и других расходов и увеличение доходов. Моряки сэкономили материалов на 77,5 тыс. руб. В этом больше всех отличился экипаж теплохода «Иван Тургенев», сберегший государственного имущества на 8,2 тыс. руб. Флот сэкономил 1 420 т условного топлива или 2,8 % его годовой потребности [48, л. 43—45].

Звание «коммунистических» получили:

— 384 ударника труда, три вахты (второго штурмана парохода «Красноярск» Г. А. Скорик, второго штурмана спасателя «Зевс» В. И. Карпухина, третьего механика теплохода «Салтыков-Щедрин» П. Ф. Кравченко);

— четыре экипажа (парохода «Якутск», теплохода «Лев Толстой», танкера «Уфа» и буксирного катера № 24), вахта радицентра (А. Л. Грязновой, в составе 7 чел.).

«Лучшими людьми пароходства» в 1961 г. стали [14, л. 44]:

— машинист парохода «Якутск» А. И. Яковлев;

— кочегар лихтера «Уда» А. Б. Друговойко;

— старший штурман парохода «Амдерма» Л. П. Копылов;

— матрос морского буксира «Чумикан» В. И. Затинайченко;

— второй механик теплохода «Термез» А. Л. Кристалинский;

— старший матрос теплохода «Петропавловск» В. В. Попов;

— старший повар теплохода «Петропавловск» Н. В. Руденко;

— третий штурман парохода «Пинск» Г. А. Писаревский;

— электромеханик танкера «Уфа» В. П. Ласковец;

— матрос спасателя «Зевс» Г. И. Чипура.

1962

1 января передан на баланс ПМТП для использования в качестве бункеровочной базы танкер «Серго». На нем намеревались создать единый комплекс снабжения судов жидким топливом [50, л. 200].

14 января во Владивосток для обучения на курсах водолазов-взрывников командированы водолазы ЭО АСПТР А. Д. Рюмкин, В. А. Харитонов

и С. В. Емельянчиков. В отряде такие специалисты отсутствовали, и поэтому в них ощущалась большая нужда [47, л. 18].

15 января УТРФ Камчатрыбпрома передан теплоход «Корсаков» [47, л. 26].

18 февраля принят после постройки теплоход «Кировсклес» [47, л. 82].

17 февраля ночью на пароходе «Гоголь» произошла авария среднего котла: из-за упуска воды перегрелась и лопнула жаровая труба. Старший механик снят с судна, материалы об аварии переданы в следственные органы [47, л. 83].

3 марта в польском порту Гдыня принят и введен в эксплуатацию танкер «Озерное». Судно вышло в советский порт Вентспилс [47, л. 110].

17 марта создана бригада из трех человек для конопатки палуб в период стоянки судов под грузовыми операциями «с содержанием на положении плавсостава: на должность матросов 2-го класса — 2 человека и на должность матроса 1-го класса — 1 человека (старший)». В результате нарушения герметичности деревянного покрытия вода проникала под настил и приводила к коррозии металлических палуб [47, л. 139].

21 марта во Владивосток для участия в работе «комсомольского слета участников борьбы с непроизводительными простоями флота при ДВГМП» командирован инженер-теплотехник В. Г. Пилипенко. По окончании слета на обратном пути ему следовало провести теплотехнические испытания на теплоходе «Усть-Камчатск» [47, л. 154].

8 мая пароход «Пинск» прибыл в Корф с 2 350 т груза. Отсутствие грузчиков в комбинате грозило длительным простоем. Экипаж вызвал комбинат на социалистическое соревнование, обязуясь размещать грузы на стоявших у борта плавсредствах своими силами. Это обязательство было выполнено. По вине экипажа ни один час не был потерян, люди работали, не жалея сил и не считаясь со временем [51, л. 90].

1 июля на основании приказа ММФ СССР от 25 ноября 1961 г. началось создание при управлении КГМП отдела капитального строительства, начальник П. К. Костиков [51, л. 145].

3 июля в Гдыне принят и введен в эксплуатацию танкер «Опала». Он готовился к выходу в Ригу [51, л. 138].

21 июля после дооборудования в Риге танкер «Опала» отправился в Индонезию с заходом в Туапсе. 22 сентября в порту Сурабая «Опала» передан внешнеторговой организации «Судоимпорт» [51, л. 79].

2 августа на построенном в ГДР пассажирском теплоходе «Николаевск» поднят Государственный флаг СССР.

5 августа в Риге введен в эксплуатацию теплоход «Соболево» [51, л. 276].

22 сентября в штатное расписание конструкторского бюро КГМП введение должности старшего инженера по научно-технической информации и пропаганде с окладом 120 руб. [52, л. 26].

17 октября окончилась «экспедиция» в КНО. В связи с невозможностью вывоза в Петропавловск из-за плохой погоды, в Тигиле, Воямполке и Пенжино на зиму оставлены два жилых дома, радиостанция, четыре буксирных катера, три трактора, шесть плашкоутов и контейнеры [52, л. 20].

25 октября за чуткое отношение к пассажирам — рабочим городских организаций Петропавловска, направленным на обработку рыбы в бухту Лаврова и на остров Карагинский, поощрены члены экипажа парохода «Красноярск» (капитан Л. В. Поваляев). На судне «были приняты меры по размещению людей, налажено их культурное обслуживание, в чем проявили инициативу старший штурман тов. Кривсун П. Д. и пожарный помощник капитана тов. Петров М. Д. Судовой ресторан хорошо обеспечил питанием пассажиров. Задание выполнено успешно» [52, л. 48].

31 октября назначена комиссия под руководством главного инженера КГМП М. С. Левякова по приему экзаменов на знание Правил технической эксплуатации и Положения о ремонте судов у лиц командного состава флота [52, л. 67].

2 ноября для приема нового теплохода «Усть-Тигиль» командированы вначале в Москву, а потом за границу капитан спасателя «Зевс» А. И. Ершов, начальник радиции теплохода «Салтыков-Щедрин» Д. А. Еникеев, старший механик спасателя «Изыльметьев» В. И. Бушуев и электромеханик теплохода «Сергей Тюленин» В. Г. Куликов [52, л. 66].

16 ноября в Ленинград для участия в семинаре теплотехников, совещании по очистке поверхностей нагрева котлов и совещании по вопросам эксплуатации двигателей командирован начальник теплотехнической партии В. Г. Пилипенко [52, л. 91].

2 декабря новым начальником службы судового хозяйства управления пароходства назначен старший механик пассажирского теплохода «Петропавловск» Г. В. Бушин [52, л. 148].

4 декабря «для дальнейшего улучшения обслуживания пассажиров и моряков» в связи с предстоящим вводом в эксплуатацию нового морского вокзала в Петропавловском морском торговом порту организована комиссия под председательством главного диспетчера по пассажирским перевозкам А. Я. Реброва [52, л. 163].

12 декабря начальником ПМТП назначен С. Г. Несват. Бывший руководитель порта А. Г. Мирзабейли переведен на другую работу [52, л. 185].

В 1962 г. в распоряжении КГМП находились 40 судов, эксплуатировавшихся и ремонтировавшихся. В течение года флот пополнился восемью единицами [49, л. 26]:

- танкерами польской постройки «Опала» и «Озерное»;
- лесовозами финской постройки «Кировсклес», «Камчатсклес» и «Байкаллес»;

— сухогрузными теплоходами венгерской («Усть-Большерецк») и немецкой («Соболево») постройки;

— пассажирским теплоходом «Николаевск».

В основном суда пароходства совершали плавания в малом каботаже, то есть между отечественными портами в Дальневосточном бассейне. В большом каботаже работали, как правило, новые суда, шедшие после постройки на Камчатку из западных советских портов. Здесь были задействованы теплоходы «Усть-Камчатск» (рейс Новороссийск — Корсаков с консервами), «Усть-Большерецк» (рейс Новороссийск — Петропавловск с консервами), «Камчатсклес» (вместо заграничного ходивший между Ленинградом и Мурманском с солью).

Постепенно росло количество и заграничных рейсов, как совершаемых попутно судами, перегоняемыми с Запада, так и специальных рейсов в «братский» Китай и с лесом в Японию [53, л. 6—7].

Суда портового флота перевозили много песка и гравия. Большая потребность в них возникла вследствие начала строительства в Петропавловске крупных объектов: ТЭЦ-1, причалов судоверфи [53, л. 14].

За навигацию 1962 г. «экспедиция» ПМТП обработала в западных пунктах КНО 20 судов КГМП, выгрузив с них 19 017 т. Экспедицией руководили начальник В. Ф. Федотьев и его заместитель М. Н. Соколов [54, л. 39—40].

1963

16 января на базе двух конструкторских групп, действовавших в ПМТП и управлении пароходства, организовано конструкторское бюро. Его начальником назначен П. А. Шполянский [54, л. 43—44].

29 января при управлении КГМП создано экономическое совещание. Ему предстояло периодически заслушивать руководящих работников по вопросам их экономической деятельности, изучать работу разных подразделений пароходства и принимать меры по ее улучшению, а также распространять передовой опыт [54, л. 70].

9 февраля в Петропавловске организовано морское агентство «Трансфлот», начальник А. И. Глушков. Задачи агентства: «обслуживание советских судов заграничного и каботажного плавания во время стоянки в порту с последующим предъявлением счетов за оказанные услуги соответствующим пароходствам» [40, л. 178; 54, л. 94].

14 февраля произошла авария теплохода «Луга». Судно село на мель на бере реки Камчатки по вине экипажа. Убытка нет [55, л. 34].

8 марта в порту Висмар (ГДР) введен в эксплуатацию после окончания гарантийного ремонта теплоход «Николаевск» [40, л. 14].

18 мая теплоход «Кировсклес» (капитан Л. Е. Мариненко), прибывший в балласте в Находку, при швартовке к причалу левым бортом при прижимном ветре силой 5—6 баллов навалился на полуют японского теплохода

«Икуммо-мару». Повреждения последнего оценены в 1 650 руб. «Кировсклес» повреждений не получил [56, л. 55].

28 мая состоялось совещание представителей Дальневосточного, Камчатского, Сахалинского пароходств и Камчатрыбпрома. Оно постановило создать на базе КГМП и Камчатрыбпрома «Координационный центр диспетчерского руководства флотом всех судовладельцев, работающих по завозу и вывозу грузов с Камчатки» [56, л. 169].

1 июня объявлено о решении коллегии ММФ СССР и Президиума ЦК профсоюза рабочих морского и речного флота присудить по итогам Всесоюзного социалистического соревнования предприятий и организаций ММФ за первый квартал 1963 г. пароходству третьей премии 4 500 руб. [56, л. 23].

26 июня принят из постройки теплоход «Усть-Тигиль» [56, л. 29].

28 июня принят из постройки теплоход «Карелиялес» [56, л. 29].

18 июля создана комиссия по приемке в эксплуатацию пассажирского морского вокзала в ПМТП [56, л. 124].

9 августа опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении группы моряков. Орденом Ленина награждены боцман А. А. Шатков, капитан В. Н. Смирнов, старший механик В. Т. Еременко, орденом Трудового Красного Знамени — капитаны Г. Н. Клепиков, Г. Н. Поляков, С. В. Тимонькин, старший механик П. Н. Пянчуков [57, л. 17].

13 августа произошла авария на теплоходе «Бородин»: потерян гребной винт. Вины экипажа нет, убыток 1 500 руб. [55, л. 34].

12 сентября организована бригада из 14 кочегаров, мотористов и матросов для проведения моточисток и профилактических работ во время стоянок судов в порту [58, л. 34].

16 сентября для улучшения пропаганды передового технического опыта, упорядочения учета внедрения рационализаторских предложений начальнику конструкторского бюро П. А. Шполянскому предписано наладить регулярное снабжение транспортных судов литературой по «вопросам техники» и сообщениями о принятых к внедрению рацпредложениях [58, л. 36].

4 октября завершилось переоборудование парохода «Вычегда» на жидкое топливо, начавшееся еще 13 июля 1961 г. [59, л. 12].

8 октября принят в аренду от ДВГМП танкер «Башкирнефть» [58, л. 74].

11 ноября для производства спасательных работ в бухту Лаврова отправилась аварийно-спасательная и судоподъемная партия ЭО АСПТР из 13 чел., понтоны, водолазные средства, гидромонитор и другое снаряжение. Все это потребовалось для подъема СРТ «Ястреб» УТФ Камчатрыбпрома. Подъем проводился более месяца при интенсивном морозе и льдообразовании. Работы шли почти круглосуточно, так как траулер нужно было поднять до замерзания бухты, заделать его пробоины и отбуксировать в Петропавловск на ремонт. Люди напряженно трудились, подвергаясь опасности провалиться

под лед. 30 ноября «Ястреб» был поднят, а 16 ноября успешно доставлен в Петропавловск. За героический труд премированы начальник отряда Н. В. Мишин, старший инженер В. Н. Зорбиди, мастер Л. В. Грушев, такелажники Н. К. Ходоковский, Н. И. Ермаков, И. Г. Кеналь, газосварщик С. Н. Маршев, мотористы В. А. Старов, В. В. Кузьмичев, водолазы В. А. Харитонов, А. П. Салов, А. М. Щелканов и Н. К. Картаев [58, л. 61—62].

21 ноября на принятом из постройки теплоходе «Ковдалес» поднят Государственный флаг СССР [55, л. 29].

20 декабря исключен из списков флота пароходства в связи с передачей Дальневосточному Совнархозу морской буксир «Мирный» [55, л. 29].

План 1963 г. пароходство выполнило по грузам на 110,2 и по пассажирам на 138,5 % [55, л. 5].

На 31 декабря 1963 г. общая численность работников пароходства с подчиненными организациями составила 6 039 чел. (на 603 больше, чем в 1962 г.). Плавсостав транспортного флота насчитывал 1 888 чел. (на 193 больше, чем в 1962 г.) [26, л. 36]. Специалистов с высшим образованием имелось 224, со среднетехническим — 577 чел., то есть 13,3 % ко всему количеству работающих. За год вновь приняли 2 089, уволили 1 498 чел.

Для популяризации рациональных приемов и повышения рентабельной работы транспортного флота и портов в конце 1962 г. были разработаны тексты десяти лекций на актуальные экономические темы. Эти лекции включали примеры работы из разных отраслей хозяйства пароходства. Они позволяли выявить факторы, влиявшие на выполнение плана и получение сверхплановой прибыли отдельными судами и предприятиями. Здесь же характеризовались причины неудовлетворительной работы. Лекции изучались на занятиях сети политехпросвещения. На судах появились так называемые «группы экономического анализа».

Подобная группа на лесовозе «Кировсклес», руководимая председателем старшим штурманом Поповым, учитывала предложения каждого члена экипажа, «сколько бы не был мал эффект от этого предложения, идет ли речь об экономии красок, кистей при очередной покраске судна, или это предложение рационализаторов машинной команды, имеющее значение для всего флота, добивается улучшения использования грузоподъемности судна в каждом рейсе, сокращая рейсооборот судна за счет обеспечения в рыбокомбинатах грузовых работ силами экипажа. В работе группы активно участвует капитан т. Чернеев — Герой Социалистического Труда» [55, л. 51].

Хороших результатов добились группы экономического анализа однотипных судов «Байкаллес» (прибыль 441,5 тыс. руб.) и «Камчаткелес» (прибыль 299,6 тыс. руб.) [55, л. 50].

В результате почти все транспортные суда улучшили свои финансовые показатели и добились повышения рентабельности.

Созданное в 1963 г. агентство «Трансфлот» выполняло значительную работу по оказанию помощи судам и членам экипажей во взаимоотношениях с портом, организациями и предприятиями. Оно обслуживало суда и оказывало услуги морякам и членам их семей. Теперь моряки имели возможность больше уделять времени собственным нуждам и чаще бывать в семьях. За 1963 г. агентство обслужило 578 судов, организовав доставку угля, воды, белья, продуктов, кинофильмов, зарплаты, билетов в театры, кинотеатры и музеи. Морякам, желавшим по приходу суда из рейса побывать за городом и отдохнуть на природе, агентство заказывало автобусы. Так оно обслужило девять экипажей. Морякам были доставлены 83 билета на самолет и 201 билет на пассажирские суда [57, л. 41].

План жилищного строительства в 1963 г. был перевыполнен: вместо ожидаемых 8 842 сдано в эксплуатацию 10 638 кв. м [59, л. 98]. В Петропавловске введены шесть новых домов на 246 квартир общей площадью 7 060 кв. м, в Усть-Камчатске — девять домов на 152 квартиры, 3 578 кв. м. В Петропавловске «за счет жилстроительства» появился магазин, «комплекс благоустройства», линия электропередач. В новых домах были встроены хлебный и овощной магазины, детская комната. Качество строительства несколько улучшилось, все дома приняты в эксплуатацию с оценкой «хорошо». Себестоимость одного квадратного метра жилой площади в 1963 г. составляла: в Петропавловске — 238, в Усть-Камчатске — 272,5 руб. [60, л. 15].

1964

3 января при постановке на якорь в запретном районе Усть-Камчатского порта теплоход «Усть-Большерецк» повредил подводный трубопровод «Дюкер», проходивший через протоку Озерная [61, л. 84].

6 января для проверки знаний командного состава судов созданы квалификационные комиссии при службе мореплавания (председатель Ф. М. Светлов), службе судового хозяйства (председатель Г. И. Лучинин), службе связи и электрорадионавигации (председатель А. М. Гусев) [61, л. 19—20].

9 января УТРФ Камчатрыбпрома передан пароход «Красноярск» [61, л. 31].

15 января УТРФ Камчатрыбпрома передан пароход «Гоголь». Вскоре он стал учебным судном среднего Петропавловск-Камчатского мореходного училища [61, л. 71].

9 марта началась подготовка к выполнению «важнейшей государственной задачи по перевозке туристов на теплоходе “Петропавловск” в октябре 1964 г. на Олимпийские игры в Токио» [61, 186—188].

7 апреля «Петропавловск» направлен на ремонт в Японию [59, л. 87].

27 апреля начата организация любительской киностудии пароходства (общественный руководитель Л. А. Газаров). Студия помещалась на четвертом этаже морвокзала. Принято решение о проведении бассейнового смотра любительских фильмов о труде, жизни и отдыхе моряков. «Кинолюбительство

на морском флоте» признано «одним из самых важных средств коммунистического воспитания трудящихся» [59, л. 153—154].

21 мая на пароходе «Вага» завершилась чистка котла. После его сборки давлением пара вырвало уплотнительную ленту, в результате чего обварились два кочегара [62, л. 105].

15 июня произошел несчастный случай с боцманом парохода «Вага». Уволившийся в город моряк, не дождавшись подхода буксира для доставки с судна, стоявшего на рейде, на берег, прыгнул на носовую часть буксира. Его ногу зажало между носовым битенгом и парадным трапом. Впоследствии ногу пришлось ампутировать [62, л. 104].

15 июня в Финляндию откомандированы члены экипажа теплохода «Зеялес» на прием и перегон судна [62, л. 109].

25 июня начата организация постоянного УКК пароходства. Его начальником назначен Я. А. Герасимов [62, л. 138].

7 июля после окончания постройки судна в Финляндии введен в эксплуатацию теплоход «Зеялес» [62, л. 263].

24 июля КГМП реорганизовано в Камчатское управление Морского флота Дальневосточного морского пароходства (КУМФ ДВМП) на основании приказа ММФ СССР от 22 июня 1964 г. № 133-пр «Об улучшении управления морским транспортом в Дальневосточном бассейне» [62, л. 244—245].

11 августа по решению коллегии ММФ СССР от 13 мая 1964 г. агентство «Трансфлот» изъято из оперативного руководства ПМТП и подчинено непосредственно заместителю начальника КУМФ ДВМП по эксплуатации [62, л. 284].

11 августа в Петропавловске завершилось строительство стадиона «Водник» [62, л. 289]. 21 августа стадион передан от ПМТП бассейновому комитету профсоюза КУМФ [63, л. 4].

11 августа Магаданскому рыбопромышленному тресту Главрыбы передан морской буксир «Чумикан» [62, л. 290].

1 сентября на стоявшем в Петропавловске теплоходе «Петропавловск» (капитан В. Н. Смирнов) организована гостиница для участников Второго Всесоюзного совещания вулканологов. Для проживающих на судне установлена следующая плата (за сутки с одного человека): в каютах люкс и первого класса — 1,3 руб., в каютах второго класса — 80 коп., в каютах третьего класса — 50 коп. Теплоход использовался как гостиница до 10 сентября [64, л. 18].

2 сентября главный повар-наставник КУМФ В. К. Мамаев командирован во Владивосток в распоряжение Торгмортранса для обслуживания туристов на Олимпийских играх в Токио [63, л. 32].

3 сентября списан и исключен из списков судов пароходства буксир «Моннерон» (передан порту Тикси) [63, л. 51].

3 сентября в Петропавловске началось Второе Всесоюзное вулканологическое совещание. Для гостей, съехавшихся со всей страны, на теплоходах «Петропавловск» и «Николаевск» проводились экскурсии по Авачинской губе, в Долину гейзеров, на Паужетку, в Ключи, Северо-Курильск, Озерную, Жупаново и Усть-Камчатск [62, л. 248].

28 сентября для участия в семинаре по обмену опытом механизации работ, выполняемых судовыми экипажами, в Москву на ВДНХ СССР командирован механик-наставник В. Н. Малахов [63, л. 67].

29 сентября капитан теплохода «Камчатсклес» С. В. Тимонькин (первый в мире капитан-алеут, ныне Почетный гражданин г. Петропавловска-Камчатского) назначен капитаном Усть-Камчатского порта [63, л. 74].

7 октября завершился большой ремонт и переоборудование на жидкое топливо парохода «Амдерма» (капитан М. А. Красна, старший механик О. И. Клименко). Работы начались 13 февраля 1963 г. [65, л. 25].

12 октября при УКК открыт постоянно действующий семинар-учеба командного и рядового состава, находящегося в резерве, и судов, стоявших в Петропавловске [63, л. 105].

15 октября в Одессу на научно-техническую конференцию «Удлинение продолжительности эксплуатационного периода морских судов» и семинар по обмену опытом экономической работы бассейновых управлений отправившись главный инженер КУМФ Г. В. Бушин и начальник планово-экономического отдела А. А. Пекер [63, л. 96].

16 октября выехали в Москву с последующим направлением в финский порт Раума члены экипажа теплохода «Леналес»: капитан С. Г. Погосов, стар-мех В. И. Савушкин и другие моряки [63, л. 118].

15 ноября закрыта до 1 мая 1965 г. навигация в пунктах Оссора, Русаково, Тымлат, Анапка, Корф, Южно-Глубокая, Лаврова, Пахача. До 10 января 1965 г. остановлено движение судов по Западной Камчатке ввиду штормовой погоды и невозможности выполнения грузовых операций [66, л. 33].

20 ноября сильной зыбью выброшен на прибрежную полосу в районе бухты Ольга теплоход «Академик Обручев», принадлежавший Камчатскому геологическому управлению. Для оказания помощи к нему 21 ноября подошел спасатель «Зевс» (капитан Г. Н. Плеханов). Теплоход был благополучно снят с мели [65, л. 288].

2 декабря на пароходе «Енисейск» в Беринговом море сломался вал крылатки котельного вентилятора. Судно взял на буксир теплоход «Ковдалес». Силами машинной команды «Енисейска» в штормовых условиях за сутки был выточен и установлен новый вал.

При ликвидации аварии отличились старший механик С. М. Киданов, механики М. И. Марохонько и А. И. Половцов, токарь Ю. Ф. Гранов, машинисты М. И. Блинов, Д. М. Смилов, П. И. Коротков [66, л. 119].

15 декабря в 17.00 на новом теплоходе «Леналес» поднят Государственный флаг СССР [67, л. 109].

25 декабря теплоход «Камчатсклес» (капитан Г. Ф. Белов) прибыл в порт Охотск с 2 282 т леса. Его выгрузка в декабре решала выполнение плана парохозяйства. Грузовые операции на Охотском рейде производились при очень сильном морозе, ледовая обстановка затрудняла движение плавсредств. «В результате энергичных действий экипажа задача, поставленная перед моряками, была выполнена, судно закончило грузооперации 31 декабря 1964 г.» [67, л. 173].

30 декабря в Петропавловск прибыл теплоход «Зеялес», совершавший рейс в большом каботаже из Новороссийска [68, л. 24]. Несколько месяцев судно эксплуатировалось на Черном море, затем совершило дальний переход в Петропавловск. Несмотря на длительный отрыв от семей, неблагоприятные условия при перегоне, экипаж теплохода (капитан А. А. Чернев) прибыл в родной порт «организованным и дружным коллективом, способным выполнить любое задание» [67, л. 230].

31 декабря экипажу теплохода «Николаевск» (капитан Г. Н. Клепиков, старший механик В. Г. Еременко), выполнившему все условия Всесоюзного социалистического соревнования, присуждена вторая денежная премия с вручением переходящего вымпела ММФ СССР и ЦК профсоюза моряков [66, л. 149].

На 1964 г. планировалась перевозка 1 144 тыс. т и 777 тыс. чел. Выполнение составило 1 115 тыс. т (97,5 %) и 824,2 тыс. чел. (106 %) [68, л. 6]. Транспортный флот в 1964 г. получил 4 201 тыс. руб. прибыли. Убыток в сумме 1 497 тыс. руб. дали пассажирские суда, буксиры, наливной флот и спасатель «Зевс» [68, л. 24]. В целях повышения рентабельности транспортного флота в 1964 г. были переданы другим организациям убыточные суда: пассажирские «Красноярск», «Гоголь», буксиры «Чумикан», «Моннерон», «Мирный». Из 15 планово-убыточных судов три перешли в рентабельные [68, л. 38, 53].

По всем видам деятельности прибыли КУМФ составили 5 705 при плане 4 613 тыс. руб. Одной из главных задач на 1964 г. считался выход всего хозяйства КУМФ на безубыточную работу. С этой целью на предприятиях управления прошла экономическая учеба с участием парторганизаций и госбанка [68, л. 40—41]. Состоялись и экономические конференции в портах Петропавловска и Усть-Камчатска.

Организованные в прошлом году группы экономического анализа продолжали работу по улучшению загрузки судов. Особенно хорошо она была поставлена на «Байкалесе», «Усть-Камчатске», «Усть-Тигиле», «Кировсклесе» и «Бородине». Правильная постановка дела позволила сэкономить на «Байкалесе» топлива на 5 508 руб. Экипаж «Николаевска» увеличил эксплуатационный период на 67, «Углегорска» — на 33, «Бородина» — на 37, «Байкалеса» — на 90, «Кировсклеса» — на 59 суток [68, л. 51].

В 1964 г. суда КУМФ потерпели четыре аварии. Так, капитан теплохода «Усть-Тигиль» из-за нарушений рекомендаций морской практики посадил судно на мель с повреждением корпуса собственным якорем. Съемка судна заняла трое суток, еще неделю заделывали пробойну. Капитан теплохода «Гдов» перегрузил судно, при выходе из реки Камчатки оно село на мель. Морской буксир «Изыльметьев» из-за некачественного ремонта потерял гребной винт. Пароход «Вычегда» получил в Олюторском заливе ледовые повреждения корпуса [65, л. 247].

За 1964 г. из-за грубых нарушений Устава службы на судах ММФ СССР понижено в должности 20, лишено дипломов 3 чел. [65, л. 15—16]. На срок от трех до шести лет тюремного заключения осуждена группа «расхитителей социалистической собственности» с парохода «Якутск». Суд вынес частное определение о слабой трудовой дисциплине на судне, о низкой роли командного состава в воспитании подчиненных. На основании этого капитана «Якутска» освободили от обязанностей, его старшего помощника также сняли с судна и направили в отдел кадров для «решения вопроса о его дальнейшей работе в парокходстве». Второй помощник капитана получил выговор, боцман за «распитие спиртных напитков с подчиненными» переведен матросом на другое судно [61, л. 122].

Успешно работало агентство «Трансфлот». Его сотрудники «добились положительных результатов в своей работе. Все работы и заявки... выполнены своевременно и оперативно, что способствовало улучшению качественных показателей работы транспортного флота. О работе агентства имеются положительные отзывы администрации транспортных судов ММФ» [63, л. 15].

1965

1 января танкер «Озерное» (капитан Д. И. Колосков) оказал помощь буксирному катеру и плашкоуту, следовавшим с рейда Корфского рыбокомбината в гавань Сибирь. Катер намотал на винт трос, не мог двигаться, появилась опасность посадки каравана на камни. Ночью танкер обнаружил дрейфующий катер, с риском для себя подал на него буксир, затем отвел его на место назначения [65, л. 41].

5 января погода в Авачинской губе резко ухудшилась, начался сильный снегопад, задул ветер силой 10—11 баллов. Спасатель «Зевс» (капитан В. И. Гужвин) в течение трех суток помогал теплоходу «Сергей Тюленин», который был отведен в безопасное место, снял с мели теплоход «Усть-Тигиль» и морской буксир «Невельской» [67, л. 209].

27 февраля в Находке для производства ремонта с плановым сроком 30 суток встал теплоход «Байкаллес». Он выполнил весь объем работ за 26 суток. Ремонт главного и вспомогательных двигателей, переборку механизмов провела машинная команда во главе со старшим механиком Б. К. Кадыковым, сэкономив государству 20 тыс. руб. [65, л. 275].

4 марта теплоход «Заялес» подошел в Кихчик с углем. «Экипаж принял решение произвести выгрузку груза и погрузку рыбопродукции своими силами. Одновременно по настоянию капитана Г. Н. Гусева плавбазы, принимавшие уголь и отгружавшие продукцию, перешли на рейд Кихчикского рыбокомбината. Это позволило производить выгрузку угля на два борта — на плавбазы и комбинату, а с освобождением трюмов также одновременно принимать продукцию. В результате за 13 суток выданы 3 000 т угля и погружены 2 764 т рыбопродукции» [65, л. 293].

9 марта поощрен коллектив художественной самодеятельности теплохода «Петропавловск», являвшийся одним из лучших в КУМФ. За 1964 г. и два месяца 1965 г. самодеятельные артисты 65 раз выступили с концертами перед экипажами судов, в цехах береговых предприятий, перед рыбаками и в культурных учреждениях области. Руководил коллективом электрик Ю. Н. Поверинов [67, л. 82].

12 апреля издан приказ о формировании трех оперативных групп ПМТП для выгрузки судов в пунктах КНО Усть-Тигиль, Усть-Палана, Усть-Пенжино. Каждая группа должна включать 12—18 портовых рабочих, 1—3 трактора, в том числе бульдозеры, морские и речные катера, авто- или гусеничный кран, сухогрузные и наливные плашкоуты, тракторные тележки, сани-контейнеры, сварочный аппарат. Экспедицию возглавил В. Н. Ходаковский. Ему помогали два заместителя, пребывавшие в Усть-Тигиле и Усть-Пенжино [65, л. 268—270].

22 апреля в Находку на прием дока и подготовку его к перегону в Петропавловск откомандирован в качестве начальника экспедиции капитан-наставник А. Л. Срибный. Капитаном дока назначен Р. Д. Никонов, капитан теплохода «Углегорск». Буксировка началась 1 августа и длилась 10 суток [65, л. 6, 249; 69, л. 239].

26 апреля создан отдел организации работы с моряками заграничавания, начальник Б. И. Щербakov, инспектор Н. Н. Соснин [65, л. 241].

5 мая премиями и благодарностями поощрены моряки теплохода «Петропавловск» (капитан В. Н. Смирнов). Судно выполняло «предписанное ему задание», в течение двух месяцев работало в районе экватора в очень сложных климатических условиях. «Несмотря на жару, нехватку пресной воды и свежих продуктов, экипаж судна проделал большую работу по подготовке судна к навигации 1965 г.»

Вот выдержка из рапорта капитана от 16 апреля 1965 г.: «Наряду с поддержанием постоянной боевой готовности, экипаж провел большие работы по подготовке судна к пассажирской навигации... На нужды экипажа расходовали только пять тонн воды в сутки для самых необходимых целей, продукты питания получали очень малого ассортимента, некоторую часть времени питались консервированными продуктами. К этому же резкая перемена климата сказалась на физическом состоянии экипажа... Недельная стоянка

на острове Таити, вызванная пополнением запаса воды и топлива, показала, что личный состав судна с большим достоинством и честью показал лицо советского человека» [65, л. 197, 200].

4 июня в 18.00 введен в эксплуатацию в финском порту Уусикаупunki теплоход «Хатангалес». Судно вышло в Ригу [65, л. 90]. «С мая по ноябрь 1965 г. экипаж теплохода “Хатангалес” работал в сложных условиях заграничного плавания, успешно справился с выполнением задания по приему и перегону судна и перевозке грузов. План по тоннам выполнен на 116, по тонно-милям на 106 и по финансам на 100 %» [69, л. 70].

21 июня в порту Находка принят и введен в эксплуатацию теплоход «Глеб Успенский» [65, л. 55, 69, л. 290].

1 июля ЭО АСПТР переведен на полный хозрасчет с самостоятельным балансом. Его начальником утвержден Н. В. Мишин, главным инженером — В. Н. Зорбиди, главным бухгалтером — Н. А. Зубова [65, л. 62].

6 августа спасатель «Зевс» в соответствии с радиограммой японской компании «Нитто Суи Сан» прибыл в район аварии шхуны «Нитто-мару» к острову Матуга. Шхуна и рыболовные снасти были спасены и доставлены в Петропавловск [69, л. 232].

4 ноября начала работать комиссия судоремонтных мастерских по приемке парохода ДВМП «Днепрострой». Его предполагалось использовать в качестве цеха. Мастерским следовало до 15 ноября разместить в бухте Бабия на мертвых якорях две рейдовые швартовые бочки и на берегу восемь бриделей для установки «Днепростроя» и ремонтируемых судов [69, л. 120—121].

15 ноября теплоход «Лев Толстой» следовал вдоль западного побережья Камчатки в Петропавловск. В районе Озерной судно попало в жестокий шторм. Ветер достигал ураганной силы. Теплоход перестал слушаться руля, радиолокатор вышел из строя. В результате сильной, резкой качки палубный груз начал смещаться, он сорвал барабан грузовой лебедки, сломал трубопровод пожарной магистрали, смял парадный трап правого борта, повредил фальш-борт. Палубная команда, да и весь экипаж проявили выдержку, хорошую морскую выучку и самоотверженность. Сорванный груз был закреплен, судно благополучно прибыло в порт [69, л. 80].

23 декабря начальник КУМФ распорядился снести общежитие Горпищеторга, два двухквартирных дома порта и восемь частных домов по ул. Корякской. «Снос... произвести незамедлительно в день переселения жильцов в новый дом». Это делалось для освобождения площадки для строительства будущего больничного городка водников [69, л. 36].

В 1965 г. КУМФ перевезло 1 175,6 тыс. т и 970,8 тыс. пассажиров [70, л. 3]. Этот год стал завершающим начавшейся в 1958 г. «хрущевской семилетки», хотя самого ее организатора — Первого секретаря ЦК КПСС Н. С. Хрущева — не было у власти уже с октября 1964 г. По сравнению с 1958 г., в 1965 г.

объем перевозок грузов увеличился в 2,1 раза. Себестоимость перевозки снизилась почти наполовину. Улучшились и финансовые результаты работы флота. Если в 1958 г. имелся убыток в 2,9 млн руб., то в 1965 г. получена прибыль 4,2 млн руб. Общее выполнение семилетки по флоту составило: по грузам — 104,5, по пассажирам — 117,1 % [71, л. 3].

В КУМФ к 31 декабря 1965 г. работали 6 144 чел., из них 916 с высшим и средним специальным образованием. Почетного звания «Ударник коммунистического труда» удостоились 1 216 чел. Семь транспортных судов управлялись «экипажами коммунистического труда», звание «коммунистических» носили еще 58 вахт и коллективов. Поощрены за год 2 523 чел., в том числе 60 — награждены знаками «Почетный работник ММФ СССР». За год выдана 921 почетная грамота, 150 ценных подарков и объявлено 1 392 благодарности [71, л. 4].

Кадры моряков были укомплектованы полностью. Их численность составляла 1 839 чел., из них 632 — комсостав (93 с высшим образованием, 424 — со среднетехническим и 115 практиков). Как видно, доля практиков составляла 18,2 %. Пароходство принимало меры по уменьшению их числа, но его заявки на присылку дипломированных электромехаников и радистов не выполнялись.

По образовательному цензу комсостав делился так: из 61 капитана высшее образование имели 19, среднетехническое 40. Два капитана лихтеров окончили УКК. Образовательный ценз капитанов заметно возрос: в 1962 г. высшее образование имели всего семеро. Штурманский состав включал 267 чел., из них 100 с высшим образованием, 160 техников и семеро практиков (окончивших УКК). Среди 62 старших механиков высшее образование имели восемь, среднетехническое 48, практиками после УКК оставались шестеро.

Рядовой состав флота включал 1 207 должностей, из них 367 матросов, 249 мотористов, 49 электриков, 40 машинистов, 65 кочегаров, 40 токарей, 262 «обслуги», 71 повар и четверо слесарей. Образовательный ценз работников рядового плавсостава был таков: среднее (школьное) образование имели 251, 7—8-классное — 647, неполное семилетнее — 140, начальное — 169 чел. Средний возраст моряков составлял 35 лет. В возрасте 18—25 лет находились 584 чел., то есть 32 % общего числа работающих.

Среди моряков насчитывалось 178 членов КПСС и 174 беспартийных. Остальные состояли в комсомоле [71, л. 12—14].

На флоте трудились 184 молодых специалиста, то есть 28,3 % всего комсостава, 40 чел. из них имели высшее образование. За семилетку прибыли 358 молодых специалистов, а 74 уволились. Последних могло быть значительно меньше, если бы их обеспечили жилплощадью. В очереди на жилье стояли от 168 «молспецев» (всего по плавсоставу очередь на получение жилплощади составляла 819 чел.).

Кадры заграничного судоходства насчитывали 843 чел., в том числе 423 комсостава. В 1965 г. побывали за границей 570 моряков [69, л. 1—2]. Трудовая дисциплина за «заграничных» судах была гораздо выше, чем на каботажных. Если за 1965 г. на флоте имелось всего 142 нарушения, то на судах заграничного судоходства — только семь, причем пять из них — служебные [71, л. 30, 33—34].

«Культурно» моряков обслуживала база, размещавшаяся в здании морского вокзала. Ее помещения украшали стенды «Профсоюзы — высшая школа коммунизма», наглядно показывавший роль профсоюзов, отражавший работу лучших судовых организаций, «Моряки в борьбе за коммунистический труд» и прочие подобные.

Оживленно прошли несколько вечеров, в том числе посвященные международному Дню молодежи, встречи с камчатскими поэтами, День рыбака, празднование 225-летия Петропавловска.

В марте 1965 г. коллектив самодеятельности КУМФ занял третье место в городском смотре талантов. В сентябре в пароходстве был создан эстрадный оркестр, работали различные кружки: хореографический, художественного чтения, вокальный. В среднем, в состав творческих коллективов входили 60 участников, но коллективы не были постоянными, так как моряки уходили в рейсы. Основанная при культбазе любительская киностудия выпустила свой первый сборник «Моряки Камчатки в последнем году семилетки» [71, л. 37].

1966

16 января в порту Поти принят теплоход «Диксон» [72, л. 264].

30 января поступила аварийная телеграмма от Приморьрыбпрома о том, что у мыса Мирия терпит бедствие учебный пароход «Вертикаль». К нему направился теплоход «Хатангалес» (капитан М. Г. Жидков). Он пошел к аварийному судну вечером 31 января. При сильном волнении и ветре, в непосредственной близости от берега пароходу передали 170 т угля и 35 т воды. «Хатангалес» получил повреждение корпуса, но спасательная операция увенчалась успехом [73, л. 123].

20 февраля в результате жестокого урагана при сильном обледенении в Северо-Курильске опрокинулись и затонули четыре сейнера. Для их подъема направлена партия ЭО АСПТР в составе 13 чел. В сложных зимних условиях она подняла все суда за 32 суток. Особенно отличились водолазы А. Д. Рюмкин, А. П. Салов, С. В. Емельянчик, мастер аварийно-спасательных и подъемных работ А. В. Грушев, главный инженер отряда, он же начальник партии В. Н. Зорбиди [72, л. 5, 26].

13 апреля на теплоходе «Усть-Камчатск» во время стоянки в Усть-Камчатке под грузовыми операциями на вахте второго механика в результате нарушения Правил технической эксплуатации из вспомогательного котла была упущена вода. При осмотре топки обнаружилось, что все водогрейные

трубки сгорели, элементы котла, соприкасавшиеся с пламенем, деформировались. Котел восстановлению не подлежал [73, л. 140].

27 мая в состав КУМФ принят танкер «Башкирнефть» [73, л. 129].

11 июня в связи с большим износом и нецелесообразностью капитального ремонта списан пароход «Вага» [74, л. 108].

18 июня по итогам Всесоюзного социалистического соревнования за первый квартал 1966 г. переходящий вымпел Совета Министров СССР и ВЦСПС и первую премию получил теплоход «Николаевск», переходящий вымпел ММФ СССР и ЦК профсоюза рабочих морского и речного флота и вторую премию — теплоход «Олюторка» [73, л. 82].

9 июля с целью улучшения руководства работой предприятий КУМФ для рассмотрения основных вопросов их деятельности создан Совет КУМФ, председатель главный инженер Г. В. Бушин [73, л. 34].

10 августа по итогам Всесоюзного социалистического соревнования за второй квартал 1966 г. второй премией 2 225 руб. поощрен экипаж теплохода «Петропавловск» (капитан В. Н. Смирнов) [74, л. 163].

19 августа во время арктического рейса начальник радиостанции теплохода «Леналес» передал телеграмму «с недозволенным текстом», чем нарушил Правила радиосвязи ММФ СССР. Вот что 24 сентября он писал в объяснительной записке: «Когда судно теплоход “Леналес” находилось в водах реки Кольмы, мною была передана радиограмма следующего содержания: “Фирма лопнула, срочно продавай акции. Мадам Вонг”... Вечером ко мне зашла [пассажирка], но не знала, что написать, и попросила меня написать за нее что-нибудь в шутовском тоне... Никакого внутреннего смысла эту радиограмму не вкладывал».

Виновник отделался выговором [74, л. 49, 52].

2 сентября со второго механика теплохода «Усть-Камчатск» удержана треть должностного оклада в счет частичного возмещения причиненного ущерба: из-за плохой работы рефрижераторной установки испортились 50 кг баранины на сумму 90 руб. [74, л. 122].

21 сентября введена в действие «Методика разработки судовыми экипажами технической документации по переводу транспортных судов на новую систему технического обслуживания». В ее основу положено составление по каждой серии судов типовых графиков проведения планово-предупредительных ремонтов (ППР) оборудования, выполнение всего объема работ, включенных в график, во время выполнения рейса и при стоянке в портах во время грузоопераций [74, л. 87].

24 октября из-за невозможности использовать зимой на побережье Камчатки, теплоходы «Термез», «Луга», «Остров», «Мусоргский» и «Сергей Тюлений» решено выставить на перевозки между Приморьем и портами Японии с ноября 1966 по май 1967 г. [74, л. 38].

30 октября при ревизии агентства «Трансфлот» установлен подлог со стороны старшего бухгалтера на 2 500 руб. Бухгалтер арестована, ей предъявлен иск на сумму ущерба, начальнику агентства объявлен строгий выговор, ревизор премирован суммой в 50 руб. [74, л. 77—79].

19 декабря выплачена премия 3 065 руб. участникам проектирования и внедрения механизированных люковых закрытий и замены главного и вспомогательного двигателей на теплоходе «Луга». Эти меры дали годовой экономический эффект 33 тыс. руб. [75, л. 57].

28 декабря создана группа по подготовке предприятий КУМФ к переходу на новую систему планирования, руководитель главный экономист управления А. А. Пекер. Переход во исполнение решения ММФ СССР ожидался в первом полугодии 1967 г. [75, л. 69].

План на 1966 г. включал доставку 1 278 тыс. т грузов и 886 тыс. пассажиров. Фактически перевезено 1 288,8 тыс. т и 939,6 тыс. чел. [70, л. 3].

В конце 1966 г. КУМФ насчитывало 43 судна общей грузоподъемностью 85 150 сухогрузных и 3 400 наливных тонн. Самоходный флот включал: грузо-пассажирские «Петропавловск», «Углегорск» и «Николаевск»; сухогрузные пароходы «Вычегда», «Амдерма», «Енисейск», «Миргород», «Пинск», «Якутск»; сухогрузные теплоходы «Соболево», «Карелиялес», «Кировсклес», «Камчатсклес», «Байкаллес», «Ковдалес», «Зялес», «Леналес», «Хатангалес», «Олюторка», «Диксон», «Кодино», «Иван Тургенев», «Лев Толстой», «Салтыков-Щедрин», «Глеб Успенский», «Термез», «Усть-Большерецк», «Усть-Камчатск», «Усть-Тигиль», «Аральск», «Бородин», «Гдов», «Луга», «Мусоргский», «Остров», «Сергей Тюленин»; танкеры «Озерное», «Уфа», «Башкирнефть»; буксиры «Изыльметьев», «Сахалинец». Несамостоятельный флот составляли лихтеры «Уда» и «Яуза» [76, л. 2, 4—6].

Прибыль от работы флота достигла 6 033 млн руб. вместо 5 497 млн по плану [70, л. 76].

В 1966 г. в состав КУМФ входили: 1. Управление флота — 248 чел. 2. Транспортный флот — 1 941 чел. 3. ПМТП — 2 221 чел. 4. Усть-Камчатский порт — 1 116 чел. 5. Судоремонтные мастерские — 501 чел. 6. ЭО АСТПР — 116 чел. 7. Контора «Торгмортранс» — 293 чел. 8. ВОХР — 127 чел. 9. Служба материально-технического обеспечения — 50 чел. 10. Агентство «Трансфлот» — 9 чел. Стоимость основных фондов КУМФ на конец 1966 г. составляла 117,6 млн руб. [70, л. 28 об.].

Общее количество работников КУМФ на 31 декабря 1966 г. составляло 6 622 чел., из них 1 704 женщины, 829 членов и 80 кандидатов в члены КПСС, 1 131 члена ВЛКСМ. Инженерно-технический персонал включал 1 272 чел., в том числе 254 с высшим и 680 со средним специальным образованием, а также 338 практиков. Служащих насчитывалось 680 чел., рабочих — 4 227 чел., из них 1 280 рядового плавсостава. В ПМТП трудились 1 524 рабочих

[77, л. 2—6]. За год приняли 2 445 и уволили 2 100 чел. «Основные статьи увольнения: собственное желание и перевод. Основные причины: отсутствие жилплощади, неудовлетворенность зарплатой и трудные камчатские условия».

Лучшими капитанами пароходства 1966 г. являлись: Г. Н. Клепиков («Николаевск»), за большие заслуги в деле развития морского транспорта на Камчатке и успешную работу на этом судне удостоенный звания Героя Социалистического Труда, Г. Н. Гусев («Зеялес»), награжденный орденом Трудового Красного Знамени, С. С. Чумак («Кодино»), один из старейших и опытных капитанов пароходства, получивший орден «Знак Почета» [78, л. 31—32].

Кадры заграничного плавания по состоянию на 1 января 1966 г. насчитывали 1 018 чел., в том числе 499 комсостава. К 31 декабря 1966 г. группа заграничного плавания включала 20 судов, в том числе 12 наиболее современных лесовозов финской постройки. За год порты Японии посетили: «Кировсклес» — два, «Термез» — десять, «Остров» — семь, «Луга» — четыре раза. В Стране восходящего солнца побывали 899 моряков [78, л. 24—29].

«Экспедиция» успешно справлялась с возложенными на нее задачами. За навигацию 1966 г. она обработала 31,2 тыс. т. Население, местная промышленность, торговля в КНО были обеспечены на зиму необходимыми товарами и материалами. Совет КУМФ решил, что для улучшения работы необходимо назначить освобожденного начальника экспедиции, начать в пунктах округа строительство жилья.

На повестку дня встал вопрос о выделении экспедиции в самостоятельное подразделение ПМТП [79, л. 19—22].

В августе 1966 г. было организовано машиносчетное бюро. Оно полностью механизировало составление ведомостей по зарплате [70, л. 26].

1967

18 января завершен строительством и введен в эксплуатацию центральный склад ЦС-1 службы материально-технического обеспечения в бухте Бабя [80, л. 180].

21 января для улучшения знания английского языка в КУМФ организована комиссия по приему экзаменов у командного состава судов и работников управления [80, л. 169].

23 января создана база резерва плавсостава. Практика работы подменного экипажа показала, что его силами охватить все стоящие в Петропавловске суда КУМФ и других пароходств для подмены моряков, чтобы они могли отгулять накопленные выходные дни, а также для производства ремонтных работ не представлялось возможным. Теперь в базе резерва плавсостава предусматривались: подменный экипаж, вновь создаваемые сменные экипажи с выходом в рейс, ремонтные бригады и платный резерв плавсостава. Капитаны судов при стоянке в Петропавловске должны были обязательно

предоставлять морякам выходные, максимально используя возможности базы резерва плавсостава [80, л. 165—166].

6 февраля после постройки в Финляндии на верфи Уусикаупунки принят на баланс КУМФ теплоход «Мирный» [80, л. 139].

9 февраля на пароходе «Миргород», стоявшем в доке судоремонтного завода в Советской Гавани, произошел пожар. Уничтожены красный уголок и несколько кают с убытком 5 415 руб. [80, л. 96].

16 февраля объявлено о создании на базе КУМФ Камчатского морского пароходства (КМП), автономного по отношению к Дальневосточному морскому пароходству [80, л. 133].

5 марта старший механик морского буксира «Сахалинец», осматривая паровую рулевую машину на ходу судна, решил подогнуть трубку смазки. В это время произошла перекладка руля, левая кисть старшего механика оказалась прижата к станине машины, была раздроблена. В больнице пришлось ампутировать второй и третий пальцы [81, л. 3].

17 марта на базе расформированного подменного экипажа организованы подменные бригады по специальностям. Руководство ими возложено на Н. Н. Колесниченко. Анализ деятельности экипажа, созданного в октябре 1964 г., показал, что лучшей формой подмены плавсостава при стоянках судов в Петропавловске оказалась замена экипажа не целиком, а отдельными бригадами по специальностям [80, л. 59].

14 июля пароход «Амдерма» на Восточной Камчатке столкнулся с японской рыболовной шхуной, получившей пробоину ниже ватерлинии. В сопровождении «Амдермы» шхуна пришла в Северо-Курильск, где ей произвели аварийный ремонт, на который затратили 1 400 руб. [81, л. 73].

20 июля объявлен субботник по благоустройству территории, принадлежащей управлению пароходства и его жилому массиву, «в связи с приближающейся торжественной датой — вручением Камчатской области ордена Ленина» [82, л. 68].

12 августа судоремонтные мастерские пароходства преобразованы в судоремонтный завод. Руководство предприятия: директор И. Ф. Усок, главный инженер Ф. Ф. Ризов, заместитель директора А. С. Малясов, главный механик Л. Ф. Братков, начальник отдела технического контроля М. К. Денисюк [83, л. 20, 116, 144].

26 августа начался перевод предприятий КМП на пятидневную неделю с двумя выходными днями. Новый график работы для ПМТП, судоремонтного завода, управления КМП и других организаций вводился в действие с 4 сентября [83, л. 203].

31 августа завершился начавшийся 1 июля общественный смотр техники безопасности и противопожарной техники на судах и предприятиях КМП. Первое место по итогам конкурса занял экипаж теплохода «Николаевск»,

второе — моряки «Сергея Тюленина», третье — экипаж «Петропавловска» [83, л. 127].

12 сентября изменено наименование конторы «Торгмортранс». Теперь она именовалась «Контора торговли и продовольственного снабжения “Торгмортранс” Камчатского морского пароходства ММФ СССР» [83, л. 186].

1 октября создана централизованная бухгалтерия КМП на базе существующей. Туда переведены бухгалтеры агентства «Трансфлот» и отряда ВОХР. Главным бухгалтером КМП назначен П. Н. Фураев [83, л. 172].

13 октября в 20.00 после постройки в Финляндии на верфи Уусикаупунки принят на баланс КМП теплоход «Палана» [83, л. 139].

30 октября стало известно, что по итогам Всесоюзного соцсоревнования за третий квартал 1967 г. переходящий вымпел ММФ СССР и ЦК профсоюзов за рабочих морского и речного флота и третью премию получил экипаж теплохода «Николаевск» [83, л. 114].

27 октября решением баскомфлота по итогам внутривоспользовательского соревнования за третий квартал 1967 г. присуждены переходящие Красные знамена КМП и баскомфлота, а также денежные премии. Первое место занял пароход «Амдерма» (капитан М. Г. Жидков), второе — теплоход «Вага» (капитан М. А. Красна), третье — теплоход «Карелиялес» (капитан Б. М. Ваганов) [83, л. 10].

19 ноября пароход «Енисейск» (капитан В. Г. Ярославцев) прибыл в балласте во Владивосток. Сильным ветром его навалило левым бортом на штевень парохода «Михаил Фрунзе». «Енисейск», получивший большую пробоину выше ватерлинии, поставлен на ремонт. Причиной аварии объявлен «форс-мажор» [83, л. 17].

8 декабря издан приказ по пароходству № 145, в котором обозначены важнейшие задачи на следующий год. Одной из них названо увеличение вывоза леса из Усть-Камчатска как на внутренний рынок, так и на экспорт, в Японию [84, л. 24].

За 1967 г. суда КМП перевезли 1 530 100 т, в том числе 128 018 т на экспорт, и 1 096 тыс. пассажиров, из них 1 065 тыс. (то есть 97,2 %) портовым флотом [85, л. 1—2; 86, л. 22].

По состоянию на 31 декабря 1967 г. КМП насчитывало 50 судов, в том числе новый, еще достраивавшийся, теплоход «Чажма», теплоходы «Камчатский комсомолец», «Кодино», «Красноярск», танкер «Ногинск». Ветеран флота — пароход «Вычегда» готовился к списанию [85, л. 45—46].

В течение 1966—1969 гг. пароходство должно было перевести все суда на двухлетний период эксплуатации между заводскими ремонтами. К 1 июля 1967 г. полностью была подготовлена документация только по двум проектам судов: теплоходам типа «Котласлес» и «Соболево», всего 13 шт. Началось составление документов на теплоходы типа «Тарту». Это проводилось в рам-

ках внедрения на всех предприятиях страны новой системы планирования и экономического стимулирования. Ее основные положения озвучил Первый секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев на сентябрьском пленуме ЦК КПСС 1965 г. и детализировал Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин в докладе «Об улучшении управления промышленностью, совершенствования планирования и усиления экономического стимулирования промышленного производства» от 27 сентября 1965 г. [83, л. 50, 67].

В 1967 г. произошло 136 случаев производственного травматизма, в том числе два, завершившихся смертью пострадавших. Наиболее неблагоприятно с травматизмом обстояло в ПМТП, где произошло 72 несчастных случая, в том числе один смертельный [84, л. 24].

Профилактическую работу вели внештатные инженеры по технике безопасности, среди которых отличались старшие механики М. Д. Иванов, П. Н. Пинчуков. Контролировала состояние дел в области охраны труда комиссия комитета плавсостава под руководством капитана-наставника А. Л. Срибного. На каждом судне были избраны по два общественных инспектора по охране труда [87, л. 25].

Безопасные приемы и методы работы пропагандировались вывешиванием наглядной агитации, проведением бесед, показом кинофильмов, выпуском «фотообвинений». Состоялся двухмесячный смотр по технике безопасности и противопожарной технике. Особенно хорошо он прошел на «Николаевске», «Петропавловске», «Камчатсклесе», «Карелиялесе» и «Пинске» [87, л. 26—27].

КМП объединяло семь береговых предприятий с общей численностью 4 891 чел. Больше всех трудилось в Петропавловском морском торговом порту — 2 230 чел. Из всех предприятий наибольший некомплект имелся в Усть-Камчатском порту — 69 портовых рабочих и рядового плавсостава портофлота [88, л. 2].

В ходе социалистического соревнования «в честь 50-летия Советской власти» 60 работников береговых предприятий пароходства были поощрены ММФ СССР. Пятнадцать из них наградили знаками «Почетный работник ММФ СССР», пятерых — именными часами, 40 — Почетными грамотами [88, л. 1].

В течение 1967 г. агентство «Трансфлот» обслужило 960 судов, в том числе 525 — КМП, 367 — ДВМП. План агентирования был выполнен на 114,3 % [88, л. 43].

В плавсоставе учениками матросов работали несколько семнадцатилетних подростков. Их приняли в порядке исключения, по личной просьбе и ходатайству общественных организаций, исходя из семейных обстоятельств. Зачисление на флот одобрил комитет плавсостава, администрации судов и судовые комитеты, взявшие ребят под наблюдение [87, л. 23].

1968

1 января КМП переведено на новые условия хозяйствования [89, л. 131].

9 января на плавмастерской «Ремонтная-2» завода КМП, стоявшей в акватории ПМТП, произошел пожар. Вахтенные самостоятельно потушить огонь не смогли. Это сделали пожарные команды города и ВОХР пароходства. Убыток составил 11 824 руб. [89, л. 18, 212].

10 января премиями в размере 20 руб. награждены участники Первой областной выставки достижений изобретателей и рационализаторов, состоявшейся в Петропавловске в октябре 1967 г. За активное участие в ее организации КМП получило поощрительную премию в сумме 100 руб. За изготовление экспонатов выставки, а также за оборудование на выставке стендов пароходства и его хозяйств поощрялись О. С. Ильина-Борзова и В. Г. Грудень — инженеры технического отдела, С. П. Шипиловская — техник конструкторского бюро, портовые инженеры Г. С. Терехова и Ю. Н. Белявский [89, л. 33].

17 января утром из-за скопления большого количества снега провалилась крыша склада № 3 в бухте Бабия. Ввиду невозможности производить выгрузку в Петропавловске из-за сильного снегопада объявлен запрет на перевозки по направлению Усть-Камчатск — Петропавловск. Запрет действовал до 27 января [89, л. 29, 153].

1 февраля сроком по 31 марта объявлен общественный смотр противопожарного состояния на всех береговых объектах и судах КМП. Он посвящался 50-летию советской пожарной охраны: 17 апреля 1968 г. исполнялось 50 лет со дня подписания В. И. Лениным декрета «Об организации государственных мер борьбы с огнем». Победителями смотра стали теплоходы «Николаевск», «Олоторка», «Хатангалес», «Ковдалес», управление «Торгмортранс» [89, л. 45, 181].

18 февраля сел на мель в бухте Русской пароход «Миргород». На помощь подошел теплоход «Гидростат», но не смог завести буксир. 19 февраля прибыл спасатель «Зевс». При заводке буксирный конец наматался на винт парохода, его машина остановилась. Утром корму оторвали от грунта, но под действием сильного ветра ее начало бить о камни, корпус парохода стал заполняться забортной водой. 21 февраля после ликвидации течи «Зевс» привел пароход в Петропавловск. Днище «Миргорода» было сильно повреждено по всей длине [89, л. 149—151].

19 марта при следовании парохода «Енисейск» из Озерной в Петропавловск в штормовых условиях вышла из строя главная машина. Судно начало дрейфовать в направлении мыса Сивучьего. Благодаря хорошей выучке менее чем через три часа силами машинной команды отказ был ликвидирован, и судно своим ходом пришло в Петропавловск. Благодарности за «умелые действия, позволившие в штормовую погоду устранить неисправность», удостоены старший механик В. Н. Чернявский, второй механик А. А. Евсеев, ма-

пинисты Н. В. Трифионов и Н. М. Демченко, четвертый механик П. И. Коротков, токарь А. В. Сальников [89, л. 185].

9 апреля назначена комиссия по приему из постройки на Керченском заводе «Залив» танкера «Ногинск» [89, л. 192].

27 апреля начались областные соревнования ДОСААФ на личное и командное первенство радистов. Команда радицентра КМП в составе А. Б. Мальчевской (капитан), В. В. Комкина, А. В. Алексеевнина и В. А. Березина заняла второе место. В личном зачете среди женщин области первое место завоевала Б. А. Мальчевская. Ей вручен золотой жетон. Первое место среди мужчин и два золотых жетона завоевал В. В. Комкин [90, л. 11].

30 апреля по итогам внутривосемьдесятиметрового соревнования за первый квартал 1968 г. между судами КМП первое место занял экипаж теплохода «Гдов» (капитан Г. И. Никифоров), получивший переходящее Красное знамя и премию в 500 руб. Второе место завоевал экипаж теплохода «Кодино» (капитан С. С. Чумак) — переходящий вымпел и 300 руб., третье место — экипаж теплохода «Термез» (капитан Б. М. Лисеев) — премия 200 руб. [89, л. 239].

2 мая в 17.00 принят на баланс с момента поднятия Государственного флага СССР после постройки судна на верфи Усуикаупунки в Финляндии теплоход «Чажма» [90, л. 7].

13 мая началась подготовка технической документации на списание и разделку на металллом парохода «Вычегда» [90, л. 15].

1 июня для всех членов экипажей морских судов транспортного флота, кроме кочегаров пароходов, сжигающих твердое топливо, на период эксплуатации судов устанавливался единый восьмичасовой график вахт и судовых работ. Теперь морякам, взамен предоставления дополнительных дней отдыха сверх установленной продолжительности рабочего дня, выплачивалась надбавка. Капитаны, старшие механики, старшие электромеханики и первые помощники капитанов получали 10 % должностного оклада, остальные члены экипажа (кроме судовых медиков) — 20 % [90, л. 55].

12 июля объявлено решение коллегии ММФ СССР и Президиума ЦК профсоюза рабочих морского и речного флота по итогам Всесоюзного социалистического соревнования за первый квартал 1968 г. коллективу КМП присуждена третья денежная премия 6 800 руб. [90, л. 117].

22 июля создан «орган технической информации» в составе технического отдела пароходства. В штат отдела введена должность старшего инженера по технической информации [90, л. 152].

1 августа начался смотр по экономии и бережливости. «Экономия и бережливость всех средств по содержанию флота является одним из важнейших условий повышения рентабельной работы и обеспечения годового плана прибыли пароходства». Газета «Моряк Камчатки» (главный редактор П. Я. Сидельников) регулярно освещала ход смотра [90, л. 175].

27 августа в Туапсе командирована сборная команда КМП из 19 чел. для участия в Третьей объединенной спартакиаде ММФ [90, л. 211].

1 сентября в составе службы перевозок и движения флота создан отдел оперативного планирования, учета и анализа работы флота [77, л. 1].

19 сентября постановлением комитета ВЛКСМ пароходства звания «Комсомольско-молодежный экипаж» присвоены 18 теплоходам: «Байкаллес», «Вага», «Диксон», «Зеялес», «Камчатлес», «Карелиялес», «Кировсклес», «Ковдалес», «Кодино», «Николаевск», «Олюторка», «Петропавловск», «Лев Толстой», «Соболево», «Термез», «Усть-Камчатск», «Углегорск», «Хатангалес» [77, л. 22]. На «Хатангалес» первым помощником капитана трудился легендарный подводник Герой Советского Союза Н. А. Лунин [91, л. 32].

11 октября во время стоянки парохода «Вычегда» в Петропавловске в котле разорвалась жаровая труба. От горячей воды и пара получили ожоги старший и третий механики. Последний, несмотря на все принятые в больнице меры, скончался. Причина аварии: перегрев металла вследствие нарушения правил эксплуатации [87, л. 92].

20 ноября назначено «под личную ответственность начальников служб и отделов управления пароходства» обследование всех работников управления КМП «на гипертонию» [91, л. 39].

14 декабря заместитель начальника пароходства по мореплаванию Ф. М. Светлов назначен руководителем операции по перегону парома «Капитан Беляев» из Ленинграда до порта Гибралтар [87, л. 154].

В 1968 г. суда КМП перевезли 1 600,2 тыс. т грузов и 1 182 тыс. пассажиров. Пароходство получило 11 748 тыс. руб. прибыли при плане 13 737 тыс. руб. [92, л. 22].

Флот пополнился четырьмя новыми судами: «Чажма», «Камчатский комсомолец», «Краснояск», «Ногинск».

Список флота включал 51 позицию [86, л. 16]:

— три грузопассажирских судна: «Николаевск», «Петропавловск», «Углегорск»;

— шесть пароходов: «Амдерма», «Енисейск», «Миргород», «Пинск», «Вычегда»;

— 38 теплоходов: «Байкаллес», «Камчатсклес», «Карелиялес», «Кировсклес», «Ковдалес», «Зеялес», «Леналес», «Хатангалес», «Диксон», «Кодино», «Мирный», «Олюторка», «Вага», «Палана», «Чажма», «Камчатский комсомолец», «Краснояск», «Соболево», «Якутск», «Лев Толстой», «Иван Тургенев», «Углегорск», «Сальтыков-Щедрин», «Аральск», «Бородин», «Гдов», «Луга», «Мусоргский», «Остров», «Сергей Тюленин», «Термез», «Усть-Большерецк», «Усть-Камчатск», «Усть-Тигиль»;

— два лихтера: «Уда» и «Яуза»;

— четыре танкера: «Башкирнефть», «Уфа», «Озерное», «Ногинск»;

- два морских буксира: «Сахалинец» и «Изыльметьев»;
- одна нефтеналивная баржа ННБ-500.

По состоянию на 31 декабря 1968 г. в КМП работали 7 233 чел., из них 987 членов и 100 кандидатов в члены КПСС, 1 144 комсомольца [93, л. 4].

1968 г. проходил под лозунгами достойной встречи столетия со дня рождения «основателя Советского государства» В. И. Ленина и пятидесятилетия ВЛКСМ. Инициаторами социалистического соревнования между судами КМП по этому поводу явились: теплоходы «Хатангалес» (капитан Г. Н. Поляков) и «Сергей Тюленин» (капитан В. Г. Самохин), пароход «Пинск» (капитан О. И. Волдинер). Почин был одобрен руководством и парткомом, доведен до сведения всех экипажей и широко освещался в печати [93, л. 6].

Победителем стал экипаж «Хатангалеса». За успехи его наградили почетным вымпелом ЦК ВЛКСМ и почетной грамотой руководства, парткома и баскомфлота пароходства. Саму комсомольскую организацию пароходства «за хорошие трудовые дела» наградили в честь юбилея Красным знаменем обкома ВЛКСМ, оставленным ей на вечное хранение [93, л. 10].

«Лучшими людьми флота» в 1968 г. названы капитан теплохода «Хатангалес» Г. Н. Поляков, старший механик теплохода «Вага» И. И. Михайловский, матрос теплохода «Карелиялес» П. И. Пинчуков, буфетчица теплохода «Кировсклес» Л. Ф. Куликова, боцман теплохода «Олюторка» Н. И. Долбенев.

Знаком «Почетный работник ММФ СССР» награжден капитан теплохода «Соболево» Л. П. Шарлай. Почетными грамотами ММФ СССР и Камчатского обкома КПСС поощрены 13 моряков, шестеро получили звание «Лучший по профессии ММФ».

В течение двадцати лет (1949—1968 гг.) структуры, руководившие работой морского торгового флота в Камчатском бассейне, пятикратно меняли названия, состав и подчиненность. Ими были:

- самостоятельное Камчатско-Чукотское государственное морское пароходство;
- Камчатско-Чукотское государственное морское пароходство в составе Дальневосточного объединенного пароходства;
- Камчатское государственное морское пароходство в составе Дальневосточного объединенного пароходства;
- Камчатское управление Морского флота Дальневосточного морского пароходства;
- самостоятельное Камчатское морское пароходство.

Эти структуры внесли огромный вклад в экономическое и социальное развитие Камчатской области. Суда морского торгового флота стали основным перевозчиком народно-хозяйственных грузов в бассейне. За этот период были отработаны принципы организации доставки грузов морем и по рекам, создан второй морской торговый порт в Усть-Камчатке, развернута

собственная сеть подготовки кадров. Для закрепления специалистов и преодоления традиционно высокой для Камчатки текучести кадров получили развитие жилищное и социально-бытовое строительство.

Существенно изменилась техническая база парохозяйства: суммарная грузоподъемность его судов выросла с 18 140 т в 1949 г. до 88 500 т в 1966 г. (то есть почти в пять раз). Устаревшие неэкономичные паровые суда были в большинстве заменены теплоходами, более пригодными для работы в условиях рейдовых разгрузок на необорудованном побережье. Для обслуживания флота налажена судоремонтная база: вначале в виде маломощных мастерских, затем — специализированного судоремонтного завода, организована аварийно-спасательная и судоподъемная техническая служба.

Все это позволило обеспечить рентабельную работу торгового флота, действовавшего в исключительно тяжелых навигационных условиях.

ИСТОЧНИКИ

1. *Гаврилов С. В.* Три века Петропавловского порта. Развитие портового хозяйства г. Петропавловска-Камчатского в XVIII—XX вв. (1740—1980 гг.). — Петропавловск-Камчатский, 2004. — 437 с.

2. ЦДНИКО. Ф. 2. Оп. 2. Д. 702.

3. ГАКО. Ф. 523. Оп. 1. Д. 7.

4. ЦДНИКО. Ф. 2. Оп. 2. Д. 1246.

5. ГАКО. Ф. 523. Оп. 1. Д. 6.

6. Там же. Д. 14.

7. Там же. Д. 9.

8. Там же. Д. 19.

9. Там же. Д. 26.

10. Там же. Д. 32.

11. Там же. Д. 20.

12. Там же. Д. 60.

13. Там же. Д. 57.

14. Там же. Д. 59.

15. Там же. Д. 94.

16. Там же. Д. 99.

17. Там же. Д. 144.

18. Там же. Д. 198.

19. ЦДНИКО. Ф. 2. Оп. 2. Д. 1680.

20. ГАКО. Ф. 523. Оп. 1. Д. 141.

21. Там же. Д. 212.

22. Там же. Д. 955.

23. Там же. Д. 260.

24. Там же. Д. 261.

25. Там же. Д. 315.

26. ГАКО. Ф. 523. Оп. 1. Д. 311.
27. Там же. Д. 310.
28. Там же. Д. 326.
29. Там же. Д. 385.
30. Там же. Д. 382.
31. Там же. Д. 383.
32. Камчатский моряк. — 1957. — 25 июля.
33. ГАКО. Ф. 523. Оп. 1. Д. 959.
34. Там же. Д. 444.
35. Там же. Д. 504.
36. Там же. Д. 445.
37. Там же. Д. 24.
38. Там же. Д. 501.
39. Там же. Д. 557.
40. Там же. Д. 1169.
41. Там же. Д. 970.
42. Там же. Д. 971а.
43. Там же. Д. 507.
44. Там же. Д. 511.
45. Там же. Д. 561.
46. Там же. Д. 966.
47. Там же. Д. 1164.
48. Камчатский моряк. — 1960. — 22 дек.
49. ГАКО. Ф. 523. Оп. 1. Д. 997а.
50. Там же. Д. 971.
51. Там же. Д. 1165.
52. Там же. Д. 1166.
53. Там же. Д. 1167.
54. Там же. Д. 1168.
55. Там же. Д. 1171.
56. Там же. Д. 1170.
57. Там же. Д. 1179.
58. Там же. Д. 1170а.
59. Там же. Д. 1193а.
60. Там же. Д. 1173.
61. Там же. Д. 1193.
62. Там же. Д. 1193б.
63. Там же. Д. 1194.
64. Там же. Д. 1195б.
65. Там же. Д. 1392.
66. Там же. Д. 1194а.
67. Там же. Д. 1391.
68. Там же. Д. 1207.
69. Там же. Д. 1393.
70. Там же. Д. 1629.

71. ГАКО. Ф. 523. Оп. 1. Д. 1413.
72. Там же. Д. 1617.
73. Там же. Д. 1618.
74. Там же. Д. 1619.
75. Там же. Д. 1620.
76. Там же. Д. 1627.
77. Там же. Д. 1702.
78. Там же. Д. 1656.
79. Там же. Д. 1690.
80. Там же. Д. 1657.
81. Там же. Д. 1658.
82. Там же. Д. 1394.
83. Там же. Д. 1659.
84. Там же. Д. 1667.
85. Там же. Д. 1665.
86. Там же. Д. 1733.
87. Там же. Д. 1673.
88. Там же. Д. 1688.
89. Там же. Д. 1700.
90. Там же. Д. 1701.
91. Там же. Д. 1704.
92. Там же. Д. 1706.
93. Там же. Д. 1731.

ОТ ПЕРВОГО ЛИЦА

В. П. ПУСТОВИТ

ОПАСНОЕ УВЛЕЧЕНИЕ

Все началось с того, что трое десятиклассников Петропавловской одиннадцатилетней школы № 2 увлеклись не выпивкой и не девочками, а отечественной историей. Николай Игошин, сын бывшего секретаря Камчатского обкома партии. Не рядовым служащим Петропавловского гортопсбыта был родитель Александра Филимонова. Мой отец тогда занимал должность начальника управления местной промышленности Камчатского облисполкома.

Сначала мы просто сдружились (наверное, характерами дополняли друг друга), потом появились общие интересы, очень скоро преобладающими среди них стали политика и история. К выпускному классу мы уже довольно сносно разбирались в культе личности И. В. Сталина, внутрипартийной борьбе 1920-х гг. Не говоря уже о современной политике компартии и правительства во главе с Н. С. Хрущевым. К нему самому мы поначалу относились неплохо как к разоблачителю сталинской деспотии, но чувствовали, что он многое *в открытой* печати не договаривает.

Содержание его доклада на специальном заседании XX съезда КПСС мне было известно в пределах закрытого письма ЦК, которое доводилось в 1956 г. до рядовых коммунистов. Те же, пользуясь наступившими послаблениями, пересказывали сенсационные факты непартийным лицам, в том числе своим домашним. Кстати, я узнал о деяниях Сталина и Берии вовсе не от отца, а от знакомых, не удержавшихся, чтобы не удовлетворить редкое для подростка политическое любопытство.

В декабре 1956-го, как реакция на венгерские события, в обкомы и крайкомы было разослано (опять-таки закрытое) Письмо ЦК КПСС «Об усилении политической работы партийных организаций в массах и пресечении вылазок антисоветских, враждебных элементов». Обсуждалось оно на партсобраниях в январе 1957 г. Как проходило обсуждение, я узнал спустя сорок лет, работая директором бывшего партийного архива Камчатского обкома КПСС.

В протоколе собрания первичной партийной организации Мильковского райкома КПСС от 5 января значилось: «Письмо ЦК относится к нашему району, так как и у нас есть отдельные проявления хулиганства, бездельности, а подчас и враждебного отношения. В Лазо на лесовозной дороге в прошлом году дважды появлялась враждебная надпись. Во время выборов 16 декабря 1956 г. в пос. Центральный было три случая отказа от голосования... Коммунист

Забелин сколотил вокруг себя группу недовольных. К участию в самодеятельности иногда привлекаются недостойные люди... Нужно обратить внимание на воспитание молодых специалистов, мы ими интересуемся только на работе, а часть из них увлекается преферансом, анекдотами, вечеринками. Мало проводится воспитательной работы в учительской среде. В селе функционирует религиозная секта, а о ее деятельности почти ничего неизвестно...» [1].

Коммунисты Центральной Петропавловской сберкассы высказывались 9 января. Некто Т. поделилась с товарищами по партии такой мыслью: «...каждая война оставляет ненормальные последствия, особенно среди малодушных элементов» [2]. Партийка призвала усилить бдительность в отношении клиентов, привела пример с гражданином Осиповым, «который явился в сберкассу в нетрезвом виде, и когда ему не выдавали вклад, он в присутствии многих посетителей хвастал порядками Америки, что, якобы, там дело обходится без сберкассы и т. д., однако никто из присутствующих не мог его одернуть, вызвали милицию, но никто не явился, и пришлось отступить и выдать деньги по книжке» [3]. Другой выступающий заявил, что решение XX съезда о культе личности «не всеми было правильно воспринято, вражеские элементы этим воспользовались и стараются ввести в заблуждение советский народ...» [4].

11 января на закрытом партсобрании в Главкамчатрыбпроме говорилось: «Последнее время у нас наблюдаются случаи злобной дискредитации нашей советской действительности. У нас в аппарате не наблюдались и не наблюдаются случаи злобно настроенных элементов, но у нас есть еще беспечные люди, проявляется слабость... Надо повышать бдительность в стенах самого главка. В выступлениях наших товарищей критики очень мало, а если она и есть, то носит злобствующий характер» [5]. Один из ораторов заметил: «Вы обратили, видимо, внимание, что после XX съезда, и особенно после Письма ЦК КПСС о культе личности, больше появилось нездоровых разговоров, чем до этого...» [6].

В тот же день прошло собрание в тресте «Камчатморгидрострой», на котором будущий председатель облисполкома Н. А. Синетов дал свое толкование обсуждаемым вопросам: «Нездоровые настроения порождаются несвоевременным оформлением нарядов за выполненные работы, большие недовольства у рабочих имеются из-за отсутствия воды, в общежитии холодно...» [7].

15 января 1957 г. Б-в, состоящий на учете в парторганизации 1-го отделения милиции г. Петропавловска, заявил: «В нашем городе есть элементы с антисоветским настроением. Мы должны эти настроения и высказывания в корне пресекать» [8].

...Источниками расширения моего историко-политического кругозора, как и Н. Игошина с А. Филимоновым, были стенографические отчеты партийных

съездов и конференций 1917—1929 гг., справочная и иная литература периода НЭПа, передачи западных радиостанций, особенно «Свободы», вещавшей из Мюнхена. «Свободу» я слушал по ночам с наушниками, чтобы не беспокоить домашних, а наутро, в школе, делился свежей информацией с друзьями. Естественно, не высыпался. Однажды заснул прямо на уроке, и разбудил меня крик «химозы», супруги прокурора, которая впервые столкнулась с таким оскорбительным отношением к своему предмету (и — главное — к себе). Она имела громкий, хорошо поставленный голос и вела уроки, в общем-то, интересно.

Передачи радиостанции «Свобода» были посвящены сталинским концлагерям, голоду 1930-х гг., в том числе на Украине, правой, бухаринской, и левой, троцкистской, оппозициям в ВКП(б); как-то, по-моему, в 1961 г., я услышал голос еще живой тогда вдовы Л. Д. Троцкого.

Передачи делались эмигрантами, причем, на весьма неплохом профессиональном уровне (говорю, как проработавший на областном радио почти полтора десятка лет), и у молодого человека, прослушавшего хотя бы одну из них, могли появиться сомнения в правдивости официальной истории страны и правильности современного политического курса КПСС и советского государства. Нередко лагерная тема подавалась в форме литературно-музыкальных композиций, иногда — поэтических. Читалась по «Свободе» и проза не известных нам авторов из соотечественников. Порою то и то шло вперемешку. Помнится, после чтения главы из какой-то повести про лагеря, кажется, — как заключительный аккорд — на фоне музыки прозвучало:

*Об этом расскажет на свете
Гуляющий по миру северный ветер...*

Между прочим, любопытные жители Камчатки всюю «ловили» зарубежное радио, вещающее на русском языке, еще в середине 1950-х гг. Из постановления партсобраний на Озерновском рыбокомбинате: «Рабочие, коммунисты, имея собственные радиоприемники, слушают империалистическую пропаганду радиостанций “Голос Америки”, “Би-Би-Си”, “Свободная Европа” и под влиянием враждебной пропаганды неправильно оценивают обстановку и истолковывают ее» [9]. То же самое — в селениях Лазо и Щапино Мильковского района [10].

Простудировав книгу советского литературоведа и критика, члена КПСС с 1939 г. Л. Плоткина «Партия и литература» (Л., 1960), я взялся за поиски художественных произведений и статей в различных периодических изданиях, которые считались идейно порочными либо ошибочными. Естественно, книги такого рода были недоступны, зато кое-что, например роман «Не хлебом единым» Владимира Дудинцева или поэму Семена Кирсанова «Семь дней недели», можно было найти в журнале «Новый мир» за 1956 г. Позднее

мне удалось купить в «буках» сборник «Литературная Москва» № 2, выпущенный в том же «знаковом» году и ставший сразу же библиографической редкостью. В «Новом мире» и указанном сборнике я находил стихи и прозу с явным диссидентским духом (впрочем, слово «диссидент» из другого времени — 1970-х гг.). Яков Аким писал в стихотворении «Галич»:

*Там возвеличивались, меркли
Районной важности царьки,
Поспешно разбирались церкви
И долго строились ларьки...*

Так что книга Плоткина «Партия и литература» явилась для нас в 1960—1962 гг. своеобразным компасом в то время, когда мы только начинали критически осмысливать окружающую нас действительность и советское прошлое.

Позднее я приобрел еще одну книжечку А. Носова «В. И. Ленин о партийности литературы», изданную МГУ в 1960 г. И здесь, на 62-й странице, нашел партийную оценку романа В. Дудинцева: «Эта книга не проникнута заботой об устранении подмеченных писателем недостатков в нашей жизни. Автор умышленно сгущает краски. Он как бы злорадствует по поводу недостатков. Такой подход к изображению действительности есть не что иное, как стремление показать ее в извращенном виде».

Интересно, что бы сказали обо мне Плоткин с Носовым, если бы чудом просочилось на божий свет «Солнце изнутри»? (Будь я в 1956-м, подобно Дудинцеву, в зрелом возрасте и опубликуй свою повесть.) Нет, не проронили б печатно ни слова. Книга была бы тут же изъята отовсюду — будто ее не существовало вовсе. В XXI веке в России запрещают и изымают, насколько я знаю, редко; моя книга покамест доступна читателю. А вот столицей она замолчена, даже «литературными патриотами». Может, оттого, что они в последнее время испытывают ностальгию по советскому прошлому? Впрочем, «маленький человек» их особо не интересовал ни тогда, ни сейчас. Что ж, приходится довольствоваться интересом заграницы — того же Кембриджа (США) или Эдинбурга...

...Конечно, мы в начале 1960-х не могли не видеть, что «Не хлебом единым» далеко не шедевр, что «Семь дней недели» декларативны, что в том же «Галиче» насчет ларьков автор «загнул». Но ведь в первом и во втором случае поиски правды, а точнее справедливости, по сути, заканчиваются ничем — совсем, как в жизни. И насмешка, не более, всякие там передовицы в газетах.

*Мой друг уже читал с трудом
Сквозь суженные веки
Статью «Забота о простом
Советском человеке».*

А галичане, жители небольшого древнерусского города, были сродни нам своими глубокими раздумьями. Больше всего в «Литературной Москве» взволновал нас рассказ Александра Яшина «Рычаги». Так называет себя и своих товарищей, рядовых коммунистов, один из героев рассказа. Рычаги, за которые дергают директивные органы от райкома до ЦК.

Одной из самых нашумевших в середине 1950-х гг. в среде художественной интеллигенции была совместная статья двух авторов с безобидным (во всяком случае, не броским) заголовком «Об отставании драматургии и театра», напечатанная «в порядке обсуждения», как тогда с осторожностью называли полемику. В 1961 или 1962 г. я прочел ее и не понял, из-за чего так обругивает авторов партийная печать. Лет через пять снова освежил в памяти статейку и не сразу, но-таки уяснил, в чем дело.

«По-прежнему, — говорилось в статье, — время от времени те или иные руководители, основываясь на личных впечатлениях, накладывают “вето” на художественные произведения, пренебрегая общественным мнением, беспепелляционно объявляя свое мнение единственно правильным...» [11]. То есть, «загодя» перечеркивалось мнение Хрущева и других высокопоставленных оценщиков, еще не взявшихся после Сталина за литературу и искусство (статья-то 1956 года). А под конец авторы вообще замахнулись на та-акое! «Надо... отказаться от непосредственного “руководства” сверху и предоставить театральному искусству широкое *самоуправление* (курсив мой. — В. П.). Какой должна быть форма этого самоуправления — это следовало бы обсудить. По-видимому, наиболее целесообразно было бы изъять вопросы искусства из ведения Министерства культуры и создать Академию искусств или даже Академию литературы и искусств. Эта форма организации, как показал опыт Академии наук, разумно сочетает методы руководства и самоуправления» [12].

Нет, в статье вроде бы не отрицались государственное руководство и контроль над театральным искусством, однако утверждалось, что руководство и контроль могут осуществляться как «непосредственно государственными предприятиями и учреждениями», так и «через общественные организации» [13].

Но это сейчас политические партии относятся к разряду общественных организаций. А коммунистические партийные органы все семьдесят с лишним лет сами являлись высшей государственной властью. Более того, товарищ Сталин недаром дал своей организации следующее определение: «Компартия как своего рода орден меченосцев внутри государства Советского, направляющий органы последнего и одухотворяющий его деятельность» [14]. А что, собственно, представлял из себя «орден» в прошлые века? «Средневековая монашеская община католической церкви... под видом миссионерства служившая захватническим целям феодальных государей и папы. Ливонский

орден. Орден крестоносцев. Орден тамплиеров. Название некоторых тайных объединений, сообществ. Массонский орден» [15].

...Мы собирались у Александра Филимонова в деревянном доме № 86 по ул. Фрунзе. Обсуждали политические новости, прочитанное в книгах и журналах, спорили. «И критикуют, критикуют, критикуют все!» — подтвердила мать Александра на школьном родительском собрании, когда учитель истории С. спросил ее, откуда у нас столько отрицания. Сам он знал свой предмет поверхностно, и нам ничего не стоило при всем классе посадить его в лужу. Что мы и делали на потеху себе и другим. Обычно за это брался я. Но и Николай Игошин тоже. Его отец был не на шутку встревожен: его, опытного бойца идеологического фронта, сын ставит порою в тупик своим знанием «теневой истории» КПСС.

Сейчас, пожалуй, и не вспомнить в точности, чем именно ошеломлял родителя Коля. Возможно, этим: «Везде пишут о Разливе — там, скрываясь от “ищеек Временного правительства”, Ленин создал работу “Государство и революция”. Но ведь он жил в Разливе не один, а с Зиновьевым, они вместе создавали...» Возможно, вот этим: «Почему-то скрывают, что Крупская подерживала “новую оппозицию”».

Тогда же нас с Н. Игошиным впервые обвинили в антисоветских высказываниях. Это выражение прозвучало из уст историка на том же собрании родителей с участием администрации школы. Защитила нас завуч Софья Балиловна Нагаева, объяснив наш нигилизм юношеской болезнью «левизны» (почти по Ленину!), дескать, ребята переболеют... Но выводы сделали: поменяли классного руководителя. Вместо либеральной математички Веры Дмитриевны Бачище с широким культурным кругозором поставили историка — бывшего офицера, учившегося заочно в пединституте.

Однако «переболеть» нам не дали два обстоятельства. Программу десятого класса растянули на два года (времени заниматься «демагогией» было предостаточно), а тут еще несколько обелил нас состоявшийся 17—31 октября 1961 г. XXII съезд КПСС, где культ личности Сталина критиковался уже более основательно, чем на XX-м, а в ночь на 31-е число бальзамированное тело диктатора вытащили из мавзолея и закопали у Кремлевской стены. Но это вовсе не означало реабилитацию «антиленинских течений внутри КПСС», в частности Троцкого.

В 1974-м в Ленинграде я купил сборник материалов Всесоюзного совещания историков 1962 г., где на заседании секции истории КПСС академик П. Н. Поспелов, отвечая на записку из зала («Студенты спрашивают, были ли шпионами иностранных государств Бухарин и другие, и что Вы нам посоветуете прочесть»), заявил: «...достаточно внимательно изучить документы XXII съезда КПСС, чтобы сказать, что ни Бухарин, ни Рыков, конечно, шпионами и террористами не были» [17]. Тираж сборника не превышал

5 000 экземпляров — по тем временам мизерный, и на Камчатке, насколько мне известно, в продаже этой книги не было.

Мы вычитали в начале 1960-х такое высказывание Л. Д. Троцкого: было бы ребячеством думать, что сталинскую бюрократию можно снять с помощью советского или партийного съездов. Привожу цитату по памяти, потому не закавычиваю. Кажется, она давалась (с негативным, ясно, комментарием) в какой-то брошюре послесталинского времени со ссылкой на один из номеров «Бюллетеня оппозиции», который выпускался в изгнании главным врагом Сталина. Наш вывод: нечего надеяться на трансформацию современного политического режима в сторону демократии.

Сочинений Л. Д. Троцкого, изданных в СССР в 1920-е гг., никто из нас в глаза не видел. А вообще-то такая возможность у Николая Игошина могла возникнуть, если бы его мать привезла их с Командор. Она ездила туда как цензор с проверкой и обнаружила то ли в общественной, то ли в государственной кладовке или сарае целые залежи классиков ленинизма, но не полезных, а вредных, и среди них тома Троцкого. Их тут же сожгли, конечно. Но сам по себе случай уникальный, учитывая, что отец Коли Михаил Николаевич Игошин перед переходом в обком партии с 1941 по 1945 г. работал первым секретарем Алеутского райкома ВКП(б).

Впрочем, его биография не совсем типична для партработника. Родился в 1904 г. в Вятской губернии. Из крестьян-середняков. Окончил ветеринарный техникум и биофак Горьковского университета, после чего остался там в должности помощника директора по заочному обучению и по совместительству ассистента кафедры зоологии. В 1937-м, поступив в Арктический институт («Севморпуть»), направляется на Командорскую биостанцию зоологии, два года руководит бригадой по разведению морского бобра в неволе на острове Медном в качестве старшего научного сотрудника. Затем его, члена ВКП(б) с более чем десятилетним стажем, перебрасывают на партработу — сначала утверждают заведомо пропаганды и агитации Мильковского райкома. В 1948 г. М. Н. Игошин в той же должности, но уже в Камчатском обкоме, где в 1952-м становится третьим секретарем (по идеологии). И вдруг спустя два года переезжает в г. Салехард... директором зооветтехникума.

Что же случилось? Возможно, Коля что-то и говорил, а, скорее всего, нет, потому что я бы запомнил. Но если б произошло «что-то серьезное», тогда его отец навряд ли вернулся на Камчатку и стал первым директором заочного отделения Дальрыбвтуза. Хотя... кажется, когда я однажды упомянул фамилию Алексева с отрицательной окраской, мой школьный друг согласился со мной. А как раз в 1952 г. на Камчатке произошла очередная смена партийного руководства области, и именно В. И. Алексеев сел в кресло второго секретаря обкома. И они с Игошиным, видимо, не сработались. Ветеран обкома КПСС П. И. Давыдов в беседе со мной в конце 1990-х гг. заметил (явно

симпатизируя Михаилу Николаевичу), что это были противоположные люди и по характеру, и по интеллекту.

...В 1961 г. мы болезненно восприняли партийную критику произведений о наших сверстниках — повести Василия Аксенова «Звездный билет» и пьесы Виктора Розова «А, Б, В, Г, Д...», опубликованных в журнале «Юность». В следующем году этот самый популярный журнал в стране с тиражом до двух миллионов экземпляров буквально заполнили «звездные мальчики», как их тогда именовала коммунистическая литературная критика, обвиняя в скептицизме, инфантильности и нигилизме. Старшее поколение заговорило о конфликте отцов и детей. И он отнюдь не был «надуман некоторыми писателями». Мы все чаще задавали себе и другим вопросы: «Кто виноват в преступлениях сталинского периода?» и «Где гарантия, что это не повторится?» Нас не устраивали ответы: «Культ личности», «XX и XXII съезды». Нам не нравились бесконечные перестройки и реорганизации в сельском хозяйстве, существование привилегированной касты (партноменклатуры), так называемой общественности, которая всегда поет с голоса КПСС и правительства, отсутствие бескомпромиссной критики, не взирая ни лица, в печати, надоедливая трескотня об успехах и замалчивание пороков социалистической системы.

Особенно раздражало то, что все, провозглашаемое коммунистической верхушкой, объявлялось истиной в последней инстанции. Александр Филимонов демонстративно закончил свое сочинение на выпускных экзаменах фразой: «Но истина мне — не сестра!» Филимоновская философическая фраза приобрела в стенах школы статус афоризма и живет, как ни странно, до сих пор, хотя школы № 2 им. Л. Н. Толстого давно нет. В 2007 г. ко мне подошел молодой человек и дословно привел ее, думая, что она принадлежит мне. Оказывается, кто-то из родственников этого молодого человека в 1960-е гг. учился в нашей школе. Я назвал фамилию друга.

А весной 1962-го переполох среди педагогов был, помнится, страшный. Мало того, что Александр так неординарно завершил сочинение, он вдобавок обильно сдобрил его первомайскими Призывами ЦК КПСС: «Все во имя человека, для блага человека!», «Всемерно развивайте общественное животноводство, повышайте продуктивность скота!», «Да здравствует наше родное Советское правительство!», «Братский привет трудящимся Федеративной Народной Республики Югославии!» [17].

Мы, кстати, все трое сошлись на том, что Югославия — и есть самое подходящее для нас, по-настоящему свободное государство, представляющее собой удачный симбиоз социализма и капитализма. И с него надо брать пример нашей стране. «Давайте улетим туда на воздушном шаре!» — как-то пошутил Александр Филимонов.

Иногда нас одолевали более близкие по территориальности мечты. Хорошо бы тут, на Камчатке, зажить как в Югославии. Взять власть, отделиться...

«Ты, Валентиша, — хлопал меня по плечу Николай Игошин, — возглавишь правительство, Фэ (прозвище Александра. — *В. П.*) будет командовать армией и флотом, ну а мне... мне дайте КГБ». «Нет, — смеялся я, — больше, чем на министра культуры, не потяну». Фэ в углу молча улыбался, вытянув на полу ноги в валенках и кутаясь в свою черную шубу. Он чаще философствовал, нежели предлагал нечто конкретное, но если предлагал, то мы с Колей всегда удивлялись смелости и оригинальности его мысли.

Добродушный с друзьями, Александр одним лишь грозным взглядом своих голубых глубоко поставленных глаз отпугивал тех, кто недолюбливал нашу троицу. Неприятели предпочитали с нами не связываться, чувствуя в Филимонове силу и неустранимость. Николай, увлекавшийся туризмом и поднимавший каждый день двухпудовые гири, бывало, померявшись в очередной раз с Филимоновым на руках и потирая их, восхищенно хмыкал: «Ну и силен, черт!» Александр никаким спортом не занимался и вообще не имел тяги к физическим упражнениям. Когда мы купались на «Запяхтой» — любимом с детства загородном месте летнего отдыха, и я, не умея плавать, попал на середине реки в яму, Фэ, не раздумывая, сиганул с берега в воду и моментом выдернул меня на мелководье. Я как сейчас вижу Александра в воздухе, в этом яростном прыжке, со сложенными лодочкой руками... Его никогда не покидало присутствие духа.

Но порой он рисковал попусту. Чтобы проверить себя на смелость, мы несколько раз забирались на крышу моего дома № 72 по ул. Ленинградской. И до того освоились, что летом 1962 г. у меня там была лежанка, где я между трубами готовился к поступлению в вуз, заодно загорая. Однажды, еще в школе, мы ходили по крыше, и А. Филимонов вдруг, приблизившись к ее краю (ну, наверное, сантиметрах в пятнадцати), присел на корточки. И стал смотреть вниз. У меня внутри все похолодело. Николай побледнел. Мы застыли на месте. Потом Коля тихо-тихо сказал: «Филия, иди к нам...» Александр распрямылся, отшагнул назад и, обернувшись к нам, улыбнулся своей обычной добродушной улыбкой. После, на земле, и потом не раз мы нещадно ругали друга, а он молчал. О чем он думал, мы не знали. У меня и сегодня при воспоминании о том случае — мурашки по телу. Одно неосторожное движение и... Дом был четырехэтажный, а крыша — покатая.

...В школьные годы Ленина мы не трогали. Он — единственный из вождей (не считая лидеров оппозиции), кто внушал нам доверие. Но вскоре оно сильно поколебалось. Брат Александра Вадим Филимонов, как-то встретив меня на КП, прямо на улице, едва разговор зашел об Ильиче, выдал самую невероятную информацию, какую я когда-либо слышал: и про любовниц его Александру Коллонтай с Инессой Арманд, и про сифилис, якобы подхваченный им в эмиграции, то ли в Лондоне, то ли в Швейцарии. Я долго переваривал услышанное, взвешивая «может быть — не может», и, в конце концов,

решил: а почему бы и нет? Все-таки незаурядная личность, где уж ему успокоиться на некрасивой и серенькой супруге. Трудно сказать, откуда у Вадима были такие сногшибательные сведения, но пахли они определенно заграницей. Хотя по «голосам» я ничего подобного не слышал.

Спустя десять с лишним лет мне то же самое (только без сифилиса) сообщил большой книгочей с улицы Курильской Юрий Алексеевич Щепоткин. Правда, он изъяснялся на сей счет несколько витиевато, неизменно повторяя: как это Крупская терпела их, особенно Коллонтай, которая была куда лучше своей соперницы Инессы Арманд. Проницательность домоседа и ужасного любителя чтения (он всегда говорил «прошел» вместо прочел) из народа ошеломила меня. Я ведь до Вадима Филимонова, сколько ни читал всяких книг о революционерах, в том числе брошюру П. Подляцука «Товарищ Инесса», и, конечно же, воспоминания Надежды Константиновны — да еще полузапрещенного при Сталине издания 1934 г. — сколько ни читал, а ничего такого не заподозрил. А интеллигенты считают простого (малообразованного) русского человека темным и не способным шевелить мозгами!

Мы с Н. Игошиным поступили в Камчатский государственный педагогический институт, он на физико-математический, я на историко-филологический факультет. Фэ провалился в ДВГУ и загремел на три года в армию. Несмотря на колоссальную нагрузку по всем предметам, Николай и я продолжали пополнять свои знания по части истории и политики. Я всерьез занялся поэзией.

*А что требует масса,
Если брать ее в целом?
Мясо, масло
По сниженным ценам.*

Названные продукты питания с июня 62-го сильно подорожали (приведенные выше строки родились двумя годами позже), но смысл этой строфы в другом, — мол, толпа, в основном, тревоугодница.

Некоторые стихи были адресованы поколению отцов. В конце 62-го я выдал:

*Вы из слов высоких,
революционных прежде,
выжали все соки,
отдали невежде.
Чувства, совесть, разум,
что когда-то мучило,
продали за фразы,
взяв благополучие.
Зябло поколение,
а с трибун орали,
что живем мы в рае.*

*Горче нет печали:
вы дрожали слишком.
«Честные» молчали —
как-никак парткнижка.
Делали б все то же.
Нас за этот спор,
если б Сталин ожил,
вымели, как сор.
Если есть хорошее,
это нет, не прошлое,
и не настоящее,
чересчур кричащее.
Мы его руками
сделаем, как камень.
И начисто смоем
все тридцать седьмое.*

То же самое, по сути, утверждалось и в стихотворении, написанном в марте следующего года:

*Мы не корим вас упреком,
Что вы не свергли диктат.
В будущем недалеко
Пророчим ему закат...*

Одиннадцатая (ноябрьская, а 7-го исполнялось сорок пять лет Великому Октябрю) книжка «Нового мира» за 1962 г. пришла с «Одним днем Ивана Денисовича» Александра Солженицына и была буквально нарасхват, ее зачитывали до дыр: впервые в художественной форме рассказывалось о сталинском концлагере для политзаключенных. Журнал где-то достал и принес на пару суток Николай Игошин. Его отцу повесть (нынче ее обозначают рассказом) не понравилась. Ему самому, кстати, тоже. А мне стиль и лексика показались оригинальными. Не понял только, что это главный герой — крестьянский сын, человек неплохой, холуйничает перед *придурком* из интеллигентов, сумевшим и тут пристроиться груши околачивать. Тем более, что лопочет с себе подобными — «редко русские слова попадают, слушать их — все равно как латышей или румын» [18]. Блатные порой понятнее изъясняются.

Молодые начала 1960-х гг. в литературе (в тех же «Звездном билете» и «А, Б, В, Г, Д...») и в жизни щеголяли «своим» жаргоном. Наша троица не отставала от моды. И было лестно, что нас перед «предками» взял под защиту сам Чуковский — пушай, дескать... Перебесятся. Корней Иванович то ли не знал, то ли знал, но куражился... Эти наши словечки-то все, оказываются, из бандитского лексикона. *Чувак* — фраер, *чувиха* — женщина легкого

поведения. *Хилать* (идти) — оттуда же. *Клеить* (знакомиться) — там же [19]. Даже *пацан*, попавший в словарь Ожегова, числится по воровской части: вор-подросток; детдомовец; несовершеннолетний, вращающийся в воровской среде [20].

У нас в Камчатском пединституте был преподаватель, работавший некогда во Львове, где его и взяли: отсидел пять лет, в том числе сколько-то в тюрьме в одиночной камере. Ему как-то так сковывали руки, что аж срослись некоторые пальцы. А все, по его словам, из-за того, что он издевался над своими мучителями, добивавшимися, на какую еще из иностранных разведок он работает. «Говорю им на лихтенштейнскую. Такой страны не слыхали. Разворачивают карту — ищут. Находят. Матерятся. Опять бьют. Молодой был: шутил...» Да и взяли его за то же самое. Звонок на перерыв. Продолжает читать лекцию. Студенты беспокоятся: когда отпустите? «А когда он скажет», — показывает на портрет Сталина. И что же? Не успел кончиться перерыв, за ним уже приехали. Повезли домой делать обыск. Супруга: давно пора, мол, — антисоветский элемент. Я этот случай в 1992 г. ввел в рассказ «Дама червей», включенный потом в книгу «Солнце изнутри» [21].

Жил он в студенческом общежитии на втором этаже, где обитали многие преподаватели. Косясь на сожительницу за шитьем, он наставлял студентов: с женщиной, особенно близкой вам, никогда не ведите политических разговоров, говорите на их любимые темы, о любви там, о танцах, об одежде. Женщине нельзя доверять. Она все равно сломается, как бы ни любила вас... О солженицынской повести высказался так: «Это у него — как сейчас в лагере. Как тогда было, еще не написано». Послушав меня, задал только один вопрос: «Как вы думаете, почему в Латинской Америке так часты военные перевороты?» Я затруднился с ответом. «Мой вам совет — бросайте политику». Не послушался его, не бросил.

1 апреля 1963 г. на нашем курсе было организовано обсуждение речи Н. С. Хрущева на мартовской встрече с деятелями литературы и искусства. Сначала все шло как по маслу. Пара активистов из студентов целиком и полностью одобрила все, что наговорил он там, отчитывая «заблудших овец». Кто-то выкрикнул: «А Пустовит не во всем согласен с Хрущевым!»

Я вообще-то выступать не собирался. Но вышел, сказал, что в речи приведены два примера, посвященных модернистам. Евтушенко: приверженцы разных методов в искусстве погибли за кубинскую революцию. Хрущев: художник-кубист вел себя недостойным образом на Украине при немцах. Почему я должен непременно брать сторону Хрущева? Потому что он — руководитель партии и правительства? Да и мемуары Ильи Эренбурга «Люди, годы, жизнь», которые он так резко критикует, довольно интересная, познавательная вещь. И потом, Хрущев навязывает всем нам стихи Николая

Грибачева, полемизирующие с Евтушенко, но, видимо, он слабо разбирается в литературе и просто давит своим высоким положением.

По нынешним временам ничего особенного я не сказал. Да сейчас кремлевцы и не собирают писателей, чтобы поучать их. Но тогда все было по-другому. На курсовом собрании присутствовали трое преподавателей литературы. Их реакция на мое выступление: у П. Н. Богоявленского вырвался возглас удивления; А. Б. Живоглядов предостерег: «Смотри, парень, как бы это не кончилось плохо для тебя!»; Н. А. Бондарева назвала меня антипартийцем.

26 июля 1963 г. я внезапно, будто кто-то толкнул меня, пробудился посреди ночи. В глазах — как сверкнула молния. Инстинктивно обнял свою подругу, которая, проснувшись, с недоумением допытывалась, что мне приснилось. К вечеру я поднялся к Филимоновым на Фрунзе и спросил: «А где Владик?» Мы с ним уговорились встретиться здесь перед моим отъездом во Владивосток. «В покойничкой...» — ответила за мать заплаканная женщина, ее приятельница. Мать братьев Филимоновых безмолвно лежала в другой комнате и не могла встать. Оттуда, держась за кухонный стол, показался отец с неподвижным лицом — как изваяние. Он тоже молчал...

Бог дважды уберег меня от страшного обряда похорон близких людей: Вадима Филимонова и Володи Науменкова. Оба раза меня не было в Петропавловске. В 1963-м на другой день после гибели В. Филимонова я уезжал морем во Владивосток, чтобы перевестись в ДВГУ (Игошин уже перевелся туда на историко-юридический факультет), но ничего из этого не вышло. Зато в столице Приморья повидался с наставником Николая Игошина анархистом Лукой Игнатьевичем Бубенцовым — очень интересным, начитанным человеком, показавшимся мне несколько радикальным: слишком уж ругал «коммунистов-грабителей народа».

В Петропавловск я вернулся к середине августа. Встречали меня Николай с Александром Филимоновым, отпущенным со службы на похороны брата. Потом мы все втроем пошли выяснять, что же случилось в ту роковую ночь 26 июля. Напарница убийцы не стала разговаривать на улице с нами всеми — пригласила нашего друга в барак, где обитала. Вышел оттуда Александр мрачнее прежнего, нам так ничего и не рассказал. И вообще речи об этом никогда потом не заводил. Отец братьев Филимоновых Дмитрий Павлович ходил в прокуратуру, чтобы возбудили уголовное дело против убийцы. Ему там что-то сказали, и он тоже не вспоминал больше ту особь женского пола, что убила сына.

Сколько лет прошло, уже нет в живых родителей Вадима, а многое по-прежнему неясно. Официальную версию огласил 19 октября 1963 г. на XX Петропавловской конференции ВЛКСМ начальник горотдела милиции т. Горелик: «Не так давно Филимонов Вадим Дмитриевич, инженер-механик ЖБФ, пьяный ввалился в квартиру... воспитательницы детского сада, которая,

проснувшись и увидев незнакомого мужчину, схватила со стенки охотничье ружье и прямым попаданием в сердце убила Филимонова наповал» [22].

По рассказам других лиц, в коммунальной квартире на нижнем этаже дома то ли № 19, то ли № 21 по ул. Ключевской находилось двое: та двадцатилетняя, что стреляла, и ее подруга постарше. Проник будто бы в квартиру В. Филимонов через окно, разбив окно (рамы двойные!). Значит, ждали, пока залезет, чтобы застреленный упал именно в жилище — самооборона, притом как бы от бандита. Не стала поднимать шума, звать на помощь, не выскочила на лестницу, а взяла оружие убийства и ждала... Потом прицелилась, он заслонил сердце рукой, пуля (или пули — у убийцы двустволка) пробила руку. Некоторые говорили, что, когда Вадим упал, стрелявшая закричала: «Я убила Р-ва!»

Это был один из двоих школьных товарищей, с кем проводил вечер убитый. Возможно, они специально подпоили его, и Р-в, по слухам, даже подсадил Вадима в окно. Р-в же утверждал, что никого он никуда не подсаживал и вообще на улицу не выходил, немного посидели, отметили его «дембель», Я-о (второй школьный товарищ) ушел домой, Филимонов — тоже, а он, хозяин, лег спать. Были разговоры, что этот Р-в не только знал убийцу, но и чуть ли не совершил над нею насилие накануне происшедшего. Но факт остается фактом: дело прекратили, не доведя до суда. (Ветеран рыбной промышленности Т. М. Кривоногов, живший в 1960-е гг. рядом, в однотипной двухэтажке на Ключевской, считает: убийство произошло, видимо, в доме № 17а.)

Остается добавить, что Вадим Филимонов не был любителем выпить. В 1962 г. закончил Дальрыбвтуз с красным дипломом, его уговаривали остаться преподавать, одновременно готовясь в аспирантуру. Отказался. Уехал с молодой женой на Камчатку. Вскоре родилась дочь. Работал некоторое время на рыбокомбинате им. С. М. Кирова, переехал в Петропавловск, устроился на жестянобаночную фабрику, где ему быстро дали, хоть плохонькую (в бараке), но-таки комнату. На производстве пользовался уважением. Умел ладить с людьми. Но о рабочих говорил: «И все же тупые они...»

Перед его гибелью мы несколько раз сталкивались в городе, и он повторял, выслушав очередную порцию добытых мною исторических сведений: «Бросишь — прокляну!» И посмеивался. Не понять было: шутит или всерьез. Коммунистов не любил и не скрывал этого. Наверняка вел «антисоветские разговоры» не только со мной.

Однако разговоры разговорам рознь. Не представляю, как бы его притянули за «клевету на самого человеческого... на гениального из гениальных — основателя КПСС и советского государства Владимира Ильича Ленина». Как вообще задавать вопросы и выслушивать ответы о наложниках горячо любимого вождя, приобретенном им за границей сифилисе, который, по мнению медицинских светил, сначала бесподобно стимулирует мыслительную

деятельность и провоцирует колоссальный выброс интеллектуальной энергии, а затем начинается необратимый деградиционный процесс. Если, конечно, не лечить больного кардинально, по-настоящему. А в 1920-е гг. так лечить еще не умели. Впрочем, до сих пор точно неизвестно, болел ли В. И. Ленин тем, что ему приписывают.

В одном из архивных документов, рассекреченных уже в XXI веке, а именно — докладной записке об итогах оперативно-следственной работы по линии секретно-политического отдела управления госбезопасности НКВД на Камчатке за период с 1 ноября 1935 по 1 мая 1936 г. — дается краткий обзор следственных дел. Под номером 47 читаем: «Павлуцкий Иван, рождения 1907, житель с. Хайрюзово Тигильского района, беспартийный, в начале января месяца 1936 г. своей собаке присвоил имя ЛЕНИНА. Дело на Павлуцкого следствием заканчивается, по окончании которого дело будет передано на рассмотрение Спецколлегии Камчатского облсуда, о нем вышлем подробную спецсводку...» [23]. Но ни обещанной спецсводки, ни самого дела в архиве нет. Судьба тигильчанина, «надругавшегося» над вождем таким вот необычным способом, неизвестна. Скорее всего, чекисты просто-напросто убрали (уж у них-то методика отработана) без шума и человека, и его четвероногого друга, дабы ничего не напоминало о столь вопиющем факте.

... Спозаранку 20 сентября 1963 г. в нашей квартире по ул. Ленинградской № 72 зазвонил телефон. Звонивший представился сотрудником комитета госбезопасности капитаном Кожедеем и предложил мне явиться к ним в девять утра в «дом на Набережной». Капитан спустился к дежурному, едва тот сообщил о моем приходе, энергично поздоровался за руку. Мы поднялись к нему в кабинет. Минут через десять он назвал меня почему-то «стреляным воробьем». Говорил вполне служебным тоном, однако сквозь него пробивалась некоторая снисходительность. Я узнал, что спорить со мной здесь никто не собирается, услышал совет держать язык за зубами. «У нас за взгляды не судят, а вот за распространение...»

Вскоре в кабинет зашел непосредственный начальник капитана подполковник Яковлев, тоже в штатском... Круг обсуждаемых вопросов был небольшим. Помимо партийности литературы и искусства и культа личности Сталина, речь шла о моих исторических «трактатах», фотокарточках деятелей оппозиции. Я отпирался, говоря, что написал всего лишь одну работу «Ленинградское дело». Фотографий было штук десять-пятнадцать. Какие именно? Троцкого, Зиновьева, Каменева, Бухарина. «А Смилга был?» — спросил Кожедей. Я посмотрел на него, кажется, усмехнулся: «Был...» «Кто снимал?» «Сам с Большой Советской Энциклопедии 1920-х гг. в читальном зале фотоаппаратом “Зенит-С”». (Не стану же я им называть Толло Кривоносова — самого длинного парня в классе и самого лучшего нашего фотографа. Я сам бы ни за что так четко не переснял; но книги с изображением поименованных деятелей

я носил к нему домой. . .) На обратной стороне каждой карточки содержались краткие биографические сведения. Капитан спросил, показывал ли я эти снимки в своей группе на факультете и кому именно. Я сознался: да, показывал, но кому не помню. «Когда вы их сделали?» — уточнил капитан. «В 1962 году, в октябре». «Да?» — не поверил Кожедей.

— А мы имеем сведения, что они имелись у вас еще в школе, — прищурился он.

— Нет, — соврал я, — кто-то неправильно вас информировал.

— А у вас дома нет Большой Советской Энциклопедии?

— Нет.

— У нас есть сведения, что они хранятся у вас дома.

Капитан раскрыл Уголовный Кодекс РСФСР.

— Не читали о хранении антисоветской литературы статью 70-ю?

— Нет!

— Посмотри. Пригодится в будущем.

«Антисоветская агитация и пропаганда», — прочел я название рекомендованной статьи. «Агитация или пропаганда, проводимая в целях подрыва или ослабления Советской власти либо совершения отдельных особо опасных государственных преступлений, распространение в тех же целях клеветнических измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй, а равно распространение либо изготовление или хранение в тех же целях литературы такого содержания — наказывается лишением свободы на срок от шести месяцев до семи лет и со ссылкой на срок от двух до пяти лет или без ссылки или ссылкой на срок от двух до пяти лет» [24].

Затем капитан принялся выспрашивать о людях, которые могли повлиять на формирование моих неправильных убеждений. Я сказал, что не испытывал никакого влияния со стороны.

— А в туристическом лагере в Паратунке что был за старик? — последовало напоминание. Такого вопроса я не ожидал. «Как звать того старика, я сейчас не помню. Он сидел при Сталине пять лет и очень резко отзывался о Сталине. Другого ничего он не говорил», — отвечал я, умолчав, естественно, о его критике советской системы. Под конец капитан поинтересовался, какие взгляды у моих друзей Игошина и Филимонова. «Не знаю. А впрочем, это ваша работа, за это вам платят. Узнавайте». Капитан с подполковником переглянулись. «Э, да они порядком насобирали “материала” про нас. . .» — промелькнуло у меня.

— Десять лет назад мы бы с тобой и не разговаривали! — повысил голос подполковник Яковлев и дал ясно понять, что, если я буду еще высказываться, то это плохо кончится не только для меня, но и для моего отца.

Справедливости ради следует отметить: никаким антисоветчиком я в тот момент не был. Удивляло, неужели мы, восемнадцатилетние парни, пред-

ставляем какую-то опасность для государства, успешно строящего коммунизм? Да, что-то критикуем, с чем-то не согласны, но ведь в главном сомнений мало. Действительно, разве, в противном случае, родились бы, к примеру, такие строки?

*Революция в России,
Словно тысяч вулканов взрыв!
Мир отживший, как мерин сивый,
Скалит зубы, почуяв обрыв.
Обожженная красным пламенем,
как бушлаты жестка и груба,
революция в горе не плакала —
не такая ее судьба.
Революция — это не блюдо,
что расколется в один мах.
Продолжается революция,
революция в наших сердцах!
И ее раскаленной лавой
одряхлевший мир будет смыт.
Революции слава!
Революция — это мы!*

Долгое время я обижался на отца за то, что ни словом не обмолвился о своем вызове в КГБ — мог бы уж сказать сыну, чего они там от него хотели... Позднее понял: вряд ли б это что-либо изменило, даже могло навредить ему. Ведь его служебное положение было тогда очень и очень шатким. Только что второй секретарь обкома В. И. Алексеев (кличка среди товарищей по партии «Бульдог»), опытный интриган и карьерист, «съел», предварительно опорочив, председателя облисполкома К. Е. Есауленко — яркую, независимую личность, который пытался, насколько это было возможно, освободиться от обкомовской опеки.

Со смещением Константина Евгеньевича Есауленко (1910—1987) начали избавляться от его сторонников. Мой отец принадлежал к ним. К тому же, являлся личным врагом Алексеева, который еще в 1954 г. добивался его исключения из КПСС, а через семь лет настоял на снятии с должности начальника областного управления местной промышленности.

Через две недели после этого на 13-й областной партийной конференции, проходившей в конце сентября 1961 г., делегат от Елизовской районной парторганизации, заместитель управляющего трестом «Камчатскстрой», депутат облсовета Петр Артемович Пустовит подверг руководство обкома, и особенно Алексеева, за «безудержное администрирование» и «избиение кадров». Мой отец, в частности, сказал: «Но сам он остается вне ответственности. Когда же он будет отвечать за провалы? ... Правильно у нас т. Алексеева среди

актива называют “гробокопателем”. Может быть, это и грубо, но правильно. Он умудряется быть под дождем и оставаться сухим.

... У нас в обкоме КПСС существует самолюбование, закон — это я, а вы все остальные — ерунда. ... Лично т. Алексеев преследует меня восемь лет, постоянно берет под сомнение мои ошибки, представляет меня каким-то сомнительным человеком, а ведь он ни разу не поговорил со мной и не знает, кто я как человек. Я из рабочих, комсомол и партия меня воспитали, я уже в партии двадцать пять лет, больше, чем т. Алексеев. Был на фронте, вместе с бойцами военно-морского флота защищал Севастополь, я три раза был ранен, причем последний раз у меня была прострелена грудь вместе с партийным билетом, о чем знает т. Иванов Л. Т. (в 1954 г. первый секретарь Петропавловского горкома КПСС. — *В. П.*), который производил обмен партийных документов. Спрашивается, как может т. Алексеев брать меня под сомнение? Разве можно делить коммунистов на два сорта?» [25].

Выступление отца произвело большое впечатление на делегатов конференции. (Самые молодые из них через тридцать лет, когда я стал директором архива, подходили — спрашивали, не сын ли я того Пустовита, который...)

В. И. Алексеев, делавший доклад о проекте Программы КПСС, мог вполне провалиться на выборах и членов обкома, и представителей камчатской коммунистической организации на XXII съезд партии. Но, как мне рассказывали бывшие работники обкома, этого не допустил первый секретарь областного комитета КПСС М. А. Орлов. Он побеседовал с коммунистами «по делегациям» (ну, совсем, как когда на XIII съезде партии обсуждали ленинское «завещание», то бишь «Письмо к съезду»!), убеждая их, что Алексеев извлекает уроки из критики, прозвучавшей в его адрес.

Счетную комиссию возглавлял председатель Усть-Камчатского райисполкома А. М. Гронский. Результаты голосования по выборам членов обкома были следующими: против Алексеева 54, за 347; Орлов: -8, +393; Есауленко: -7, +394. При выборах делегатов XXII съезда против перечисленных лиц было подано, соответственно, 51, 4 и 5 голосов [26].

А перед самыми выборами на съезд, когда председательствующий первый секретарь Петропавловского горкома КПСС А. И. Панов предложил «подвести черту, проголосовать чтобы» за утверждение списка, и черту подвели, раздался «голос из зала»: «Вношу предложение: вывести т. Алексеева из списка, а ввести т. Одинцова, так как войсковая часть у нас большая, членов КПСС много, и они просили, чтобы мы послали т. Одинцова на съезд». Далее, согласно стенограмме, возник еще один «голос из зала»: «Вношу предложение вывести т. Алексеева из списка, а ввести т. Бабенкова — секретаря Елизовского райкома КПСС». «Тов. Панов: “Кто за то, чтобы оставить т. Алексеева в списках для тайного голосования? Принимается единогласно. Так как отводов

по кандидатурам не было, и мы уже проголосовали, то изменений в список вносить не будем» [27].

Показательно, что на заседании бюро Камчатского обкома все же рассмотрели вопрос «О недостатках стиля работы бюро обкома КПСС и заявлениях, поступивших в ЦК КПСС», но сделали это спустя три недели после конференции — 18 ноября 1961 г. Во втором и третьем пунктах принятого постановления говорилось: «Бюро обкома КПСС особо отмечает неправильные методы работы и поведение секретаря обкома партии т. Алексеева, выразившееся в том, что он допустил серьезные недостатки в руководстве сельским хозяйством и торговлей, неправильно строил свои взаимоотношения с кадрами, допуская грубость, бестактность и администрирование. Несмотря на всю серьезность этих ошибок первый секретарь обкома КПСС т. Орлов своевременно не поправил т. Алексеева и не проявил инициативы в постановке этого вопроса перед бюро обкома КПСС. Указать т. Алексееву В. И. на допущенные ошибки и предупредить его, что, если он не сделает необходимых выводов из критики, то будет поставлен вопрос о дальнейшей его работе в качестве второго секретаря обкома КПСС» [28].

От отца я слышал: бюро вынуждено приняло такое самокритичное постановление, так как присутствовавшая на облпартконференции инструктор ЦК КПСС Г. А. Ильина доложила «наверх» о стиле и методах камчатских обкомовцев, изучив существо дела и побеседовав с некоторыми жалобщиками, в том числе с Петром Артемовичем Пустовитом, отправившим в Москву заявление на имя Н. С. Хрущева. Алексеев на время притаился, а в 1963 г. взял реванш.

9 декабря 1963 г. во второй половине дня, ближе к вечеру, в нашу квартиру пожаловали незваные гости. Когда я открыл двери, вошли трое, а за ними отец — на нем лица не было. Старший группы помощник прокурора области младший советник юстиции Ларионов предъявил ордер на обыск и предложил указать местонахождение и добровольно выдать обыскиваемое. Сделать это я, понятно, отказался. И они приступили к работе. Формально искали библиотечные книги, чем занялся подручный Ларионова, фактически — «антисоветскую литературу», к чему сразу же приступил невысокий худой невзрачного вида человек с маленькими рысьими глазами. Я бы не определил, сколько ему лет, если б не синеющая на запястье наколка «1923».

Он не представился, а жаль: и без документа я бы запомнил его фамилию на всю жизнь. Едва чекист начал заниматься своим делом, я, будучи на взводе, вспылил: мол, не позволю копаться в моей душе грязными руками. Он, выпучив глаза, стал доказывать, что руки мыл. Несмотря на драматизм ситуации, меня это чуть не рассмешило. Самое свежее стихотворение на одном листе я выхватил у него и тут же порвал. Он еще больше вытаращил свои глаза и потребовал отдать порванное, иначе придется вызвать наряд милиции,

и меня «уберут». Я не мог допустить, чтобы обыск производился в моем отсутствии, и бросил клочки бумаги на пол. Он принялся собирать. Из того стихотворения помню лишь две строчки:

*Очередь за хлебом
ползет, как муравей.*

Имелись в виду осенние перебои с хлебом по всей стране (исключая, конечно же, Москву).

Не дай Бог кому оказаться в моем положении. Я смотрел на все это, нервничал, иногда отпускал язвительные реплики. Но ничем не мог помешать. В протоколе, копию которого оставили мне незваные гости, значится: «При обыске Пустовит Валентин высказал жалобы на необоснованность изъятия личной переписки, записей литературно-исторических, которые не указаны в постановлении об обыске, также личных записных книжек, фотопленок, фотографии Томского. Особенно протестую против изъятия стихов и записей, касающихся личной жизни». Никакой антисоветской литературы, естественно, у меня обнаружено не было. Даже «Теория грабежа» Танеева, присланная Николаем Игошиным из Владивостока, относилась к дореволюционному времени. Зато среди изъятого находилась уникальная книга 1930-х гг. «Л. Берия. К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье», подаренная мне знакомым. Ее я больше не видел. А вот другую, из той же эпохи, повертели-повертели и оставили. Называется она «Судебный отчет по делу антисоветского “право-троцкистского блока”». Наверное, чтобы я продолжил ее изучение, пока они будут решать, как поступить со мной.

За неделю до Нового года меня стали таскать на допросы, снимая с лекций в институте. Допрашивал «старый знакомый» капитан Ким Петрович Кожедей.

«Вопрос: Как вы расцениваете заявление Игошина в письме о том, что наше радио “врет больше, чем «Голос Америки»»? Ответ: Это, безусловно, ошибочная мысль. Вероятно, на основе отдельных фактов сделал такой необъективный вывод. Вопрос: В одном из писем Игошин предлагает вам написать биографии Зиновьева, Каменева, озаглавив их “Жизнь замечательных людей”. Как вы реагировали на это? Ответ: Этот совет я не выполнил, так как не имел материала, подтверждающего, что вышеназванные люди являются замечательными. У меня, правда, имелась работа о Зиновьеве “Председатель Коминтерна”. Я начинал писать о Томском, но не кончил.

Вопрос: Поддерживали ли вы взгляды Игошина? Ответ: Да, по отдельным вопросам поддерживал. Я соглашался с ним, что роль местных советов у нас занижена, так же, как и роль профсоюзов. Я считал, что необходимо принять в сельском хозяйстве “программу Тито”, которая предусматривала наряду с кооперативным и частное хозяйство.

Вопрос: Как вы расценивали работу (конспект) Танеева? Ответ: Я похвалил некоторые главы работы этого анархиста, сказав, что в целом Танеев производит хорошее впечатление, но выразил сомнение в том, что его программа в сельском хозяйстве применима сейчас. Вопрос: В одном из писем Игошин пишет, что он вместе с Бубенцовым пришел к выводу о ненужности истории КПСС вообще, “ведь дворяне не имели своей истории”. Что вы думаете по этому поводу? Ответ: История всякая нужна, и особенно история КПСС, и изучать ее надо. Вопрос: Игошин пишет: “Сейчас высказываться велух не надо. Л. И. говорит, что надо подковаться, а потом уже, после окончания института, выступать открыто”. Он пишет: “У нас по истории КПСС неумная чувиха. Я задал несколько каверзных вопросов, но спорить не стал”. Игошин в письме к вам пишет, что усиленно конспектирует своих наставников Бакунина, Кропоткина, Танеева “и это лучше, чем Маркса и Энгельса”. Откуда, по вашему мнению, у Игошина такое увлечение трудами анархистов? Ответ: По-моему, Игошина заинтересовали труды Бакунина и других, которые имелись у Бубенцова. Изучать анархистов можно, но Игошин сделал ошибку, применяя их высказывания к нашей действительности.

Вопрос: В одном из писем к вам Игошин пишет: “Я стал видеть много отрицательного, чего раньше не замечал. Буду изучать анархистов...” Вы отвечаете ему: “Коля, ты на правильном пути. Я верю, что мы будем вместе бороться”. О какой борьбе здесь шла речь? Ответ: Тут шла речь о борьбе с догматиками. Вопрос: Игошин пишет, что не верит в коммунизм через двадцать лет. Что вы скажете по этому поводу? Ответ: Я считаю, что тут он имеет в виду уровень сознания. Конечно, через двадцать лет сознание еще не будет коммунистическим. Вопрос: Игошин пишет, что коммунисты делают карьеру с помощью подлости. Также он пишет: “Поздравляю с днем конституции. Будем надеяться, что в новой конституции будут урезаны права коммунистов на грабёж”. А вот такое место: “...разве об этом мы мечтали в школе? Мы мечтали о своем государстве, где премьер — ты. Я еще не теряю надежд”. Ответ: Это просто шутка.

Вопрос: Ваше письмо Игошину. “На демонстрации (7 ноября 1963 г. — *В. П.*) я нес знамя комсомольской организации института. Пока я проносил его мимо трибуны, где стояли пузатые бюрократы, у меня замерзли пальцы”. А это что? Ответ: Да это так просто... Шутка. Вопрос: Слушали ли вы с Игошиным иностранные радиостанции, и какие? Ответ: Да. Я сам в 1961 г. слушал на “Мире” передачи “Голоса Америки”. Потом отец увез радиолу на материк. В 1963 г. я заходил к Игошину, и мы слушали “Голос Америки”, а также “Китай” и “Японию”. Мы критиковали сначала передачи, но потом стали воспринимать их необъективно».

Далее разговор зашел о стихотворении «Революция». Оно с незначительной редакторской правкой появилось в «Камчатской правде» 16 ноября 1963 г.

вместе с новеллой однокурсника Е. В. Гропянова «Березка» (с 2001 г. Евгений Валерианович руководит камчатской региональной организацией Союза писателей России) под рубрикой «Творчество молодых». Это была наша с ним первая публикация. На «Революцию» обратили внимание компетентные органы тотчас, и, видать, рассматривали ее тщательно в чекистскую лупу.

«Вопрос: Игошин поощряет стихотворение “Революция”»: “Твое стихотворение понравилось мне и Л. И. Он когда-то пытался писать стихи, но попал в прокуратуру. Хорошо, что попался чувак, который сочувствовал взглядам Л. И., и стихотворение сожгли. Больше он не пишет. Но мы с тобой молоды, и, я думаю, хватит духу писать. Пиши в духе “Гуляй-поле” Есенина и распространяй. Что Игошин имел в виду? Ответ: Он не понял смысл моего стихотворения. Вероятно, он считал, что оно перекликается с “Гуляй-поле” Есенина. Под распространением он, наверно, понимал печатание в газете и т. д.

Вопрос: Как Игошин стал на такой путь? Ответ: Я понимаю, что оказал на него отрицательное влияние. Под моим воздействием Игошин проникся уважением к оппозиции. Сам он истории КПСС не знает, поэтому мне удалось убедить его. Однако до отъезда во Владивосток он не имел взглядов, о которых пишет в своих письмах. Я думаю, оказавшись один в незнакомой среде, он стал неправильно оценивать явления. (Раньше он обращался за советами по историческим и политическим вопросам ко мне.) Поэтому он стал изучать анархические теории».

Позволю себе на этом месте прерваться, сделав экскурс в историю Камчатки. Работая в ЦДНИКО, я наткнулся на фамилию «Бубенцов» в одной из информационных сводок ОГПУ о политическом и экономическом состоянии Камчатского округа. Датирована она была 16 апреля 1927 г. и адресована ответственному секретарю Камчатского окружного бюро ВКП(б) Кузнецову.

В разделе «Население» сообщалось о существовании в Петропавловске рабочего союза Местран численностью 67 чел.: 30 русских, остальные корейцы и китайцы. Русская часть имела актив во главе с секретарем Бубенцовым, которого чекисты называли антисоветским типом. «Это лицо, являясь обеспеченным лучше остальных местранцев (получает жалование 100 руб. в месяц), использует все настроения рабочих для компроментации как мероприятий Соввласти, так и отдельных местных ответственных работников. . . В настоящее время среди русской части рабочих Бубенцовым ведется работа по сплачиванию рядов путем оказания “семейным порядком” материальной помощи нуждающимся в целях привлечения их на свою сторону» [29].

Встретилась мне эта фамилия еще раз в «Обзоре о рассмотренных по Камчатскому облсуду за первый квартал 1943 г. по ст. 58-10, часть 2; 58-14, по Закону от 7 августа 1932 г. и другим статьям УК РСФСР»: «Обвиняемый Бубенцов Г. П. происходит из крестьян-кулаков. Бубенцов среди рабочих Большерецкого комбината (видимо, рыбокомбината. — *В. П.*) проводил

антисоветскую агитацию, направленную против СССР, высказывал недовольство Советской Властью, возводил клевету на руководителей Советской Власти. Бубенцов облсудом осужден по ст. 58-10, часть 2 сроком восемь лет лишения свободы с поражением избирательных прав сроком на пять лет, с конфискацией имущества» [30]. Какое отношение камчатский Бубенцов 1920—1940-х гг. имел к владивостокскому Луке Игнатьевичу, мне выяснить так и не удалось...

Капитан Кожедей под занавес 1963-го продолжал допрашивать меня. «Вопрос: Известно ли вам, что Игошин исключался из комсомола ранее? Ответ: Да. Я знаю, что он был исключен за составление какой-то анкеты в Салехарде».

...Спустя тридцать лет я получил почтовую открытку. «Валентин! Поздравляю с Новым 1994 годом! Всего наилучшего и всех благ тебе. Надеюсь, что Вы не забыли меня, так и я не забыл Вас. Напиши свое мнение обо мне, и я напишу Вам некоторые обстоятельства прошлой эпопеи, которые были закрытыми. Кожедей К. П. пенсионер МБ РФ».

Я, конечно, не ожидал такой «весточки» из далекого прошлого. Но поскольку она поступила в «обнаженном виде», то есть без конверта, и в тот момент, когда я только-только, по счастливой случайности, устроился на работу в Центр документации новейшей истории Камчатской области и опасался потерять ее — ответ мой Киму Петровичу был очень осторожным и деликатным. Рассказа о «некоторых обстоятельствах прошлой эпопеи» я так и не дождался. Возможно, письмо из Краснодара затерялось в пути. Не исключено также, что оно не дошло до адресата и по иным причинам. Но мне тогда показалось: мой знакомый передумал или же серьезно заболел: дали о себе знать фронтовые раны, так как я знал, что он, несмотря на молодость — год рождения 1927 — принимал участие в Отечественной войне. А потом, через несколько лет, я хотел, было, написать повторно, но не стал тревожить пожилого человека...

В допросах конца 1963 г. принимали участие подполковники Яковлев и Беляев. Последний позднее мне сказал: «Недавно вот осудили одного. Был против власти. У тебя тоже были такие замашки...»

Подполковник говорил, конечно же, о М. Других уголовных дел политического характера, относящихся к началу 1960-х гг., попросту нет. Да и сам Г. Р. Беляев имел касательство к данному делу как уполномоченный КГБ по Усть-Большерецкому району, где на одном из рыбозаводов трудился М. Его обвиняли в том, что, прибыв по оргнабору в поселок, он с лета 1962 г. вел злобную антисоветскую пропаганду: на языке властей — дискредитировал отдельные мероприятия Партии и Советского правительства, восхвалял американский образ жизни и охаивал материальные условия жизни в СССР, высказывал неверие в построение коммунистического общества в нашей стране и утверждал, что новая революция способна изменить жизнь в Советском Союзе. А также грозил зверской расправой Хрущеву и всем

коммунистам, высказывал злорадство по поводу возникших разногласий между КПСС и компартией Китая.

Обвинение поддерживал помощник прокурора области младший советник юстиции Ларионов. Судебная коллегия по уголовным делам Камчатского облсуда признала рабочего виновным и, на основании 1-й части 70-й статьи УК РСФСР, приговорила его к лишению свободы сроком на пять лет с отбыванием наказания в ИТК строгого режима.

...Пока меня допрашивали, мои однокурсники сдавали зачеты за первый семестр. Декан филфака (со второго курса наш факультет престал быть историко-филологическим) предложил такой вариант: сначала я сдаю экзамены, а потом уже зачеты. Ларионов тоже посоветовал продолжать учебу. 17 января 1964 г. я пришел на первый экзамен, но декан от своих слов отказался. Про него я ранее сочинил четверостишие:

*«Что-то здесь не наше», —
Говорит Ваганов
Ирукою машет,
Будто бы наганом.*

Я вгорячах написал заявление с просьбой отчислить меня из института. Приказ издали на следующий день: исключить «за аморальное поведение и академическую задолженность».

Мое персональное дело рассматривалось на общеинститутском комсомольском собрании. Проходило оно 12 февраля 1964 г. после обеда в актовом зале на четвертом этаже учебного корпуса КГПИ. Меня посадили близ первого ряда справа (если смотреть со сцены), под окном, перпендикулярно к залу — как подсудимого. Первым слово держал помощник областного прокурора Ларионов. Говоря о результатах обыска, он отметил, что среди литературы, обнаруженной в нашей квартире, «были и такие книги, которые никому не выдаются. Валентин сознался, что уносил книги, не записывая их номера в карточку. Он, якобы, хотел вернуть их по окончании учебы...» [31].

Прокуратура и следственные решили не привлекать Пустовита Валентина к уголовной ответственности, «а перенести вопрос в институт на суд студентов, но считают недопустимым оставлять его в институте и комсомоле» [32].

Вторым поднялся на трибуну подполковник Яковлев. Это и последующие выступления воспроизводятся по записям, сделанным мною дома сразу же после собрания. «К нам в органы поступили сведения (скорее всего, от преподавательницы советской литературы Н. А. Бондаревой. — В. П.) о том, что есть в КГПИ такой студент Пустовит Валентин, который проявляет шатания и нездоровые высказывания. Мало того, пошел слух, якобы он хочет организовать группу так называемых “вольнодумцев”. И даже кое-кто говорил, мол, недоволен порядками, обращайтесь к Пустовиту, он направит на нужный путь.

Мы, конечно, не могли пройти мимо таких фактов и, естественно, побеседовали сначала с его отцом, потом с ним самим.

В беседе с нами он заявил (я цитирую): “Слухи о том, что я пишу трактаты на исторические темы — это слон из мухи. ... Я ошибался, отрицая партийность литературы и искусства, теперь я это понял...” и т. д. “Все фотографии и пленки оппозиционеров я сжег”. Мы поверили ему и были сначала удивлены, когда узнали от прокуратуры, что у Пустовита найдена антипартийная переписка с Игошиным... Владимир Ильич Ленин писал: “Существуют две идеологии: буржуазная и наша, социалистическая, третьей нет”. Вот под влияние буржуазной идеологии и попал Пустовит.

В письмах он писал Игошину: “Не с кем поделиться. Толпа глупая и меня не понимает”. Игошин отвечал: “Погляжу я вокруг себя и вижу: ничего нет в окружающей меня толпе, кроме тупости, пустоты и невежества”. На диспутах Пустовит отстаивал антипартийные взгляды на литературу и искусство. Преподавателей он считал “сталинистами”, а студентов “серой толпой”. Подбирал он также литературу тенденциозного характера.

Вот как писал Пустовит Игошину о вызове в КГБ: “20 сентября меня вызывали в контрразведку. О чем шла речь, ты, наверно, догадываешься. Спрашивали о тебе и Фэ. Разделяете ли мои взгляды. Я сказал, что нет”. (Что я назвал чекистов бериевцами, подполковник опустил. — *В. П.*) Дальше Пустовит советует Игошину быть осторожнее. Игошин отвечает: “Убери подальше опасную литературу и письма”.

При обыске у Пустовита нашли пленки с изображением оппозиционеров. Но, вы помните, я говорил, что Пустовит при первом вызове в КГБ сказал, что их сжег. Конечно, никакой группы “вольнодумцев” в институте не оказалось. Пустовит один высказывал антипартийные взгляды и пытался бороться сам. Как он сказал на следствии, они с Игошиным хотели бороться против партии.

Как же дошел Пустовит до такого падения? Он слушал “Голос Америки”, японскую ширококвещательную корпорацию. Для этого даже (когда у него дома была радиолка “Мир”) провел специальную проводку к себе в комнату и слушал в три часа ночи и в шесть утра. Вместо того, чтобы обратиться со своими вопросами к партии, к своим товарищам, он искал ответы у этих “голосов”. Мы знаем, что все эти радиостанции живут за счет таких людей, как Пустовит, потому что там, за рубежом, рассчитывают именно на таких, как он.

Валентин Пустовит принял на веру распространяемые буржуазной пропагандой измышления о якобы существующем у нас конфликте между старшим и молодым поколениями. Он считал, что реабилитация честных людей, репрессированных во времена культа Сталина, означает автоматическую реабилитацию осужденных нашей партией враждебных оппозиционных течений. Он открыто критиковал речи тов. Хрущева на встречах с писателями

и работниками искусства. В действиях Пустовита состав преступления содер­жится по ст. 70 УК за распространение антисоветской пропаганды. Но нас партия учит подходить не формально...» [33].

Дочь второго секретаря обкома КПСС В. И. Алексеева Азалия Викторовна Лепетюк работала у нас в институте ассистентом кафедры марксизма-ленинизма, преподавала историю КПСС. Ее слушал я с удвоенным внима­нием. Все запомнил и записал, придя домой. В протоколе собрания ее выступление сильно сокращено. По моим записям, она сказала: «Спорить можно и нужно. Это и естественно, когда у студентов обычно первого-второго кур­са появляется непонимание отдельных вопросов истории КПСС. Но ведь у Пу­стовита было не просто непонимание. Те, кто не понимает, старается понять, а он ни с кем не считался и ни к кому не прислушивался. Он упорствовал на своих ошибках и вел определенную линию.

Кого он считал ленинцами? Троцкого, который еще с 1903 г. боролся с партией! Бухарин, Рыков, Троцкий и другие должны были быть осуждены и получили по заслугам. Пустовит не читал работ Ленина. У него по истории КПСС оценка за первый курс отлично, но я могу с уверенностью сказать, что он не знает истории партии, он невежда в этом отношении. Пустовит ратовал за свободу в литературе. Мы помним слова Ленина в первой главе работы “Что делать?”, где говорится: “Лозунг свободы критики не нов. Его всегда выдвигали враги партии”. Так получилось и тут. Пустовит выступал против партийного руководства в литературе и искусстве, он говорил о так называе­мой “свободе творчества”.

Что касается Нины Александровны Бондаревой, то я лично думаю, что она не могла назвать “Новый мир” несоветским журналом, а также исполь­зовать такие методы спора, о которых здесь говорил Пустовит. Я не могу ему верить, так как он уже раз обманул органы госбезопасности. Меня возмущает, как ведет себя его группа! Пустовит что-то говорил о процентном со­держании нашей музыки, мол, надо и джаз и классику. Я не отрицаю джаз. Но, думаю, он-то сам, Пустовит, развивался односторонне. Хочется спро­сить его, посещал ли он хоть одно занятие университета культуры?

Да какое он имел право (извините за выражение), не нюхавший что такое труд, сомневаться в решениях партии?! И не зная истории КПСС, он пытался писать “трактаты”, которые, по существу, являются враждебными. Вы дума­ете, что Пустовит неграмотный и необразованный и не понимал, что делает? Он сознательно выступал против партии и его раскаяние тут, по-моему, неискреннее. Он не переубежден. Он влиял на свою группу. Таким не место в рядах ВЛКСМ!»

А. В. Лепетюк была права: определенную линию я вел, и на собрании — тоже. Раскаяние всегда на пользу, если ситуация близится к критической и трудно предсказать ее исход. Исключение из комсомола меня мало волновало.

Я знал: от собрания зависит, будут ли меня судить (по 70-й статье) или нет. С учетом этого отвечал на вопросы из зала. Меня, например, спросили, что я почерпнул, слушая «Голос Америки»? [34]. Отвечал: принял на веру, что в партии много догматиков, что они ведут неверную политику в некоторых областях, в частности, в области литературы и искусства. «Кого считаешь догматиками?» — последовал уточняющий вопрос. «Сейчас китайцев и оппортунистические группировки в других компартиях, раньше — всех коммунистов» [35]. Кто-то спросил, осведомлен ли отец о моих взглядах. «Мы с ним часто спорили, но переубедить меня он не смог» [36].

Видимо, не все поверили Яковлеву и Лепетюк, раз мне пришлось отвечать на вопрос: «Против кого собирались вместе с Игошиным бороться после окончания института?» Следом за этим из зала спросили: «Искренни ли твои раскаяния? Что объясняет повышенный интерес к несправедливостям культа личности? Был ли кто-либо из родных репрессирован?» Я отвечал: «Переживаю искренне. Несправедливости периода культа личности принял близко к сердцу. В семье никто не преследовался» [37].

В отношении сталинской эпохи я мало погрешил против истины. У матери двоюродный брат Ф. С. Уманский, служивший в НКВД, вроде бы «загрел» до войны — не то посадили, не то расстреляли. Сохранилось фото, подписанное им в Макеевке 8 января 1938 г. Он запечатлен у полуразрушенного грота, облокотившимся на него, во френче с накладными карманами (однако без знаков различия), в галифе и хромовых сапогах; поодаль фуражка с поблескивающей звездочкой. Вид у него решительный, взгляд непроницаемый, с оттенком суровости. На снимке фирменная надпись: «Славянск-курорт 1932 г.» По словам отца, моя мать не верила, что ее двоюродный брат — враг народа.

Отец рассказывал, что его таскали из-за компаньона по преферансу Хатаевича, крупного деятеля КП(б)У, и когда следователь то ли оскорбил, то ли ударил отца, тот запустил в чекиста чернильницей. Как ему это сошло с рук, непонятно. Не иначе, кто-то влиятельный «вытащил» его. В противном случае, не посмотрели бы ни на молодость, ни на пролетарско-крестьянское происхождение.

Было это в 37-м. Именно тогда, как выразился один из героев В. Аксенова, «брали партийную cadres». Писателю можно верить: папу, секретаря обкома, если не ошибаюсь, в Средней Азии, по-моему, пустили «в расход», маме тоже досталось как ЧСВНу (члену семьи врага народа), она в перестройку напечатала мемуары про все это «Крутой маршрут». Я прочел их и подумал: с комиссарских фатер да на нары — действительно круто.

На Камчатке 1937 г. не был черным исключительно для партийцев и их вожakov, хотя, конечно, коммунистическая номенклатура впервые по-настоящему испытала на собственной шкуре, что такое «карающий меч пролетариата».

(Ничего не поделаешь: закон бумеранга!) В том году, символизирующем пик сталинского террора, в нашей области органы НКВД засадили 154 чел., пришили ВМН к тридцати семи. Зато в следующем, 1938 г., число расстрелянных превышало посаженных: соответственно, 366 и 249. В 1940-е гг. к стенке поставили 124 чел. Под следствием в советский период умерли 73 камчатца.

Сразу же оговорюсь: все цифры по репрессированным выведены мною, исходя из архивных уголовных дел, сданных ФСБ на хранение в ЦДНИКО к середине 1995 г. А это — примерно 85—90 процентов от общего их количества. Тем паче, что после 1995 г. мы принимали в основном дела послевоенного периода.

Делая в свое время выборку репрессированных по социальному положению, я, к сожалению, не выделил 1937 г., о чем сейчас сожалею. Так что приведу общие данные. За годы советской власти, начиная с ее окончательного установления в ноябре 1922-го, в Камчатской области репрессированы 1 817 чел.: 504 рабочих, 494 крестьянина, 341 инженерно-технический работник. Из них посажено 345 рабочих, 270 крестьян, 212 ИТР. С конца 1922 по 1964 г. расстреляно 540 чел., в том числе 137 рабочих, 173 крестьянина, 111 ИТР, 55 беспартийных начальников, 33 члена ВКП(б).

Динамика советских репрессий по политическим мотивам такова: двадцатые годы — шесть, начало тридцатых годов (коллективизация; без учета административно высланных и ссыльных «кулаков» и их семей) — 306, середина тридцатых (до 1937 г.) — 154, 1939—1940 гг. — 49, 1941 г. — 109, 1942—1945 гг. — 85, 1946—1949 гг. — 51, 1950-е гг. — 43 и 1960-е гг. — один (уже упоминавшийся выше рабочий рыбокомбината). При советской власти любили включать в разные таблицы женщин, подчеркивая их роль и участие. Так вот: репрессированных лиц женского пола тридцать семь, расстрелянных — шесть.

Справедливости ради, следует отметить, что из 2 767 арестованных 799 были освобождены из-под стражи до рассмотрения их дел судебными и внесудебными органами, а также (очень редко) по решению этих органов. Среди освобожденных 86 начальников, не состоящих в партии, и 81 коммунист.

А теперь обратимся к статистике. Население Камчатской области: 1927 г. — 34 269, 1931 г. — 34 958, 1938 г. — 95 000, 1940 г. — 112 831, конец 1945 г. — 141 978, 1950 г. — 156 552, 1959 г. — 220 753 чел. А какова была численность областной партийной организации (членов и кандидатов)? 1927 г. — 258, 1931 г. — 636, 1937 г. — 1 082, 1938 г. — 1 494, 1940 г. — 3 500, на конец 1945 г. — 5 896, 1950 г. — 8 455, 1959 г. — 10 258. (Статистические данные по населению и партиям взяты мною из самых различных, главным образом из архивных, источников, но — столь разрозненных, что указывать их все, думается, нет необходимости; замечу, что специального справочника на сей предмет, насколько мне известно, до сих пор не существует.)

...Но вернемся к злополучному 12 февраля 1964 г. Свое выступление, в котором мне надлежало покаяться в содеянном, я, к сожалению, не записал. Так что цитирую по архивному протоколу, и что там подлинно, а что — нет, сейчас уже разобраться трудно. «Он признает свои ошибки... Он написал статью о “Ленинградском деле”, где пытался доказать, что Кирова убил Сталин (в 1988 г. у меня получился на эту тему очерк-гипотеза “Закат на рассвете”. — В. П.), приводил факты, критиковал конституцию СССР. Считал, что роль Советов принижена, профсоюзы не имеют никакой роли...» [38].

После моего выступления и ответов на вопросы из зала в протоколе стоит: «Студенты не верят в искренность Пустовита» [39]. Станный вывод, если учесть, что голосования по данному вопросу не проводилось. Но да Бог судья тому, кто свое мнение распространил на всех будущих педагогов. Прочитываю протокольное отношение ко мне троих студентов. Две студентки учились в моей группе Р-621. Валентина Соколовская: «Отрицает влияние Пустовита на группу, не подозревала его антипартийность, а считала, что он просто углубился в некоторые детали. Считали его взгляды сумбурными, лишёнными логики...» [40]. Лилия Ласенко: «...он искренне раскаялся и очень переживал. Но искал ответы на неясные вопросы и заблуждался. Разговаривал об этом и с нами в группе. Считаю, что нужно оставить в комсомоле до первого замечания» [41].

Третий по окончании КГПИ несколько лет прослужил в КГБ, но был уволен, сбив на автомашине по выпившему делу человека насмерть. (И такой же точно конец постиг его самого спустя десятилетия, уже в пожилом возрасте.) А в 64-м он учился на пятом курсе истфила. «У Пустовита два преступления — кража книг и критика линии партии. Материально он обеспечен, значит, кража происходила не из-за материальных трудностей. Да и вставать по ночам слушать “Голос Америки” — это очень неприятная вещь. И зачем ему нужно было собирать и распространять фотографии. Он искал правду не там, где ее можно найти. Вот о литераторах. Мне тоже нравится Евтушенко. Нравится — читай, не нравится — не читай. Но ошибки некоторых молодых авторов осуждены не только партией, но и всем народом. Поэтому искать здесь еще правду совсем нет никакой нужды. И на группу он один не мог влиять, но ему и в комсомоле не место». [42].

Еще перед собранием, не помню от кого уже, кажется, от секретаря институтского комитета ВЛКСМ Володи Кравченко, мне стало известно, что кое-кто постарается протащить решение не брать на поруки, а передать мое дело в суд. И под конец собрания эта линия проявилась. Заведующий кафедрой русского языка П. М. Бердник заявил: «В студентах он видит “серую массу” и, не сделав ни одной гениальной вещи, считает себя гением. Я не верю, что он все понял, раскаялся. Поэтому предлагаю отдать его под суд» [43].

Ректор института Сергей Петрович Соловьев, по протоколу, «обращает внимание на ложность раскаяний Пустовита. Лгал и группе, и своей девушке, боролся против родного отца, обманывал его. Предлагает отдать его под суд, так как совершенно уголовное и политическое преступление...» [44]. По моим записям, ректор был более эмоционален: «Пустовит опозорил наш коллектив. Мы исключили его из института. И я думаю, вопрос о пребывании его в комсомоле также решен. Но этого мало. Пустовита надо не только исключить из рядов ВЛКСМ, но и судить. Отдать его под суд! Пусть посидит и поймет все. Я долго служил в армии. Если бы меня послали с Пустовитом в разведку, я бы не пошел. Такие, как он, идут в плен!» В протоколе не зафиксированы мои реплики по ходу ректорского выступления. «Вам выгодно, и вы хотите отдать под суд! Вам дали директиву сверху! Не навязывайте собранию решения!»

С Бердником и Соловьевым солидаризировался городской комсомольский лидер Алексей Гречко. «Мне кое-что показывали из его “работ” (имелись в виду пробные исторические статьи. — *В. П.*). Это нелогичная, непоследовательная писанина. Против кого выступал Пустовит? Против партии, которая свершила революцию, под руководством которой советский народ строит коммунизм! Мы не позволим распространять антисоветскую пропаганду Пустовиту и подобным типам.

Вот послушайте, как он цинично, я повторяю, цинично, писал о нашей партии Пустовит Игошину. Что-то там было примерно так: он сравнивает обкомы с начальником, а Советы с машинисткой. И это он говорит о Советской власти, которая дала ему счастливую жизнь! Это клевета на нашу действительность. Пустовит, без сомнения, должен быть исключен из ВЛКСМ (об этом и речи быть не может) и отдан под суд!» [45].

О том, что сказал выступивший последним, кому, прекратив «прения», все же дали слово, в протоколе всего полторы строки: «Говорит о спорах с сыном, об его убеждениях. Просит не отдавать под суд» [46]. Все! Его слез там нет. Скорее всего, именно тогда, в те минуты я (еще не осознавая этого) возненавидел «любимую коммунистическую партию» и «родное советское правительство» — все то, что теперь называю антирусским оккупационным режимом, осуществлявшим геноцид моего народа.

Конечно, слова отца, что я рос сызмальства без матери, и что он, конечно, недосмотрел и вообще кругом виноват как коммунист с 1936 г., подействовали на собравшихся. Он просил прощения за меня, а мне было больно и стыдно, что мой отец так унижается — он, трижды раненный фронтовик, не раз смотревший смерти в глаза не только на войне, защищая в 1941-м Севастополь. И под конец заплакал. Никогда в жизни (ни прежде, ни потом) я не видел у него слез.

Отец спас положение. Разжалобил. А может быть, ход событий стал переламываться раньше, когда до Гречко поднялся на трибуну мой однокурсник

Евгений Гропянов? Он был краток, но тверд: «Я знаю Валентина давно и, несмотря на его ошибки, продолжаю уважать его. Поэтому прошу не отдавать его под суд» [47].

Большинство участников собрания (а голосовали и члены КПСС, в основном, как я заметил, за мою посадку), исключив из комсомола, направило меня в рабочую бригаду «под общим контролем».

На другой день бюро Петропавловского горкома ВЛКСМ приняло свое постановление: тоже об исключении из рядов молодых подручных партии «за аморальное разложение, грубейшее нарушение дисциплины, несовместимые с требованием Устава ВЛКСМ» [48]. В этом документе они, главным образом, напирали на книги (не забыв отметить — отчислен, в том числе за неуспеваемость), ни словом не обмолвясь об истинной причине, из-за чего, собственно, и было заведено персональное дело.

Сначала горкомовцы промариновали меня в коридоре целых три часа, хотя я явился в назначенное время, без опоздания. Наконец вызвали. А. Гречко коротко проинформировал членов бюро о моем «деле». Пока он говорил, один из находившихся в кабинете бросил мне в лицо: «В Америку захотел? Можем отправить!» А когда узнал, что на собрании просили взять меня на судоремонтный завод «Фреза» в передовую бригаду Зубкова, как отрезал: «Такие нам не нужны!» После чего я услышал: «Лишить его права поступать в вуз!»

«Так вот, молодой человек, — заключил первый секретарь горкома А. Гречко, — у нас свобода творить для народа. Другой нет. Будешь копать — раздавят. Ясно? У тебя комсомольский билет с собой?» (Все это опять — уже мои записи, протокол там не вели.)

Я отдал им требуемое, оставив на память себе обложку. «Хорошо, я к вам на “Фрезу” не приду», — сказал я обиженно тому функционеру, что больше других наускаивал на меня. Но через несколько дней по чьему-то совету все же сходил — не комсомольские же вожакИ всем заправляют. И получил неофициальный отказ с доверительной формулировкой: «Паршивая овца все стадо испортит».

На работу меня никуда не брали. Отчаявшись, я заявился (к кому бы вы думали?) к начальнику УКГБ по Камчатской области полковнику И. Н. Баранову и потребовал... восстановить меня в КГПИ. Он ответил: «Мы не имеем полномочий для восстановления вас в институте. Нет у нас таких администраторских прав. Но, если бы они и были, то все равно мы бы их не применили — совесть не позволила. Нас бы послушали-послушали и сказали: “Что это за государственные органы, если вчера говорят одно, а сегодня — другое?!”»

Подполковник Беляев отреагировал на это следующим образом: «Ты, друг, не очень ершишь! Давай лучше работай, зарабатывай хорошую характеристику. Между нами говоря, тебе надо хоть год поработать, а там — в любой вуз. (Мы туберкулезным пенсии не даем!) Ты думал, что придешь, а перед

тобой: «Валечка, Валечка...» Товарищ Беляев выскочил из-за стола и с саркастически-ехидным лицом отвесил поклон в мою сторону. «Нет, этого не дождешься! Бросай все *это* и работай. Ты жалуешься, что я матом с тобой говорю... Да если бы ты был мой сын, я не так бы с тобой... Что нам делать нечего? Да на х... ты нам нужен, мать твою!»

11 марта 1964 г. помощник прокурора области И. Т. Ларионов (1923 г. р., участник войны, в партии с 1952 г.) возвратил мне две тетрадки с прозой и стихами, изъятые при обыске. А забрали-то шесть. Я спросил, где остальные, а также письма Александра Филимонова из армии. Он пояснил, что все это в УКГБ. Я: «Но ведь в письмах ничего “такого” нет!» Помпрокурора: «Это ты так думаешь. А там думают иначе». Больше мы с Ларионовым не общались. Как-то видел его мельком во второй половине 1960-х гг. в центре Петропавловска около центрального гастронома, что находился рядом с главпочтой. Он не изменился: такой же хмурый, точнее, набыченный...

В поэтической тетради, отданной назад, я недосчитался двенадцати листов. Выдрали с корнем, а там была поэма о политических репрессиях «Георгин», написанная еще в школе, несколько подобных, антисталинских и других стихов 1961—1963 гг., в том числе «Я иду»:

*Прорабатывали меня веско
на школьном собрании.
«Элементом антисоветским»
оказался я в юности ранней.
Что копаюсь я в мусорной куче,
всем внушали долго и внятно.
Вылетали фразы трескучие
и марали чернильными пятнами.
А другие: «Послушай совета:
это, братец, Сизифов труд.
Чего доброго, сживут со света
и за правду по правде дадут!»
Библиотекам всем надоевший,
пыль вздымающий в потолок,
весь день ничего не евший,
я книги домой волок.
А ночами за маленьким столиком
по веснушкам лезли поты.
После уроков с историком
я ругался до хрипоты.
Застывшие, словно студень,
утвердившиеся в апатии,
обвиняли меня в институте,*

*будто я против партии.
Но пусть все бурлит и пенится,
За теми, кто побыл в аду,
за коммунистами-ленинцами
я иду!*

Это стихотворение написано в июле 1963 г., я его восстановил по памяти и опубликовал в период перестройки как воспоминание о юности [49].

Недолго, однако, я шел за побывавшими в тюрьмах и лагерях коммунистами-ленинцами. ВОСР («Великая Октябрьская социалистическая революция»), коммунистическая идеология, теория и практика социализма умерли для меня на рубеже 1965—1966 гг., когда я внимательно «проработал» важнейшие работы Ульянова-Ленина и вник в его лозунг о превращении империалистической войны в войну гражданскую. Но теперь, после восстановления в институте, я уже не болтал с кем попало о политике, а как можно глубже изучал и осмысливал «Историю КПСС» и «Основы научного коммунизма», памятуя о, в общем-то, справедливом упреке ассистентки кафедры марксизма-ленинизма.

А она сама в том же 1964-м рассталась с пединститутом, причем не по своей воле: позднее я слышал, что коллеги «прокатили» ее, кандидата наук, на выборах, не желая, якобы, чтоб все происходящее в КГПИ тут же становилось достоянием второго лица в области. И главное — некому предъявить претензии: голосование-то тайное на замещение определенных должностей в научном мире. Но вскоре в институте произошла смена ректора. Все же нашли, на ком отыграться, хозяева жизни, расположившиеся в «Белом доме» — как камчатцы меж собой называли здание с колоннами в центре Петропавловска еще за три десятка лет до августовских событий в Москве.

Сюда жалобщиков пускали по пятницам — то были приемные дни секретарей областного комитета партии; принимали, понятно, после 18 часов. Я решил сходить в «Белый дом» больше из любопытства, чем в надежде облегчить свою участь. Жалобщики толкались в фойе каждый со своей бедой-нуждой. Держались они не одинаково. Кто — мрачен и молчалив, кто, наоборот, взвинчен и шумен. Последних, если их поведение выходило за установленные здесь рамки приличия, одергивал страж порядка. Он позволял себе некую простовато-небрежную неофициальность, выступая, помимо своих прямых обязанностей, в роли советчика или наставника. Ему, видимо, нравилось уже одно то, что у него нет подобных забот (слово «проблемы» в те времена было обозначено лишь на обложке интернационального коммунистического журнала «Проблемы мира и социализма», издающегося на многих языках в Праге) и, конечно же, не будет.

Женщине с «Фрезы» он со знанием дела объяснил: «Тех, кто слишком кричит, вышибают». И добавил, что настырным вообще «ничего не светит».

Меня обозвал сопляком: я сказал ему, что он неправильно звонит Фролову. Это было на десятый день первой моей встречи с секретарем по промышленности, который пообещал разобраться с моим делом, а также поинтересовался фамилией сотрудника КГБ, опрометчиво сказавшего мне: «У нас судят не за взгляды, но за их распространение».

Большинство просителей добивались приема по жилищному вопросу — они или скитались по углам, или обитали в совершенно невыносимых условиях, как та сравнительно молодая женщина, которая вместе с крысами «облюбовала» служебную химлабораторию. Она жаловалась милиционеру, что она там слепнет, а начальству нет до этого никакого дела. Я смотрел на ее слезы, и сердце мое сжималось.

Много лет спустя, читая в архиве выступление своего отца на 13-й областной партконференции в сентябре 1961 г., я вспомнил эту женщину. П. А. Пустовит тогда, критикуя руководство Камчатского обкома КПСС, говорил: «Елизовских строителей очень строго наказали за строительство дорогостоящего забора, а обком под личным руководством т. Алексеева, на возмущение всех жителей города, отгородил свой дом дорогостоящей оградой. Добротный дом по ул. Ленинской, где прежде жили секретари обкома, разобрали для того, чтобы разбить себе сквер, и это в то время, когда более тысячи человек города стоят на очереди, чтобы получить жилье к зиме» [50].

Выступление моего отца можно, конечно, расценить как обиду члена КПСС с довоенным стажем, недавно освобожденного — причем, несправедливо, да еще со строгим выговором с занесением в учетную карточку (после конференции «строгач» отменили) — от должности начальника облместпрома.

Но вот мнение других петропавловцев, оставленное ими на избирательных бюллетенях во время выборов в Верховный Совет РСФСР и местные советы 1 марта 1959 г. Первому секретарю Камчатского обкома партии М. А. Орлову советовали «проявлять заботу о людях, а меньше о себе, не заводить особняков, когда трудящиеся еще ютятся в плохих квартирах». Угрожали: «Если не дадите людям хорошую жизнь, нас будет больше». Второй секретарь обкома В. И. Алексеев характеризовался следующим образом: «Не был ни одного дня на фронте, а прятался в райкомах и крайкомах. Сам хам, и род твой хамский. Такого бюрократа не нужно. Пусть научится с людьми быть человеком, а то он скотина. Враг народа. Знаю такую свинью, ей место в пивной».

Избиратели не ограничивались наставлениями местному руководству. «Этот бюллетень нужно направить тов. Хрущеву. Рабочий класс просит снизить цены на продовольственные и промышленные товары. Мы ждем лучшей жизни». Хрущеву один из жителей Петропавловска рекомендовал меньше заниматься кукурузой, больше жилищным строительством, «ибо многие

живут в трущобах». И как пример: «...у меня был один сын, теперь заболела дочь туберкулезом открытая (пропущено слово «форма». — *В. П.*), занимаю восемь квадратных метров, пять взрослых человек, представляете мое на-строение, я забыла, когда улыбалась, я работаю ведь шестнадцать лет на од-ном производстве». А на двух бюллетенях значилось: «Конец Хрущеву».

Имелись и особые мысли по поводу выборов и кандидатов как таковых. «Вы несмышленные, если думаете, что мы не знаем, как глупо это голосо-вание». «Предлагаю депутатов назначать, так как все равно пройдут. Не будут расходоваться на избирательную кампанию средства, все равно от этого жизнь рабочих и крестьян не улучшится» [51].

Следует отметить, что все «крамольные надписи» на бюллетенях для го-лосования анонимные (кому охота иметь неприятности, хотя, понятно: за это уже не расстреливают), но, тем не менее, зафиксированы в специальной Справке горкома партии. В ней они названы надписями «аполитичного и ху-лиганского содержания».

...Принимавший меня в «просительную пятницу» тридцатидевятилетний Николай Лукьянович Фролов, в прошлом слесарь, инженер-электромеханик, стал секретарем обкома КПСС в мае 1963-го. Он в первые же минуты нашей беседы заявил, что обвинения в мой адрес насчет политики чепуха. «Интересе-соваться можно и нужно. Вы объясняете любопытством интерес к оппози-ции. Ну, взяли бы эти книги, полюбопытствовались и отнесли обратно. Но какая польза простому человеку от того, что он вдруг узнает (допустим) о реабили-тации Зиновьева? Что это даст? Да ничего. Рабочего это не интересует.

Вы, конечно, не ревизионист. Чтобы им быть, надо досконально изучить марксизм-ленинизм, выдвигать свои теории, а вы и “Капитала” не изучили! Чем объяснить ярлыки? Просто товарищи погорячились... Вы спрашиваете, что будет с компартией при коммунизме. Не знаю. А кто знает?! Дело буду-щего. Каждый может иметь свое мнение. Единства не было, и нет. Иначе бы и общество не двигалось вперед. Ведь и литераторы, которых критиковали на встречах, не сразу согласились с Н. С. Хрущевым.

Мы не пропагандируем абстракционизм потому, что он не понятен наро-ду. Можете увещать всю квартиру в этих картинах и любоваться — ваше дело. Мы признаем то, что отвечает интересам народа, а не небольшой группы. Я был на одной из выставок. Видел наподобие абстрактного. Двое парней восхищались. Мне они сказали: “В будущем это будет понятно”. Но я, черт возьми, не вечность же собираюсь жить! (Вечность — не вечность, а несколько десятков лет он прожить, безусловно, собирался, но умер через четыре года от болезни, именуемой на медицинском языке «канцером». — *В. П.*) Недавно мне подарили польскую вазу. Она на вазу-то не похожа, но красивая все же. Что-то там нарисовано абстрактное, но красива, черт побери! Спра-шивают меня, где я купил.

Да, книга Дудинцева много на шумела, но партия сказала, что она противоречит ее линии. Но автора же не зажали. Он мог соглашаться с критикой или не соглашаться.

Через год поступайте куда хотите. Вопрос о партийной ответственности отца не ставится, хотя отец за сына отвечает. Он уже наказан вашим исключением».

На том наша беседа завершилась. Во время нее в кабинет Н. Л. Фролова зашел на пару минут МАО (такое прозвище получил в народе первый секретарь обкома Михаил Анатольевич Орлов в эпоху разлада с Китаем). Мы поздоровались: я, привстав в кресле, в голос, он — кивком. И очень внимательно посмотрел на меня. Кому из партийцев я ни говорил, что Орлов появился в кабинете Фролова, нарушив субординацию, никто не верил...

Поговаривали, что сотрудники «Камчатской правды» уже было подготовили статью по материалам моего персонального дела «Торжествующее невежество», однако МАО распорядился: «Нечего раздувать!» Кстати, статья против меня все же появилась в этой газете, только не тогда, а ровно через тридцать лет — такую благодарность я получил от коммунистов за то, что не бросил редакцию в 1991 г. и вообще постоянно долбал их политических оппонентов — «демократов»; правда, доставалось и партийцам, но у меня же были собственные убеждения.

В общем, о Н. Л. Фролове у меня сложилось неплохое мнение, несмотря на то, что он походя (однако не в отношении меня) тоже, как и Беляев, обошелся без матерного слова номер один. Начальники в те годы таким манером, думаю, подчеркивали свою демократичность, а вернее, тесную связь с «простым народом» — недаром же они постоянно вещали от его имени.

Но двум должностным лицам я просто благодарен. Директору комбината бытового обслуживания (КБО) Василию Васильевичу Скотникову и инструктору Камчатского обкома ВЛКСМ Алексею Коробкову. Один взял меня учеником электрослесаря на подведомственный ему прибороремонтный завод, располагавшийся рядом с нашим жильем, а другой — единственный человек из всех, кого я мало-мальски знал в «Белом доме» — здоровался со мной всегда первым, а однажды возле поликлиники УТРФ, на Ленинской, напротив здания обкома КПСС (я ходил теперь по другой стороне улицы), он подал мне руку, взбадривая: «Не падай духом! Все перемелется».

В декабре того же 1964 г. его изберут первым секретарем горкома комсомола, а в апреле 1969 г. он возглавит обком ВЛКСМ. Однако останется прежним: простым, доступным, отзывчивым человеком. Таким авторитетом — особенно у молодежи — не пользовался, пожалуй, никто из его предшественников, да и преемников — тоже. Потому что, вдобавок ко всему, являлся личностью. А это в тогдашней номенклатурной системе было очень большой редкостью. После комсомола Алексея Дмитриевича перебросили на партийную работу, а затем на советскую. И когда он стал заведующим

оргинструкторским отделом облисполкома, к нему вновь повалил народ, зная, что «Леша поможет». Погиб А. Д. Коробков в самом начале перестройки, не дожив до пятидесяти. Я разделял искреннюю скорбь многих (в Петропавловске и в районах области).

И поныне я часто вспоминаю слова Алексея. Вот что значит поддержка в трудную минуту! А ведь сослуживцы А. Коробкова относились ко мне совершенно иначе: и на улице, и в помещении они, чаще всего, попросту не замечали меня. Их копировали некоторые мои бывшие однокашники. И лишь Евгений Гропянов продолжал время от времени навещать меня, что навлекло на него подозрения, будто он скрытно разделяет мои политические взгляды, за которые я вылетел из вуза и комсомола. Но Е. В. Гропянов никогда политикой не занимался, а только литературой, посвящая свои произведения В. Атласову, И. Козыревскому, В. Берингу, без которых представить художественную историю Камчатки сегодня уже невозможно.

Вскоре после исключения я перестал встречаться с однокурсницей — моей первой женщиной. Причина была одна: ее поведение на собрании 12 февраля. Как сейчас помню ее, идущую к трибуне в ярко-красной сбористой юбке и такого же цвета туфлях (моем подарке с повышенной стипендии). Чекисты-перворядники окидывают ее оценивающими взглядами и недвусмысленно усмеваются. Видя это боковым зрением, она ничуть не смущается. Сдается, ей даже нравится такое публичное внимание к собственной персоне. И что же она говорит с трибуны? — она, явившаяся сюда со мной, прямо из моей квартиры, где мы провели вдвоем (мои родители — на работе) часа полтора, и не только за разговорами о предстоящем общеинститутском комсомольском собрании... Что она говорит!

Цитирую строго по протоколу все, как там есть, так как у самого нет записи ее выступления (в протоколе, кстати, лишь изложение). «Говорит, что все знала, все его ошибки, кроме воровства. О его взглядах знали многие студенты различных курсов. Свои мнения об истории в группе не очень высказывал и истинными считал лишь первоисточники. Считает, что Пустовиту не место в комсомоле (кража книг не допустима), но считает взгляды заблуждениями, а не антисоветской пропагандой» [52].

1 апреля 1964 г. я стал учиться ремонтировать электромоторы — менять перегоревшую обмотку. Работа не шибко сложная, однако же, непривычная, да, вдобавок, я чувствовал себя не совсем уютно из-за того, что в школьные годы на производственной практике на мехзаводе вначале осваивал электродело, но в конце концов сдал на первый разряд токаря. (Между прочим, «родной» Петропавловский судоремонтно-механический завод, как и другие, в 1964-м открылся от меня.)

Прибороремонтный завод располагался неподалеку от стадиона «Спартак» на Ленинградской. Кроме моторов, чинил холодильники, весы, пишущие

машинки. Летом того же года сюда привозил несколько таких машинок «с той стороны» (из пос. Лахтажного, что находился на противоположном берегу Авачинской бухты) старший лейтенант ВМФ Владимир Науменков, служивший в газете подводников «Залп».

Электроцех прибороремонтного завода размещался в полуподвале, в котором черт ногу сломит: от верстаков и «железок» ступить было негде, но мы, шестеро или семеро электрообмотчиков, ухитрились как-то, не особенно мешая друг другу, копаться в моторах разных габаритов. Обмотчики — все ребята либо моего возраста, либо чуть помоложе. Среди них были две девушки. В помещении стоял умеренный грохот, сквозь него временами пробивался радиодинамик: «Коля, Коля-колокольчик, где мы встретимся с тобой?» Эта песенка, нередко звучавшая в утренней передаче «Сельский час», до сих пор переносит меня в наш электроцех. И снова пахнет железом, горелой изоляцией, эбонитом...

Когда кто-то хотел что-то сказать товарищу по работе — обязательно орал, даже без надобности: настолько все привыкли к шуму. Но работали споро, весело, хотя заработки были не ахти, особенно у меня, поскольку и приносившись потом, я не мог ни за кем угнаться.

В рабочей обстановке я сравнительно быстро освоился; на меня посматривали с любопытством, по несколько раз заставляли пересказывать институтскую историю. Ребят она почему-то забавляла, и вскоре мне самому уже перестала казаться чересчур грустной. С большой серьезностью слушали парни, как я ходил в обком партии. Вопросов не задавали.

К лету нас повезли за город нарезать дерна, чтобы несколько облагородить территорию вокруг предприятия. Вот тогда, на природе, один из молодых рабочих с другого цеха (кажется, весоремонтного), не понижая голоса, рассказал своему товарищу о расстреле рабочих в Новочеркасске. Нас, молодых, это поразило: мы не поверили, что такое может случиться в послесталинское время. Чекисты о рассказе того немолодого человека так, помоему, и не узнали. Конечно, и в рабочей среде, как и везде, у них были «слушачи», да и провокаторы тоже, но, наверное, значительно меньше, нежели в интеллигентской. Рабочий класс не мандражировал, подобно «культурным», а посему язык за зубами держал крепче, когда дело касалось друг дружки.

... В четверг 2 апреля, ближе к вечеру, у нас в квартире зазвонил телефон. Работу я кончал в пять и уже был дома. Не помню, кто взял трубку. Спрашивали меня. Незнакомый мужской голос несколько сбивчиво предложил нам встретиться — причем, сегодня же! — и принялся сумбурно объяснять, зачем. Я ничего не понял, однако пообещал. Положив трубку, рассказал отцу. Сам же не знал, идти или не идти. Незнакомец назначил встречу в центре города, у гастронома, наискосок от партпроса, сказал, во что будет одет, даже назвал, кажется, военнотружущим.

— Провокация, — отреагировал отец, имея в виду, конечно, чекистов. Я тоже склонялся к этому. Короче говоря, не пошел. Где-то через час-полтора опять звонок, на сей раз в дверь. На пороге молодой человек — но гораздо старше меня — в фуражке морского офицера и меховой форменной куртке без погон, какие носят подводники. И — горечь в уголках рта.

Я мгновенно вспомнил Клуб поэзии в читальном зале областной библиотеки в здании Дома радио и поэта в грубошерстном свитере, читающего стихи о косарях и вдовушках. Тогда, в Клубе, я подумал, что выражение лица диктуется содержанием стихов. Потом, на улице, когда все расходились, и поэт, идя с нами в черной шинели, советовал нам, школьникам (мы весной 1962 г. учились в одиннадцатом, выпускном классе), «не робеть», то есть писать смелее — я понял, что эта горечь в уголках рта у него все время, может быть, с детства, о котором его стихи...

Не успел поэт снять куртку и пройти в комнату, как я напомнил ему, что мы виделись в Клубе поэзии. Так завязался разговор. Отец, воевавший на Черном море, и тоже морским офицером, с тающей на глазах настороженностью разглядывал гостя. Тот сразу же объяснил свое неожиданное появление: узнал мою историю с исключением и что я пишу стихи, вот и решил познакомиться.

Мы перешли в комнату, сели за стол со скатертью. Почему мне запомнилось, что на нем была скатерть, — я потом не раз в неловкости опускал туда глаза, пока Володя Науменков (именно так он представился нам с отцом), изъявив желание почитать мои вирши, листал общую тетрадь в клетку с вырванными при обыске страницами. У меня тогда из стихов еще почти ничего не было, а он — судя по тому, что я слышал в Клубе, — вполне сформировавшийся поэт, к тому же, поэт — сильный...

Я с первых же минут нашего знакомства проникся к нему доверием. И хотя поговорить о многом в тот весенний вечер нам не удалось — Володя спешил на службу — стоя на ветру у причала морвокзала в ожидании катера «на ту сторону», мы уже разговаривали с ним как давние приятели. Вскоре русский поэт Владимир Иванович Науменков станет моим самым близким другом, и подружим мы целых три десятка лет, вплоть до его кончины.

В 1964-м меня второй год кололи в легочном диспансере, он находился неподалеку от пединститута, и волей-неволей я часто ходил мимо здания, где еще недавно учился. 27 апреля буквально нос к носу столкнулся с ректором С. П. Соловьевым. Он, как и я, шел по скользкой от еще не стаявшего льда обочине дороги. Сергей Петрович остановил меня вопросом: «Не хочешь обратно в институт? При условии, конечно, что осознал все...» «Неужто возможно?» — удивился я. Ректор объяснил: для этого требуется одно — покаяться. И, видя мое замешательство, добавил: «Думай! Надумаешь — приходи ко мне. Но нужна будет при восстановлении хорошая характеристика

с места работы...» Я не очень-то всерьез воспринял его слова — ведь с момента моего изгнания прошло всего два с половиной месяца.

Спустя многие годы Сергей Петрович признался мне, что когда после собрания, исключившего меня из ВЛКСМ, к нему подошла Н. А. Бондарева и пожалала руку, ему стало как-то не по себе, и он задумался о последствиях того, как обошлись они со мной, девятнадцатилетним юношей, к чему он, как ректор, имеет самое непосредственное отношение. По словам С. П. Соловьева, инициатива восстановления в институте принадлежала ему. Я же долгое время полагал, что она исходила из Москвы, которая, как говорилось в таких случаях, «поправила товарищей на местах, перегнувших палку».

Этот разговор мы с Соловьевым вели в газетном киоске напротив «Даров природы», куда он устроился в конце 1970-х, разделив в чем-то мою участь. Было ему тогда шестьдесят лет. Мы подружились с ним. В 1980-м я записал его на пленку, и его голос прозвучал 9 мая в радиопередаче, посвященной Дню Победы.

Он жил на Партизанской в добротном двухэтажном каменном доме вместе с «крупняками»-обкомовцами и другими номенклатурными работниками. Близ дома, посреди травы и деревьев, а точнее между ним и полуразрушенной лестницей, что вела вниз, на Советскую улицу, стояла скамейка. Осенью 1990 г., увидев на ней Сергея Петровича с Антошкой, я присоединился к ним. Там, в еще не поредевшей зелени, было все же укромно, хотя по соседству — бельевая веревка и на ней что-то сушилось. Соловьев, отвлекшись слегка на меня, продолжил беседу с Антошкой. Тот молча и внимательно слушал хозяина.

Я плохо знаю собак, несмотря на то, что в детстве, живя на Виллойской, мы держали их, и моим лучшим другом — как в 90-м у Сергея Петровича Антошка — был Моряк, похожий на овчарку. Я любил своего молодого еще, но уже довольно крупного пса за незлой нрав и верность, но обучением не занимался — иначе бы никому не удалось отравить его мясом с патефонными иглками. Сделал это сосед-собачник. За забором его дома напротив нас всегда лаяла масса собак на привязи: он выращивал их со щенков, убивал, сдирал шкуру и сдавал ее вместе с «тушей» государству — на мыло и на мех.

Моряка собачник отравил в отместку за пропавшего у него породистого щенка, которого куда-то увели мальчишки с нашей улицы, а указали на меня. Моряк умирал почти сутки, в страшных мучениях. Мой отец вначале вроде бы собирался привлечь отравителя к суду, но потом оставил это дело так. Прошло пятьдесят лет. Фотография Моряка у меня на рабочем столе. В начале 1990-х, встретив в городе пожилого сына собачника, я узнал, что его родитель дожил до глубокой старости. Сын собачника уже не служил, как в пору моего детства, в КГБ, хотя народ не ошибается: бывших чекистов не бывает. Как, впрочем, и поэтов.

...Как-то само собой речь у нас с С. П. Соловьевым пошла о собаках. Но, перечитав тогдашнюю запись этого разговора, понял, что больше все же не о них.

— Как я начал себя помнить, знал, что они у нас есть. В детстве — Шарик: утром пастух стадо гонит, он рвется с цепи проводить, а вечером встретить — мои родители отпускали его... Даже в Китае, когда преподавал в Хэйлундзянском (Харбинском) университете, тоже держал собаку, беспородную, правда. Ее они потом съели — местные. Такой обычай, значит. Жалел я, конечно, но не обиделся. Прилежные, сильно тянулись к знаниям. Я там две книжки издал, одну на китайском языке — «Курс лекций по русской литературе».

И в Ленинграде, после возвращения оттуда из трехлетней командировки, завел эрдельтерьера. На Камчатке сперва на охоту с Динкой ходил. Со знакомыми пограничниками. Да и — я ж стал начальник — звучит: «Сергей Петрович поехал на утку». Или на кулика. (Другие в преферанс играют.) Но заядлым охотником я не был. Только для Динки и охотился, чтобы не испортить собаку: легавая. Пять лет прожила она у меня, чуть больше, чем я ректорствовал в пединституте. Пропала куда-то. То ли украли, то ли еще что... Думал взять, какая попадется. А жена ругает: надо, мол, с пользой, сторожевую. Что только сторожить! Все добро — книги. В Ленинграде большая часть осталась. Я ж там Герценовский институт народов Севера закончил и аспирантуру. И кандидатскую там защитил «Сказки М. Е. Салтыкова-Щедрина». Его девиз стал моим: «Быть человеком даже перед собой — большое дело». Хорошо сказано, верно? ... Так возник в доме Марс. Как он людей чувствовал!

— А не он ли покусал ректоршу, что «наладила» Вас с института?

— Ха-ха-ха! Да Марс добрейший из добрейших был. Набрехали они на пару с партийной секретаршей (парторгом института являлась супруга секретаря парткома УКГБ по Камчатской области. — *В. П.*). Марс голоса не подал. Я открыл, спрашиваю, зачем пожаловали. Приказываем, говорят, прогослововать. Ответил, что приказов не выполняю — не в армии. Так они выдумали: собаку на них спустил, «антисоветчик» и т. д. и т. п. Я же просто себя в списках не обнаружил, а проверяться к председателю избирательной комиссии не пошел, домой отправился.

Им требовался только повод, в этом я убедился. Не могли простить, что я не гордый, что с должностью заведующего кафедрой русской литературы расстался спокойно, как прежде с ректорской. И потом — знал их, как облупленных. Подавляющим большинством исключили меня из партии (вступал на фронте в 1942 г.), «по окончании трудового договора» уволили, и я потерял все надбавки. «Направил»... Марс никогда никого не тронет. Это недостаток у него был — доброта.

— Вы Марса любили больше всех?

— Очень. Мать его у меня жила, она замучила меня щенками: каждый год штук по восемь. Решил мать отдать, а щенка от нее оставить. Какой вылезет из ящика первым. Вылез он. Очень добрый был. На улице детишки плачут, подбежит — слезы слизывает. И еще одно: ведут в садик, ребенок капризничает, мамаша там или папаша принимаются шлепать — Марс рычит (я его сразу — на поводок...). Зато гонял кошек. Самая любимая игра — на дерево их загнать. Соседи же имели не то две, не то три кошки. Стеклом отравили. У собак есть... Сыт, но нашел — сам нашел что-нибудь, кость обглоданную даже — и рад донельзя. Ему положили на дворе котлету...

Десять лет мы с ним дружили. Один год вообще тяжким выдался: исключение, устройство на новую работу... Марс — единственный, кто по-настоящему — человечно — отнесся ко мне.

— Когда Вы сказали, что у Вас застрелили собаку, я подумал, это Марса...

— Маленькая собачонка была у меня, болонка. Я уже в киоске газеты продавал. В 1983-м. Иду к семи часам утра на работу, она со мной дорогу перебегает. Слышу выстрел — собачка между ног моих падает. «Что же вы делаете? Посреди города!» — кричу. А он, молодой парень, отстрельщик, в ответ: «Заткнись дед! Нам два пальца обо... и тебя хлопнуть».

— Легко им так обращаться с безоружными!

— С войны — а она длилась для меня шесть лет, начинал в финскую, закончил на Западной Украине, где бандеровцы — не стрелял в человека. На фронте — совсем другое дело. Однажды «своего», не пулей, правда... Перед выходом из окружения под Синявиным (Ленинградский фронт, 1942 г.) мне земляк передает, мол, так и так, вызывает тебя особист. А я знал, что это такое. Вызовут бойца, и — все, никто его больше не видит. Расстреливали, в ком сомневались.

Я беру свою рацию (по специальности я радиотехник, а до войны монтером был) и прямым ходом на передовую. Когда же стали выходить из окружения, там вообще страшные вещи творились: для выхода оставалась узенькая ленточка — по краям болот, а тут — разбитая дорога, очень маленькая. Немцы поставили по краям этой дороги огнеметы. Самое страшное — видеть, как идет толпа людей, и огненный шар сжигает их. Мы, человек пятьдесят, как только уместились, когда она рассчитана не больше чем на пятнадцать, мы все забились в эту землянку, воды почти по горло... Смотрю (слезы навернулись на глаза) — он! В солдатское переоделся. Я сказал ребятам. Его схватили — и под воду. Так держали, пока не пришел каюк. Многих же он погубил!

— Вы говорили, что на собаку можно положиться. На любую?

— Собака никогда не предаст. И, учти, по собаке можно определить хозяина. Она ведет себя, как он, если им воспитана со щенка — мои так все почти такие были.

За нашу Советскую Родину!

СПРАВКА

Выдана Лейтенанту Соловьеву
Сергею Петровичу

в том, что за отличные боевые действия в составе 294 стрелковой Черкасской Краснознаменной орденов Суворова, Кутузова и Богдана Хмельницкого дивизии приказом Верховного Главнокомандующего Маршала Советского Союза товарища Сталина от 8 апреля 1944 года при прорыве обороны противника и форсировании реки Прут ему **ОБЪЯВЛЕНА БЛАГОДАРНОСТЬ.**

Командир **745 ОБС**
Катинин Амур
1945 года.



За нашу Советскую Родину!

СПРАВКА

Выдана Лейтенанту Соловьеву
Сергею Петровичу

в том, что за отличные боевые действия в составе 294 стрелковой Черкасской Краснознаменной орденов Суворова, Кутузова и Богдана Хмельницкого дивизии приказом Верховного Главнокомандующего Маршала Советского Союза товарища Сталина от 8 апреля 1944 года при освобождении города Хуши (Румыния) ему **ОБЪЯВЛЕНА БЛАГОДАРНОСТЬ.**

Командир **745 ОБС**
Катинин Амур
1945 года.



За нашу Советскую Родину!

СПРАВКА

Выдана Лейтенанту Соловьеву
Сергею Петровичу

в том, что за отличные боевые действия в составе 294 стрелковой Черкасской Краснознаменной орденов Суворова, Кутузова и Богдана Хмельницкого дивизии приказом Верховного Главнокомандующего Маршала Советского Союза товарища Сталина от 8 апреля 1944 года при осуществлении прорыва и форсировании реки Смолк ему **ОБЪЯВЛЕНА БЛАГОДАРНОСТЬ.**

Командир **745 ОБС**
Катинин Амур
1945 года.



За нашу Советскую Родину!

СПРАВКА

Выдана Лейтенанту Соловьеву
Сергею Петровичу

в том, что за отличные боевые действия в составе 294 стрелковой Черкасской Краснознаменной орденов Суворова, Кутузова и Богдана Хмельницкого дивизии приказом Верховного Главнокомандующего Маршала Советского Союза товарища Сталина от 8 апреля 1944 года в ходе по осуществлению прорыва обороны противника и выходе в государственную границу ему **ОБЪЯВЛЕНА БЛАГОДАРНОСТЬ.**

Командир **745 ОБС**
Катинин Амур
1945 года.



За нашу Советскую Родину!

СПРАВКА

Выдана Лейтенанту Соловьеву
Сергею Петровичу

в том, что за отличные боевые действия в составе 294 стрелковой Черкасской Краснознаменной орденов Суворова, Кутузова и Богдана Хмельницкого дивизии приказом Верховного Главнокомандующего Маршала Советского Союза товарища Сталина от 8 апреля 1944 года при освобождении города Черкассы ему **ОБЪЯВЛЕНА БЛАГОДАРНОСТЬ.**

Командир **745 ОБС**
Катинин Амур
1945 года.




За нашу Советскую Родину!

СПРАВКА

Выдана Лейтенанту Соловьеву
Сергею Петровичу

в том, что за отличные боевые действия в составе 294 стрелковой Черкасской Краснознаменной орденов Суворова, Кутузова и Богдана Хмельницкого дивизии приказом Верховного Главнокомандующего Маршала Советского Союза товарища Сталина от 8 апреля 1944 года при прорывании Днестра, овладении городом Рыбна и выходе в государственную границу ему **ОБЪЯВЛЕНА БЛАГОДАРНОСТЬ.**

Командир **745 ОБС**
Катинин Амур
1945 г.



Справки, выданные в 1945 г. лейтенанту Сергею Петровичу Соловьеву об объявлении благодарностей за отличия в боевых действиях

— И на войне?

— Нет, в Германии нет. Подобрал я подстреленную овчарку — немцы, видать, подстрелили и бросили. Взял я ее, выходил. Мы тогда наступали. Ранило меня: в землянку попал снаряд, завалило. Слышу: «Не спеши откапывать — они все тут мертвые». Я зашевелил ногой, чтобы поспешили. Откопал. Я, значит, попал в госпиталь. Возвращаюсь. Она увидела меня, обрадовалась, прыгнула с машины и — прямиком под «студебеккер». Винил я себя: привыкла ездить со мной на «оппеле» — я в кабине, она на капоте...

Сергей Петрович замолкает, смотрит на своего маленького друга.

— Ну что, Антошка? Домой? Погоди малость. Антошка-то самый умный у меня. Та, которую застрелили, по преданности такая, как этот, но чтобы все (все совершенно) понимала — впервые. Все стрессы снимает. Я расстроюсь, вроде вида не подаю, он сразу же ко мне ластится — чувствует. С ним никто не нужен. Народ все больше становится подлецом. Подлость увеличивается, а не уменьшается. Утрачена нравственность. Кругом безграмотность и неинтеллигентность. И эта еще — эмансипация. Я ее никогда не признавал, русскому человеку она чужда. Меня всю жизнь шокировало, что они, видишь ли, стремятся быть наравне. Но сам не мог обмануть ни просто человека, ни женщину...

Сергей Петрович опять переходит к собакам. Перед Антошкой у него был Дим.

— Этой зимой я поскользнулся — за Димом (колли) побежал, он и свалил меня с горки. Зимой-то не чистят теперь, начальство отсюда съехало. Дим понимал, что я болею из-за него. Подойдет, руку лижет — виноватится. И сует мне лапу: не злись, мол, на меня...

Для меня исчезновение отсюда номенклатуры было новостью. За год до этого, проходя мимо, подсел к нам на лавочку один из соседей Соловьева секретарь обкома по идеологии Семен Гаврилович Танский. Его я знал с 1968 г., он выступал на августовско-сентябрьских курсах повышения квалификации журналистов, где учился и я, сотрудник рыбацкой газеты «За высокие уловы». В перерыве задал ему вопрос по чехословацким событиям, но ответ получил очень уж мудреный, ничего не понял, а попросить растолковать постеснялся, дабы не сочли дураком: в молодости этого боишься, как огня.

Сергей Петрович как-то обмолвился, что, когда его выгнали из института и КПСС, хотели переселить из «элитного» дома, но он отказался наотрез, и от него отстали.

— Я без собаки не могу обойтись, — продолжает мысль Соловьев. — Дима нет. Что делать? А тут — Антошка. Дождь лил ужас какой! Приносят его. Уборщица из нашей бани (своею карьеру бывший ректор КГПИ завершил банщиком. — *В. П.*) С рукавицу был. Но — дом незнакомый (кто-то бросил его на улице), и он хочет уходить с теми, кто принес его. Мокрый весь.

Я его вытер. Рычит на меня. Уложил отдыхать на кухне и лег спать. Думал: там и наклал, и налил. Ничего подобного. Открываю поутру дверь — он сразу ко мне. Пошли гулять (поводка у меня не было), от меня не отходит. Покормил. С тех пор всюду со мной. Легавая, та глупа была: в своем охотничьем деле разбиралась, а человеческий язык не понимала. Нам с Антошкой вдвоем хорошо. Глянешь на него, и душа тотчас отходит. И мир кажется лучше. Будто плохого и нет ничего на свете.

С. П. Соловьев умер в марте 1995 г., мне довелось участвовать в организации его похорон. В последнее время у него была другая собачка — помесь болонки с пуделем; ее мы с женой нашли в лесу в районе Горизонта-Севера и отвели ему. Он уже почти не вспоминал о войне, а если я подводил разговор к этому, неизменно повторял: «Уж лучше бы я остался там, с убитыми товарищами...» Спорили мы редко, но однажды, осенью 1994 г., едва не рассорились. Из-за Александры Терехиной, бросившей институт в бытность Сергея Петровича ректором.

Она училась на начфаке — факультете подготовки преподавателей начальных классов. Александру, по ее словам, обвинили в ненадлежащем виде (чересчур короткие юбки и слишком модные прически), который она менять не пожелала. Потом А. Терехиной удалось восстановиться, правда, уже на заочном отделении, и она долгое время работала в детском садике.

Саша присутствовала на собрании, где меня «судили», и бросала в мою сторону сочувственные взгляды, которым я не придавал особого значения, но в память они врезались. Под самый Первомай, как бы даже не 30 апреля, она остановила меня на Ленинской: «Я тебя всюду искала. Валька, ты не представляешь, как мне хочется поговорить с тобой!» Мы не были знакомы, и я растерялся, но больше не от этого: дурная слава преследовала ее.

Но и меня — тоже! Я уже вкальвал на заводе, а представители партийных органов продолжали трепать мое имя, выступая перед своими одночленниками. (И начинали везде стереотипно: «Был такой студент Пустовит, он...») Причем, не только в областном центре. Как мне рассказывали северяне, эта мода докатилась аж до Тиличик.

В бывшем партархиве я обнаружил справку о работе Петропавловского горкома КПСС по коммунистическому воспитанию студентов, составленную инструктором идеологического отдела Камчатского обкома партии А. Черкашиной. «При оценке знаний студентов не всегда учитывается их общественно-политический облик, убеждения, проверенные на конкретных делах», — значилось в документе. «К сожалению, есть преподаватели, которые довольствуются лишь формальными ответами студентов, не интересуются их моральным обликом.

Декан историко-филологического факультета, кандидат исторических наук т. Ваганов, экзаменуя по истории КПСС бывшего студента Пустовита,

не разобрался в его истинных убеждениях, не знал этого студента и оценил его “знания” на “отлично”. Убеждения и взгляды Пустовита в действительности были троцкистскими, он был вскоре исключен из пединститута... Нужно добавить, что при обсуждении поведения бывшего студента Пустовита многих преподавателей не было, а заведующий кафедрой марксизма-ленинизма т. Гайсин даже не знал сущности его персонального дела» [53]. Документ относится к протоколу бюро обкома КПСС от 6 мая 1964 г.

...Мы договорились встретиться с Сашей Терехиной в воскресенье 3 мая. День выдался необычно теплым (плюс двадцать). Весь город, казалось, высыпал на улицы — до того былолюдно.

Моя новая знакомая явилась на свидание в три часа к кинотеатру «Октябрь», здание которого занимает теперь школа олимпийского резерва. Она привлекала внимание окружающих не только своей внешностью, но и экстравагантной одеждой: светлое пальто по последней моде и такая же шляпа. Я, в сравнении с ней, выглядел в самом деле «дешевым пижоном» (неполитическая кличка, данная мне еще в институте дочкой секретаря горкома партии). Но это — мелочи. Я чувствовал себя рядом с тоже городской знаменитостью, но иного рода, откровенно скажу, весьма неловко, и вообще всегда, по возможности, сторонился мест большого скопления народа. Поэтому сразу же предложил Саше пойти на берег Авачинской бухты.

Ровно через шесть лет, вспоминая тот день вдали от Камчатки в приморском Имане (Дальнереченск), я записал в своем армейском дневнике: «Да, это был день счастья. Я много раз возвращался к нему, сначала душой возвращался, и теперь только мысленно, и все думал, что был счастлив. Я был счастлив, смутно понимая это, трезвый, я был хмельным, а самое главное — искренне поддался влечению этого счастья... А 5 мая вдруг повалил снег, и, казалось, что все это только приснилось: и по-летнему жаркое солнце, и сверкающая под его лучами волна, и камушки, по которым я ступал, не веря в такой неожиданный, невероятный подарок судьбы».

Мы с Сашей просидели на бухте весь день. Я впервые целиком доверился почти незнакомой женщине. Просто мы поверили друг другу. Наши разговоры походили на взаимную исповедь. Вскоре у меня появились стихотворные строки:

*И, как люди раскрывают души,
раскрывают лепестки цветы.*

Женское тепло и ласка, словно сговорившись с доброй природой, унесли меня совершенно в другой мир, где нет лжи, подлости, предательства, хотя я часто с горечью говорил о них тогда на берегу. Падая в глазах окружающих, я никогда так высоко не поднимался в ощущении себя, в понимании женщины как таковой.

Была уже ночь, когда я провожал Сашу домой. Жила она в Сероглазке на Беринга, и, чтобы быстрее добраться туда, мы долго шли по прибойке, минуя мехзавод, а потом трудно, но весело взбирались по крутому скалистому склону к домам с погасшими огоньками, и нас облаивали лишь собаки, да и то не слишком рьяно, пожалуй, даже лениво. Помню Сашин длинный моднячий шарф, ее прощальный взмах руки и свой одинокий путь на Комсомольскую площадь. Он был коротким под впечатлением нашего дня, и еще потому, что навстречу не попалось ни души. Город давно спал перед новой трудовой неделей. Мне же никак не спалось. Однако на работу к восьми я не опоздал...

Стихотворение «Королева города», посвященное А. Терехиной, быстро завоевало популярность у молодежи, в чем убедился, когда читал его со сцены Дома офицеров Советской армии, где выступал вместе с другими участниками Первой конференции творческой молодежи Камчатки в середине ноября 1964 г. Стихи эти были написаны в филимоновском доме на Фрунзе; там я некоторое время обитал, работая слесарем.

Комнатка моего служивого друга пустовала, и его родители заботились обо мне, как о нем, особенно Валентина Феодосьевна. Платил я только за кормежку тридцать рублей и — все. Меня всегда удивляло, как Валентина Феодосьевна умудрялась вести хозяйство при мужниной зарплате в две сотни. Сама она все время была домохозяйкой, растила сыновей... Правда, при доме имелся маленький огород, с которого собирали самое большое мешка полтора картошки, да курятник с десятком несушек. По утрам я выпивал пару сырых яиц, пил чай и бежал на работу. Мы с отцом Фэ Дмитрием Павловичем часто толковали о политике и истории КПСС. После гибели среднего сына он стал с недоверием относиться к правящей верхушке советского государства, оставаясь при том коммунистом-ленинцем.

А событий в мире политики происходило много: в соцлагере начиналось брожение, постоянно подогреваемое разногласиями КПСС с компартией Китая, мировое коммунистическое движение раскалывалось — появлялись все новые и новые просоветские или прокитайские группировки, в компартиях стран Запада (за исключением США, существовавшей на советские деньги) брали верх либеральные, «ревизионистские» тенденции.

Слушали мы преимущественно «Пекин». Это позднее, после прихода из армии А. Филимонова и образования нашей пассивной антисоветской группы, собиравшейся в его комнате, мы перетащили туда приемник (помоему, это была радиолка «Балтика») и ловили не только «Пекин» и «Голос Америки», но и «Свободу». Так продолжалось года два, пока Фэ не поступил в ДВГУ летом 1967-го.

Несмотря на внешнюю грубоватость, Валентина Феодосьевна была добрым, отзывчивым человеком. Ко мне она относилась как к сыну, и я ее называл «мамой Валей». Привечала она Владимира Науменкова, который через

меня потом познакомился с Александром Филимоновым, и вчерашний солдат в первую же встречу с поэтом перестал смотреть на него как на офицера и увидел в нем талантливого человека и едва ли не политического единомышленника. Конечно, главную роль сыграли Володины противоправительственные стихи из рукописи «Век отступлений» и, прежде всего, поэма «Мавзолей Ленина». Все новые науменовские стихи впервые читались в исполнении автора в «опальном домике», как окрестил филимоновское жилище другой русский поэт Анатолий Саньков. Кроме него и меня, сюда приходили еще двое студентов КГПИ — с иняза Виктор Новокрещенов и Альбина Кольшкова, учившаяся на филфаке. Из рабочих появлялись Иван Морозов и Вячеслав Титов.

Вот и вся наша группа. Каждый из нас был уверен в своих товарищах, как в самом себе. И о существовании нашей компании, ведущей беседы на исторические, политические, философские и литературные темы, а также на темы искусства, причем в явно оппозиционном к коммунистической идеологии духе, кэзэбэшники, скорее всего, не ведали. А все оттого, что ребята подобались твердые, не болтливые; внедрить же к нам чужака было дохлым номером.

Из многих наших разговоров запомнилось обсуждение открытого судебного процесса над литературным критиком А. Сиявским и переводчиком Ю. Даниэлем. Они около десяти лет выступали на Западе как антисоветские прозаики, печатаясь там под псевдонимами. Естественно, мы дружно осудили процесс, назвав его отрывкой сталинизма. Да и статью УК им шили мою: 70-ю.

Несколько смущало нас одно обстоятельство: оба подсудимых здесь, в Советском Союзе, никогда не входили в число критикуемых в прессе за «вывихи», «заблуждения» и «ошибки», как это случалось, скажем, с Е. Евтушенко или И. Эренбургом.

Уже в постперестроечные годы А. Сиявского издали в России. И я подумал, что защищали их наши ребята в 1966 г. правильно, а вот беспокоились за дальнейшую судьбу напрасно. Условия отсидки позволяли им продолжать творческие опыты. Проза Сиявского мне как-то «не глянулась», зато хватило терпения дочитать до конца его большую литературоведческую работу «Прогулки с Пушкиным». Затем я ознакомился с откликом на нее эмигранта первой волны Романа Гуля «Прогулки хама с Пушкиным». И мне показалось, что старый писатель, вынужденный покинуть Родину на заре советской власти, все-таки прав.

По нашим понятиям 1960-х годов, публикация протестных произведений на Западе являлась показателем смелости и презрения к существующему политическому режиму. У меня кое-что для этого уже имелось, но только стихи: «Просительная пятница» (1964), «Страна», «Старый вальс» (1965), «Я — маленький советский человек...», «Завещание», «Преферансисты», «Пожар» (1966). А вот у Александра Филимонова была проза. Как-то поздней осенью 65-го, вскоре после его возвращения из армии, я спал в «опальном

домике», как делал часто, когда засиживался у друга; посреди ночи он растолкал меня и объявил, что «накатал» рассказ. И тут же зачитал его. Ниже приводится этот рассказ. Впервые без купюр, то есть в таком виде, в каком не удалось напечатать его даже в начале 1990-х гг.

«Было ли это со мной, я не знаю, но что-то я пережил, что-то осталось во мне на всю жизнь. Холод всегда располагает человека к теплу, независимо от того, какова его природа. Моя жизнь лишила меня ориентации во времени: смену дня и ночи я воспринимаю как одно сумрачное утреннее пробуждение. Казалось, не дожидаться того вечера, когда я опять смогу утолить свой жаждущий организм в каком-нибудь кабаке, где захмелевшие политики из народа, которым я составлю компанию, поставят мне стакан вина, а затем я, став уже значительно смелей, утолю свою жажду — все повторится.

Но сейчас я ощущаю только холод. Немного покачиваясь и сжавшись, чтобы удержать в себе остаток солнца — как все живое и горячее, получая жизнь от него... Нет, на таком холоде развивать теории невозможно.

Вдруг я почувствовал на себе взгляд, не безразличный — восхищения я не мог вызвать, а любопытствующий. То была (вы уже догадываетесь, кто это мог быть) добрая душа и, как ни странно, в женском теле, и притом молодом и привлекательном, даже красивом. Я ухватился за спасительное занятие, внушил себе, что я влюблен, и пожертвовал всеми другими делами с самого утра: выясняю, куда она ходит, чем живет. Если чем-нибудь отвлечься, то можно забыть и про холод, и про урчащий желудок, и про душевную жажду.

Пропустив ее вперед и отдав оценку ее достопримечательностей на десерт (извините, что я так часто употребляю кулинарные термины; не забывайте, что у меня еще есть желудок), я стал рассуждать, чем я мог привлечь... вернее, вызвать любопытство у столь экстравагантной особы. Наверное, у меня очень бледное лицо после бурно проведенной ночи, которую я провел в бессознательном состоянии, а глаза мои в последнее время начали слезиться, что тоже могло привлечь ее внимание, так как в них могли отразиться утренние огни, что при небольшой фантазии можно было принять за блеск.

Не найдя больше в себе ничего особенного, кроме молодости и внушительного роста, я перешел на свою незнакомку. Да, она напоминает изящную бутылку французского вина, которую я видел в каком-то кинофильме... Опять алкоголь! А я на данном этапе — влюбленный, и должен забыть о прошлом и будущем. Глаза у нее искрятся, как шампанское, а ресницы длинней, чем усы у креветки, которыми мы в какой-то компании славно закусывали.

... Так, она вошла в гастроном. Подождать или зайти? А вдруг она продавщица да еще в ликеро-водочном отделе? Надо войти. Где же она? У витрины смотрит на яблоки. Да, так я могу окончательно исправиться (я уже, наверное, тридцать минут не думаю о водке и...). Она у кассы. О, большая сумма:

десятки и — много. Предложу помочь нести покупки, а там — разговор, займу трешку.

Так, яблоки, конфеты — о! Бог ты мой, она взяла коньяк, сыр. Но зачем коньяк?! Меня уже не будет интересовать это прекрасное создание — я буду преследовать “пять звездочек”.

Но что это такое: она зовет меня... Начинается.

“Молодой человек, может, вы догадаетесь помочь мне?” “С удовольствием”. “И как вас зовут?” “Игорь. А вас?” “Наташа”. “Очень приятно. И куда мы пойдем?” “Я должна зайти на почту и дать телеграмму маме, а потом пойдем ко мне, если вы, конечно, ничем не заняты. И не удивляйтесь, что я могу так запросто ввести к себе мужчину — для вас исключение: у вас такой бледный вид и вам, наверно, некуда идти...”

После такого длинного монолога она исчезла в дверях почты, а я был охвачен невообразимой идеей — со всеми покупками смыться и где-нибудь спокойно распить бутылку коньяка. Но — где? С бутылкой можно зайти к любому, но все они пьют не меньше меня, и тогда мне достанется неточная половина.

“Ну, пошли, Игорь!” “А далеко?” “Да нет, совсем рядом. Так вы, вероятно, очень довольны, что вам подвернулся случай познакомиться с такой сговорчивой девушкой, как я, которая предоставляет вам квартиру, вино и еще что-нибудь. Не так ли?”

А она сообразительная. О чем же я могу еще думать... “Но от вас пахнет водкой. Вы, вероятно, где-нибудь пьянствовали всю ночь, проспали с женщиной, и теперь, во избежание встречи с ее супругом, вовремя убежали, и вам некуда идти, а я для вас спасительная зацепка. Если так, то я не пойду с вами. Говорите правду, Игорь”.

Я рассказал правду. Заканчивал уже раздетый, греющийся руки у батареи; она стояла в пальто и внимательно меня слушала. От такой счастливой перемены я впал в откровенность, к чему располагали ее умные глаза. В них было любопытство, страдание, обида.

Нет, мне надо смыться, а то еще присосет к этой особе, и опять начнется серая жизнь рабочего или учащегося, или того и другого вместе, в чем я ей откровенно и признался. Она быстро сняла пальто и стала накрывать на стол. Квартира говорила, что здесь живет не рабочий, не служащий, а босс. Комфорт.

Я сел без приглашения за стол, откупорил бутылку и выпил с дрожью в теле маленькую рюмку. Мы плотно закусили, пили вместе — один к четырем. Я распоясался. Читал стихи, говорил о поэзии, но вот подошел к своему излюбленному коньку — политике. Разношу по косточкам советскую власть, призываю расстрелять коммунистов, совершить с Лениным то, что сделал Никита со Сталиным: выкинуть из мавзолея. Затем с удовольствием

затягиваюсь сигаретой и смотрю на свою невозмутимую собеседницу, и вдруг ужасаюсь: за створкой распахнувшегося шкафа вижу мундир полковника милиции. Пропал!

Перехватив мой взгляд, она грустно улыбнулась: «Папы нет. Он умер. Мама в командировке. Можешь лечь на диван и отдыхать. Потом поговорим... Я уйду в институт. Он умер совсем недавно. Был хороший для меня, для мамы, для кого еще — не знаю. Ну, спи, я опаздываю... Я очень грущу о нем, не нахожу себе места... вот и пригласила тебя. Мама тоже страдает, обещала привезти бабушку».

Я молчу, переполненный чувством облегчения и еще чего-то, в общем разговором, быстро ложусь, слыша, как она собирается и уходит. Засыпаю. Что будет дальше?»

Рассказ «Случайное знакомство» Александр Филимонов написал, встретясь со студенткой КГПИ Линой Тереник, весьма неординарной личностью. Я слышал, что ее отец разбился на мотоцикле около стадиона «Спартак» на Набережной; там опасный поворот, и до сих пор нередко происходят аварии.

...Мать Фэ постепенно начала симпатизировать нашим взглядам, но боялась, как бы не засадили младшего сына. «Да ты, мамка, не волнуйся!» — успокаивал он ее. — Здесь все свои, а на улице мы не выступаем...» Бывало, послушав нас, Валентина Феодосьевна вспоминала какую-нибудь историю из прошлого. В детстве, во время гражданской войны, она жила в Приморье. Ее рассказ о том, как под покровом темноты на городской окраине красные партизаны зверски расправились с провожавшим с танцев барышню белым офицером и с ней самой, так взволновал меня, что я тут же написал стихи об этом («Старый вальс»). Несмотря на то, что муж состоял в партии, коммунистов она не любила и называла их — повторяя, видимо, чьи-то слова из детства — не иначе, как «товарищи-сукины сыны». Однако критически относилась и к западным «голосам».

— Я, конечно, — не Шолохов, но скажу... — передразнивала она некоего «сатирика Петра Смолкина», подвизавшегося на радиостанции «Свобода»; ей не нравился его ехидный тон. Улавливая злорадные нотки у других закордонных «друзей советского народа», мама Валя часто повторяла: «Ничего хорошего они нам не хотят — хотят, чтоб еще хуже было». Как в воду глядела!

...В те годы, когда мы стали более-менее регулярно собираться у Филимоновых, среди нас Саша Терехиной не было. Ей принадлежало начало лета и осень 1964 г., один раз вместе со мной и родителями Владика она даже ходила на его могилку. «Королева города» произвела на Валентину Феодосьевну благоприятное впечатление своим умом, душевностью, простотой и бескорыстием. Но, заметив в моей комнатке ее портрет в деревянной рамке, подошла, долго рассматривала, ничего не сказала и, вздохнув, ушла на кухню. Теперь я догадываюсь, что смущало маму Валю: резкая, какая-то

вызывающая красота молодой женщины. Тогда я не понимал всего этого, только предчувствовал крах моих юношеских иллюзий.

Мне в то время не исполнилось еще двадцати, Саша Терехина была старше меня на два года, но рассуждениями гораздо взрослее. Я влюбился в нее 3 мая 1964-го. Да иначе и быть не могло. Она возникла в моей жизни подобно Ангелу Хранителю и, завершив свою миссию, исчезла так же внезапно, как появилась. Хотя у нас с ней до сей поры сохранились добрые дружеские отношения. И я в 2008 г. решился, наконец, включить стихотворение «Королева города» в наш совместный с В. Наumenковым и А. Саньковым поэтический сборник «Три Брата». А до этого все считал, что оно технически несовершенно. Так и сказал как-то по телефону Александре Андреевне, добавив: «Но что-то в нем есть. Не пойму что...» Она, не раздумывая, ответила: «Душа есть!»...

...Возвращаюсь снова к своей «институтской эпопее». Почему я уделяю ей столько места? За всю полувековую историю КамГУ им. В. Беринга это было единственное громкое политическое дело, вдобавок, с «благополучным исходом».

12 сентября 1964 г. состоялось комсомольское собрание третьего курса филфака КГПИ. Копию протокола этого собрания мне недавно передала заслуженный работник культуры России Надежда Курохтина (в девичестве Захарова). Подлинник хранится у нашей однокурсницы Валентины Мелехиной.

Первой выступила комсорг комбината бытового обслуживания. Она говорила обо мне как о трудолюбивом рабочем и активном общественнике. Выполнявшая комсомольское поручение студентка Надежда Сандул подтвердила слова представителя трудового коллектива: «Я посетила рабочую организацию (ходили они туда вдвоем с комсоргом группы Надеждой Захаровой. — В. П.), беседовала с рабочими. Считают его хорошим парнем, ведущим большую работу, среди рабочих читает свои стихи, был дружинником, в патруле...»

Затем начали высказываться другие. Как и семь месяцев назад, мою сторону держала Валентина Соколовская: «Я верю в то, что он осознал свои ошибки, и верю в его желание учиться. Мы знали, что многие его ошибки вызваны бахвальством, стремлением выделиться, незнанием, ошибки от глупости и молодости. У Пустовита произошел перелом, работал и не выражал никаких антилитературных, антипартийных взглядов...» Не поменяла своего отношения ко мне и Лиля Ласенко. Она на сентябрьском собрании дважды замолвила за меня слово, подчеркнув: «Меня глубоко волнует судьба Пустовита, и шелуха с него слетит, а ядро у него здоровое». Секретарь комитета ВЛКСМ факультета Людмила Осьминина была солидарна с Соколовской и Ласенко: «Человек, учась, растет, но рядом с ним группа, коллектив. Пустовит еще не полностью осознал свои взгляды, но постепенно все пройдет. То, что с ним случилось, — это от ошибок, заблуждений».

Так думали не все присутствующие. Студентка Ф. не согласилась с Л. Осминой: «У меня были сомнения, когда группа защищала тебя. Мы часто говорили о тебе, но твоя связь с Терехиной, которая ухватывалась за уплывающее, грязь, нечистота. Отсутствие друзей, одиночество — это не помогает приобрести убеждения. Я против того, чтобы принять Пустовита в институт — нечистоплотных, грязных людей».

«Я не верю в искренность раскаяния Пустовита. С кем он дружит? Кто тебе помог разобраться в твоих ошибках?» — вопрошала комсомолка Р.

К ним присоединилась та, с коей мы раздружились. Она, во-первых, возмутилась тому, как в КБО «его могли принимать в комсомол (не принимали, а предлагали вступить по-новой. — В. П.), если не знали существования исключения из института». А затем заявила: «Я не верю в искренность раскаяния. Его девиз: “Лучше молчать”. Так он думает до сих пор. Группа его защищала только потому, что, если его выгонят, то посадят в тюрьму. Лично я за то, чтобы Пустовита не приняли в институт. Я знаю взгляды те, которые ты говорил мне только одной. Твое поведение летом (намек на А. Терехину. — В. П.) меня убеждает в этом. Я думаю, что студентами руководит жалость». Она также добавила (этого нет в протоколе) — мол, мы здесь зря тратим время, все равно его возьмут обратно. Мне же она, согласно протоколу, задала один вопрос: как я отношусь к отцу. И спросила она меня после моего ответа на чью-то реплику: почему это она выражает мне недоверие как человеку. Будто непонятно было, почему. Я отмахнулся: «Это — чисто субъективное». (На следующий день 13 сентября я написал «Королеву города»; так что, Ф. и моя бывшая подруга только ускорили появление на свет почти выношенного «ребенка».)

Декан филфака А. Б. Живоглазов, оговорившись, что он не хочет влиять на решение комсомольцев, высказал тревогу по поводу выступления студентки, с которой я раньше находился в самых тесных отношениях. «Честен ли твой поступок? Мы решаем человеческую судьбу. Он идет не на необитаемый остров, а в наш коллектив. Личное должно тревожить наш коллектив и насторожить нас».

Двадцать человек проголосовали за меня, трое против. Но в проекте решения не только обращение в ректорат о восстановлении меня в институте на втором курсе, но и предложение вынести этот вопрос на общефакультетское собрание. Однако никакого факультетского собрания не было. Было единогласное решение группы Р-631 второго курса просить комитет ВЛКСМ передать меня этой группе под ее ответственность.

И 24 октября комитет комсомола КГПИ обсудил данную просьбу.

А за десять дней до этого произошло событие, которое сильно повлияло на отношение ко мне и в институте, и в городе. Еще в апреле, когда Н. С. Хрущеву

КАМЧАТСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

21 февраля 1964

№ 8

СПРАВКА

Дана ПУСТОВИТ Валентину Петровичу в том, что он действительно с 1 сентября 1962 г. по 18 января 1964 г. обучался в Камчатском педагогическом институте на филологическом факультете. 18 января 1964 г. за аморальное поведение и академическую задолженность был исключен со II-го курса института.

ДЕКАН
ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА (В. П. ВАГАНОВ)

Выписка из протокола № 1
заседания комитета ВЛКСМ КПИ
от 24 октября 1964 г.

РЕШЕНИЕ

комитета ВЛКСМ от 24 октября 1964 года.

просить ректорат о принятии Пустовита Валентина в институт.

3 октября 1964 г.

СЕКРЕТАРЬ КОМИТЕТА ВЛКСМ КПИ

В. Кравченко

/КРАВЧЕНКО /.

Документы Камчатского государственного педагогического института
об отчислении и восстановлении студента В. П. Пустовита, 1964 г.
(из личного архива автора)

Протокол
комсомольского собрания
группы Р-621 от 12
сентября 1964 г.

Присутствовало - 28

Резюме дня

1. Обсуждение В. Пустовита
вопроса о приеме бывшего
студента нашей группы.

Выступление секретаря
комс. ор-ции комбината
бытового обслуживания.

Активный ответственный,
делавший большую работу среди
рабочих, издавал газету
просит восстановить его
принять его в институт.

Вопрос: Знает ли секретарь
комсомольской ор-ции
за что исключен Вашинник
из института?

За то неустойчивое мо-
ральное поведение - объяснил
он, подробностей не знает.

Фрагмент протокола комсомольского собрания, рассматривавшего вопрос
о восстановлении В. П. Пустовита в числе студентов, 12 сентября 1964 г.
(из личного архива автора)

исполнилось семьдесят, Валентина Феодосьевна Филимонова, рассматривая в газете церемонию вручения юбилюру четвертой Золотой Звезды, заметила среди его соратников пару-тройку откровенно насмешливых физиономий: «Они ему что-нибудь, да подстроят!» И точно: 14 октября «Наш Никита Сергеевич» (название документального фильма 1961 г.) слетел со всех постов и превратился в пенсионера союзного значения. Владимир Науменков привез из Лахтажного стихотворение, посвященное смещению «Хруща», и читал его уже в открытую вкупе с апрельским, юбилейным. «Лучше не будет», — откликнулся на смену руководства мой отец. Спустя год у меня вдруг родились весьма пессимистические строки об исторической перспективе страны:

*...На мавзолее, с красными букетами,
летишь, Россия, ввысь ракетами.
А может, падаешь ты в бездну?
Тебе самой то неизвестно.*

Эти и подобные стихи я теперь уже не держал у себя дома. Балетка с «крамоллой» постепенно заполнялась все новыми и новыми бумагами, причем не только моего «производства» (антисталинские зарубежные статьи революционера-невозвращенца Ф. Ф. Раскольникова, открытое письмо А. И. Солженицына Четвертому съезду советских писателей и др.). Хранилось все это до весны 1985 г. в надежном месте — на квартире Роберта Моисеева (1937—2007), ныне известного ученого и писателя, Почетного гражданина Петропавловска-Камчатского. Познакомились мы с ним в 1959 г. и все время потом поддерживали приятельские отношения, но до перестройки я старался без крайней надобности не появляться у него (все же чекисты отслеживали контакты тех, кто попал в поле их зрения хотя бы однажды), дабы не повредить Роберту; с годами он становился все более заметной фигурой в городе, занимая различные должности, в том числе исполняющего обязанности главного архитектора.

У него было два требования: о том, что я прячу свои бумаги в его доме — известно лишь нам двоим; он должен точно знать, что это за бумаги. Когда я первый раз принес ему «крамолу», Роберт долго вертел в руках стихотворение «Письмо рабочего» (очень слабое, кстати, в художественном отношении — сплошная публицистика, с характерной концовкой-вопросом парторгу завода: «Куда ж мы все-таки идем?»), решая, можно ли квалифицировать его как прокламацию или нет. Между прочим, тогда же я узнал от поэтессы Валентины Коркиной, что в начале 1965 г. они с прозаиком Анатолием Коровиковым написали несколько антиправительственных листовок и распространили их в областном центре в каком-то продовольственном магазине, кажется, в районе Четвертого километра.

... Членов комитета комсомола КГПИ 24 октября 1964 г. интересовало многое. Спросили, кем работал на производстве, сколько получал и куда девал заработанные деньги. Получка моя не превышала 70 рублей, половину отдавал отцу, на остальные покупал книги. Какие? В основном, молодых поэтов. Знали ли товарищи по работе, за что исключен из института? Некоторые знали. Секретарь парторганизации знал все, отвечал я.

«Встречались ли вы летом со своим прежним другом Игошиным?» Вопрос коварный. Во-первых, они в курсе, что мы с ним виделись. Во-вторых, я не считал Николая «прежним другом». И потом ясно же, что последуют уточняющие вопросы. Я ответил им так: «Да, мы встречались. Но у него уже не те взгляды. Говорит, что ему некогда заниматься ерундой. Сейчас переписку не ведем» [54].

Следующий раз мы встретились с Н. Игошиным в конце 1970-го, когда я, отслужив действительную, возвращался домой через Владивосток, где он после ДВГУ работал в институте автоматики и процессов производства ДВНЦ. Николай продолжал неодобрительно отзываться о Солженицыне (ну не любил он его и все!), говорил, что дело наше 63-го года помнят во Владивостоке, и поэтому ему «не дают визу, чтобы ездить по командировкам».

В конце 1963 г. у него произвели обыск, изъяли мои письма, еще кое-что, допросили, но так как он был не гуманитарий и не комсомолец, ограничились «душеспасительной беседой».

Летом 1974 г. я, отпускник, решивший отправиться в Россию «малым ходом», попал в Колины объятья, едва сошел с трапа теплохода «Советский Союз». Поскольку мы по-прежнему не переписывались, очень хотелось побеседовать обстоятельно. До моего поезда «Владивосток — Москва» оставалось целых четыре часа. Устроившись в привокзальном ресторане, мы наговорились вдоволь. Ругали, по обыкновению, красную власть, коммунистов, делились опытом распознавания провокаторов в качестве диссидентов. Недорогая выпивка и закуска как нельзя лучше располагали к критике советской застойной действительности. Помнится, Николай спросил совета, всегда ли надо бороться с комиссарами, то бишь парторганами. Я сказал, что больше вреда от фанатиков, но и они уже далеко не те, что в пору нашей юности — несколько раздобрели, утратили прежнюю принципиальность...

В 1985-м мы встретились с моим школьным другом в последний раз. 21 апреля 2000 г. он погиб во Владивостоке на операционном столе — не вышел из наркоза. (Как М. В. Фрунзе, на улице имени которого в Петропавловске Николай часто ходил в юности.)

В 1988 г. Н. Игошин писал мне: «Здравствуй, Валентиша! Извини за молчание. Спасибо, что не обижаешься на меня и радуешь меня своими произведениями. Считаю, что в настоящее время — время разгула демократии — есть возможность опубликовать то, что лежало под толстым сукном в темном

чулане. То, что совсем недавно нам казалось невозможным, теперь стало возможным. Недавно в «Огоньке» № 48 прочитал большую статью о Бухарине и, честно говоря, прослезился. Был просто потрясен. Несколько лет назад, будучи в Москве, зашел в Музей революции, что на ул. Горького. Искал фамилии Бухарина, Зиновьева, Каменева, но зря. Что нового у тебя? Думаю, тебе по зубам нечто серьезное в духе времени. Вспомни, как когда-то делали фотографии, собирали статьи о репрессированных видных членах партии. А отношение к этому чекистов? Тебе дан поэтический дар, воспользуйся им».

В юности в дружбе нашей троицы торжествовало равенство, никто ни над кем не возвышался. Иногда мы с Филей разругивались вдрызг, казалось, совсем. Но Коля всегда мирил нас — рассуживал, и всегда по справедливости, как-то по-житейски, что ли, хотя был на год младше Александра, а меня старше всего на восемь месяцев...

В последнюю нашу встречу Николай подарил мне солидный том видного анархиста XIX века В. И. Танеева «Детство. Юность. Мысли о будущем», изданный институтом философии АН СССР. С основными положениями работы этого автора «Теория грабежа» я был знаком. Школьная тетрадка с ее конспектом, присланная другом, была изъята у меня при обыске в декабре 1963-го. Как и все Колины письма того времени. У меня хранится лишь одно-единственное, полученное в перестройку. То, что я цитировал выше. Почерк друга не изменился — крупный, разборчивый, уверенный. Прежними оставались и идеалы...

...24 октября 1964 г. на заседании комитета комсомола меня спросили, слушаю ли я теперь «Голос Америки». «Иногда слушаю, но не более пяти минут: все-таки они порют чушь», — отвечал я, кстати, совершенно искренне [55]. «Голос Америки» рекламировал, в основном, «американский образ жизни», что меня никогда не интересовало.

В 1990-е гг. при рассекречивании документов бывшего партархива я обнаружил постановление обкома КПСС от 23 мая 1956 г. «О неудовлетворительном состоянии иновещания и забивки иностранных антисоветских радиопередач областным управлением связи», перед принятием которого руководитель камчатских коммунистов М. А. Орлов говорил о необходимости технически добиться полной ликвидации (каков лексикон, а?) прослушивания антисоветских передач. И он тревожился не безосновательно.

2 января 1953 г. начальник УМГБ А. Е. Черноштан сообщал в обком партии: «...радиоцентр работал на пониженной мощности, а отсюда создавалась возможность прорыва антисоветских заграничных передач через радиостанции Камчатской области. Так, например: 1) В марте 1952 г. через радиостанцию рыбокомбината им. Микояна в течение нескольких минут транслировалась радиопередача “Голос Америки”; 2) В середине 1952 г. через радиозузел Богачевской экспедиции транслировалась передача “Голос Америки” в течение

пяти минут; 3) 31 декабря с 14.30 до 14.45 минут местного времени производилась передача “Голос Америки” для Дальнего Востока об итогах 1952 г. в Советском Союзе. Причем, как установлено, передача производилась совершенно открыто, без каких-либо помех... В результате отсутствия качественной работы радицентра и подмены мощного аппарата малой мощности радиопередачи из Советского Союза могли не прослушиваться за границей» [56].

16 августа 1953 г. в Эссо по трансляционной сети в течение пяти минут транслировался «Голос Америки». Работник райконторы связи, ведущий трансляцию (член КПСС), плохо знал правила службы радиостанции; исполняя обязанности начальника трансляционной сети, являлся политически малограмотным «и не мог различить советскую радиопередачу от иностранной» [57]. Виновного отстранили от работы.

Известно подобное ЧП в период Отечественной войны. 10 февраля 1945 г. в 5.30. на трансляционном узле Оссоры по неопытности дежурного радиста-ученика оказалась «включена японская радиостанция, передававшая на русском языке обзор военных действий на Тихом океане» [58]. Трансляция продолжалась пять минут. Дежурный радист и старший радиотехник также лишились работы. Поразительно, но факт: спустя тринадцать с половиной лет история повторилась. 3 августа 1958 г. в 21.10. местного времени во время дежурства телефонистки Г. в радиосеть на волне 31 метр была включена радиостанция «Голос Токио» и «на протяжении десяти минут жители п. Оссора и Оссорского рыбокомбината слушали антисоветскую передачу» [59]. На собрании коммунистов Анапкинского рыбокомбината 21 января 1957 г. приводился аналогичный случай: «Парторганизация района не приняла до сих пор меры к работникам трансузла, которые транслировали “Голос Америки” по всему поселку» [60].

В конце октября 1964 г. на заседании комитета комсомола пединститута вспомнили и о том, с чего все началось: «Тебя всегда интересовала история, а как сейчас?» «Да, раньше меня интересовала история, но в конце 1964 г. я понял, что мое призвание — литература. И сейчас интересуюсь историей постольку, поскольку это связано с литературой» [61].

В тот момент я действительно на время охладел к истории советского общества. И «оттаивать» начал примерно через год. Картина большевистского переворота в России дана мною в стихотворении «Пожар», а первые две строки «Завещания»:

*Пусть на моей могиле будет крест,
а не звезда с пятиконечным жалом...*

грозили вновь, если не 70-й статьей УК РСФСР, то уж введенной в 1966 г. 190-й, пункт 1 — точно: тут вовсе не требовалось доказывать, что обвиняемый ставил своей целью подрыв или ослабление советской власти.

Парторг пединститута, умный человек, поступил, подобно декану факультета. «Как комитет решит, так и будет, — сказал он, — комитет сам может решить. Если Пустовит притворялся, то очень искусно. По-моему, он все-таки осознал все. Далее, весь институт знает, что за ошибки у него, поэтому опасности для студентов он не представляет» [62].

Не помню, сколько присутствовало на том заседании членов комитета ВЛКСМ, но все (при одном воздержавшемся) проголосовали за мое восставление [63]. За три года учебы после этого я не однажды оказывался в тяжелой ситуации, правда, уже не из-за политики, а один раз едва опять не распрощался со студенческим билетом. Выручил меня заведующий кафедрой марксизма-ленинизма, кандидат философских наук Н. И. Шендрик, у которого я ходил в отличниках. Николай Иванович пользовался непререкаемым авторитетом, как у своего начальства, так и у студентов. Умный, мудрый, веселый, компанейский, любитель анекдотов, гурман, он был душа-человек: простой и добрый.

Еще один преподаватель, к которому тянулись студенты, — Г. Г. Кравченко. Пройдет время — ее популярность среди молодежи достигнет апогея. Она тогда уже будет кандидатом филологических наук, профессором. А в 1964 г. Галина Григорьевна наделала много шума своим замужеством, избрав спутником жизни студента физмата, ленинского стипендиата, самого красивого парня пединститута. Вуз раскололся на два лагеря: «за» и «против». Галина Григорьевна сыграла свадьбу в общежитии, где жила с маленькой дочкой, а после переехала в многоэтажку рядом с КГПИ. Вот туда мы с Владимиром Науменковым иногда и захаживали в 1966—1967 гг. Да и потом, когда он стал штатским человеком, — тоже.

Г. Г. Кравченко была интересным собеседником, обо всем имела свое, зачастую отличное от других, мнение. Знаниями в области литературы и искусства она обладала обширными, объяснить их знаменитой «герценовкой» просто невозможно. Однако не это сдружило нас с Галиной Григорьевной Кравченко (мало ли эрудитов!). При всем при том у нее был живой ум и какая-то, только ей присущая, простота общения, что особенно подкупало.

Натура незаурядная, страстная, она распространяла вокруг себя сильную энергетику — иным словом, харизму. Потому и наши споры с ней порою носили резкий и затяжной характер. Но по природе своей Галина Григорьевна — бунтарь, это я понял сразу, она никого и ничего не боится. И вправду, кого и чего бояться ей, потерявшей в ленинградскую блокаду родных, самой не раз смотревшей в глаза смерти (когда сбрасывала, будучи ребенком, с крыши «зажигалки», и горел госпиталь, где она лежала, уже без ноги). Может, и были у нее минуты слабости, но знаю одно: главными, основными нравственными ценностями — совестью, честью, справедливостью — она никогда не поступилась.

Наши беседы и споры у нее в доме на предмет поэзии часто сводились к ее кумиру В. В. Маяковскому, она в чем-то походила на него, наверное, прежде всего, своей бескомпромиссностью, неумением подлаживаться под других, какое бы положение в обществе те ни занимали.

Молодой супруг Галины Григорьевны Володя Кравченко был под стать ей и умом и талантом, только в несколько иной сфере — по части педагогики и психологии. Однако, если принимал участие в спорах, то пытался перевести их в более спокойное русло, умело срезая опасные углы со свойственной ему деликатностью.

Он вел собрание по моему исключению из ВЛКСМ и заседание комитета по восстановлению в вузе. Я никогда не говорил с ним на эту тему, но что-то мне подсказывало: Володя, насколько мог, сдерживал напор моих противников на собрании, даже, возможно, одной лишь своей, как бы нейтральной, манерой ведущего, а на комитете — наоборот, эта же манера, с другими нюансами, незаметно склоняла чашу весов в мою пользу. Поближе познакомившись с ним, я почти уверился, что все так и было.

...В общем, Галина Григорьевна о моей «эпопее» знала не от посторонних людей. Поэтому делилась со мной некоторой «закрытой информацией» (или «для служебного пользования», что одно и то же). Она принесла домой и позволила мне сделать выписки из машинописных материалов совещания заведующих кафедрами общественных наук вузов Москвы, которое состоялось в Московском горкоме КПСС 4 сентября 1965 г. Речь там, помимо всего прочего, шла об ошибках, допущенных в годы правления Н. С. Хрущева.

«1) Принижалась теория, извращалась деятельность партии в период борьбы за построение социализма под видом критики культа личности. Некоторые предлагали уделять особое внимание последнему десятилетию. 2) Тенденция к ликвидации закона единства и борьбы противоположностей. 3) Принижалась экономическая теория. 4) Октябрьская революция трактовалась как мирная и бескровная, это противоречит ленинской теории социалистической революции, которая вместе с тем и теория мировой социалистической революции. 5) Коллективизация, в основном, проведена по-ленински. 6) Субъективность в освещении истории Отечественной войны. 7) Превозносились люди, стоящие на троцкистских, меньшевистских позициях: Минин, Раскольников (чернил и оплевывал все наши достижения; только безответственные люди могут расценивать отказ вернуться как подвиг), Стеклов (вел борьбу за срыв Октября, “душитель революции”, по выражению Ленина в сборнике “От Февраля к Октябрю”). 8) Увлечлись лозунгом мирного сосуществования. Лозунг: “Кто кого” в международном масштабе еще не снят.

Как относиться к культуре личности Сталина? Руководствуясь Постановлением ЦК КПСС от 30 июня 1956 г. Но мы стали чернить деятельность партии, ударились в негативную сторону. Период социализма нельзя понять без работ

Сталина. Он писал сам. У него есть выдающиеся произведения. О работе “Марксизм и национальный вопрос” высоко отзывался Ленин. Надо изучать “Об основах ленинизма”, “Еще раз о социал-демократическом уклоне”, “О Великой Отечественной войне”. Конечно, нельзя забывать и отрицательные стороны в деятельности Сталина, репрессии, например, трудно забыть, но “поминальники” (заметки в печати о погибших при Сталине деятелях КПСС и советского государства к юбилеям их рождения. — *В. П.*) надо прекратить. Критики тех или иных теоретических ошибок Сталина было много, но ни одного обстоятельного разбора ошибок, в том числе и в работе “Экономические проблемы социализма”, не было.

Учебник “История КПСС” выпуска 1963 г. проникнут субъективизмом, надо создавать новый. Решения Пленумов ЦК КПСС 1957 г. никто не отменял. Антипартийная группа выступала с позиций догматизма, за оставление старых методов, сложившихся в период культа личности Сталина».

Моя дружба с Г. Г. Кравченко длилась до самого ее отъезда в 2007 г. в город, где она родилась. Там, в Санкт-Петербурге, через два с половиной месяца она упокоилась и погребена рядом со своей матерью, умершей во время блокады. Последняя запись в ее личном дневнике — есенинская строка: «Не жалею, не зову, не плачу...»

Я часто вспоминаю Г. Г. Кравченко. В трудные моменты жизни она всегда поддерживала меня. Так было, когда в «Камчатской правде» появилась статья против меня. Отклик Галины Григорьевны редакции пришлось поместить вместе с письмом вдовы фронтовика Марии Степановны Медведевой «Я благодарна Пустовиту» [64]. (Ей я помог с публикацией рукописи мужа о войне.)

...Нашу пассивную антисоветскую группу волновали различные вопросы, но чаще всего, когда речь заходила о литературе и искусстве, мы недобрым словом поминали цензуру. И вот весной 1967 г., незадолго до госэкзаменов, я составил «Проект Закона о печати», предварительно обсудив наметки с друзьями в «опальном доме». Так сказать, пофантазировал малость. Проект насчитывал шесть пунктов.

«1. Право на издание газет (журналов), книг, брошюр имеет любая политическая, культурная, творческая, экономическая, техническая, общественная и другая организация, а также каждая социальная группа, государственные органы.

2. Печатное издание финансируется членами данной организации, представительным комитетом социальной группы и государством (если это государственное издание).

3. Государство предоставляет издателю все полиграфические средства, имеющиеся в его распоряжении, за определенную мзду, размеры которой устанавливаются на договорных началах.

Закон о печати (проект)

1. Печать на Украине газет (не считая ^{книг, брошюр} и листов), журналов, альманахов, иллюстрированных, фотонаучных, фотонаучно-технических, технических, обиходных и др. организаций, а также отдельных предприятий, учреждений, организаций.
 2. Печатное издание финансируется главным образом государством, представляющим Комитетом социальной печати и издается (если это гос. издание).
 3. Гос-во предоставляет Украине все необходимые средства, имеющие силу в ее республике, за исключением изданий, издаваемых на государственном языке.
 4. Цензура осуществляется в целях государственной безопасности в сфере военных изданий, религиозных следствий общественного характера.
- «... все издания всех предприятий свободно изданы и распространены» (Ленин)
- «Теперь украинские издания сов. печати, со всеми обязательствами, в том числе осуществлению их, являются частью украинского народа и украинского государства. Украинские издания, содержащие украинские материалы, должны распространяться на территории Украины» (В. И. Ленин, РСС, т. 34 стр. 212)
5. Издания (равно как и автор публикации) принадлежат к государственной собственности в следующих случаях:
 - а) если в публикации содержится призыв к государственному перевороту.
 - б) если публикация оскорбляет или унижает достоинство народа Украины.
 - в) если издание либо публикация является государственными.
 6. Гос-во предоставляет всем гражданам Украины в сфере печати льготы.

Рукопись проекта «Закона о печати» (из личного архива автора)

4. Цензура осуществляется в целях недопущения выхода в свет печатных изданий, разглашающих сведения оборонного характера.

5. Издатель (равно как и автор публикации) привлекается к судебной ответственности в следующих случаях: а) если в публикации содержится призыв к насильственному свержению строя; б) если публикация оскорбляет или унижает достоинство любого гражданина; в) если издание либо публикация является порнографическим.

6. Государство приостанавливает действие пункта 1 Закона лишь в случае войны».

Для придания заведомо неосуществимому проекту некой «невинности» я предварил его парочкой цитат из товарища Ульянова-Ленина. В первом случае без ссылки на работу вождя, во втором — указав, откуда взято. «... все мнения *всех* граждан свободно можно оглашать» (Ленин). «При издании больших советских газет, со всеми объявлениями, вполне осуществимо было бы обеспечить выражение своих мнений гораздо более широкому числу граждан, скажем, каждой группе, собравшей определенное число подписей. Свобода печати *на деле* стала бы несравненно полнее при таком преобразовании» (В. И. Ленин, ПСС, т. 34, с. 212.).

Цитаты, конечно же, положение не спасали. Ведь только что исключили из КПСС и изгнали со службы офицера ВМФ Владимира Науменкова несмотря на то, что в его произведениях художественных ссылок на Ильича было предостаточно. И опять же, наказан он был, якобы, в основном за другое — за неподобающее поведение, а не за (первый выговор по партийной линии) «элементы безыдейности в поэтическом творчестве и искажение советской действительности в отдельных стихах». Ну до чего ж похоже! У меня тоже — «аморальное поведение»...

...К советской истории как таковой я вернулся в начале 1970-х. «Копал» себе потихоньку из интереса в областном краеведческом музее да записывал в общие тетрадки.

Мои частые посещения музея, находившегося через дом от УКГБ, не остались незамеченными. В январе 1973 г. ко мне в гости пожаловал подполковник В. А. Шаргаев — главный «куратор» камчатской интеллигенции от своего ведомства, мой знакомец по 1969 г. — по второму приводу в КГБ в связи с чехословацкими событиями [65].

Такие визитеры всегда некстати, но в начале 1973 г. я вообще не мог взять в толк, что ему надо. Беседа была какая-то хаотическая, подполковник перескакивал с одного вопроса на другой, но все они касались современной политики КПСС и ее истории. Воспроизвожу слова гостя в изложении и цитатно.

Сталин многому научил партию. Гарантия от культа личности — двадцать один член и кандидат Политбюро. Но там тоже люди, им тоже свойственно ошибаться. Главное — иметь твердое мировоззрение, а временные

установки могут быть критикуемы. О последних почестях (похоронах) Хрущева: «Не так надо было бы...»

Стенограммы Пленумов ЦК КПСС выпускать нецелесообразно, только давать пищу буржуазной пропаганде. «Скажу по секрету: Сталин боялся Кирова». Насчет моих вызовов в КГБ: «Нет, не говори, сначала ты озлобился...» Двадцатый съезд необходим был. Публиковать Солженицына, чтобы составили мнение все, рано. Многие не подготовлены, не так воспримут. Больше вреда, чем пользы. «Зачем телефон выбросил? Думаешь, подслушиваем?»

Я сначала не догадывался, чем вызван неожиданный визит подполковника. Но в августе того же года узнал от Владимира Науменкова, что с ним тоже побеседовали. В. А. Шаргаев просил его «дружески повлиять» на меня. «Все это (дело Кирова и т. п.) никому не нужно. Быльем поросло», — сказал он.

...К этому времени я уже «выжал» из музея по С. М. Кирову все, что только можно. Общие тетрадки с записями пролежали потом без движения, пока не грянула перестройка. Я имею в виду уже упоминавшийся очерк-гипотезу «Закат на рассвете», опубликованный осенью 1988 г. в камчатской областной молодежной газете [64] и перепечатанный «Магаданским комсомольцем» [65]. Куда раньше столичных авторов, в том числе из института истории партии при Ленинградском обкоме КПСС, пользуясь только открытыми (газетными и книжными) источниками, я выдвинул три версии убийства С. М. Кирова и напрямую вывел этот террористический акт из всей большевистской практики — как до-, так и послереволюционной.

В «Камчатской правде» в 1989-м я завел рубрику «Исторический календарь», писал статьи по материалам ГАКО. А в 1992 г. вообще «разгулялся». Главный редактор газеты Г. Треумова то ли в шутку, то ли всерьез повторяла, что у нее аллергия на мою историческую публицистику, но ни одной статьи не «зарубила» и ни одной запятой не тронула.

Однако больше всего мне пригодилось «опасное увлечение» 1960-х гг., точнее, запас знаний, полученный тогда в бывшем обкомовском полуподвале — в Центре документации новейшей истории Камчатской области, куда я попал благодаря давнему приятелю, журналисту и литератору В. И. Лихно и где продержался двенадцать лет и четыре месяца. Фонды камчатского партархива (большая часть документов с грифом секретности) были почти не тронуты исследователями.

Подтвердились мои давние подозрения: советская Камчатка — Камчатка неизвестная. Не говоря уже о периоде революции и гражданской войны в России. Прошлое оказалось совсем не таким, каким его подавали нам всем ранее. Вдобавок, на исторической карте Камчатки XX века я обнаружил «белые пятна» и, конечно же, попытался стереть их. Мне было чрезвычайно интересно. Я чувствовал себя первооткрывателем и своего рода реставратором.

Кое-где в моих работах проскальзывают эмоции. Оно и понятно: ведь, помимо истории, у меня еще одна любовь — литература, и я всю жизнь разрывался между ними. Но, надеюсь, это не те штрихи, которые способны повредить ту или иную картину в целом.

Порой я спрашиваю себя, откуда возникло это, некогда опасное, увлечение историей. Скорее всего, передалось от матери Натальи Терентьевны Дрюченко, школьной учительницы. Она перед Отечественной войной окончила Ростовский пединститут и преподавала там же, на Дону, общественные дисциплины...

ИСТОЧНИКИ

1. ЦДНИКО. Ф. 544. Оп. 1. Д. 4. Л. 11—12.
2. Там же. Ф. 720. Оп. 1. Д. 19. Л. 2.
3. Там же.
4. Там же. Л. 2 об.
5. Там же. Ф. 76. Оп. 1. Д. 44. Л. 4.
6. Там же. Л. 5.
7. Там же. Ф. 695. Оп. 1. Д. 10. Л. 5.
8. Там же. Ф. 749. Оп. 1. Д. 8. Л. 8.
9. Там же. Ф. 605. Оп. 2. Д. 4. Л. 5.
10. Там же. Ф. 544. Оп. 1. Д. 4. Л. 11.
11. *Назаров Б. А., Гриднева О. В.* К вопросу об отставании драматургии и театра // Вопросы философии. — 1956. — № 5.
12. Там же.
13. Там же.
14. *Сталин И. В.* Собр. соч. — Т. 5. — С. 71.
15. Толковый словарь русского языка / Под ред. Д. Н. Ушакова. — Т. 2. — М., 1938. — С. 847.
16. Всесоюзное совещание историков. — М., 1964. — С. 298.
17. Призывы ЦК КПСС к 1 Мая 1962 года // Правда. — 1962. — 15 апр.
18. *Солженицын А. И.* Малое собр. соч. — Т. 3. — М., 1991. — С. 87.
19. *Балдаев Д. С.* Словарь блатного воровского жаргона. Феня. В 2-х т. — М., 1997.
20. Там же.
21. *Пустовит В. П.* Солнце изнутри: Проза. Поэзия. — Петропавловск-Камчатский, 2006. (Библ. «Новой книги», Большая сер.). — С. 133—134.
22. ЦДНИКО. Ф. 77. Оп. 6. Д. 45. Л. 46.
23. Там же. Ф. 2. Оп. 2. Д. 63. Л. 274.
24. Уголовный Кодекс РСФСР. — М., 1971. — С. 36.
25. ЦДНИКО. ОФ. Д. 1734. Л. 248—249.
26. Там же. Л. 400, 401, 408.
27. Там же. Л. 371.
28. Там же. ОФ. Д. 1740. Л. 113.

29. Там же. Ф. 45. Оп. 1. Д. 33. Л. 13.
30. Там же. Ф. 2. Оп. 2. Д. 461. Л. 60 об.
31. Там же. Ф. 77. Оп. 1. Д. 256. Л. 1.
32. Там же.
33. Там же. Л. 2.
34. Там же. Л. 4.
35. Там же.
36. Там же.
37. Там же. Л. 5.
38. Там же. Л. 3—4.
39. Там же. Л. 5.
40. Там же.
41. Там же.
42. Там же. Л. 5—6.
43. Там же. Л. 7.
44. Там же.
45. Там же.
46. Там же.
47. Там же.
48. Там же. Ф. 77. Оп. 6. Д. 54. Л. 74.
49. Камчатский комсомолец. — 1988. — 20 февр.
50. ЦДНИКО. ОФ. Д. 1734. Л. 248—249.
51. Там же. Ф. 13. Оп. 45. Д. 95. Л. 31, 32, 34, 42.
52. Там же. Ф. 77. Оп. 1. Д. 256. Л. 6.
53. Там же. Ф. 2. Оп. 34. Д. 48. Л. 84.
54. Там же. Ф. 77. Оп. 1. Д. 256. Л. 32.
55. Там же. Л. 33.
56. Там же. Ф. 2. Оп. 2. Д. 1685. Л. 6—7.
57. Там же. Д. 1684. Л. 29.
58. Там же. Д. 799. Л. 9.
59. Там же. ОФ. Д. 3449. Л. 144.
60. Там же. Ф. 282. Оп. 1. Д. 18. Л. 10.
61. Там же. Ф. 77. Оп. 1. Д. 256. Л. 33.
62. Там же. Л. 35.
63. Там же.
64. Камчатская правда. — 1994. — 26 апр.; 24 мая.
65. *Пустовит В. П.* Поэзия, «Уловы» и свобода // Вопросы истории рыбной промышленности Камчатки. — Вып. 10. — Петропавловск-Камчатский, 2007. — С. 314—321.
66. Камчатский комсомолец. — 1988. — 24 сент.; 1, 7, 15 окт.
67. Магаданский комсомолец. — 1989. — 5, 12, 19, 26 февр.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Абрамова Е. П.** — 206
 Абубукеров — 54
 Агутин — 173
 Адуканов М. — 227
 Аким Я. — 420
 Акинчиц И. А. — 187
 Акишин М. О. — 300
 Аксенов В. — 424, 443
 Акшинский — 153, 213
 Александр I — 332
 Александр II — 339
 Алексей Михайлович, царь — 300
 Алексеев В. И. — 423, 433—435, 442, 450
 Алексеев Ф. — 18
 Алексеева Н. Г. — 272
 Андржеевский В. М. — 358—359
 Андриевич В. К. — 318
 Анисимов (Нестор), свящ. — 157, 159, 171, 284—285, 292
 Аничков Н. — 197
 Анна Иоанновна, имп. — 319—320
 Анкундинов — 28, 43, 46, 48
 Антонов К. Ф. — 235
 Антонов Ф. — 235
 Антропов — 126
 Анциферов — 237
 Арбузов — 48
 Аркашев А. — 324
 Арманд И. — 425
 Арсеньев В. К. — 262
 Артюхин В. И. — 358
 Архангельский А. А. — 170, 196, 200
 Архенгельская А. А. — 196
 Асеев А. И. — 362
 Атласов В. — 242, 268, 277, 300—304, 310
 Афанасьев — 70
 Афанасьев А. А. — 361
Бабенков — 434
 Барагин Е. И. — 197
 Баранов А. А. — 344
 Баранов И. Н. — 447
 Баранов П. — 197
 Баранова В. Г. — 361
 Басов Е. С. — 248, 344
 Батурин И. — 238
 Бахрушин С. В. — 300
 Бачище В. Д. — 422
 Бедный Д. — 140
 Беккерев Г. И. — 247
 Белокопытов П. — 53
 Белопольский — 224
 Бельский С. — 335, 338
 Белый И. — 343
 Беляев Г. Р. — 439, 447—448
 Беляев С. П. — 364
 Бем М. К. — 238—239, 278, 325—326
 Бендриков К. М. — 359
 Беневский А. М. — 238, 325
 Бергман С. — 247
 Бердник П. М. — 445
 Беринг В. Й. — 18, 19, 308, 317—318, 343, 344
 Берия Л. — 436
 Бечевин И. — 344
 Биллингс (Белингс) И. И. — 19, 329, 345
 Битюков — 195
 Бишев Л. — 314
 Бобриков И. И. — 196
 Бобровский С. — 315—316
 Бобряков А. М. — 196
 Бобряков П. М. — 182
 Бобряков С. И. — 182
 Бобрякова А. С. — 187
 Бобрякова В. Г. — 272
 Богатырев — 174
 Богданов А. — 159
 Богоявленский П. Н. — 429
 Бондарев М. В. — 375
 Бондарева Н. А. — 429, 440, 442, 456
 Борисевич — 153
 Борисов В. Г. — 253
 Борисов М. — 317
 Бриль — 325
 Бритченко С. П. — 375, 377
 Брюс — 97
 Бубенцов Г. П. — 438—439
 Бубенцов Л. И. — 429, 437
 Бузин Д. С. — 179, 212
 Бурачек — 337
 Бурлакова З. — 287
 Бурмак — 297
 Бурнатов А. — 210
 Бурнашов — 195
 Бутин И. — 317
 Бухарин Н. И. — 422
 Бухонин И. Н. — 375
 Бучинский Т. И., свящ. — 166, 170, 197, 200

- Бучель — 153
 Бушин — 378
 Бушуев А. С. — 180
Ваганов — 440, 461, 470
 Вальтон В. — 344
 Варсонофий, еписк. — 175
 Васильев — 23, 192
 Васильев Р. С. — 196, 200
 Васильева — 153
 Вачинский — 181
 Вениаминов И. — 240, 243, 279
 Вениаминов С. — 243
 Верещагин К. В. — 197, 200
 Виллье Р. К. — 36
 Винбладт А. — 238
 Виноградов А. Н. — 362
 Витер И. В. — 206
 Водюшкина — 296
 Возный М. В. — 208
 Войт В. К. — 5, 7
 Воловников М. П. — 208
 Волокитин — 224
 Вольский М. П. — 241
 Воронцов — 67
 Ворошилов — 162, 293
 Ворошилов Г. А. — 132, 196
 Ворошилов И. — 188, 196
 Ворошилов К. И. — 1097
 Ворошилов Н. А. — 197, 200
 Ворошилов М. А. — 260
 Ворошилов П. М., свящ. — 166, 170, 178, 182—183, 186, 188, 196
 Ворошилов С. — 182
 Ворошилова К. С. — 180
 Ворошилова П. Д. — 272
 Ворошилова Ф. А. — 186
 Воскобойников В. И. — 245
 Вульф И. П. — 322
Гаврилов — 23, 25, 38, 42, 51, 112
 Гаврилов С. В. — 254
 Гагарин М. П. — 315—316
 Гайсин — 462
 Галкин Г. — 225
 Гарднер В. К. — 196, 216
 Гарднер Е. К. — 196
 Гарднер К. К. — 169, 196
 Гарднер П. К. — 169, 196
 Гез — 79
 Гезехус — 28, 38
 Гек Ф. — 254, 296
 Гильцебах И. — 341, 350
 Глотов С. Г. — 322
 Глушков А. И. — 372
 Гоголь Н. В. — 338
 Голеницев А. В. — 21, 22, 240, 243, 264, 278, 294, 333—334
 Голиковы — 19
 Голованов И. Ф. — 148, 263
 Головачев П. М. — 301
 Головин В. — 268
 Голубев А. К. — 177, 185, 200
 Голыгин И. — 248
 Гольгин И. О. — 242
 Гольденберг Л. А. — 313, 343
 Гончаров Ю. А. — 373
 Гордеев — 292
 Грачев И. И. — 151
 Гребенщиков М. — 301
 Гречко А. — 446—447
 Грибачев Н. — 429
 Григорьев — 148
 Гронский А. М. — 434
 Громов П. — 240, 243, 249, 279
 Гропянов Е. В. — 438, 447, 453
 Губарев — 38, 42, 90, 92
 Гуль Р. — 464
 Гультен Э. — 295
 Гурвич И. С. — 270
 Гуртовенко — 183
 Гусев Г. Н. — 379
Давыдов — 48
 Давыдов П. И. — 423
 Даниил, епископ Охотский (Шерстеников) — 167—169, 171, 174
 Данилов А. — 54
 Данилов А. М. — 290
 Даниэль Ю. — 464
 Делиль И. Н. — 342
 Делю Г. Л. — 375
 Дементьев — 48, 53
 Демидов В. Я. — 183
 Демидов И. Я. — 179, 181—182, 186
 Демидова М. К. — 273
 Дигай Ф. — 210
 Дитмар К. — 234, 251, 260, 279, 290, 339
 Домбровский И. А. — 374
 Домман А. — 142
 Доний И. П. — 298
 Дрешер А. М. — 376
 Дрюченко Н. Т. — 482
 Дубровин — 153
 Дудинцев В. — 419—420, 452

- Дудник Ж. Т. — 376
 Дурасов И. — 343
 Дьяконов К. К. — 377
 Дьяконов С. — 145
 Дюков Е. — 338
 Дюрягин Н. И. — 374
Еврейнов И. — 18
 Евсевий, архиеп. — 171
 Евстафьев Г. — 54
 Евтушенко В. Д. — 374
 Евтушенко Е. — 429, 464
 Егоров — 297
 Егоров А. — 255
 Екатерина II, имп. — 10, 19, 325—326
 Екимцев — 370
 Елагин И. — 344
 Елизавета Петровна, имп. — 13, 19
 Ельчин Я. А. — 311
 Емельянов — 153
 Еременко А. С. — 176, 194, 196, 200
 Еременко В. Т. — 373, 375
 Ерохин М., свящ. — 167
 Ершов А. Н. — 370
 Есауленко К. Е. — 433—434
 Есенин С. — 438
 Ефимов А. В. — 248
Жданов Н. — 317
 Железнов Д. Е. — 153
 Живоглядов А. Б. — 429, 469
 Жидяевский М. А. — 159
 Жилкин — 48, 53
 Жужгов — 151
 Журавский А. П. — 207
Забела Я. Е. — 333—334
 Забелин — 418
 Завойко В. С. — 6, 24, 32, 33, 35, 37, 38, 40, 41, 42, 44, 47, 48, 51, 52, 54, 55, 59, 63, 64, 72, 73, 76, 78, 83, 260, 295, 336—338
 Завойко Ю. Г. — 6, 83, 86, 290
 Закржевский В. И. — 169
 Заньков К. П. — 375, 377
 Заочный С. П. — 162
 Зарудный М. Н. — 38, 335
 Захарова М. В. — 273
 Зимина В. И. — 272
 Зиновьев — 422
 Зиновьев (Многогрешный) М. — 301, 303—304, 342
 Зубов В. Е. — 327
 Зубрицкий — 324
Иванов Е. — 240
 Иванов К. — 319
 Иванов Л. Т. — 434
 Иванович — 341, 349
 Ивашкин П. Г. — 210
 Ивашкин П. М. — 13
 Игошин М. Н. — 423—424
 Игошин Н. — 417—418, 422, 425—427, 429, 432, 436—438, 441, 446, 473
 Извекоев — 324
 Измайлов М. П. — 315
 Изьльметьев — 23, 20, 46, 112
 Ильин — 224, 284
 Ильина Г. А. — 435
 Ильинский В. — 340—341
 Иннокентий — 32
 Иона, иеромонах — 53
Кайсаров — 46
 Какаулин Ф. — 192
 Камеомеа III — 36, 37
 Капитонова Т. Н. — 370
 Карандашев — 52
 Каргопольцев Н. — 166, 170, 196
 Карелин С. — 186
 Карелина М. К. — 186
 Карелина В. И. — 376
 Карпухин В. И. — 376
 Карякин П. — 317
 Качанов В. — 314
 Качанов Ф. Р. — 302
 Квасов — 251
 Кегель — 242
 Киргизов — 309
 Кириллов А. — 292, 327
 Кириллов И. К. — 315, 342
 Кириченко П. П. — 372
 Киров С. М. — 445, 481
 Кирсанов С. — 419
 Киселев — 44, 364
 Киселев П. Д. — 377
 Кисин А. — 255
 Кияшко А. В. — 196
 Клепиков Г. Н. — 375
 Климовский А. Ф. — 197, 200
 Клочков П. М. — 207, 209
 Клочкова Е. М. — 207
 Княжин В. — 314
 Князев — 224
 Кобелев Т. Р. — 303—304
 Ковалев М. Я. — 198
 Ковалевский — 139

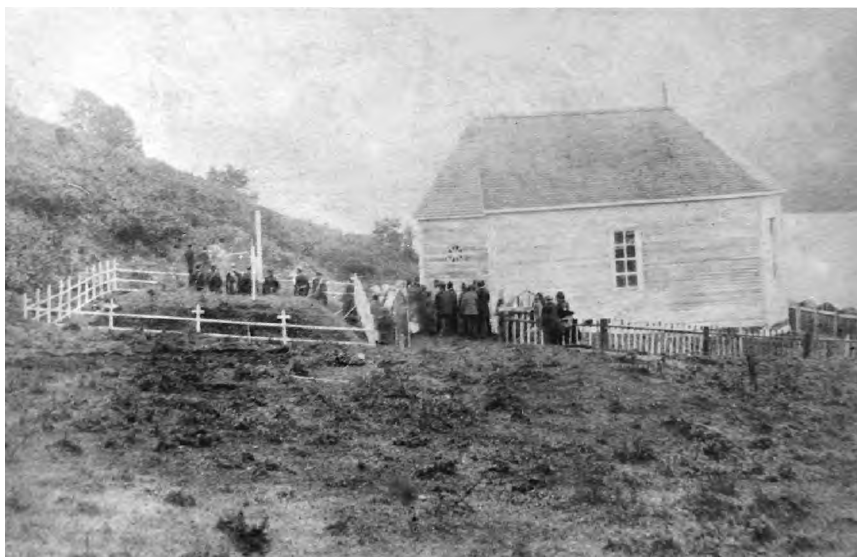
- Коваленко — 185
 Кожедей К. П. — 431—432, 436, 439
 Козловский С. А. — 366—367
 Козырев — 195
 Козырев К. А. — 367, 372
 Козыревский — 237, 312—313
 Кокурин — 153
 Колегин — 295
 Колесниченко В. С. — 359
 Колесниченко Н. Н. — 379
 Колесов В. — 70, 309, 311
 Колесов Н. — 314
 Коллегов Геронтий, свящ. — 166, 196
 Коллегов Григ., свящ. — 166, 200, 241
 Коллегов И. — 279
 Коллегов М. — 53
 Коллонтай А. — 425—426
 Колокольцев — 38
 Колчак А. В. — 209
 Кольшкова А. — 464
 Комаров В. Л. — 235, 276
 Конради — 68, 69, 70
 Константин, вел. кн. — 63, 64, 67, 78
 Копьтин А. М. — 180—182, 187
 Кораллов — 28, 38, 47
 Корниенко — 154
 Корнилов — 51
 Коробков А. Д. — 452—453
 Коровиков А. — 472
 Коршунов В. К. — 181, 183
 Корякин П. — 317
 Косарев — 224
 Косыгин Е. П. — 125
 Косыгин И. Ин. — 132, 200
 Косыгин И. Н. — 290, 293
 Косыгин М. Н. — 287
 Косыгин Н. — 293
 Косыгин П. — 240
 Косьянюк А. В. — 379
 Котошихин Г. К. — 300
 Коцебу — 23
 Кошелев — 38, 330, 366
 Кошкарев И. — 182
 Кошкарев — 323
 Кравченко Г. Г. — 476—478
 Кравченко В. В. — 445, 470, 476—477
 Крамаренко Г. А. — 280
 Крашенинников С. П. — 237—238, 242, 248, 251, 292, 301, 303, 306, 310 318
 Крепак Н. Е. — 379
 Кривоногова Ф. Н. — 272
 Кривоносов А. — 341
 Кристирсон — 70
 Крогиус Ф. В. — 226
 Крузенштерн И. Ф. — 20
 Крупович А. А. — 359
 Крупская Н. К. — 422, 426
 Кручина В. М. — 211—212
 Крылов П. Н. — 344
 Крынин П. П. — 121, 157, 167
 Кубяк — 164, 193
 Кудяковский П. И. — 374
 Кузмищев П. Ф. — 275, 278, 333
 Кузьмич М. А. — 273
 Кулагин К. В. — 126
 Куницын — 153
 Курдюков — 297
 Куркужскино П. А. — 197
 Курохтина Н. — 468
 Кусков В. П. — 242, 250, 257, 276—277, 283, 285, 294
 Кушин — 93, 337
 Кушковский — 224
Лабонин Л. М. — 379
 Лавренков — 153
 Лагоза А. М. — 298
 Лангсдорф Г. И. — 260
 Ларионов И. Т. — 435, 440, 448
 Ларин Е. Е. — 158, 208—209, 211, 293
 Ласенко Л. — 445, 468
 Лебедев — 323
 Левкин — 156
 Левкович А. — 54
 Левченко С. — 285—286
 Ленин В. И. — 214, 256, 422, 425, 430—431, 442, 480
 Лепетюк А. В. — 442—443
 Лессепс Ж. Б. — 260, 328, 344
 Леццано — 239
 Лисянский М. П. — 20
 Литвинцов — 321
 Литке — 38, 249
 Лихно В. И. — 481
 Логинов А. — 53
 Логинов Г. — 41, 51, 53
 Логинов Г. К. — 197
 Логиновы М. и Г. — 237
 Лонгинов В. Н. — 201
 Лонгинов Н. А. — 197
 Лонгинов Н. К. — 166, 169
 Лонгинов П. В. — 200

Лоншакова М. А. — 273
 Лосев Н. — 237, 316
 Лохвицкий — 38, 55
 Лузин А. — 316
 Лузин Ф. — 18
 Луценко С. Г. — 377
 Львова С. — 293
 Ляве Я. — 338
Мазур К. И., свящ. — 174, 178—181, 183—184, 187, 196, 201
 Майсурадзе — 359
 Максutow А. П. — 28, 38, 46, 47, 51, 53, 93
 Максutow Д. П. — 23, 25, 26, 28, 38, 51 55, 63
 Малахов А. С. — 97
 Малков И. — 338
 Маловечкин П. С. — 208—209
 Маловечкина Л. С. — 273
 Мальков И. — 143
 Мальцев В. — 181
 Мальцев М. Г. — 182
 Мамрук С. Я. — 126
 Манаев И. Ф. — 197, 201
 Маргаритов В. П. — 304, 311
 Мариманов — 148
 Марков А. И. — 218
 Мартыненко В. П. — 284
 Мартынов — 63, 64, 78, 107, 118
 Мартышок — 368
 Матусевич А. З. — 363
 Матюшев Ф. А. — 364, 367
 Машихин И. Е. — 196
 Машихина Л. И. — 272
 Медведева М. С. — 478
 Медзьховский В. Ю. — 358
 Мейя — 127, 195
 Меркулов Ф. С. — 376
 Мерлин В. Ф. — 19, 321
 Мироманов — 151
 Миронов И. — 249
 Мирошкин Н. А. — 165, 171, 192
 Мирошкин Н. А. — 197
 Мирошкина А. В. — 197
 Михайлов, мичман — 25, 28, 38, 48, 54
 Михайлов И. К. — 201
 Михайлова А. Г. — 272
 Михайлова Ф. Г. — 186
 Михайловский — 294
 Многогрешный Д. И. — 304
 Можайский — 43, 45
 Моисеев Р. С. — 472
 Моисеенко — 224
 Молодцева Р. — 298
 Молокова М. Н. — 293
 Молотов В. М. — 225
 Морозов И. — 464
 Мравинский — 38
 Муравьев Н. Н. — 32, 51, 52, 55, 60, 63, 65, 66, 68, 73, 335—336
 Мурашко О. — 282
 Мutowин — 91
 Мухин А. Л. — 125
Нагаева С. Б. — 422
 Назимов П. Н. — 31—32, 95, 112
 Науменков В. — 454, 463, 468, 472, 480
 Невельской — 32, 56, 60, 75—77, 82
 Неводчиков М. В. — 249
 Несытов А. И. — 371
 Нечаев В. — 193
 Никифоров Н. — 240
 Никифоров С. — 240
 Николаев — 185, 224
 Николай Павлович, имп. — 93
 Никольский — 224
 Никольсон — 71
 Нилов Г. — 238, 324—325
 Нифонт, свящ. — 137—138, 166, 197
 Новиков Д. В. — 290
 Новограбленный — 51
 Новограбленов П. Т. — 148, 208
 Новокрещенов В. — 464
 Носов А. — 420
Овцын Д. — 133
 Огородников В. А. — 207
 Огрызко — 268, 275, 294
 Ольгин Я. — 335
 Орлов — 291, 297
 Орлов М. А. — 434, 450, 452, 474
 Орлова Е. П. — 274, 289—290
 Осипов — 418
 Осипский — 134—138
 Осьминина Л. — 468—469
 Охапкин П. Г. — 135—137
 Ощепьев М. П. — 165, 201
Павел I, имп. — 19
 Павленко — 153
 Павлуцкий Д. И. — 18, 321
 Павлуцкий И. — 431
 Падерин — 284
 Панов — 148
 Панов В. — 238

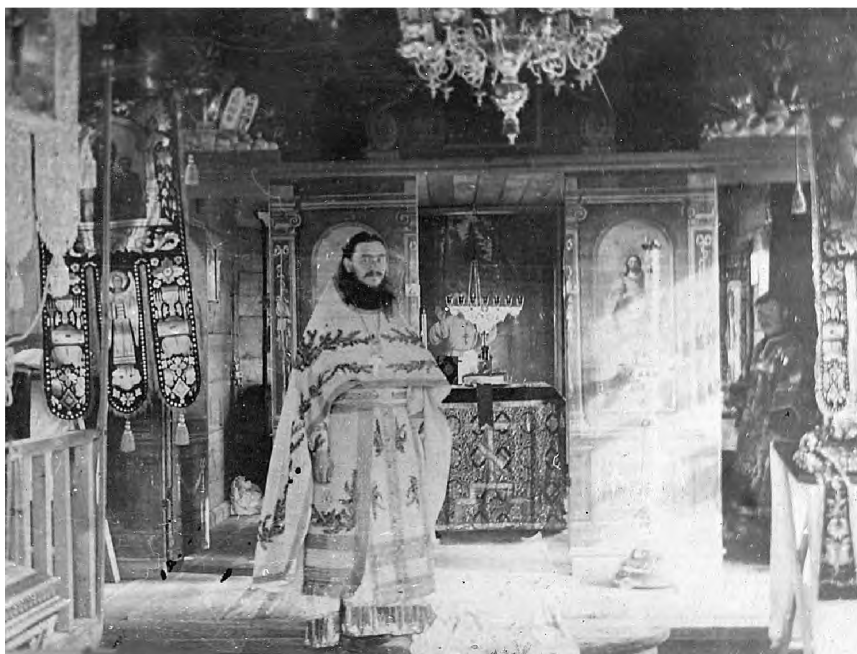
- Панов Е. — 235
 Панова А. М. — 235
 Пантелеймон, еписк. — 173
 Пасов — 296
 Передерий П. Т. — 296
 Переяславцев Э. Б. — 367
 Пермякова А. С. — 272
 Перфильев В. В. — 340—341
 Петр I, Великий — 18, 305, 312—315
 Петраш П. Е. — 202
 Петренко — 181—182
 Петриловский А. — 312—314
 Петров В. А. — 162
 Петровский — 330
 Петропавловский В. И. — 373
 Петрук Н. А., свящ. — 174, 196, 202
 Пийп Б. И. — 275, 287
 Пилкин — 48
 Пиль И. А. — 329, 345
 Пименов — 280
 Пинигин К. — 181—183, 202
 Пинигина С. Ф. — 192
 Пинигина Ф. Н. — 272
 Пинчук Ф. Я. — 272
 Пискунов Н. Г. — 378
 Питерс В. — 328
 Питин Н. И. — 374—375
 Плеханов Г. Н. — 375
 Плоткин Л. — 419—420
 Плотников А. Н. — 181
 Плотников М. — 183
 Плотников Н. И. — 180
 Плотников П. А. — 183, 186
 Плотников Ф. П. — 181
 Плотникова Г. М. — 272
 Плотникова М. Г. — 266
 Поваляев Л. Ф. — 379
 Погосов С. Г. — 377—378
 Подпругин В. — 197
 Полевой Б. П. — 242, 277, 302, 303, 313
 Политковский — 66, 68
 Полищук — 135
 Поляков Г. Я. — 373
 Пономарев — 126, 138—139
 Пономарев М. М. — 206—207
 Пономарев С. Т. — 322
 Понягаев — 136, 138
 Попов — 23, 25, 38, 42, 48, 70
 Попов А. — 237
 Попов В. — 54
 Попов В. И. — 377
 Попов Д. А. — 379
 Попов М. — 251
 Пороковы Г. В и Г. Г. — 295
 Портнягин — 324
 Поспелов П. Н. — 422
 Потапов И. Ф. — 181—183, 196
 Потапова Е. Г. — 272
 Прайс — 26, 30, 45, 50, 70, 71
 Привалов Е. М. — 370
 Примаков С. — 159
 Прозоров А. — 249
 Прусаков — 224
 Пуант — 30, 70, 71, 72
 Пурин П. А. — 207
 Пустовит В. П. — 120, 428, 436, 440—442, 445—446, 453, 469—471
 Пустовит П. А. — 433, 435, 446, 450
 Путятин Е. В. — 32, 33, 44, 61, 62, 70, 78
Радченко С. В. — 376
 Радченко С. Ф. — 374
 Раскольников Ф. Ф. — 472
 Ратманов И. А. — 249
 Рейнике Ф. — 239, 278, 325
 Ремезов М. — 266
 Рикорд Л. И. — 21, 84
 Рикорд П. И. — 21, 264, 269, 332
 Розов В. — 424
 Русаков — 156
 Русанов Н. М. — 192
 Русанов П. В. — 197
 Рыжков — 325
 Рыков — 422
 Рябиков И. В. — 237
Сабодаж Н. И. — 374
 Савинский — 195
 Савинский А. В. — 202
 Савинский А. И. — 184
 Савинский Д. Д. — 132
 Савич — 281
 Савченко-Славский М. И. — 209—210
 Сажин Н. Е. — 298
 Саксонов И. Н. — 366
 Самборко С. М. — 197
 Самохвалов — 39
 Сандул Н. — 468
 Саньков А. — 464, 468
 Саргычев Г. А. — 19, 329
 Саргычев И. В. — 335
 Сафронов Ф. Г. — 304
 Сахаров В. А. — 293
 Светлов Ф. М. — 377

- Свинын В. В. — 375
 Святец Н. М. — 372, 382
 Святогор Н. Г. — 375
 Сгибнев А. С. — 237, 239, 249, 260, 278, 301, 315, 324
 Севостьянов В. — 311
 Седовой — 153
 Селиванов — 184
 Селиванов К. Н. — 202
 Селиванова Е. А. — 272
 Семенов — 112, 296
 Семенов В. Е. — 249
 Семенов В. И. — 210
 Сенникова А. М. — 272
 Сепопальникова Е. М. — 192
 Сергеев М. А. — 256, 265
 Серебрянников В. — 324
 Серебрянников В. А. — 197, 202
 Сидорченко В. Ф. — 376
 Сильницкий А. П. — 5, 341, 349
 Симонец И. Н. — 298
 Синаев И. — 182
 Синетов Н. А. — 418
 Синченко — 224
 Синявский А. — 464
 Скалин С. — 319
 Скандраков — 48
 Скорняк С. С. — 197
 Скорняков-Писарев Г. Г. — 319—320
 Скотников В. В. — 452
 Слободчиков Е. И. — 197
 Слободчиков П. — 145
 Слободчиков П. П. — 161
 Словцов П. А. — 277, 301
 Слюнин Н. В. — 240, 268, 301, 314, 325
 Сметанин — 125
 Смирнов И. — 338
 Смирнов В. Н. — 369, 375
 Смоляр В. М. — 377
 Сновидов, свящ. — 138
 Сновидов Г. В. — 197
 Сновидов Н. И. — 197
 Сновидова Е. В. — 197
 Соболев, еписк. — 173
 Соболев — 224
 Соколов К. — 311
 Соколов О. А. — 367
 Соколовская В. — 445, 468
 Соленый А. — 54
 Солженицын А. И. — 427, 472
 Соловарин П. М. — 207
 Соловьев — 224
 Соловьев С. П. — 446, 455—457, 459
 Соловьев С. Ф. — 128, 129, 148
 Сомов А. А. — 19, 330
 Сомов Ф. Ф. — 341, 349
 Соснин — 297
 Соснин Н. Н. — 377
 Сперанский М. М. — 332, 349
 Спыблихин — 52, 52
 Срибный А. Л. — 371, 379
 Стадухин М. — 248
 Сталин И. В. — 256, 291, 417, 421, 426, 428
 Станицкий Ф. Е. — 333
 Стеллер Г. В. — 238, 278, 318—319, 321
 Степанов — 70
 Степанов А. — 54
 Степанов В. И. — 361
 Стрелкова О. В. — 293
 Суворовцев — 53
 Судейкин С. — 325
 Сумцов И. — 53
 Сусляк П. Я. — 207
 Суханов А. В. — 341, 349
 Сычев П. Т. — 208
 Сюткина Е. М. — 272—273
Талапиндов — 378
 Танеев В. И. — 474
 Телятьев — 183, 264
 Темнов — 185
 Тереник Л. — 467
 Терехина А. — 461—463, 467—469
 Тимофеев — 54
 Тимофеев Я. — 53
 Тироль — 51
 Титов В. — 464
 Толман О. П. — 272
 Толман Ф. — 125
 Тормасов П. — 53
 Траурнихт Д. А. — 311
 Треска Н. — 311, 317
 Треумова Г. — 481
 Трифанов С. — 317
 Троцкий Л. Д. — 419, 422—423, 442
 Турбаба — 296
 Тучков Е. — 140
 Тюменцев И. — 198
 Тюшов В. Н. — 170, 234, 239, 251, 273, 285, 286, 295
Уманский Ф. С. — 443
 Усов — 44

- Уколов В. И. — 374
Укусников П. — 240
Федермейер И. С. — 376
Федоров В. А. — 335
Федоров М. В. — 257
Федоров-Омулевский И. В. — 355
Фесун Н. А. — 6, 25, 26, 42, 43, 47,
48, 49, 53, 54, 94
Филимонов А. — 417—418, 422, 424,
426, 429, 441, 448, 463—464, 467, 474
Филимонов В. — 425—426, 429—430,
467
Филимонова В. Ф. — 429, 463, 467, 472
Филин А. Н. — 362
Финогенов А. И. — 736
Фишер — 264
Флетчер — 280
Фомин М. К. — 298
Фондезин В. П. и М. П. — 345
Фролов Н. Л. — 451—452
Фролов Н. П. — 148, 209
Хабаров Е. — 312
Хабаров Н. И. — 196—197
Халитов — 54
Харитонов И. — 315
Харчук Г. И. — 126
Хатаевич — 443
Хачиян Б. С. — 361
Хитрово — 67, 68
Ходаковский В. Н. — 400
Холодилов Ф. — 324
Холодов Н. В. — 208
Хромовский — 52
Хрущев Н. С. — 417, 421, 428, 435,
439, 450—451, 469, 477
Худенко Г. А. — 196
Чаплин П. А. — 237, 343
Чаплинский А. Г. — 206
Чарков — 294
Чередов В. — 323
Чередов Ф. — 323
Черкашина А. — 461
Чернеев А. А. — 378, 398
Черноштан А. Е. — 474
Чернышева Е. Д. — 272
Черняев П. С. — 368, 372
Чириков А. И. — 19
Чихачев — 112
Чмыхалов — 182
Чувин Г. Д. — 382
Чуковский К. И. — 427
Чумак С. С. — 371
Шабанов Л. Д. — 366
Шапошников А. — 324
Шаргаев В. А. — 480—481
Шарыпов — 112
Шаталина Е. Х. — 132
Шаталов В. С. — 244, 250, 276, 286
Шаталов Н. Н. — 247
Шаторин Г. Г. — 374
Шахов Я. И. — 240, 335
Шевцов — 295
Шелихов Г. И. — 19, 328—329, 344
Шемаева З. А. — 192
Шендрик Н. И. — 476
Шепатин М. А. — 366
Шепетько В. Н. — 376
Шерстенников П. К. — 185, 202
Шестаков — 18
Шигаев (Шагаев) Д. А. — 202
Шикер — 236
Шилов Г. И. — 298
Шипицын А., свящ. — 166, 196
Шипицын А. А. — 196
Шипицын В. А. — 196
Шмалев Т. — 238, 278
Шмидт П. Ю. — 261
Шпагин И. А. — 131, 165
Шпанберг М. П. — 19, 344
Штейнгель В. И. — 328, 345
Штейнгель И. Г. — 328
Щегорин — 170
Щегорин Ф. М. — 196
Щепоткин Ю. А. — 426
Щербаков Б. И. — 400
Щербачев А. — 323
Эмбер — 79
Эренбург И. — 428, 464
Югов — 323
Юрьев К. — 162
Юрьев С. — 287
Южно — 124, 184
Юхнович — 264
Яблоков — 40
Яковенко П. П. — 359
Яковлев Л. Я. (о. Леонтий) — 131, 132,
163, 165—166, 171—177, 183, 185,
194, 196, 202
Яковлев П. — 276
Ярославский Е. — 140
Ярославцев Я. — 310
Яшин А. — 421



Церковь на братской могиле в Петропавловске, конец XIX в.



Епископ Нестор (Анисимов) в Петропавловском соборе, 1910-е гг.



Церковь в с. Паратунка, сооруженная при участии И. Вениаминова.
Начало XX в.



Убранство паратункинской церкви, 1901 г. (из фондов Дальневосточной
государственной научной библиотеки, г. Хабаровск)



Виды камчатских церквей конца XIX — начала XX вв.



Священник о. Леонтий Яковлев
(фото из следственного дела)



Священник о. Нестор (Анисимов),
Петропавловск, 1910-е гг.



Петропавловский собор,
начало XX в.



Семья гижигинского священника, 1901 г. (из фондов Дальневосточной государственной научной библиотеки, г. Хабаровск)



Крестный ход в Петропавловске 14 ноября 1910 г.
(из фондов ГАКО)



Здание бывшей церкви во имя Святого Богоявления в с. Мильково



Здание бывшей мильковской церкви в 1970-е гг.



Комсомольцы и активисты Петропавловска — участники антиправославной театральной постановки. На дальнем плане слева — колокольня и купол Петропавловского собора. Вторая половина 1920-х гг.

Заведующий
Нижнекамчатским
начальным училищем
5 Дек. 1922г.
Н. Камчатск.

Н. Камчатскому Сельскому кооперативу.
46 В

На общем собрании общества было постановлено, урок закона Божия отменить. Однако вчера в день Введения во храм Пр. Богородицы, все ученики поголовно в училище не явились и были в часе занятый в церкви на богослужении. Как это понимать? Мне было заявлено о том что закон Божий отменяет два часа в неделю а в это время можно было заниматься более полезным делом. Теперь же после пропущенного дня в воскресенье пропущен понедельник и родители демонстративно заявили о том, что они все верующие и в христианские праздники учиться не позволят. Обидели тем что я убрал из класса образ Спасителя, пред тем как ~~ученики~~ ~~пели молитвы~~ Обязательного ходить в церковь, петь молитвы и пр. А учить эти молитвы, знать в честь чего устроил праздник. Собрание носило явно откровенно. Прошу сообщить мне ясно, как я должен воспитывать детей, в вере в Бога или против не. Иначе получите какой-то абсурд.

Заявление заведующего Нижнекамчатским начальным училищем от 5 декабря 1922 г. (ЦДНИКО. Ф. 1199. Оп. 1. Д. 2204. Л. 40)



Балаганы и собачий лагерь в Большерецке, 1910-е гг.



Группа жителей Большерецка в начале 1920-х гг.
Материалы шведской экспедиции



Хайрюзово. Жители у часовни, 1911 г.



Тигиль. Церковь и метеорологическая будка, 1911 г.



Мильково. Учителя и ученики, начало 1920-х гг. Фото С. Бергмана



Сотрудники Мильковского районного комитета КПСС, 1950-е гг.



«Метод народной стройки» на сооружении школы в Милькове, 1950-е гг.



Ноябрьская демонстрация трудящихся,
Мильково, 1980-е гг.



Панорама Мильковского леспромхоза,
1980-е гг.



Надежный деревенский транспорт



Переправа через реку Камчатку
на батах, 1950-е гг.



Поездка на конференцию,
Мильково, 1950-е гг.



Паровой катер «Камчатка»
на одноименной реке,
начало 1920-х гг.



Моторный катер «Амур» в среднем
течении реки Камчатки,
середина 1950-х гг.



П. А. Пустовит с семьей.
Львов, ноябрь 1947 г.



А. Терехина, героиня стихотворения
«Королева города», 1964 г.



Три друга: в центре со знаменем Н. Игошин, за ним А. Филимонов, справа
В. Пустовит. Петропавловск-Камчатский, 1 мая 1962 г.



«Опальный дом» в Петропавловске на улице Фрунзе, 86. Фотография сделана в 2002 г. Ныне этот дом полностью перестроен



Памятник Владлену Филимонову на Халактырском кладбище



Дмитрий Павлович и Валентина Феодосьевна Филимоновы, начало 1950-х гг.